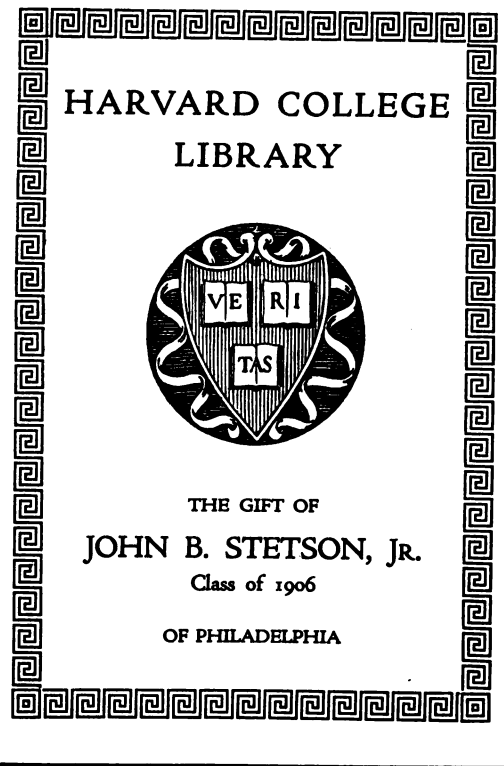

HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE RI
TAS
THE GIFT OF
JOHN B. STETSON, JR.
Class of 1906
OF PHILADELPHIA

3 Ro1

Максимъ Ковалевскій.

Отъ прямого народоправства къ представительному

и

отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ I.

Максимъ Ковалевскій.

Those who express any doubt as to the evolution of political institutions leave out of mind the fall of absolute monarchy as well as of aristocracy and the incessant progress of representative democracy
Maxime Kovalevsky

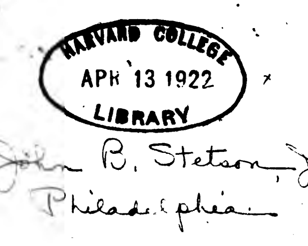
Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ I.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.

Москва.—1906.

HARVARD COLLEGE
APR 13 1922
LIBRARY
John B. Stetson, Jr.
Philadelphia

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я намѣренъ представить въ возможно сжатомъ видѣ исторію государства, насколько она выступаетъ въ доктринахъ важнѣйшихъ политическихъ писателей, какъ древняго, такъ и новаго міра. Моя книга — не исторія политическихъ ученій и еще менѣе -- исторія учрежденій. Это— попытка показать, что обѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ и не могутъ быть поняты одна безъ другой. Рядъ писателей (мнѣ достаточно припомнить въ настоящее время имена Поля Жанэ, Франка и Б. Н. Чичерина) задался уже мыслью изобразить общій ходъ развитія политическихъ теорій; одни излагали ихъ въ связи съ ученіями о нравственности, другіе — въ связи съ развитіемъ метафизики. Ни одинъ не счелъ нужнымъ показать болѣе тѣсную зависимость политической мысли отъ политической жизни; ни одинъ не вздумалъ искать зарожденія тѣхъ или другихъ доктринъ задолго до ихъ систематической передачи въ литературѣ брошюръ, народныхъ обыкновенно только по имени стихотвореній и въ тѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ временныхъ политическихъ настроеній, органомъ которыхъ періодическая печать сдѣлалась лишь за послѣдніе три вѣка. Изъ моей книги читатель узнаетъ, что ученіе объ ограниченной монархіи и о городской республикѣ въ средніе вѣка нашло выраженіе себѣ ранѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ политическихъ мыслителей, въ памфлетахъ, проповѣдяхъ, дидактическихъ виршахъ, пастырскихъ ученіяхъ, наконецъ, въ текстахъ манифестовъ и деклацій, поспѣшно редактированныхъ вожаками народныхъ жженій. Если того же въ равной степени мы не можемъ

установить по отношенію къ древности, то только благодаря тому, что политическая мысль ея извѣстна намъ болѣе или менѣе односторонне, по преимуществу изъ сочиненій Аристотеля и Платона, тогда какъ произведенія болѣе раннихъ писателей о государствѣ и правѣ, въ томъ числѣ софистовъ, и позднѣйшихъ по времени, напримѣръ, неоплатониковъ, или вовсе не дошли до насъ, или въ однихъ только незначительныхъ отрывкахъ и чужихъ передачахъ. Съ XVII столѣтія литература политическихъ брошюръ становится особенно богатой. Безъ знакомства съ нею трудно выяснить себѣ ходъ развитія ученія англійскихъ „уравнителей", оставившаго такой глубокій слѣдъ и на политическихъ писателяхъ XVII вѣка въ той же Англіи и на развитіи американской гражданственности.

Я довожу мой очеркъ роста политическихъ доктринъ до эпохи, предшествующей французской революціи, сообщая объ изучаемыхъ мною писателяхъ только тѣ біографическія данныя, какія необходимы для выясненія источниковъ того настроенія, въ какомъ написаны были ихъ трактаты, и тѣхъ ближайшихъ цѣлей, какія преслѣдовались ими. Въ ранѣе напечатанномъ мною сочиненіи, „Происхожденіе современной демократіи", читатели найдутъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ революціонныхъ ученій, основа которымъ была положена какъ англійскими мыслителями конца XVII столѣтія, такъ и французскими энциклопедистами и въ еще большей степени Монтескьё и Руссо. Съ конца XVIII столѣтія я слѣжу въ моемъ сочиненіи не за появленіемъ новыхъ писателей о политикѣ, а за развитіемъ ученія о современномъ государствѣ, какъ оно сложилось еще въ серединѣ XVIII вѣка. Заключительныя главы, посвященныя одна — характеристикѣ современнаго государства въ жизни и теоріи, а другая — обзору направленной противъ него критики, завершаютъ собою все сочиненіе и позволяютъ мнѣ обозрѣть общимъ взглядомъ поступательный ходъ государства со временъ аѳинской рес

публики и оканчивая французской. Еще недавно однимъ изъ выдающихся соціологовъ нашего времени, нынѣ умершимъ русскимъ сенаторомъ Лиліенфельдомъ, высказана была та мысль, что идея прогресса едва ли примѣнима къ исторіи государства и что, въ частности, формы политическаго устройства, извѣстныя еще Аристотелю, продолжаютъ жить и по настоящій день. Я полагаю, что въ моемъ сочиненіи приведено не мало данныхъ, позволяющихъ думать, что прогрессъ можетъ быть отмѣченъ и въ исторіи государства и что подъ старыми названіями, еще извѣстными Аристотелю, намъ приходится имѣть дѣло съ совершенно новыми политическими образованіями. Заглавіе моей книги вѣрно передаетъ мою основную мысль. Я думаю, что ходъ развитія сказался въ замѣнѣ прямого народоправства представительнымъ и патріархальной монархіи — парламентаризмомъ, или системою самоуправленія общества подъ главенствомъ наслѣдственнаго или избираемаго вождя. Но дѣйствительная природа этой эволюціи станетъ понятна только тогда, если мы примемъ во вниманіе параллельное развитіе самого общества, исчезновеніе въ немъ рабства и крѣпостничества и проведеніе въ жизнь той изополитіи, того равенства всѣхъ предъ закономъ и судомъ, къ которому тщетно стремилась еще аѳинская республика, при замкнутости въ ней сословій и устраненіи отъ политической жизни производительныхъ классовъ, начиная отъ рабовъ и оканчивая не только ѳетами и гелотами, но и періойками и метойками, т.-е. крестьянъ, рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Расширеніе круга лицъ, призванныхъ къ политической жизни, и рядомъ съ этимъ признаніе автономіи личности,—другими словами, равенства и свободы, обусловило собою въ равной мѣрѣ упадокъ и прямого народоправства, возможнаго лишь въ предѣлахъ одской республики и подъ условіемъ сосредоточенія поической власти въ рукахъ ограниченнаго числа гражданъ внаго города, и патріархальной монархіи, устраняющей

своей системою правительственной опеки возможность какъ общественной, такъ и личной свободы. Замѣна тѣхъ и другихъ порядковъ государствами—націями, стремящимися къ самодѣятельности, потребовала сознанія системы представительства и передачи въ руки народныхъ избранниковъ сперва заботъ объ обложеніи и разверсткѣ падающихъ на населеніе податныхъ тягостей, позднѣе законодательной дѣятельности, контроля за администраціей и наконецъ прямого руководительства какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой. Парламентаризмъ, съ характеризующей его системой кабинета, т.-е. солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, составленнаго изъ членовъ представительныхъ палатъ,— послѣднее выраженіе той системы самоуправленія общества въ предѣлахъ государства—націи, постепенными приближеніями къ которой можно считать сперва сословную, а затѣмъ конституціонную монархію. Уже въ настоящее время поднятъ вопросъ о томъ, насколько возможно пріурочить къ парламентаризму, построенному на началѣ представительства, выгодныя стороны прямого народоправства, въ томъ числѣ контроль всего гражданства, уполномоченными націи въ формѣ не только митинговъ и петицій или челобитныхъ, скрѣпленныхъ милліонами подписей, но и народнаго голосованія по вопросу о желательности или нежелательности какъ проведенныхъ уже парламентомъ законовъ, такъ и такихъ, которые пока не входили въ область его заботъ. Уже изъ самой постановки этихъ вопросовъ и частичнаго ихъ рѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и Америки легко заключить, что процессъ творчества политическихъ формъ не закончился созданіемъ современной системы парламентаризма и что насъ ожидаетъ въ будущемъ не столько гибель, сколько трансформація современнаго государства. Не считая его совершеннымъ и потому привѣтствуя всякое дальнѣйшее его развитіе въ духѣ равенства и свободы, не будемъ въ то же время те-

рять изъ виду его рѣшительныхъ преимуществъ надъ замѣненными имъ порядками патріархальной монархіи, устранявшей личную самодѣятельность, и прямого народоправства, уживавшагося съ раздѣленіемъ общества на двѣ неравныя половины: бо́льшую—изъ лицъ безправныхъ и меньшую — изъ гражданъ. Завѣдываніе обществомъ чрезъ посредство уполномоченныхъ столько же высшими интересами страны, сколько и мѣстнымъ управленіемъ, и рядомъ съ этимъ свобода самоопредѣленія для частныхъ лицъ и для цѣлыхъ группъ, — таковы неоцѣненныя преимущества, обезпечиваемыя парламентаризмомъ, и ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, почему государства, остановившіяся временно на идеѣ обособленія и равновѣсія властей, какъ, напримѣръ, Соединенные Штаты Америки, неудержимо стремятся, даже вопреки законамъ и конституціи, къ подчиненію исполнительной власти законодательной, къ передачѣ въ руки представительнаго собранія страны и назначенныхъ имъ комитетовъ руководительства внутренней и внѣшней политикой. Да послужитъ этотъ примѣръ урокомъ и для насъ. Думая создать нѣчто національное, не будемъ останавливаться на промежуточныхъ стадіяхъ въ развитіи системы самоуправленія общества: ни на сословной монархіи, ни на представительствѣ различныхъ видовъ имущественныхъ интересовъ, ни на системѣ равновѣсія властей; сохраняя наслѣдственное руководительство націи ея историческимъ вождемъ, положимъ въ основу русскаго обновленія систему самоуправленія общества.

ГЛАВА I.

Аѳинская демократія и ученіе греческихъ политиковъ о народоправствѣ.

§ 1. Теорія народнаго самодержавія, которую обыкновенно связываютъ съ именемъ Руссо, имѣетъ отдаленное прошлое. Подобно другимъ политическимъ доктринамъ, она постепенно была выработана жизнью и нашла систематическое выраженіе себѣ столѣтія спустя послѣ своего торжества на практикѣ. Древность, къ которой приходится возвести въ равной мѣрѣ какъ ученіе о божественномъ происхожденіи всякой власти и всякаго авторитета, такъ и тотъ политическій догматъ, по которому власть по праву принадлежитъ только разуму, будетъ ли имъ законъ божескій или человѣческій, завѣщала намъ и древнѣйшіе примѣры народоправствъ съ преобладаніемъ въ нихъ то аристократическаго, то олигархическаго, то, наконецъ, демократическаго элемента. Аѳины, Спарта и Римъ даютъ намъ наиболѣе характерные образцы народнаго самодержавія, осуществляемаго при прямомъ участіи всего полноправнаго гражданства и черезъ посредство избираемыхъ тѣмъ же гражданствомъ совѣтовъ и сановниковъ. Аѳины, въ частности, уже съ конца VII вѣка до Р. Х. отрѣшаются отъ общаго всѣмъ древнегреческимъ королевствамъ единовластія, поддерживаемаго родовитымъ дворянствомъ, главы котораго засѣдаютъ въ особомъ совѣтѣ, или булэ; сто монархіи занимаетъ въ нихъ сперва кратковременное дычество тѣхъ же аристократовъ подъ именемъ эвпатри-ъ, а затѣмъ, со временъ Солона, преобладаніе зажиточ-

ныхъ классовъ, отвѣчающихъ требованіямъ извѣстнаго имущественнаго ценза. Эта такъ называемая тимократія построена была на фактѣ распредѣленія аѳинскаго гражданства по четыремъ классамъ; изъ нихъ только первые три допущены были, и то не въ равной мѣрѣ, къ занятію публичныхъ должностей и къ участію въ судахъ и совѣтахъ; четвертый же, составленный изъ такъ называемыхъ ѳетовъ и включавшій въ себя большинство всѣхъ гражданъ, продолжалъ только собираться на городскую площадь, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто еще въ эпоху героической монархіи [1]).

Окончательное установленіе демократіи въ Аѳинахъ связано съ именемъ Аристида, реформа котораго состояла въ допущеніи и этого четвертаго класса къ выборамъ, должностямъ и совѣтамъ [2]). Устроителемъ же аѳинскаго народоправ-

---

[1]) Въ „Конституціи Аѳинъ“ Аристотеля говорится, что Солонъ сохранилъ прежнее дѣленіе народа на четыре класса: пентакозіо-медимновъ, гоплитовъ, зевгитовъ и ѳетовъ. Онъ сохранилъ мѣста сановниковъ, въ томъ числѣ девяти архонтовъ и казначеевъ, въ рукахъ членовъ первыхъ трехъ классовъ. Каждому классу предоставленъ былъ выборъ тѣхъ или другихъ властей, сообразно размѣру платимаго имъ ценза. Одни ѳеты надѣлены были только правомъ засѣдать въ народномъ собраніи и въ народныхъ судилищахъ (гл. VII). Въ своей „Политикѣ“ Аристотель, говоря о демократіяхъ, указываетъ, рядомъ съ такими, въ которыхъ всѣ призываются къ голосованію, и народоправства, ограниченныя цензомъ. Каждый, пріобрѣвшій положенное закономъ имущество, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право голоса. Исчезло имущество,—теряется и участіе въ выборахъ.(Изд. „Политики“, сдѣланное Süsmühl, т. I, стр. 557).

[2]) Въ своемъ разсужденіи о „Конституціи Аѳинъ“ Аристотель приписываетъ Аристиду обезпеченіе массѣ гражданъ средствъ существованія. „Съ помощью чрезвычайныхъ поборовъ и налоговъ, платимыхъ союзниками, явилась возможность,—пишетъ онъ,—доставить содержаніе болѣе чѣмъ двадцати тысячамъ гражданъ“ (гл. XXIV). Не ранѣе, однако, 462 года и реформъ Эфіальта ареопагъ, этотъ пожизненный аристократическій совѣтъ потерялъ свои функціи, въ томъ числѣ охрану конституціи, въ пользу совѣта пятисотъ, народнаго собранія и народныхъ судовъ (гл. XXV). Наконецъ, пять лѣтъ спустя послѣ смерти Эфіальта, въ 457 году, третій классъ гражданъ (зевгиты) допущенъ былъ къ

ства является не кто иной, какъ Эфіальтъ, современникъ и единомышленникъ Перикла. Въ общихъ чертахъ конституція Аѳинъ съ середины V вѣка остается болѣе или менѣе неизмѣнной, съ временными пріостановками въ ея примѣненіи, вызванными сперва олигархіей четырехсотъ, а затѣмъ владычествомъ тридцати тирановъ съ Критіасомъ во главѣ. Низверженіе послѣднихъ Тразибуломъ является сигналомъ къ возстановленію аѳинскаго народоправства на тѣхъ самыхъ началахъ, какія даны были ему Эфіальтомъ [3]). Даже тогда, когда политическія судьбы Аѳинъ насильственнымъ образомъ связаны были съ судьбою македонскихъ правителей и поддерживаемыхъ ими тирановъ, Димитрія изъ Фалерона и Димитрія Поліаркета, примиримыя съ единовластіемъ стороны народоправства были удержаны вплоть до занятія Аѳинъ въ 262 году до Р. Х. войсками македонскаго правителя Антигона. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія говорить о непрочности

занятію должности архонта (гл. XXVI). А при Периклѣ ареопагъ лишился, по словамъ Аристотеля, и послѣднихъ своихъ функцій (гл. XXVII).

[3]) Въ трактатѣ Аристотеля объ аѳинской конституціи подробно изложены тѣ перемѣны, какимъ она подверглась въ эпоху правительства четырехсотъ (гл. XXIX, XXX, XXXI и XXXII), въ короткій промежутокъ времени, отдѣляющій господство этой олигархіи отъ правительства тридцати тирановъ, когда, подъ вліяніемъ Ѳерамена, суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ низвергшихъ правительство четырехсотъ пяти тысячъ гражданъ, „достаточно богатыхъ, чтобы озаботиться собственнымъ вооруженіемъ“ (гл. XXXIII), наконецъ, при тридцати тиранахъ и смѣнившемъ ихъ правительствѣ десяти (гл. XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII и XXXVIII). Главы XXXIX—XLI доводятъ исторію аѳинской демократіи до временъ самого Аристотеля. Онѣ говорятъ о возстановленіи демократическаго строя Тразибуломъ и характеризуютъ новые порядки словами: „Народъ сдѣлался хозяиномъ всего; онъ всѣмъ управляетъ съ помощью издаваемыхъ имъ постановленій и съ помощью судовъ, въ которыхъ онъ пользуется верховенствомъ, и его участіе въ дѣлахъ сдѣлалось возможнымъ благодаря платѣ сперва одного, затѣмъ двухъ и наконецъ трехъ оболей въ день каждому изъ гражданъ“ (конецъ главы XLI).

демократическихъ порядковъ въ древности и противуставлять ихъ въ этомъ отношеніи той неизмѣнности, какой отличались такія, не столько аристократическія, сколько олигархическія государства, какъ Спарта, тѣмъ болѣе, что послѣдняя сама не избѣжала существенныхъ и притомъ прочныхъ перемѣнъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, сама переходила отъ аристократической монархіи къ олигархіи выбираемыхъ народомъ эфоровъ и снова возвращалась къ упроченію, если не едино-, то двоевластія своихъ царей, какъ во времена Агисса и Клеомена. Если имѣть въ виду, что уже съ 594 года до Р. Х. реформа Солона положила конецъ владычеству эвпатридовъ и замѣнила его тимократіей, или, вѣрнѣе, господствомъ трехъ зажиточныхъ классовъ: пентакозіомедимновъ, гоплитовъ и зевгитовъ, что допущеніе четвертаго класса, или ѳетовъ, къ выборамъ и должностямъ начинается съ 477 года до Р. Х. и что окончательная отмѣна демократическихъ порядковъ въ Аѳинахъ послѣдовала только въ 262 году до Р. Х., то необходимо придешь къ заключенію, что съ непродолжительными перерывами народное самодержавіе аѳинскаго гражданства имѣло если не четырехсотлѣтнее существованіе, какъ думаетъ Шварцъ, то болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее [1]).

Но можно ли, спрашивается, говорить о самоуправленіи аѳинскаго демоса какъ о народномъ верховенствѣ? Да, если имѣть въ виду разнообразіе и значительность тѣхъ сферъ, въ которыхъ аѳинское гражданство давало чувствовать свое вліяніе: вѣдь оно выбираетъ на всѣ должности, наполняетъ своими рядами какъ комиссіи присяжныхъ, или геліастовъ, такъ и оба совѣта, пятисотъ и ареопага, а это позволяетъ ему осуществлять, то въ лицѣ единоличныхъ сановниковъ, то въ лицѣ вышедшихъ изъ собственной его среды коллегій, функціи законодательства, суда и управленія; но на тотъ же вопросъ о самодержавіи демоса въ Аѳинахъ можно отвѣтить

---

[1]) *Schwarz.* Die Demokratie von Athen.

и отрицательно, если имѣть въ виду, что гражданство Аѳинъ не только не совпадало съ народомъ Аттики, но и съ населеніемъ столицы. Къ нему вѣдь причисляемы были, согласно проведенному Перикломъ закону, только лица, оба родителя которыхъ принадлежали къ числу гражданъ [1]); благодаря этому дѣйствительные ;участники самодержавія въ разное время едва достигали числа двадцати-тридцати тысячъ человѣкъ; классъ, отвѣчающій въ наше время понятію ремесленниковъ и торговцевъ, такъ называемые метойки, лишенъ былъ всякой политической власти, и сотня тысячъ рабовъ продолжала считаться безправной какъ въ гражданскомъ, такъ и въ государственномъ отношеніи [2]). Когда же аѳинская гегемонія

---

1) Аристотель говоритъ въ своемъ разсужденіи о конституціи Аѳинъ: при Периклѣ было постановлено, что никто не будетъ пользоваться политическими правами, если онъ не родился отъ отца и матери аѳинянъ (конецъ главы XXVI). Въ своей „Политикѣ" Аристотель сообщилъ о томъ же, не называя Аѳинъ и замѣчая, что въ отличіе отъ олигархій, болѣе или менѣе ограничивающихъ ряды гражданъ исключеніемъ изъ ихъ числа лицъ, живущихъ заработной платой, нѣкоторыя демократіи допускаютъ къ гражданству даже лицъ, одна мать которыхъ—гражданка. Но онѣ дѣлаютъ это только въ случаѣ недостатка въ числѣ гражданъ. Какъ только исчезаетъ это основаніе, такъ снова возстановляется правило, по которому гражданами считаются только тѣ, оба родителя которыхъ также были гражданами (*Süsmühl.*, т I, стр. 289).

2) Аристотель въ своемъ трактатѣ объ аѳинской конституціи приводитъ цифру въ 20.000 гражданъ, получавшихъ содержаніе отъ государства въ эпоху Аристида (гл. XXIV). Онъ оправдываетъ свой расчетъ слѣдующими данными: „Шесть тысячъ,—говоритъ онъ,—служили въ присяжныхъ комиссіяхъ, тысяча шестьсотъ были стрѣлками, тысяча двѣсти образовывали конницу; совѣтъ насчитывалъ 500 членовъ, стражи арсеналовъ были въ числѣ 500, а городскіе стражи въ числѣ 50. До 700 человѣкъ занимали посты сановниковъ въ предѣлахъ страны и такое же число внѣ ея предѣловъ. Позднѣе, когда Аѳины предпри-
[ли] войну, 2500 гражданъ числились въ средѣ гоплитовъ; въ Аѳинахъ
[б]ылось 20 крейсерскихъ судовъ и 20 другихъ, обезпечивавшихъ
[сбо]ръ податей съ союзниковъ; на послѣднихъ состояло 2000 человѣкъ,
[вы]ранныхъ жребіемъ. Прибавьте къ этому,—говоритъ онъ,—пританов[ъ],

переходила за предѣлы Аттики, какъ это было въ эпоху дельфійскаго союза, вошедшіе въ федерацію подданные союзныхъ городовъ не только не надѣляемы были правами аѳинскаго гражданства, но еще должны были поступиться въ пользу послѣдняго своей судебной автономіей и вносить непосредственно на разбирательство присяжныхъ комиссій, составленныхъ изъ аѳинянъ, свои гражданскія и уголовныя тяжбы.

Мы находимъ въ Аѳинахъ не только древнѣйшую постановку вопроса о народномъ самодержавіи, но и первую по времени организацію этого послѣдняго; она представляетъ собою много чертъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ порядковъ, на которыхъ построено владычество современнаго демоса; но эти отличія не настолько глубоки, чтобы мы сочли возможнымъ признать изученіе частностей аѳинской конституціи лишеннымъ значенія для нашего времени. Мы думаемъ, наоборотъ, что нѣкоторые вопросы, съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ которыхъ связана успѣшность и устойчивость демократическихъ порядковъ, нашли въ Аѳинахъ столь разумное и правильное отношеніе къ себѣ, что современная наука государственнаго права необходимо должна воспользоваться сдѣланными въ нихъ опытами. И пусть не говорятъ намъ, что отсутствіе представительства, обратившее Аѳин-

---

сиротъ, тюремщиковъ" (гл. XXIV). Тѣ же данныя лежатъ въ основаніи расчетовъ, предлагаемыхъ современными историками Аѳинъ касательно числа ихъ населенія. Въ концѣ эпохи Пизистратидовъ, думаетъ Беллохъ, Аттика насчитывала 25.000 гражданъ, а полвѣка спустя—30.000. При этомъ число всего ея населенія съ 80—90 тысячъ возросло до ста. Тотъ же приблизительно расчетъ дѣлаетъ и Eduard Mayer. Онъ полагаетъ, что число метойковъ, лишенныхъ, какъ таковые, политическихъ правъ, было болѣе или менѣе равно числу гражданъ, а именно 30.000; число же рабовъ достигло въ V в. 100.000. То же мнѣніе раздѣляетъ и Беллохъ (см. *Belloch*. Griechische Geschichte, т. I. стр. 210, 398, 399 и 404. *Mayer*. „О населенности древняго міра" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaft" т. II, стр. 449.

скую республику въ классическій примѣръ прямого народоправства, дѣлаетъ немыслимымъ проведеніе какихъ-либо параллелей между нею и современными демократіями, а потому и заимствованіе послѣдними отдѣльныхъ чертъ аѳинскаго устройства.

Припомнимъ сказанное нами выше, а именно сосредоточеніе въ Аѳинахъ политическихъ правъ въ рукахъ численно ограниченнаго гражданства, изъ котораго, разумѣется, одни совершеннолѣтніе мужчины призваны были къ подачѣ голоса на народныхъ собраніяхъ; припомнимъ далѣе, что изъ этихъ совершеннолѣтнихъ значительная часть занята была военнымъ дѣломъ, несла не допускавшую замѣны службу въ рядахъ гоплитовъ, а также въ военномъ флотѣ, что другая часть посвящала свое время государственной службѣ, занимая многочисленныя должности выбираемыхъ или назначаемыхъ жребіемъ сановниковъ, начиная отъ архонтовъ и оканчивая лицами, приставленными къ закупкѣ хлѣба въ государственные склады, или присмотромъ за дорогами, — и мы необходимо придемъ къ заключенію, что на дѣлѣ народное собраніе, въ рукахъ котораго сосредоточивались функціи самодержавія, рѣдко когда заключало въ себѣ болѣе тысячи человѣкъ. Но и эти послѣдніе, благодаря особенностямъ аѳинской конституціи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы вскорѣ перейдемъ, не призываемы были всѣ вмѣстѣ къ подачѣ голоса. Какъ въ судебныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ полноправное гражданство, для отправленія падавшихъ на него государственныхъ функцій, разбито было на дикастеріи, или группы, обнимавшія собою самое большое нѣсколько сотъ человѣкъ; каждая дикастерія попеременно выступала въ роли дѣятельнаго органа народнаго самодержавія, прежде всего въ судебной, а затѣмъ и въ законодательной сферѣ. Не будемъ также терять изъ виду, что, на ряду съ экклезіей, [illegible] народнымъ собраніемъ, въ Аѳинахъ дѣйствовалъ совѣтъ, [illegible], вѣрнѣе, два совѣта, — ареопагъ, только со временемъ и [illegible]тепенно лишившійся другихъ функцій, кромѣ уголовнаго

суда въ случаяхъ важнѣйшихъ преступленій [1]), и сенатъ. Послѣдній далеко не носилъ характера верхней палаты по отношенію къ экклезіи, или вѣчу; онъ имѣлъ свою самостоятельную и весьма широкую сферу дѣятельности.

Недавній историкъ аѳинской демократіи, Шварцъ, въ общемъ весьма враждебно настроенный къ этому, какъ онъ думаетъ, владычеству безграмотной толпы, приходитъ къ слѣдующему выводу при опредѣленіи дѣйствительнаго числа участниковъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Периклъ поставилъ однимъ изъ условій гражданства принадлежность къ нему въ равной мѣрѣ матери и отца, число участниковъ въ такъ называемой геліэи, или совокупности комиссій присяжныхъ, не превышало въ Аѳинахъ шести тысячъ человѣкъ [2]). Въ ихъ ряды допускаемы были только лица, достигшія тридцатилѣтняго возраста; эти шесть тысячъ ежегодно, путемъ жребія, распредѣляемы были между двѣнадцатью комиссіями; каждая, слѣдовательно, состояла изъ пятисотъ человѣкъ [3]); онѣ чередовались въ отправленіи правосудія. Что касается до народнаго собранія, созываемаго обязательно четыре раза въ годъ, а въ случаѣ нужды и въ экстренныя сессіи, то въ немъ, по расчету Шварца, фактически можно было насчитать не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, несмотря на то, что возрастъ, дававшій право присутствія, не былъ выше двадцатилѣтняго. Вотъ тѣ данныя, на которыя опираются выкладки Шварца: изъ 21.000 гражданъ, максимумъ ихъ числа въ годы, предшествующіе реформѣ Перикла, 5000 лишились права считаться ими, какъ лица, происходящія отъ смѣшанныхъ браковъ гражданъ съ метойками; изъ

---

[1]) Аристотель относитъ ко временамъ архонта Конона, т.-е. къ 462 году до Р. X., передачу въ руки сената, народнаго собранія и судовъ большинства функцій, прежде осуществлявшихся ареопагомъ („Конституція Аѳинъ“, гл. XXV).

[2]) См. *Аристотель*, „Конституція Аѳинъ“, гл. XXIV.

[3]) Беллохъ считаетъ по меньшей мѣрѣ 300 человѣкъ въ каждой из 10 секцій геліэи (*Belloch*, стр. 426).

остальныхъ болѣе тысячи отправляли различныя должности центральнаго, мѣстнаго и колоніальнаго управленія, 500 засѣдали въ сенатѣ, 6000 въ присяжныхъ комиссіяхъ геліастовъ, 500 въ рядахъ членовъ ареопага и судовъ отдѣльныхъ демъ, или земскихъ округовъ, на которые разбито было населеніе города и подчиненныхъ ему селъ со времени реформы Клисѳена, независимо и только отчасти взамѣнъ прежняго дѣленія на кровные союзы филъ, фратрій и генъ [1]). Если прибавить, что не менѣе 3000 человѣкъ поставлены были въ невозможность присутствовать на народныхъ вѣчахъ, благодаря отправленію воинской или морской службы на значительномъ разстояніи отъ города, что неопредѣленное, но весьма значительное число гражданъ отвлечено было отъ занятія политическими дѣлами, частью отправленіемъ жреческихъ функцій, частью занятіемъ должностей сановниковъ за границами города и государства [2]), частью, наконецъ, хозяйственной дѣятельностью въ своихъ загородныхъ имѣніяхъ,— то трудно будетъ допустить, чтобы наличный составъ собранія превышалъ собою если не нѣсколько сотъ, какъ думаетъ Шварцъ, то по крайней мѣрѣ тысячу правомочныхъ гражданъ, и это при населеніи, доходившемъ одновременно до трехъ милліоновъ человѣкъ. Введенный еще Перикломъ платежъ одного оболя каждому изъ присутствующихъ на народномъ собраніи или экклезіи (откуда названіе „экклезіастиконъ", данное этому вознагражденію), указываетъ на то, что было необходимо принять извѣстныя мѣры противъ недостаточнаго посѣщенія вѣча гражданами. Съ тою же цѣлью пришлось

---

[1]) Говоря объ эпохѣ Клисѳена (508 г. до Р. Х.), Аристотель проводитъ ту мысль, что установленное имъ дѣленіе Аттики на 30 демъ не устранило существованія прежней организаціи аѳинянъ въ филы и фратріи. Число первыхъ было увеличено съ 4-хъ да 10. („Конституція А...ъ", гл. XXI).

Аристотель насчитываетъ до 700 человѣкъ, исполнявшихъ долж...ныя обязанности за предѣлами Аттики („Конституція Аѳинъ", XXIV).

увеличить со временемъ размѣръ этого вознагражденія до двухъ и трехъ оболей [1]), что и воспослѣдовало въ эпоху Пелопоннесскихъ войнъ по предложенію Клеона.

Итакъ, благодаря надѣленію однихъ гражданъ главнаго города политической властью и самой силѣ вещей, не позволявшей имъ отказаться ради посѣщенія вѣча отъ своихъ частныхъ дѣлъ и государственной службы, прямое народоправство Аѳинъ осуществляемо было числомъ лицъ, мало чѣмъ превышавшимъ то, какое мы встрѣчаемъ въ весьма людныхъ представительныхъ камерахъ временъ французской революціи. Нельзя говорить поэтому въ примѣненіи къ Аѳинамъ о физической невозможности соединить въ одномъ мѣстѣ правомочныхъ гражданъ, какая обыкновенно ставится на видъ каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о прямыхъ демократіяхъ. Этой невозможности не существовало ни въ Аѳинахъ ни въ древнемъ Римѣ, какъ не было ея также въ средневѣковомъ Миланѣ или Флоренціи, гдѣ городской площади или соборной церкви вполнѣ хватало для такъ называемой arringha, или parliamentum, т.-е. опять-таки народнаго вѣча. Такое послѣдствіе, повторяю, вызвано было прежде всего политическимъ безправіемъ селъ и пригородовъ, а затѣмъ необходимостью для полноправныхъ гражданъ посвящать свое время другимъ не менѣе насущнымъ потребностямъ внѣшней обороны, внутренняго управленія, суда и наконецъ завѣдыванія собственными имущественными интересами. Какъ бы то ни было, но со стороны своей численности городскія вѣча древности и среднихъ вѣковъ едва ли превосходятъ такія многолюдныя собранія народнаго представительства, какъ то, на которое, подъ именемъ „учредительнаго“, выпало въ удѣлъ преобразованіе Франціи на началахъ всесословной народной монархіи [2]).

---

[1]) См. *Julius Shwarz*. Die Demokratie von Athen, стр. 105 по 108.

[2]) Наиболѣе людныя собранія аѳинскаго вѣча совпадаютъ съ эпохо[й] Пелопоннесскихъ войнъ, когда сельское населеніе поставлено был[о] иноземными, въ частности спартанскими, войсками въ необходимост[и] искать пріюта въ стѣнахъ города. Послѣдовавшее въ связи съ этимъ

Сказанное объясняетъ намъ причину, по которой порядокъ осуществленія городскими вѣчами отдѣльныхъ функцій самодержавія можетъ быть съ успѣхомъ сближаемъ съ тѣмъ, какого придерживаются современныя палаты депутатовъ, для которыхъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, этотъ порядокъ заключаетъ въ себѣ не мало поучительнаго.

Въ устройствѣ аѳинской демократіи намъ интересно отмѣтить прежде всего отсутствіе у народнаго собранія той полноты власти, какой отличается въ наше время англійскій парламентъ. На ряду съ экклезіей, или вѣчемъ, мы находимъ въ Аѳинахъ совѣтъ 500; члены его избираются, правда, народомъ путемъ жребія [1]), но это не мѣшаетъ ему имѣть, въ отличіе отъ верхнихъ палатъ современныхъ представительныхъ республикъ, напримѣръ, французской, свою особою сферу дѣятельности и въ границахъ этой сферы рѣшающій голосъ въ дѣлахъ страны. При самомъ распредѣленіи функцій между обоими собраніями имѣется въ виду не обособленіе законодательства, суда и исполненія, а необходимость ввѣрить завѣдываніе интересами внѣшней обороны и внутренняго порядка собранію, менѣе измѣнчивому въ своемъ составѣ и болѣе зрѣлому въ виду самого возраста его членовъ.

Въ разсужденіи о республикѣ аѳинянъ, неправильно приписываемомъ Ксенофонту и вышедшемъ изъ-подъ пера его неизвѣстнаго единомышленника, члена одной съ нимъ олигархической партіи, не позже, какъ доказалъ Кирхгофъ, 424 г. до Р. Х., функціи сената указаны слѣдующимъ образомъ: „Теперь мнѣ предстояло бы,—пишетъ мнимый авторъ,—говорить о массѣ сенатскихъ постановленій касательно войны и финансовъ, новыхъ законовъ, споровъ между союзниками, сбора налоговъ, управленія арсеналомъ и флотомъ, культа

возрастаніе цѣнъ на припасы до нѣкоторой степени объясняетъ причину, по которой правительству пришлось увеличить размѣръ плате- въ пользу посѣщавшихъ экклезію гражданъ. (См. соображенія на ъ счетъ *Rehm'a* въ Geschichte der Staatswissenschaft, стр. 22).

[1]) См. „Конституція Аѳинъ“ *Аристотеля*, гл. XLIII.

боговъ". Авторъ прибавляетъ, что сенату принадлежатъ и судебныя функціи [1]), но онъ не можетъ налагать штрафовъ свыше пятисотъ драхмъ. Одного приведеннаго перечня достаточно, чтобы показать, что ни о какомъ раздѣленіи властей въ современномъ смыслѣ слова въ аѳинской республикѣ не было и рѣчи. Сенатъ завѣдывалъ одновременно и финансами, и морской администраціей, и международными сношеніями, и церковнымъ культомъ; онъ участвовалъ также въ судѣ и въ законодательствѣ, т.-е. въ тѣхъ двухъ сферахъ, которыя, вмѣстѣ съ выборомъ сановниковъ и изданіемъ административныхъ распоряженій, составляли вѣдомство народнаго вѣча, или экклезіи. Но рядомъ съ сенатомъ, или совѣтомъ 500, существовалъ еще ареопагъ. Даже послѣ отнятія у него всякихъ административныхъ функцій во времена Эфіальта и Перикла постановка приговоровъ въ дѣлахъ уголовныхъ и заботы о культѣ все же продолжали оставаться въ его вѣдѣніи. Онъ болѣе другихъ аѳинскихъ учрежденій сохранилъ аристократическій характеръ,—характеръ собранія бывшихъ архонтовъ, т.-е. вышедшихъ въ отставку высшихъ сановниковъ государства; до реформы Аристида эти архонты продолжали выбираться изъ однихъ членовъ высшихъ по цензу классовъ [2]).

Судебныя функціи такимъ образомъ распредѣлены были въ Аѳинахъ между совѣтомъ 500, или сенатомъ, народными комиссіями присяжныхъ, или дикастеріями геліастовъ, и ареопагомъ; ко всѣмъ этимъ судамъ въ позднѣйшее время присоединились еще подобія посредническихъ; они устроены были по отдѣльнымъ демамъ, или округамъ. Не менѣе значительно было въ Аѳинахъ число коллегій и единоличныхъ властей, принимавшихъ участіе между прочимъ и въ осуще-

---

[1]) Аристотель указываетъ, что эти функціи были ограничены со временемъ и допущена апелляція на приговоры сената въ народныя судилища. („Конституція Аѳинъ", гл. XLV).

[2]) Зевгиты допущены къ выбору архонтовъ пять лѣтъ спустя послѣ кончины Эфіальта (*Аристотель*, „Конституція Аѳинъ", гл. XXVI).

ствленіи законодательной власти. При этомъ характерную особенность аѳинской конституціи,—особенность, которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, составляла забота о конституціонности вновь издаваемыхъ законовъ,—другими словами, о соотвѣтствіи ихъ съ основными началами существующаго государственнаго строя. Этой заботой объясняется то обстоятельство, что изъ девяти архонтовъ, шесть, подъ именемъ ѳесмотетовъ, должны были удостовѣриться въ томъ, не противорѣчитъ ли предлагаемый народу законопроектъ уже существующимъ нормамъ [1]). Ѳесмотеты такимъ образомъ служили въ аѳинской республикѣ той самой задачѣ охраненія конституціи отъ законодательныхъ новшествъ, какая въ Соединенныхъ Штатахъ возложена на членовъ федеральныхъ судовъ. Но различіе между аѳинской и сѣвероамериканской системой въ этомъ отношеніи лежитъ въ томъ, что ѳесмотеты высказывали свое сужденіе не о законахъ, а о законопроектахъ, а это, разумѣется, не мало содѣйствовало тому, что Аѳины могли избѣгнуть одного изъ тѣхъ золъ, на которыя всего болѣе жалуются критики современныхъ демократическихъ конституцій, въ томъ числѣ Мэнъ [2]), а именно на чрезмѣрное накопленіе законовъ; эта черта объясняется тѣмъ, что всякая дорожащая властью партія только проведеніемъ реформъ черезъ палаты можетъ удержаться у кормила правленія и выполнить обѣщанную своимъ сторонникамъ программу. Той же цѣли предохраненія аѳинской республики отъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ мѣропріятій служила другая въ высшей степени консервативная норма. Въ отличіе отъ современныхъ демократій, которыя не только обнаруживаютъ большую заботливость о сохраненіи за представителями права законодательнаго почина, но еще, какъ показываетъ недавній примѣръ

[1]) Аристотель говоритъ, что архонтамъ-ѳесмотетамъ принадлежало ... во вносить обвиненіе противъ авторовъ неумѣстныхъ законовъ ... LIX. Разсужд. объ Аѳин. конституціи).

[2]) *Maine*. Popular Government, стр. 149.

нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, желаютъ добиться признанія его за самими избирателями, аѳинская демократія соглашалась, наоборотъ, на ограниченіе роли народнаго собранія въ области законодательства, на сохраненіе за нимъ одного права утверждать или отвергать сдѣланныя ему законодательныя предложенія, безъ права вносить въ нихъ какія-либо измѣненія. Не довольствуясь всѣми этими мѣрами противодѣйствія поспѣшнымъ рѣшеніямъ толпы,—толпы, не отвѣчавшей никакимъ условіямъ образовательнаго ценза, аѳинская конституція даже въ эпоху полнаго торжества демоса, т.-е. со временъ Эфіальта и Перикла, продолжала еще требовать передачи законопроектовъ на предварительное обсужденіе и утвержденіе сената, или совѣта 500 [1]), какъ того органа, который, какъ составленный изъ пожизненныхъ членовъ, могъ отвѣчать въ большей степени, чѣмъ вѣче, требованіямъ согласованной въ частностяхъ и послѣдовательной политической программы. При такихъ условіяхъ сохраненіе за каждымъ изъ гражданъ законодательнаго почина не грозило болѣе тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіемъ, какое представляетъ обремененіе современныхъ намъ дебатирующихъ собраній чрезмѣрною массою дѣлъ. Не было необходимости настаивать, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе законы Швейцаріи, на поддержкѣ проекта сотнями и тысячами человѣкъ, безъ чего частная иниціатива признается въ наши дни неспособной вызвать дѣятельность законодательныхъ органовъ. Въ этомъ чувствовалась тѣмъ меньшая нужда, что сама конституція принимала мѣры къ тому, чтобы законопроектъ поступалъ не раньше на обсужденіе народнаго вѣча, какъ выдер-

[1]) Аристотель говоритъ: „Совѣтъ приготовляетъ на своихъ совѣщаніяхъ дѣло народа, а народъ не можетъ голосовать ни по одному вопросу, не подвергшемуся предварительно рѣшенію совѣта и не внесенному на очередь пританами. Въ силу этого правила, каждый разъ, когда голосованіе происходитъ не въ положенный къ тому день, торъ предложенія можетъ подвергнуться обвиненію въ незаконн поведеніи“. (Разсужд. объ Аѳинск. Констит., гл. XLV).

жавши предварительно искусъ состязательнаго процесса. Изъ рядовъ геліастовъ, или присяжныхъ, выбиралась путемъ жребія тысяча человѣкъ такъ называемыхъ номотетовъ, къ которымъ въ формѣ письменной жалобы на старый законъ поступало новое предложеніе. Своего рода государственнымъ обвинителямъ, ѳесмотетамъ, ввѣрена была забота о защитѣ существующаго законодательства отъ попытокъ его реформировать. Ѳесмотеты высказывались при этомъ случаѣ насчетъ того, въ какой мѣрѣ новый законъ отвѣчаетъ предыдущимъ, и при ихъ несоотвѣтствіи предлагали мѣры къ его согласованію съ прежними. Въ концѣ дебатовъ номотеты постановляли рѣшеніе въ формѣ приговора, объявлявшаго о принятіи или непринятіи предложеннаго имъ законопроекта. Но и всѣхъ этихъ гарантій еще казалось недостаточнымъ. Чтобы парализовать въ корнѣ всякую попытку запрудить собраніе законодательными продложеніями и чтобы привести его дѣятельность въ этомъ направленіи въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными нуждами государства, установлено было, какъ правило, что предложенію законопроекта должно предшествовать постановленіе вѣча о необходимости новаго закона по тому или другому опредѣленному предмету, и только объ этихъ напередъ намѣченныхъ собраніемъ вопросахъ позволялось заводить рѣчь въ предлагаемыхъ проектахъ; мало того,—чтобы положить предѣлъ законодательной горячкѣ и по возможности устранить праздныя или вредныя для государства реформы, конституція признавала за каждымъ изъ гражданъ право возбуждать судебное преслѣдованіе противъ лицъ, проведшихъ новый законъ, въ виду нарушенія ими тѣмъ самымъ силы существующихъ или тѣхъ формъ, какія предписаны были конституціей при ихъ измѣненіи. Жалобы подобнаго рода извѣстны были подъ наименованіемъ „граѳэ парономонъ“ и разбирались въ судебномъ порядкѣ передъ одной изъ присяжныхъ комиссій, или дика-ɔій, подъ предсѣдательствомъ одного изъ второстепенныхъ ɔнтовъ - ѳесмотетовъ. Если жалоба возбуждена была не ...же года со времени принятія новаго закона, невыгодный

для него приговоръ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ не только недѣйствительность и дальнѣйшую непримѣнимость самой нормы, но и изгнаніе или, по меньшей мѣрѣ, оштрафованіе лица, ее предложившаго. По истеченіи же годового срока могла итти рѣчь только о признаніи новаго закона не подлежащимъ исполненію [1]).

Не меньшимъ консерватизмомъ проникнуты въ Аѳинахъ нормы, регулирующія собой административную дѣятельность народнаго собранія. Начать съ того, что поступавшіе на его обсужденіе вопросы должны были выдержать, во-первыхъ, предварительный искусъ обсужденія и утвержденія ихъ сенатомъ и подвергнуться затѣмъ контролю семи выборныхъ, которымъ поручалось навести справку о соотвѣтствіи предлагаемой мѣры съ законами.

Не безынтересную черту аѳинской конституціи составляетъ строгое проведеніе ею различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ: первый, въ отличіе отъ второго, имѣлъ въ виду не принятіе какихъ-либо мѣръ по отношенію къ опредѣленному лицу, а одно созданіе общихъ нормъ, регулирующихъ всѣ однохарактерные случаи.

Тогда какъ по отношенію къ законамъ, или, что то же, общимъ нормамъ, вѣчу предоставлено было только право принятія или непринятія дѣлаемыхъ ему предложеній, въ отношеніи къ административному распоряженію за собраніемъ полноправныхъ гражданъ признана была значительная самодѣятельность. Сюдръ отмѣчаетъ эту особенность, говоря, что она рѣшительно противорѣчитъ ходячимъ въ настоящее время воззрѣніямъ на природу народнаго самодержавія [2]).

---

[1]) См. обо всемъ этомъ подробнѣе у *Schwarz'a* Die Demokratie von Athen.

[2]) *Sudre.* Histore de la souverainete, томъ I, единственный вышедшій, стр. 164. Par une singularité qui bouleverse les idées généralement reçues de nos jours sur la souveraineté du peuple, l'assemblée des citoyens fut priveé à Athènes du pouvoir législatif, du droit de décréter des dispositions generales et permanentes. Elle n'eut que la faculté de rendre des psèphismes ou

Осуществленію законодательныхъ функцій отведены были опредѣленныя собранія народнаго вѣча; въ первомъ по времени ставился вопросъ о томъ, какія стороны законодательства нуждаются въ усовершенствованіи и измѣненіи; въ третьемъ по счету слѣдовало представленіе самихъ проектовъ; въ промежутокъ между обоими собраніями эти законопроекты прочитываемы были не разъ ихъ авторомъ всенародно на рынкѣ. Уже это ограниченіе извѣстными сроками права почина законовъ, независимо отъ всѣхъ ранѣе упомянутыхъ мѣръ, должно было служить преградой къ законодательному перепроизводству. Безъ этого вѣчу трудно было бы на своихъ обычныхъ собраніяхъ выполнить даже часть той значительной работы, какая возложена была на него конституціей. Правда, сановники могли созывать и экстренныя собранія, но послѣднимъ приходилось заниматься не реформой существующаго правового порядка, а рѣшеніемъ экстренныхъ дѣлъ. Значительнѣйшая часть времени, отведеннаго для обычныхъ собраній, уходила въ Аѳинахъ на выборъ жребіемъ или баллотировкой членовъ совѣтовъ и присяжныхъ комиссій, или дикастерій, на избраніе военачальниковъ или стратеговъ, архонтовъ и другихъ сановниковъ [1]). Эти выборы производились въ большинствѣ случаевъ жребіемъ (бобами). Критикуя такой порядокъ избранія, современные историки и публицисты теряютъ, какъ мнѣ кажется, изъ виду то обстоятельство, что

---

décrets speciaux, relatifs à des cas particuliers. Les anciens redoutaient la multiplicïté des lois générales et ne se décidaient qu'avec peine à les abroger ou à les changer.

[1]) Всѣ военныя власти,—пишетъ Аристотель,—избирательныя, въ томъ числѣ должности стратеговъ. („Конституція Аѳинъ", гл. LXI). Избранію подлежали также филархи, или начальники надъ филами, лица, поставленныя надъ конницей въ предѣлахъ каждой филы, а также таксіархи, начальствовавшіе въ тѣхъ же условіяхъ надъ гоплитами (*Аристотель*, „Конституція Аѳинъ", гл. LXI, § 1 и 7). За исключеніемъ военныхъ должностей, всѣ прочія, не исключая должностей архонтовъ, во времена Аристотеля, замѣщаемы были жребіемъ. (Ibid., гл. L, LI, LII, LIII, LIV, LV, LVI, LVII, LVIII, LIX и LX, а также LXII).

ему одному аѳинская демократія обязана устраненіемъ той партійности, которой въ равной мѣрѣ не избѣжали ни итальянскія республики среднихъ вѣковъ, комбинировавшія жребій съ выборомъ, ни тѣмъ болѣе представительныя демократіи нашего времени, все болѣе и болѣе приближающіяся къ американскому типу „раздѣла добычи“, т.-е. правительственныхъ постовъ и окладовъ, между членами партіи, побѣдившей на президентскихъ выборахъ. Неудивительно поэтому, что каждый разъ, когда дѣлалась въ средневѣковыхъ республикахъ, положимъ во Флоренціи, попытка видоизмѣнить существующую конституцію въ интересахъ временно восторжествовавшихъ олигархій или тираній, жребій принужденъ былъ уступать мѣсто особой комбинаціи, въ силу которой извѣстнымъ лицамъ, по назначенію господствующей партіи, предоставлялось произвести ревизію избирательныхъ урнъ (borse) или, точнѣе, мѣшковъ, и исключить изъ нихъ имена лицъ враждебной партіи. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ Аѳинахъ; въ нихъ временное торжество олигархіи, если не говорить о правительствѣ 30 тирановъ, совершенно отмѣнившемъ народное вѣче, или экклезію, сказывалось только въ возвращеніи къ системѣ имущественнаго ценза, еще рекомендованнаго Солономъ. Это позволяло имъ закрыть доступъ къ народному собранію лицамъ, не располагавшимъ матеріальной возможностью нести издержки службы въ рядахъ гоплитовъ [1]), или имущество которыхъ было ниже опредѣленной закономъ суммы, напр., 2000 драхмъ [2]).

Та же заботливость объ устраненіи правительства партій, составляющаго сущность современныхъ представительныхъ

---

[1]) См. „Конституція Аѳинъ“, *Аристотеля*, гл. XXXIII; къ 411 году можно отнести подобную реформу. Суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ 5000 гражданъ, несшихъ издержки по собственному вооруженію.

[2]) Послѣдніе порядки мы встрѣчаемъ, напр., въ 322 году во времена владычества въ Аѳинахъ македонскаго правителя Антипатра.—*Шварцъ*, стр. 532.

монархій и республикъ, вызвала возникновеніе въ Аѳинахъ такъ часто осуждаемаго новѣйшими историками остракизма, или постановленія народнаго собранія объ изгнаніи изъ предѣловъ государства того или другого выдающагося гражданина, политика котораго радикально расходилась съ той, какой слѣдовали временно правившіе республикою сановники. Характерный примѣръ такой практики представляетъ изгнаніе Аристида, настаивавшаго на томъ, чтобы война съ персами ведена была сухимъ путемъ. Когда народное собраніе стало на сторону Ѳемистоклова предложенія — открыть съ персами морскую войну, дальнѣйшее присутствіе Аристида въ предѣлахъ государства показалось правителямъ опаснымъ для единства военной политики; но едва успѣхъ морской войны съ персами увѣнчалъ собой политику Ѳемистокла, противникъ Аристида первый выступилъ съ предложеніемъ о возвращеніи его на родину. Потребность во временномъ удаленіи главъ не желающаго подчиниться меньшинства чувствовалась и продолжаетъ чувствоваться во всѣхъ государствахъ. Итальянскія республики среднихъ вѣковъ удовлетворяли ему, посылая въ изгнаніе цѣлыя категоріи гражданъ, были ли ими гвельфы или гибелины, т.-е. сторонники папы или императора, бѣлые или черные, т.-е. приверженцы борющихся въ стѣнахъ самой Флоренціи олигархическихъ семей, или, наконецъ, такія заподозрѣнныя въ стремленіи къ тираніи фамиліи, какъ Медичи или Альберти. Но тогда какъ въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія такое насильственное удаленіе за предѣлы государства влекло за собой конфискацію имущества и умаленіе чести изгнанныхъ, а часто и ихъ потомства, въ древнихъ Аѳинахъ остракизмъ не имѣлъ никакихъ невыгодныхъ послѣдствій для доброй славы или имущества лица, къ которому прилагалась эта мѣра. Въ этомъ отношеніи его можно сопоставить только съ тѣмъ удаленіемъ изъ Франціи пре-
..идентовъ или лицъ, открыто заявляющихъ о своемъ ..еланіи измѣнить насильственно существующій порядокъ, ..торое позволило третьей республикѣ избѣжать хрони-

ческаго повторенія coups d'état и военныхъ пронунціаментовъ.

§ 2. Познакомившись въ общихъ чертахъ съ характеромъ народоправства древнихъ Аѳинъ, спросимъ себя въ настоящее время, въ какой мѣрѣ данный ими примѣръ послужилъ къ построенію политическими писателями Греціи ученія о народномъ самодержавіи.

Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что до насъ не дошло большинства сочиненій современниковъ и единомышленниковъ Эфіальта и Перикла. Только случайно мы узнаемъ о той оцѣнкѣ, какую послѣдній давалъ учрежденіямъ своей родины, благодаря записи Ѳукидидомъ прослушанной имъ самимъ рѣчи аѳинскаго стратега. Этотъ памятникъ можно назвать панегирикомъ народному самодержавію. Замѣчательно, что во всей какъ греческой, такъ и римской политической литературѣ, до насъ дошедшей, нельзя найти ничего, что бы хотя издали приближалось къ похвальному слову аѳинскаго народолюбца. Возьмемъ ли мы сочиненія Ксенофонта, или сохраненные Стобеемъ фрагменты изъ политическаго трактата Гиподама Милетскаго, или, наконецъ, разсужденіе объ аѳинской республикѣ неизвѣстнаго ритора второй четверти V вѣка до Р. Х., не разъ ошибочно отожествленнаго съ Ксенофонтомъ; мало того, заглянемъ ли мы въ „Республику" и трактатъ „О законахъ" Платона, или въ „Политику" Аристотеля, мы во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ найдемъ не болѣе какъ критику, и часто весьма недоброжелательную, аѳинскихъ порядковъ. Я уже не упоминаю о такихъ, напримѣръ, принципіальныхъ врагахъ демократіи, какъ философъ Критіасъ, глава 30 тирановъ, временно овладѣвшихъ политической властью въ Аѳинахъ, или о Сократѣ, отношеніе котораго къ современнымъ ему политическимъ порядкамъ мы, къ сожалѣнію, узнаемъ только изъ передачъ одинаково враждебныхъ аѳинскому демосу Ксенофонта и Платона. Одинъ русскій критикъ, Ивановъ, сходящійся въ этомъ отношеніи съ авторомъ извѣстнаго сочиненія объ исторіи государственнаго суверенитета

въ древности, съ Сюдромъ, справедливо замѣтилъ, что уцѣлѣли только сочиненія противниковъ, а не сторонниковъ аѳинской демократіи, такъ что поневолѣ приходится составить себѣ не вполнѣ вѣрное представленіе объ отношеніи къ ней ея современниковъ. Мы увидимъ вскорѣ, какіе порядки обыкновенно имѣютъ въ виду критики аѳинскаго народоправства и какія именно стороны его вызываютъ ихъ неодобреніе. Аѳинскимъ учрежденіямъ сплошь и рядомъ противополагаются спартанскія, удержавшія многія черты героическаго королевства съ его наслѣдственнымъ принципатомъ; онъ осуществлялся, впрочемъ, въ Спартѣ не однимъ, а двумя главами династіи Гераклитовъ, но въ той же республикѣ политическая власть принадлежала и патриціату, составленному изъ старинныхъ семей дорическихъ завоевателей; члены ихъ призваны были засѣдать въ особомъ сенатѣ, осуществлявшемъ одновременно функціи и аѳинскаго вѣча и аѳинскаго совѣта 500. Съ этими элементами монархіи и аристократіи Спарта комбинировала участіе народа, но только въ выборѣ взятыхъ изъ его же среды эфоровъ. Сюдръ не безъ основанія сравниваетъ послѣднихъ, если не по функціямъ, то по громадности власти, съ знаменитымъ комитетомъ общественнаго спасенія; имъ подчинены были всѣ сановники, не исключая и королей, и притомъ какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ. Изъ пяти членовъ, составлявшихъ комиссію эфоровъ, двое состояли эмиссарами при войскахъ и, подобно знаменитымъ делегатамъ французскаго конвента, давали военнымъ операціямъ то направленіе, какое имъ было желательно. Въ XIV и XV вѣкахъ три инквизитора совѣта десяти въ Венеціи, съ ихъ правомъ безконтрольнаго отправленія государственной полиціи по отношенію къ самому дожу, напоминаютъ собою отчасти спартанскихъ эфоровъ; послѣднимъ, какъ и инквизиторамъ, подчинена была своего рода крана“, не отступавшая ни передъ какими актами насилія. обстоятельство, что эфоры выбирались народомъ, и примъ обыкновенно изъ низшихъ классовъ общества, и что

тому же народу предоставлено было своими кликами указывать на тѣхъ лицъ, какія казались ему наиболѣе желательными на скамьяхъ сената, давала греческимъ политикамъ поводъ говорить о спартанскомъ правительствѣ, какъ о смѣшанномъ, какъ о соединявшемъ въ себѣ счастливыя стороны наслѣдственнаго принципата, аристократіи, въ смыслѣ правительства лучшихъ людей, т. е. наиболѣе популярныхъ въ народѣ благородныхъ семей, и демократіи, представляемой взятыми изъ народа и народомъ поставленными эфорами.

Съ точки зрѣнія сторонниковъ спартанскихъ порядковъ аѳинская конституція являлась владычествомъ невѣжественной и измѣнчивой въ своихъ рѣшеніяхъ толпы, по отношенію къ которой не существовало никакихъ задерживающихъ центровъ. Это воззрѣніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, раздѣляли въ большей или меньшей степени и Гиподамъ Милетскій, и неизвѣстный авторъ трактата объ аѳинской республикѣ отъ второй четверти V вѣка, и Ксенофонтъ, и Платонъ, и самъ Аристотель. Не то, чтобы въ Аѳинахъ совершенно отсутствовали, въ области теоретической мысли, сторонники народоправства: ими, повидимому, были софисты. Сочиненіе одного изъ нихъ, Протагора, было спеціально посвящено государствовѣдѣнію, но, къ сожалѣнію, не дошло до насъ. О воззрѣніяхъ софистовъ мы принуждены судить по пристрастной передачѣ ихъ противниковъ и по тому отраженію, какое ихъ мысли нашли въ сочиненіяхъ Геродота, Ксенофонта и Платона. Изъ новѣйшихъ писателей Германъ Рэмъ (въ своей Исторіи государственнаго права), едва ли не всего удачнѣе возсоздалъ отдѣльныя стороны затеряннаго для насъ ученія софистовъ о политикѣ. Занятые долгое время натурфилософіей, астрономіей, географіей и этнографіей, медициной и элементами зоологіи и ботаники, софисты въ эпоху расцвѣта аѳинской демократіи приведены были обстоятельствами столько же къ усвоенію, сколько и къ преподаванію ученій о правѣ и государствѣ. Будучи въ большинствѣ случаевъ пришельцами и менѣе знакомые поэтому съ дѣйствующимъ

законодательствомъ, чѣмъ съ отвлеченными теоріями о происхожденіи справедливости, права, государственнаго общежитія, различныхъ формъ правленія и характера отдѣльныхъ властей, софисты вносили въ свою задачу образованія пригодныхъ къ общественной дѣятельности гражданъ передачу имъ не столько полезныхъ юридическихъ свѣдѣній, сколько философскихъ обоснованій всякаго вообще государственнаго порядка и въ частности—порядка демократическаго. Обучая діалектикѣ и риторикѣ, т.-е. умѣнію разсуждать и выражать мысли словомъ, софисты считали полезнымъ знакомить свою аудиторію и съ тѣмъ, что въ наши дни можетъ быть передано терминомъ политической философіи и естественнаго права. Они излагали эти вопросы въ тѣсной связи съ этикой и руководствовались при ихъ рѣшеніи столько же общими взглядами господствовавшей въ ихъ время матеріалистической метафизики Анаксагора, сколько и представленіями о томъ, что можетъ считаться нравственнымъ добромъ, а что нравственнымъ зломъ. Едва ли не центральное положеніе между всѣми ими, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ политикѣ, занималъ Протагоръ, взгляды котораго намъ извѣстны только по діалогу Платона, озаглавленному его именемъ. Протагора, повидимому, надо считать родоначальникомъ ученія объ общественномъ договорѣ, какъ положенномъ въ основу соціальнаго и, въ частности, государственнаго быта. По его мнѣнію, люди изъ страха передъ животными, превосходящими ихъ силою и ловкостью, обратились къ совмѣстной жизни и основали города. Но не имѣя понятія о государственномъ искусствѣ, они вслѣдъ за тѣмъ стали причинять другъ другу всякую несправедливость. Послѣдствіемъ этого было, что они разсѣялись по земной поверхности и близки были къ гибели; но озабоченный продленіемъ человѣческаго рода Зевсъ спасъ ихъ, внушивъ имъ уваженіе къ чужимъ авамъ и справедливость. Благодаря его вмѣшательству, ждy людьми возникаютъ союзы, которые обусловливаютъ оюю появленіе дружбы между ними. Зевсъ сдѣлалъ внушеніе

въ этомъ смыслѣ всѣмъ людямъ, безъ различія; иначе союзы, между ними возникшіе, не могли бы пріобрѣсть характера общаго явленія. Однимъ изъ такихъ союзовъ сдѣлалось государство-городъ. Съ возникновеніемъ общежительныхъ группъ люди оказались способными противостоятъ звѣрямъ, такъ какъ имъ стало доступно государственное искусство, частью котораго является искусство военное. Въ только что изложенномъ видѣ разсказъ Платона носитъ характеръ миѳической легенды, но эта легенда, какъ полагаютъ современные критики, не придумана была имъ цѣликомъ, а заимствована изъ сочиненій Протагора. У послѣдняго, однако, вмѣшательство Зевса, по всей вѣроятности, отсутствовало, такъ какъ ему приписывается извѣстное изреченіе: „О богахъ я ничего не знаю; мнѣ такъ же мало извѣстно, что они существуютъ, какъ и то, что ихъ нѣтъ“. Вѣроятно поэтому, что инициатива государственнаго союза приписана была Протагоромъ не богамъ, а самимъ людямъ.

Раздѣляя общія основанія той атомистической теоріи, выразителемъ которой можно считать въ равной мѣрѣ и Демокрита и Анаксагора, Протагоръ, повидимому, и насколько можно судить по передачѣ его взглядовъ Платономъ, связывалъ возникновеніе государства съ тою же необходимостью отказаться отъ причиненія другимъ насилія и несправедливости, отъ которой двѣ тысячи лѣтъ спустя Гоббсъ отправится въ развитіи своего ученія о договорномъ источникѣ государства. По природѣ, утверждалъ онъ, причинять несправедливость—добро, терпѣть же ее—зло, и притомъ зло, превышающее своими размѣрами то добро, какое мы получаемъ отъ причиненія другимъ несправедливости. Вотъ почему люди въ концѣ-концовъ убѣждаются въ необходимости согласиться насчетъ того, чтобы не оказывать впредь несправедливости другимъ и не страдать самимъ отъ нея. Въ этомъ лежитъ источникъ незыблемости разъ установленныхъ договоровъ и нормирующихъ поведеніе правилъ или законовъ. Рѣшено считать справедливымъ то, что установлено закономъ и договоромъ. Былъ ли Протагоръ

первымъ изобрѣтателемъ такой теоріи, или же она высказана была и раньше его? Опираясь на Аристотеля, можно думать, что ее развивалъ и другой софистъ,—Ликофронъ. Аристотель говоритъ о немъ, что онъ первый объявилъ законъ обезпеченіемъ взаимныхъ правъ.

Если мы теперь зададимся мыслью о томъ, какія причины содѣйствовали зарожденію, нигдѣ, какъ въ Аѳинахъ, теоріи договорнаго происхожденія общежитія, государства и закона, то намъ, очевидно, трудно будетъ указать этому другую причину, какъ существовавшій въ этой республикѣ демократическій строй, при которомъ законы являлись выраженіемъ общей воли и политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ всего гражданства. Если прибавить къ этому ту свободу слова и письма, которой не пользовались одновременно ни греческія тираніи ни олигархіи и, поэтому, ни Сиракузы ни Спарта, то легко будетъ понять причину, по которой демократическая доктрина должна была зародиться въ главномъ городѣ Аттики и не ранѣе эпохи Пелопоннесскихъ войнъ. Рэмъ весьма вѣрно указываетъ на то, что державшійся въ большинствѣ греческихъ государствъ и колоній политическій порядокъ не былъ благопріятенъ развитію свободныхъ ученій о государствѣ. Въ сборникѣ стихотвореній, дошедшихъ до насъ отъ конца VI или начала V вѣка и приписываемыхъ Теогнису изъ Мегары, мы читаемъ фразу, которая проливаетъ неожиданный свѣтъ на положеніе людей, критически относившихся къ дѣйствительности. Поэтъ жалуется, что не смѣетъ открыть устъ передъ могущественными людьми своего сословія. Если такъ было въ Мегарѣ, то можно судить о томъ, какія трудности встрѣчало выраженіе свободныхъ политическихъ мыслей въ Сиракузахъ въ эпоху господства тирановъ, въ томъ числѣ Гирона, въ Спартѣ, съ ея охраняющими олигарію эфорами, правомочія которыхъ, какъ мы видѣли, во многомъ напоминаютъ тѣ, которыя принадлежали въ Венеціи инквизиторамъ, наконецъ въ самихъ Аѳинахъ въ эпоху тираніи Пизистратидовъ, т.-е. вплоть до конца VI вѣка (511 г. до Р. Х.).

Разнообразіе правительственныхъ порядковъ, установившихся въ Греціи ко времени появленія софистовъ, объясняетъ намъ причину, по которой ихъ мысль обратилась также впервые къ классификаціи государственныхъ формъ не по тому критерію, какой представляетъ фактъ принадлежности верховенства, или суверенитета, въ однихъ мѣстахъ наслѣдственному правителю, въ другихъ — родовитымъ семьямъ, въ третьихъ — всему народу, а сообразно тому, въ чьихъ рукахъ сосредоточивается дѣйствительное осуществленіе государственной власти. Современные истолкователи политическихъ доктринъ древней Греціи не прочь думать, что въ тѣхъ разсужденіяхъ, какія Геродотъ влагаетъ въ уста персидскихъ сановниковъ, собравшихся послѣ убіенія лже-Смердиса для рѣшенія вопроса о томъ, какой образъ правленія особенно желателенъ въ Персіи, слѣдуетъ искать отраженія ходячихъ воззрѣній на природу государственныхъ формъ,— воззрѣній, выразителями которыхъ въ эпоху Геродота являлись софисты [1]). Извѣстно, что въ этомъ знаменитомъ отрывкѣ Геродотъ воздерживается отъ употребленія термина „демократія“, который входитъ въ обиходъ значительно позже. Мѣсто демократіи занимаетъ у него „государство, построенное на равенствѣ, изономія“. Признаками ея являются занятіе должностей жребіемъ, обязанность сановниковъ давать отчетъ въ своей правительственной и, въ частности, финансовой дѣятельности, и сосредоточеніе важнѣйшихъ дѣлъ, требующихъ обсужденія, въ рукахъ народнаго собранія. Кто не узнаетъ въ этихъ трехъ чертахъ характерныхъ особенностей аѳинской демократіи, съ преобладающей въ ней ролью экклезіи, или вѣча, съ выборомъ большинства должностей жребіемъ и съ обязанностью строгой отчетности со стороны всѣхъ лицъ, призванныхъ къ осуществленію политическихъ функцій? Можно поэтому съ увѣренностью говорить о томъ, что понятіе о государствѣ, построенномъ на равенствѣ, прототипѣ всѣхъ

---

[1]) См. *Rehm.* Geschichte der Staatswissenschaft, стр. 16 и слѣд.

будущихъ народоправствъ, сложилось впервые въ Греціи подъ вліяніемъ примѣра, даннаго Аѳинами V вѣка. Этой формѣ политическаго устройства Геродотъ противополагаетъ двѣ другія. Какъ для народоправства не достаетъ еще термина демократіи, такъ для правительства лучшихъ людей неизвѣстно употребленіе слова „аристократія“; мѣсто ея занимаетъ „олигархія“, а это прямо указываетъ на то, что, въ противность государству, въ которомъ всѣ равны, имѣются такія, въ которыхъ политическая власть сосредоточивается въ рукахъ меньшинства. Олигархія,—это, по описанію Геродота, правительство меньшинства лучшихъ людей, т.-е. родовитыхъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ власть. Въ противность обоимъ, монархія, подъ которой Геродотъ разумѣетъ одинаково и наслѣдственное правительство королей, или базилевсовъ, и пожизненное владычество лица или лицъ, захватившихъ власть въ руки,— тирановъ, имѣетъ, по словамъ отца исторіи, тотъ характерный признакъ, что свободна отъ отвѣтственности и надѣлена возможностью править произвольно. Такъ называемыя „тиранія“ и „базилея“, въ глазахъ Геродота, еще не отличаются другъ отъ друга. Ему, какъ и его современникамъ, чуждо представленіе о томъ, что при тираніи суверенитетъ можетъ принадлежать народу, ввѣряющему одно осуществленіе его, смотря по обстоятельствамъ, то собственному избраннику, то лицу, захватившему власть въ свои руки, но опирающемуся при пользованіи ею на народъ. Ему такъ же мало свойственно представленіе о томъ, что въ тѣхъ же отношеніяхъ суверена и правителя можетъ оказаться меньшинство аристократическихъ и зажиточныхъ семей, съ одной стороны, и случайный удачникъ — тиранъ. Однимъ словомъ, Геродотъ, какъ и всѣ его современники, не проводитъ того различія между порядками государственнаго устройства и государственнаго управленія, между тѣмъ, что̀ нѣмцы разумѣютъ, ·ря о „Verfassungsform“ и тѣмъ, что̀ обнимается у нихъ иномъ „Regierungsform“, которое составляетъ основу ·ѝй современной классификаціи государствъ. Но уже софи-

стамъ извѣстны оба типа единовластія,—монархія и тиранія; первая для нихъ есть закономѣрный порядокъ, вторая же опирается на произволѣ. Въ своемъ „Горгіасъ“ Платонъ приводитъ опредѣленіе софистомъ Полосъ тираніи какъ правительства, въ которомъ начальствующій можетъ дѣлать все, что хочетъ, тогда какъ, — говоритъ онъ, — природа монархіи, какъ государства, основаннаго на правѣ, требуетъ, что къ повиновенію люди были принуждаемы только на основаніи закона. Геродотъ, какъ извѣстно, заканчиваетъ споръ о преимуществахъ отмѣченныхъ имъ формъ правленія признаніемъ монархіи наиболѣе совершенной. Если не въ ея пользу, то, во всякомъ случаѣ, противъ основанной на жребіи, или, какъ онъ выражался, „на бобѣ“, власти нерѣдко невѣжественныхъ народныхъ избранниковъ высказывается и знаменитый противникъ софистовъ—Сократъ, относимый, однако, современниками къ одной съ ними категоріи. Взгляды Сократа, къ сожалѣнію, извѣстны намъ только по пристрастной передачѣ ихъ Ксенофонтомъ и Платономъ. Оба выставляютъ его противникомъ демократіи. Но въ дѣйствительности его пристрастія лежали на сторонѣ такого правительства, при которомъ руководительство другими выпадало бы на долю мудрыхъ и хорошо освѣдомленныхъ людей. Нѣмецкіе истолкователи не прочь употреблять по его адресу терминъ „сторонника чиновнаго государства“ [1]), но это, очевидно, слишкомъ свободное толкованіе мысли, основу которой составляетъ желаніе замѣнить жребій сознательнымъ выборомъ; послѣдній позволилъ бы сосредоточить политическую власть въ рукахъ того или тѣхъ „мужей государства“, о которыхъ, какъ извѣстно, мечталъ и послѣдователь Сократа, Платонъ. Всего интереснѣе отмѣтить въ тѣхъ отрывочныхъ передачахъ взглядовъ Сократа на государство и власть, какіе даютъ намъ Memorabilia Ксенофонта, зародыши ученія о правовомъ государствѣ, какъ отличномъ отъ всякаго, опираю-

---

[1]) См. *Rehm*. Geschicnte der Staatswissenschaft, стр. 26.

щагося на произволъ, каково бы ни было число лицъ, участвующихъ во власти. Не только между монархіей и тираніей проводитъ Сократъ эту черту различія, но и между правительствами, отвѣчающими современному понятію республики. Учитель Платона особляетъ нѣсколько видовъ политій: аристократія для него правительство исполняющихъ законы и политически образованныхъ сановниковъ; плутократія же — правительство однихъ зажиточныхъ, призываемыхъ, какъ таковые, къ общественнымъ должностямъ; наконецъ, тамъ, гдѣ, очевидно, въ силу жребія, всѣ граждане могутъ быть сановниками, тамъ мы имѣемъ демократію. Этотъ терминъ, вошедшій въ употребленіе, какъ отмѣчаетъ Рэмъ, съ эпохи Пелопоннесскихъ войнъ, уже употребляется Сократомъ для выраженія правительства людей невѣжественныхъ, необразованныхъ и неродовитыхъ. Повидимому, Сократъ считаетъ всѣ три формы связанными съ существованіемъ народнаго собранія, или экклезіи, и различаетъ ихъ только по тому, въ чьи руки это собраніе переноситъ дѣйствительное осуществленіе власти: въ руки ли тѣхъ, кто никогда не имѣлъ случая заниматься государственными дѣлами, тѣхъ невѣжественныхъ и безпомощныхъ толпищъ валяльщиковъ, каменщиковъ и башмачниковъ, которые, какъ выражается Сократъ въ передачѣ Ксенофонта, никогда не мыслили о дѣлахъ, или же въ руки свѣдущихъ въ законахъ и посвящающихъ себя государственнымъ заботамъ лучшихъ людей, отличныхъ отъ наиболѣе зажиточныхъ, или плутократовъ. Повидимому, Сократъ не прочь былъ ограничить права народнаго собранія однимъ выборомъ властей и требованіемъ отъ нихъ отчетности въ ихъ дѣйствіяхъ; самое же руководительство государствомъ онъ желалъ ввѣрить меньшинству подготовленныхъ администраторовъ. Такая точка зрѣнія не можетъ считаться отрицаніемъ демократическаго [строя]; иначе намъ пришлось бы приложить тотъ же критерій [къ] доктринамъ Руссо. Послѣдній, какъ мы увидимъ, сосре[д]оточивая суверенитетъ въ рукахъ народа и оставляя за нимъ

законодательную власть, въ то же время сосредоточиваетъ въ рукахъ немногихъ избранныхъ завѣдываніе какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой, подчиняя ихъ въ то же время требованію строгой отчетности. Но если доктрина Сократа не можетъ считаться отрицаніемъ всякой системы народоправства, то она, очевидно, заключаетъ въ себѣ критику водворившихся въ Аѳинахъ порядковъ чистой демократіи, въ которой власть достается не достойнѣйшимъ, а тѣмъ, на кого указалъ жребій.

Главенство невѣжественной толпы и занятіе публичныхъ должностей лицами, не получившими спеціальной подготовки,— вотъ тѣ причины, по которымъ и Сократъ, насколько его взгляды извѣстны намъ изъ передачъ Платона и Ксенофонта, далеко не является сторонникомъ аѳинской демократіи. Весьма характерно выступаетъ критическое отношеніе его къ ней въ извѣстномъ діалогѣ съ Алкивіадомъ. Уже въ „Меморабиліяхъ" Ксенофонта Сократъ изображенъ намъ противникомъ тѣхъ порядковъ, при которыхъ выборъ главы республики рѣшается, какъ онъ выражался, „бобомъ". „Вѣдь никто не подумаетъ,—говорилъ онъ,—назначить этимъ способомъ ни лоцмана, ни архитектора, ни играющаго на флейтѣ музыканта, а между тѣмъ ошибки, вызванныя ихъ неспособностью къ дѣлу, менѣе гибельны, чѣмъ тѣ, какихъ можно ждать отъ недостаточно подготовленныхъ къ своему служенію правителей". Въ разговорѣ съ Алкивіадомъ тотъ же Сократъ, на этотъ разъ въ передачѣ Платона, говоритъ: „Никто не заботится въ Аѳинахъ ни о рожденіи, ни о воспитаніи, ни объ образованіи. Периклъ далъ тебѣ, напримѣръ, учителемъ раба Запира; я знаю приблизительно все то, чему Запиръ обучилъ тебя. Насколько я помню, ты пріобрѣлъ способность читать, играть на цитрѣ и участвовать въ ристалищахъ; этимъ и окончилось все твое воспитаніе". Сократъ недоумѣваетъ, какъ при такой слабой подготовкѣ Алкивіадъ будетъ въ состояніи давать добрые совѣты аѳинянамъ. „Вѣдь давать совѣты, — говоритъ онъ, — можетъ только тотъ, кто

имѣетъ необходимыя знанія о предметѣ". При рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ Алкивіаду, по мнѣнію Сократа, будетъ недоставать опредѣленнаго представленія о томъ, что—право и что—не право. „Но, — отвѣчаетъ Алкивіадъ, — мнѣ извѣстно это не хуже другихъ".—„Кто же обучилъ тебя этому?"—спрашиваетъ Сократъ.—„Толпа",—слѣдуетъ отвѣтъ. „Вотъ видишь ли,—замѣчаетъ Сократъ,—то, что ты говоришь мнѣ теперь, всего болѣе осуждаетъ тебя. Ты набросился на политику, не получивши предварительно научнаго образованія. Но такъ же поступали и другіе люди, играющіе роль въ нашемъ государствѣ. И весьма ничтожно число тѣхъ, кто въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе". Тотъ же Сократъ критиковалъ, по словамъ Ксенофонта, слѣдующее опредѣленіе закона, данное Перикломъ: „Законъ—все то, что народъ на собраніи или вѣчѣ облекъ своей санкціей, все, что онъ приказалъ дѣлать или не дѣлать". На это заявленіе слѣдуетъ вопросъ: „Но что же онъ велитъ дѣлать—добро или зло?"—„Отъ кого бы ни изошелъ приказъ,—принужденъ сознаться въ концѣ-концовъ Периклъ,—разъ онъ основанъ только на силѣ, въ немъ нельзя видѣть закона". — „Но въ такомъ случаѣ, — заявляетъ Сократъ, — можно ли считать закономъ то, что толпа предписываетъ богатымъ, не получивъ на то предварительно ихъ согласія? [1]) Діалогъ ведется между Перикломъ и Алквіадомъ, который выступаетъ на этотъ разъ въ роли истолкователя мыслей Сократа. Всѣ приведенныя изреченія подтверждаютъ увѣреніе Ксенофонта, что Сократъ считалъ законнымъ повелителемъ только того, кто по своимъ способностямъ, уму и знанію призванъ управлять людьми.

Тѣмъ интереснѣе отмѣтить полное отсутствіе всякой враждебности къ установившемуся въ Аѳинахъ къ срединѣ V вѣка государственному строю въ передачѣ Ѳукидидомъ рѣчи аѳинскаго стратега и фактическаго руководителя демоса—Перикла[2]).

---

[1]) *Ксенофонтъ* „Меморабиліи", кн. I гл. II.

[2]) Необходимо, однако, не терять изъ виду, что во времена Перикла цычество черни еще не упрочилось въ Аѳинахъ и что самъ Периклъ

„Нашимъ порядкамъ,—сказалъ онъ,—чуждо стремленіе уподобиться примѣру сосѣдей. Вмѣсто того, чтобы подражать другимъ народамъ, мы сами намѣрены служить имъ образцомъ; наши порядки справедливо называютъ демократіей, такъ какъ у насъ государство управляется не въ интересахъ немногихъ, а въ интересахъ большинства, и каждый, согласно законамъ, имѣетъ равныя права съ другими. Всякій можетъ поэтому принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Не рожденіе, а доблесть опредѣляетъ у насъ каждому его мѣсто. Даже бѣдность не препятствуетъ никому оказывать, хотя бы на скромномъ посту, услуги государству... Отъ нарушенія законовъ предохраняетъ насъ то уваженіе, какимъ мы окружаемъ какъ ихъ самихъ, такъ и правительство. Особеннымъ почетомъ пользуются у насъ тѣ нормы, которыя служатъ защитой для слабыхъ, а также тѣ, которыя, не имѣя письменной записи, самымъ существованіемъ своимъ внушаютъ намъ благоговѣйный трепетъ“ (намекъ не на естественные законы, а, какъ доказываетъ, между прочимъ, Шварцъ, на тѣ религіозныя нормы, истолкователями которыхъ являлись оракулы).

Въ приведенныхъ словахъ можно видѣть только описаніе природы и, выражаясь языкомъ Монтескьё, жизненнаго принципа аѳинской демократіи. На ея генезисъ, на ея тѣсную зависимость отъ распредѣленія матеріальныхъ силъ и общественнаго вліянія указываетъ другой дошедшій до насъ отрывокъ, сохраненный Стобеемъ. Онъ принадлежитъ не стороннику, а, наоборотъ, критику аѳинскихъ порядковъ, но критику, озабоченному мыслью пріискать въ условіяхъ дѣйствительности достаточное имъ обоснованіе. Отрывокъ носитъ заглавіе: „Разсужденіе о государствѣ аѳинянъ“. Его ошибочно припи-

озаботился закрытіемъ доступа въ народное собраніе всѣмъ лицамъ, не происходившимъ по отцу и матери отъ гражданъ. Лейстъ, въ числѣ другихъ, весьма подчеркиваетъ ту особенность аѳинской демократіи отъ современныхъ, что въ ней родовитыя семьи, вплоть до времени Перикла, играли руководящую роль („Greco-italische Rechtsgeschichte“).

сываютъ Ксенофонту. Авторъ указываетъ на полную согласованность отдѣльныхъ частей аѳинской конституціи и на пріуроченіе ихъ къ одной цѣли—сохраненія правъ верховенства за народомъ. „Я не хвалю аѳинянъ, — пишетъ онъ, — за то, что они имѣютъ такое устройство, такъ какъ оно даетъ простонародію перевѣсъ надъ знатными; но разъ аѳиняне высказались въ такомъ смыслѣ, нельзя не признать, что они сумѣли также принять всѣ мѣры къ упроченію избранныхъ ими порядковъ. Во-первыхъ, я долженъ отмѣтить, что въ Аѳинахъ съ полнымъ правомъ бѣдные и чернь пользуются преимуществами надъ богатыми и благородными, такъ какъ мореплаваніемъ занятъ здѣсь простой народъ и отъ мореплаванія зависитъ могущѣство государства“. Я тѣмъ охотнѣе привожу это мѣсто, что оно можетъ считаться древнѣйшимъ примѣромъ того толкованія историческихъ фактовъ, которое недавно окрещено было терминомъ экономическаго матеріализма. Оно, какъ извѣстно, ищетъ въ условіяхъ народнаго производства объясненія причинъ тѣхъ или другихъ особенностей политическаго строя. Очевидно, что это направленіе создано не тѣмъ или другимъ новѣйшимъ экономистомъ, а присуще было издревле всѣмъ, кто занятъ былъ вопросами права и экономіи, будутъ ли ими греческіе философы V вѣка до Р. Х., или французскіе и итальянскіе экономисты XVII и XVIII столѣтій, или еще родоначальники современнаго соціализма, начиная отъ Сенъ-Симона и оканчивая не только Марксомъ, но также Лоренцомъ-Штейномъ, авторомъ еще недавно весьма извѣстнаго труда „Понятіе объ обществѣ и соціальная исторія французской революціи“ [1]).

Съ цѣлью доказать, что аѳиняне поступили справедливо, надѣливъ демосъ самодержавіемъ, разбираемый нами авторъ говоритъ: „Лоцманы и капитаны, начальники надъ матросами и шкиперами, какъ и вообще всѣ, участвующіе въ снаряже-

---

[1]) См. мою недавнюю монографію „Современные соціологи“, отдѣлъ о экономическомъ матеріализмѣ.

ніи судовъ, гораздо болѣе содѣйствуютъ силѣ и могуществу аѳинскаго государства, чѣмъ тяжеловооруженная пѣхота — гоплиты, благородные и знатные. При такихъ условіяхъ нельзя не признать справедливымъ, что всѣ въ Аѳинахъ въ правѣ участвовать въ занятіи государственныхъ должностей, идетъ ли дѣло о тѣхъ, на какія можно попасть по жребію, или о тѣхъ, при замѣщеніи которыхъ принято указывать на кандидата простымъ поднятіемъ руки. Нельзя не одобрить также, что каждый въ Аѳинахъ имѣетъ право высказывать свое мнѣніе при обсужденіи государственныхъ дѣлъ. „Многіе удивляются, правда, тому, что аѳиняне даютъ такъ много преимуществъ людямъ незначительнымъ и бѣднымъ, вообще сынамъ демоса; но по-моему, — продолжаетъ авторъ, — благодаря этому они только и въ состояніи сохранить существующее у нихъ народовластіе. Разъ большинству и въ особенности мелкому люду открывается возможность попасть въ хорошее положеніе, они естественно пріобрѣтаютъ желаніе всячески содѣйствовать упроченію столь полезной для нихъ конституціи... Можно было бы высказать то мнѣніе, что аѳинянамъ не подобаетъ безъ разбора дозволять каждому подавать свой голосъ и участвовать въ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ на народномъ собраніи, что лучше было бы допустить къ этому только способнѣйшихъ и знатнѣйшихъ, но аѳиняне хорошо знаютъ, что дѣлаютъ, такъ какъ допусти они къ такимъ преніямъ только знать, послѣдняя, очевидно, стала бы принимать мѣры, клонящіяся исключительно къ собственной ея пользѣ. Демосу хорошо извѣстно, что, несмотря на свое невѣжество и свою невзрачность, простолюдинъ, говорящій въ рядахъ собранія, болѣе принесетъ пользы интересамъ простонародья, чѣмъ благородный, обыкновенно враждебно къ нему настроенный, при всей своей доблести и мудрости. Если подобные порядки и не позволяютъ поднять аѳинское государство до высшей степени благополучія, то они, съ другой стороны, всего болѣе годятся для сохраненія и упроченія демократіи. Какъ бы хорошъ ни былъ

государственный порядокъ, разъ имъ простонародье можетъ быть поставлено въ положеніе рабовъ, демосъ не потерпитъ его. Вѣдь онъ хочетъ свободы и владычества". Авторъ высказываетъ свои аристократическія пристрастія, говоря: „Только тамъ, гдѣ наиболѣе способные люди даютъ законы остальнымъ, гдѣ одни благородные осуществляютъ право уголовнаго суда и высказываютъ свои мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ, только тамъ можетъ существовать хорошее правительство. Но такіе вполнѣ совершенные порядки могли бы легко вовлечь демосъ въ неволю. Правда, простолюдинъ не ищетъ въ Аѳинахъ занятія такихъ должностей, которыя, кѣмъ бы онѣ ни были замѣщаемы, знатными или незнатными, равно могутъ принесть народу столько же убытка, сколько и выгоды. Люди изъ простонародья не стремятся на должности стратеговъ, или полководцевъ, на мѣста начальниковъ надъ гоплитами, или тяжелой пѣхотой. Демосъ хорошо знаетъ, что онъ извлечетъ больше пользы для себя, не замѣщая этихъ должностей иначе, какъ людьми могущественными и богатыми. Иначе относится простолюдинъ къ тѣмъ должностямъ, съ занятіемъ которыхъ связано полученіе извѣстной платы; ихъ онъ беретъ охотно уже въ виду той выгоды, какую его кухни доставитъ такое мѣсто". Говоря это, авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду тотъ фактъ, что въ Аѳинахъ должности, связанныя съ издержками и денежной отвѣтственностью, обыкновенно поручались людямъ зажиточнымъ, въ родѣ Перикла или Алкивіада,— обстоятельство, позволявшее простонародью пользоваться услугами не враждебныхъ ему и всегда отвѣтственныхъ передъ нимъ лучшихъ людей. Тѣмъ самымъ парализовано было до нѣкоторой степени вредное вліяніе, какое несомнѣнно оказало бы на судьбы аѳинской демократіи систематическое предпочтеніе низшихъ классовъ высшимъ. Ему препятствовало, впрочемъ, и то суевѣрное отношеніе къ преимуществамъ ождения, которое имѣло источникомъ своимъ такъ долго эржавшійся культъ предковъ и домашняго очага. О поэніи, какимъ аѳиняне окружали родовитыхъ людей въ

самый разгаръ демократическихъ страстей, можно составить себѣ понятіе по сочиненіямъ поэтовъ-трагиковъ, Эсхила или Софокла. Шварцъ весьма удачно показываетъ многочисленными выдержками изъ ихъ трагедій, что величайшій упрекъ, какой можно было сдѣлать человѣку, попавшему на общественный постъ, состоялъ въ томъ, что онъ низкаго рожденія. „Даже въ эпоху Пелопоннесскихъ войнъ терминъ „хорошій" и „дурной",—говоритъ Шварцъ,—употреблялись для обозначенія того, имѣются ли у даннаго лица знаменитые предки, или не имѣются. Комикъ Ѳерекратъ въ пьесѣ, озаглавленной „Муравьи-люди", осмѣиваетъ тѣхъ, кто, не имѣя предковъ, желалъ бы добиться высокаго положенія. Стихотворецъ Эвполисъ, десять лѣтъ спустя послѣ смерти Перикла, еще считаетъ позоромъ занятіе мѣстъ стратеговъ, т.-е. полководцевъ, лицами незнатнаго происхожденія [1]).

Все это надо имѣть въ виду, чтобы понять причину, по которой аѳинскій демосъ не прочь былъ выбирать своими сановниками лицъ высшаго общественнаго положенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда съ занятіемъ должности необходимо связаны были имущественныя затраты. Тотъ же демосъ весьма охотно принималъ отъ зажиточныхъ гражданъ пожертвованія на сооруженіе флота и на устройство игръ и пиршествъ. Разбираемый нами анонимный писатель выставляетъ противъ демоса открытое обвиненіе въ продажности, говоря: „Утверждаютъ, что можно многого добиться въ Аѳинахъ (въ смыслѣ ускоренія процессовъ передъ народными судами и проведенія тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ сенатѣ), прибѣгая къ подкупу. Я согласенъ,— прибавляетъ нашъ авторъ,— что въ Аѳинахъ можно сдѣлать не мало съ помощью денегъ, но и онѣ не въ состояніи были бы избавить стороны отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣетъ обремененіе совѣтовъ дѣлами". Чтобы обосновать эту мысль, противникъ аѳинской демократіи пускается въ перечень тѣхъ разнообразныхъ во-

---

1) *Шварцъ*, стр. 178 — 179.

просовъ, какіе приходится подымать и рѣшать на народномъ вѣчѣ, или экклезіи. Въ числѣ другихъ занятій немало времени беретъ ежегодный выборъ чиновниковъ, такъ какъ ему предшествуетъ наведеніе подробныхъ справокъ о томъ, имѣетъ ли кандидатъ право на занятіе должности; по окончаніи же службы требуется строгая отчетность во всѣхъ затратахъ. Собираніе свѣдѣній о томъ, въ правѣ ли данное лицо занять должность, на которую оно выбрано, извѣстно было въ Аѳинахъ подъ наименованіемъ докимеціи... Требованіе отчетности отъ выходящаго въ отставку чиновника соблюдалось съ такою строгостью, что ему не позволялось даже покинуть города раньше повѣрки его счетовъ. Если прибавить къ этому, что частныя лица могли обжаловать всякія дѣйствія властей, нарушающія ихъ законныя права, то нетрудно будетъ прійти къ тому заключенію, что аѳинской конституціей приняты были мѣры, ограждающія интересы частныхъ лицъ и казны отъ произвола неразборчивыхъ на средства демагоговъ, успѣвшихъ склонить народъ въ свою пользу снаряженіемъ ли на свой счетъ военныхъ судовъ, триремъ, или незаконными подачками избирателямъ. „Лицамъ, злоупотреблявшимъ властью,— пишетъ нашъ авторъ,— грозитъ потеря чести (имѣвшая послѣдствіемъ лишеніе ихъ политическихъ правъ)“. Онъ настаиваетъ на томъ, что многіе изъ знатныхъ несправедливо подвергались такому наказанію, и видитъ въ этомъ опятъ-таки доказательство ненависти демоса къ знати,— ненависти, взаимность которой онъ въ то же время вполнѣ признаетъ. Вообще, нашъ авторъ держится того мнѣнія, что учрежденія Аѳинъ, какъ сознательно направленныя къ владычеству демоса, не могутъ подвергнуться существеннымъ улучшеніямъ. Можетъ итти рѣчь развѣ о ничтожныхъ измѣненіяхъ, да и то вводимыхъ постепенно. Реформировать же на широкую ногу было бы равнозначительно упраздненію демократіи [1]).

---

[1]) Трактатъ о государствѣ аѳинянъ приписывается новѣйшими писателями то Критіасу, то Антиѳону или ритору Ксенофонту, отлич-

Къ числу противниковъ народовластія надо отнести и древнѣйшаго изъ политическихъ теориковъ Греціи — Гиподама изъ Милета, но только въ томъ смыслѣ, что всѣмъ формамъ правленія, монархіи, аристократіи и демократіи, объ относительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ которыхъ заходитъ рѣчь еще у Геродота [1]), онъ предпочитаетъ смѣшанную, соединяющую въ себѣ всѣ преимущества названныхъ. Съ этой оговоркой можно сказать, что Гиподамъ признавалъ необходимымъ дать демосу широкое участіе въ дѣлахъ. „Гражданинъ,—говорилъ онъ,—будучи членомъ государства, въ правѣ претендовать на почести и преимущества, какими располагаетъ послѣднее. Но не слѣдуетъ давать черезчуръ большого вліянія простонародью, такъ какъ оно слишкомъ смѣло и необдуманно въ своихъ дѣйствіяхъ“. Это не мѣшало Гиподаму высказываться въ пользу избранія сановниковъ народомъ и образованія путемъ такихъ выборовъ даже высшаго судебнаго трибунала старцевъ,—трибунала, которому въ апелляціонномъ порядкѣ предоставлено было бы пересматривать дѣла, уже

ному отъ извѣстнаго автора „Киропедіи“. Онъ приведенъ въ сочиненіи Шварца, стр. 142 — 160.

[1]) Геродотъ влагаетъ въ уста одного изъ сатраповъ, собравшихся для рѣшенія вопроса о томъ, какую форму правленія наиболѣе желательно избрать въ Персіи послѣ убійства короля мага Лже-Смердиса, слѣдующія похвалы демократіи: „Это владычество равенства и закона, изонимія. Сановникъ, избранный жребіемъ, отвѣтственъ при ней за свои административныя мѣропріятія. Всѣ обсужденія производятся сообща,—однимъ словомъ, все въ изониміяхъ находится въ рукахъ народа“. Этому панегирику противополагается слѣдующая критика, влагаемая въ уста другого сатрапа: „Нѣтъ ничего безумнѣе и наглѣе толпы; желая избѣжать надменности тирана, легко сдѣлаться жертвой тираніи необузданнаго народа; но можетъ ли быть что-либо болѣе невыносимаго? У народа не имѣется ни пониманія ни разума; лишенный образованія, онъ не цѣнитъ ни красоты, ни чести, ни приличія; безъ зрѣлаго разсужденія онъ бросается въ то или другое предпріятіе, подобный въ этомъ отношеніи ничѣмъ не сдерживаемому потоку“. (*Геродотъ*. „Талія“, книга III, гл. 80 по 83).

рѣшенныя предварительно, но вызвавшія недовольство и жалобы одной изъ сторонъ [1]).

Такимъ образомъ въ эпоху полнаго расцвѣта демократическихъ учрежденій въ Аѳинахъ нельзя указать ни на одного писателя, который бы объявилъ себя открыто сторонникомъ народовластія. Послѣднее кажется философамъ не согласнымъ съ тѣмъ господствомъ разума, поборниками котораго они являются въ борьбѣ съ народными суевѣріями, облеченными въ форму легендъ, и со всей системой эллинской теогоніи. Верховенство разума, провозглашенное уже Сократомъ, признается и ближайшими его послѣдователями, между прочимъ Платономъ; оно же заставляетъ Ксенофонта и Критія отдать рѣшительное предпочтеніе спартанскимъ порядкамъ надъ аѳинскими, поставить ихъ въ образецъ аѳинянамъ и пріурочить къ нимъ проекты задуманныхъ реформъ. Критій, въ частности, сдѣлавшись главою тридцати тирановъ, водворившихся въ Аѳинахъ при содѣйствіи Спарты и послѣ пораженія, нанесеннаго флоту аѳинянъ Лизандромъ} при Эгоспотамосѣ въ 405 году до Р. Х., открыто заявляетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что лучшая конституція несомнѣнно лакедемонская; онъ гордится тѣмъ, что всегда противился лицамъ, утверждавшимъ, что демократія требуетъ участія въ дѣлахъ и тѣхъ, кто по бѣдности готовъ продать отечество за драхму. „Моимъ убѣжденіемъ всегда было и до сихъ поръ остается,—говоритъ онъ,—что тѣ, кто служитъ государству конемъ и щитомъ, должны и управлять имъ" [2]).

Неудивительно послѣ этого, если и Платонъ, бывшій въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ въ молодости къ опричнинѣ

---

[1]) Отрывокъ изъ сочиненія Гиподама сохранился у Стобея, Stobaei Florilegium, изданіе Гесфорда, т. II, стр. 122. Кромѣ того, мы имѣемъ въ „Политикѣ" Аристотеля критику отдѣльныхъ ученій Гиподама. Этими двумя источниками пользуется Сюдръ при возстановленіи поли...скихъ ученій того, кто Аристотелемъ признанъ древнѣйшимъ изъ ...телей Греціи, подымавшихъ вопросъ о наилучшей формѣ правленія. *Шварцъ*, стр. 375 и 376.

тридцати тирановъ, не отдѣлался и въ позднѣйшіе годы отъ враждебности къ аѳинскому демосу. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи его книга „О законахъ“. Въ отличіе отъ его же трактата „О республикѣ“, эта книга носитъ характеръ не утопіи, а проекта практической реформы государственныхъ учрежденій. Проектъ этотъ, какъ думаютъ, составленъ былъ для Сициліи, гдѣ Платонъ надѣялся сыграть при юномъ тиранѣ Діонисіи роль новаго Ликурга. Въ книгѣ „О законахъ“ Платонъ остается вѣренъ тѣмъ предубѣжденіямъ противъ демоса, какія онъ обнаружилъ въ болѣе раннемъ діалогѣ о „Мужѣ государственномъ“. Въ „Законахъ“, говоря о демократіи, отождествляемой имъ съ владычествомъ толпы, Платонъ признаетъ его слабымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ верховная власть при немъ разсѣяна между тысячами людей. Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Миносъ“, тотъ же Платонъ восторженно отзывается о конституціи лакедемонянъ и во многомъ сходной съ нею критской. Кому не извѣстно также, что спартанскіе порядки не разъ принимаемы были имъ въ расчетъ при построеніи того идеальнаго государства, какимъ является его республика. Такъ, прототипомъ проповѣдуемаго имъ коммунизма въ средѣ воиновъ и гражданъ служатъ спартанскія сисситіи, или общія трапезы.

Платонъ отдаетъ предпочтеніе порядкамъ, въ которыхъ разумнѣйшій, въ лицѣ молодого тирана [1]), имѣя руководителемъ ловкаго и мудраго законодателя и только въ крайнемъ случаѣ меньшинство лучшихъ гражданъ, правитъ страною, обнаруживая въ своихъ дѣйствіяхъ не только высокій умъ,

[1]) Клиній, обращаясь къ аѳинянину, говоритъ: „И такъ ты думаешь, что лучшія условія, въ какихъ можетъ быть государство, ищущее совершенной конституціи,—это состоять подъ властью тирана, умѣреннаго и пользующагося содѣйствіемъ ловкаго законодателя... Ты думаешь, что за тираніей наилучшимъ устройствомъ можетъ считаться олигархія и только за нею слѣдуетъ демократія“. На это аѳинянинъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, на первый планъ я ставлю тиранію, а на второй монархическій образъ правленія, на третій же извѣстный видъ народовластія и только въ чет-

но и знаніе абсолютныхъ истинъ. Такой политическій идеалъ, очевидно, ставитъ Платона въ невозможность отнестись иначе, какъ отрицательно, къ аѳинскимъ учрежденіямъ. Впрочемъ, всѣ существовавшія въ его время правительства на его взглядъ не заслуживали даже этого имени, такъ какъ во всѣхъ ихъ одна часть гражданъ начальствовала, а другая находилась въ состояніи, близкомъ къ рабству. Самое различіе въ названіяхъ, приданныхъ правительствамъ, обусловливалось тѣмъ, кому принадлежало начальствованіе [1]). „Въ государствѣ, всего болѣе приближающемся къ совершенству тѣхъ первобытныхъ временъ, какія связаны съ памятью о золотомъ вѣкѣ Сатурна, публичныя должности,—пишетъ Платонъ,— принадлежатъ не людямъ, отличающимся богатствомъ или рожденіемъ, силой или высокимъ ростомъ, а гражданамъ, заявившимъ себя болѣе другихъ способными повиноваться законамъ. Всюду, гдѣ законъ повелѣваетъ, а сановники—первые его служители, общественное благополучіе обезпечено наравнѣ съ прочими благами, какія боги готовы предоставить человѣческимъ сообществамъ“. Такъ именно выражается одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, выводимыхъ Платономъ,— аѳинянинъ. „Ничто не можетъ быть справедливѣе“ отвѣчаетъ ему Клиній — другое изъ дѣйствующихъ лицъ діалога, указывая тѣмъ, что Платонъ самъ раздѣлялъ подобныя воззрѣнія. Очевидно, что такой порядокъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ господствомъ невѣжественной толпы, какимъ, какъ мы видѣли, представляется Сократу и его послѣдователямъ аѳинская демократія. „Я называю невѣжествомъ,—говоритъ у Платона аѳинянинъ,—такое настроеніе души, когда она возмущается противъ науки, разсудка и разума, ея законныхъ повелителей... Надо считать

вертый рядъ —охлократію (или владычество толпы); она по природѣ своей наименѣе способна сдѣлаться колыбелью совершеннаго правительства, ...къ какъ въ ней всего болѣе владыкъ“. (См. переводъ сочиненій ...атона на французскій языкъ подъ редакціей Saisset, том. VIII, стр. ... „Законы“, книга IV).

[1]) Ibid., стр. 229 и 232.

несомнѣнной истиной, что, лица, отличающіяся такимъ невѣжествомъ, не должны имѣть участія въ дѣлахъ правленія, какими бы тонкими резонерами они ни были и какъ бы ни изощрялись во всемъ, что сообщаетъ блескъ уму и быстроту сужденію. Иное дѣло, если съ противоположнымъ настроеніемъ, т.-е. съ уваженіемъ къ знанію, разсудку и разуму, случайно связано будетъ и незнакомство съ грамотой" [1]). Платонъ устами аѳинянина объявляетъ себя противникомъ предоставленія кому бы то ни было чрезмѣрной власти [2]). Онъ думаетъ, что въ каждомъ правительствѣ необходимо соединить монархическое начало съ демократическимъ. „Можно,—говоритъ аѳинянинъ,—по справедливости утверждать, что имѣется два типа политическихъ конституцій; отъ нихъ происходятъ всѣ остальныя; одинъ типъ представляетъ монархія, другой—демократія; у персовъ — первая, у аѳинянъ — вторая получили наиболѣе полное признаніе; всѣ же прочія конституціи, какъ я уже сказалъ, составлены и смѣшаны изъ этихъ двухъ" [3]). Какъ бы для иллюстраціи сказаннаго, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ о лакедемонскомъ правительствѣ: „Не знаю, какое дать ему имя; оно кажется мнѣ тираніей, насколько въ немъ господствуетъ власть эѳоровъ,—власть поистинѣ неограниченная; съ другой стороны, права народа, или демоса, признаны въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ; было бы также нелѣпымъ отрицать за Спартою титулъ аристократіи; что же касается до королевской власти, то она здѣсь пожизненна" [4]).

Надо отдать спартанцамъ еще ту справедливость, что они, не придавая преимуществъ богатымъ надъ бѣдными, когда дѣло идетъ о воспитаніи или занятіи должностей, знаютъ только одно различіе,—то самое, какое было установлено ихъ боже-

---

1) Ibid., кн. III, стр. 181.
2) Ibid., стр. 189.
3 Ibid., стр. 190.
4) Ibid., кн. VI, стр. 228.

ственнымъ законодателемъ (Ликургомъ). За это ихъ нельзя не одобрить, такъ какъ поистинѣ не слѣдуетъ признавать особыхъ почестей за богатствомъ [1]). Съ другой стороны, примѣръ аѳинянъ, въ глазахъ Платона, доказываетъ, что абсолютное владычество демоса, независимость его отъ всякой власти, несравненно менѣе удобны; авторъ „Законовъ" рѣшительно высказывается въ пользу Солоновой конституціи, при которой занятіе тѣхъ или другихъ должностей зависѣло отъ принадлежности къ высшимъ изъ тѣхъ четырехъ классовъ, на которые раздѣлены были граждане. „Въ это время,—говоритъ онъ,—всѣ аѳиняне отличались уваженіемъ къ законамъ и желаніемъ жить подъ ихъ властью. Простой народъ ни надъ кѣмъ не владычествовалъ, являлся добровольнымъ рабомъ законовъ". Но аристократическое правительство уступило мѣсто народному; Платонъ называетъ его театрократическимъ, такъ какъ при немъ театральныя представленія начинаютъ оказывать большое вліяніе на порчу нравовъ, лишая народъ всякой благопристойности и удержи. Каждый признаетъ себя отнынѣ способнымъ судить и рядить обо всемъ; развился повсюду духъ независимости. Хорошее мнѣніе, какое любой гражданинъ имѣетъ о себѣ самомъ, и отсутствіе всякаго страха породили общее безстыдство. Доводитъ наглость до того, чтобы не считаться съ мнѣніемъ людей лучше себя,—такова, по Платону, высшая степень безстыдства; корень же ея лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чрезмѣрной независимости, порожденной народовластіемъ [2]). За этимъ видомъ независимости слѣдуетъ и тотъ, который состоитъ въ нежеланіи признавать авторитетъ сановниковъ. Еще одинъ шагъ, и явится неуваженіе къ отеческой власти и нежеланіе подчиняться старцамъ и даваемымъ ими совѣтамъ. По мѣрѣ приближенія къ чрезмѣрной свободѣ люди отрѣшаются отъ всякаго уваженія къ законамъ; дошедши до

---

[1]) Ibid., кн. III, стр. 195.
[2]) Ibid., стр. 205.

этой ступени, они начинаютъ нарушать данное слово, пренебрегаютъ святостью присяги. Боги болѣе не признаются ими; люди подражаютъ въ смѣлости титанамъ, а это приводитъ ихъ къ заслуженной карѣ: ихъ существованіе становится сплетеніемъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Въ этой мрачной картинѣ нетрудно узнать судьбы Аѳинъ въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за окончаніемъ Пелопоннесской войны и завершившійся установленіемъ олигархіи 30-ти тирановъ.

Нельзя сказать, однако, и о Платонѣ, чтобы въ свои построенія образцоваго государственнаго порядка онъ не перенесъ нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, черты аѳинской демократіи. Изъ новѣйшихъ истолкователей его дектрины, Рэмъ, какъ мнѣ кажется, весьма удачно отмѣтилъ тотъ фактъ, что за народомъ Платонъ, подобно Сократу, оставляетъ право выбора сановниковъ. Одинъ выборъ, въ его глазахъ, позволяетъ провести въ жизнь то начало логическаго равенства, при которомъ должность поручается людямъ въ виду ихъ большей или меньшей годности къ ней [1]). Но выбирая на должности, демосъ въ то же время ничѣмъ самъ не завѣдуетъ и въ частности ничѣмъ не управляетъ. У Платона уже можно найти зародышъ той мысли, что исполненіе, какъ требующее быстроты мѣропріятій, не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ измѣнчиваго настроенія толпы. У него уже проводится различіе между функціей обсужденія и функціей дѣйствованія, между тѣмъ, что французскому административному праву будетъ извѣстно подъ терминомъ „délibérer", и тѣмъ, чему отвѣчаетъ понятіе „agir" [2]). Рэмъ возводитъ поэтому къ Платону противоположеніе властей законодательной и административной, какъ тому же Платону приписывается имъ, и совершенно правильно, противоположеніе закона, какъ общей нормы, и административнаго распоряженія

---

[1]) *Rehm*. Gesch. der Staatswissenschaft, стр. 34.

[2]) Извѣстный афоризмъ французскаго административнаго права со временъ Сіэса и Наполеона I гласитъ: „Agir est le fait d'un seul, délibérer est le fait de plusieurs".

какъ нормирующаго единичные случаи [1]). Наконецъ къ Платону, требующему подчиненія сановниковъ закону, приходится отнести и первоначальное зарожденіе теоріи правового государства, т.-е. такого, въ которомъ „законъ есть то начало, которое всѣмъ управляетъ“. Всѣ формы политическаго устройства, каково бы ни было число правящихъ и кѣмъ бы ни были эти послѣдніе, богатые или бѣдные, знатные или простонародье, захватившіе власть силою или наслѣдственные династы, кажутся Платону одинаково неправильными, если власть при нихъ не осуществляется или мужами государственными, т.-е. призванными благодаря своей мудрости и знанію къ руководительству согражданами, или избранными согласно закону сановниками [2]). Первый идеалъ выставляется Платономъ въ трактатѣ о „Республикѣ“, второй—въ сочиненіи „О законахъ“. Да и могло ли бы государство въ противномъ случаѣ исполнить ту миссію установленія между людьми справедливости, къ которой онъ сводилъ высшую его задачу? [3]) Но если Платонъ—сторонникъ правового государства съ демократическою основою, то онъ приближается къ аѳинскимъ порядкамъ еще и въ томъ отношеніи, что требуетъ отъ подчиненныхъ законамъ сановниковъ строгой отчетности, для чего и создаются имъ особыя коллегіи, передъ которыми всѣ сановники, не исключая и высшихъ, т.-е. стражей закона, призваны давать отчетъ въ своемъ поведеніи по окончаніи срока ихъ службы [4]). Черты старинныхъ аѳинскихъ порядковъ выступаютъ и въ устраненіи отъ государственной дѣятельности всѣхъ лицъ, занятыхъ ремеслами и торговлей. Въ этомъ положеніи во времена, предшествующія Солону, были метойки, которые въ Аѳинахъ и не включены были въ

---

[1]) Ср. *Rehm*, стр. 44 и 45.

[2]) *Rehm*, стр. 31, 33, 34 и 35.

[3]) „Людямъ необходимы законы,—пишетъ Платонъ;—государство, которомъ они правятъ,— спасено. То же, въ которомъ они не пра-ъ. близко къ гибели“ (*Rehm*, стр. 38).

[4]) Ibid, стр. 36.

число гражданъ. Но въ то время, когда Платону пришлось строить свой идеалъ совершеннаго государства, т.-е. въ первой половинѣ IV столѣтія, низшіе классы гражданъ уже уподобились въ способѣ добыванія средствъ къ жизни этимъ метойкамъ. Платонъ остался такимъ образомъ вѣренъ началамъ исконнаго аѳинскаго строя, устраняя это большинство производительнаго гражданства отъ участія въ политическомъ руководительствѣ страны [1]).

§ 3. Мы настолько познакомились съ политическими воззрѣніями Платона, насколько это было необходимо для характеристики его отношенія къ аѳинской демократіи.

Намъ предстоитъ въ настоящее время сдѣлать то же по отношенію къ Аристотелю. Послѣдній, какъ извѣстно, помимо „Политики", является еще авторомъ сжатыхъ характеристикъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ его время конституцій—158 греческихъ и ряда варварскихъ; послѣднія собраны были имъ въ 4 книги; въ числѣ ихъ была и конституція карѳагенянъ, о которой Аристотель упоминаетъ вкратцѣ въ своей „Политикѣ" [2]) Одна изъ этихъ характеристикъ открыта была въ недавнее время, а именно въ 1891 году; это — „Аѳинская политія"; она знакомитъ насъ съ исторіей и системой аѳинскаго государственнаго строя. Но не съ трактатомъ объ аѳинской конституціи приходится намъ имѣть дѣло, разъ мы желаемъ познакомиться съ общими воззрѣніями философа изъ Стагиры насчетъ полезности или вреда народовластія. Эти взгляды нашли выраженіе себѣ въ томъ теоретическомъ трактатѣ, какимъ является его „Политика" [3]). Она заключаетъ въ себѣ

---

[1]) *Rehm*, стр. 35.

[2]) См. *Rehm*, стр. 61. Въ этихъ послѣднихъ 4-хъ книгахъ, рядомъ съ карѳагенской конституціей, Аристотель подвергалъ также анализу законы этрусковъ и римлянъ. (Ibid., стр. 72).

[3]) Она редактирована была послѣ 343 г. до Р. X. и переселенія Аристотеля ко двору македонскаго короля Филиппа. Ей предшествовала во времени „Этика". Самъ трактатъ о „Политикѣ" заключаетъ въ себѣ

общіе результаты сдѣланнаго имъ ранѣе анализа отдѣльныхъ конституцій, не одного сопоставительнаго, но и сравнительно-историческаго ихъ изученія. Наше вниманіе привлекаетъ въ настоящее время не общее ученіе Аристотеля о государствѣ, о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія и о порядкѣ ихъ историческаго преемства, а начертанный имъ идеалъ наилучшаго правительства, насколько послѣдній бросаетъ свѣтъ и на его отношеніе къ аѳинской республикѣ. Независимо отъ отведенной этому вопросу книги, Аристотель даетъ понять въ особой главѣ, посвященной разбору Солоновой конституціи, что онъ болѣе сторонникъ умѣренной демократіи, чѣмъ той, какая восторжествовала въ Аѳинахъ со временъ Эфіальта [1]). Глава, посвященная имъ разбору спартанскихъ учрежденій, рисуетъ его намъ, однако, меньшимъ сторонникомъ восполняющихъ себя путемъ кооптаціи

двѣ одновременно возникшія части. Книги IV—VI, говорящія о разныхъ конституціяхъ, помимо наиболѣе совершенной, а равно и объ условіяхъ упадка и упроченія государства, признаются современными критиками за болѣе поздвія. (Ср. *Rehm*, стр. 71).

[1]) См. книгу II, глав. IX въ переводѣ Бартелеми Сентъ-Илера. „Эфіальтъ,—говоритъ въ ней Аристотель,—сократилъ юрисдикцію ареопага, Периклъ же надѣлилъ членовъ народныхъ судовъ поденною платою; по примѣру обоихъ всякій новый демагогъ усиливалъ власть народа и довелъ демократію до той высоты, на которой мы находимъ ее нынѣ. Солонъ предоставилъ занятіе служебныхъ мѣстъ гражданамъ выдающимся и зажиточнымъ, оставляя за народомъ только необходимую степень власти, т.-е. выборъ сановниковъ и право требовать отъ нихъ представленія счетовъ ихъ приходо-расхода. Безъ этихъ двухъ преимуществъ народъ необходимо становится рабомъ; отсутствіе ихъ обращаетъ его во врага существующихъ учрежденій. Но аѳиняне, возгордившись морской побѣдой надъ персами, устранили отъ публичныхъ должностей людей добродѣтельныхъ и сосредоточили веденіе дѣлъ въ рукахъ подкупныхъ демагоговъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выбираемымъ жребіемъ судебнымъ комиссіямъ простонародья (дикастеріямъ геліастовъ) ввѣрена была верховная власть въ государствѣ, народъ окруженъ былъ льстецами, подобно тирану, а это и создало ту демократію, которая держится нынѣ“. (Въ переводѣ Süssmil, 253 и 255).

олигархическихъ совѣтовъ, чѣмъ были Критій и Платонъ [1]). Власть эѳоровъ, осуществляемая, какъ онъ пишетъ, людьми бѣднаго круга и потому продажными, благодаря своей неограниченности сдѣлалась тиранической и принудила самихъ королей стать демагогами. Такимъ образомъ конституція Спарты подверглась извращенію; аристократія принуждена была уступить въ ней мѣсто демократіи. Аристотель критикуетъ также предоставленіе въ Спартѣ пожизненнымъ сенаторамъ права постановлять приговоры по важнѣйшимъ дѣламъ, такъ какъ разумъ, говоритъ онъ, подобно тѣлу, подчиняется вліянію старости. Не одобрены также Аристотелемъ порядки избранія какъ эфоровъ, такъ и сенаторовъ; нельзя ничего сказать,—пишетъ онъ, — въ защиту обычая, по которому кандидаты на должность лично ходатайствуютъ о своемъ назначеніи [2]). Мѣста сановниковъ слѣдуетъ обезпечить за людьми заслуженными. Въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, какіе онъ внесъ въ критику Солоновой конституціи и спартанскихъ порядковъ, Аристотель объявляетъ въ книгѣ VI-й (нерѣдко принимаемой за четвертую), что въ демократіяхъ, въ которыхъ правитъ законъ, не существуетъ демагоговъ и наиболѣе уважаемые граждане даютъ направленіе дѣламъ. Демагоги появляются только тамъ, гдѣ законъ потерялъ свое верховенство и гдѣ народъ играетъ роль монарха неограниченнаго, т.-е. освобождающаго себя отъ власти закона и дѣйствующаго по произволу. Такая демократія является по отношенію къ настоящей или правильной тѣмъ же, чѣмъ тиранія по отношенію къ закономѣрному королевскому правительству. Народъ окруженъ льстецами не меньше неограниченнаго правителя. При незнающемъ удержи зако-

---

[1]) У Платона въ „Республикѣ“ архонты, или правители государства, пополняютъ свой составъ выборомъ, производимымъ ими самими („Республика“, гл. VIII, ср. *Rehm*, стр. 32).

[2]) Аристотель даетъ характеристику спартанской конституціи, сопоставляемой имъ съ критской и карѳагенской во II-й книгѣ своей „Политики“ (гл. VI изд. Süssmill, см. въ частности стр. 225, 229 и 231).

новъ народовластіи господствуютъ тѣ же пороки, что и при тираніи; мы встрѣчаемъ то же угнетеніе добрыхъ гражданъ; здѣсь—замѣну законовъ административными мѣропріятіями, тамъ—изданіе произвольныхъ указовъ. Демагоги хотятъ все сосредоточить въ рукахъ народа, такъ какъ собственная ихъ власть можетъ только выиграть отъ его самодержавія. При немъ она неограничена въ виду того довѣрія, какимъ демагоги пользуются въ средѣ народа. Съ другой стороны, всѣ недовольные поведеніемъ властей спѣшатъ принести свои жалобы не кому иному, какъ народу, который охотно принимаетъ ихъ и кассируетъ распоряженія сановниковъ; но при такихъ условіяхъ всякая законная власть необходимо исчезаетъ. Подобные порядки нельзя назвать иначе, какъ печальной демагогіей; ихъ невозможно считать въ строгомъ смыслѣ слова правильной формой государственнаго устройства, такъ какъ послѣднія встрѣчаются только тамъ и тогда, гдѣ и когда законамъ обезпечено верховенство. Законъ долженъ постановлять по общимъ вопросамъ, какъ сановникъ по частнымъ, слѣдуя при этомъ формамъ, предписаннымъ конституціей. Государство, въ которомъ все рѣшается путемъ народныхъ декретовъ или административныхъ распоряженій, не можетъ считаться даже демократіей, т.-е. закономѣрнымъ народовластіемъ, потому что декреты не могутъ заключать въ себѣ общихъ постановленій.

Высказываясь самъ въ пользу смѣшаннаго образа правленія, составленнаго изъ демократіи и олигархіи и обезпечивающаго политическое преобладаніе среднимъ состояніямъ, Аристотель въ то же время рисуетъ намъ природу демократіи на основаніи главнымъ образомъ аѳинскихъ порядковъ. Правда, онъ не всегда ссылается на нихъ открыто, но стоитъ вспомнить только сказанное выше о составѣ въ Аѳинахъ народнаго собранія и сената, о выборѣ сановниковъ вѣчемъ ...бъ отправленіи правосудія дикастеріями геліастовъ, чтобы ...у понять, что Аристотель имѣетъ въ виду именно этотъ ...одъ, когда говоритъ о политическомъ устройствѣ,

наиболѣе отвѣчающемъ природѣ демократіи, объ условіяхъ, въ какія поставлено въ немъ законодательство, судъ и управленіе. Аѳинскія учрежденія, несмотря на свой консерватизмъ, подверглись въ теченіе времени нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ. Эти послѣднія состояли, какъ мы видѣли, въ постепенномъ расширеніи правъ демоса, въ устраненіи между гражданами цензовыхъ различій, въ ограниченіи власти ареопага и сената, въ надѣленіи судебными функціями комиссій присяжныхъ, взятыхъ изъ народа, въ установленіи правила о выдачѣ денежнаго вознагражденія всѣмъ являющимся на вѣче или засѣдающимъ въ дикастеріяхъ гражданамъ. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ создать олигархію Аѳины не только вернулись къ прежнимъ порядкамъ народовластія, но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую македонскому владычеству, онѣ даже расширили основы демократіи: допустили къ присутствію въ народномъ собраніи на ряду съ полноправными гражданами и лицъ, одинъ изъ родителей которыхъ не принадлежалъ къ гражданству. Онѣ передали вѣчу право вѣдать такіе вопросы, какъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, прежде подлежавшій рѣшенію сената. Въ виду всего этого Аристотелю, очевидно, предстояло сдѣлать выборъ между старыми и новыми порядками и указать тѣ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, должны считаться вырожденіемъ нормальныхъ. Его выборомъ руководило каждый разъ пристрастіе къ той смѣшанной формѣ правленія, которую онъ окрестилъ именемъ „политіи“ (республики). Онъ желаетъ сосредоточить власть по преимуществу въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, обезпечить торжество, какъ онъ выражается, не абсолютнаго, а пропорціональнаго равенства. При немъ всѣ имѣютъ доступъ къ осуществленію верховенства въ формѣ законодательства и участія въ выборахъ; но одни наиболѣе зажиточные призваны къ занятію должностей высшихъ сановниковъ. При немъ законы, отвѣчающіе разуму, пользуются незыблемостью и не могутъ быть измѣнены путемъ простыхъ декретовъ, исходящихъ отъ народ

наго вѣча. Немудрено поэтому, если Аристотель даетъ предпочтеніе не тому народовластію, какое упрочилось въ Аѳинахъ во времена Демосѳена, и даже не вполнѣ тому, установленіе котораго связано съ именами Эфіальта и Перикла, а Солоновой конституціи съ ея допущеніемъ всѣхъ гражданъ въ народное собраніе и одновременнымъ закрытіемъ бѣднымъ классамъ доступа къ высшимъ должностямъ.

Нѣсколькихъ выдержекъ изъ „Политики“ будетъ достаточно для подтвержденія всего сказаннаго. Аристотель является до нѣкоторой степени предшественникомъ тѣхъ, кто въ наши дни объясняетъ причину, по которой тотъ или другой народъ даетъ предпочтеніе той или иной формѣ политическаго устройства господствующими у этого народа порядками производства и распредѣленія; онъ настаиваетъ на томъ, что демократія и олигархія упрочиваются не случайно, а смотря по тому, въ какой мѣрѣ у того или другого народа допущено неравенство состояній. „Всюду,—пишетъ онъ, — гдѣ неимущіе численно преобладаютъ, необходимо устанавливается демократія, и притомъ въ различнѣйшихъ комбинаціяхъ, сообразно значенію, какое играетъ въ народѣ тотъ или другой классъ. Тамъ, гдѣ земледѣльцы наиболѣе численны, возникаетъ наилучшая изъ демократій и, наоборотъ, гдѣ численный перевѣсъ имѣютъ ремесленники и наймиты, — наименѣе совершенная. Всюду, гдѣ богатые и знатные мало уступаютъ въ численности остальнымъ классамъ, превосходя ихъ въ то же время своимъ богатствомъ, легко можетъ возникнуть олигархія“. Но законодатель, по мнѣнію Аристотеля, при томъ и другомъ правленіи, въ равной мѣрѣ долженъ имѣть въ своихъ мѣропріятіяхъ въ виду интересы средней собственности; государственное устройство можетъ считаться прочно установленнымъ только тамъ, гдѣ люди средняго состоянія имѣютъ численный перевѣсъ надъ бѣдными и богатыми, или [по] крайней мѣрѣ надъ однимъ изъ этихъ двухъ классовъ [1]).

[1]) Смотри книгу VI (IV), глава X. (Süssmill, стр. 601).

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ пріемовъ, какимъ законодатели пытались обойти народъ при устройствѣ демократіи, Аристотель перечисляетъ слѣдующіе: 1) всѣмъ гражданамъ дозволено присутствіе на вѣчѣ, но на однихъ богатыхъ налагается штрафъ въ случаѣ неявки или, при обращеніи такого штрафа въ общую для всѣхъ норму, размѣръ его для богатыхъ повышается; 2) богатымъ, отвѣчающимъ извѣстному цензу, не дозволенъ отказъ отъ публичныхъ должностей, допущенный для бѣдныхъ; 3) съ однихъ богатыхъ взимается штрафъ въ случаѣ неисполненія ими судебныхъ функцій. Этимъ пріемамъ, которыхъ придерживаются при устройствѣ олигархическихъ правительствъ съ цѣлью уменьшить на практикѣ участіе народа въ дѣлахъ, надо противопоставить въ демократіяхъ систему денежнаго вознагражденія бѣдныхъ за ихъ присутствіе на судѣ и въ народномъ собраніи, а также безнаказанность богатыхъ, уклонившихся отъ исполненія этой обязанности. Очевидно, что послѣдствіемъ этой мѣры должно быть фактическое исключеніе изъ народныхъ вѣчъ лицъ зажиточныхъ. Аристотель высказываетъ свою задушевную мысль, когда говоритъ, что справедливость требуетъ, чтобы бѣднымъ опредѣлено было вознагражденіе за явку, а съ богатыхъ взимаемъ былъ штрафъ за неявку. Всѣ въ такомъ случаѣ будутъ одинаково принимать участіе въ дѣлахъ. Безъ этого же правительство всегда будетъ принадлежать одному изъ двухъ классовъ, при исключеніи другого. Совокупность политически полноправныхъ лицъ должна состоять изъ гражданъ, отправляющихъ военную службу. Говоря это, Аристотель является сторонникомъ тѣхъ самыхъ взглядовъ, какіе высказывалъ Ѳормизій, сверстникъ Тразибула, предлагавшій ограничить право участія въ собраніяхъ однимъ землевладѣльческимъ классомъ, какъ снаряжающимъ всадниковъ [1]). Въ эпоху, слѣдующую за низверженіемъ тридцати тирановъ, самимъ Тразибуломъ проведено было правило, по которому никакой

---

[1]) *Шварцъ*, стр. 381.

декретъ псеѳизма) ни совѣта пятисотъ ни народнаго собранія не долженъ былъ противорѣчить законамъ. Ареопагу одновременно возвращены были его судебныя функціи въ дѣлахъ государственной измѣны. Въ пользу такихъ же точно порядковъ высказывается и Аристотель; мы имѣемъ поэтому право думать, что аѳинская конституція въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за паденіемъ тридцати тирановъ, имѣлась имъ въ виду при изображеніи нормальныхъ условій народовластія [1]). Въ VI книгѣ, посвященной вопросу объ организаціи отдѣльныхъ властей, Аристотель, считая согласнымъ съ природою демократіи участіе всѣхъ гражданъ въ народномъ собраніи, въ то же время признаетъ вырожденіемъ ея современные ему порядки, при которыхъ собраніе захватило въ свои руки всѣ политическія функціи; сановники сами по себѣ ничего дѣлать не могутъ, а должны довольствоваться однимъ предложеніемъ законовъ собранію. Такая демократія ставитъ, по его мнѣнію, народъ выше законовъ. Она можетъ поэтому быть сопоставлена только съ крайней олигархіей или съ тиранической монархіей. Не высказываясь въ принципѣ противъ участія народа въ судѣ, Аристотель въ то же время желалъ бы ввести и въ демократіи олигархическій порядокъ наложеніемъ штрафовъ на лицъ, не являющихся на засѣданія народнаго судилища. Это повело бы, думаетъ онъ, къ тому, что въ немъ стали бы участвовать не одни неимущіе, привлекаемые положенной имъ платою, но и лица болѣе зажиточныя и просвѣщенныя, отъ общенья съ которыми народныя массы могутъ только выиграть; Аристотель считаетъ въ то же время совершенно несостоятельной систему, въ силу которой народное собраніе можетъ постановить обвинительный приговоръ въ послѣдней инстанціи; одни оправдательные приговоры, имъ произнесенные, должны,

---

Въ своей „Конституціи Аѳинъ“ Аристотель объявляетъ, что владычествѣ 5000 гражданъ, установленномъ Тераменомъ, консти- ч Аѳинъ заслуживала одобренія (гл. XXIII).

по его мнѣнію, считаться окончательными; что касается до обвиненій, то ихъ слѣдовало бы вносить на пересмотръ сановниковъ [1]).

Говоря объ устройствѣ исполнительной власти, Аристотель признаетъ согласнымъ съ природою демократіи существованіе сената, который только въ олигархіяхъ можетъ уступить мѣсто временнымъ комиссіямъ. Существованіе сената позволило бы выигрывать время, такъ какъ онъ подготовлялъ бы рѣшенія для народнаго собранія. Власть сената фактически ничтожна въ тѣхъ демократіяхъ, въ которыхъ народъ хочетъ все рѣшать самъ; такъ обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ положено вознагражденіе за присутствіе на вѣчѣ [2]). Аристотель подаетъ голосъ за то, чтобы въ многолюдныхъ демократіяхъ сановники завѣдывали различными сферами управленія, такъ какъ при такомъ обособленіи функцій каждый въ состояніи будетъ проявить большую заботливость. Но въ мелкихъ государствахъ подобное требованіе практически неосуществимо. Согласнымъ съ природою демократіи, по мнѣнію Аристотеля, надо считать назначеніе сановниковъ народнымъ собраніемъ. Но онъ не думаетъ, чтобы выборы необходимо должны были происходить по жребію; жребій можетъ быть примѣненъ къ однимъ должностямъ, а избраніе—къ другимъ. На однѣ должности могутъ быть опредѣляемы любые граждане, а на другія — граждане, принадлежащіе къ извѣстнымъ только классамъ. Такіе порядки Аристотель признаетъ примиримыми съ той болѣе совершенной формой устройства, которую онъ назвалъ республикой [3]). Что же касается до судовъ, то демократія требуетъ, чтобы члены ихъ назначались народомъ или путемъ жребія, или путемъ избранія, въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ [4]). Принципомъ демократіи вообще Аристотель считаетъ свободу, со-

[1]) Книга VI, гл. XI.
[2]) Ibid., гл. XII.
[3]) Ibid., гл. XII.
[4]) Ibid., гл. XIII.

стоящую, по его мнѣнію, въ чередованіи начальствованія и повиновенія. При распредѣленіи политическихъ правъ необходимо придерживаться равенства, а не того правила, что за каждымъ эти права признаются по его заслугамъ. Изъ этого основного положенія слѣдуетъ, что въ демократіяхъ толпа должна имѣть верховенство и что рѣшеніе большинства является въ ней высшимъ закономъ.

Такъ какъ бѣдные преобладаютъ численно, то въ демократіяхъ они и главенствуютъ надъ богатыми. Другая характерная черта демократій состоитъ въ возможности для каждаго жить какъ ему вздумается. Изъ этого слѣдуетъ, что въ нихъ гражданинъ подчиняется властямъ только подъ условіемъ начальствованія въ свою очередь. Изъ этихъ двухъ положеній необходимо вытекаетъ, что въ демократіи всѣ граждане должны одинаково имѣть право избирать и быть выбранными. Всѣ должности должны быть замѣщаемы по жребію, по меньшей же мѣрѣ тѣ, которыя не требуютъ ни опытности ни спеціальныхъ дарованій; не должно существовать никакого ценза. Никто не можетъ дважды отправлять одну и ту же должность, за исключеніемъ развѣ самыхъ ничтожныхъ, или еще военныхъ. Послѣднія, какъ мы видѣли, и въ аѳинской республикѣ могли быть заняты нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одними и тѣми же лицами. Должности слѣдуетъ сдѣлать краткосрочными. Граждане должны быть судьями во всѣхъ дѣлахъ, или по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ, какъ-то: въ политическихъ, въ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ-за нарушенія договоровъ, или по поводу представленія счетовъ сановниками по окончаніи ихъ службы. Народное собраніе должно располагать верховною властью во всѣхъ дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ. Сенатъ сохраняетъ значеніе тамъ, гдѣ нѣтъ обычая платить гражданамъ вознагражденія за присутствіе на собраніяхъ (практика, временно отмѣ-.ная въ Аѳинахъ въ эпоху, слѣдующую за паденіемъ 30 -ановъ). Но тамъ, гдѣ удержался такой платежъ, власть эта скоро вовсе будетъ отмѣнена, такъ какъ народъ

всѣ дѣла постарается сосредоточить въ собственныхъ рукахъ. Необходимо, чтобы всѣ должности были оплачиваемы жалованіемъ. Надо всячески остерегаться созданія пожизненныхъ должностей. Если та или другая старинная магистратура (намекъ на ареопагъ) сохранила свои привилегіи, несмотря на натискъ демоса, надо или ограничить ея функціи, или распространить на выборъ ея членовъ систему жребія взамѣнъ системы избранія. Всѣ такіе порядки считаются необходимыми для сохраненія равенства. „Но какого?—спрашиваетъ Аристотель.—Очевидно, только того, которое обезпечиваетъ торжество большинству. Если вѣрить сторонникамъ демократіи, справедливость всегда на сторонѣ большинства; наоборотъ, по мнѣнію олигарховъ, она на сторонѣ богатыхъ. Но въ томъ или другомъ рѣшеніи я вижу,—прибавляетъ авторъ „Политики“,—только неравенство и несправедливость. Олигархическіе принципы прямо ведутъ къ тираніи. Одинъ человѣкъ легко можетъ оказаться болѣе богатымъ, чѣмъ всѣ остальные; прилагая къ нему тотъ же принципъ, надо будетъ признать, что онъ одинъ имѣетъ право верховенства; въ свою очередь принятіе демократическихъ принциповъ прямо ведетъ къ несправедливости; большинство, какъ таковое, признается ими самодержавнымъ. Оно неминуемо воспользуется своимъ верховенствомъ для того, чтобы раздѣлить имущества богатыхъ“. Аристотель удерживаетъ поэтому власть за большинствомъ только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: государство состоитъ изъ двухъ половинъ, говоритъ онъ, богатыхъ и бѣдныхъ; пусть же законнымъ считается рѣшеніе тѣхъ и другихъ; иначе говоря, всякое положеніе, въ пользу котораго выскажется большинство бѣдныхъ и большинство богатыхъ [1]).

Вотъ почему Аристотель отдаетъ предпочтеніе такой демократіи, въ которой народу принадлежитъ, правда, выборъ сановниковъ, провѣрка счетовъ и участіе въ судахъ; но при назначеніи на высшія должности требуется не жре-

---

[1]) Книга VII, гл. I.

бій, а избраніе и извѣстный цензъ отъ назначаемыхъ; даже при отсутствіи такого ценза, значительность котораго возрастала бы вмѣстѣ съ значеніемъ должности, слѣдовало бы опредѣлять на службу только тѣхъ, кто по своему состоянію можетъ исполнять ее хорошо. Такіе порядки дѣлаютъ возможной передачу власти въ руки людей наиболѣе достойныхъ, къ которымъ народъ не чувствуетъ зависти, такъ какъ онъ самъ призвалъ ихъ къ веденію дѣлъ. Люди выдающіеся могутъ помириться съ такой системой, такъ какъ она позволяетъ имъ избѣгнуть подчиненія людямъ, ниже ихъ стоящимъ; сановники будутъ править при ней справедливо, зная, что имъ предстоитъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи передъ гражданами другого класса, чѣмъ тотъ, къ какому сами они принадлежатъ [1]). Аристотель указываетъ затѣмъ, чего надо избѣгать при установленіи демократическаго образа правленія. „Въ государствахъ, въ которыхъ трудно собрать народъ на вѣче, — пишетъ Аристотель,—существуетъ обычай платить вознагражденіе тѣмъ, кто посѣщаетъ собраніе (практика эта, какъ мы знаемъ, установилась въ Аѳинахъ со временъ Перикла). Высшіе классы опасаются наступленія такихъ порядковъ особенно тогда, когда не имѣется у государства постоянныхъ средствъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ можно опасаться установленія чрезвычайныхъ поборовъ и введенія системы конфискацій. Аѳины избѣжали этого зла только потому, что въ ихъ распоряженіи была казна дельѳійскаго союза, изъ которой онѣ безнаказанно черпали нужное для уплаты такъ называемаго экклезіастикона, или вознагражденія за посѣщеніе вѣча. Но въ позднѣйшую эпоху ихъ жизни, послѣ отпаденія во время Пелопоннесскихъ войнъ большинства союзниковъ, установилась практика, которую, очевидно, и имѣетъ въ виду Аристотель, говоря: „Современные демагоги дѣлятъ между народомъ избытокъ доходовъ; они требуютъ себѣ части въ этой добычѣ, но нужда таетсяпрежней, такъ какъ оказывать такую помощь все рав-

[1]) Книга VII, гл. II.

но, что наполнять бездонную бочку. Истинный другъ народа предпочтетъ предотвратить чрезмѣрную бѣдность, которая всегда извращаетъ демократію; онъ сдѣлаетъ все для того, чтобы обезпечить постоянство благосостоянія".

Переходя къ разсмотрѣнію причинъ, вызывающихъ перемѣны въ государственномъ строѣ, Аристотель отмѣчаетъ то преимущество демократій надъ олигархіями, что онѣ болѣе устойчивы. Опять-таки и это положеніе по всей вѣроятности внушено ему примѣромъ аѳинской демократіи: со времени паденія Пизистратидовъ она не испытала другихъ насильственныхъ измѣненій въ своихъ государственныхъ порядкахъ, кромѣ тѣхъ, какія были вызваны военными неудачами: такъ тиранія 30 олигарховъ слѣдовала за пораженіемъ аѳинскихъ войскъ Лизандромъ при Эгоспотамосѣ, а тиранія Димитрія Ѳалеронскаго, или Димитрія Поліоркета, каждый разъ поддерживаема была македонскимъ войскомъ. Конституціей приняты были, впрочемъ, всѣ мѣрѣ къ тому, чтобы затруднить возникновеніе тираніи, начиная съ остракизма, позволявшаго народу ежечасно удалять изъ государства возможнаго претендента, и оканчивая краткосрочностью полномочій, какими пользовались высшіе сановники республики.

Любопытную черту въ этомъ отношеніи представляетъ тотъ фактъ, что сенату не дозволено было даже имѣть самостоятельнаго предсѣдателя и что обязанности его исполняли тѣ самые пританы, изъ которыхъ были назначаемы предсѣдатели и на народныхъ собраніяхъ; отъ нихъ зависѣло и созваніе сената, какъ слѣдуетъ между прочимъ изъ одной рѣчи Демосѳена о коронѣ [1]). Тѣ же пританы собирали и экклезію, или вѣче, но предсѣдательство надъ вѣчемъ принадлежало такъ называемому „эпистатесъ", выбираемому пританами изъ своей среды. Что же касается до самихъ притановъ, извѣстныхъ также подъ наименованіемъ проэдровъ, то

---

[1]) Сравни *Milesi*: La riforma positiva del governo parlamentare, стр. 72.

они занимали свою должность всего-на-всего въ теченіе одного дня. При такихъ условіяхъ, очевидно, трудно было видѣть въ нихъ всегда возможныхъ претендентовъ на диктатуру. Изъ остальныхъ должностей архонты, выбираемые на годъ съ запрещеніемъ переизбранія, разумѣется, также не находились въ условіяхъ, благопріятныхъ для продолжительнаго захвата власти. Однихъ только стратеговъ позволено было выбирать изъ года въ годъ съ цѣлью обезпечить нѣкоторое постоянство въ предводительствѣ военными операціями. Неудивительно, если изъ ихъ среды и вышелъ единственный неудачный претендентъ на тиранію; имъ можно считать Алкивіада. Дѣйствительные тираны, какъ Димитрій изъ Θалерона, или Димитрій Поліоркетъ, обыкновенно довольствовались званіемъ „эпистатесъ", должность котораго такимъ образомъ становилась пожизненной [1]). Изъ сказаннаго видно, что Аристотель съ полнымъ правомъ могъ утверждать, что въ демократіяхъ опасны не тираны, а демагоги, стремящіеся довести равенство до крайнихъ предѣловъ, до раздѣла имуществъ богатыхъ и устраненія отъ должностей всѣхъ лицъ, сколько-нибудь выдающихся заслугами или состояніемъ. Такая практика можетъ помѣшать устойчивости демократіи. Постоянные доносы на богатыхъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ демагоги, могутъ побудить классы зажиточные къ устройству заговоровъ [2]). Если въ олигархіяхъ народъ подымается, чтобы протестовать противъ неравенства политическихъ правъ, въ демократіяхъ виновниками перемѣнъ обыкновенно являются высшіе классы, не могущіе помириться съ тѣмъ, что за ними не признано больше власти, чѣмъ за прочими гражданами [3]). Аристотель указываетъ на тѣ средства, какими государства, какъ демократическія, такъ и олигархическія, могутъ избѣжать тираніи; онъ совѣтуетъ съ этой цѣлью

---

[1]) Смотри *Шварцъ*, стр. 543.
[2]) Книга VIII (V), гл. IV.
[3]) Ibid., гл. II-я.

зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ государствѣ никто не пріобрѣталъ чрезмѣрнаго вліянія. Слѣдуетъ поэтому, думаетъ онъ, не давать слишкомъ большой власти лицамъ, занимающимъ общественныя должности, и не дѣлать послѣднія черезчуръ продолжительными, такъ какъ власть обыкновенно портитъ людей. Необходимо также законами препятствовать возникновенію того опаснаго преобладанія, какое обезпечиваетъ тѣмъ или другимъ лицамъ громадность ихъ состоянія и число ихъ приверженцевъ. Разъ не имѣется возможности предупредить возникновеніе чрезмѣрныхъ состояній, всего лучше содѣйствовать тому, чтобы лица, ими владѣющія, обнаруживали свою пышность и великолѣпіе за предѣлами государства. Такъ какъ перемѣны прежде всего сказываются въ нравахъ, то Аристотель совѣтуетъ создать должность особыхъ сановниковъ, которые бы наблюдали за тѣми, жизнь которыхъ не согласна съ принципами существующаго государственнаго строя, будетъ ли имъ олигархія, или демократія. Важно также, съ цѣлью предупредить насильственныя потрясенія въ государствѣ, никогда не терять изъ виду тѣхъ измѣненій, какія происходятъ въ численномъ распредѣленіи зажиточныхъ и неимущихъ классовъ. Соотвѣтственно этимъ измѣненіямъ надо распредѣлять должности такъ, чтобы въ занятіи ихъ имѣли равное участіе и тотъ и другой классъ. Аристотель совѣтуетъ также не дозволять людямъ зажиточнымъ, даже при открыто высказанномъ желаніи съ ихъ стороны, покрывать издержки по устройству театральныхъ представленій для народа или ночныхъ празднествъ съ зажженными свѣтильниками, такъ какъ во всемъ этомъ онъ видитъ не болѣе, какъ попытку раздѣлить если не собственность богатыхъ, то по крайней мѣрѣ ихъ право пользованія принадлежащими имъ имуществами. „Въ интересахъ сохраненія разъ установившагося строя полезно,—говоритъ Аристотель,—дать тому классу, который является въ меньшинствѣ, т.-е. бѣднымъ въ олигархіяхъ и богатымъ въ демократіяхъ, не только равный доступъ къ должностямъ, но даже численный

перевѣсъ при ихъ занятіи, разъ сами должности не имѣютъ первостепенной важности". Въ заключеніе Аристотель даетъ совѣтъ—не утрировать силы принциповъ ни въ олигархіяхъ ни въ демократіяхъ. Такъ, установленіе равенства въ состояніяхъ, произведенное насильственнымъ образомъ въ демократіяхъ, хотя, повидимому, и отвѣчаетъ присущему имъ стремленію къ однообразію, на самомъ дѣлѣ сдѣлалось бы крайне опаснымъ для дальнѣйшаго ихъ существованія, очевидно потому, что возстановило бы противъ нихъ всѣхъ зажиточныхъ гражданъ. Точно такъ же свобода, которую, наравнѣ съ верховенствомъ большинства, считаютъ необходимымъ условіемъ демократіи, не должна быть доводима до произвола, „до права дѣлать все по-своему", какъ говоритъ Эврипидъ: необходимо, чтобы согласованіе частной жизни съ существующимъ политическимъ порядкомъ не казалось никому равнозначительнымъ рабству [1]). Величайшая опасность, какая грозитъ демократіи, это—перейти въ тиранію или, что то же, демократическій цезаризмъ. Тиранъ — обыкновенно выходецъ изъ простонародья; онъ выдаетъ себя за поборника равенства и защитника народа противъ угнетенія людей сильныхъ. Почти обо всѣхъ тиранахъ можно сказать, что они были на первыхъ порахъ демогогами и снискали себѣ довѣріе народа клеветою на выдающихся гражданъ.

По мнѣнію Аристотеля, тиранія заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки какъ олигархіи, такъ и демократіи. Подобно послѣдней, она стремится къ накопленію сокровищъ, надѣясь купить ими вѣрность своихъ приверженцевъ; она недовѣрчива къ народнымъ массамъ и отнимаетъ у нихъ право ношенія оружія. Вредить народу, удалять гражданъ изъ предѣловъ государства — пріемы, общіе какъ олигархіи, такъ и тираніи.

У демократіи тиранія заимствуетъ систему вѣчной вражды могущественными гражданами. Изгнаніе обыкновенно по-

---

[1]) Книга VIII (V), гл. VII.

стигаетъ ихъ подъ предлогомъ, что они — заговорщики и враги власти. Тираны обращаются къ этимъ пріемамъ, зная, что изъ рядовъ высшихъ классовъ выйдутъ люди, готовые ихъ низвергнуть, люди, стремящіеся или къ захвату власти въ свои руки, или къ тому, чтобы положить предѣлъ угнетающему ихъ рабству. Это и имѣлъ въ виду Періандръ въ своемъ совѣтѣ Тразибулу. Отсѣченіе подымающихся надъ другими колосьевъ, о которомъ идетъ рѣчь въ его совѣтѣ, означало необходимость избавиться отъ выдающихся гражданъ [1]). „Политика" Аристотеля заключаетъ въ себѣ попытку свести въ систему отдѣльные пріемы, какихъ держались тираны Греціи, и въ этомъ отношеніи можетъ съ удобствомъ быть сопоставлена съ знаменитымъ „Княземъ" Маккіавелли.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ этой практики, тѣмъ болѣе интересныя, что во всей послѣдующей политической литературѣ, по крайней мѣрѣ съ момента открытія затерянныхъ трактатовъ Аристотеля, въ томъ числѣ и „Политики", т.-е. съ XIII вѣка, мы неизмѣнно встрѣтимъ при характеристикѣ дѣйствій тирана воспроизведеніе тѣхъ же обвиненій: подавлять всякое возникающее превосходство, устранять людей храбрыхъ, запрещать общія трапезы и сообщества, препятствовать распространенію между людьми образованія съ цѣлью лишить ихъ вѣры въ самихъ себя, все направлять къ тому, чтобы подданные не сближались другъ съ другомъ, запрещать въ виду этого всякія собранія, устраиваемыя даже съ цѣлью совмѣстнаго увеселенія, на томъ основаніи, что частое и близкое общеніе людей между собой вызываетъ взаимное довѣріе. Къ этому кодексу правилъ, какого держатся въ своемъ поведеніи тираны и составленіе котораго Аристотель приписывалъ аѳинскому тирану Періандру, трактатъ о „Политикѣ" присоединяетъ еще нѣсколько другихъ не менѣе характерныхъ: слѣдить за перемѣщеніями гражданъ, препятствовать ихъ выходу изъ стѣнъ города, чтобы всегда знать

[1]) Книга VIII (V), гл. VIII.

все, что дѣлается ими и этимъ постояннымъ надзоромъ порождать робость въ ихъ душахъ, знать все, что говорится въ городѣ и въ государствѣ, держать съ этой цѣлью шпіоновъ и шпіонокъ, порождать раздоры и распространять клевету, возстановлять людей другъ противъ друга и простонародье противъ высшихъ классовъ, содѣйствовать всячески обѣднѣнію подданныхъ въ расчетѣ, что забота о насущномъ хлѣбѣ не оставитъ имъ времени для заговоровъ, облагать ихъ съ этою цѣлью высокими земельными податями и издержками на общественныя постройки, занимать подданныхъ войною, чтобы дать тѣмъ исходъ ихъ запросу на дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость имѣть постояннаго военнаго предводителя, поощрять разгулъ женщинъ и свободу рабовъ: тѣхъ и другихъ тирану, очевидно, нечего опасаться; и тѣ и другія могутъ сдѣлаться даже выгодными для него орудіями, а именно: жены—доносами на мужей, а рабы—на господъ. Аристотель отмѣчаетъ также ту подробность, что тираны предпочитаютъ имѣть ближайшее общеніе скорѣе съ иностранцами, нежели съ туземцами, такъ какъ первые не имѣютъ никакихъ причинъ возставать противъ ихъ власти, а вторые — ихъ прирожденные враги. Всѣ эти правила, которыя заимствованы столько же изъ практики Персовъ, сколько и изъ поведенія Гіерона и Діонисія сиракузскихъ, аѳинскихъ Пизистратидовъ и Поликрата изъ Самоса, могутъ быть сведены, говоритъ Аристотель, къ тремъ основнымъ: вносить рознь между гражданами, разорять ихъ имущественно и вызывать въ ихъ средѣ упадокъ нравственнаго уровня. Рядомъ съ такой практикой тирановъ можно указать и на ту, которая ставитъ себѣ задачей возможное приближеніе къ порядкамъ монархіи, преслѣдующей, согласно опредѣленію Аристотеля, не личные интересы правителя, а общее благо подданныхъ. Но въ разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ правилъ мы, разумѣется, входить не станемъ, такъ какъ они имѣютъ уже довольно далекое отношеніе къ нашей задачѣ,—показать теоретическія основы ученія о народовластіи, насколько онѣ выработаны были политиче-

скими философами древности. Изъ тѣхъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ, никто больше Аристотеля не останавливался какъ на опредѣленіи природы демократіи, такъ и на характеристикѣ такихъ порядковъ ея внутренней организаціи, которые всего болѣе могутъ содѣйствовать приближенію ея къ совершеннѣйшему типу смѣшаннаго государства, къ политіи, или республикѣ.

И для него, разумѣется, аѳинская конституція, какъ и вообще всякое неограниченное народоправство, уступаетъ по качеству лакедемонской, о которой, говоритъ онъ, многіе высказываются, какъ о демократіи, и не безъ основанія, въ виду равенства въ условіяхъ воспитанія бѣдныхъ и богатыхъ, одинаковаго участія тѣхъ и другихъ въ общественныхъ трапезахъ, равенства въ одеждѣ и избранія всѣмъ народомъ какъ эѳоровъ, такъ и членовъ сената. „О той же Спартѣ другіе утверждаютъ, прибавляетъ Аристотель, — что она олигархія, такъ какъ дѣйствительно всѣ должности замѣщаются въ ней не по жребію, а по выбору, и нѣкоторые немногіе чиновники имѣютъ право присуждать къ изгнанію и къ казни“. Такая смѣшанная конституція, очевидно, болѣе удовлетворяла его. Въ этомъ отношеніи Аристотель явился предшественникомъ всѣхъ политическихъ писателей Рима, начиная отъ Полибія, продолжая Цицерономъ и оканчивая Тацитомъ.

Ни одинъ изъ нихъ не можетъ считатся, впрочемъ, теоретизаторомъ основъ народоправства, очевидно, потому, что всѣ имѣли передъ глазами отличные отъ него порядки смѣшаннаго устройства, въ которомъ патриціи и плебеи, сенатъ и комиціи по центуріямъ и трибамъ съ приставленными къ нимъ специальными сановниками, участвовали въ раздѣлѣ суверенитета, всецѣло сосредоточеннаго, какъ мы видѣли, въ Аѳинахъ въ рукахъ одного народа.

Если мы спросимъ себя, какое вліяніе аѳинскій государственный строй оказалъ на выработку политической доктрины Аристотеля, то намъ нельзя будетъ ограничиться заявленіемъ, что онъ вызвалъ въ немъ отрицательное отношеніе къ народо-

властью. Въ нормальной формѣ правленія, какой въ его представленіи является политія, или республика, народу отведено значительное участіе въ дѣлахъ, котораго онъ, впрочемъ, какъ видно изъ словъ Аристотеля, не былъ вполнѣ лишенъ ни въ Лакедемоніи ни въ Критѣ. Аристотель настаиваетъ на необходимости признать за народомъ по меньшей мѣрѣ выборъ сановниковъ и право требовать отъ нихъ отчета въ ихъ служебной дѣятельности. Устойчивость государственнаго порядка возможна только при этихъ двухъ условіяхъ. Чего онъ не хочетъ, это, во-первыхъ, назначенія на должности жребіемъ, во-вторыхъ — смѣшенія закона съ административнымъ распоряженіемъ,—смѣшенія, которое имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда теряется изъ виду, что законъ долженъ установлять общія правила, а административное распоряженіе имѣетъ всегда въ виду частный случай. Демократія только тогда становится въ глазахъ Аристотеля неправильной формой правленія, когда въ ней владычество переходитъ всецѣло въ руки неимущей толпы, точно такъ же, какъ олигархія можетъ считаться вырождающимся порядкомъ, когда въ ней рѣшающее вліяніе имѣютъ одни богатые. Чтобъ избѣжать этихъ двухъ крайностей, Аристотель и рекомендуетъ такое устройство, при которомъ народное собраніе, составленное изъ всѣхъ гражданъ съ численнымъ преобладаніемъ неимущихъ, находило бы противовѣсъ въ избираемыхъ имъ сановникахъ изъ числа зажиточныхъ гражданъ. Такая форма политическаго устройства, какъ онъ вѣрно отмѣчаетъ, можетъ установиться не повсюду, а только тамъ, гдѣ зажиточность довольно распространена въ массахъ, гдѣ господствуютъ среднія состоянія. Аристотель не раздѣляетъ пристрастія своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Платона, къ изысканію одной совершеннѣйшей формы правленія: для него ясно, что народы призваны всѣмъ строемъ своей жизни, одни — къ [...]новластію, другіе — къ господству родовитой и военной [...]ти, третьи — къ владычеству богатыхъ, четвертые — къ [...]одовластію, въ смыслѣ господства большинства гражданъ.

Но, признавая такимъ образомъ зависимость государственнаго устройства отъ множества факторовъ, въ частности отъ экономическаго, Аристотель допускаетъ и нѣкоторое преемство въ развитіи формъ правленія. Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ III-ей книги его „Политики“. Аристотель полагаетъ, что наличность на первыхъ порахъ небольшого числа доблестныхъ и особенно выдающихся мужей и была причиной широкаго господства единовластія. Народъ ставилъ во главѣ себя людей, всего болѣе его облагодѣтельствовавшихъ. Со временемъ, по мѣрѣ территоріальнаго расширенія государства, умножилось число такихъ людей, почему и перестали довольствоваться монархическимъ устройствомъ и перешли къ аристократическому. Но когда, со временемъ, аристократы, отказавшись отъ служенія общимъ интересамъ народа, стали пользоваться общественными доходами для собственнаго обогащенія, правительство благороднѣйшихъ смѣнилось правительствомъ наиболѣе богатыхъ,— другими словами, аристократія — олигархіей. Дальнѣйшій ходъ развитія былъ тотъ, что богатые, изъ желанія сосредоточить имущество въ рукахъ возможно меньшаго числа лицъ, стали ограничивать число участниковъ въ верховной власти; наибогатѣйшая изъ семей добилась единоличнаго господства, или тираніи; но противъ нея вооружился демосъ; онъ низвергъ власть тирановъ и присвоилъ себѣ верховенство. И такъ какъ государство расширилось, а слѣдовательно и увеличилось въ числѣ своихъ гражданъ, то, прибавляетъ Аристотель, нелегко допустить, чтобы въ настоящее время, помимо демократіи, могла развиться еще другая форма государственнаго устройства [1]).

Нужно ли настаивать на томъ, что такая схема возникла въ умѣ Аристотеля подъ вліяніемъ примѣра политическаго развитія Аѳинъ, въ которыхъ монархія смѣнилась владычествомъ эвпатридовъ и олигархія не разъ уступала мѣсто ти-

[1]) См. „Политика“, кн. III, § 10, стр. 359 и 361.

раніи, въ свою очередь смѣнявшейся демократическими порядками? Очевидно, что такая эволюція ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ круговращательнымъ движеніемъ, какое предполагаетъ необходимое вырожденіе монархіи въ тиранію, аристократіи — въ олигархію, политіи — въ демократію. Аристотель, указывая на возможность классификаціи правильныхъ и неправильныхъ формъ правленія въ три парныхъ группы, не имѣлъ въ виду указать тѣмъ на существованіе между ними необходимаго историческаго преемства. Въ общемъ можно сказать, что творецъ античнаго государствовѣдѣнія былъ противникомъ не демократіи, а одного только владычества неимущей черни, готовой лишить всякаго участія въ дѣлахъ людей зажиточныхъ и замѣнить съ этою цѣлью выборъ жребіемъ, готовой также отказаться отъ всякой закономѣрности въ своемъ поведеніи и поставить на одну доску законъ и административное распоряженіе, вѣрнѣе — замѣнить первый послѣднимъ, освобождая себя отъ всякой обязанности подводить возникшіе въ жизни случаи подъ ранѣе установленныя общія нормы.

Изъ этого бѣглаго обзора того отношенія, въ какое греческіе политики стали къ аѳинской демократіи и къ народоправству вообще, легко вывести то заключеніе, что какъ практика, такъ и теорія республикъ сложились всего ранѣе на почвѣ древней Греціи. Но если греческіе мыслители впервые представили намъ картину государственныхъ порядковъ, опирающихся на свободѣ и равенствѣ, то, за немногими исключеніями, всѣ они понимали равенство лишь въ формальномъ смыслѣ. Подъ нимъ они разумѣли, собственно говоря, одно равенство передъ закономъ и судомъ,—равенство въ отправленіи функцій законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Можно указать, однако, на нѣсколькихъ писателей, подымавшихъ вопросъ и о равенствѣ ущесгвъ. Это — первые предшественники коммунистикихъ доктринъ эпохи Возрожденія, увлекшіе своимъ приоомъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и автора „Утопіи“

и автора „Солнечнаго града“. Короткое знакомство съ ихъ доктринами необходимо для всесторонняго пониманія источника современнаго коммунизма.

Во главѣ всѣхъ писателей древней Греціи, поднимавшихъ вопросъ о матеріальномъ равенствѣ, очевидно, надо поставить Платона. Но ошибочно было бы думать, что его республика является наиболѣе полнымъ и систематическимъ проведеніемъ началъ коммунизма, дошедшимъ до насъ отъ древней Эллады; не слѣдуетъ забывать ни того обстоятельства, что систему общенія имуществъ и женъ Платонъ рекомендуетъ только при устройствѣ высшаго класса правителей и воиновъ, что почти вся область экономическаго производства въ его образцовомъ государствѣ сосредоточивается въ рукахъ тѣхъ самыхъ общественныхъ слоевъ, матеріальнымъ благосостояніемъ которыхъ озабочены современные реформаторы и которымъ въ его республикѣ приходится довольствоваться положеніемъ безправныхъ рабовъ или, самое большее, наймитовъ; не надо также терять изъ виду, при толкованіи мыслей Платона, главную задачу его сочиненія,—задачу чисто нравственнаго, а не политическаго характера. Вѣдь свою „Республику“ Платонъ пишетъ съ цѣлью рѣшить вопросъ о природѣ и источникѣ справедливости. Онъ полагаетъ, что эта проблема легче можетъ быть выполнена, если начать ея рѣшеніе съ того большого человѣка, какимъ въ его глазахъ является государство; вотъ почему онъ, прежде всего, задается мыслью указать на условія осуществленія справедливости въ предѣлахъ послѣдняго. Такъ какъ, значится во II-й книгѣ „Республики“, общество людей обширнѣе индивида, то и справедливость должна выступить въ немъ съ большею рѣзкостью и очевидностью, чѣмъ въ частномъ человѣкѣ; поэтому и надо начать изученіе ея природы съ общества и затѣмъ уже перейти къ изслѣдованію ея въ границахъ отдѣльной личности. Поднимая вопросъ о томъ, какъ возникаетъ государство, мы, быть-мо жетъ, откроемъ источникъ происхожденія справедливости несправедливости. Такъ какъ справедливости противорѣчит

различіе „моего“ и „твоего“ и индивидуализація въ обладаніи женщинами,— два условія, поддерживающія, по Платону, игру страстей, то, какъ видно изъ IV-й книги „Республики“, сферу свободнаго дѣйствія страстей, и потому сферу собственности и индивидуальнаго брака, Платонъ ограничиваетъ лишь управляемыми, а не правящими. Въ новомъ типѣ государства, вызванномъ къ жизни его фантазіей, Платонъ, какъ онъ самъ говоритъ, далъ просторъ желаніямъ и страстямъ женщинъ, рабовъ и большинства людей свободнаго состоянія, не представляющихъ значительнаго умственнаго и нравственнаго уровня. Но эти желанія и страсти толпы регламентируются и умѣряются мудростью небольшого меньшинства философовъ-правителей. Только къ нимъ, какъ долженствующимъ стоять выше страстей, примѣняется правило объ общеніи женъ и имуществъ, что, по Платону, должно устранить всякій поводъ къ столкновенію желаній и страстей. Справедливость, по мнѣнію Платона, лежитъ въ строгомъ обособленіи функцій между тѣми, кто призванъ править, и тѣми, въ чьихъ рукахъ лежитъ забота о матеріальномъ пріобрѣтеніи; къ первымъ относятся два обособленныхъ другъ отъ друга класса сановниковъ и воиновъ, ко вторымъ, помимо невольниковъ, всѣ получающіе плату за трудъ, всѣ наймиты, т.-е. какъ разъ тотъ классъ, въ интересахъ котораго и возникаютъ въ наши дни всѣ проекты переустройства общества. Ихъ судьбою, повторяю, Платонъ въ своемъ трактатѣ о республикѣ интересуется лишь настолько, насколько это необходимо въ интересахъ регламентаціи ихъ желаній и страстей правящимъ классомъ. Основанный на индивидуализмѣ порядокъ остается по отношенію къ нимъ въ полной силѣ; они продолжаютъ попрежнему жить платою за свой трудъ. Великій греческій мыслитель прекрасно сознаетъ, однако, что современная ему общественная организація любого государства представляетъ ою противоположеніе богатыхъ и бѣдныхъ, враждующихъ, ъ онъ выражается, между собою. Но въ этой организаціи идеальное государство призвано произвесть перемѣну

лишь настолько, насколько рѣчь идетъ о правителяхъ-философахъ и воинахъ; только они должны быть сдѣланы безстрастными. „Если мы желаемъ,—пишетъ онъ,—дать государству истинныхъ охранителей, поставимъ ихъ въ такія условія, при которыхъ они не могли бы ничѣмъ вредить общественному благополучію“ (кн. IV). Этой цѣли, очевидно, и отвѣчаетъ рекомендуемая Платономъ система коммунизма. При ея изображеніи, въ общемъ весьма краткомъ, Платонъ попутно высказываетъ рядъ мыслей, свидѣтельствующихъ о томъ, что многія изъ положеній современной экономической науки были ему вполнѣ доступны. Для примѣра укажу на выгодность раздѣленія труда, на миссію денегъ служить выразителемъ цѣнъ обмѣниваемыхъ предметовъ, на необходимость установить пропорціональное отношеніе между числомъ рожденій и имѣющимся налицо количествомъ имуществъ,—мысль, въ которой, очевидно, лежитъ зародышъ тѣхъ теорій, которыя ранѣе Мальтуса были высказываемы пьемонтцемъ Ботеро. Раздѣленіе и специализація труда рекомендуются имъ какъ средство увеличенія его доброкачественности, а не производительности, какъ у экономистовъ новой Европы, начиная отъ Петти и переходя затѣмъ къ Адаму Смиту [1]. Но не этими теоріями волнуетъ умы гуманистовъ XVI вѣка Платонова „Республика“, а тѣмъ началомъ общенія имуществъ и женъ, которое рекомендуется ею какъ средство къ искорененію несправедливости. Въ отличіе отъ Платона, писатели эпохи Возрожденія распространятъ коммунистическіе порядки и на тѣ классы общества, которые Платонъ осудилъ на роль выполнителей чужихъ заказовъ—наймитовъ.

Въ литературѣ доселѣ продолжается открытый еще въ древности споръ о томъ, какъ представляетъ себѣ Платонъ устройство производительныхъ классовъ въ своемъ образцо-

---

[1] Всѣ эти положенія можно найти во II кн. Платоновой „Республики“.

вомъ государствѣ. Во II-ой книгѣ „Политики“ Аристотель категорически заявляетъ: „Платонъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, на чемъ опирается организація третьяго изъ выводимыхъ имъ сословій (т.-е. всѣхъ, помимо стражей, или правителей, и воиновъ), на началахъ ли имущественнаго общенія, или на принципѣ частной собственности“. Въ „Республикѣ“ имѣются, однако, нѣкоторыя косвенныя указанія на то, что и въ бытъ производителей Платонъ имѣлъ въ виду внести рядъ перемѣнъ, соотвѣтствующихъ коммунистическому идеалу двухъ правящихъ сословій. Уже одинъ фактъ запрещенія имъ всякого обращенія золота и серебра, по справедливому замѣчанію Пельмана [1]), даетъ поводъ думать, что бытъ производительныхъ классовъ въ его образцовомъ государствѣ отнюдь не могъ отвѣчать условіямъ денежнаго и капиталистическаго хозяйства, что въ немъ имущественное пріобрѣтеніе и размѣры владѣнія отдѣльныхъ лицъ необходимо были ограничены невозможностью, или, вѣрнѣе сказать, безплодностью чрезмѣрнаго накопленія, при запретѣ роста, т.-е. всякаго займа, иначе, какъ въ формѣ безвозмездной ссуды. Платонъ категорически заявляетъ, что устройство такъ называемыхъ имъ наймитовъ должно принять ту форму, какую стражамъ, или правителямъ, сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста, угодно будетъ придать ему. Но такъ какъ бытъ самихъ этихъ стражей устраняетъ всякое представленіе о частной собственности и частномъ владѣніи, то трудно думать, чтобъ они удовольствовались сохраненіемъ въ средѣ управляемыхъ начала имущественнаго индивидуализма, по крайней мѣрѣ во всей его неограниченности. Противоположный взглядъ нашелъ, однако, ревностнаго защитника въ извѣстномъ нѣмецкомъ историкѣ греческой философіи, Целлерѣ, съ которымъ поэтому и приходится полемизировать Пельману; я полагаю, что рѣшающимъ обстоятельствомъ въ ...мъ спорѣ является тотъ фактъ, что Платонъ въ позднѣй-

---

*) Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus, т. I стр. 361.

шемъ своемъ сочиненіи „О законахъ", рисуя не типъ лучшаго государства, а лучшую изъ несовершенныхъ формъ послѣдняго, все же изображаетъ намъ общество, въ которомъ всѣ классы, за исключеніемъ рабовъ, придерживаются если не коммунизма, то государственнаго соціализма. Вся земля считается собственностью націи; частныя лица получаютъ въ ней равные паи; они не имѣютъ права ихъ отчужденія. Даже количество движимаго имущества не можетъ быть увеличено произвольно, а только въ размѣрѣ, не превышающемъ болѣе чѣмъ въ четыре раза цѣнности земельнаго надѣла; въ виду этого ремесленная и торговая дѣятельность становится безполезною для гражданъ и формально запрещена имъ, какъ ведущая къ нарушенію счастливаго равенства имуществъ. Деньги становятся ненужными во внутреннемъ обмѣнѣ и служатъ только для пріобрѣтенія недостающихъ товаровъ у иностранцевъ; сами эти иностранцы допускаются къ поселенію не болѣе какъ на 20 лѣтъ, изъ страха, чтобы ихъ примѣръ не повліялъ разлагающимъ образомъ на внутренній порядокъ государства. Къ тому же необходимо сохранить, въ интересахъ практическаго осуществленія всей схемы, разъ навсегда установленное число гражданъ-пайщиковъ въ національномъ имуществѣ, число въ 5040 человѣкъ, какъ опредѣляетъ его Платонъ для своего государства-города. Съ той же цѣлью рекомендуется гражданамъ, какъ и въ болѣе раннемъ трактатѣ о „Республикѣ", соразмѣрять число рожденій со средствами существованія и, смотря по обстоятельствамъ, то прибѣгать къ эмиграціи и основанію колоній, то, въ случаѣ внезапной смертности, принимать въ составъ гражданъ извѣстное число иностранцевъ. Паи переходятъ по наслѣдству къ любимѣйшему изъ сыновей покойника; бездѣтные передаютъ ихъ по выбору тому или другому изъ оставшихся безъ пая наслѣдниковъ; единственная дочь вымершей семьи, какъ и въ аѳинскомъ законодательствѣ, на правахъ эпиклеры, получаетъ оставшійся послѣ родителей пай. Прочимъ же, въ качествѣ приданаго, полагается выдѣлъ части изъ одн

движимой собственности покойнаго; изъ нея же покрываются издержки по переселенію излишка жителей въ колонію. Государство принимаетъ на себя заботу о пропитаніи гражданъ; съ этою цѣлью скупаетъ у нихъ по частямъ продукты урожаевъ. На всѣ товары установлены законныя цѣны, или, вѣрнѣе, максимумы. Торги должны совершаться публично, поэтому — на рынкахъ; никакія кредитныя сдѣлки недопустимы, и лица, взимающія проценты, не могутъ добиться отъ государства поддержки въ осуществленіи своихъ притязаній; мало этого: подобно тѣмъ, кто нарушаетъ постановленіе о максимумѣ, заимодавцы за всякое требованіе процентовъ подлежатъ наказаніямъ, обыкновенно принимающимъ форму тѣлесныхъ. Очевидно, что вся эта система мыслима только подъ условіемъ существованія самодовлѣющаго, или натуральнаго, хозяйства, къ тому же хозяйства земледѣльческаго, восполняемаго первобытными промыслами и скотоводствомъ. Вотъ почему вся ремесленная и торговая дѣятельность сосредоточивается у Платона въ рукахъ невольниковъ и иностранцевъ. Но чтобы возможно было сохраненіе государствомъ преимущественно, если не исключительно, земледѣльческаго характера, необходимо, чтобы географическія условія, напримѣръ, близость къ морю, не склоняли его въ сторону торговой дѣятельности, какъ это было, напримѣръ, съ Аѳинами. По этой причинѣ Платонъ желаетъ, чтобы мѣстомъ, избраннымъ для обоснованія его государства, была плодородная долина, лежащая на извѣстномъ разстояніи отъ моря. Всѣ эти черты любопытны для насъ, такъ какъ мы найдемъ ихъ воспроизведенными въ „Утопіи“ Моруса и „Солнечномъ градѣ“ Кампанеллы.

При всемъ различіи ихъ основныхъ точекъ зрѣнія, Аристотель не расходится съ Платономъ въ желаніи придать государству характеръ общества, живущаго условіями натуьнаго земледѣльческаго хозяйства и потому сохраняющаго своей средѣ если не абсолютное, то относительное ра-тво имуществъ. Философъ изъ Стагиры безусловный

противникъ одинаково какъ общенія имуществъ, такъ и общенія женъ; но онъ въ то же время, если судить по тому фрагменту его утопіи, который сохранился во II-ой книгѣ „Политики“, сходится съ Платономъ въ желаніи, чтобы всѣмъ гражданамъ обезпечена была возможность безбѣднаго существованія, при которомъ они только и могутъ всецѣло посвящать себя государственной дѣятельности. Въ виду этого Аристотель желалъ бы, подобно Платону въ его болѣе раннемъ трактатѣ „О республикѣ“, сосредоточить въ рукахъ лишенныхъ гражданства классовъ всякую производительную дѣятельность, въ томъ числѣ и земледѣліе, и признать за каждымъ изъ гражданъ право на равный участокъ въ границахъ принадлежащей государству территоріи [1]). Ранѣе обоихъ Фалеасъ Халкедонскій думалъ осуществить равенство имуществъ наипростѣйшимъ способомъ: онъ предлагалъ выдавать замужъ богатыхъ невѣстъ за лицъ неимущихъ и надѣлять бѣдныхъ приданымъ изъ имущества богатыхъ гражданъ. И Фалеасъ, и Аристотель, и Платонъ одинаково имѣютъ передъ глазами идеалъ предшествующаго государству естественнаго состоянія, близкаго къ золотому вѣку и не знающаго имущественныхъ различій. Нѣкоторыя стороны этого порядка, рисуемаго легендою о „Блаженномъ вѣкѣ Сатурна“, греческіе аналисты, Геродотъ въ томъ числѣ, думали найти у народовъ, живущихъ первобытными промыслами, между прочимъ у скиѳовъ. Отдѣльныя черты такого не знающаго собственности общественнаго устройства казались имъ уцѣлѣвшими въ организаціи, данной Миносомъ Криту, а Ликургомъ Спартѣ. Обобщая и утрируя тѣ черты первобытнаго коммунизма, какія въ дѣйствительности продолжали держаться у лакедемонянъ и критянъ, Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ, какъ и въ томъ, картину котораго онъ представилъ въ „Трактатѣ о законахъ“, рекомендуетъ практику общихъ трапезъ, или такъ называемыхъ „сисситій“; на

---

[1]) Ср. *Пельманъ*, стр. 584 и 585.

содержаніе ихъ каждый изъ гражданъ долженъ производить ежегодныя приношенія продуктами урожая въ напередъ опредѣленномъ размѣрѣ.

Эта традиція золотого вѣка и первобытнаго коммунизма вызвала еще въ одномъ изъ родоначальниковъ философіи киниковъ — Дикеархѣ, разсужденія о естественныхъ законахъ и естественномъ состояніи, довольно близкія къ той картинѣ, какую впослѣдствіи рисовали сторонники договорной теоріи происхожденія государства, въ томъ числѣ Руссо. Какъ и для послѣдняго, для Дикеарха установленіе собственности ведетъ къ выходу изъ естественнаго состоянія; въ глазахъ того и другого писателя одинаково источникъ ея лежитъ въ захватѣ или присвоеніи части нѣкогда общихъ всѣмъ имуществъ. Что такое совпаденіе не можетъ считаться результатомъ случайной встрѣчи мыслей, въ этомъ убѣждаетъ насъ, по вѣрному замѣчанію Пельмана [1]), попадающаяся у Руссо ссылка если не на полную передачу Порфиріемъ уцѣлѣвшаго отъ Дикеарха фрагмента, то на короткій отрывокъ изъ него, сообщаемый Гіеронимомъ.

На ряду съ этими попытками воскресить традиціи золотого вѣка въ формѣ искусственнаго переустройства государства на началѣ то полнаго общенія имуществъ, то имущественнаго равенства и государственнаго соціализма, эллинская древность оставила намъ нѣсколько опытовъ того, что въ наши дни извѣстно подъ именемъ соціальнаго романа,—романа, подобнаго тому, какой дали намъ Белами, Моррисъ или Анатоль Франсъ; въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежитъ „Атлантидѣ“ Платона, тѣмъ уже интересной для насъ, что Бэконъ заимствовалъ у нея названіе для собственнаго разсужденія объ идеальномъ государствѣ, вполнѣ чуждаго, однако, тѣмъ коммунистическимъ началамъ, какими проникнутъ соціальный романъ Платона. Черты, общія и „Атлантидѣ“, и политико-философскимъ трактатамъ того же Платона, лежатъ въ искусственномъ устраненіи изъ сферы общественнаго обихода золота

[1]) Т. I, стр. 113.

и серебра и всякаго различія между моимъ и чужимъ. Платонъ рисуетъ себѣ бытъ Аѳинъ за 9000 л. до времени составленія его трактата въ формѣ города - республики, занятой войнами и допускающей поселеніе ремесленниковъ лишь за границами городской черты. Въ городѣ этомъ, на ряду съ усадьбами воиновъ, встрѣчаются сады и особыя зданія, служащія какъ для гимнастическихъ упражненій, такъ и общими столовыми. Все хозяйство ведется сообща; ремесленники и крестьяне, работающіе на гражданъ, живутъ въ полной гармоніи съ воинами, посвящая себя, въ силу раздѣленія труда, одни—сельскохозяйственной, другіе—обрабатывающей промышленности. Объ общеніи женъ нѣтъ и помину, но, за этимъ исключеніемъ, идеальное государство, образцомъ котораго являются первобытныя Аѳины, расположенныя, пишетъ Платонъ, на плоскогоріи, на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, вполнѣ отвѣчаютъ тому типу совершеннаго общежитія, какой Платонъ ранѣе нарисовалъ въ своей „Республикѣ". Чтобы рѣзче оттѣнить эти характерныя особенности, авторъ противополагаетъ первобытнымъ Аѳинамъ государство, расположенное вблизи моря на островѣ, откуда и самое названіе его „Атлантида". Оно лежитъ далеко за предѣлами Гераклитовыхъ столбовъ, т.-е. Гибралтара, что невольно заставляетъ думать объ открытой почти 19 столѣтій спустя Америкѣ, существованіе которой повидимому подозрѣвалъ аѳинскій философъ. Это государство, въ противность идеальному государству - городу, ограниченному опредѣленной и въ общемъ незначительной территоріей, покрываетъ собою пространство больше Ливіи и Азіи, пишетъ Платонъ; оно имѣетъ владѣнія и по сю сторону Гераклитовыхъ столбовъ. Почва его богата драгоцѣнными металлами; она доставляетъ въ изобиліи вино, фрукты и пряности, вообще все, что можетъ удовлетворить самому изысканному вкусу. Одно уже это дѣлаетъ невозможнымъ сохраненіе въ Атлантидѣ той простоты нравовъ, которыми отличались древнія Аѳины. Производство направлено въ ней главнымъ образомъ н предметы роскоши. Въ противность Аѳинамъ, Атлантида н

довольствуется однимъ земледѣльческимъ производствомъ, но посвящаетъ себя промышленности и торговлѣ; она озабочена содержаніемъ портовъ и флота; накопленіе богатствъ — главная забота ея жителей. Рядомъ съ запросомъ на богатство растетъ соперничество изъ-за власти, какъ источника дальнѣйшаго накопленія золота и условія, обезпечивающаго возможность наслажденій; мѣсто внутренняго мира занимаетъ насиліе, мѣсто справедливости — несправедливость. Поворотъ къ старому мыслимъ только подъ условіемъ ниспосланной божествомъ кары, т.-е. политическаго катаклизма; упоминаніемъ о немъ обрывается дошедшій до насъ отрывокъ. Онъ находится въ „Трактатѣ“ Платона, озаглавленномъ „Критіасъ“.

Пельманъ высказываетъ догадку, что описаніе Неархомъ, адмираломъ Александра Македонскаго, коммунистическаго строя жителей Сѣверной Индіи и Аравіи наложило свою печать и на позднѣйшіе опыты соціальнаго романа, съ которыми связаны имена Теопомпа и Гекатеоса, Эвгемера и Ямбула.

Теопомпъ изъ Хіоса былъ ученикомъ Изократа. Въ своемъ соціальномъ романѣ, озаглавленномъ „Земля Мероповъ“, онъ противополагаетъ идеальному государству рядъ другихъ — страну дураковъ — „Маромію“, страну воровъ и разбойниковъ — „Лавернію“, страну обжоръ — „Пампогонію“ и страну пьяницъ — „Ивронію“. Уже одно это обстоятельство указываетъ на то, что ближайшая задача автора направлена не столько на поученіе, сколько на увеселеніе читателя. Въ числѣ изображаемыхъ имъ народовъ, Теопомпъ упоминаетъ объ этрускахъ, которымъ онъ приписываетъ самыя грубыя формы коммунизма, связанныя съ безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ; женщина эмансипирована у нихъ и раздѣляетъ всѣ наслажденія мужчинъ, не отставая отъ послѣднихъ въ безнравственности; половая анархія имѣетъ послѣдствіемъ общественное воспитаніе дѣтей, которые въ большинствѣ случаевъ не знаютъ виновника ихъ рожденія; женщины и дѣвушки принимаютъ участіе въ тѣлесныхъ упражненіяхъ мужчинъ и юношей; чувство стыдливости неизвѣстно, и половые инстинкты находятъ

себѣ удовлетвореніе публично. Во всемъ этомъ очевидно можно видѣть только карикатуру идеальнаго государства, нарисованнаго Платономъ, съ характеризующимъ его общеніемъ имуществъ и женъ.

Гекатеосъ изъ Θеоса въ своемъ „Кимерійскомъ Градѣ“ заимствуетъ отдѣльныя черты государственнаго устройства изъ царства древнихъ фараоновъ и царства израильскаго, въ частности равный раздѣлъ завоеванныхъ земель и неотчуждаемостъ унаслѣдованныхъ родовыхъ имуществъ. Оба средства кажутся ему весьма дѣйствительными для подавленія страсти къ наживѣ. Онъ надѣется помѣшать ими обнищанію слабыхъ и обезлюденію страны. Въ Фараоновомъ царствѣ Гекатеосъ между прочимъ прославляетъ запретъ соединять въ однѣхъ рукахъ земледѣліе и торговлю, а также занятіе одновременно нѣсколькими ремеслами; это одно уже препятствуетъ чрезмѣрному накопленію. Примѣрами египтянъ и евреевъ Гекатеосъ пытается доказать, что лучшими законами надо считать тѣ, которые направлены не къ накопленію богатствъ, а къ воспитанію гражданъ въ духѣ гуманности, позволяющемъ имъ никогда не терять изъ виду выгодъ общественной солидарности. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ не изъ самаго текста соціальнаго романа Гекатеоса, а изъ сообщеній Діодора Сицилійскаго. Сближая, однако, съ ними нѣкоторыя изъ чертъ, передаваемыхъ намъ изъ романа Гекатеоса его позднѣйшими по времени читателями, между прочимъ извѣстіе объ обработкѣ полей гражданами съ такимъ рвеніемъ и въ такой плодородной мѣстности, что ежегодно жителямъ обезпечена возможность двухъ урожаевъ, мы въ правѣ сдѣлать догадку, что идеальный строй, какимъ рисуются Гекатеосу порядки кимерійскаго или гиперборейскаго государствъ, былъ строемъ земледѣльческимъ по преимуществу; онъ не устранялъ участія самихъ гражданъ въ экономической дѣятельности въ формѣ обработки полей и обезпечивалъ всѣмъ сохраненіе достатка, по всей вѣроятности, съ помощью обычныхъ средствъ, неотчуждаемости родовыхъ участковъ и огра-

ниченія размѣра новыхъ пріобрѣтеній, благодаря установленію максимума владѣнія.

Соціальнымъ романомъ въ строгомъ смыслѣ слова можно назвать и „Священную хронику Эвгемера", современника македонскаго правителя Кассандра. О ней, какъ и о „Солнечномъ государствѣ" Ямбула, мы узнаемъ только по отрывкамъ Страбона. Страбонъ вѣритъ въ дѣйствительное существованіе того волшебнаго острова, на которомъ Эвгемеръ изъ Мессаны помѣщаетъ свое образцовое государство. Послѣднее основано на принципѣ имущественнаго общенія, при которомъ только усадьба и садъ остаются въ личномъ владѣніи. На островѣ Панхеа вся засѣянная злаками или служащая пастбищемъ почва считается общимъ имуществомъ; но каждый обрабатываетъ отдѣльно отведенный ему участокъ, при чемъ продукты урожаевъ поступаютъ въ распоряженіе государства; оно опредѣляетъ каждому его справедливую часть, можно думать на началѣ равенства, такъ какъ только по отношенію къ членамъ духовнаго сословія говорится, что они получаютъ двойную долю. Идеальный островъ Панхеа лежитъ вблизи Индійскаго полуострова и имѣетъ близкую къ индійской кастовую организацію. Эвгемеръ различаетъ въ ней три главныхъ подраздѣленія — жрецовъ, земледѣльцевъ и воиновъ, при чемъ за жреческой кастой признаются правительственныя функціи, а земледѣльцы слѣдуютъ въ порядкѣ старшинства раньше воиновъ.

Всего больше вліянія оказалъ на гуманистовъ эпохи Возрожденія соціальный романъ Ямбула, озаглавленный „Солнечное государство". Многія черты его воспроизводятся Морусомъ и еще въ большей степени Кампанеллой; послѣдній заимствуетъ у автора греческаго романа и самое заглавіе своего трактата. Солнечное государство, въ описаніи Ямбула, представляетъ собою обширное коммунистическое сообщество, .и, вѣрнѣе, соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ сообществъ. ıждая изъ входящихъ въ него группъ насчитываетъ 400 чевѣкъ; они поперемѣнно занимаются всякими видами произ-

водительной дѣятельности, одинаково физическимъ и умственнымъ трудомъ. Какъ и въ романѣ Эвгемера, мы встрѣчаемъ у Ямбула расчлененіе общества на классы, наслѣдственное, какъ въ Индіи. Общеніе женъ предполагаетъ воспитаніе дѣтей государствомъ и существованіе мѣръ, препятствующихъ опознаванію матерью ребенка. Съ этою цѣлью рекомендуется замѣна новорожденныхъ одной матери новорожденными другой. Правительство находится въ рукахъ единаго пожизненнаго начальника, такъ называемаго гегемона, отъ котораго, повидимому, зависитъ распредѣленіе занятій. Чтобы избѣжать непроизводительныхъ затратъ на содержаніе лицъ, страдающихъ физическими недостатками, рекомендуется добровольное самоубійство,—черта, воспроизводимая, какъ мы увидимъ, и „Утопіей“ Моруса. Всѣ одинаково призваны работать, вплоть до старческаго возраста. Но общность занятій сама обусловливаетъ возможность ихъ слабой продолжительности. „Утопію“ Ямбула отличаетъ отъ идеальнаго государства Платона, съ одной стороны, признаніе достоинства труда, а съ другой—отрицаніе необходимости его раздѣленія. Первая черта сближаетъ „Солнечное государство“ Ямбула съ „Утопіей“ Моруса въ гораздо большей степени, чѣмъ съ фантастическимъ государствомъ Платона. Морусу трактатъ Ямбула уже потому не остался неизвѣстнымъ, что въ 1472 г. Поджіо Браччіолини сдѣлалъ латинскій переводъ сочиненія Діодора, въ которомъ и встрѣчается отрывокъ о „Солнечномъ государствѣ“ Ямбула. Въ противность Кауцкому, Пельманъ справедливо замѣчаетъ, что далеко не все, несогласное съ Платономъ, можетъ быть признано за продуктъ оригинальнаго творчества Моруса; многія черты его „Утопіи“, въ томъ числѣ признаніе высокаго достоинства за трудомъ, встрѣчаются уже у Ямбула, не говоря объ Эвгемерѣ. На всѣхъ этихъ писателяхъ отразилось вліяніе того движенія противъ рабства, о которомъ говоритъ еще Аристотель. Это движеніе связано съ именемъ Алхидамоса изъ Элеи; онъ училъ, что всѣ люди природою предназначены быть свободными.

Можно было бы и закончить сказаннымъ ту картину демократическихъ порядковъ и демократическихъ доктринъ древней Грецiи, которую я считаю нужнымъ предпослать исторiи развитiя современныхъ ученiй о народоправствѣ. Античная мысль, какъ и античная жизнь, не пошла далѣе выработки вѣчевого строя и не сумѣла распространить на государства-нацiи системы народнаго самоуправленiя. Вотъ почему, когда на сцену исторiи выступили, вмѣстѣ съ македонской монархiей, имперiей Александра и возникшими благодаря ея распаденiю дiодохiями, обширныя политическiя тѣла, теорiя и практика народоправства не нашли себѣ новаго выраженiя и уступили мѣсто болѣе старинному по времени типу восточныхъ деспотiй. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы демократическая доктрина совершенно вышла изъ памяти людей.

Македонское владычество сдѣлалось благопрiятнымъ условiемъ для распространенiя во всемъ восточномъ мiрѣ политическихъ доктринъ древней Грецiи, а смѣнившая его римская имперiя перенесла ихъ и на европейскiй западъ. Насколько народоправство въ его прямой формѣ было непремѣнимо къ обширнымъ политическимъ тѣламъ, оно по необходимости сдѣлалось пережиткомъ прошлаго, но принципъ участiя всѣхъ гражданъ, если не въ законодательствѣ и управленiи, то въ выборахъ сановниковъ, могъ ужиться и съ единовластiемъ, опирающимся на высшiя сословiя или на классъ чиновниковъ,—единовластiемъ наслѣдственнымъ или избирательнымъ. Вотъ почему, какъ мы увидимъ, и въ позднѣйшую эпоху македонскаго и римскаго владычества политическая мысль древности не разъ останавливалась на вопросѣ о возможности сохранить при монархическомъ строѣ нѣкоторыя черты народнаго управленiя рядомъ съ участiемъ въ дѣлахъ родовитой или денежной аристократiи. Теорiи смѣшаннаго устрой...а, образцомъ которыхъ можно считать еще ученiе Аристотеля ... политики" или „республикѣ", стали ходячими основанныхъ ...нералами Александра монархiй, задолго до временъ По-

либія, сдѣлавшаго удачную попытку ихъ примѣненія къ римскимъ порядкамъ. Когда насильственное сближеніе греческаго востока съ латинскимъ западомъ познакомило и римлянъ съ политической философіей эллиновъ, латинскіе писатели, и никто въ большей степени, какъ Цицеронъ, прониклись ученіемъ о преимуществахъ смѣшаннаго устройства, дозволяющаго и обширнымъ политическимъ тѣламъ удержать нѣкоторыя счастливыя особенности демократическаго устройства. Цицерону тѣмъ легче было остановиться на этой мысли, что въ самомъ вѣчномъ городѣ, какъ мы увидимъ, имѣлись налицо тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась бы въ концѣ- концовъ такая ограниченная дворянствомъ и народомъ монархія, если бы соціальная рознь богатыхъ и бѣдныхъ, оптиматовъ и пролетаріевъ, и необходимость сдержать центробѣжныя силы, представленныя различіемъ насильственно объединенныхъ Римомъ національностей, не вызвали роста опирающейся на армію императорской власти.

Ограничившись возможно сжатымъ очеркомъ эллинской политической мысли, мы еще болѣе кратко упомянемъ о важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи распространенія ея доктринъ въ древности и закончимъ наше повѣствованіе о судьбахъ античной демократіи противоположеніемъ республиканскихъ порядковъ древняго Рима такъ поздно развившейся въ немъ подъ греческимъ вліяніемъ политической доктринѣ.

Побѣды Александра Македонскаго ведутъ къ распространенію въ мірѣ греческой культуры, а слѣдовательно и греческихъ политическихъ теорій. Но монархическая организація, какую получаютъ основанныя его генералами государства, препятствуетъ дальнѣйшему развитію демократическихъ порядковъ и отражающихъ ихъ доктринъ. Отъ ученія о народовластіи сохраняется лишь тенденція удержать за народомъ участіе не въ государственномъ суверенитетѣ, а въ осуществленіи правительственой власти, на ряду съ монархомъ и аристократіей. Отсюда дальнѣйшая попытка развить встрѣчающуюся уже у Аристотеля теорію смѣшаннаго государственнаго устрой-

ства. Сторонникомъ ея были въ александрійскій періодъ греческой культуры Дикеархъ изъ Мессены и Димитрій изъ Фалерона. До насъ дошли только названія ихъ сочиненій; сами же трактаты погибли. Названіе „Tripoliticos“, которое Дикеархъ придаетъ своему труду, объясняется признаніемъ имъ лучшей формой правленія ту, которая составилась отъ смѣшенія трехъ правильныхъ: монархіи, аристократіи и демократіи. Сочиненіе Дикеарха написано было между концомъ IV и началомъ III вѣка. Авторъ его былъ ученикомъ и послѣдователемъ Аристотеля. Сочиненіе, насколько можно судить по дошедшему до насъ отрывку, заключало въ себѣ не столько философское разсужденіе, сколько изложеніе положительнаго законодательства. Въ уцѣлѣвшемъ фрагментѣ передаются подробности о спартанской конституціи, подобныя тѣмъ, какія Аристотель сообщаетъ объ аѳинской въ открытомъ недавно трактатѣ.

Что касается до Димитрія изъ Фалерона, то и его сочиненіе носитъ характеръ скорѣе догматическій, или, точнѣе, историко-догматическій, чѣмъ философскій. Роль Димитрія въ завѣдываніи дѣлами аѳинскаго государства позволяетъ намъ думать, что въ его затерянномъ трактатѣ рѣчь шла не только о современныхъ ему аѳинскихъ порядкахъ, но и о той роли, какую онъ самъ игралъ въ ихъ измѣненіи [1]).

Развитіе стоической и эпикурейской философіи не сопровождалось въ александрійскій періодъ возрожденіемъ теоретической мысли въ области государственнаго права, по всей вѣроятности въ виду недостатка политической свободы; но за это время начинаетъ складываться подобіе науки юридическихъ древностей, въ частности древностей государственныхъ; оно ставитъ себѣ задачей изученіе прошлаго учрежденій, между прочимъ аѳинской республики. Рядомъ съ этимъ Ксенократъ изъ Халкедона изъ школы перипатетиковъ, на рубежѣ III стол. до Р. Х., вмѣстѣ со

[1]) См. *Rehm*, Geschichte de Staatsrechtswissenschaft, стр. 131 и 132.

стоикомъ Клеантомъ подымаютъ снова вопросъ о наилучшей формѣ правленія, опять-таки разумѣя подъ нею смѣшанную [1]). Дальше этого не могла пойти терпимость абсолютныхъ правителей такъ называемыхъ „діадохій". Самое торжество единовластія устраняло въ нихъ возможность думать о чемъ другомъ, какъ объ ограниченіи не суверенитета монарха, а поставленнаго имъ правительства участіемъ въ немъ аристократіи и демоса. Если бы всѣ названныя сочиненія и дошли до насъ, то они по всей вѣроятности прибавили бы мало новаго къ общей сокровищницѣ греческаго политическаго мышленія [2]).

Завоеваніе Греціи Римомъ было новымъ факторомъ для универсализаціи эллинской культуры. Оно вызвало въ области политической мысли, съ одной стороны, попытку греческаго историка Полибія приложить къ римскимъ государственнымъ учрежденіямъ въ эпоху республики теорію смѣшаннаго устройства, а, съ другой, появленіе въ самомъ Римѣ, дотолѣ занятомъ однимъ изученіемъ положительнаго права, попытокъ построенія философскаго ученія о государствѣ и государственныхъ порядкахъ. Онѣ связаны съ именемъ Цицерона. Но прежде чѣмъ перейти даже къ краткой передачѣ политическихъ теорій, поставившихъ себѣ задачей дать синтезъ римской государственной жизни, намъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться съ республиканскими порядками „вѣчнаго города", въ частности—съ проявленіемъ въ немъ началъ прямого народовластія.

---

1) См. *Rehm*, стр. 134.
2) Ibid., стр. 135 и 136.

ГЛАВА II.

Римская республиканская конституція и ея оцѣнка политиками древняго міра.

§ 1. Въ нашу ближайшую задачу входитъ опредѣлить природу римской республики, указать отличіе ея отъ аѳинской и спартанской и выяснить то вліяніе, какое она имѣла на выработку политическаго идеала латинскихъ мыслителей. Одинъ изъ новѣйшихъ итальянскихъ писателей о политикѣ, римскій профессоръ Милези, справедливо видитъ въ Римѣ самое полное и систематическое проведеніе превозносимаго имъ начала обособленія двухъ властей,—той, которой поручено завѣдываніе интересами внутренней и внѣшней безопасности государства, и той, которая имѣетъ своей задачей упорядоченіе матеріальнаго и духовнаго прогресса націи Вѣковое существованіе республиканскихъ порядковъ и постепенный переходъ государства-города въ міровую имперію какъ нельзя лучше мирились въ Римѣ съ раздѣломъ если не суверенитета, продолжавшаго оставаться въ рукахъ народа, то отдѣльныхъ функцій правительственной власти между демосомъ и аристократіей: внутренняя и внѣшняя защита государства сосредоточились въ немъ въ рукахъ сената; забота же о матеріальномъ и духовномъ развитіи народа осталась за народными комиціями и поставленными ими сановниками. Такое двоевластіе упрочилось въ Римѣ, разумѣется, не сразу. Подобно другимъ городамъ античнаго міра, напримѣръ, Аѳинамъ, возникшимъ благодаря соединенію въ одно политическое тѣло нѣсколькихъ самостоятельныхъ бурговъ, изъ которыхъ Акрополисъ избранъ былъ средоточіемъ правительственной власти [1]), Римъ образовался благо-;ря мирному соединенію этрусскаго Капитолія съ латинскимъ

---

[1]) *Сюдръ*, стр. 143.

Палатиномъ. Форумъ — на первыхъ порахъ болотистое русло протекавшаго здѣсь притока Тибра, Велабръ, служилъ сперва рынкомъ для обоихъ поселковъ. Клоака Максима, сооруженіе которой преданіе приписываетъ Ромулу, осушивъ Форумъ, сдѣлала его удобнымъ мѣстомъ для собраній двоякаго рода, во-первыхъ для такъ называемаго comitium, или сборища публичныхъ властей, и во-вторыхъ для народныхъ собраній по центуріямъ (форумъ въ строгомъ смыслѣ слова) [1].

Мы не станемъ, разумѣется, говорить о постепенномъ ростѣ республиканскихъ учрежденій Рима, начиная съ эпохи отмѣны царской власти и оканчивая возникновеніемъ имперіи. Для насъ важны не отдаленныя причины, вызвавшія къ жизни доселѣ не вполнѣ выясненную вражду патриціевъ и плебеевъ, и не характеръ представительства родовъ, какой, по мнѣнію Нибура, носилъ на первыхъ порахъ римскій сенатъ, а то обстоятельство, что въ республиканскій періодъ члены его назначались народомъ. Правда, это дѣлалось не непосредственно, а въ формѣ избранія народомъ тѣхъ сановниковъ, которые по выходѣ въ отставку попадали въ ряды сената. Въ 442 году, считая отъ основанія Рима, законъ Овинія перенесъ въ руки цензора назначеніе ихъ въ сенатъ, отчего и въ позднѣйшее время удержалось право этого сановника вычеркивать имена извѣстныхъ лицъ изъ числа его членовъ; но самъ цензоръ былъ избирательной должностью (назначался центуріатскими комиціями), а, слѣдовательно, народъ въ концѣ-концовъ все же оставался первоисточникомъ въ созданіи сената. Что касается до функцій этого собранія пожизненныхъ членовъ, то онѣ состояли прежде всего въ заботахъ о народной оборонѣ. Прежде чѣмъ отправиться въ походъ, консулы и военоначальники, какъ видно изъ показаній Тита Ливія, спрашивали мнѣніе сената о предстоящихъ военныхъ операціяхъ. Не согласнымъ съ обычаемъ предковъ, mos majo-

---

[1]) Смотри *Henry Thédenat.* Le Forum Romain et les Forums impériaux, стр. 77.

rum, считалось разрушить непріятельскій городъ или отдать его солдатамъ на разграбленіе, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія сената. Въ случаѣ государственныхъ заговоровъ, какъ, напримѣръ, извѣстнаго заговора Катилины, отъ сената зависѣло декретировать такъ называемый tumultus, или издать senatus consultum ultimum, въ которомъ принимались всѣ необходимыя мѣры къ государственной безопасности. Посланцы иностранныхъ державъ производили свои устные доклады консуламъ въ присутствіи сената. Въ томъ случаѣ, если они отправлены были враждующими съ Римомъ народами, сенатъ собирался въ храмѣ богини войны Беллоны за предѣлами города для ихъ выслушиванія; самимъ посламъ отводилось помѣщеніе внѣ стѣнъ, на Марсовомъ полѣ, такъ называемая villa publica. Изъ Рима не могло быть отправлено посольства безъ вѣдома и разрѣшенія сената; иное дѣло, если рѣчь шла о посылкѣ его изъ предѣловъ той или другой провинціи, въ которой сановникъ республики имѣлъ высшее начальство. Государства, желавшія заключить договоръ съ Римомъ, долгое время направляли своихъ пословъ, или прямо, или при посредствѣ римскихъ генераловъ, въ сенатъ. Трактатъ, заключенный римскимъ сановникомъ, даже пользующимся правами высшаго начальства, надѣленнымъ отъ сената такъ называемымъ imperium, подлежалъ его утвержденію [1]). Управленіе союзными государствами входило въ полномочія сената. Къ нему же обращались города-республики со своими жалобами, прося его вмѣшательства въ свои внутренніе раздоры [2]).

Важную роль игралъ сенатъ также въ финансовомъ управленіи. Это не значитъ, чтобы отъ него зависѣло установленіе налоговъ. Въ этомъ отношеніи починъ исходилъ отъ народныхъ комицій; сенатъ осуществлялъ только ту задерживающую власть, какая признавалось за нимъ, какъ мы увидимъ, и по отношенію ко всякаго рода другимъ законопроек-

---

1) См. *Момзенъ*, т. VII, стр. 387.
2) Ibid, стр. 415, 422 и 426.

тамъ. Но его первенствующая роль въ финансовомъ управленіи сказывалась въ томъ, что ни одинъ сановникъ не могъ получить денегъ изъ государственной казны безъ его разрѣшенія. Согласно конституціи Августа, самъ императоръ не въ правѣ былъ обратиться за ними въ aerarium populi Romani иначе, какъ въ силу предварительно изданнаго сенатомъ постановленія (senatus consultum). Тотъ же сенатъ высказывался и по вопросу о той даровой раздачѣ хлѣба народу, какая предписывалась въ случаѣ голода. Только со временъ Гракховъ самъ народъ сталъ вотировать эти мѣры. Отъ сената зависѣло право изгнать изъ предѣловъ государства иностранцевъ и философовъ, проповѣдовавшихъ теоріи, не согласныя съ государственной доктриной; ему принадлежала раздача почестей и публичныхъ наградъ. Осуществляя такимъ образомъ всѣ тѣ функціи, которыя связаны съ обезпеченіемъ народной безопасности, salus populi, сенатъ въ то же время не вмѣшивался ни въ прямое начальствованіе надъ войсками, предоставленное генераламъ, ни въ отправленіе правосудія преторами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ рѣчь шла о народной безопасности, какъ то въ случаяхъ преступленій, направленныхъ противъ цѣлости и независимости государства[1]).

При существующемъ въ Римской республикѣ двоевластіи, народнымъ собраніямъ, или комиціямъ, принадлежала равная съ сенатомъ власть. Такіе порядки, разумѣется, не возникли съ самаго начала. По мнѣнію Вильемса, вплоть до конца IV вѣка до Р. Х. народныя комиціи не пользовались независимостью отъ сената; ихъ рѣшенія нуждались въ его санкціи (populi comitia ne essent rata, nisi ea patrum aprobavisset auctoritas). По мнѣнію Момзена, такое вето сенатъ могъ высказать только въ томъ случаѣ, когда рѣшенія комицій противорѣчили конституціи. Во всякомъ случаѣ законодательныя постановленія не всѣхъ вообще комицій нуждались въ предварительномъ утвержденіи сената.

---

[1]) *Willems*, Le sénat de la République romaine, томъ II, стр. 275.

Извѣстно, что въ Римѣ, на ряду съ комиціями по трибамъ и центуріатскими, существовали комиціи плебейскія, рѣшенія которыхъ, или такъ называемые плебисциты, закономъ Гортензія отъ 286 года освобождены были отъ утвержденія сената. Наконецъ Lex Publilia Philonis освободила всѣ вообще вотированные народомъ законы отъ кассаціи, прежде постановляемой сенатомъ. Съ этого времени за послѣднимъ удержано было только право требовать предварительнаго сообщенія ему законопроектовъ, поступавшихъ въ любыя изъ комицій римскаго народа, точь-въ-точь какъ въ конституціонныхъ странахъ нашего времени, имѣющихъ государственный совѣтъ, законопроекты нерѣдко поступаютъ на предварительную редакцію этого высшаго административнаго собранія, лишеннаго, однако, возможности вносить въ нихъ перемѣны по существу.

Въ такой же мѣрѣ, какъ въ сферѣ законодательства, народныя комиціи подчинены были на первыхъ порахъ сенату и во всемъ, что касается выбора сановниковъ; но это право сената давать или отказывать имъ въ своей санкціи со временемъ было отмѣнено. Сенатъ могъ самое большее предложить сановникамъ сложить съ себя полномочія до истеченія срока службы; ничто не заставляло ихъ, однако, подчиняться этому совѣту. Отставить ихъ отъ службы подъ предлогомъ, что они выбраны неправильно, vitio creati, сенатъ былъ не въ силахъ.

Итакъ, въ римской конституціи мы встрѣчаемъ, рядомъ и какъ отличные другъ отъ друга законъ и указъ, съ одной стороны Lex и Plebescitum, установляемые по волѣ народа, jussu populi, а съ другой — административное распоряженіе, senatus consultum, или высказанное сенатомъ сужденіе; въ отличіе отъ закона оно не имѣетъ обязательной силы, пока исполненіе его не будетъ предписано компетентными сановниками. Законъ можетъ отмѣнить сенатусъ-консультъ, но послѣдній не въ силахъ ни упразднить закона вполнѣ или въ отдѣльныхъ его нормахъ, ни внести въ него какія-либо измѣне-

нія. Все, что признается за сенатомъ, это—право выразить желаніе, чтобы тотъ или другой законъ подвергся отмѣнѣ. Сенатъ можетъ пригласить компетентныхъ сановниковъ внести на обсужденіе въ законодательномъ порядкѣ предложеніе объ упраздненіи или измѣненіи того или другого закона, но пока законъ существуетъ, сенату, какъ и сановникамъ государства, нѣтъ другого выбора, какъ примѣнять его [1]).

Независимость сената отъ народныхъ комицій въ вопросахъ, касающихъ внѣшней и внутренней безопасности, выступаетъ изъ того факта, что, какъ говоритъ Момзенъ, предложеніе, касающееся международныхъ отношеній, не можетъ быть сдѣлано въ народномъ собраніи иначе и раньше, какъ послѣ предварительнаго одобренія его тѣмъ сановникомъ, котораго оно касается; неодобренія, высказаннаго по такому предложенію сенатомъ и его президентомъ (однимъ изъ консуловъ), достаточно, чтобы парализовать его въ корнѣ. Народъ ни разу не былъ призванъ въ Римѣ высказать своего мнѣнія по вопросу о мирѣ, отвергнутомъ предварительно сенатомъ [2]). На первыхъ порахъ мнѣніе народа не было испрашиваемо даже вовсе, разъ дѣло шло о международныхъ сношеніяхъ; исключеніе составлялъ фактъ объявленія войны, по крайней мѣрѣ съ націями, съ которыми у римлянъ заключены были международные договоры (foedus). Со временемъ окончательное утвержденіе мирныхъ трактатовъ и договоровъ о союзѣ также стало признаваться за народными комиціями, не раньше, однако, какъ послѣ формальнаго принятія этихъ договоровъ соотвѣтствующими сановниками и принесенія ими присяги въ ихъ соблюденіи; наконецъ, со временъ Суллы, совершенно устранено было вмѣшательство народа въ эти вопросы и за однимъ сенатомъ признано право ратификаціи договоровъ [3]).

---

[1]) *Willems*, томъ II, стр. 115 и *Момзенъ*, т. VI, стр. 356.

[2]) Ibid, томъ VI, стр. 386 французскаго перевода. *Willems*, томъ II, стр. 479.

[3]) *Момзенъ*, томъ VII, стр. 390 — 392.

Не даромъ же Цицеронъ говоритъ о сенатѣ: „Regum, populorum, nationum portus et refugium senatus“ [1]).

То обстоятельство, что сенату ввѣрена забота о народномъ спасеніи (salus populi), предупрежденіе внутреннихъ потрясеній и забота о внѣшней безопасности, объясняетъ намъ причину, по которой изъ общаго правила о невмѣшательствѣ его членовъ въ выборы сановниковъ сдѣлано было исключеніе по отношенію не только къ ликторамъ, но и къ диктатору и военнымъ трибунамъ. Объ установленіи послѣднихъ ни разу не ставилось вопроса народнымъ комиціямъ. Рѣшеніе принадлежало всецѣло сенату; правда, на первыхъ порахъ созданіе диктатуры могло имѣть мѣсто лишь по требованію консула; но со временемъ консулъ сталъ дѣлать заявленія на этотъ счетъ только по спеціальному приглашенію сената; ему не разъ удавалось сломать противодѣйствіе этого верховнаго совѣта и принудить его къ принятію подобной мѣры [2]). За исключеніемъ ликторовъ, диктатора и военныхъ трибуновъ, сенатъ не участвовалъ въ назначеніи ни одного сановника, даже цензора, отъ котораго, какъ мы видѣли, зависѣлъ просмотръ списка его членовъ и исключеніе тѣхъ или другихъ лицъ изъ этихъ списковъ.

Сенатъ, а не народъ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, необходимо ли снаряженіе войска и флота и въ какомъ размѣрѣ. Отъ него зависитъ составленіе смѣты или бюджета текущихъ доходовъ и расходовъ; но онъ не въ правѣ установлять никакого новаго налога, такъ какъ по этому вопросу могутъ высказываться только народныя комиціи и притомъ въ законодательномъ порядкѣ.

Предсѣдателями сената являлись не имъ самимъ выбранныя лица, а избранники народныхъ комицій — консулы. Они же осуществляли, какъ лица, заступившія мѣсто королей,

---

[1]) De officiis, II, 8, § 26.

[2]) *Момзенъ*, томъ III, „Теорія диктатуры и о правѣ предложенія сенату“.

одинаково военныя и гражданскія функціи; но первыя только за предѣлами такъ называемаго pomerium, т.-е. границъ стариннаго города, указанныхъ стѣною Сервія Туллія. Что касается до гражданскихъ функцій сената, то онѣ подверглись постепенному ограниченію, благодаря созданію, во-первыхъ, прэторовъ, отнявшихъ у консуловъ судебную власть, во-вторыхъ, такъ называемыхъ duumviri perduellionis, т.-е. спеціальныхъ уголовныхъ судей, и наконецъ цензоровъ, къ которымъ перешла осуществляемая ранѣе консулами административная юстиція [1]). То обстоятельство, что громадность ввѣренной консуламъ власти была ослаблена предоставленіемъ равныхъ полномочій не одному, а двумъ лицамъ, имѣло въ Римѣ такое значеніе, какое въ Спартѣ двоевластіе королей. Вотъ почему Цезарь и Помпей одинаково стремились къ тому, чтобы не имѣть товарищей, тормозящихъ ихъ дѣятельность. Другимъ условіемъ, ограничивавшимъ власть консуловъ, надо считать то, что они избираемы были на годъ, хотя и съ правомъ переизбранія. Въ позднѣйшее время установилась практика поступленія консуловъ по окончаніи службы въ число проконсуловъ съ правомъ военнаго начальства въ провинціяхъ. Сенатъ ежегодно оставлялъ для этой цѣли незанятыми мѣста военныхъ губернаторовъ въ двухъ провинціяхъ, куда и посылались выходившіе въ отставку консулы [2]).

Дѣйствуя самостоятельно въ отведенной ему сферѣ вѣдомства, сенатъ въ то же время имѣлъ ближайшее касательство къ народнымъ комиціямъ; съ одной стороны онъ воздѣйствовалъ на нихъ своими совѣтами, съ другой — онъ самъ подчинялся въ своихъ мѣропріятіяхъ „вето“ народныхъ трибуновъ. Займемся прежде всего вопросомъ о вліяніи, какое совѣты сената могли оказать на народныя рѣшенія.

---

[1]) *Момзенъ*, томъ III, стр. 71, 72 и 87, томъ I, стр. 215 и 11ˉ Военная власть консуловъ была впослѣдствіи ограничена предѣлаı Италіи, а со временъ Суллы совершенно перестала существовать.

[2]) *Момзенъ*, томъ III, стр. 107.

На первыхъ порахъ сенатъ въ правѣ былъ отказать въ утвержденіи постановленій, принятыхъ народными комиціями, касательно ли новыхъ законодательныхъ мѣръ или выбора того или другого лица на должность. Постановленія сената слѣдовали въ это время за рѣшеніями комицій [1]). Со времени изданія Lex Publilia Philonis сенатъ теряетъ право „вето“ по отношенію къ народнымъ рѣшеніямъ, но сохраняетъ въ то же время издавна принадлежавшую ему функцію совѣтника по отношенію къ отдѣльнымъ сановникамъ, а это имѣло то практическое послѣдствіе, что послѣдніе не дѣлали никакихъ предложеній въ народныхъ комиціяхъ, не испросивъ предварительно мнѣнія сената. Такъ какъ, кромѣ сановниковъ, никто не въ правѣ былъ вносить въ эти комиціи проектовъ новыхъ законовъ, то это значило, что „вето“ сената, вмѣсто того, чтобы прилагаться, какъ прежде, къ готовымъ уже законамъ, стало препятствовать самому ихъ предложенію. Сказанное о законахъ можетъ быть повторено и по отношенію къ выборамъ. Предложеніе назначить то или другое лицо на должность исходило отъ сановниковъ, которые при этомъ справлялись предварительно съ мнѣніемъ сената. Правда, сановникъ, пренебрегшій своею обязанностью по отношенію къ предварительной передачѣ своихъ предложеній въ сенатъ, не подвергался уголовному преслѣдованію, но отъ цензора зависѣло наложить на него печать безчестія, infamia, за несоблюденіе обычаевъ предковъ, mos majorum; мало того, сенатъ располагалъ чрезвычайными средствами воздѣйствія на не желавшихъ считаться съ нимъ сановниковъ, на первыхъ порахъ въ формѣ назначенія диктатора, что само собою останавливало дѣятельность всѣхъ прочихъ властей, позднѣе—путемъ обращенія къ народнымъ трибунамъ съ просьбой употребить свое

---

[1]) Эти порядки какъ нельзя лучше передаются извѣстнымъ афоризмъ: Vehementer id retinebatur populi comitia ne essent rata nisi ea pat. approbavisset auctoritas.

вліяніе на консуловъ и добиться отъ нихъ того, чтобы они сдѣлали сенату предложеніе по тѣмъ вопросамъ, по которымъ это собраніе желало высказаться. Отъ трибуновъ зависѣло, впрочемъ, путемъ плебисцита поручить представленіе подобнаго запроса сенату и другимъ сановникамъ, помимо консуловъ. Этими средствами сенатъ въ состояніи былъ оградить свои права по отношенію къ органамъ исполнительной власти, а чрезъ ихъ посредство и по отношенію къ народнымъ комиціямъ [1]).

Обратимся теперь къ вопросу о средствахъ обратнаго воздѣйствія народныхъ комицій на сенатъ. Право тормозить предложенія, дѣлаемыя съ вѣдома и совѣта сената тѣмъ или другимъ сановникомъ, признаваемо было какъ за товарищемъ этого сановника, такъ и за высшею по отношенію къ нему властью. Такъ, диктаторъ въ правѣ былъ воспрепятствовать исполненію рѣшеній, принятыхъ по предложенію консула или претора. Консулъ надѣленъ былъ тою же властью по отношенію къ своему товарищу или претору, преторъ — по отношенію къ такому же, какъ онъ, сановнику. Но всѣ эти лица на практикѣ рѣдко когда пользовались такой возможностью, этимъ правомъ такъ называемый интерцессіи. Не то надо сказать о трибунахъ. Каждый трибунъ могъ остановить исполненіе рѣшеній сената по предложенію любой власти, за исключеніемъ диктатора, тогда какъ постановленія, принятыя сенатомъ по предложенію одного изъ трибуновъ, могли быть задержаны только при вмѣшательствѣ другого трибуна [2]). Трибуны на первыхъ порахъ не пользовались доступомъ въ сенатъ и, чтобы дать себѣ отчетъ въ его мѣропріятіяхъ, становились обыкновенно у входа этого собранія; только 50 лѣтъ спустя послѣ ихъ установленія двери сената были имъ открыты. Съ 339 года трибунамъ даровано и право соучастія въ актахъ сената (jus agendi cum patribus) [3]).

[1]) См. *Willems*, Le Sénat romain, томъ II, стр. 225 и 226.

[2]) Ibid, томъ II, стр. 199 и 200.

[3]) Ibid, томъ II, стр. 138 и 139.

Но если трибуны имѣли возможность опротестовывать рѣшенія сената и тѣмъ самымъ обезпечивали побѣду народнымъ комиціямъ, то въ свою очередь у сената была возможность декретировать, что ихъ вмѣшательство, или интерцессія, по его мнѣнію, направлена противъ республики [1]. Консулы призывались въ такомъ случаѣ къ представленію доклада сенату по поводу происшедшей интерцессіи. На основаніи этого доклада сенатъ могъ издать такъ называемый senatus consultum ultimum; въ силу его временно отымались полномочія у трибуна, виновнаго въ интерцессіи, и самому ему, какъ мятежнику, не оставалось другого средства избѣжать смерти, кромѣ бѣгства изъ города [2].

Такимъ образомъ положеніе, высказанное въ XVIII вѣкѣ Монтескьё о необходимости въ интересахъ свободы создать систему взаимныхъ противовѣсовъ, при которой одна власть останавливала бы другую, извѣстно было и римской республикѣ. То обстоятельство, что нѣсколько лицъ облекаемы были въ ней одними и тѣми же служебными правомочіями, начиная съ двухъ консуловъ и оканчивая трибунами, число которыхъ доведено было постепенно отъ 2 до 10, и что каждый изъ этихъ сановниковъ имѣлъ право вмѣшательства или интерцессіи по отношенію къ своему товарищу, сопровождалось тѣмъ послѣдствіемъ, что система взаимныхъ противовѣсовъ не ограничивалась случаями столкновеній сената и народныхъ комицій, или наоборотъ, но распространялась въ равной мѣрѣ и на столкновенія отдѣльныхъ сановниковъ между собою, все равно, были ли эти сановники одинаковой власти, или одинъ поставленъ выше другого [3].

Посмотримъ теперь, какъ устроены были народныя комиціи. Въ царскій періодъ мы находимъ прежде всего такъ называемыя comitia curiata, созываемыя по инціативѣ царей

---

[1]) Qui impedierit prohibuerit eum senatum existimare contra rempublicam fecisse.

[2]) *Willems*, томъ II, стр. 229.

[3]) *Момзенъ*, томъ I, стр. 297.

для обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, обыкновенно также для надѣленія самихъ царей послѣ ихъ избранія властью (imperium) [1]). Созывъ комицій требовался также для объявленія войны и для надѣленія peregrini, или чужеземцевъ, правами гражданства. Представленіе могло быть дѣлаемо комиціямъ только королемъ и извѣстно было подъ названіемъ rogatio. Комиціи обсуждали только тѣ вопросы, какіе были предложены имъ властью, и должны были довольствоваться однимъ утвержденіемъ или отверженіемъ этихъ предложеній, безъ права вносить отъ себя въ нихъ какія-либо измѣненія. Вопросъ о томъ, входили ли или нѣтъ плебеи въ эти куріатскія комиціи, остается открытымъ. Несомнѣнно одно, что они играли въ нихъ слабую роль. Голосованіе происходило по куріямъ; подъ куріей же надо разумѣть совокупность нѣсколькихъ родовъ, или gentes; къ нимъ плебеи могли быть приписаны только на правахъ кліентовъ; въ число обязанностей послѣднихъ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, входило никогда не вотировать противъ патрона. Голоса отбирались въ предѣлахъ каждой куріи поголовно. Простое большинство рѣшало, стоитъ ли курія за или противъ предложенія. Всѣхъ курій насчитывалось 30; простого большинства ихъ было достаточно для принятія или непринятія королевской rogatio [2]). Реформа Сервія Туллія во многомъ напоминаетъ ту, какая произведена была въ Аѳинахъ Солономъ. Независимо отъ родовой организаціи Сервій Туллій раздѣлилъ народъ на шесть классовъ, сообразно имущественному достатку. Эти шесть классовъ, въ свою очередь, подраздѣлены были на 183 центуріи; изъ нихъ послѣдняя включила въ себя всѣхъ неимущихъ. Въ собраніяхъ центурій, постепенно заступившихъ мѣсто куріатскихъ и оставившихъ за ними только функціи религіознаго характера,

---

[1]) Lex curiata de imperio.

[2]) „Les Institutions de l'ancienne Rome“, par F. Robiou et D. Delaunay. стр. 20, См. также „Histoire du plebiscite“, par Ch. Borgeaud. Le plebiscite dans l'antiquité, Genève, 1887, p. 38—44.

голоса отбирались по центуріямъ. Первый классъ включалъ въ себѣ 80 центурій. Въ соединеніи съ шестнадцатью центуріями второго класса, всадниковъ, эти болѣе зажиточные элементы римскаго гражданства располагали большинствомъ голосовъ. Только изъ ихъ среды выбиралась та центурія, съ которой должно было начинаться голосованіе. Прочія призываемы были къ подачѣ голоса лишь въ томъ случаѣ, когда нельзя были добиться большинства, отбирая мнѣнія центурій первыхъ двухъ классовъ. Военная служба и подати распредѣлены были между гражданами неравномѣрно, сообразно ихъ принадлежности къ центуріямъ того или другого класса. Это позволило совершенно освободить отъ военной службы единственную центурію шестого класса, составленнаго изъ бѣдныхъ. Центуріатскія собранія, подобно куріатскимъ, голосовали только предложенія, сдѣланныя имъ сперва королемъ, а позднѣе сановниками. Они имѣли право отвергнуть эти предложенія, но не уполномочены были вносить въ нихъ какія-либо измѣненія [1]). Удаленіе плебеевъ на Священную гору въ 494 г. до Р. Х. и послѣдовавшее за тѣмъ созданіе трибуната закончились установленіемъ комицій по трибамъ—третій видъ народныхъ собраній, тѣмъ отличающійся отъ предыдущихъ, что составъ ихъ ограниченъ былъ одними только плебеями. Сами эти трибутскія комиціи уполномочены были на первыхъ порахъ вѣдать только интересы плебеевъ. Съ 471 года до Р. Х. назначеніе трибуновъ, первоначально принадлежавшее комиціямъ центуріатскимъ, перешло въ руки комицій по трибамъ. Рѣшеніе этихъ комицій, какъ имѣющія отношеніе къ интересамъ однихъ плебеевъ,

---

[1]) *Borgeaud*, стр. 45. Въ первый классъ входили всадники и тяжелая пѣхота. Въ ней насчитывалось 18 центурій всадниковъ и 80 пѣхоты. Второй классъ составляли легкіе пѣхотинцы въ числѣ 20 центурій и рабочіе въ числѣ двухъ центурій. Третій и четвертый классы отличались болѣе скромнымъ вооруженіемъ. Пятый стоялъ внѣ организаціи войска въ фаланги. Число центурій, приходившихся на эти послѣдніе класса, было: 20—на третій, 22—на четвертый и 30—на пятый.

освобождены были съ самаго начала отъ всякаго контроля сената. Въ 449 году до Р. X. Lex Valeria Horatia призналъ за плебисцитами, или постановленіями трибутскихъ собраній, силу закона, обязательнаго для всего народа; съ этого времени для трибуновъ, пользовавшихся исключительнымъ правомъ вносить проекты плебисцитовъ въ эти собранія, сдѣлалось возможнымъ создать самостоятельное законодательство въ дополненіе и измѣненіе того, органомъ котораго были центуріатскія собранія. Законъ Валерія Горація, повидимому, нашелъ примѣненіе не сразу; иначе не было бы необходимости возобновить его постановленія 110 лѣтъ спустя, въ 339 году до Р. X. (Lex Publilia Philonis), затѣмъ въ 286 (Lex Hortensia) [1]).

Этихъ немногихъ свѣдѣній достаточно, чтобы понять, къ чему сводилась роль простонародья въ республиканской конституціи Рима. Собираясь по куріямъ, центуріямъ и трибамъ, говоритъ профессоръ Милези, римскій народъ выбиралъ сановниковъ, вотировалъ законы, осуществлялъ уголовное правосудіе и санкціонировалъ своимъ согласіемъ важнѣйшія административныя мѣропріятія. Послѣ изданія плебисцита Овинія (318—312 г. до Р. X.) къ народу переходитъ косвенно даже право вліять на составъ самого сената, въ томъ смыслѣ, что члены сената выбираются отнынѣ цензоромъ, по преимуществу изъ числа прежнихъ сановниковъ; самъ же цензоръ назначается народомъ. Но починъ, какъ въ дѣлѣ законодательства, такъ и въ вопросахъ административнаго характера и притомъ, все равно, идетъ ли дѣло о войнѣ, или о выборахъ, всегда исходитъ отъ компетентнаго сановника; послѣдній же въ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію куріатскихъ и центуріатскихъ собраній (но не трибутскихъ), не можетъ обойтись безъ предварительнаго одобренія его предложеній сенатомъ (patrum auctoritas) [2]).

---

[1]) Les Institutions de l'ancienne Rome, par S. Robiou, стр. 192.

[2]) *Милези*, стр. 343.

§ 2. Посмотримъ теперь, какую оцѣнку нашла римская республиканская конституція у писателей древности. Изъ нихъ только двое, Полибій и Цицеронъ, высказались о ней сколько-нибудь подробно. Первый, между 205 и 123 г. до Р. Х., въ шестой книгѣ своей „Исторіи", даетъ намъ скорѣе собственную оцѣнку, нежели описаніе ея характерныхъ особенностей. Ахеянецъ родомъ, Полибій попалъ въ Римъ заложникомъ и сдѣлался здѣсь учителемъ и другомъ молодого Сципіона Эмилія. Его политическія воззрѣнія сложились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Платона. Аристотель видимо остался ему неизвѣстенъ. У Платона онъ заимствуетъ не утопическія воззрѣнія его „Республики", а теорію смѣшаннаго правительства, какъ наиболѣе совершеннаго,—теорію, выставленную ранѣе пиѳагорейцемъ Гиподамомъ изъ Милета и Архитасомъ изъ Тарента; мнѣніе послѣдняго извѣстно намъ по отрывкамъ, уцѣлѣвшимъ у Стобея (Stoboei Florilegium). Образцами смѣшанныхъ правительствъ Полибій признаетъ Спарту, Карѳагенъ и Римъ; Карѳагенъ,—такъ какъ въ немъ монархическій элементъ представленъ былъ избираемыми на годъ суфетами, а аристократическій—сенатомъ, что не лишало, однако, народъ возможности оказывать вліяніе на ходъ дѣлъ; Римъ — такъ какъ въ немъ консулы, сенатъ и народныя комиціи представляли гармоническое сочетаніе королевской власти, владычества лучшихъ и народнаго участія въ дѣлахъ. Картина римскихъ учрежденій въ эпоху Пуническихъ войнъ, какую содержитъ въ себѣ такъ часто цитируемый отрывокъ Полибія, не даетъ намъ никакихъ новыхъ подробностей о функціяхъ отдѣльныхъ властей или о сокровенныхъ пружинахъ римскихъ государственныхъ порядковъ. Она любопытна лишь тѣмъ, что является древнѣйшимъ теоретизированіемъ ихъ и притомъ въ смыслѣ обезпеченія ими взаимнаго равновѣсія трехъ властей. Въ этомъ отношеніи она сходится съ тѣмъ пониманіемъ римскихъ государственныхъ учрежденій, какое мы найдемъ впослѣдствіи въ „Духѣ законовъ" Монтескьё. Въ то же время она не представляетъ ничего общаго съ признаніемъ

того двоевластія сената и народныхъ комицій, которое мы сочли нужнымъ отмѣтить въ публичномъ правѣ древняго Рима. По мнѣнію Полибія, въ римской конституціи всѣ три власти— короля, аристократіи и народа—такъ сплелись другъ съ другомъ, что трудно на первый взглядъ даже сказать, къ какой изъ трехъ формъ эта конституція должна быть отнесена. Если имѣть въ виду консуловъ, назовешь ее монархической; при взглядѣ на сенатъ — аристократической, а на народъ—демократической. Раздѣлъ функцій самодержавія между этими тремя элементами произведенъ такъ искусно, что каждый изъ трехъ необходимъ двумъ другимъ, которые, въ свою очередь, не могутъ обойтись безъ него. Консульство, или верховная магистратура, въ свою очередь, предоставлена не одному, а двумъ лицамъ; во время войны они пользуются абсолютной властью, а во время мира начальствуютъ надъ другими сановниками, предсѣдательствуютъ въ сенатѣ, созываютъ народное собраніе, составляютъ доклады, редактируютъ проекты сенатусконсультовъ и законовъ,—однимъ словомъ, имѣютъ всѣ атрибуты царской власти. Но такъ какъ полномочія ихъ раздѣлены между двумя сановниками и сами они назначаются только на годъ, такъ какъ законы признаютъ ихъ во многомъ зависящими отъ сената и народнаго собранія, то можно сказать, что у нихъ руки свободны только для добра и связаны для зла. Что касается до сената, то, распоряжаясь государственными доходами и веденіемъ публичныхъ работъ и имѣя право останавливать дѣйствія консуловъ въ любое время, давать или отказывать имъ въ тріумфѣ, онъ является по отношенію къ нимъ существеннымъ тормозомъ. Въ свою очередь не меньшее противодѣйствіе можетъ оказать имъ народъ со своимъ правомъ постановки смертныхъ приговоровъ, со своей прерогативой утверждать трактаты и объявлять войны, наконецъ, со своимъ полномочіемъ принимать и отвергать законы и въ лицѣ назначенныхъ имъ трибуновъ налагать „вето“ на всѣ постановленія, принятыя сенатомъ и сановниками.

Каждая изъ трехъ властей достаточна сильна для самозащиты, но не въ состояніи сокрушить противниковъ. Несмотря на взаимное противодѣйствіе властей, въ Римѣ, пишетъ Полибій, имѣлось налицо единое государственное цѣлое, дѣятельное и несокрушимое [1]).

Греческій историкъ не слѣпъ, впрочемъ, къ тому факту, что въ этомъ соучастіи трехъ властей въ ходѣ римской политической машины руководящая роль принадлежала исключительно одной изъ трехъ, иначе остановился бы самый ходъ государства. Любопытно и характерно для эпохи второй Пунической войны, что этой властью Полибій признаетъ сенатъ. Этимъ Римъ выгодно отличается, по его мнѣнію отъ Карѳагена, въ которомъ первенство принадлежало народу. Повторяя мысль грековъ о неизбѣжномъ чередованіи и вырожденіи политическихъ формъ, Полибій толкуетъ затѣмъ о переходѣ народовъ отъ монархій къ олигархіямъ и позднѣе къ демократіямъ, въ свою очередь уступающимъ мѣсто тираніямъ; послѣднія являются отправнымъ пунктомъ развитія для новыхъ монархій [2]). Полибій не думаетъ, чтобы государственное развитіе Рима остановилось навсегда на отмѣченномъ имъ преобладаніи сената, и предсказываетъ дальнѣйшія перемѣны въ конституціи (очевидно, въ демократическомъ смыслѣ) [3]).

Приблизительно тѣ же взгляды на римскіе политическіе порядки высказываетъ и современникъ междоусобныхъ войнъ и первыхъ попытокъ измѣнить конституцію въ направленіи къ единодержавію, знаменитый противникъ Катилины, Маркъ

---

[1]) См. *Paul Janet*. Histoire de la Science Politique dans ses rapports avec la morale, т. I, стр. 253.

[2]) Слѣдуя въ общемъ классификаціи формъ правленія, принятой Аристотелемъ, Полибій, подобно ему, проводитъ различіе между правильными и неправильными. Въ группѣ первыхъ, составленной, какъ и у Аристотеля, изъ 3 членовъ, мѣсто политіи занимаетъ демократія, которую въ группѣ вторыхъ заступаетъ охлократія. Ср. *Rehm*, стр. 136.

[3]) *Sudre*. Histoire de la Souveraineté, m. I., стр. 496.

Туллій Цицеронъ. Уроженецъ небольшого городка Арпиніумъ, онъ принадлежалъ къ побѣжденной Суллою народной партіи, главою которой былъ выходецъ изъ того же, что и онъ, города, Марій. На 52 году жизни Цицеронъ, какъ очевидецъ соперничества Цезаря и Помпея и какъ человѣкъ предвидѣвшій наступающій конецъ республики, пишетъ свой трактатъ о ней съ явной цѣлью доказать, что наилучшей формой правленія надо признать ту, какой пользовался Римъ во времена Сципіона, т.-е. въ эпоху, которую имѣлъ въ виду и Полибій въ своей „Исторіи“. Трактатъ Цицерона, озаглавленный „Республика“, былъ долгое время затерянъ. Онъ найденъ вновь лишь въ первой половинѣ протекшаго столѣтія и притомъ въ такомъ видѣ, который не позволяетъ намъ ознакомиться въ подробности съ наиболѣе интересной его частью, именно съ той, которая посвящена описанію римской конституціи. Лучше сохранился теоретическій отдѣлъ его, посвященный общимъ разсужденіямъ о государственномъ строѣ,—отдѣлъ, въ значительной степени проникнутый взглядами греческихъ писателей, въ частности Аристотеля и Полибія. Любопытно для характеристики личныхъ симпатій Цицерона то мѣсто его трактата, гдѣ онъ говоритъ, повторяя, впрочемъ, Аристотеля, что въ демократіи само равенство можетъ сдѣлаться несправедливостью, разъ не допущена будетъ извѣстная градація почестей, сообразно качествамъ и заслугамъ каждаго. Въ монархіи, разсуждаетъ онъ, всѣ, кромѣ единоначальствующаго, лишены участія въ политической власти, а это для Цицерона, какъ и для всѣхъ писателей древности, равнозначительно съ потерей свободы; въ аристократіяхъ свобода въ томъ же смыслѣ признается только за немногими. Въ виду этого всѣмъ указаннымъ правительствамъ Цицеронъ, заодно съ Полибіемъ, предпочитаетъ смѣшанное (Книга I, § 26 и 29). Такая конституція имѣетъ въ его глазахъ то преимущество, что: 1) обезпечиваетъ настоящее равенство,—условіе, необходимое для всякаго свободнаго народа; 2) она отличается устойчивостью. Всѣ простыя формы правленія необходимо вырождаются, переходя изъ мо-

нархій въ тираніи, изъ аристократій въ олигархіи, изъ демо кратій во владычество толпы и анархію. Но въ той комбинаціи трехъ властей, какую представляетъ смѣшанное устройство, не можетъ быть ничего подобнаго, такъ какъ всѣ поводы къ революціямъ устранены тамъ, гдѣ каждому обезпечено подобающее ему мѣсто. Такъ какъ Сципіонъ извѣстенъ былъ какъ противникъ шумныхъ народныхъ собраній, то въ его уста Цицеронъ влагаетъ заимствованные у Платона нападки на разгулъ волнуемой демагогами толпы. Такимъ образомъ онъ и въ сочиненіи о „Республикѣ“ высказываетъ ту самую точку зрѣнія, какая заставила его въ другомъ трактатѣ признаться: „nihil unquam populare mihi placuit“ (ничто народное мнѣ никогда не нравилось). Ограниченное цензомъ участіе народа въ комиціяхъ, какъ оно проведено было при организаціи центуріатскихъ собраній, встрѣчало рѣшительное одобреніе Цицерона. Въ трактатѣ о „Республикѣ“ онъ прямо говоритъ, что дѣленіе народа на центуріи, голосованіе не поголовное, а по центуріямъ, и включеніе всѣхъ неимущихъ въ послѣднюю центурію, наконецъ, перевѣсъ въ числѣ голосовъ, предоставленный болѣе зажиточному классу, имѣютъ то удобство, что, не лишая никого права голоса, въ то же время обезпечиваютъ большее значеніе тѣмъ, кто преимущественно передъ другими заинтересованъ въ благоденствіи государства (книга II, глава XXII). Это нерасположеніе къ народовластію не мѣшаетъ Цицерону высказать устами Сципіона свое рѣшительное сочувствіе смѣшанному устройству, не лишающему народъ нѣкотораго участія въ дѣлахъ. „Изо всѣхъ правительствъ,—говоритъ у него Сципіонъ,—нѣтъ ни одного, которое бы по организаціи своихъ отдѣльныхъ частей и распредѣленію власти между ними, а также по своей нравственной дисциплинѣ, могло выдержать сравненіе съ тѣмъ, какое завѣщано намъ предками“. Римскую республиканскую конституцію выводимый Цицерономъ герой Пунической войны понимаетъ въ духѣ Полибія, какъ заключающую въ себѣ въ лицѣ консуловъ—монархическій элементъ, въ сенатѣ—аристократи-

ческій, въ комиціяхъ—демократическій. Во второй части своего сочиненія Цицеронъ даетъ краткій очеркъ государственнаго развитія Рима. Онъ указываетъ здѣсь на то, что съ замѣной монархіи республикой королевская власть раздѣлена была въ Римѣ между двумя консулами; сенатъ пріобрѣлъ первенствующее значеніе; одинъ простой народъ не получилъ на первыхъ порахъ участія въ дѣлахъ. Потребовалась новая революція — созданіе трибуната, чтобы обезпечить народу подобающее ему участіе въ общей свободѣ и общемъ равенствѣ.Изъ соединенія и равновѣсія трехъ властей возникло въ государствѣ совершенное согласіе, подобное той гармоніи, которая при пѣніи происходитъ отъ сочетанія разнородныхъ звуковъ. То, что музыканты называютъ гармоніей, политики обозначаютъ терминомъ согласія („Республика", часть II, глава 42). Въ трактатѣ о „Законахъ" тотъ же Цицеронъ, признавая, что трибунатъ можетъ сдѣлаться опаснымъ въ виду значительности власти, какая его установленіемъ передана народу, въ то же время объявляетъ, что было бы еще хуже оставить народъ безъ главы, руководящаго имъ и задерживающаго его неблагоразумныя мѣры. Трибунатъ отнимаетъ у народа всякій поводъ къ зависти и лишаетъ его страха попасть въ угнетеніе. Съ момента отмѣны королевской власти народу недостаточно было одного имени свободы,—онъ пожелалъ имѣтъ ее и на дѣлѣ (De legibus, III, 10).

Цицерономъ заканчивается рядъ писателей, поставившихъ себѣ задачей теоретизировать основы республиканской конституціи Рима. Ихъ нѣтъ болѣе, очевидно, потому, что сама республиканская конституція вскорѣ перестаетъ существовать. Пишущій во времена Трояна Тацитъ высказываетъ, правда, взгляды, довольно близкіе къ тѣмъ, какихъ держались раньше его греческій историкъ (Полибій) и римскій ораторъ (Цицеронъ). Онъ объявляетъ, напримѣръ, нежелательнымъ повтореніе тѣхъ безпорядковъ, какіе вызваны были въ эпоху респулики (Діалогъ объ ораторахъ, § 36) и говоритъ въ своихъ „Анналахъ", что смѣшанный образъ правленія легче можетъ быть прославляемъ, чѣмъ примѣняемъ на дѣлѣ. Бичуя тира

нію Калигулы и Нерона, Тацитъ въ то же время склоненъ думать, что Риму предстоитъ удовольствоваться впредь тѣмъ благожелательнымъ деспотизмомъ, какой обезпечивало ему владычество Флавіевъ. „Къ чему, — вопрошаетъ онъ, — долгія пренія въ сенатѣ, когда добрые умы такъ скоро могутъ достигнуть соглашенія? Какую цѣль имѣли бы продолжительныя рѣчи къ народу, разъ заботы объ управленіи не возлагаются болѣе на невѣжественную толпу, а ввѣрены разуму одного человѣка? На что и эти публичныя обвиненія сановниковъ передъ народомъ, на которыя люди были такъ падки прежде? Къ чему они теперь, когда злоупотребленія властей сдѣлались рѣдкими и незначительными? Имѣютъ ли также будущее продолжительныя рѣчи въ защиту подсудимыхъ, когда милосердіе князя спѣшитъ навстрѣчу несчастію и слабости?“ (Діалогъ объ ораторахъ, § 40 и 41). Такія мысли, очевидно, могъ высказывать только человѣкъ, котораго прошлое убѣдило въ томъ, что уравновѣшенная свобода, достигаемая смѣшаннымъ устройствомъ, если и устанавливается гдѣ-либо, никогда не можетъ быть продолжительной [1]).

ГЛАВА III.

Королевство варваровъ и ученіе схоластиковъ о неограниченной монархіи.

§ 1. Исторія политической мысли въ средніе вѣка занята въ большей степени отношеніемъ свѣтской власти къ духовной, нежели выясненіемъ природы государства и отношеній правительства къ подданнымъ. Въ подробности изученная въ сочиненіяхъ ряда европейскихъ публицистовъ и философовъ, какъ, напр., Франка, Поля Жанэ, Блунчли и другихъ, борьба

[1]) Nam cunctas nationes, aut populus, aut primores, aut singuli regunt: ecta ex his et consociata reipublicae forma laudari facilius, quam evenire si evenit haut diuturna esse potest.

свѣтской власти съ духовной, насколько она отразилась въ политической литературѣ, затронута и въ извѣстномъ трактатѣ Б. Н. Чичерина и въ недавней сравнительно монографіи кн. Е. Трубецкого. Она не можетъ интересовать насъ здѣсь. Наша задача—изучить ростъ государства и отраженіе его въ области политической мысли — предполагаетъ нѣчто совершенно другое. Намъ необходимо, во-первыхъ, показать причины, по которымъ средніе вѣка представляютъ временную остановку въ прогрессивномъ развитіи политической доктрины, а, во-вторыхъ, выяснить, почему при новомъ ея возрожденіи мысль писателей тѣхъ трехъ столѣтій, которыя отдѣляютъ реформацію отъ расцвѣта католицизма въ XIII вѣкѣ, остановилась на теоретической основѣ новаго порядка, вызваннаго къ жизни сословнымъ и договорнымъ характеромъ феодальной системы и который можно обнять терминомъ ограниченной сословіями монархіи. Ея учрежденія, въ угоду древности и подъ вліяніемъ односторонняго знакомства съ нѣкоторыми только писателями Греціи и Рима, рукописи которыхъ не были затеряны, подведены были неправильно подъ понятіе смѣшаннаго политическаго устройства. Въ такомъ смыслѣ будетъ говорить о нихъ Ѳома Аквинатъ; но уже Джонъ Фортескью остановится на мысли дать вновь сложившимся порядкамъ и новое опредѣленіе. Не желая порывать съ древними и усматривая въ то же время различіе современнаго ему англійскаго строя и съ монархіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понималъ Аристотель, и съ республикой, по опредѣленію того же писателя, Фортескью признаетъ, что особенности этого строя всего удобнѣе передать, назвавши его одновременно и монархическимъ и республиканскимъ. Съ этого времени, т.-е. съ середины XV в., вполнѣ сознано, можно сказать, то различіе, какое ограниченная сословіями монархія представляетъ отъ восточной деспотіи и королевства варваровъ. Филиппъ де Комминъ, въ царствованіе абсолютнѣйшаго короля Франціи, Людовика XI, позволитъ себѣ поэтому то утвержденіе, что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ государ-

ства, въ которомъ бы правитель могъ произвольно возлагать подати, не заручившись согласіемъ представителей сословій, и тотъ же принципъ участія народа въ налоговомъ обложеніи будетъ открыто защищаемъ Жаномъ Боденомъ, авторомъ книги „О республикѣ“, признающимъ въ то же время, что во Франціи суверенитетъ, или верховная власть, нераздѣльно принадлежитъ ни кому другому, какъ королю.

Въ исторіи развитія общаго ученія о государствѣ и отношеніи властей къ подданнымъ, начало среднихъ вѣковъ играетъ сравнительно ничтожную роль. У наиболѣе выдающихся писателей перваго періода схоластики, который можно закончить переводомъ на латинскій языкъ Аристотелевой „Политики“, мы встрѣчаемъ лишь настойчивое утвержденіе неограниченности правъ короля и необходимости абсолютнаго повиновенія его волѣ, съ тою, однако, оговоркою, что послѣдняя не должна противорѣчить волѣ Божьей. Эту оговорку дѣлаетъ уже Іоаннъ Салисберійскій, авторъ „Поликратика“, а за нимъ Геральдъ-дю-Барри, оба — современники столкновеній англійскаго короля Генриха II съ Томасомъ Бекетомъ, архіепископомъ кентерберійскимъ,—столкновеній, кончившихся убійствомъ главы англійскаго священства, какъ думаютъ, подосланными королемъ агентами. Не удивительно, если Іоаннъ Салисберійскій, а за нимъ Геральдъ-дю-Барри, не останавливаются передъ мыслью воскресить ученіе древнихъ о тираноубійствѣ, являясь, такимъ образомъ, въ новое время первыми выразителями взглядовъ, какіе въ равной мѣрѣ раздѣлятъ съ ними впослѣдствіи и католическіе и протестанскіе писатели эпохи Лиги, іезуиты Маріана и Суарецъ, и такъ называемые „монархо-дѣлатели“, какъ, напр., авторъ „Vindiciae contra tyranos“—Дюплесси Морнэ. О бѣдности политическихъ проблемъ, подымаемыхъ въ XII и началѣ XIII вѣка самыми учеными изъ схоластиковъ, можно судить по тому, что Винцентъ изъ Бовэ, знаменитый авторъ двухъ Зерцалъ, богословскаго и историческаго, въ неизданной части третьяго Зерцала, „Зерцала нравственнаго“, не выходитъ изъ сферы

разсужденій о монархіи, какъ о наилучшей формѣ правленія, о тѣсномъ соотношеніи частей государства, подобныхъ въ этомъ отношеніи органамъ тѣла, — мысль, заимствованная имъ у Іоанна Салисберійскаго и, черезъ его посредство, у Плутарха, наконецъ, о границахъ пассивнаго повиновенія, не идущаго далѣе исполненія воли правителя, пока она согласна съ Божьей волей.

Ѳома Аквинатъ, мысль котораго воспиталась на изученіи Аристотеля, первый вводитъ въ свою „Энциклопедію богословскихъ наукъ“ теоретическое выраженіе тѣхъ новыхъ началъ, какія созданы были политическимъ ростомъ европейскихъ государствъ въ періодъ феодальной системы и нашли себѣ выраженіе въ общихъ и мѣстныхъ сеймахъ съ сословными представительными камерами. Съ этого времени сочиненія политическихъ писателей среднихъ вѣковъ и начинающагося Возрожденія пріобрѣтаютъ большій интересъ для историка роста государства и его отраженія въ области научной мысли. Вотъ почему этимъ писателямъ и отведено будетъ подобающее мѣсто въ нашемъ сочиненіи. Объ ихъ же предшественникахъ мы позволимъ себѣ сказать сравнительно мало, указывая въ то же время тѣсное соотношеніе ихъ доктринъ и съ современнымъ имъ строемъ варварскаго королевства и съ тѣмъ скромнымъ запасомъ политическихъ знаній, какой дошелъ до нихъ благодаря потерѣ многихъ греческихъ и римскихъ рукописей и распространенію въ обществѣ апокрифическихъ сочиненій византійскаго или арабскаго происхожденія, съ которыми совершенно произвольно связывали имена Плутарха и Аристотеля.

§ 2. Если политическая мысль Запада долгое время довольствовалась развитіемъ ученія о неограниченной монархіи и о пассивномъ повиновеніи, то объясняется это, разумѣется, прежде всего одновременнымъ господствомъ тѣхъ же порядковъ въ жизни. Варварское королевство образовалось благодаря занятію римскихъ провинцій германскими племенами. Сохраняя въ моментъ ихъ занятія свои исконные обычаи и

политическіе вкусы, германцы встрѣтили въ мѣстномъ населеніи привычки иного порядка. Въ теченіе столѣтій римская императорская власть и проводимая ею административная централизація сумѣли ввести въ жизнь, сдѣлать реальнымъ фактомъ то положеніе, какое юристы золотого вѣка передавали извѣстнымъ афоризмомъ: „что угодно правителю, то и есть законъ“.

Существованіе бокъ-о-бокъ плохо замиренныхъ и различныхъ по крови національностей, изъ которыхъ германцы далеко не имѣли численнаго преобладанія, необходимо должно было сказаться въ сознательномъ стремленіи власти удержать въ покорности побѣжденныхъ. А это обстоятельство вызвало упроченіе монархическаго начала и расширеніе системы политическаго надзора, или, что то же, правительственной опеки. Еще Зигелемъ было указано, что національная рознь содѣйствовала росту монархическаго принципа, такъ какъ трудно было не перенесть и на живущихъ рядомъ съ римлянами германцевъ тѣ обязанности пассивнаго повиновенія, къ которымъ, въ интересахъ безопасности и единства вновь возникшихъ королевствъ варваровъ, призывались покоренные туземцы.

Въ виду сказаннаго королевство варваровъ по своей природѣ явилось продуктомъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, римскихъ правовыхъ порядковъ и административныхъ традицій имперіи, а съ другой — древне-германскихъ обычаевъ и учрежденій. Изъ этихъ двухъ элементовъ первые замѣтно стали брать верхъ надъ вторыми, вытѣсняя уцѣлѣвшіе остатки того народнаго самоуправленія, какимъ пользовались германцы до эпохи ихъ нашествія въ римскіе предѣлы. Эти порядки древней свободы, общіе всѣмъ народамъ въ эпоху ихъ перехода отъ родового быта къ государственному, выступали у германцевъ, согласно описанію, данному ихъ быту Тацитомъ, въ соправленіи ко-
ля, или соотвѣтственно герцога, съ народнымъ вѣчемъ и совѣ-
мъ старѣйшинъ. Во главѣ государства стоялъ у однихъ пле-
нъ король (rex), у другихъ—герцогъ (dux). Тацитъ не только

говоритъ намъ объ избраніи королей въ виду ихъ благородства, а герцоговъ—въ виду ихъ отваги (reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt), но имъ упоминаются также прямо короли нѣкоторыхъ племенъ, въ частности Маркомановъ и Квадовъ (гл. XLII „Germaniae“). Короли вербуются изъ аристократическихъ родовъ; такъ у Маркомановъ—изъ династіи Марбода и Тудра. У большинства племенъ, рядомъ съ выборомъ короля, или кунинга, народнымъ собраніемъ, не иначе, какъ изъ членовъ опредѣленной династіи, мы встрѣчаемъ и случаи преемства стола не отъ отца къ сыну, а отъ брата къ брату. Обыкновеннымъ порядкомъ, однако, было, повидимому, избраніе. Это слѣдуетъ уже изъ буквальнаго перевода вышеприведеннаго текста. Глаголъ *sumere*, въ приложеніи одинаково къ герцогамъ, объ избраніи которыхъ Тацитъ говоритъ еще въ другихъ мѣстахъ „Germaniae“, и къ королямъ, не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Королевская власть встрѣчалась по преимуществу у восточныхъ племенъ; у западныхъ же, съ которыми римляне приходили въ болѣе частыя сношенія и у которыхъ, по словамъ Тацита, свобода давала себя чувствовать еще рѣзче [1]), верховная власть осуществляема была обыкновенно избираемымъ герцогомъ. У саксовъ герцоги удержались до VIII вѣка. Они были прежде всего военными предводителями; немудрено поэтому если ими выбирали людей храбрѣйшихъ за ихъ доблесть (virtus). Какъ королямъ, такъ и герцогамъ одинаково чужда была власть неограниченная. На это указываетъ присутствіе въ учрежденіяхъ германскихъ племенъ собранія народнаго, или вѣча, вѣдавшаго, по словамъ Тацита, важнѣйшія дѣла и предоставлявшаго менѣе важныя совѣщательному обсужденію старѣйшинъ (principes), вѣроятно — начальникамъ надъ сотенными отрядами въ военное время и третейскимъ судьямъ тѣхъ же сотенъ во время мира. Тацитъ буквально

---

[1]) „Acrior est Germanorum libertas“.

говоритъ, что о меньшихъ дѣлахъ даютъ совѣтъ старѣйшины, а о большихъ — всѣ [1]).

Отъ этихъ порядковъ съ момента установленія королевствъ варваровъ въ предѣлахъ римской имперіи уцѣлѣли лишь слабые слѣды, и то не въ равной степени повсюду. Древнѣйшія изъ государствъ, основанныхъ варварами поблизости къ центру римской державы, какъ герульское или остготское, проникнуты германскимъ элементомъ въ гораздо меньшей степени, нежели позднѣйшія. Это обстоятельство выступаетъ, между прочимъ, въ фактѣ отсутствія особой остготской „Правды", или закона, которымъ лица, принадлежащія къ этому племени, судились бы въ отличіе отъ римлянъ. Но чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ Рима, тѣмъ слабѣе сказывается, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вліяніе римскихъ принциповъ и римской традиціи на политическую организацію варварскаго королевства. Такъ, централизація, весьма сильно проведенная у остготовъ, даетъ себя чувствовать въ слабѣйшей степени въ государствахъ лангобардовъ и франковъ и въ еще болѣе слабой — у саксовъ континента и острововъ. У послѣднихъ долгое время держится рядъ мелкихъ королевствъ, соединяющихся впослѣдствіи въ гептархію, или союзъ семи изъ нихъ, который только со временемъ смѣняется единой англо-саксонской монархіей.

Римское вліяніе даетъ себя чувствовать въ организаціи сильной королевской власти, опять-таки болѣе неограниченной въ предѣлахъ Италіи, чѣмъ за этими предѣлами. Государство остготовъ, напримѣръ, — не что иное, какъ абсолютная монархія: ему одинаково неизвѣстны ограниченія какъ со стороны аристократіи, такъ и со стороны простого народа. „Какъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ государственной организаціи, пишетъ Виноградовъ [2]), — такъ и въ общемъ характерѣ государственной власти выступаютъ у остготовъ римскія начала.

---

[1]) „De minoribus principes consultant, de majoribus—omnes".

[2]) „Процессъ феодализаціи въ Лангобардской Италіи", стр. 101 и 102.

Мы видимъ перенесеніе въ ихъ среду понятій, установившихся во времена императоровъ...“ У римскаго истолкователя намѣреній и воззрѣній готскихъ королей, Кассіадора, задачи и размѣръ ихъ власти опредѣляются совершенно согласно съ идеалами римской имперіи. Короли признаются выше законовъ, такъ какъ они сами творятъ ихъ. „Одна наша воля связываетъ насъ, —говорятъ у Кассіадора Теодорикъ и Аталарикъ, а не условія, поставленныя намъ другими; можемъ мы благодаря милости Божьей все; но намъ приличествуетъ только похвальное“.

Не меньшую неограниченность власти находимъ мы у королей вестготскихъ. Данъ считаетъ ее деспотической [1]). Не только дѣйствіе, направленное противъ короля, но и дурныя намѣренія, жертвою которыхъ онъ могъ бы сдѣлаться, подлежатъ у вестготовъ наказанію. Дисциплинарная власть короля такъ велика, что, пользуясь ею, онъ можетъ постановить смертный приговоръ, не связанъ существующими законами и необходимостью признавать частныя права подданныхъ. Король казнитъ и милуетъ, вмѣшивается въ отправленіе гражданскаго правосудія, замѣняетъ устарѣвшіе законы собственными велѣніями.

Но какъ ни велика власть короля у вестготовъ, имъ все же извѣстно собраніе, правда, совѣщательное, но ограничивающее на дѣлѣ произволъ короля, о чемъ у остготовъ нѣтъ и рѣчи. Говоря о такомъ собраніи, мы разумѣемъ церковно-свѣтскіе соборы. Вотъ что говоритъ о нихъ, на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій Кольмейро и Пухоля, испанскій публицистъ Санта-Маріа: „Собранія синьоровъ, замѣнившія собою у вестготовъ народные сходы еще въ бытность ихъ въ Дакіи, были удержаны и въ новой ихъ родинѣ, на Иберійскомъ полуостровѣ. Аларихъ призвалъ въ эти собранія епископовъ и представителей отъ провинцій; съ ними онъ приступилъ къ изданію Римскаго закона для вестготовъ.

---

[1]) *Dahn*: „Die Könige der Germanen“, т. VI, стр. 508 — 514.

Переставшіе собираться на время въ эпоху междоусобій, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Балта въ 531 году, они снова оживаютъ съ момента вступленія на престолъ принявшаго католицизмъ Рекареда (между 586 и 601 годами). Съ тѣхъ поръ, какъ вестготы сдѣлались католиками, власть духовенства у нихъ усилилась, и члены его стали призываться на соборы, созываемые въ Толедо и вѣдавшіе какъ церковныя, такъ и свѣтскія дѣла. На третьемъ по времени соборѣ мы рядомъ съ духовными встрѣчаемъ и дворянъ, которые съ четвертаго собора принимаютъ равное съ ними участіе въ обсужденіи текущихъ дѣлъ. Составъ соборовъ былъ обыкновенно слѣдующій: духовенство участвовало на нихъ въ лицѣ не только епископовъ, но и монастырскихъ настоятелей: свѣтскій элементъ представленъ былъ членами королевскаго совѣта (varones clarissimi de officio palatino); простого народа мы не встрѣчаемъ на соборахъ. Формула „omni populo assentiente“, т.-е. „при согласіи всего народа“, была фразой безъ соотвѣтствующаго содержанія. Законодательный починъ на соборахъ принадлежалъ королю, нерѣдко также епископамъ. Акты соборовъ не могли вступать въ силу безъ утвержденія короля. Послѣдній не считалъ себя, однако, въ правѣ отказать въ своей санкціи рѣшеніямъ церковнаго характера; напротивъ, въ свѣтскихъ вопросахъ его отказы въ утвержденіи были нерѣдки [1]).

Нѣкоторое ограниченіе королевской власти встрѣчаемъ мы у лангобардовъ, англо-саксовъ и франковъ. У каждаго изъ этихъ племенъ участіе простого народа въ дѣлахъ ничтожно; наоборотъ, видная роль приходится въ этомъ отношеніи на долю магнатовъ. Въ такомъ ограниченіи власти народныхъ вѣчъ нѣтъ ничего удивительнаго. Фактъ этотъ бросается намъ въ глаза во всѣхъ королевствахъ варваровъ. Завоевывая обширную римскую провинцію, разсыпаясь по ней и смѣшиваясь съ земнымъ населеніемъ, роды и семьи, входившіе въ составъ

[1]) *Santa-Maria*, Curso de derecho politico. Valencia, 1880-1881, стр. 419—423.

завоевательнаго племени, нѣкогда занимавшаго ограниченную территорію, необходимо теряли возможность являться на народные сходы. Только разъ въ годъ собираются его воины вокругъ короля, но ихъ сходка носитъ скорѣе характеръ военнаго смотра, чѣмъ народнаго вѣча. Онъ можетъ вмѣшаться по временамъ въ рѣшеніе и политическаго вопроса, но его участіе въ дѣлахъ управленія носитъ всегда характеръ чего-то случайнаго и безпорядочнаго. Короли, правда, упоминаютъ еще въ своихъ законахъ о согласіи на нихъ всего народа, но фактически это согласіе выражается лишь шумнымъ одобреніемъ свободныхъ людей, сошедшихся на военный смотръ, и не имѣетъ ничего общаго съ правильнымъ обсужденіемъ или голосованіемъ. Если власть короля ограничивается чѣмъ-либо, то не этими смотрами, а болѣе правильными съѣздами магнатовъ. О существованіи ихъ у лангобардовъ говоритъ намъ Павелъ Діаконъ; онъ упоминаетъ объ оптиматахъ, какъ о дѣятельныхъ участникахъ подобныхъ собраній, и ограничиваетъ роль простого народа однимъ присутствіемъ при обнародованіи законовъ [1]).

Во франкскомъ королевствѣ повторяются еще народные сходы, созываемые обыкновенно въ мартѣ, откуда и названіе „мартовскихъ полей“; но эти сходы — скорѣе военные смотры, нежели правильные органы законодательства [2]). Это не мѣшаетъ тому, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ мартовскія поля участвуютъ въ избраніи королей и дѣлятъ съ магнатами законодательныя функціи. Въ прологѣ къ законамъ Хильперика говорится о присутствіи всего народа (cum toto populo nostro). Начиная съ первой четверти VII столѣтія, собранія оптиматовъ, созываемыя каждый разъ королемъ или его именемъ, становятся постояннымъ учрежденіемъ. Участіе въ нихъ принимаютъ епископы, герцоги и графы, члены „тѣснаго совѣта“, или такъ называемой королевской куріи (curia

---

[1]) *Виноградовъ*, стр. 129 и 130.

[2]) *Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. II, ч. II, стр. 215.

regis), наконецъ,—придворные чины. Собраніе вѣдаетъ вопросы законодательства, войны и мира, наконецъ—выборъ самого короля. Оно имѣетъ скорѣе совѣщательный, чѣмъ рѣшающій голосъ [1]).

У англо-саксовъ, по крайней мѣрѣ въ историческій періодъ ихъ жизни, мы не встрѣчаемъ болѣе народнаго вѣча. Витенагемотъ, или, какъ показываетъ самое его названіе, собраніе „мудрыхъ тановъ"—членовъ служилаго сословія, носитъ аристократическій, а не народный характеръ. Въ составъ его входитъ высшее духовенство, члены служилаго сословія, придворные, управители провинцій и вообще всѣ тѣ, кого король хочетъ призвать въ него. Важнѣйшіе вопросы законодательства и управленія, въ частности войны и мира, поступаютъ, съ вѣдома короля, на обсужденіе членовъ витенагемота [2]). Если народное вѣче удержалось гдѣ-либо, то только у племенъ, жившихъ долгое время или продолжавшихъ еще пребывать внѣ предѣловъ римской имперіи. Это можно сказать въ частности объ аллеманахъ и въ слабѣйшей степени—о баварцахъ [3]).

Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ, короли варваровъ, вопреки мнѣнію Фюстель де-Куланжа, не могутъ считаться въ отношеніи къ осуществляемой ими власти прямыми преемниками римскихъ императоровъ. Они удержали только внѣшніе знаки и титулы кесарей, что и немудрено при употребленіи въ актахъ латинской рѣчи, но старыя прозвища стали передавать сплошь и рядомъ новыя понятія. Consilium palatinum—терминъ, служащій для обозначенія королевскаго совѣта,—имѣетъ одно римское названіе; на самомъ же дѣлѣ онъ является преемникомъ того тѣснаго совѣта германцевъ, о которомъ говоритъ Тацитъ, какъ о рѣшающемъ у нихъ менѣе важныя дѣла. Корона, тронъ, скипетръ, хламида, пур-

---

[1]) *Waitz*, т. II, ч. II, стр. 178—242.

[2]) *Gneist*, „Englische Verfassungsgeschichte, стр. 83, *Stubbs* „Constitutional History", т. I, гл. I и II.

[3]) *Waitz*, „Deutsche Verfassungsgeschichte" т. II, ч. II, стр. 178.

пуровая туника — общи германскому кунингу съ римскимъ императоромъ [1]). Понятіе объ оскорбленіи величества, о „crimen lesae majestatis“ еще не сложилось. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, напр., такой фактъ: законы англосаксонскаго короля Ины говорятъ о вознагражденіи короля за убійство такимъ же денежнымъ выкупомъ, какъ и за убійство благороднаго (edeling) [2]). Германскій кунингъ нерѣдко продолжаетъ быть выбираемымъ вождемъ націи. Избраніе ограничено, однако, опредѣленной династіей и падаетъ обыкновенно на старшаго въ родѣ, что и неудивительно, такъ какъ въ старшемъ соединяются тѣ качества, какія всего выше цѣнятся въ обществѣ военномъ и только что вышедшемъ изъ условій родового быта, а именно большая сила и храбрость, съ одной стороны, и представительство рода съ другой.

Что касается до функцій короля, то онъ прежде всего военачальникъ и въ этомъ отношеніи преемникъ древнихъ герцоговъ, упоминаемыхъ Тацитомъ. Въ качествѣ военачальника королъ созываетъ народное ополченіе (eribannum, heerbann). Онъ производитъ народные смотры, къ чему и служатъ мартовскія, а позднѣе—майскія поля у франковъ, и предводительствуетъ войсками во время войны [3]). Въ мирное время германскій кунингъ является верховнымъ охранителемъ мира. Въ этомъ отношеніи въ немъ уже никакъ нельзя видѣть преемника римскаго императора, а, наоборотъ, родовыхъ старѣйшинъ, отъ которыхъ эта функція и перешла на кунинга, какъ на высшаго представителя племени. Земскій миръ, другими словами порядокъ и спокойствіе государства, на первыхъ порахъ уступаетъ мѣсто миру короля. Англо-саксонскій монархъ оповѣщаетъ о своемъ мирѣ въ собраніи тановъ, или членовъ служилаго сословія. Примѣръ тому можно встрѣтить еще во

---

[1]) См. *Fustel de-Coulanges*, Historie des institutions, politiques de la France, томъ, посвященный королевской власти, стр. 482.

[2]) См. *М. Ковалевскій*, Исторія полицейской администраціи въ Англіи, стр. 24.

[3]) *Schupfer*, О Лангобардскомъ королевствѣ, стр. 221.

времена Альфреда [1]). Однохарактерные факты повторяются въ исторіи лангобардовъ и франковъ. Рядомъ съ общимъ королевскимъ миромъ, подъ охрану котораго становятся всѣ подданные [2]), мы встрѣчаемся съ спеціальнымъ миромъ короля. Подъ его защиту поставлены женщины и прежде всего—вдовы, несовершеннолѣтніе и въ особенности сироты, нищіе и всѣ тѣ, кто испросилъ себѣ спеціальное покровительство короля, передалъ себя ему вмѣстѣ съ имуществомъ въ силу такъ называемой комендаціи [3]). У франковъ мы встрѣчаемся также съ двоякаго рода королевскимъ миромъ: съ общимъ, тождественнымъ съ земскимъ, и съ спеціальнымъ. „Обратитесь ко мнѣ, чтобъ состоять подъ моей защитой" [4])—говоритъ у Григорія Турскаго Хлодвигъ рипуарскимъ франкамъ, послѣ чего они подымаютъ его на щитъ (символъ, означающій то же, что впослѣдствіи возведеніе на престолъ) [5]). Спеціальный миръ короля обнимаетъ, подъ своимъ кровомъ, насколько можно судить изъ баварскаго капитулярія отъ 803 года, вдовъ, сиротъ и всѣхъ, менѣе могущественныхъ (nimis potentes), иначе—беззащитныхъ [6]). Со времени Карла Мартела подъ его охрану поступаетъ все духовенство [7]).

Прочія функціи германскаго кунинга вытекаютъ изъ его положенія какъ верховнаго охранителя мира. Отсюда, вопервыхъ, право его издавать единоличные указы (banna) и налагать денежныя пени на ихъ нарушителей. Обязательность этихъ указовъ та же, что и законовъ; но въ отличіе отъ послѣднихъ, они не переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а подлежатъ исполненію лишь при жизни издавшаго ихъ лица [8]).

---

[1]) *Ковалевскій*, Исторія полицейской администраціи, стр. 31.
[2]) *Schupfer*, стр. 235.
[3]) Ibid., стр. 237.
[4]) „Convertimini ad me ut sub meam sitis defensionem".
[5]) *Waitz*, т. II, ч. I, стр. 213.
[6]) *Zöpfl*, „Altherthümer des deutchen Rechts, т. II, стр. 57, прим. 27.
[7]) Имя такой охраны или спеціальнаго мира въ варварскихъ законахъ mundeburdium.
[8]) Schupfer, стр. 234.

Пользуясь правомъ издавать указы, германскій кунингъ пріобрѣтаетъ возможность преслѣдовать всѣхъ нарушителей мира и охранять порядокъ и спокойствіе въ своемъ государствѣ. Съ тою же цѣлью защиты мира королю, въ-третьихъ, предоставлено право верховнаго суда въ государствѣ. Онъ можетъ подвергнуть личному разбирательству тѣ или другія дѣла по ходатайству лицъ, въ нихъ заинтересованныхъ, а также всѣ тѣ, которыя не были разсмотрѣны подчиненными судами по ихъ нерадѣнію, или рѣшеніемъ которыхъ стороны остались недовольны. Судитъ король не единолично, а совмѣстно со своимъ совѣтомъ (curia regis у франковъ, consilium palatinum у вестготовъ и лангобардовъ); въ составъ его входятъ, на ряду съ высшими сановниками королевства и придворными служителями, въ родѣ казначея, маршала или начальника надъ конюшнями, мажордома или сенешала, завѣдующаго хозяйственной частью двора, въ частности распоряженіемъ королевскими домами, наконецъ, канцлера, или секретаря, еще всѣ тѣ, кого королю угодно будетъ призвать къ подачѣ мнѣній [1]). Въ совѣтѣ короля сходятся всѣ нити управленія; ему даютъ отчетъ въ своемъ поведеніи мѣстные администраторы и тѣ королевскіе контролеры, которые, подъ именемъ посланцевъ или missi, разъѣзжаютъ по временамъ по отдѣльнымъ областямъ королевства. Самое ихъ назначеніе производится королемъ съ совѣта куріи. Курія участвуетъ и въ составленіи полицейскихъ указовъ, восполняющихъ, какъ мы видѣли, дѣйствіе законовъ. Она также судитъ спеціально удержанныя за собою королемъ дѣла, такъ называемыя королевскія, а также тѣ, которыя поступили на судъ короля по жалобамъ на нерадѣніе или пристрастіе низшихъ инстанцій.

Познакомившись такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ со строемъ варварскаго королевства, неизмѣнно уцѣлѣвшимъ до момента замѣны его сословной монархіей, мы легче поймемъ причину, по которой ранніе писатели о го-

---

[1]) *Schupfer*, стр. 254 и слѣд.

сударственномъ строѣ и политикѣ обыкновенно довольствуются ролью моралистовъ по адресу какъ самого короля, такъ и его совѣтниковъ. Вѣдь отъ соблюденія ими христіанскихъ добродѣтелей зависитъ и правильный ходъ всей государственной машины, такъ какъ вся она построена на несложномъ механизмѣ короля и его совѣта.

При всей разрозненности варварскихъ королевствъ, возникшихъ на почвѣ старинной римской имперіи, при нерѣдкомъ антагонизмѣ между ними они тѣмъ не менѣе продолжали состоять другъ съ другомъ въ извѣстной связи, благодаря принадлежности къ одной вѣрѣ—христіанской и одной церкви — католической. Эта связь сдѣлалась еще крѣпче съ тѣхъ поръ, какъ вестготы и лангобарды, на первыхъ порахъ аріане и потому самому враждебные римскому епископу, перешли въ лоно господствующей церкви. Церковь же въ эту эпоху была представительницей не однихъ только религіозныхъ интересовъ, но также культурныхъ и до нѣкоторой степени политическихъ. Ея школы продолжали знакомить съ сокровищами литературы древняго міра; ея правители, по преимуществу выходцы изъ римскихъ семей, обыкновенно являлись живыми носителями римскихъ административныхъ преданій, традицій римскаго государственнаго строя.

Удивительно ли, если постановка вопроса о новомъ объединеніи Западной Европы въ прежней формѣ имперіи впервые вышла изъ среды представителей церкви. Ихъ побуждали къ этому и привязанность къ унаслѣдованнымъ традиціямъ и собственные интересы. Чѣмъ болѣе разгоралась борьба между иконоборцами и иконопочитателями, чѣмъ болѣе византійскіе императоры становились на сторону первыхъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должно было сказываться желаніе папъ положить конецъ ихъ политической зависимости отъ Константинополя, — зависимости, поддерживаемой существованіемъ въ Италіи почти рядомъ съ Римомъ равеннскаго экзархата. Съ завоеваніемъ послѣдняго въ 751 г. Астольфомъ, королемъ лангобардовъ, обстоятельства измѣнились въ на-

правленіи, далеко неблагопріятномъ римскому епископу. Правда, о прежней зависимости отъ Восточной имперіи не могло быть болѣе и помину, но мѣсто отдаленнаго владыки заняли его болѣе сильные сосѣди. Пришлось искать союзника противъ общаго врага. Такимъ союзникомъ явилось франкское королевство, уже со временъ Хлодвига—могущественнѣйшая изъ варварскихъ державъ. Давая освѣщеніе фактамъ, наступившимъ безъ ихъ участія, римскіе папы, въ лицѣ Захаріи, признаютъ законность перехода власти изъ рукъ слабыхъ Меровинговъ въ руки ихъ прежнихъ дворецкихъ, или мажордомовъ, — Арнольфинговъ или Карловинговъ и помазываютъ на царство Пипина [1]), чѣмъ тѣснымъ образомъ соединяютъ судьбы этой новой династіи съ своими собственными. Осада лангобардами самого „вѣчнаго города“ побуждаетъ вскорѣ затѣмъ папу Стефана, преемника Захаріи, обратиться къ франкскому королю съ ходатайствомъ о вооруженной помощи. Предпринятое послѣднимъ съ этой цѣлью путешествіе ко двору Пипина ознаменовано фактомъ провозглашенія папою какъ самого Пипина, такъ и его сыновей римскими патриціями, чѣмъ впервые установлена формальная связь между франкскими королями и „вѣчнымъ городомъ“.

Уступая настояніямъ папы, Пипинъ дважды переходитъ Альпы и, отвоевавши экзархатъ равеннскій у лангобардовъ, передаетъ его въ руки римскаго стола. Актъ, въ которомъ впервые упоминается о такой уступкѣ и которымъ такимъ образомъ положено начало свѣтскому владычеству папъ, буквально говоритъ о передачѣ экзархата блаженному Петру и святой Божьей церкви, или республикѣ римлянъ (beato Petro sanctaeque Dei ecclaesiae vel reipublicae romanornm), изъ чего ясно выступаетъ, что надѣленіе дѣлается въ пользу папы, какъ преемника византійскаго императора. Быстрые успѣхи франкскаго оружія при Пипинѣ и его преемникѣ Карлѣ, постепенно расширившемъ границы королевства пу-

---

[1]) *Waitz*. III, 59 и 61 стр.

темъ подчиненія баварцевъ, фризовъ и саксовъ, побуждаютъ папу Адріана снова прибѣгнуть къ помощи Арнульфингской династіи противъ стараго врага папства, лангобардовъ, и призвать въ Италію франкскія ополченія. Эти послѣднія довольно скоро завоевываютъ лангобардское королевство, послѣ чего папа, по всей вѣроятности, по предварительному уговору съ Карломъ, приглашаетъ его, какъ римскаго патриція, послать намѣстника въ Римъ. Это первый случай признанія за франкскимъ королемъ правъ суверенитета въ „вѣчномъ городѣ".

Когда преемникъ Адріана — Левъ III былъ изгнанъ изъ Рима враждебной ему партіей, папство снова стало искать защиты у франкскаго короля и съ его помощью опять водворилось въ вѣчномъ городѣ. Такой взаимный обмѣнъ услугъ, продолжавшійся почти полвѣка, не могъ не установить крайне тѣсныхъ отношеній между папствомъ и династіей Арнульфинговъ; а это повело къ тому, что когда въ представителяхъ церковной власти возникла мысль о возстановленіи римской имперіи на западѣ, ихъ выборъ палъ на представителя этого дома.

Не мало вліянія на такое рѣшеніе оказали также личныя качества Карла въ глазахъ духовенства. Они нашли себѣ признаніе въ словахъ Алкуина: „Мы цѣнимъ въ тебѣ всего болѣе то, что ты съ одинаковымъ рвеніемъ охраняешь церковь Божію какъ извнѣ, такъ и внутри: извнѣ — отъ невѣрныхъ, внутри — отъ ложныхъ ученій". При такихъ условіяхъ легко будетъ понять, какой интересъ побуждалъ церковь вообще и въ частности папство избрать Карла въ осуществители завѣтнаго ихъ желанія возстановить Западную имперію. Эгингардъ утверждаетъ, что Карлъ нисколько не былъ подготовленъ къ принятію императорскаго званія и что, знай онъ о намѣреніи папы, онъ, по всей вѣроятности, не переступилъ бы церковнаго порога въ день своего посвященія. Такое заявленіе вполнѣ примиримо съ тѣми опасеніями, какія могла возбуждать въ Карлѣ мысль о томъ, какъ отнесется къ такому факту византійскій императоръ. Дѣло въ

томъ, что хотя Византія послѣ завоеванія лангобардовъ фактически не удержала никакихъ правъ въ Италіи и на Италію, но de jure эти права продолжали принадлежать ея императору. Всѣ основатели варварскихъ королевствъ, Одоакръ, Теодорикъ и Хлодвигъ въ томъ числѣ, ища титула римскихъ патриціевъ у византійскихъ императоровъ, тѣмъ самымъ фактически признавали ихъ верховенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Вѣрный унаслѣдованнымъ традиціямъ, Карлъ въ теченіе всей своей жизни искалъ союза съ Византіей и ея правителями.

Притязанія Карла на императорскій титулъ были признаны послѣдними на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его коронаціи. Только со времени такого признанія Карлъ сталъ считать себя вполнѣ законнымъ его владѣльцемъ [1]), а это обстоятельство въ свою очередь бросаетъ свѣтъ на вопросъ, въ какой мѣрѣ имперія Карла Великаго создана была церковью и папствомъ.

Франкскій и римскій лѣтописцы одинаково говорятъ о возложеніи императорской короны на Карла самимъ папою и провозглашеніи его императоромъ всѣмъ присутствующимъ римскимъ народомъ [2]).

Въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ о неустанномъ стремленіи Карла заручиться санкціей своего титула со стороны византійскаго императора, едва ли можно согласиться съ тѣми, кто утверждаетъ, будто въ его глазахъ имперская корона была получена имъ отъ папы и римскаго народа. Самый актъ „адораціи", или преклоненія предъ нимъ присутствующихъ, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, доказываетъ, что папство въ это время не ставило себя выше, а, наоборотъ, ниже императорской власти и что поэтому немыслимо объясненіе

[1]) *Kaufmann.* Deutsche Geschichte, т. II, стр. 323—334.

[2]) Leo papa coronam capitis eius imposuit et a cuncto Romanorum populo adclamatum est: Carolo augusto, a Deo coronato, magno et pacifico imperatori Romanorum, vita et victoria. Et post laudes ab apostolico more antiquorum principum adoratus atque ablato patricii nomine, imperator et augustus est appellatus Ann. Laur. maior. a 801 стр. 183. *Waitz*, т. III, 174.

ея происхожденія путемъ одной делегаціи отъ папства, главы одновременно свѣтской и церковной власти,—объясненіе, лежащее въ основѣ всѣхъ средневѣковыхъ попытокъ къ установленію всемірной теократіи. Послѣдствіемъ возстановленія императорской власти не была замѣна германскаго государственнаго строя римскимъ. Германскія учрежденія продолжали жить и развиваться. Измѣненія коснулись по преимуществу титула и церемоніала. Полный титулъ Карла Великаго гласитъ буквально слѣдующее: „serenissimus augustus a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator, Romanum gubernans imperium“. Титулъ этотъ Людовикомъ Благочестивымъ обыкновенно замѣняется болѣе короткой формулой: „imperator augustus“, которая переходитъ и къ его преемникамъ. Что касается до имперскихъ регалій, то онѣ носятъ также римскій характеръ: это корона и скипетръ, къ которымъ нерѣдко присоединяется мечъ.

Если не говорить объ этой чисто внѣшней сторонѣ дѣла, то придется остановиться на усиленіи монархическаго начала, какъ на существеннѣйшемъ послѣдствіи возстановленія имперіи. Оно было вызвано не столько оживленіемъ римскихъ имперскихъ преданій, сколько установленіемъ новаго ученія о Божественномъ происхожденіи власти; взамѣнъ прежняго: о созданіи ея народомъ путемъ избранія. Въ какой мѣрѣ это новое ученіе было обильно практическими послѣдствіями,—послѣдствіями, неблагопріятными удержанію даже послѣднихъ остатковъ народовластія, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему отрывку изъ сочиненій современника и друга Карла Великаго—Алкуина. „Согласно Божьимъ велѣніямъ народъ надо вести за собою, а не слѣдовать за нимъ... Не надо прислушиваться къ тѣмъ, кто имѣетъ обыкновеніе говорить, что голосъ народа — голосъ Божій, такъ какъ готовность народа къ возстанію всегда близка къ безумію“ [1]).

---

[1]) Populus juxta sanctiones divinas ducendus est non sequendus... Nec diendi qui solent dicere: vox populi,—vox Dei, cum tumultuositas vulgi semr insaniae proxima sit.

Проведеніе въ жизнь этой теоріи повело къ почти совершенному устраненію простого народа отъ собраній,—процессъ, начавшійся, какъ мы уже видѣли, задолго до установленія Карловой имперіи. По словамъ Гинкмара, собранія созываемы были не болѣе двухъ разъ въ годъ: одно изъ нихъ было общимъ, другое тѣснымъ; въ первомъ принимала участіе „совокупность всѣхъ старшинъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ" (generalitas universorum maiorum tam clericorum quam laicorum), въ составъ второго входили ближайшіе совѣтники короля. Занятія между обоими собраніями распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: общему, со временъ Пипина созываемому уже не 1 марта, а 1 мая (откуда и названіе его „майское поле"), подлежали дѣла какъ свѣтскія, такъ и духовныя, какъ административныя, такъ и военныя. Прежде чѣмъ внести ихъ на обсужденіе собранія, король совѣщался о нихъ съ ближайшими совѣтниками и лицами, принадлежащими къ высшей знати. Гинкмаръ называетъ ихъ сенаторами; затѣмъ уже предложеніе поступало въ общее собраніе, гдѣ роль подчасъ присутствующаго простонародья [1]) ограничивалась выслушиваніемъ рѣшеній, обыкновенно принятыхъ при участіи однихъ ближайшихъ совѣтниковъ и членовъ знати. О депутатахъ отъ провинцій, electi populi, какъ объ участникахъ этихъ собраній, упоминается крайне рѣдко [2]). Результатомъ принятія тѣхъ или другихъ постановленій общимъ собраніемъ было изданіе капитуляріевъ.

Болѣе тѣсное собраніе, составленное изъ ближайшихъ совѣтниковъ, было продолженіемъ королевской куріи временъ Меровинговъ. Здѣсь обсуждались вопросы войны и мира; сюда же приносились подарки въ пользу императора; здѣсь разсматривались, наконецъ, всѣ текущія дѣла, поступавшія затѣмъ на разсмотрѣніе общаго собранія, что по Гинкмару

[1]) На это присутствіе указываетъ частое упоминаніе о fideles nostri franci et langobardi.

[2]) *Waitz*, т. III, 487, 464.

дѣлается не только для умиренія, но и для возбужденія души народной (propter non solum mitigandum, verum etiam accendendum animam populorum).

§ 3. Къ причинамъ, обусловившимъ собою пристрастіе церковныхъ писателей, изъ среды которыхъ вышли первые сочинители трактатовъ о политикѣ, къ монархическому образу правленія, надо отнесть также характеръ тѣхъ источниковъ, которыми могла питаться ихъ мысль. Источники эти далеко не были разнообразны. На первомъ планѣ стоятъ сочиненія отцовъ церкви, болѣе или менѣе богатыя разсужденіями о вопросахъ общественнаго характера, о бѣдности и богатствѣ, о рабствѣ и свободѣ, о бракѣ и безбрачіи. Отцы церкви ограничиваются въ сферѣ политическихъ вопросовъ простымъ комментаріемъ нѣкоторыхъ текстовъ изъ посланій апостоловъ Петра и Павла. „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, Господа ради, царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и поощренія дѣлающимъ добро. Ибо такова есть воля Божія“ (первое посланіе Петра, глава II, ст. 13, 14, и 15). „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога ставлены; посему противящійся власти противится Божьему установленію“ (посланіе апостола Павла къ римлянамъ, гл. 13, ст. 1 и 2 [1]). Они имѣютъ въ виду также слова Самого Спасителя, обращенныя къ апостоламъ: „Что будетъ связано вами на землѣ, будетъ связано на небесахъ, и что будетъ разрѣшено на землѣ, будетъ разрѣшено на небесахъ“. На этихъ текстахъ построена была въ средніе вѣка не только теорія пассивнаго повиновенія свѣтской власти во всемъ, что не противорѣчитъ Божескому закону, но и вся система отношеній вселенской и римской церкви къ государству. Откроемъ ли мы сочиненія латинскихъ или греческихъ церковно-учителей, всюду мы встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же взглядомъ

[1]) Дѣянія и посланія апостоловъ.

на необходимость безусловнаго подчиненія придержащимъ властямъ во всѣхъ вопросахъ, не имѣющихъ отношенія къ вѣрѣ.

Источникомъ происхожденія власти и подчиненія церковные писатели признаютъ не что иное, какъ грѣхъ. Послѣдній, въ глазахъ Августина, породилъ не только господство человѣка надъ человѣкомъ, но и правителя надъ подданными. Отступая въ этомъ отношеніи отъ ученія древнихъ философовъ, Августинъ первый высказалъ то положеніе, что въ состояніи невинности человѣческой природы не существовало понятій о власти и подчиненіи въ отношеніяхъ людей между собою. Человѣкъ созданъ былъ, по его мнѣнію, для начальствованія надъ природой, отнюдь не для владычества надъ себѣ подобными, въ формѣ ли рабства или политическаго господства. Если источникомъ власти является наказаніе, возложенное Богомъ за грѣхи, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что вѣрующіе должны подчиняться ей въ смиренномудріи, какъ выраженію Божественной воли [1]).

Говоря объ императорѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ объ еретикахъ-донатистахъ, блаженный Августинъ признаетъ его стоящимъ выше законовъ и подчиненнымъ въ свѣтскихъ дѣлахъ одному только Богу [2]). Повиноваться властямъ обязаны христіане какъ въ томъ случаѣ, когда монархомъ является человѣкъ добрый и праведный, такъ и въ томъ, когда верховная власть принадлежитъ тирану. Послѣдній не случайно попадаетъ на престолъ, но по распоряженію Божественнаго Промысла [3]).

Тотъ же совѣтъ пассивнаго повиновенія придержащимъ властямъ во всѣхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ ма-

---

[1]) De civitate Dei, книга XIX, главы XV и XVI.

[2]) ... Imperator, qui non est eisdem legibus subditus, et qui habet in potestate alias leges ferre... (Epistola XVIII).

[3]) Говоря о жестокостяхъ Нерона, блаженный Августинъ прибавляетъ: „Etiam talibus dominandi potestatem non dari nisi Dei providentia". (De civitate Dei, кн. V, гл, XII).

теріальной, а не къ духовной сторонѣ человѣка, даютъ и святой Амвросій Медіоланскій и св. Іеронимъ.

Въ комментаріи перваго на посланіе къ римлянамъ мы читаемъ: „Царю, дѣйствующему властью, данною ему отъ Бога, надлежитъ повиноваться какъ самому Богу“. Говоря это, Амвросій ссылается, съ одной стороны, на Даніила, сказавшаго: „Всѣ царства отъ Бога и Онъ раздаетъ ихъ кому хочетъ“, съ другой—на слова самого Спасителя: „Воздадите кесарево кесареви“ и т. д. Въ комментаріи на евангеліе отъ Луки, кн. IV, тотъ же писатель замѣчаетъ, что примѣръ Христа, уплатившаго динарій кесарю, поучаетъ насъ необходимости подчиненія властямъ (sublimioribus potestatibus) [1]).

Что касается до Іеронима, то послѣдній прямо говоритъ въ своемъ комментаріи на Екклезіастъ (глава VIII): „Мнѣ кажется, что если держаться Апостола (Павла или Петра), то слѣдуетъ предписывать полное повиновеніе монархамъ и всѣмъ вообще властямъ“ [2]).

Если отъ учителей вселенской церкви мы перейдемъ къ представителямъ мѣстныхъ церквей,—испанской, галльской или германской,—то у всѣхъ и каждаго изъ нихъ мы встрѣтимся съ тѣмъ же воззрѣніемъ на необходимость безусловнаго и неограниченнаго подчиненія волѣ монарха. Въ Испаніи епископъ Исидоръ, въ Галліи Григорій Турскій, въ Германіи Отто Фрейзингенскій проводятъ одно и то же ученіе. „Цари не должны знать другой удержи, кромѣ страха Божьяго и

---

[1]) Principi enim suo qui vicem Dei agit sicut Dei subjiciuntur, sicut dicit Daniel propheta; Dei est, inquit, regnum et cui vult dabit illud. Unde et Dominus: Reddite, ait, qua sunt Caesaris Caesari“. (Commentarius in Epistolam ad Romanos). „Magnum quidem est, inquit, et spirituale nocumentum, quo Christiani viri sublimioribus potestatibus docentur debere esse subjecti ne quis constitutionem regis terreni putet esse solvendum. Si enim censum filius Dei solvit quis sic tantus est qui non putet esse solvendum (Commentarius in Lucam, lib. IV).

[2]) „Videtur mihi, praecipere juxta Apostolum, regibus et potestatibus esse obsequendum“. etc. (Com. in Ecclesiastem, cap. VIII).

опасенія геенны огненной" читаемъ мы у перваго [1]. „Если кто изъ насъ отступитъ отъ справедливости,—заставляетъ говорить подданныхъ Хильперику епископъ Турскій Григорій [2],—ты, король, можешь покарать его; буде же ты самъ отступишь отъ нея, кто обвинитъ тебя? Мы только говоримъ тебѣ и, если ты хочешь, то выслушиваешь, если же нѣтъ, то кто осудитъ тебя, если не Тотъ, Который назвалъ Себя (вѣчной) справедливостью?" Всѣхъ рѣзче высказываетъ ту же мысль Отто Фрейзингенскій. „Нѣтъ судьи,—говоритъ онъ,—который бы не былъ подчиненъ законамъ человѣческимъ и принуждаемъ къ тому силою, за исключеніемъ однихъ королей, какъ стоящихъ выше законовъ, подчиненныхъ одной лишь Божеской волѣ и не подлежащихъ принужденію законами земными" [3].

Пассивное повиновеніе властямъ,—послѣднее слово всѣхъ разсужденій отцовъ церкви по вопросу объ отношеніи подданныхъ къ правительству. Это повиновеніе предписывается ими въ примѣненіи одинаково и къ свѣтскимъ и къ духовнымъ властямъ, однимъ—въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, другимъ — въ сферѣ духовныхъ. Дуализмъ властей, составляющій характерную особенность средневѣкового политическаго строя, держится на добросовѣстномъ соблюденіи каждой властью границъ ея вѣдомства. Полное невмѣшательство въ дѣла государства и самоуправленіе церкви, — таковъ, въ немногихъ словахъ, идеалъ отношеній церкви къ государству,—идеалъ, проводимый вселенскими учителями и въ жизни и въ теоріи.

[1] Sententiarum lib. III, cap. II: „Reges autem nisi solo Dei timore metuque gehennae coerceantur" etc.

[2] Si qui de nobis, o Rex, justitia tramites transeendere voluerit, a te corripi potest; si vero tu excesseris, quis te corripiet? Loquimur enim tibi, sed si volueris, audis; si autem audire nolueris, quis se damnabit, nisi is, qui se pronuntiavit esse justitiam. (Кн. V, гл. VXII).

[3] „Cum nulla inveniatur persona judicialis, qui mundi legibus non subjaceat, subjacendo coerceatur; soli reges, utpote constituti supra leges, divino examini reservati, seculi legibus non coercentur". (Epistola ad Fredericum I).

„Стоящій во главѣ церковнаго управленія,—говоритъ Оригенъ,—долженъ быть всецѣло занятъ заботами объ однихъ духовныхъ интересахъ, отнюдь не о матеріальныхъ. Сохраненіе Божьяго закона,—продолжаетъ тотъ же писатель,—предоставлено священникамъ и левитамъ; дабы они могли посвящать все свое время этому занятію, надо, чтобы забота о матеріальныхъ интересахъ была ввѣрена свѣтскому обществу“ [1]).

Содѣйствіе членовъ послѣдняго необходимо для успѣшной дѣятельности первыхъ. „Цари земные, — говоритъ въ свою очередь Григорій Назіанзенскій... Всѣ и каждый подчинены вамъ; одни лишь небесные интересы стоятъ выше васъ, одинъ Богъ управляетъ послѣдними“ [2]). Въ томъ же IV вѣкѣ епископъ города Паутье, блаженный Илларіонъ, возстаетъ противъ притязаній епископовъ на свѣтскую юрисдикцію [3]), — вопросъ, къ которому возвращается, въ свою очередь, бл. Іеронимъ, рѣшая его въ томъ же духѣ, что и его предшественники [4]). „Епископы, — говоритъ этотъ писатель, — должны смотрѣть на себя какъ на священниковъ и служителей Божіихъ, а не какъ на свѣтскихъ правителей“. Полнаго раздѣленія властей требуетъ и Іоаннъ Златоустъ, котораго Поль Жане совершенно произвольно причисляетъ къ писателямъ, подчиняющимъ свѣтскую власть духовной [5]). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли найти въ сочиненіяхъ Златоуста хотя бы одно мѣсто, въ которомъ послѣдній не довольствовался бы указаніемъ на одну лишь высшую природу духовной власти и требовалъ бы фактическаго подчиненія ей свѣтской? Ни одного, рѣшительно—ни одного. Выраженія въ родѣ того, что „священникъ выше царя, такъ какъ получающій благословеніе

---

1) Ibid., стр. 72.
2) Ibid., стр. 183.
3) Ibid., стр. 193.
4) Ibid., стр. 279.
5) См. *Поль Жане*.—Histoire de la science politique, т. I, стр. 342.

уступаетъ въ достоинствѣ дающему его", не могутъ быть правильно истолкованы иначе, какъ въ связи съ предшествующими имъ предложеніями; а въ числѣ послѣднихъ мы находимъ между прочимъ слѣдующее: „духовная власть выше свѣтской по достоинству", — другими словами, не по политическому значенію, а по нравственнымъ свойствамъ, что въ другомъ мѣстѣ еще выражено имъ такъ: „эта власть настолько превосходитъ свѣтскую (по достоинству), насколько солнце — землю, а душа — тѣло". Съ другой стороны, мысль о необходимости полнаго отдѣленія властей другъ отъ друга проведена Іоанномъ Златоустомъ со строгой послѣдовательностью: „Земные правители, — говоритъ онъ въ своемъ разсужденіи о духовной власти, — имѣютъ, конечно, право вязать, но одни только тѣла; напротивъ того, епископская власть связываетъ души, и ея рѣшенія простираются и на небо, такъ какъ Богъ на небѣ даетъ свою санкцію тому, что епископы дѣлаютъ на землѣ".

Воззрѣнія, высказываемыя отцами церкви на отношенія обѣихъ властей, свѣтской и духовной, продолжали держаться не только въ греческомъ, но и въ римскомъ христіанствѣ, много вѣковъ спустя послѣ распаденія церквей, въ періодъ удачныхъ попытокъ папъ захватить въ свои руки тѣ или другіе атрибуты свѣтской власти. Не кто иной, какъ святой Бернардъ, проповѣдникъ второго крестоваго похода, вооружается противъ этихъ новшествъ и противополагаетъ имъ здравое ученіе вселенскихъ отцовъ церкви о необходимости полнаго отдѣленія свѣтской власти отъ духовной. „Ты пастырь и епископъ душъ, — пишетъ онъ своему ученику, папѣ Евгенію III [1]), — и, слѣдовательно, тебѣ не приличествуетъ отправленіе свѣтской юрисдикціи. Послѣднюю должны вѣдать судьи, короли и правители земные; зачѣмъ вторгаться тебѣ въ чу-

---

[1]) Tu ergo pastor et episcopus animarum (Sancti Bernardi opera omnia, парижское изданіе 1839 г. De consideratione ad Eugenium tertium, кн. I, гл. IV, стр. 1011).

жую область? Какое право имѣешь ты простирать твою косу на чужое поле?“ [1]).

Ограничивая роль папы, главы церкви [2]) и духовенства одною лишь духовной сферой и предписывая имъ воздержаніе отъ всякаго вмѣшательства въ область свѣтской власти, св. Бернардъ настаиваетъ на той мысли, что послѣдняя не заслуживаетъ его вниманія. „Не потому,— говоритъ онъ, обращаясь ко всему духовенству,— совѣтую я вамъ воздержаться отъ подобныхъ захватовъ, что вы недостойны отправлять свѣтское правосудіе, а потому, что послѣднее недостойно того, чтобы вы посвящали ему свое время“ [3]). Уже изъ приведеннаго мѣста видно, что, подобно Іоанну Златоусту, св. Бернардъ допускаетъ различіе между земными и церковными правителями, но только по достоинству, а не по власти. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть понимаемъ и знаменитый текстъ: „Церковь имѣетъ два меча: одинъ свѣтскій, другой духовный; первый въ рукахъ воина, второй — священника. Мечъ свѣтскій не можетъ быть обнаженъ иначе, какъ по повелѣнію императора и съ согласія церкви“. Правда, въ средніе вѣка въ этомъ текстѣ искали доказательства тому, что св. Бернардъ былъ сторонникомъ папскаго главенства въ дѣлахъ не только церкви, но и государства. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и въ наше время могло возникнуть сомнѣніе насчетъ дѣйствительнаго его смысла. Онъ, очевидно, означаетъ ни больше ни меньше, какъ то, что, при отдѣленіи власти свѣтской отъ духовной, первая не должна дѣйствовать

---

[1]) Quoniam tibi major videtur et dignitas, et potestas, dimitendi peccata, an praedia dividendi? Sed non est comparatio. Habent haec infima et terrena judices suos, reges et principes terrae. Quid fines alienos invaditis? Quid falcem vestram in alienam messem extenditis? (Ibid., стр. 1014, гл. VI).

[2]) Бернардъ открыто провозглашаетъ папу „Summum plane inter ministros (Dei) De cons, кн. II, гл. 7.

[3]) Non quia indigni vos sed quia indignum vobis talibus insistere, quippe otioribus occupatis (ibid.).

наперекоръ интересамъ послѣдней, а напротивъ того—защищать ее своимъ авторитетомъ. Св. Бернардъ высказывается такъ опредѣленно по вопросу объ отношеніи властей, что сомнѣваться въ дѣйствительномъ значеніи его словъ не представляется возможности. „Уменьшенія правъ свѣтской власти я никогда не желалъ“ пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]). „Апостоламъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—запрещается владычество“ [2]). „Опоясайся мечомъ твоимъ, мечомъ духовнымъ, — обращается онъ къ папѣ, — мечъ твой — слово Божіе“ [3]).

Воззрѣніе св. Бернарда на отношенія властей, свѣтской и духовной, можно признать вѣрнымъ выраженіемъ того дуализма, какой составляетъ основу политическаго строя средневѣковой Европы. Его мысли неоднократно были воспроизводимы слѣдовавшими за нимъ во времени церковными писателями и нашли отголосокъ себѣ между прочимъ и въ англійской политической литературѣ.

Рядомъ съ ученіями, благопріятными равновѣсію властей, мы встрѣчаемъ, однако, уже въ IX и X вѣкахъ зародышъ теоріи папскаго всемогущества, и не въ однѣхъ лишь лже-Исидоровыхъ Декреталіяхъ [4]), но и въ сочиненіяхъ римскаго архіепископа Гинкмара [5]), говорящаго о правѣ священниковъ судить дурныхъ правителей, въ особенности же,—въ твореніяхъ перваго по времени составителя богословскихъ энциклопедій, Александра Галеса. „Отношеніе свѣтской власти къ духовной,—говоритъ онъ,—иное, нежели послѣдней къ пер-

---

[1]) Regui dedecus, regni diminiutionem nunquam volui (B. Epistolae N 233.).

[2]) Apostolis interdicitur dominatio.... Forma apostolica haec est: poenitio interdicitur, indicitur ministratio (De Consideratione, гл. 10 и 11, кн. вторая).

[3]) Accingi te gladio tuo, gladio spiritus, quod est verbum Dei (Ibid., глава 12).

[4]) См. мастерской разборъ ихъ у *Поля Жане*, 353 стр. перваго тома.

[5]) Ibid., стр. 359.

вой. Духовная власть ни въ чемъ не подчинена свѣтской; напротивъ того, свѣтская власть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинена духовной. Такъ, церкви дозволено назначать лицъ, имѣющихъ отправлять свѣтскую юрисдикцію, тогда какъ свѣтской власти не подлежитъ выборъ тѣхъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ мечъ духовный" [1]), — прямой намекъ на то, что папа можетъ имѣть голосъ въ выборѣ императора, тогда какъ послѣдній не долженъ вмѣшиваться въ избраніе папы.

Итакъ, идея о превосходствѣ папы надъ императоромъ не только по достоинству, но и по власти находитъ выраженіе себѣ въ средневѣковой литературѣ задолго до того времени, когда столкновеніе англійскихъ королей съ папами и архіепископами кентерберійскими побудило лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этой борьбѣ, къ точному формулированію ни на чемъ не основанныхъ притязаній папской власти на абсолютное владычество. Іоаннъ Салисберійскій и Геральдъ-дю-Барри являются не болѣе, какъ выразителями идей и стремленій, зародышъ которыхъ былъ положенъ гораздо раньше ихъ,—въ эпоху первыхъ столкновеній папъ съ императорами, т.-е. въ концѣ X и началѣ XI вѣка.

§ 4. Литература перваго періода схоластики не даетъ права сомнѣваться въ томъ, что политическія произведенія Аристотеля и Платона не были извѣстны ея дѣятелямъ ни въ подлинникахъ ни въ переводахъ. Первыя оставались забытыми вплоть до второй половины XIII вѣка, вторыя—до самой эпохи Возрожденія. На Аристотелеву „Политику" не ссылается ни разу ни Іоаннъ Салисберійскій ни Геральдъ-дю-Барри [2]). Ея существованіе такъ мало было подозрѣваемо писателями XIII вѣка, что ученѣйшій человѣкъ своего времени Роджеръ Беконъ искалъ политическихъ теорій Аристотеля въ апокри-

---

[1]) Ibid., стр. 395.

[2]) Mss. Cottonian library (Br. Mus).

фическомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ „Тайны тайнъ“ [1]). Полное незнакомство съ „Политикой“ обнаруживаетъ и Винцентъ изъ Бове, въ трактатѣ „De morali institutione principum“ [2]).

Замѣчательно, что этотъ трактатъ написанъ за нѣсколько лѣтъ до появленія самаго перевода „Политики“ на латинскій языкъ, откуда легко заключить, что дѣйствительной причиной незнакомства съ ней Винцента, какъ и другихъ вышеназванныхъ писателей, было не иное что, какъ незнаніе ими греческаго языка. Недоступная въ подлинникѣ Аристотелева „Политика“ неспособна была повліять на литературу XII и XIII вѣковъ въ передачахъ или извлеченіяхъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ вовсе не было въ ряду сочиненій, состоявшихъ въ это время въ обращеніи. Цицеронъ, такъ часто приводящій мнѣніе Платона, ни разу не цитируетъ Аристотеля, чѣмъ, въ свою очередь, легко объяснить, почему и Августину послѣдній остается неизвѣстнымъ, и не одному Августину, но и всѣмъ тѣмъ писателямъ, которые черпали у него знакомство съ классической литературой.

При такихъ условіяхъ теоріи Аристотеля объ общежительной природѣ человѣка, о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія и т. п. могли перейти въ политическія разсужденія XII и XIII вѣковъ лишь потому, что встрѣчаются сплошь и рядомъ у извѣстныхъ въ то время въ подлинникѣ трактатахъ Плутарха и передачахъ блаженнаго Августина.

Съ другой стороны, за недостаткомъ посредниковъ, такія ученія, какъ о преимуществахъ республики надъ монархіей, законовъ надъ произволомъ, смѣшаннаго образа правленія надъ простымъ, совсѣмъ должны были остаться неизвѣстными и неудивительно, если въ трактатахъ этого времени мы не встрѣчаемъ даже отдаленнаго ихъ отголоска. Ученіе о смѣшан-

[1]) Mss. Arundel library (Br. Mus).
[2]) Mss. Corpus Christi College (Oxford).

ной формѣ правленія, въ частности, какъ перешедшее послѣдовательно къ стоикамъ и Цицерону, могло бы, разумѣется, найти выраженіе себѣ и въ литературѣ изучаемыхъ нами столѣтій, если бы знакомство съ политическимъ трактатомъ Цицерона продолжало оставаться непосредственнымъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Свѣдѣнія о „Республикѣ" Цицерона почерпаемы были въ это время изъ Августина, а въ De civitate Dei нѣтъ и помину о смѣшанной формѣ правленія.

Что касается до Платона, то незнакомство съ его политическими трактатами засвидѣтельствовано самими схоластиками. Всякій разъ, когда послѣднимъ приходится разсуждать о томъ или другомъ изъ его ученій, хотя бы, напримѣръ, о его теоріи общности женъ и состояній, они или открыто высказываютъ свое сомнѣніе въ возможности приписать его Платону, или выражаютъ соболѣзнованіе о томъ, что воззрѣнія Платона извѣстны имъ въ одной лишь пристрастной передачѣ ихъ Аристотелемъ [1]). Не способные прочесть Платона ни въ подлинникѣ ни въ переводѣ, ранніе схоластики знакомы были съ нѣкоторыми изъ его политическихъ воззрѣній по передачамъ изъ первыхъ и вторыхъ рукъ, сдѣланнымъ, первыя —

[1]) Ѳома Аквинатъ въ своемъ комментаріи на пятую книгу Аристотелевой „Политики" (Лекція XIII) прямо говорить, что ученіе Платона объ условіяхъ извращенія формъ правленія не можетъ быть извѣстно надлежащимъ образомъ, за недостаткомъ перевода его политическихъ трактатовъ на латинскій языкъ. Эгидій Колонна, Генрихъ изъ Гента и Францискъ де-Майронисъ высказываютъ каждый сомнѣніе въ правильности передачи Аристотелемъ Платонова ученія объ общности женъ, прибавляя при этомъ, что послѣднее извѣстно имъ изъ одной лишь Аристотелевой „Политики". (См. L'Aristotelisme de la scolastique par Salvator Talamo, Paris, 1876 г. стр. 282 и сл.).

По отзыву Роджера Бекона, передаваемому Журденомъ, знакомство схоластиковъ его времени съ Платономъ ограничивалось его трактатами о грамматикѣ, логикѣ и риторикѣ, да еще аксіомами изъ метафизики. (Recherches sur les traductions latines d'Aristote, par A. Jourdin, Paris, 1843).

Цицерономъ, Плутархомъ и арабскимъ философомъ Аверроэсомъ, вторыя — Августиномъ.

Извлеченія изъ Платона, попадающіяся одинаково у Цицерона, Плутарха и Августина, будучи болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера, проходятъ поэтому совершенно безслѣдными для политическихъ писателей XII и XIII вѣковъ. Одинъ лишь Роджеръ Беконъ, благодаря знакомству съ „Метафизикой“ Авичены и „Парафразисомъ“ Аверроэса на „Республику“, настолько проникается мыслями Платона, что, по образцу его, рекомендуетъ ввѣрить управленіе страны мудрымъ и, въ частности, мудрѣйшему изъ всѣхъ—папѣ.

Изъ греческихъ писателей одинъ лишь Плутархъ, благодаря раннему переводу его нравственныхъ разсужденій на латинскій языкъ, обнаружилъ несомнѣнное и, можно сказать, подавляющее вліяніе на характеръ политической мысли въ ранній періодъ схоластики. Его сочиненіе „О республикѣ“, отъ котораго уцѣлѣлъ до насъ лишь ничтожный отрывокъ, легло въ основаніе первыхъ по времени нравственно-политическихъ энциклопедій, какими должны быть признаны „Поликратикъ“ Іоанна Салисберійскаго и доселѣ неизданный трактатъ Винцента изъ Бове „De morali institutione principum“. О содержаніи Плутархова трактата мы не имѣемъ возможности составить себѣ опредѣленнаго представленія иначе, какъ обратившись къ „Поликратику“, авторъ котораго сознается самъ, что во всемъ слѣдуетъ греческому мыслителю: и въ порядкѣ изложенія и въ самомъ характерѣ развиваемыхъ имъ взглядовъ. Прологомъ къ трактату Плутарха служило приводимое Іоанномъ Салисберійскимъ посланіе къ Траяну,—посланіе, совершенно отличное по своему содержанію отъ того, какое приложено къ апокрифическимъ „Apophtegmata imperatorum“. Въ этомъ посвященіи Плутархъ обѣщаетъ Траяну познакомить его съ существомъ политическаго устройства его предковъ. Самый трактатъ заключалъ въ себѣ изложеніе ученія о государствѣ какъ объ организмѣ, въ которомъ отдѣльныя учрежденія и сословія соотвѣтствуютъ частямъ тѣла, а король—

головѣ. Монархическое управленіе признается въ немъ наиболѣе отвѣчающимъ природѣ и потому наилучшимъ. Подобно тому, какъ въ здоровомъ тѣлѣ каждый органъ производитъ свои отправленія, подчиняясь руководству, получаемому отъ головы, такъ и въ нормальномъ политическомъ строѣ каждое сословіе и учрежденіе слѣдуетъ своему назначенію, сохраняя естественное подчиненіе главѣ государства. Говоря о формахъ правленія, Плутархъ, подобно Аристотелю и другимъ греческимъ философамъ, признаетъ три правильныхъ и столько же неправильныхъ: монархію, олигархію и демократію, тиранію, владычество немногихъ (paucorum potentia) и охлократію (plebis licentia). „Хорошій музыкантъ,— говоритъ онъ,—можетъ играть на всѣхъ и каждомъ изъ инструментовъ, такъ или иначе, сообразно ихъ природѣ, имѣя въ виду извлечь изъ нихъ наичистѣйшіе звуки; но, если вѣрить Платону, при выборѣ между ними, онъ всѣмъ имъ предпочтетъ лиру и арфу. Такъ точно и политикъ: онъ сумѣетъ доставить народу спокойствіе и счастіе при всякомъ образѣ правленія; но разъ выборъ между ними будетъ предоставленъ его усмотрѣнію, онъ не преминетъ отдать предпочтеніе монархіи, опять-таки слѣдуя совѣту Платона [1]). Она одна,—продолжаетъ Плутархъ,—можетъ выдержать соперничество другихъ порядковъ устройства, при которыхъ повелѣвающій одновременно состоитъ подъ чужимъ господствомъ и властью, и управляя другими, самъ управляется ими, что и лишаетъ такое строй силы и устойчивости монархіи (Relique id habent quod fere is, qui imperat, sub imperio et potestate est et qui gerit eas, ipse geritur ferturque, quod non habeat vim solidam et stabilem, qualis est in monarchia [2]).

Говоря о монархіи въ другомъ изъ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывковъ [3]), Плутархъ называетъ ее „perfectissima et amplissima reipublicae forma“. Изъ другихъ отрывковъ, по всей вѣ-

---

1) Сравни Платоново разсужденіе о государствѣ, кн. III.
2) Парижское изданіе сочиненій Плутарха, т. II, стр. 826.
3) „An seni gerenda sit respublica“, ibid, стр. 783.

роятности того же сочиненія, можно было бы съ перваго взгляда заключить, что, отдавая полное предпочтеніе монархіи, Плутархъ въ то же время допускаетъ возможность подчиненія правителя закону. „Quis ergo imperabit principi?“, спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „Lex omnium rex mortalium atque immortalium ut ait Pindarus [1]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, однако, что подъ закономъ, подчиненіе которому онъ считаетъ обязательнымъ для короля, Плутархъ разумѣетъ не что иное, какъ естественное право или предписанія разума, „Non lex foris scripta in libris sed viva in ipsius corde ratio“. „Власть — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — можетъ сдѣлаться въ лицѣ ея носителя источникомъ пороковъ, если ея не умѣряетъ разумъ“. Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ Плутарха монархъ подлежитъ однимъ лишь нравственнымъ, далеко не юридическимъ ограниченіямъ. Плутархъ неистощимъ въ совѣтахъ королямъ быть справедливыми и нелицепріятными въ своихъ дѣйствіяхъ, строгими по отношенію къ себѣ, милостивыми къ другимъ и т. п. „Необходимо,—говоритъ онъ,—чтобы король заботился о сохраненіи хорошаго поведенія; прежде онъ долженъ исправить себя, затѣмъ ужъ подданныхъ“. Если монархъ станетъ подражать Богу въ его благотворительности и любви къ людямъ, его могущество будетъ увеличено небомъ, и самъ онъ пріобрѣтетъ отъ Бога возможность уподобиться до нѣкоторой степени Ему самому въ правосудіи и справедливости, въ милосердіи и любви къ истинѣ. Нѣтъ добродѣтели, которая бы приличествовала царю болѣе справедливости“ читаемъ мы нѣсколько ниже [2]).

На короля Плутархъ смотритъ какъ на лицо, которому Богомъ ввѣрена забота о спасеніи людей. „Короли назначены, — говоритъ онъ, — частью распредѣлять людямъ даруемыя имъ

---

[1]) „Ad principem indoctum“ (ibid, стр. 780). Принадлежность этого отрывка Плутарху, какъ и предыдущихъ, одинаково признается Виттенбахомъ, Бенцеллеромъ и Фолькманомъ.

[2]) Ibid., стр. 780.

Богомъ блага, частью сохранять послѣднія. Какъ въ небѣ Богъ сдѣлалъ солнце и луну блистательными подобіями Себѣ, такъ на землѣ Его образомъ является монархъ. Причина, почему на царя можно смотрѣть въ такомъ свѣтѣ, та, что Богу подобенъ тотъ, кто обезпечиваетъ людямъ справедливости (Jura Dei similis, qui dat mortalibus aequa) [1]).

Если монархія должна быть признана наилучшимъ образомъ правленія, то о тираніи можно сказать, что она худшій изъ видовъ вырожденія правильныхъ формъ устройства. Плутархъ не даетъ точнаго опредѣленія тому, что слѣдуетъ разумѣть подъ тираномъ, по крайней мѣрѣ въ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывкахъ, и ограничивается сопоставленіемъ частныхъ признаковъ, отличающихъ монарха отъ тирана. „Тогда какъ короля боятся подданные,—говоритъ онъ,—тиранъ самъ опасается послѣднихъ. Съ властью возрастаетъ и его страхъ, и чѣмъ больше тѣхъ, надъ кѣмъ онъ повелѣваетъ, тѣмъ больше и число людей, которыхъ онъ страшится“ [2]).

Я сказалъ уже выше, что трактатъ Плутарха о государствѣ не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, а лишь въ ничтожныхъ отрывкахъ, повидимому не имѣющихъ между собою ничего общаго и напечатанныхъ каждый какъ часть самостоятельнаго сочиненія. Іоаннъ Салисберійскій своими постоянными цитатами изъ Плутарха, своимъ открыто выраженнымъ планомъ слѣдовать его трактату въ пятой и шестой книгѣ своего „Поликратика“ даетъ намъ возможность сблизить другъ съ другомъ эти отрывочныя главы и возстановить до нѣкоторой степени утраченный нами полный текстъ.

Изложивши ученіе о королѣ какъ о главѣ государства, Плутархъ, по словамъ Іоанна Салисберійскаго, переходитъ къ разсмотрѣнію другихъ составныхъ частей политическаго организма, и прежде всего центральнаго правительственнаго учрежденія—совѣта, или сената. Послѣдній играетъ въ его

---

1) Ibid.
2) Ibid., стр. 781.

представленіи ту же роль въ государственномъ тѣлѣ, какая въ человѣческомъ принадлежитъ сердцу. Составъ и предметы вѣдомства совѣта—таковы, по всей вѣроятности, вопросы, отвѣтъ на которые можно было найти въ этомъ отдѣлѣ Плутархова сочиненія. Мы не затруднимся поэтому отнести къ нему уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ, извѣстный подъ заглавіемъ „An seni gerenda sit respublica?“ („Подобаетъ ли старику завѣдывать дѣлами государства?“). Въ этомъ текстѣ Плутархъ высказывается открыто въ пользу замѣщенія верховнаго совѣта лицами, достигшими извѣстнаго возраста и пріобрѣвшими необходимую житейскую опытность. „Юношамъ,—полагаетъ онъ,—приличествуетъ военная служба, старикамъ—завѣдываніе высшими интересами государства. Администраторъ всего болѣе нуждается въ опытности, которой нѣтъ у молодыхъ людей. Притомъ старики, доживая свой вѣкъ, менѣе юношей подвержены зависти. Старость избавляетъ ихъ также отъ цѣлаго ряда страстей, составляющихъ удѣлъ юношества, какъ то: отъ пылкой привязанности и ревности, честолюбія и т. п. Неудивительно, если въ трудныя минуты народы обращаются къ совѣту и содѣйствію старцевъ. Ихъ несомнѣннымъ превосходствомъ надъ молодыми людьми въ дѣлѣ управленія объясняется также, почему римскій сенатъ, какъ показываетъ и самое его названіе, составленъ былъ изъ стариковъ. Напрасно бы послѣдніе, желая избавить себя отъ безпокойства, стали ссылаться на свою дряхлость, какъ на основаніе быть избавленными отъ дальнѣйшаго несенія службы. Не говоря уже о томъ, что дѣятельная жизнь—лучшее условіе сохраненія здоровья, пусть они берутъ примѣръ съ королей, которыхъ старость не избавляетъ отъ несенія верховныхъ обязанностей“.

Что касается до вопроса о томъ, каковъ долженъ быть по мнѣнію Плутарха характеръ предоставленныхъ совѣту функцій, то на этотъ счетъ мы не находимъ никакихъ данныхъ ни въ „Поликратикѣ“ Іоанна Салисберійскаго ни въ уцѣлѣвшихъ до насъ отрывкахъ. Изъ общаго характера по

литическихъ воззрѣній, проводимыхъ разбираемымъ нами трактатомъ, можно тѣмъ не менѣе прійти къ заключенію, что въ глазахъ греческаго историка совѣтъ долженъ былъ имѣть одинъ лишь совѣщательный, далеко не рѣшающій голосъ въ законодательствѣ и администраціи. Такое заключеніе вполнѣ оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что на монарха Плутархъ смотритъ какъ на неограниченнаго правителя, подчиненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ лишь велѣніямъ разума, которыя онъ называетъ предписаніями естественнаго права.

Отъ сената, занимающаго въ государствѣ то же мѣсто, что сердце въ человѣческомъ тѣлѣ, Плутархъ переходитъ къ разсмотрѣнію органовъ исполнительной власти, какими онъ почитаетъ съ одной стороны чиновниковъ и судей, съ другой—воиновъ. „Государство,—утверждаетъ онъ,—имѣетъ двѣ руки: одну—вооруженную, другую—безоружную. Первая имѣетъ своей задачей кровавую охрану его, вторая—раздачу правосудія [1])". За довольно подробнымъ ученіемъ о наилучшемъ устройствѣ арміи[2]) Плутархъ переходитъ къ изложенію скорѣе нравственныхъ правилъ, нежели юридическихъ предписаній, касательно задачъ и обязанностей судей и чиновниковъ. О томъ, какого характера были проводимые имъ въ этомъ отдѣлѣ взгляды, можно составить себѣ приблизительное представленіе по другому изъ Плутарховыхъ трактатовъ, къ счастію, дошедшему до насъ въ подлинникѣ. Я разумѣю сочиненіе, озаглавленное „Reipublicae gerendae precepta"; оно написано Плутархомъ по просьбѣ и въ поученіе молодому человѣку изъ Сардъ, по имени Менемаху, по случаю вступленія послѣдняго въ одну изъ муниципальныхъ должностей его роднаго города [3]). Плутархъ подробно развиваетъ въ

---

[1]) Polycraticus, кн. VI, гл. I.

[2]) Это ученіе извѣстно намъ изъ одной лишь передачи его Іоанномъ Салисберійскимъ.

[3]) Іоаннъ Салисберійскій знакомъ и съ этимъ трактатомъ, о которомъ онъ говоритъ въ главѣ VIII книги IV „Поликратика" (т. III, p. 247).

этомъ сочиненіи ту мысль, что, принимая на себя тѣ или другія общественныя обязанности, слѣдуетъ имѣть въ виду не личную выгоду, а пользу гражданъ. Тотъ, кто занимаетъ должность съ намѣреніемъ составить себѣ состояніе, лучше бы сдѣлалъ вовсе не поступая на службу. Администраторъ долженъ зорко слѣдить за своимъ поведеніемъ. Прежде чѣмъ исправлять людей, надо начать съ собственнаго исправленія, показывая собою примѣръ другимъ. При исполненіи служебныхъ обязанностей не мѣшаетъ обнаруживать умѣренность въ пользованіи властью. Ею одной администраторъ способенъ внушить довѣріе обществу и вызвать всеобщее расположеніе къ себѣ. Имѣя въ виду все еще продолжавшій держаться въ Греціи обычай—дѣлать народу подарки, Плутархъ совѣтуетъ своему молодому другу производить послѣдніе не иначе, какъ съ честнымъ намѣреніемъ, безъ цѣли полученія взамѣнъ личныхъ выгодъ. Если мы сравнимъ эти мысли съ тѣми, какія встрѣчаются въ „Поликратикѣ“, то намъ легко будетъ убѣдиться, что, за немногими исключеніями, вызванными перемѣной въ обстоятельствахъ времени [1]), взгляды Іоанна Салисберійскаго насчетъ обязанностей чиновниковъ во всемъ совпадаютъ съ только что изложенными нами, откуда мы въ правѣ заключить о заимствованіи ихъ у Плутарха. Что касается до судей, то Плутархъ видитъ цѣль ихъ установленія въ необходимости защиты слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ и т. п. Плутарху, по всей вѣроятности, принадлежитъ и приводимое Іоанномъ Салисберійскимъ выраженіе: „Судьи—обувь республики“,—выраженіе, смыслъ ко-

[1]) Къ числу такихъ принадлежитъ вопросъ о подаркахъ, дѣлаемыхъ чиновниками. Нечего и говорить, что послѣдніе не были извѣстны въ XII в. и что въ это время мы даже встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе—исторженія подарковъ чиновниками. Неудивительно поэтому, если Іоаннъ Салисберійскій не говоритъ ни слова о первыхъ и, напротивъ того, весьма подробно распространяется насчетъ вреда, причиняемаго послѣдними (кн. V, глава XIII).

тораго тотъ, что задача ихъ защищать государство отъ гибельной для него несправедливости [1]).

Въ ряду другихъ сословій крестьянамъ и ремесленникамъ принадлежитъ самое низкое мѣсто; они не болѣе какъ ноги государства. Но это не мѣшаетъ послѣднему заботиться объ ихъ интересахъ. Напротивъ того правители должны помнить, что ихъ задача—доставить благосостояніе возможно большему числу гражданъ [2]), взамѣнъ чего простой народъ не долженъ быть недоволенъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ и обязанъ сознательно покоряться властямъ въ интересахъ общаго блага государства. Плутархъ настаиваетъ на мысли о томъ, что довольство каждаго класса своимъ состояніемъ и подчиненіе ихъ главѣ, королю—необходимое условіе благосостоянія политическаго организма. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ въ его глазахъ царство пчелъ. Плутархъ приводитъ длинное извлеченіе изъ стихотворенія Виргилія, описывающаго жизнь этихъ насѣкомыхъ, и заканчиваетъ свой трактатъ разсужденіемъ о томъ, какъ счастливы должны быть народы, сумѣвшіе соединить въ своемъ быту, по образцу пчелъ, подчиненіе и согласіе, довольство своимъ положеніемъ и повиновеніе власти.

Мы остановились подробно на разборѣ Плутархова сочиненія о государствѣ, такъ какъ изъ всей греческой политической литературы онъ одинъ извѣстенъ былъ писателямъ ранняго періода схоластики. Изъ него почерпали они не только знакомство съ политическими взглядами Платона, но и основныя воззрѣнія въ вопросахъ общественныхъ и государственныхъ. Надо сознаться, что эти послѣдніе, далеко не являясь отголоскомъ республиканскихъ ученій древней Греціи, только укрѣпляли въ ихъ умѣ убѣжденіе въ естественности того абсолютнаго и сословнаго строя, среди котораго они жили. Ученіе о томъ, что во вся-

[1]) Кн. VI, гл. 20.
[2]) Кн. VI, гл. 20.

комъ обществѣ должно существовать неравенство по состояніямъ, что его требуетъ сама природа, что та же природа установила подчиненіе одному неограниченному правителю, выше котораго не стоитъ никто, кромѣ Бога,—всѣ эти доктрины, бывшія не болѣе какъ теоретическимъ выраженіемъ основъ общественнаго и политическаго строя современной Плутарху римской имперіи, вполнѣ отвѣчали тѣмъ, какія въ XII вѣкѣ были ходячими на протяженіи всего германо-романскаго міра. Этимъ случайнымъ совпаденіемъ объясняется въ нашихъ глазахъ и самый авторитетъ Плутархова разсужденія, его распространенность въ средѣ церковныхъ писателей; мало того—его способность вызвать къ жизни цѣлую политическую литературу, насквозь проникнутую его воззрѣніями и потому самому бѣдную оригинальнымъ содержаніемъ.

Въ этомъ отношеніи Плутархъ не имѣлъ другого соперника, кромѣ Цицерона, взгляды котораго на государство и монархическій порядокъ, по всей вѣроятности, не мало повліяли на характеръ средневѣковыхъ ученій. Цицеронъ, какъ извѣстно, единственный политическій писатель Рима, имѣющій право на признаніе за нимъ нѣкоторой самостоятельности. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ онъ извѣстенъ былъ въ несравненно болѣе полномъ видѣ, нежели въ наше время. Его трактатъ „О республикѣ", одни лишь отрывки котораго возвращены намъ случайнымъ открытіемъ Майо, легъ въ основу политическихъ теорій Августина. Чтобы онъ былъ извѣстенъ въ подлинникѣ писателямъ XII и XIII вѣковъ,—позволено сомнѣваться, такъ какъ встрѣчающіяся на него ссылки такого содержанія, что цѣликомъ могли быть заимствованы у Августина. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ сочиненіе „О республикѣ", повидимому, исчезаетъ изъ обращенія. Другое дѣло трактатъ „Объ обязанностяхъ", „De officiis"—трактатъ болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера. Этотъ послѣдній знакомъ писателямъ второго періода схоластики такъ же хорошо, какъ и первымъ представителямъ „школы". Знакомство съ нимъ легко прослѣ-

дить, въ частности, и въ сочиненіяхъ англійскихъ писателей вплоть до самаго конца средневѣковаго періода, когда мы находимъ его еще неоднократно цитируемымъ въ политическихъ произведеніяхъ Фортескью. Сказанное примѣнимо въ меньшей мѣрѣ и къ сочиненію Цицерона „О законахъ“ („De legibus), ссылки на которое сплошь и рядомъ попадаются у писателей среднихъ вѣковъ.

Для историка политической мысли судьба послѣднихъ двухъ трактатовъ менѣе интересна, нежели перваго, такъ какъ въ нихъ только намеками упоминается объ основныхъ воззрѣніяхъ автора на государство и формы правленія. Мы не станемъ поэтому задаваться вопросомъ о томъ, какой характеръ носитъ излагаемое въ нихъ ученіе и въ какомъ смыслѣ могло оно повліять на мысль средневѣковой Европы. Чего мы не намѣрены сдѣлать для только что названныхъ сочиненій, мы предпримемъ для трактата „О республикѣ“. Мы постараемся опредѣлить, какого рода политическія теоріи могли быть заимствованы изъ него писателями перваго періода среднихъ вѣковъ, какія изъ нихъ перешли въ сочиненія писателей этого времени, какія нѣтъ, и какъ отразилось на политической литературѣ XII и XIII вѣковъ воспріятіе однѣхъ и опущеніе другихъ.

Подобно сочиненію Плутарха, для котораго онъ, по всей вѣроятности, послужилъ образцомъ, трактатъ Цицерона является талантливо написанной защитой монархіи. Излагая свои мысли въ формѣ діалога между Леліемъ и Сципіономъ, Цицеронъ влагаетъ въ уста послѣдняго слѣдующее разсужденіе о преимуществахъ монархическаго образа правленія: „Изъ всѣхъ простыхъ формъ устройства лучшее монархическое“ [1]). Оно наиболѣе отвѣчаетъ какъ Божескому порядку, такъ и порядку природы. Развѣ надъ богами Олимпа не царствуетъ одинъ Юпитеръ? Развѣ разсудку не принадлежитъ

[1]) „Sed si unum ac simplex probandum sit (genus reipublicae), regium probem (кн. I, гл. 35).

правящая роль по отношенію ко всѣмъ остальнымъ свойствамъ человѣческой души? Съ другой стороны, не правитъ ли семьею одинъ отецъ, не поручаютъ ли больного уходу одного врача, а корабль — управленію одного капитана? Въ пользу монархическаго устройства неоднократно высказывались народы, устанавливая его въ своей средѣ. Сами римляне, даже по низверженіи Тарквиніевъ, вручали нерѣдко власть одному диктатору, а именно каждый разъ, когда государству грозила опасность отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ.

Отдавая преимущество монархіи надъ аристократіей и демократіей, Цицеронъ въ то же время не считаетъ ее наилучшею формою политическаго устройства. Такою въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ его учителей, греческихъ стоиковъ и Полибія, является смѣшанный образъ правленія, въ которомъ и король, и дворянство, и простой народъ имѣли бы каждый свою долю вліянія и власти. Два качества составляютъ его преимущественное достоинство—справедливость и прочность, — справедливость, состоящая въ томъ, что никто не устраненъ имъ отъ управленія, — прочность, причиной которой является довольство каждаго порядкомъ вещей, при которомъ никто не можетъ считать себя обойденнымъ [1]).

Спрашивается, въ какой мѣрѣ сочиненіе Августина знакомитъ насъ съ Цицероновымъ ученіемъ о лучшей изъ простыхъ и наилучшей формѣ правленія; можно ли сказать, что разсужденіе о Божьемъ государствѣ заключаетъ въ себѣ не болѣе какъ буквальную передачу взглядовъ знаменитаго римскаго философа и политика, или же, напротивъ того, имѣется нѣкоторое основаніе упрекать Августина въ одностороннемъ воспріятіи одной лишь части Цицеронова ученія, наиболѣе отвѣчавшей политическимъ воззрѣніямъ его времени, и въ совершенномъ упущеніи изъ виду другой.

---

[1]) Кн. I, гл. 45.

Тщетно стали бы мы искать въ разсужденіи о Божьемъ государствѣ хотя бы отдаленнаго намека на возможность существованія, а тѣмъ болѣе на характеръ и достоинства смѣшанной формы правленія. И о монархіи Августинъ не говоритъ намъ далеко того, что сказано было его учителемъ и образцомъ [1]). Основаніе къ ней, какъ и для рабства, Августинъ видитъ въ грѣхопаденіи, а условіемъ для ея удержанія онъ считаетъ исключительно свойственную ей способность поддерживать миръ и спокойствіе въ обществѣ [2]). Такимъ образомъ ученіе Цицерона объ ограниченной монархіи, благодаря съ одной стороны ранней утратѣ его трактата „О республикѣ", а съ другой—тому обстоятельству, что оно не было воспринято знакомыми съ этимъ сочиненіемъ писателями, не въ состояніи было оказать никакого вліянія на ходъ развитія политической мысли въ средневѣковой Европѣ. Того же нельзя сказать о заимствованномъ у стоиковъ [3]) ученіи Цицерона о различныхъ формахъ общежитія, въ частности—о природѣ государства. Если Августинъ и не пускается, подобно Цицерону, въ разсужденіе объ общежительной природѣ человѣка и не приводитъ мотивовъ, побуждающихъ людей жить въ государствѣ, то, съ другой стороны, слѣдуя своему образцу, онъ говоритъ о семьѣ какъ о первообразѣ государства и считаетъ однимъ изъ видовъ человѣческихъ союзовъ вселенную (orbis terrae),—терминъ, соотвѣтствующій Цицероновой „societas hominum". Высшую форму общежитія составляетъ для него, какъ и для его учителя, та, въ которой міръ духовный входитъ въ общеніе съ міромъ свѣтскимъ [4]),—другими словами, Божье государство (civitas Dei),

---

[1]) См. сочиненіе Августина противъ Пелагія, кн. IV, гл. 12.

[2]) De civitate Dei, кн. XIX, гл. 15 и 16.

[3]) Hildebrand's Geschichte der Rechts und Staatsphilosophie, стр. 510, 511 и 512.

[4]) Сравни „De offfciis", кн. I, гл. 17, 53, 54, 57, 58 и „De legibus", кн. I, гл. 17, и 28 съ „De civitate Dei", кн. XIX, гл. 5 и 7. Въ послѣдней мы читаемъ: „Post civitatem vel urbem sequitur orbis terrae, in quo

подъ которымъ онъ разумѣетъ не что иное, какъ церковь, за разъ небесную и земную [1]). Что касается до ученія Цицерона о природѣ государства, то Августинъ передаетъ ее словами самого учителя, когда въ 21 главѣ II-ой книги влагаетъ въ уста Сципіона слѣдующую сентенцію: „Populum autem non omnem coetum multitudinis, sed coetum juris consensu et utilitatis communione sociatum esse“.

Цицероново ученіе о справедливости какъ о необходимомъ условіи благосостоянія государства и о тиранѣ какъ несправедливомъ правителѣ нашло себѣ выраженіе и въ сочиненіи Августина. Чрезъ его посредство оно перешло въ сочиненія политическихъ писателей ранняго періода схоластики, еще незнакомыхъ съ Аристотелевымъ опредѣленіемъ тирана, какъ человѣка, преслѣдующаго въ управленіи одни лишь личные интересы [2]).

Таковы тѣ ученія, съ которыми прежде всего познакомились политическіе писатели средневѣковой Европы и вліяніе которыхъ на самое содержаніе оставленныхъ ими произведеній намъ легко будетъ прослѣдить въ одной изъ ближайшихъ главъ настоящаго труда. Читатель согласится съ нами, что въ своей сложности они отличаются рѣдкимъ одно-

---

tertium gradum ponunt societates humanae, incipientes a domo, atque inde ad urbem, deinde ad orbem terrae progrediendo venientes. О Божьемъ государствѣ, въ частности, смотри кн. XIX, гл. 17.

[1]) Земную церковь Августинъ считаетъ лишь частью Божьяго государства: „civitas autem coelestis, vel potius pars ejus, quae in hac mortalitate peregrinatur“ (ibid., кн. XIX), гл. 17.

[2]) Сравни мѣста въ родѣ слѣдующаго изъ трактата „De civitate Dei“ съ однохарактерными имъ по содержанію главами „De Republica“. „Sed hoc verissimum esse, sine summa justitia rempublicam regi non posse“. (Кн. VI, гл. 21). „Remota itaque justitia, quid sunt regna nisi magna latrocinia?“ (Кн. IV, гл. 4). „Cum vero injustus est rex, quem tyranum more graeco appellavit etc“. (Кн. II, гл. 21). Сравни также съ послѣднимъ мѣстомъ опредѣленія, даваемыя тирану Іоанномъ Салисберійскимъ, Геральдомъ-дю-Барри и Винцентомъ изъ Бовэ, ученіе которыхъ на этотъ счетъ приведено будетъ ниже.

образіемъ и въ то же время цѣльностью воззрѣній. „Политическое устройство должно подражать природѣ. Послѣдняя требуетъ подчиненія и господства одного. Монархія поэтому—наилучшій образъ правленія. Прототипомъ ей служитъ семья. Государствомъ не исчерпываются всѣ возможныя формы общежитія. Рядомъ съ нимъ существуетъ еще союзъ человѣчества и вселенская церковь, за разъ небесная и земная. Что касается, въ частности, до государства, то природа требуетъ отъ насъ не только установленія одного наслѣдственнаго главы, но и разнообразныхъ учрежденій и сословій, состоящихъ другъ съ другомъ въ отношеніяхъ разумнаго подчиненія, основаннаго на довольствѣ каждаго своимъ положеніемъ и на правильномъ пониманіи властями характера возложенныхъ на нихъ обязанностей. Первое условіе благосостоянія государства—справедливость. Безъ нея монархъ превращается въ тирана, а государство устремляется къ гибели". Вотъ въ немногихъ словахъ существенныя черты того, можно сказать, политическаго катехизиса, какой завѣщанъ былъ древнимъ міромъ первымъ представителямъ политической литературы въ Европѣ. Нельзя сказать, чтобы въ рядѣ встрѣчающихся въ немъ мыслей имѣлись такія, которыя не могли бы легко ужиться съ средневѣковымъ порядкомъ. Нѣтъ здѣсь ни разсужденій о демократіи какъ о наиболѣе справедливой, а потому наилучшей формѣ правленія, ни апоѳеоза смѣшаннаго порядка политическаго устройства, столь излюбленнаго греческими и римскими философами, но едва ли понятнаго писателямъ, не видѣвшимъ другого исхода изъ средневѣковой безурядицы, кромѣ неограниченной монархіи.

Это соотвѣтствіе между политическими воззрѣніями извѣстныхъ раннимъ схоластикамъ классическихъ писателей, потребностями и стремленіями средневѣковой Европы объясняетъ намъ причину воспріятія и дальнѣйшаго развитія ихъ ученій въ XII и первой половинѣ XIII вѣка. Только съ совершившимся во второй половинѣ этого столѣтія поворотомъ въ пользу ограниченной сословіями монархіи ученія Цицерона и

Плутарха о преимуществахъ абсолютнаго образа правленія, какъ не отражавшія въ себѣ болѣе дѣйствительности, принуждены были отойти на второй планъ и уступить мѣсто болѣе отвѣчавшей потребностямъ времени теоріи смѣшаннаго образа правленія. Переводъ Аристотелевой „Политики“, сдѣланный въ 60 годахъ XIII вѣка, явился такимъ образомъ какъ нельзя болѣе кстати; вліяніе же, оказанное имъ на перемѣну въ политическихъ воззрѣніяхъ времени, было такъ велико, что его можно сравнить лишь съ тѣмъ, какое въ эпоху Возрожденія обнаружили политическія сочиненія Платона.

Но къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться въ одной изъ ближайшихъ главъ. Въ настоящее же время перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вліяній, какія отразила на себѣ политическая литература раннихъ схоластиковъ,—церковнаго, византійскаго и арабскаго.

§ 5. Къ сочиненіямъ отцовъ церкви и немногихъ грекоримскихъ писателей, трактаты которыхъ дошли въ подлинникѣ или въ передачахъ блаженнаго Августина, надо присоединить еще, особенно со времени крестовыхъ походовъ, проникшія съ Востока византійскія и арабскія политикодидактическія разсужденія, распространенныя въ европейскомъ обществѣ не только въ латинскихъ переводахъ, но и въ передачахъ на языки новоевропейскихъ народовъ. Одного бѣглаго знакомства съ политической литературой XII вѣка достаточно, чтобы признать вліяніе на нее арабовъ. Каждый разъ, когда писатели ранней схоластики приводятъ политическія мысли Аристотеля, они заимствуютъ ихъ не изъ неизвѣстной въ то время „Политики“, а изъ на половину византійскаго, на половину арабскаго трактата, такъ называемой „Тайны тайнъ“ (Secreta Secretorum), проникшей и въ нашу литературу чрезъ посредство Польши подъ прозвищемъ „Аристотелевыхъ вратъ“. Независимо отъ многочисленныхъ переводовъ и передѣлокъ этого трактата на всѣ языки Европы, до насъ дошелъ и цѣлый комментарій,

написанный на него однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XIII вѣка,—Роджеромъ Бекономъ. Не одна литература XIII вѣка носитъ на себѣ слѣды широкаго воздѣйствія на нее мнимаго трактата Аристотеля: то же можетъ быть сказано и о позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Такъ, въ политико-дидактическомъ разсужденіи архіепископа Симона Ислепа, современника англійскаго короля Эдуарда III, можно найти цѣлыя главы, заимствованныя изъ мнимаго трактата Аристотеля (такъ, напр., главу о необходимости для монарха сообразовать всѣ свои дѣйствія съ законами). Апокрифъ Аристотеля долгое время игралъ на Западѣ ту же роль, какая со времени Ѳомы Аквината выпала въ удѣлъ Аристотелевой „Политикѣ“. Подобно тому, какъ безъ справокъ съ послѣдней нельзя понять ученій Ѳомы Аквината или Эгидія Колонны, такъ точно безъ знакомства съ „Тайною тайнъ“ трудно открыть источникъ многихъ воззрѣній Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Но, спрашивается, имѣемъ ли мы въ „Тайнѣ тайнъ“ византійскій или арабскій текстъ? Прологъ къ распространенной латинской версіи приписываетъ „Secreta“ греческое происхожденіе. Штейншнейдеръ, на основаніи изученія восточной литературы, порожденной „Тайною тайнъ“, пришелъ однако къ тому заключенію, что это сочиненіе не должно быть почитаемо продуктомъ византійской литературы. „Существованіе греческаго оригинала,—пишетъ онъ,—насколько мнѣ извѣстно, не было доказано никѣмъ“ [1]). Но одинъ изъ французскихъ переводчиковъ „Тайны тайнъ“ въ XIII вѣкѣ, ирландецъ Готофредъ Уотерфордъ, даетъ понять, что ему былъ извѣстенъ греческій оригиналъ этого сочиненія. „Вы просили меня,—говоритъ онъ въ обращеніи къ неизвѣстному лицу, которому посвящена его рукопись,—чтобы эту книгу, которая съ греческаго была переведена на арабскій, а съ арабскаго на латинскій, я передалъ

---

[1]) См. Spanische Bearbeitungen arabischer Werke, von Steinschneider, Jahrbuch für romanische und englische Litteratur, Leipzig, 1871, стр. 367.

французской рѣчью. Но вамъ должно быть извѣстно, что у арабовъ много словъ лживыхъ (en corte verité), а способъ выражаться грековъ не ясенъ (et le Grigoir ont oscure manière de parler)"... Такое категорическое заявленіе, думаетъ Кнустъ[1]), не даетъ права сомнѣваться въ томъ, что французскій переводчикъ имѣлъ въ виду греческій текстъ „Secreta", а такъ какъ Кетифъ говоритъ о Уотерфордѣ какъ знакомомъ одинаково и съ греческимъ и съ арабскимъ языкомъ и какъ о путешествовавшемъ на Востокѣ[2]), то наша увѣренность въ возможности положиться на его свидѣтельство соотвѣтственно возрастаетъ. Такимъ образомъ то обстоятельство, что въ наше время не удалось открыть греческаго оригинала „Тайны тайнъ", или „Аристотелевыхъ вратъ", не доказываетъ, что этого оригинала не имѣлось на Востокѣ еще въ XIII вѣкѣ, когда Уотерфордъ предпринялъ свое путешествіе въ Переднюю Азію.

Мнимый трактатъ Аристотеля, эта арабская передѣлка греческаго текста, подымаетъ рядъ вопросовъ скорѣе нравственнаго, чѣмъ политическаго характера. При управленіи государствомъ, полагаетъ мнимый Аристотель, монархъ не долженъ ничего желать въ такой мѣрѣ, какъ пріобрѣтенія добраго имени. Для этого ему необходимо быть одновременно мудрымъ, щедрымъ, справедливымъ и милосердымъ. Мудрость требуетъ отъ него, чтобы онъ въ своихъ дѣйствіяхъ во всемъ слѣдовалъ предписаніямъ Бога, не увлекался гнѣвомъ, былъ осторожнымъ, предусмотрительнымъ, покровителемъ наукъ и распространителемъ знаній въ народѣ, избѣгалъ бы многорѣчія, всегда сохранялъ бы свое достоинство, воздерживаясь и отъ неумѣреннаго смѣха и отъ частаго появленія въ средѣ своихъ подданныхъ. Мудрость предписываетъ королю располагать въ свою пользу сердца подданныхъ самымъ характеромъ своихъ дѣйствій. Она

---

[1]) Jahrbuch, т. 10, стр. 155.

[2]) *Quétif et Echard,* Scriptores ordinis praedicatorum, т. 6. Paris 1719, стр. 467.

проявляется также въ выборѣ королемъ добрыхъ совѣтниковъ и пословъ и въ назначеніи справедливыхъ и милосердыхъ къ народу чиновниковъ.

Что касается до щедрости, то это—вторая изъ добродѣтелей, необходимыхъ въ монархѣ. Она не состоитъ въ томъ, чтобы зря раздавать государственныя имущества любимцамъ, что можетъ поставить впослѣдствіи въ необходимость отягощать подданныхъ налогами, а въ томъ, чтобы награждать подарками людей мудрыхъ и праведныхъ, заслужившихъ такую милость услугами государству.

Справедливость требуетъ отъ короля, чтобы онъ оказывалъ одинаково правосудіе бѣднымъ и богатымъ, знатнымъ и незнатнымъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, наказывать первыхъ строже, нежели послѣднихъ. Не будучи въ состояніи судить лично всѣхъ и каждаго, монархъ можетъ ограничиться назначеніемъ нелицепріятныхъ и неподкупныхъ судей, выбирая ихъ изъ мудрѣйшихъ и ученѣйшихъ гражданъ государства. Чего онъ долженъ по возможности избѣгать, это — произнесенія смертныхъ приговоровъ: проливать кровь человѣческую принадлежитъ одному Богу. Однимъ изъ предписаній справедливости является также сохраненіе даннаго слова даже по отношенію къ непріятелямъ. Только при этомъ условіи возможенъ миръ между людьми.

Милосердіе—такова четвертая добродѣтель, необходимая монарху. Быть милостивымъ — значитъ принимать подъ свою защиту всѣхъ нуждающихся въ ней, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, значитъ отступать подчасъ отъ предписываемой законами строгости въ наказаніяхъ, въ надеждѣ на исправленіе преступника.

Переходя къ изложенію обязанностей монарха въ частной жизни, мнимый Аристотель рекомендуетъ ему воздержаніе въ сношеніяхъ съ женщинами, поучаетъ его, какой порядокъ онъ долженъ ввести въ собственную семью и какія мѣры онъ долженъ принять къ сохраненію своего тѣла въ здоровомъ состояніи. Поддержаніе естественной теплоты въ немъ, —

таковъ первый совѣтъ здравой медицины. Умѣренность въ пищѣ и питьѣ, хорошій сонъ и частое потѣніе, употребленіе извѣстнаго рода мясной а также растительной пищи, наконецъ, вина, необходимо для сохраненія здоровья. Больному совѣтуютъ обращаться къ содѣйствію лѣкарствъ и приглашать къ себѣ врача. Въ его выборѣ рекомендуется большая осторожность. Авторъ даетъ также цѣлый рядъ медицинскихъ предписаній. Желая показать дѣйствіе, оказываемое на больного превозносимыми имъ средствами, онъ вдается въ изложеніе того, что въ настоящее время мы называемъ анатоміей и физіологіей человѣка. Послѣднюю часть сочиненія составляетъ передачу ряда свѣдѣній, безъ которыхъ, по мнѣнію автора, царь не можетъ обойтись ни въ частной ни въ публичной жизни. Въ этомъ отдѣлѣ неизвѣстный сочинитель „Тайны тайнъ“ излагаетъ всю ученую мудрость своего вѣка; онъ трактуетъ преимущественно объ астрологіи и алхиміи, въ частности о философскомъ камнѣ и таинственныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ травъ и минераловъ. Послѣдняя глава посвящена физіономикѣ, иначе—искусству отгадывать характеръ людей по ихъ наружности [1]).

Таково многостороннее содержаніе апокрифическаго трактата Аристотеля, сдѣлавшее изъ него какую-то популярную энциклопедію, въ которой не только люди науки, но и практическіе дѣятели, въ числѣ ихъ князья и правители, искали правилъ для руководства въ различныхъ случаяхъ жизни.

Намъ остается теперь ближе познакомиться съ одной стороной „Тайны тайнъ“; намъ предстоитъ задаться вопросомъ, какой политическій идеалъ рисуетъ намъ авторъ ея, имѣемъ ли мы дѣло съ приверженцемъ ограниченной или неограниченной монархіи и въ послѣднемъ случаѣ,—какого рода удержь допускаетъ авторъ для произвола правителей.

Воззрѣнія его на характеръ наилучшаго устройства государства не изложены въ одной какой-нибудь главѣ, но раз-

---

[1]) См. Secreta Secretorum Aristotelis, парижское изданіе 1520 г.

сѣяны въ цѣломъ сочиненіи. Задача критики — собрать ихъ воедино и съ помощью ихъ начертать возможно вѣрный портретъ монарха, какого бы желалъ видѣть составитель „Тайны.“

Въ главѣ о молчаливости монарха, de taciturnitate regis, мнимый Аристотель совѣтуетъ монарху не допускать народъ къ частому его лицезрѣнію и превозноситъ обычай Индіи, въ силу котораго царь является предъ народомъ однажды въ годъ, окруженный почти Божескимъ великолѣпіемъ и осуществляя въ этотъ день цѣлый рядъ актовъ, которые, обнаруживая его всемогущество, свидѣтельствовали бы въ то же время о его милосердіи. Окруженный свитою и вооруженнымъ отрядомъ, правитель Индіи показывается народу среди роскошной обстановки. Важнѣйшія дѣла королевства разсматриваются въ этомъ собраніи: смертные приговоры приводятся въ исполненіе, отъ чиновниковъ требуется отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, народу оказываются всякаго рода милости, какъ то: освобожденіе отъ чрезмѣрнаго бремени налоговъ, сообщеніе новыхъ привилегій купцамъ и т. п. Наконецъ, лица, провинившіяся въ менѣе важныхъ случаяхъ, получаютъ помилованіе и освобождаются изъ тюремъ. Очевидно, вся сцена придумана для того, чтобы дать народу возможность проникнуться признательностью и любовью къ правителю, являющемуся одновременно владыкою, судьею, отцомъ и благодѣтелемъ подданныхъ.

Этотъ характеръ безпредѣльнаго могущества и отеческой заботливости о судьбѣ ввѣреннаго ему Богомъ народа монархъ сохраняетъ во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ дѣйствіяхъ. Совѣтуется ли онъ о дѣлахъ правленія съ магнатами и сановниками царства, судитъ ли онъ частныя жалобы и уголовныя преступленія лично или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ судей, опредѣляетъ ли онъ на службу правителей провинцій и округовъ, всякій разъ его личное сужденіе является рѣшителемъ того, что должно быть и чему не бывать. Авторъ „Тайны“ совѣтуетъ, правда, монарху искать со-

вѣта людей мудрыхъ и знающихъ, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдніе лишены знатности или состоянія, но онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы мнѣніе другихъ было обязательно для него. Въ одномъ мѣстѣ сочиненія, въ главѣ о собственномъ совѣтѣ, de proprio consilio, онъ прямо говоритъ, что всякій разъ, когда преподанное ему не согласно съ его личнымъ мнѣніемъ, монархъ, послѣ надлежащаго разсмотрѣнія всего, что можетъ быть сказано за и противъ, можетъ поступить какъ ему заблагоразсудится [1]).

Если монархъ подчиненъ кому-нибудь, то только Богу. Лучшее средство узнать—исполненъ ли князь мудрости, или нѣтъ, это—освѣдомиться о томъ, слѣдуетъ ли онъ предписаніямъ Божескаго закона [2]).

Отъ разбора мнимаго сочиненія Аристотеля перейдемъ къ изученію не менѣе апокрифическихъ трактатовъ Плутарха также византійскаго происхожденія. Обходя молчаніемъ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ одинъ лишь педагогическій и нравственный храктеръ, мы сосредоточимъ все наше вниманіе на политико-дидактическомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ заглавіемъ: „О тѣхъ, кто поздно наказывается" [3]).

Не имѣя общаго характера, это сочиненіе любопытно для насъ потому, что указываетъ на богословское рѣшеніе вопроса о томъ, по какимъ причинамъ Божественный Промыселъ допускаетъ существованіе несправедливыхъ правителей. Въ зародышѣ высказываемыя здѣсь мысли можно найти уже у отцовъ церкви. Въ XII вѣкѣ онѣ воспроизведены будутъ

[1]) Si vero discrepit a tuo arbitrio tunc est tuum considerare si est iuvamentum et utile super eo quod tu considerasti: amplectere ipsum et si est inutile abstinere ab eodem (fol. 47).

[2]) Porro de levi potest scire et per certa signa apprehendi an in rege sapientia vel inscipientia dominetur, quia quicunque rex supponit regnum suum divinae legi, dignus est regere et honorifice dominare, qui vero in servitutem redigit divinam legem subiciens eam regno suo et imperio, transgressor est veritatis et contemptor suae legis, qui vero contemnit suam legem ab hominibus contemnetur quia cond mnatus est in lege.

[3]) См. Парижское изданіе полнаго собранія сочиненій Плутарха,

почти безъ измѣненій въ сочиненіи Геральда-дю-Барри и лягутъ, можно сказать, въ основу всего ученія раннихъ схоластиковъ о тиранѣ или несправедливомъ правителѣ.

Вкратцѣ содержаніе этого трактата [1]) слѣдующее:

Задавшись вопросомъ о томъ, по какимъ причинамъ Богъ оставляетъ долгое время безнаказанными дѣйствія тирановъ, мнимый Плутархъ рѣшаетъ его въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Богъ даетъ виновнымъ время для раскаянія; 2) онъ пользуется также злыми для выполненія своихъ цѣлей. „Дабы наказать заслужившихъ его гнѣвъ Богъ,—говоритъ мнимый Плутархъ,—пользуется дурными правителями, какъ мясниками (tamquam carnificibus), названіе,—прибавляетъ онъ,—какое считаю подходящимъ для большинства тирановъ. Желчь гіены и тюленя, двухъ крайне опасныхъ животныхъ, не лишена цѣлебныхъ свойствъ по отношенію къ нѣкоторымъ болѣзнямъ. Такъ точно и тираны. Когда люди нуждаются въ сильномъ наказаніи для того, чтобы сойти со стези порока, Богъ посылаетъ имъ жестокаго и готоваго утѣснять ихъ правителя и не раньше истребляетъ послѣдняго, какъ по приведеніи въ исполненіе своего наказанія“. Этими двумя причинами еще не исчерпываются всѣ соображенія, приводимыя авторомъ съ цѣлью объяснить, какимъ образомъ Божескій Промыселъ допускаетъ существованіе тирановъ. Угрызенія совѣсти, полагаетъ онъ, одинъ изъ видовъ наказанія, и это наказаніе тираны испытываютъ при жизни. Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что Божескій Промыселъ постоянно имѣетъ въ виду оставить злымъ людямъ время для исправленія и караетъ ихъ не раньше, какъ убѣдившись въ томъ, что это время прошло для нихъ безъ пользы. Наконецъ, если Богъ не наказуетъ самихъ тирановъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что ихъ злодѣянія останутся безна-

---

[1]) Апокрифическій характеръ его признается одинаково всѣми и каждымъ изъ писателей, занимавшихся изученіемъ нравственныхъ разсужденій Плутарха.

казанными,—они отразятся на участи ихъ дѣтей, которымъ вмѣстѣ съ именемъ они передаютъ обыкновенно и свои духовныя качества. „Наказаніе родителей падетъ на главы чадъ“— такъ заканчиваетъ анонимный авторъ свое разсужденіе, выражая эту мысль словами Священнаго Писанія.

Ученіе о монархѣ какъ объ абсолютномъ правителѣ и о тиранѣ какъ объ орудіи Божьяго гнѣва на землѣ—таково однообразное содержаніе извѣстной раннимъ схоластикамъ византійской политико-дидактической литературы. Изъ сказаннаго видно, что ея вліяніе на средневѣковую мысль не могло быть обновляющимъ. Напротивъ того, она могла только укоренить въ политическихъ писателяхъ схоластики убѣжденіе въ томъ, что выводимый ими идеалъ монархическаго устройства пользуется всеобщимъ признаніемъ и что, помимо абсолютнаго владычества и пассивнаго повиновенія, не можетъ существовать иного отвѣчающаго природѣ отношенія между управителями и управляемыми, королемъ и подданными.

Рядомъ съ греческими трактатами въ арабской передачѣ политическая мысль Европы съ эпохи крестовыхъ походовъ, по крайней мѣрѣ въ Испаніи, пріобрѣла возможность ассимилировать себѣ и нѣкоторые взгляды, проводимые по вопросамъ политики арабскими мыслителями. Эти взгляды, правда, были насквозь проникнуты греческими идеями. Самое заглавіе такого сочиненія, какъ „Парафразисъ“ Аверроэса на „Республику“ Платона [1]), а еще болѣе его содержаніе не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что политическая мысль арабовъ развилась подъ вліяніемъ греческой философіи. И въ тѣхъ нравственно-политическихъ сочиненіяхъ арабовъ, которыя дошли до насъ въ однихъ еврейскихъ переводахъ, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Аль-Фараби или Ибнъ-Баджа, разсужденія о хорошо или

[1]) Аверроэсъ родился въ Кордовѣ въ 1126 году и здѣсь получилъ свое образованіе. Въ 1169 году мы встрѣчаемъ его судьею, или кадіемъ, въ Севильѣ. Умеръ онъ въ Марокко, въ 1198 году. См. „Littérature arabe“, par Clémen Huart, 1902, стр. 286.

дурно устроенныхъ правительствахъ и попытки построить типъ идеальнаго государства отражаютъ на себѣ съ одной стороны ученіе Аристотеля о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія, а съ другой—Платона о совершенной республикѣ [1]). При ближайшемъ изученіи любого изъ упомянутыхъ трактатовъ не можетъ не броситься въ глаза и чисто восточная окраска, приданная ихъ авторами мыслямъ греческихъ философовъ. Одно уже предпочтеніе, оказываемое ими Платону надъ Аристотелемъ,—Платону, политическіе взгляды котораго, какъ не разъ уже было указано, стояли ближе къ теократическому строю Востока,—наводитъ на мысль, что даже въ выборѣ оригиналовъ для подражанія арабскіе мыслители слѣдовали своимъ восточнымъ пристрастіямъ. Общеніе имуществъ между гражданами, управленіе государства религіознымъ вождемъ, соединяющимъ въ своихъ рукахъ одновременно свѣтскую и духовную власть,—все это мысли, общія и Платону и арабскимъ философамъ; всѣ онѣ стоятъ весьма близко къ древнимъ основамъ политическаго быта арабовъ. Общеніе имуществъ, о которомъ говоритъ Аверроэсъ вслѣдъ за Платономъ, держалось у арабовъ во времена, предшествовавшія Магомету. Что же касается до соединенія духовной и свѣтской власти въ рукахъ не наслѣдственныхъ, а избираемыхъ религіозныхъ вождей, то на этой мысли построено, какъ извѣстно, все зданіе калифата. Неодобреніе, высказываемое арабскими мыслителями неограниченной монархіи, отвѣчаетъ ихъ желанію воздержать калифовъ отъ обращенія ввѣренной имъ власти въ подобіе наслѣдственной деспотіи. Немудрено, если эти попытки встрѣчали неодобреніе при дворѣ калифовъ и подвергали высказывавшихъ ихъ философовъ гоненіямъ, сопровождаемымъ уничтоженіемъ ихъ рукописей и запрещеніемъ дальнѣйшаго ихъ обращенія въ публикѣ. По этой причинѣ политическіе трактаты арабовъ дошли до насъ

---

[1]) См. объ этомъ между прочимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ренана: „Averroès et l'Averroisme".

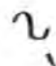
въ большинствѣ случаевъ въ однѣхъ еврейскихъ передачахъ, а одно уже это обстоятельство объясняетъ и слабое распространеніе ихъ на Западѣ, вплоть до эпохи Возрожденія, когда увлеченіе Платономъ подбудило перевести съ еврейскаго языка на латинскій и знаменитый „Парафразисъ" Аверроэса. Приведенными соображеніями объясняется недостаточное вліяніе арабской политической мысли на средневѣковыхъ писателей Европы. Не столько самостоятельная, сколько переводная литература арабовъ была въ обращеніи на Западѣ въ ранній періодъ схоластики. Эта переводная литература развилась при самомъ дворѣ калифовъ и пользовалась ихъ покровительствомъ. Она насквозь проникнута византійскимъ представленіемъ о монархѣ какъ о неограниченномъ владыкѣ надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ, отвѣтственномъ за свои дѣйствія передъ однимъ только Богомъ и недоступномъ для народа, рѣдко имѣющаго случай видѣть его. Чтобы придать такимъ мыслямъ недостающій имъ авторитетъ, переводчики не прочь были выдавать ихъ за ученіе князя философовъ—Аристотеля. Монахи-несторіанцы нерѣдко заняты были переводомъ такихъ трактатовъ съ греческаго языка на арабскій; довольно вѣроятной является догадка, что и распространеннѣйшій на Западѣ мнимый трактатъ Аристотеля подъ названіемъ „Тайны тайнъ" обязанъ своимъ происхожденіемъ трудолюбію такихъ монаховъ.

Изъ представленнаго нами бѣглаго очерка немудрено прійти къ тому заключенію, что имѣвшаяся въ распоряженіи раннихъ схоластиковъ политико-дидактическая литература была сравнительно бѣдна и занималась преимущественно вопросомъ о монархіи какъ о наилучшей формѣ правленія и о монархѣ какъ о неограниченномъ правителѣ, а это обстоятельство, въ связи съ господствомъ въ жизни той же политической формы, объясняетъ намъ въ достаточной степени причину, по которой, какъ мы сейчасъ увидимъ, схоластики посвящаютъ свое вниманіе исключительно обоснованію и развитію монархической доктрины.

§ 6. Конецъ XII и все XIII столѣтіе ознаменованы въ исторіи умственнаго движенія попытками систематизировать тотъ запасъ богословскихъ, нравственныхъ, историческихъ и политическихъ свѣдѣній, какія разсѣяны были дотолѣ въ твореніяхъ отцовъ церкви, у извѣстныхъ въ то время классическихъ писателей и въ не менѣе распространенныхъ арабо-византійскихъ компиляціяхъ. Научная литература въ этотъ, можно сказать, ранній періодъ схоластики представляетъ собою рядъ энциклопедій, озаглавливаемыхъ обыкновенно ихъ составителями терминомъ то „Summa", то „speculum". Раньше другихъ должны были явиться, конечно, попытки обобщенія богословскаго знанія, и дѣйствительно: древнѣйшей энциклопедіей можно признать Summa theologiae Александра Галлеса. Его попытки не остались безъ подражателей. Винцентъ изъ Бовэ не только составилъ по образцу Галлеса свой Speculum doctrinale, но и осуществилъ смѣлую мысль сведенія воедино всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыми располагала схоластическая наука и въ другихъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія,—этикѣ и исторіи. Его Specula (doctrinale, morale и historiale) являются не болѣе какъ отдѣльными частями обширной энциклопедіи, въ которой Винцентъ разсчитывалъ представить въ систематическомъ видѣ сумму всѣхъ свѣдѣній въ области богословскихъ и общественныхъ наукъ, какими располагали его современники.

Одно лишь политическое знаніе вплоть до нашего времени казалось почти не тронутымъ ранними схоластиками. Сплошь и рядомъ историки политическихъ ученій, какъ на западѣ Европы, такъ и въ Россіи, обходятъ молчаніемъ ихъ попытки къ рѣшенію вопросовъ государственнаго права и морали, давая тѣмъ самымъ поводъ думать, что интересъ къ нимъ не былъ возбужденъ на Западѣ раньше выхода въ свѣтъ латинскаго перевода Аристотелевой „Политики" въ серединѣ XIV вѣка. Не сомнѣваясь нимало въ рѣшительномъ вліяніи послѣдней на возрожденіе политическаго знанія, мы въ то же время категорически отрицаемъ фактъ отсутствія въ раннихъ схо

ластикахъ всякаго интереса къ политическимъ вопросамъ. Одно лишь недостаточное знакомство съ ихъ произведеніями,— незнакомство, легко объясняемое тѣмъ фактомъ, что отдѣльные памятники ихъ литературы до послѣдняго времени и даже въ наше время оставались или остаются неизданными, является причиной того, что большинство историковъ схоластической философіи доселѣ обходятъ молчаніемъ попытки обобщенія политическаго значенія, предшествовавшія во времени знакомству съ Аристотелевой „Политикой". Въ библіотекахъ отдѣльныхъ коллегій Оксфорда и въ Котоніанскомъ собраніи рукописей Британскаго музея хранятся доселѣ любопытные и мало кому извѣстные тексты. Только благодаря знакомству съ болѣе полными, нежели изданныя доселѣ, рукописями „Opus maius" и „Opus tercium" Роджера Бекона,— знакомству, пріобрѣтенному имъ частью въ лондонскихъ, частью въ оксфордскихъ и дублинскихъ библіотекахъ, французскій ученый Эмиль Шарль въ состояніи былъ возсоздать предъ нами нравственное и политическое міровоззрѣніе этого

величайшаго изъ мыслителей среднихъ вѣковъ. Чѣмъ для Шарля была неожиданная находка неизвѣстныхъ дотолѣ текстовъ Роджера Бекона, тѣмъ же является для меня неменѣе случайное открытіе въ Котоніанскомъ собраніи и въ библіотекѣ Мертонскаго коллегіума неизданныхъ доселѣ рукописей Геральда-дю-Барри и Винцента изъ Бовэ. Трактатъ Геральда-дю-Барри, важность котораго для политической исторіи Англіи была уже оцѣнена изслѣдователями вслѣдъ за появленіемъ одной лишь второй и третьей его частей, имѣетъ не меньшее значеніе и для историка политической мысли. Онъ знакомитъ насъ не только съ тѣмъ, каковы были ходячія въ его время политическія идеи и представленія, но и съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ отражались на нихъ событія той эпохи, въ которой жилъ Геральдъ. Мы не безъ удивленія находимъ въ этомъ произведеніи рядомъ съ теоріями о превосходствѣ монархическаго устройства мысли о правѣ подданныхъ низлагать правителей и даже призывать на престолъ иноземную

династію при первыхъ попыткахъ короля выродиться въ тирана. Являясь существеннымъ дополненіемъ къ появившемуся нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше „Поликратику“ Іоанна Салисберійскаго, трактатъ Геральда свидѣтельствуетъ не только о распространенности перваго въ средѣ писателей ранняго періода схоластики, но и о дальнѣйшемъ развитіи, какое подъ вліяніемъ политическихъ событій начала XIII вѣка приняло въ Англіи впервые высказанное въ средніе вѣка Іоанномъ ученіе о тираноубійствѣ.

Находка въ рукописяхъ Мертонскаго коллегіума затеряннаго трактата Винцента De morali principis institutione можетъ быть названа еще болѣе счастливой. Она даетъ намъ возможность признать въ Винцентѣ не только перваго энциклопедиста своего времени, осуществившаго въ своемъ громадномъ трудѣ ту самую задачу, къ какой въ древнемъ мірѣ стремился Платонъ или Аристотель, включая въ область своихъ изслѣдованій и богословіе, и этику, и исторію, и педагогію, и политику, но и наглядно выставляетъ предъ нами тѣ узкія рамки, въ какихъ до самаго момента ознакомленія Запада съ Аристотелевой „Политикой“ вращалась политическая мысль раннихъ схоластиковъ.

Однѣ эти совершенно случайныя находки подали намъ мысль восполнить существенный пробѣлъ, оставленный нашими предшественниками въ исторіи политическихъ ученій, и попытаться въ настоящемъ очеркѣ представить характеристику политической литературы въ ранній періодъ схоластики. Изученіе послѣдней въ нашихъ глазахъ интересно не столько само по себѣ, сколько по тому свѣту, какой оно бросаетъ на источникъ происхожденія цѣлаго ряда политическихъ теорій не только позднѣйшихъ схоластиковъ, но и такихъ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму, памфлетистовъ, какимъ былъ авторъ „Защиты Карла I“ Стюарта—Салмазій. Только заимствованіемъ имъ воззрѣній раннихъ схоластиковъ на превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми остальными можетъ быть объяснено

ученіе на этотъ счетъ Альберта Великаго или Θомы Аквината. Правда, и тотъ и другой одинаково ссылаются на Аристотеля [1]), но кто же изъ читавшихъ „Политику“ не знаетъ, что Аристотель никогда не считалъ монархіи наилучшимъ образомъ правленія, довольствуясь однимъ лишь причисленіемъ ея къ правильнымъ формамъ государственнаго устройства [2]). Наше мнѣніе о заимствованіи Θомой Аквинатомъ, а также Эгидіемъ Колонной, ученія о превосходствѣ монархическаго образа правленія не есть простая догадка. Лучшимъ доказательствомъ ей служитъ то обстоятельство, что вся аргументація въ пользу монархіи въ обоихъ трактатахъ — та самая, какую мы находимъ одинаково у Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Сходство доходитъ иногда до почти буквальнаго воспроизведенія самыхъ выраженій раннихъ схоластиковъ. Подкрѣпимъ сказанное примѣромъ. Слѣдуя въ этомъ отношеніи Плутарху и Іоанну Салисберійскому, Геральдъ-дю-Барри въ своемъ трактатѣ De instructione principum старается доказать превосходство единовластія самою естественностью этого порядка. Послѣдній, по его мнѣнію, встрѣчается и въ роѣ пчелъ, и въ стаѣ лебедей, и въ стадѣ быковъ. Его же мы находимъ и въ устройствѣ вселенной, которой правитъ одинъ Богъ, и въ устройствѣ человѣка, которымъ управляетъ одинъ разумъ [3]). Сопоставимъ этотъ отрывокъ съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ трактата, первая часть котораго принадлежитъ

---

[1]) Комментируя текстъ 9-й главы третьей книги „Политики“, Альбертъ Великій замѣчаетъ: „Postquam Aristotelis determinavit de politiis in communi, determinat de eis in speciali et primo de regno quod dicit esse optimam reipublicae formam“. (Alberti Magni Ratisbonensis episcopi, ordinis praedicatorum in octo lib. Politicorum Aristotelis commentarii, въ Beati Alberti Magni operum tomus IV-us, Lugduni (651.). — Сравни Комментарій Θомы Аквината на ту же „Политику“ (въ любомъ изъ полныхъ собраній его сочиненій).

[2]) Ср. кн. III Аристотелевой „Политики“.

[3]) Mss. Cott. Julius B XIII (Br. Mus.) Giraldi Cambrensis de principis instructione, fol. 49.

Θомѣ Аквинату, De regimine principum (кн. I, гл. 2): „Распространенный въ природѣ порядокъ есть единовластіе, членами человѣческаго тѣла управляетъ сердце, а способностями души разумъ. Пчелами начальствуетъ одна царица и во всемъ мірѣ правитъ одинъ Богъ" и т. д. [1]) Вѣкъ спустя Фортескью, говоря о монархіи какъ о наилучшемъ и естественнѣйшемъ образѣ правленія, пишетъ опять-таки подъ вліяніемъ раннихъ схоластиковъ, знакомство съ которыми доказываютъ его неоднократныя ссылки на долго затерянный трактатъ Винцента De morali principis institutione [2]). Еще два вѣка позднѣе мы въ состояніи открыть въ сочиненіяхъ Салмазія, ученѣйшаго компилятора своего времени, слѣды несомнѣннаго вліянія политической литературы раннихъ схоластиковъ. Не только тексты Св. Писанія, относящіеся къ вопросу о повиновеніи властямъ, подвергаются съ его стороны тому же толкованію, что и у Геральда или Винцента, но и цѣлыя строки представляютъ собою не болѣе какъ перефразировку отдѣльныхъ изреченій „Поликратика", трактатовъ De instructione principum и De morali principis institutione. Въ подкрѣпленіе этого послѣдняго положенія мы приведемъ слѣдующій отрывокъ. Разсуждая въ V главѣ I части своей „Defensio Regia Pro Carolo I" насчетъ превосходства монархіи надъ республикой, Салмазій, по примѣру раннихъ схоластиковъ, доказываетъ свою мысль естественностью этого порядка управленія. Не только Богъ, по его словамъ, управляетъ міромъ, а отецъ семейства—домочадцами, но и между животными мы встрѣчаемъ единоначаліе. Пчелы имѣютъ царя, одинъ бугай предводительствуетъ стадомъ и т. п. Тотъ же порядокъ мы встрѣ-

---

[1]) *Thomae Aquinatis.* De Regimine principum libri quatuor, Lugduni Batavorum 1630, lib. I., caput II. Quod utilius est multitudinem hominum simul viventium regi per unum quam per plures. Однохарактерныя мѣста можно встрѣтить и въ сочиненіи Эгидія De Regimine principum.

[2]) Ссылки на это сочиненіе встрѣчаются въ трактатѣ Фортескью De natura legis naturae. См. полное собраніе сочиненій Фортескью, изд. лорд. Клермонтомъ.

чаемъ между птицами, въ частности между гусями, —все примѣры, непосредственно заимствованные у Геральда или Винцента [1]).

Изъ сказаннаго видно, какое громадное вліяніе на развитіе монархической теоріи въ Европѣ играли политическія ученія раннихъ схоластиковъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи выступаетъ ихъ значеніе для историка развитія политическихъ идей. Являясь поборниками монархіи, писатели ранняго періода схоластики, какъ мы увидимъ ниже, въ то же время по соображеніямъ религіознаго характера допускаютъ возможность не только низверженія, но и казни правителя, нарушающаго въ своихъ дѣйствіяхъ велѣнія Божескаго закона и вырождающагося по этому самому въ тирана. Это крайнее ученіе, неоднократно находившее себѣ примѣненіе и на практикѣ, заимствовано было у раннихъ политическихъ писателей схоластики не только католическими писателями, въ родѣ іезуитовъ Маріаны и Суареца, но и протестантскими— Дю-Плесси-Морнэ, Бухананомъ и др. [2]).

Не одними этими крайними ученіями въ двухъ радикально противоположныхъ направленіяхъ обязаны мы политическимъ писателямъ ранняго періода схоластики. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ еще если не зародышъ, то во всякомъ случаѣ передачу той органической теоріи государства, которую почему-то привыкли считать чуть не послѣднимъ словомъ соціологіи. Высказанная уже Плутархомъ, положенная имъ въ основу всего его трактата „О республикѣ“, эта теорія унаслѣдована была нами отъ древности лишь благодаря посредничеству Іоанна Салисберійскаго. То обстоятельство, что въ средѣ англичанъ она въ разныя столѣтія находила ревностныхъ приверженцевъ въ лицѣ ли Гоббса, автора „Левіаѳана“,

---

[1]) См. Defensio Regia Pro Carolo I. 1649 г. стр. 136 и 137.

[2]) См. *Поль Жане.* **Исторія политики въ связи съ развитіемъ науки о нравственности. Т. I. „Католическая лига и кальвинисты во Франціи“. Лучицкаго.** Jean Bodin et son temps **Бодрильяра. Бухананъ,** — De Jure Regni apud Scotos.

или одного изъ основателей соціологіи, Герберта Спенсера,— въ нашихъ глазахъ далеко не является случайностью. Англичанинъ по происхожденію, Іоаннъ Салисберійскій оказалъ своимъ „Поликратикомъ“ рѣшительное вліяніе на ходъ развитія политической мысли въ Англіи. Ученіе Гоббса о государствѣ какъ о гигантскомъ животномъ организмѣ, левіаѳанѣ, слишкомъ близко стоитъ къ основной мысли „Поликратика“, чтобы допускать возможность сомнѣнія въ филіаціи идей Гоббса и Плутарха въ этомъ отношеніи. Вліяніе же, какое Гоббсъ оказалъ на всю новѣйшую политическую литературу Англіи, включая въ нее и Спенсеровы „Основанія Соціологіи“, едва ли станетъ отрицать всякій, знакомый въ подлинникѣ съ его сочиненіемъ.

Говорить послѣ этого о томъ, что изученіе политической литературы ранняго періода схоластики любопытно только для начетчиковъ, что оно не бросаетъ свѣта на ходъ развитія политическихъ идей и представленій новаго времени,— едва ли будетъ справедливо. Представляемый нами очеркъ, надѣемся мы, не только измѣнитъ ходячія доселѣ воззрѣнія о полномъ отсутствіи политической литературы ранѣе второй половины XIII вѣка, не только укажетъ на преемство между высказанными ею ученіями и тѣми теоріями, какія нашли выраженіе себѣ въ литературѣ Западной Римской имперіи и Византіи, но и откроетъ въ нихъ зародышъ цѣлаго ряда воззрѣній, которымъ суждено было развиться въ послѣдующіе вѣка и оказать несомнѣнное вліяніе какъ на политическую, такъ и на умственную жизнь новыхъ народовъ.

§ 7. Въ одномъ изъ предшествующихъ параграфовъ мы видѣли, какого рода литературные образцы находились въ обращеніи между церковными писателями второй половины среднихъ вѣковъ. Обстоятельный разборъ ихъ содержанія привелъ насъ къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ дидактическими разсужденіями частью классическаго, частью византійскаго періода греческой жизни,—разсужденіями, сдѣлавшиися доступными Западу въ латинскихъ переводахъ непо-

средственно съ греческихъ оригиналовъ или съ арабскихъ передачъ послѣднихъ. Покрываемыя авторитетомъ такихъ громкихъ именъ, какъ Аристотель или Плутархъ, эти послѣднія сочиненія нашли тѣмъ легче широкое распространеніе въ средѣ духовенства, что по формѣ своей мало чѣмъ отличались отъ церковныхъ проповѣдей, а по содержанію вполнѣ отвѣчали ходячимъ въ то время нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ.

Нашей ближайшей задачей будетъ изученіе возникшей по образцу частью греческихъ, частью византійско-арабскихъ оригиналовъ, политико-дидактической литературы въ ранній періодъ схоластики, вплоть до времени открытія и перевода на латинскій языкъ Аристотелевой „Политики". Вопросы, долженствующіе занять насъ въ настоящее время, касаются отношеній, въ какихъ эта древнѣйшая политическая философія схоластиковъ стоитъ къ иностраннымъ образцамъ.

Въ древнѣйшемъ и наиболѣе извѣстномъ произведеніи раннихъ схоластиковъ,—въ „Поликратикѣ" Іоанна Салисберійскаго и форма и содержаніе являются, первая вполнѣ, вторая отчасти, результатомъ непосредственнаго заимствованія. Обходя молчаніемъ первую часть этого сочиненія, какъ не представляющую никакого политическаго интереса, мы ограничимъ нашъ разборъ четвертой, пятой и шестой книгами, заключающими въ себѣ родъ нравственно-политическаго разсужденія объ обязанностяхъ всѣхъ и каждаго изъ составныхъ органовъ государства Въ этомъ отдѣлѣ своего трактата Іоаннъ Салисберійскій, какъ онъ самъ сознается, всецѣло слѣдуетъ избранному имъ оригиналу—книгѣ Плутарха „О республикѣ", написанной, какъ онъ утверждаетъ, въ назиданіе императору Траяну.

Мы имѣли уже случай замѣтить выше, что это сочиненіе дошло до насъ лишь въ ничтожномъ отрывкѣ, который, будучи сопоставленъ съ нѣкоторыми главами „Поликратика", даетъ право заключить, что затерянное произведеніе Плутарха есть то самое, которымъ пользовался Іоаннъ Са-

лисберійскій. Въ настоящее время намъ предстоитъ показать, что въ развитіи своихъ политическихъ воззрѣній авторъ „Поликратика“ слѣдовалъ тому же плану, по которому расположены отдѣльныя главы не дошедшаго до насъ разсужденія.

Немногихъ извлеченій достаточно для подкрѣпленія этого взгляда. Шестая книга „Поликратика“ начинается прологомъ, въ которомъ авторъ объявляетъ, что его задачей будетъ приведеніе того, что думалъ Плутархъ объ организмѣ государства (или республики) [1]). Слѣдующая за тѣмъ глава содержитъ въ себѣ передачу содержанія письма, приписываемаго Плутарху и адресованнаго къ императору Траяну. Слова Іоанна Салисберійскаго: „говорятъ, что эпистола такова“—„ea (т.-е. эпистола) dicitur esse hujusmodi—показываютъ, что принадлежность этого произведенія Плутарху далеко не являлась доказанной въ его глазахъ.

Приступая къ выполненію своей задачи, Іоаннъ Салисберійскій прежде всего говоритъ, что́, согласно Плутарху, слѣдуетъ разумѣть подъ терминомъ республика и переходитъ затѣмъ къ описанію ея составныхъ частей, души—или духовенства, головы—или короля, сердца — или сената, органовъ внѣшнихъ чувствъ — правителей и судей, рукъ — чиновниковъ и воиновъ, желудка — финансовыхъ агентовъ, ногъ — крестьянъ.

Первымъ въ порядкѣ изложенія является разсужденіе о духовенствѣ—или душѣ государства. Этому предмету Іоаннъ Салисберійскій посвящаетъ рядъ главъ, начиная съ третьей и оканчивая пятой включительно. Въ теченіе всего изложенія онъ не разъ напоминаетъ читателю о своемъ образцѣ, говоря то объ уваженіи, которымъ, по мнѣнію Плутарха („in intentione Plutarchi“), слѣдуетъ окружать Бога и Его церковнослужителей, то о четырехъ причинахъ,—рожденіи, характерѣ за-

[1]) Modesta ergo brevitate, in inspiciendo corpore ejus (Reipublicea), nmoremur, atquid super hoc Plutarchus censeat audiatur (liber quintus, pro-)gus). См. Patres ecclesiae Anglicanae, Ioannis Sarisberiensis Opera Omnia зд. Gilles, Oxford, 1848 г., т. III, стр. 261.

нятій, нравственности и матеріальномъ положеніи, которыми, по мнѣнію Плутарха, обусловливается уваженіе къ людямъ [1]).

Сказавши о душѣ государства, Іоаннъ Салисберійскій переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей его тѣла, и прежде всего головы—короля. „Поступая такимъ образомъ,— говоритъ онъ,—мы идемъ по слѣдамъ Плутарха". Разсужденію о королѣ Іоаннъ Салисберійскій посвящаетъ въ шестой книгѣ лишь нѣсколько главъ, касаясь не столько общихъ вопросовъ о характерѣ и обязанностяхъ правителя, сколько, такъ сказать, прикладныхъ, въ родѣ слѣдующихъ, напримѣръ: каковъ порядокъ его избранія, какія его преимущества, какое добро и зло можетъ произойти отъ него для подданныхъ и т. п. Молчаніе, какимъ въ этомъ отдѣлѣ Іоаннъ Салисберійскій обходитъ самые существенные вопросы объ отличіи монарха отъ тирана, о подчиненіи перваго Божескому закону и т. п., объясняется тѣмъ, что всѣ эти положенія съ подробностью разсматриваются имъ въ отдѣльной книгѣ, предшествующей по порядку разбираемой нами. Хотя въ этой послѣдней Іоаннъ Салисберійскій и не говоритъ о заимствованіи у Плутарха ничего, кромѣ отдѣльныхъ мыслей объ умѣ-

[1]) Третья глава шестой книги носитъ слѣдующее заглавіе: Quae praecipue versentur in intentione Plutarçhi, et de reverentia exhibenda Deo et rebus sacris". Въ четвертой главѣ мы встрѣчаемъ слѣдующую ссылку на Плутарха: „Ex praemissis quatuor locis, naturae, officii, morum, conditionis, totius reverentiae manere credit originem". Весь отдѣлъ заканчивается словами:" Haec de his quae in politica constitutione Plutarchi arcem animae obtinent (книга V-я, гл. V-я). Въ одномъ лишь отношеніи Іоаннъ Салисберійскій считаетъ нужнымъ высказаться рѣшительно противъ своего образца и пойти наперекоръ ему. Какъ христіанскій писатель, онъ необходимо долженъ былъ исключить изъ своего изложенія или, по крайней мѣрѣ, оговорить тѣ части Плутархова разсужденія, въ которыхъ рѣчь идетъ о многобожіи; неудивительно, если въ „Поликратикѣ" мы встрѣчаемъ мѣсто въ родѣ слѣдующаго: Nam, *deducta superstitione gentilium*, fidelis est (Plutarchus) in sententiis etc. Или: „Ea vero quae cultum religionis in nobis instituunt et informant, et Dei (*ne secundum Plutarchum Deorum dicam*) ceremonias tradunt, vicem animae in corpore Reipublicae obtinent (кн. V, прологъ и гл. II-ая).

ренности, какъ необходимомъ условіи хорошаго правителя [1]), тѣмъ не менѣе изъ этого умолчанія мы не въ правѣ заключить объ оригинальности его ученія насчетъ характера монарха и тирана. Изъ дошедшаго до насъ отрывка Плутархова разсужденія о республикѣ мы узнаемъ въ самомъ дѣлѣ, что въ числѣ затронутыхъ имъ здѣсь вопросовъ стоялъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ монархъ вырождается въ тирана. Іоаннъ Салисберійскій, а по его примѣру и другіе ранніе представители схоластической философіи легко могли заимствовать у Плутарха высказанныя имъ на этотъ счетъ мысли, точь-въ-точь какъ впослѣдствіи Ѳома Аквинатъ, Эгидій Колонна и другіе позднѣйшіе схоластики цѣликомъ усвоили себѣ неизвѣстное въ XII в. ученіе Аристотеля объ отличіи монарха отъ тирана. Представляемымъ нами соображеніемъ легко объясняется противорѣчіе въ воззрѣніяхъ на тирана раннихъ и позднихъ схоластиковъ,—противорѣчіе, которое, если принять нашъ взглядъ, сводится въ концѣ-концовъ къ различію между ученіями, высказанными на этотъ счетъ въ разное время Аристотелемъ и Плутархомъ. Тогда какъ первый, живя на недалекомъ разстояніи отъ господства въ Греціи республиканской формы правленія и среди наслѣдственной монархіи македонянъ, самыми обстоятельствами своего времени призванъ былъ къ рѣшительному отрицанію тираніи, какъ формы правленія, при которой правящій преслѣдуетъ одни личные интересы, Плутархъ, какъ современникъ имперіи,—этой новой формы старинной греческой тираніи,—не могъ найти въ послѣдней другого недостатка,

---

[1]) De magistratuum moderatione, говоритъ Іоаннъ Салисберійскій, librum fertur scripsisse Plutarchus, qui inscribitur Archigrammaton, et magistratum suae urbis ad patientiam et justitiae cultum verbis instituisse dicitur. Дальнѣйшее изложеніе представляетъ рядъ извлеченій не столько изъ подлиннаго сочиненія Плутарха объ обязанностяхъ чиновниковъ, сколько изъ его апокрифическаго жизнеописанія. (Сравни *Volkman'a* Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch) (См., гл. 8, кн. IV „Поликратика", изд. Жилля, т. III, стр. 247).

кромѣ того произвола, какой позволяетъ себѣ правитель, не связанный законами. Игнорированіе интересовъ подданныхъ случайно захватившимъ престолъ правителемъ—таковъ характеръ тираніи въ глазахъ Аристотеля. Свобода отъ законовъ и освященныхъ обычаемъ установленій—единственное отличіе тирана отъ короля, по мнѣнію Плутарха. Іоаннъ Салисберійскій держится того же взгляда, что и Плутархъ, когда говоритъ: „Отличіе короля отъ тирана состоитъ въ томъ, что первый подчиняется закону и на основаніи его управляетъ народомъ, смотря на себя какъ на его служителя и пользуясь сообщаемымъ ему законами преимуществомъ лишь для того, чтобы быть первымъ въ несеніи государственныхъ тягостей и службъ". Вся четвертая книга „Поликратика" является поэтому въ моихъ глазахъ не болѣе какъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ, какіе можно было бы найти въ Плутарховомъ разсужденіи „О республикѣ", если бы послѣднее, къ несчастію, не дошло до насъ въ одномъ лишь не имѣющемъ начала и конца отрывкѣ. Сказанное требуетъ одной оговорки: весь отдѣлъ объ отношеніи короля къ папѣ, являющійся не болѣе какъ выраженіемъ притязаній римскаго двора на духовную и свѣтскую власть, несомнѣнно вполнѣ оригиналенъ. Такъ какъ все разсужденіе объ отличіи монарха отъ тирана клонится, повидимому, къ признанію необходимости подчиненія короля главѣ западнаго христіанства, то Іоаннъ Салисберійскій и выдѣлилъ его въ отдѣльную книгу, нарушая тѣмъ самымъ принятый имъ порядокъ изложенія по Плутарху.

Въ 9-ой главѣ шестой книги авторъ „Поликратика", переходя къ разсмотрѣнію характера сената, снова напоминаетъ читателю о томъ, что принятый имъ планъ изложенія взятъ изъ греческаго образца. Въ разсужденіи о рукахъ и ногахъ государства,—другими словами, о воинахъ и крестьянахъ, Іоаннъ Салисберійскій въ теченіе всего изложенія неоднократно ссылается на Плутарха и заканчиваетъ политическую часть своего трактата слѣдующимъ заявленіемъ, не оставляющимъ поля для сомнѣнія: „Прочти внимательно тѣ институты Траяна,

о которыхъ я здѣсь упоминаю, и ты найдешь все вышеприведенное" [1]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что знаменитый Policraticus не болѣе какъ передѣлка затеряннаго трактата Плутарха „О республикѣ", — передѣлка, приспособленная къ обстоятельствамъ времени и обогащенная цѣлымъ рядомъ главъ, затрогивающихъ современные вопросы или приводящихъ примѣры въ доказательство старыхъ истинъ изъ исторіи новыхъ народовъ. Говоря это, мы тѣмъ самымъ указываемъ уже на то, что не только форма, но и содержаніе трактата въ значительной степени должно быть признано заимствованнымъ. Начать съ того, что основное ученіе о государствѣ какъ объ организмѣ, о монархіи какъ о формѣ государственнаго устройства, наиболѣе отвѣчающей природѣ, и о необходимости полнаго согласія между составными частями общественнаго тѣла, по собственному сознанію автора, взяты имъ у Плутарха. Прибавимъ къ этому, что и въ развитіи частностей своего ученія Іоаннъ Салисберійскій опять-таки держится не кого другого, какъ Плутарха, списывая у него на этотъ разъ цѣлыя страницы изъ другого его сочиненія, къ счастью, дошедшаго до насъ и извѣстнаго подъ латинскимъ заглавіемъ: „Принципы управленія республикою". Другіе классики, въ числѣ ихъ цѣлый рядъ римскихъ стихотворцевъ, философовъ и историковъ, вмѣстѣ съ средневѣковыми книгами Священнаго Писанія и отцами церкви, средневѣковыми хрониками и историческими повѣстями, доставляютъ Іоанну Салисберійскому матеріалъ для многочисленныхъ вставокъ, примѣровъ и доказательствъ отдѣльныхъ положеній четвертой, пятой и шестой книгъ.

---

[1]) Для примѣра мы можемъ сослаться на слѣд. главы: кн. V, гл. VIII. Quare Trajanus videtur omnibus proeferendus., кн. V, гл. XII. De collatione Pythagor. et Alexandri, кн. V, гл. XIV. De ratione instrumentum, кн. VI, гл. IV и слѣд. о званіяхъ, необходимыхъ воину и воинскихъ доблестяхъ, съ примѣрами изъ жизни Цезаря, Августа, Генриха II (гл. XVIII) и др.

Два лишь ученія „Поликратика“, хотя и примыкающія къ тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Плутарха „О республикѣ“, могутъ быть названы вполнѣ оригинальными; это, съ одной стороны, ученіе о папѣ, какъ о главѣ не только церкви, но и государства, а съ другой — ученіе о тиранѣ и отношеніи къ нему подданныхъ. Первое легко можетъ быть поставлено въ близкое соотношеніе съ тѣмъ, что говоритъ Плутархъ о духовенствѣ какъ о душѣ республики, второе, какъ уже замѣчено нами, въ значительной мѣрѣ вытекаетъ изъ ученія того же автора о вырожденіи монархіи. При всемъ томъ и то и другое носятъ вполнѣ характеръ современности; видно, что авторъ затрогиваетъ жизненные вопросы и, излагая отвлеченныя положенія, даетъ лишь выраженіе воззрѣніямъ и требованіямъ ультрамонтанской партіи, которой онъ является однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей.

Рядомъ съ „Поликратикомъ“ надо поставить трактатъ извѣстнаго Геральда-дю-Барри „О воспитаніи князей“. Авторъ его призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль въ церковной и политической исторіи конца XII и начала XIII вѣка. Пребываніе при дворѣ Генриха II, Ричарда I и Іоанна Безземельнаго [1]) сдѣлалось для него источникомъ близкаго знакомства съ политикой Плантагенетовъ. Принадлежа къ членамъ высшаго духовенства, Геральдъ раздѣлялъ вполнѣ ненависть, съ какой церковь относилась къ убійцамъ Томаса Бекета и къ расточителямъ ея вѣками накопленныхъ сокровищъ. Ричардъ I, самовольно продающій церковныя ризы и драгоцѣнныя чаши, чтобы собрать суммы, необходимыя для уплаты требуемаго съ него выкупа, въ глазахъ Геральда — такой же ненавистный тиранъ, какъ и Генрихъ II, подославшій убійцъ архіепископа кентерберійскаго Томаса Бекета [2]).

---

[1]) См. *Wright*, Biographia britannica letteraria, 1846, стр. 388.

[2]) Геральдъ-дю-Барри считаетъ Генриха II угнетателемъ дворянства, продавцомъ правосудія, измѣнникомъ вѣрѣ и нарушителемъ таинствъ, общественнымъ прелюбодѣемъ (adultor publicus) и т. д.

Въ предисловіи къ своему трактату Геральдъ говоритъ, что намѣренъ поучать князей столько же сентенціями, сколько примѣрами. Приведеніе первыхъ изъ богословскихъ, политическихъ и нравственныхъ твореній какъ древнихъ писателей, такъ и средневѣковыхъ наполняетъ собою первую часть его трактата. Сказавши правителямъ, что они должны дѣлать и чего избѣгать, Геральдъ во второй и третьей части показываетъ на исторіи королей Анжуйской династіи въ Англіи, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ отступленіе отъ изложенныхъ имъ въ первой части правилъ поведенія. Такимъ образомъ всѣ три части представляютъ одно, хотя, правда, и искусственное, цѣлое. Сказанное нисколько не опровергаетъ того, что со словъ самого Геральда признаютъ всѣ его комментаторы; я разумѣю составленія трактата въ разное время въ теченіе сорока лѣтъ, постепенное пополненіе и измѣненіе авторомъ отдѣльныхъ частей и главъ. Легко можетъ быть, что на первыхъ порахъ Геральдъ [1]) имѣлъ въ виду ограничиться составленіемъ одного лишь нравственнаго поученія, что историческая часть задумана была имъ отдѣльно и лишь впослѣдствіи присоединена къ первой. Неоднократныя повторенія во второй и третьей книгахъ того, что уже было сказано въ первой, прямо указываютъ на первоначальное намѣреніе автора написать два независимыхъ другъ отъ друга сочиненія; противорѣчивыя же мнѣнія, высказываемыя объ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныхъ мѣстахъ не только всего сочиненія, но одной и той же книги [2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что составленіе ихъ происходило исподоволь, по мѣрѣ собиранія матеріала.

---

[1]) Геральдъ говоритъ о короляхъ Англіи какъ о тиранахъ; такъ въ первой книгѣ въ XVI главѣ и въ третьей, главы XXVIII и XXXI.

[2]) Сравни то, что Геральдъ говоритъ объ Іоаннѣ Безземельномъ въ XXVIII книгѣ, съ тѣмъ, что сказано имъ объ этомъ монархѣ въ заключительной главѣ.

Прибавимъ къ сказанному, что единственная дошедшая до насъ редакція не можетъ считаться древнѣйшей [1]) и что время составленія ея относится къ началу царствованія Генриха III, тогда какъ первыя главы первой редакціи, по указанію самого автора, написаны имъ въ ранней юности,—другими словами, при Генрихѣ II [2]).

Не имѣй мы передъ глазами заключительной главы и предисловія, ничто не помѣшало бы намъ смотрѣть на отдѣльныя части сочиненія Геральда какъ на совершенно независимые другъ отъ друга трактаты.

Глава, которой заканчивается третья книга, написана не ранѣе двадцатыхъ годовъ XIII вѣка; иначе бы въ ней не было той неблагопріятной оцѣнки внутренней политики Іоанна Безземельнаго, которая составляетъ главнѣйшій ея интересъ. Что же касается до предисловія, то до насъ ихъ дошло два [3]): одно — относящееся за разъ ко всѣмъ тремъ книгамъ. другое — написанное какъ бы для одной первой. Легко можетъ статься, что послѣднее и есть древнѣйшее; въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ допустить, что единства отдѣльныя части достигли лишь при второй редакціи.

---

[1]) Доказательствомъ тому, что дошедшая до насъ редакція не есть древнѣйшая, служитъ одно мѣсто изъ 28 главы третьей части De instructione principum. Сравни предисловіе къ изданію второй и третьей части трактата, — изданію, сдѣланному на счетъ общества „Anglia Christiana" въ 1846 году.

[2]) Какъ замѣчено было уже издателями второй и третьей части трактата, Геральдъ, упоминая въ 28 главѣ третьей книги о королѣ, Іоаннѣ Безземельномъ, говоритъ о немъ какъ о покойникѣ, изъ чего прямо слѣдуетъ, что въ дошедшей до насъ редакціи глава эта написана не ранѣе первыхъ годовъ царствованія Генриха III. Что первыя главы первой редакціи De instructione principum написаны авторомъ въ правленіе Генриха II, въ томъ убѣждаетъ насъ самъ авторъ, говорящій о нихъ въ письмѣ къ членамъ капитула въ Герефордѣ и въ нѣкоторыхъ оставленныхъ имъ документахъ какъ объ одномъ изъ произведеній своей юности (см. стр. IX и XVI названнаго предисловія).

[3]) См. *Geraldus Cambrensis*, De instructione Principis libri tres, 1846 г., Appendix.

Итакъ то обстоятельство, что Геральдъ въ первой части своего трактата открыто высказывается въ пользу единодержавія, а въ 28 главѣ третьей книги даетъ скорѣе лестный, нежели неблагопріятный отзывъ объ Іоаннѣ Безземельномъ, нимало не противорѣчитъ высказанной уже вѣкъ назадъ догадкѣ, что въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, трактатъ о воспитаніи князя вызванъ былъ къ жизни политическими обстоятельствами времени. Пока король Іоаннъ Безземельный былъ не болѣе какъ вѣрнымъ слугою папы, Геральдъ могъ, какъ онъ и дѣлаетъ это [1]), молить Бога о продленіи его царствованія въ интересахъ обезпеченія мира государства и свободы церкви. Какъ только однако тотъ же король вступилъ въ борьбу съ членами высшаго духовенства и свѣтской аристократіей, Геральдъ, этотъ неумолимый противникъ Анжуйскаго дома, поспѣшилъ сдѣлаться приверженцемъ партіи, благопріятной свободѣ и имѣвшей своимъ предводителемъ его іерархическаго главу—архіепископа Лангтона. Доказать правоту поднятаго баронами дѣла описаніемъ тираническаго правленія королей Анжуйскаго дома и преподать вмѣстѣ съ тѣмъ молодому монарху рядъ нравственныхъ уроковъ, подкрѣпляемыхъ примѣрами изъ исторіи его предшественниковъ, — таковы, быть-можетъ, настоящіе мотивы, побудившіе Геральда къ обнародованію трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Нельзя, конечно, допустить, чтобы сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, было, какъ думали его французскіе издатели, политической сатирой, впервые появившейся въ самый разгаръ междоусобной войны [2]). Ничто не мѣшаетъ, однако, допустить, что въ немъ авторъ не прочь былъ дать нравственное оправданіе поведенію тѣхъ изъ бароновъ и членовъ высшаго духовенства, которые, не разсчитывая добиться свободы при Плантагенетахъ, не отсту-

[1]) Tercia distinctio, cap. 28. Quartum autem filiorum Regis Henrici ad tranquillam populi pacem et ecclesiasticam libertatem conservat Deus in tempora longa.

[2]) См. *Boucquet* Recuéil des Historiens des Gaules, m. XVIII.

пали передъ мыслью объ измѣнѣ и готовы были призвать на англійскій престолъ королей враждебной англичанамъ націи [1]).

Трактатъ о воспитаніи князей прежде всего — сборникъ нравственныхъ сентенцій, по образцу тѣхъ, какія въ XII и XIII вѣкахъ подъ покровомъ именъ Аристотеля и Плутарха пользовались широкимъ распространеніемъ преимущественно при дворѣ князей и правителей. Возьмемъ для примѣра главу о томъ, какъ монарху приличествуетъ быть справедливымъ. Она начинается съ утвержденія, что нѣтъ добродѣтели, болѣе необходимой правителю, какъ справедливость; ею поддерживается общественный союзъ (societatis vinculum servans), ею сохраняется всеобщая безопасность и спокойствіе и удерживается въ нужныхъ предѣлахъ дерзость честолюбцевъ. Каждое изъ этихъ положеній подкрѣпляется многочисленными извлеченіями изъ священныхъ книгъ, сочиненій отцовъ церкви, сентенцій Варрона, изреченій Цицерона и Сенеки и т. п. Приведшій ихъ авторъ продолжаетъ: „Не одна сила оружія украшаетъ правителя, но и хорошіе законы“ — за чѣмъ опять слѣдуетъ рядъ цитатъ изъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей. Очевидно, во всемъ этомъ мало оригинальности, зато — широкое поле для обнаруженія своей начитанности какъ въ свѣтской, такъ, въ особенности, и въ духовной литературѣ.

Болѣе интереса представляютъ нѣкоторыя теоретическія положенія, встрѣчающіяся преимущественно въ первой и шестнадцатой главахъ. Они не обнаруживаютъ, правда, большой самостоятельности въ авторѣ, зато показываютъ переходъ идей Плутарха къ древнѣйшимъ схоластикамъ.

Уже авторъ „Поликратика“, являясь, какъ онъ самъ говоритъ, не болѣе какъ толкователемъ Плутарховыхъ ученій, неоднократно настаивалъ на мысли о томъ, что монархія, какъ наиболѣе отвѣчающая природѣ форма правленія, потому самому должна быть признана наилучшей. „Цицеронъ и Пла-

---

[1]) Въ XXXI главѣ третьей книги.

тонъ,—говоритъ онъ,—неоднократно назидаютъ,что общественная жизнь должна подражать природѣ,—лучшему руководителю. Сказавши это, Іоаннъ Салисберійскій приводитъ длинное извлеченіе изъ стихотворенія Виргилія. Въ этомъ стихотвореніи, между прочимъ, описывается жизнь пчелъ, не имѣющихъ другого правителя, кромѣ короля. „Счастливы,—прибавляетъ отъ себя авторъ „Поликратика", — народы, создавшіе въ своей средѣ тотъ же порядокъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Іоаннъ Салисберійскій указываетъ на фактъ господства головы надъ прочими членами, какъ на доказательство необходимости подчиненія народа власти одного [2]). Очевидно всѣ эти сравненія, первообразъ которыхъ мы находимъ у Аристотеля [3]), извѣстны были автору „Поликратика", незнакомому съ „Политикой", лишь чрезъ посредство затеряннаго трактата Плутарха.

Ему же, очевидно, слѣдуетъ, какъ своему образцу, и Геральдъ, когда въ первой главѣ своего „De instructione Principum" доказываетъ естественность монархическаго строя примѣромъ не однѣхъ только пчелъ, но и гусей и стадъ быковъ, въ которыхъ, говоритъ онъ, толпа всегда слѣдуетъ за однимъ. При отсутствіи одного правителя надъ всѣмъ царствомъ, послѣднее или распадется, или лишено надлежащаго управленія [4]).

Какъ и въ главѣ о справедливости, разбираемый нами писатель не ограничивается и на этотъ разъ однимъ развитіемъ своего болѣе или менѣе заимствованнаго тезиса, но думаетъ подкрѣпить его ссылками на Священное Писаніе и историческими примѣрами. „Соломонъ,—говоритъ онъ,—объ-

---

[1]) Polycraticus, кн. 6, гл. 21.

[2]) Princeps vero capitis in Republica obtinet locum uni subjectus Deo . . . quoniam et in humane corpore . . . . . . caput. . . . . . . regit (кн. 5, гл. 2).

[3]) Смотри ниже.

[4]) Mss. Coton. Iulius. B. XIII, fol 79 r. In apibus rex unus est. . . . . Non lum in apibus, avibus aut brucis animalibus, verum in hominibus. . . . . principalis potestas est necessaria.

являетъ: „гдѣ нѣтъ правителя, тамъ гибнетъ царство“. То же утверждаетъ и апостолъ Павелъ. Необходимость монархіи доказывается еще и тѣмъ, что Римъ долгое время управлялся царями [1]).

Подобно Іоанну Салисберійскому, Геральдъ обнаруживаетъ наибольшую самостоятельность въ той части своего политическаго разсужденія, которая посвящена установленію различія между монархомъ и тираномъ. Весь этотъ отдѣлъ скорѣе можетъ быть названъ сатирой на современныхъ ему правителей Англіи, нежели отвлеченнымъ изложеніемъ характерныхъ признаковъ отличія короля и тирана. Мы не находимъ у Геральда даже тѣхъ довольно темныхъ намековъ на то, что первый связанъ, второй не связанъ законами, какіе мы встрѣчаемъ у автора „Поликратика“. Геральдъ, очевидно, не имѣетъ другой задачи, какъ заклеймить именемъ тирановъ королей Анжуйскаго дома, дѣйствія которыхъ какъ разъ подходятъ подъ тѣ, какія онъ приписываетъ тирану. Шестнадцатая глава, въ которой изложено ученіе Геральда о различіи между королемъ и тираномъ, не представляя собою никакого теоретическаго интереса, въ то же время крайне любопытна для того, кто ищетъ въ исторіи политической литературы отраженія историческихъ событій. Сближенная съ другими главами того же трактата, въ которыхъ Геральдъ описываетъ дѣйствія Генриха II и его преемниковъ по отношенію къ государству и церкви, она способна доставить намъ богатый матеріалъ для исторіи умственнаго переворота, совершившагося въ рядахъ духовенства въ концѣ XII и первой четверти XIII вѣка и обратившаго членовъ послѣдняго въ непримиримыхъ противниковъ абсолютизма и въ заговорщиковъ противъ короля и династіи.

Писатель, котораго мы намѣрены коснуться теперь, принадлежитъ Франціи и XIV-му вѣку. Это не кто иной, какъ знаменитый авторъ „Speculum naturale, morale et historiale“,—

---

[1]) Ibid., fol 49.

другими словами, первый энциклопедистъ своего времени — Винцентъ изъ Бовэ. По приглашенію французскаго короля Людовика X и Теобельда, короля Наварры и герцога Шампаньи, предпринято было имъ, какъ онъ самъ говоритъ намъ въ прологѣ къ своему трактату, „De morali principis institutione“—обширное сочиненіе, имѣвшее своей задачей преподать рядъ чисто-педагогическихъ правилъ касательно воспитанія дѣтей вообще и нравственно-политическихъ совѣтовъ насчетъ наилучшаго порядка управленія государствомъ и церковью. Это широкое предпріятіе было приведено въ исполненіе по частямъ и только отчасти. Первымъ по времени составленія является отдѣлъ о воспитаніи дѣтей короля, который, по просьбѣ французской королевы Маргариты, Винцентъ согласился пустить въ обращеніе, не дожидаясь окончанія всего сочиненія. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ выполнилъ вторую половину своего проекта, издавъ трактатъ De morali principis institutione. Этотъ послѣдній дошелъ до насъ въ одной рукописи Мертонскаго коллегіума въ Оксфордѣ и посвященъ исключительно разсмотрѣнію вопросовъ объ организаціи свѣтской власти. Третья часть всего сочиненія, долженствовавшая, согласно первоначальному плану, обнять всю область церковнаго управленія, повидимому, не была написана и во всякомъ случаѣ не дошла до насъ. Въ полномъ своемъ видѣ сочиненіе Винцента разсчитано было на то, чтобы служить завершеніемъ громаднаго зданія полной энциклопедіи средневѣковыхъ познаній въ области естественныхъ наукъ, исторіи, богословіи и нравственности, педагогики, правовѣдѣнія и политики,—энциклопедіи, подобной той, какую представляютъ въ своей совокупности сочиненія Аристотеля и которая успѣшно могла быть выполнена во Франціи XVIII вѣка лишь благодаря дружному сотрудничеству лучшихъ умовъ времени. Подобно предшествующимъ сочиненіямъ, доведенныя до конца части политико-педагогической энциклопедіи Винцента заключаютъ въ себѣ не столько изложеніе самостоятельныхъ взглядовъ автора на затроги-

ваемые имъ вопросы, сколько сведеніе воедино современныхъ ему воззрѣній средневѣковыхъ схоластиковъ. Интересъ его для историка политической мысли сводится поэтому исключительно къ тому, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются ходячія въ началѣ XIV вѣка идеи и представленія насчетъ наилучшаго порядка управленія, составныхъ частей государственнаго организма, ихъ соотношенія другъ съ другомъ, правъ и обязанностей короля и качествъ, необходимыхъ для хорошаго управленія государствомъ. Этотъ опытъ построенія энциклопедіи государственныхъ наукъ, какъ я позволю себѣ назвать грандіозную попытку Винцента, любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что въ немъ содержатся ссылки на всѣ авторитеты времени и читатель пріобрѣтаетъ возможность сразу познакомиться какъ съ числомъ, такъ и съ характеромъ сочиненій, изъ которыхъ древнѣйшіе схоластики черпали свои свѣдѣнія о предметахъ права и политики. Въ одномъ мѣстѣ своего труда Винцентъ жалуется на то, что въ его время число нравственно-политическихъ разсужденій весьма ничтожно. Изъ самаго содержанія его трактата мы узнаемъ, что Аристотелева „Политика" была еще неизвѣстна въ его время, такъ какъ на нее ни разу не встрѣчается ссылокъ въ его сочиненіи, и что то, что привыкли принимать за выраженіе политическихъ ученій „князя философовъ", было не болѣе какъ апокрифическимъ трактатомъ несторіанца-христіанина при дворѣ одного изъ калифовъ,— трактатомъ, извѣстнымъ западно-европейскому міру въ латинскомъ переводѣ съ арабскаго языка и подъ вполнѣ арабскимъ наименованіемъ „Secreta Secretorum". Изъ этой „Тайны тайнъ" самъ Винцентъ заимствуетъ не столько содержаніе, сколько планъ изложенія отдѣльныхъ главъ болѣе нравственнаго, нежели политическаго характера. Главнымъ авторитетомъ для изучаемаго нами автора является, повидимому, Плутархъ, котораго онъ, однако, ни разу не цитируетъ иначе какъ на основаніи сочиненія Іоанна Салисберійскаго. Это даетъ прямое основаніе утверждать, что трактатъ Плутарх

не былъ переведенъ въ его время на латинскій языкъ, а потому лица, не знакомыя, подобно Винценту, съ греческимъ языкомъ, знали его въ одной лишь латинской обработкѣ Іоанна Салисберійскаго. Самое сочиненіе Винцента начинается съ изложенія ученія Плутарха о государственномъ организмѣ. „Государство,—учитъ Винцентъ,—состоитъ изъ двухъ классовъ лицъ: свѣтскихъ и духовныхъ. И тѣ и другія составляютъ какъ бы двѣ части одного и того же тѣла; лѣвую сторону его занимаютъ міряне, какъ служащіе интересамъ земной жизни, правую — духовенство, отъ котораго мы получаемъ то, что необходимо для жизни духовной. Въ каждомъ народѣ, въ виду одновременнаго существованія двухъ сторонъ жизни, свѣтской и духовной, существуетъ рядомъ два порядка властей — свѣтскія и духовныя. Свѣтская власть имѣетъ своимъ главою короля или князя, духовная— папу или верховнаго пресвитера. Хотя это начало и даетъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ поборникомъ средневѣковой теоріи двухъ мечей, но дальнѣйшее изложеніе убѣждаетъ насъ, что, подобно Іоанну Салисберійскому, Винцентъ считаетъ короля подчиненнымъ папѣ. Переписывая почти доподлинно все, сказанное авторомъ „Поликратика“ о составныхъ частяхъ государственнаго организма[1]), Винцентъ, подобно Іоанну Салисберійскому и общему для обоихъ образцу— Плутарху, сопоставляетъ отдѣльныя части государственнаго организма съ органами человѣческаго тѣла. Если изъ числа предметовъ сравненія исключено духовенство, то только потому, что устройству церкви Винцентъ, какъ было замѣчено выше, обѣщаетъ посвятить самостоятельное разсужденіе.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ передачу историческихъ данныхъ касательно основанія первыхъ царствъ. При соста-

---

[1]) Сравни слѣдующій ниже отрывокъ изъ сочиненія Винцента De orali institutione principum съ содержаніемъ второй главы пятой книги „Поликратика“ (т. III, стр. 263).

вленіи ея Винцентъ, очевидно, пользуется своимъ Speculum historiale. Первымъ царемъ признается имъ Нимвродъ на основаніи авторитета Августина, котораго онъ цитируетъ по занимающему насъ вопросу и въ своемъ „Историческомъ Зерцалѣ“.

То же вліяніе Августина бросается въ глаза и при чтеніи третьей главы трактата De morali institutione principum. Ученіе Августина о первородномъ грѣхѣ какъ источникѣ подчиненія и власти находитъ выраженіе себѣ въ словахъ: „Королевская власть впервые была установлена по случаю грѣхопаденія. Несмотря на искупленіе первороднаго грѣха, ее необходимо удержать, дабы злые постоянно были наказуемы, а добрые удерживаемы на стези добродѣтели“.

Такъ какъ первые короли захватили власть въ свои руки, то легко можетъ возникнуть вопросъ, въ силу чего ихъ преемники удерживаютъ ее за собою. На этотъ вопросъ Винцентъ даетъ отвѣтъ въ четвертой главѣ своего разсужденія, гдѣ, развивая мысли, высказанныя еще отцами церкви, и въ числѣ ихъ Августиномъ, говоритъ о четырехъ основаніяхъ власти: волѣ Божьей, народномъ рѣшеніи, согласіи или избраніи церкви и добросовѣстномъ давностномъ владѣніи. Послѣдняя причина составляетъ, повидимому, собственное измышленіе автора, вздумавшаго примѣнить теорію римскихъ юристовъ о гражданской давности къ политическимъ правамъ. Всѣ эти четыре основанія дѣйствительны лишь въ примѣненіи къ народамъ христіанскаго міра и не приложимы, согласно мнѣнію Амвросія, какъ спѣшитъ замѣтить Винцентъ, къ язычникамъ.

Развивая въ ближайшихъ главахъ любимую тему христіанскихъ церковниковъ, Винцентъ распространяется о томъ, что всякая власть отъ Бога, не только добрая, но и злая, что дурные правители — бичи Божіи на землѣ и т. п. Это разсужденіе приводитъ его послѣдовательно къ заключенію, что міромъ управляетъ Божественный Промыселъ, вопреки мнѣнію евреевъ, полагавшихъ, что Богъ печется исключительно лишь о нихъ однихъ.

Остальная часть трактата Винцента заключаетъ въ себѣ рядъ нравственныхъ разсужденій о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ монархѣ. Уже въ одной изъ предшествующихъ главъ разбираемый нами авторъ выставилъ въ качествѣ общаго положенія то правило, что монарху подобаетъ не злоупотреблять властью, но, смотря по обстоятельствамъ, усиливать или смягчать ее и всегда располагать ею въ интересахъ справедливости. Теперь онъ въ частности настаиваетъ на томъ, что правителю слѣдуетъ обнаруживать въ своихъ дѣйствіяхъ не только могущество и мудрость, но и милосердіе или добродушіе. Что касается до этой главы, то трудно сказать, кѣмъ больше другихъ пользовался при составленіи ея авторъ, Плутархомъ ли и его „Правилами управленія", или же мнимымъ Аристотелемъ съ его „Secreta".

И въ этомъ, болѣе нравственномъ, нежели политическомъ, отдѣлѣ своего сочиненія Винцентъ дѣлаетъ неоднократныя заимствованія у Іоанна Салисберійскаго. Такія разсужденія, какъ о необходимости для короля избѣгать лишняго довѣрія къ окружающимъ, отгонять отъ себя льстецовъ и порицателей чужихъ поступковъ, равно и длинное и не лишенное историческаго интереса изложеніе различныхъ пороковъ придворныхъ, въ томъ числѣ ихъ жадности, и по формѣ и по содержанію слишкомъ напоминаютъ собою соотвѣтствующія главы въ „Поликратикѣ", чтобы допускать сомнѣніе въ заимствованіи ихъ изъ послѣдняго.

Подобно Іоанну Салисберійскому и Геральду, Винцентъ изъ Бовэ поучаетъ не однѣми только сентенціями, но и ссылками на авторитеты и приведеніемъ историческихъ примѣровъ. Богатый матеріалъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи доставляютъ ему его собственныя сочиненія—„Speculum historiale" и „Speculum morale". Не ограничиваясь, однако, ими, Винцентъ черпаетъ и непосредственно свои цитаты изъ сочиненій отцовъ церкви, извѣстныхъ его времени классиковъ и средневѣковыхъ писателей. Всего чаще, какъ и можно было ожидать, попадаются у него имена Плутарха, Цицерона, Се-

неки, Варрона, Боэція и Августина; по временамъ встрѣчается также упоминаніе о Григоріи Великомъ, Гугонѣ, авторѣ сочиненія о семи таинствахъ, Исидорѣ, составителѣ разсужденія о нравственности, и Кассіодорѣ.

Винцентомъ изъ Бовэ заканчивается циклъ политическихъ писателей ранняго періода схоластики. Воспослѣдовавшій немного лѣтъ спустя послѣ появленія трактата о нравственномъ воспитаніи князей латинскій переводъ Аристотелевой „Политики“ произвелъ цѣлый переворотъ въ политическихъ теоріяхъ и подвергъ забвенію сочиненія такихъ писателей, какъ Геральдъ или Винцентъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы схоластическая литература XIV вѣка, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, Ѳомы Аквината и Эгидія Колонны, не унаслѣдовала ничего изъ политико-дидактическихъ разсужденій раннихъ схоластиковъ. Воззрѣніе на монархическій образъ правленія какъ на наиболѣе отвѣчающій требованіямъ природы и потому наилучшій передано было Іоанномъ Салисберійскимъ и его послѣдователями писателямъ школы ангельскаго учителя. Усвоенныя послѣдней ученія Аристотеля подверглись весьма существеннымъ измѣненіямъ, въ интересахъ примиренія съ болѣе отвѣчавшими средневѣковымъ потребностямъ теоріями Плутарха, въ ихъ толкованіи Іоанномъ Салисберійскимъ.

Послѣдній изъ писателей, о которомъ намъ остается еще сказать нѣсколько словъ въ настоящей главѣ, не кто иной, какъ знаменитый Роджеръ Беконъ, францисканскій монахъ, котораго не безъ основанія Шарль считаетъ преждевременнымъ борцомъ за то умственное освобожденіе отъ узъ схоластической философіи, которое навсегда останется связаннымъ съ именемъ его великаго однофамильца. Рѣшительный новаторъ во всѣхъ сферахъ положительнаго знанія, Роджеръ Беконъ въ области политической мысли является представителемъ заимствованныхъ имъ съ Востока идей теократическаго образа правленія. Томимый въ многолѣтнемъ заточеніи монахами одного съ нимъ ордена, онъ ждетъ своего

освобожденія отъ недавно вступившаго на папскій престолъ и симпатизировавшаго ему Гвидо Фулколи, извѣстнаго въ исторіи подъ наименованіемъ Климента IV [1]). Исполняя по его порученію свои два великихъ труда—„Opus majus“ и „Opus tertium“, онъ высказываетъ въ нихъ мысли о необходимости сосредоточить всю власть надъ христіанскимъ міромъ въ рукахъ мудрѣйшаго его представителя—папы. Это ученіе онъ обосновываетъ ссылками частью на арабскихъ писателей, въ числѣ ихъ на Авичену, автора „Метафизики“, частью—на греческихъ, и прежде всего на Платона, съ которымъ онъ, однако, знакомъ, повидимому, лишь на основаніи арабскихъ передачъ.

Ученіе о главенствѣ папы поставлено Роджеромъ Бекономъ въ зависимость отъ общаго его ученія о нравственности. До 1861 года у насъ не существовало никакого опредѣленнаго представленія насчетъ того, какихъ взглядовъ держался Беконъ въ области нравственной философіи и даже высказывался ли онъ когда-либо по этимъ вопросамъ. Неутомимымъ изысканіямъ Шарля въ библіотекахъ Лондона и Оксфорда мы обязаны открытіемъ какъ доселѣ неизвѣстнаго труда Бекона, озаглавленнаго „Opus tertium“ и заключающаго въ себѣ изложеніе его нравственныхъ и политическихъ воззрѣній, такъ и цѣлаго ряда не вошедшихъ въ изданіе „Opus majus“ отрывковъ, безъ знакомства съ которыми немыслимо возсозданіе политическаго міровоззрѣнія знаменитаго францисканца.

Въ ученіи о нравственности Беконъ высказываетъ мысли, до которыхъ человѣчество еще не успѣло возвыситься въ его время. „Область морали,—говоритъ онъ,—область общая всѣмъ народамъ, и придерживающимся греческой вѣры и исповѣдающимъ вѣру латинскую; мало того—всѣмъ мусульманамъ“. Ученіе Роджера Бекона о нравственности, очевидно, не мо-

[1]) Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits, *Emile Charles,* Paris 1861, стр. 26 и слѣд.

жетъ быть изложено здѣсь хотя бы и вкратцѣ. Для насъ важно знать только то, что съ обладаніемъ высшей нравственностью, просвѣтленной выдающимся умомъ онъ связываетъ и право начальствовать надъ міромъ, одинаково въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ.

Ученіе о владычествѣ папы надъ императоромъ, въ пользу котораго высказывался еще Александръ Галесъ, у Роджера Бекона поддерживается ссылками если не на систему арабскаго калифата, то на ея теоретическое обоснованіе Авиченою. Въ своей „Метафизикѣ“ послѣдній говоритъ: „Благороднѣйшій человѣкъ тотъ, чья душа всего разумнѣе проявляется въ дѣлахъ жизни. А надъ всѣми стоитъ и всѣхъ превосходитъ тотъ, кто надѣленъ даромъ проповѣдничества“. Эти мысли являлись у Авичены только дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ его учителя — Абу-Насръ-Могамедъ-эль-Гараби (умеръ въ Дамаскѣ въ 950 году). Новѣйшій историкъ арабской литературы Гюаръ [1]) говоритъ о передѣлкѣ имъ „Республики“ Платона въ духѣ магометанскаго ученія. Въ этой своего рода утопіи учитель Авичены высказывается въ пользу государства, устроеннаго на монархическомъ началѣ и обнимающаго собою всю землю. Правителями такого государства могутъ быть только святые, а надъ всѣми долженъ стоять мудрѣйшій.

Очевидно, та же мысль высказывается и Авиченой [2]). Ее развиваетъ ссылкой на послѣдняго и францисканскій монахъ Роджеръ Беконъ. Свое пристрастіе къ теократіи и къ главенству папы надъ міромъ онъ оправдываетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Одному только человѣку дѣлается „откровеніе“. Онъ и долженъ быть посредникомъ между Богомъ и людьми, намѣстникомъ Божіимъ на землѣ. Ему подчиненъ весь родъ людской. Вѣрить ему надлежитъ безъ возраженій. Онъ зако-

---

[1]) Littérature arabe par Clément Huart, Paris. 1902, стр. 282.

[2]) Ibid., стр. 283. Авичена родился въ 980-мъ году по Р. Х. въ небольшомъ городѣ Бухары и умеръ въ 1037.

нодатель и верховный священнослужитель; полнота власти какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ принадлежитъ ему одному, какъ земному Богу, по выраженію Авичены,—прибавляетъ нашъ авторъ, указывающій при этомъ на десятую книгу его „Метафизики". Такого земного бога надо обожать на ряду и вслѣдъ за Богомъ небеснымъ" [1]).

Заключеніе, какое мы въ правѣ вынести изъ знакомства съ политическими сочиненіями писателей ранняго періода схоластики, сводится къ признанію, что ихъ мысль не отличалась самостоятельностью, но отражала на себѣ государственные порядки и запросы ихъ времени. Они были современниками усиленія монархической власти. Это усиленіе было желательно въ интересахъ прекращенія феодальной безурядицы и привѣтствуемо поэтому какъ конецъ тѣмъ порядкамъ, какіе въ XII вѣкѣ юристъ Бомануаръ передавалъ еще словами: „Каждый баронъ — господинъ въ своей бароніи!" Упразднить такую анархію можно было только подъ условіемъ возвращенія къ идеалу единовластія, столѣтіями ранѣе господствовавшему на западѣ Европы, въ эпоху, когда послѣдняя была покрыта рядомъ королевствъ, возникшихъ на земляхъ „orbis romanum" и снова объединенныхъ церковью съ момента провозглашенія Карла императоромъ. Но въ своемъ отстаиваніи интересовъ обезпечивающаго порядокъ единовластія писатели-схоластики встрѣтились съ готовой доктриной, частью греко-римской, частью византійско-арабской.

[1]) Ms. Brit. Mus. Royal library 8 F. II. De philosophia morali Rogeris Baconi. (Opus Majus, конецъ части VII). Вотъ самый текстъ: Quod uni tantum debet fieri revelatio, quod iste debeat esse mediator Dei et hominum et vicarius Dei in terra, cui subjiciatur totum genus hominum et cui credere debeatur, sine contradictione. Et iste est legislator et summus sacerdos, qui in spiritualibus et temporalibus habet plenitudinem potestatis, tanquam Deus humanus, ut dicit Avicenna in decimo Metaphysicae, quem licet adorare post Deum. Текстъ этотъ приведенъ въ сочиненіи Леонгарда Шнейдера (Roger Bacon. Aus den Quellen bearbeitet von Leonhard Schneider. Augsburg. 1873 г., стр. 33, прим.)

При всей скудости содержанія сочиненія немногихъ извѣстныхъ въ то время греческихъ и римскихъ политическихъ писателей оказали несомнѣнное вліяніе на характеръ и форму политическихъ трактатовъ XII и XIII столѣтій. Мало чѣмъ отличаясь отъ проповѣди, нравственно-политическое поученіе какого-нибудь Плутарха легко могло найти подражателей въ церковномъ писателѣ въ родѣ Іоанна Салисберійскаго, Геральда-дю-Барри или Винцента изъ Бовэ. Въ свою очередь проповѣдуемыя несторіанами византійскія ученія о царѣ какъ о неограниченномъ распорядителѣ надъ жизнью и собственностью подданныхъ, вполнѣ отвѣчая проводимой на практикѣ политикѣ королей XII и XIII вѣка, легко находили поддержку въ средѣ сочувствовавшихъ имъ писателей схоластики. Въ то же время болѣе оригинальное ученіе арабскихъ философовъ о сосредоточеніи свѣтской власти въ рукахъ духовныхъ вождей народа,—ученіе, въ которомъ легко найти болѣе или менѣе далекій отголосокъ Платоновыхъ мечтаній о наилучшемъ образѣ правленія, располагало въ свою пользу приверженцевъ папскаго всемогущества, одинаково въ дѣлахъ свѣтскихъ и духовныхъ.

Такимъ образомъ какъ уцѣлѣвшіе образцы классической литературы, такъ и сдѣлавшіяся доступными Западу въ латинскихъ переводахъ сочиненія арабскихъ философовъ и несторіанъ необходимо должны были наложить и въ дѣйствительности наложили печать на раннія произведенія схоластиковъ, задолго до того времени, когда открытіе Аристотелевой „Политики“ вызвало новое оживленіе въ политическомъ мышленіи средневѣковаго Запада.

ГЛАВА IV.

Сословная монархія и ея отраженіе въ области политической мысли.

§ 1. Исторія человѣческихъ обществъ, подобно жизни организмовъ, представляетъ параллельные процессы созиданія и разрушенія. Нелегко поэтому съ точностью указать даже приблизительно то время, когда вышеописанные нами порядки варварскаго королевства уступили мѣсто новымъ—феодальной и позднѣе сословной монархіи. Этому факту предшествовало проявленіе тѣхъ центробѣжныхъ силъ, которыя не замедлили сказаться въ возстановленной на Западѣ имперіи уже въ царствованіе Карла въ неоднократно подавляемомъ имъ возстаніи саксовъ. Подъ вліяніемъ подъема національностей и пробудившейся тенденціи къ мѣстной автономіи, въ чемъ нетрудно отмѣтить оживленіе духа родовой исключительности, „западная имперія“ еще въ эпоху продолжающагося въ ней господства Карловинговъ представила цѣлую сѣть полуавтономныхъ государственныхъ тѣлъ, расположенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ и сливавшихся на низшихъ ступеняхъ политической лѣстницы съ помѣстьемъ, старинной латифундіей или ея подраздѣленіемъ. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ политической власти и землевладѣнія справедливо признается характерной чертою феодальной системы, но съ той оговоркой, что это сліяніе гражданскихъ и государственныхъ порядковъ проходитъ сверху до низу, въ томъ смыслѣ, что верховнымъ свѣтскимъ повелителемъ и въ то же время собственникомъ всего христіанскаго міра признается императоръ. Въ прямой зависимости отъ него, столько же политической, сколько и имущественной, стоятъ короли, герцоги и графы, которые, въ свою очередь, ставятъ въ тѣ же отношенія къ себѣ своихъ прямыхъ, а послѣдніе — второстепенныхъ вассаловъ. Договоромъ опредѣляются отношенія сторонъ между

собою,—договоромъ, выговаривающимъ политическія и имущественныя права и, соотвѣтственно, обязанности старшихъ и младшихъ: обязанность первыхъ — надѣлять землею и защищать надѣленнаго отъ всякихъ посягательствъ на его права со стороны третьихъ лицъ; обязанность вторыхъ—служить старшимъ, сохраняя по отношенію къ нимъ покорность и вѣрность. Внизу феодальнаго общества помѣщается масса крестьянъ, крѣпкихъ къ землѣ, обложенныхъ барщиной, но вознаграждаемыхъ за нее наслѣдственной арендой оставленныхъ въ ихъ пользованіи надѣловъ. За исключеніемъ этого класса, участвующаго въ представительствѣ только въ немногихъ странахъ, какъ, напр., въ Швеціи, всѣ прочіе слои населенія, какъ состоящіе между собою въ договорныхъ отношеніяхъ, призваны контролировать исполненіе взаимныхъ обязательствъ своимъ личнымъ присутствіемъ, въ предѣлахъ феода, въ его періодически повторяющихся сходахъ (cours или courts), надѣленныхъ судебно-административными и отчасти законодательными функціями, а въ границахъ всего государства, обнимающаго собою цѣлую совокупность феодовъ—въ совѣтѣ правителя и сюзерена, въ который призываются поголовно тѣ, кто держитъ землю въ прямой отъ него зависимости. Такова природа феодальнаго совѣта, англійскаго magnum consilium, и французскаго парламента, долго сливавшагося съ королевской куріей. Собраніе высшихъ сановниковъ королевства, свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ и придворныхъ служителей смѣнилось собраніемъ прямыхъ ленниковъ, всѣхъ тѣхъ, по выраженію англійскихъ призывныхъ грамотъ, кто „держатъ отъ насъ непосредственно свои помѣстья“ (omnes qui de nobis tenent in capite). Въ этомъ положеніи могутъ оказаться на ряду со служилыми людьми, вознаграждаемыми не временными помѣстьями или бенефиціями, какъ прежде, а тѣми же помѣстьями, перешедшими въ наслѣдственную собственность или вотчину, и члены высшаго духовенства; они засѣдаютъ въ немъ, однако, не только на правахъ церковныхъ іерарховъ, но и какъ собственники или, точнѣе, какъ наслѣдственные дер-

жатели помѣстій-вотчинъ, непосредственно зависимыхъ отъ казны. Въ числѣ этихъ помѣстій-вотчинъ могутъ быть и города, сеньорами которыхъ успѣли сдѣлаться гдѣ ихъ бывшіе епископы, гдѣ сосѣдніе съ ними могущественные вотчинники-феодалы; но уже въ X вѣкѣ, а тѣмъ болѣе съ эпохи крестовыхъ походовъ, городамъ удается выкупиться у своихъ сеньоровъ, снять на откупъ поступающіе съ нихъ сборы и пріобрѣсть соотвѣтственно право самообложенія и, въ связи съ нимъ, свободу самоуправленія въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Города, вполнѣ освободившіеся отъ власти феодальныхъ вотчинниковъ, не признаютъ другой зависимости, какъ отъ короля. Соотвѣтственно, подъ именемъ королевскихъ, они попадаютъ въ категорію прямыхъ ленниковъ и, какъ таковые, призываются въ совѣтъ этихъ послѣднихъ. Они, очевидно, не могутъ воспользоваться открывшейся для нихъ возможностью контролировать выполненіе обоюдныхъ обязательствъ, существующихъ между ними и короной, иначе, какъ обратившись къ посылкѣ уполномоченныхъ. Вотъ почему моментъ, когда города, на правахъ непосредственныхъ вассаловъ короля, призваны были къ участію въ „большомъ совѣтѣ", есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало представительной системы. Съ нимъ связана замѣна феодальной монархіи сословной. По примѣру городовъ, въ собраніе призываются и уполномоченные отъ второстепенныхъ вассаловъ и ленниковъ. Въ связи съ делегатами отъ городовъ, они образуютъ гдѣ одну палату, отличную отъ палаты прямыхъ ленниковъ, а гдѣ двѣ палаты, при чемъ палата отъ второстепенныхъ вассаловъ короны сливается съ палатою прямыхъ ленниковъ въ одну дворянскую камеру; делегаты же отъ городовъ становятся съ этого времени представителями средняго сословія, а духовенство, какъ высшее, такъ и низшее, начинаетъ засѣдать отдѣльно, такъ, напр., во Франціи, или же распадается на свои составныя части, при чемъ высшее, на правахъ прямыхъ ленниковъ, засѣдаетъ вмѣстѣ съ свѣтскими вассалами (какъ въ Англіи), а низшее присоединяется къ нему только по слу-

чаю созыва особыхъ соборовъ, или такъ называемыхъ конвокацій, разумѣется, для завѣдыванія одними церковными дѣлами.

Монархія, ограниченная контролемъ трехъ сословій,—духовенства, дворянства и городской буржуазіи,—прежде всего въ дѣлѣ налогового обложенія и въ слабѣйшей степени въ дѣлѣ законодательства и управленія,—такова та новая форма государственнаго устройства, которая на западѣ Европы является на смѣну варварскаго королевства. Какъ основанная на началахъ представительства, она имѣетъ сходныя черты съ конституціонной монархіей нашего времени. Но различія между обѣими весьма существенны. Взамѣнъ представительства всего мужского взрослаго населенія мы находимъ въ ней представительство однихъ владѣтельныхъ сословій: дворянства, духовенства и средняго, составленнаго гдѣ изъ одной буржуазіи, т.-е. жителей городовъ, а гдѣ, какъ въ Англіи, сверхъ того и изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ селъ. Сословныя палаты имѣютъ, подобно народнымъ камерамъ, право давать или отказывать въ своемъ согласіи на обложеніе жителей податями; но онѣ не участвуютъ въ распредѣленіи государственнаго дохода по различнымъ статьямъ расходовъ. Не въ примѣръ народнымъ, онѣ располагаютъ однимъ совѣщательнымъ голосомъ въ сферѣ законодательства. Починъ послѣдняго принадлежитъ одному правительству. Контроль камеръ за администраціей не идетъ далѣе жалобъ на злоупотребленія въ ней и ходатайствъ объ ихъ отмѣнѣ. Выборъ высшихъ сановниковъ всецѣло принадлежитъ королю. Свобода депутатовъ связана извѣстными инструкціями отъ избирателей, преступить которыя они не въ правѣ. Постановка правительствомъ новаго вопроса нерѣдко требуетъ предварительнаго совѣщанія депутатовъ съ ихъ избирателями. Чтобы отличить такую систему представительства отъ существующей нынѣ, принято употреблять терминъ „система делегацій“ или „система полномочій“.

Включеніе въ составъ сословныхъ палатъ представителей отъ городовъ, безъ чего феодальная монархія никогда не

переродилась бы въ сословную, кладетъ начало въ разн[illegible] странахъ замѣнѣ королевскаго совѣта камерами, получающ[illegible] гдѣ названіе палатъ, а гдѣ, какъ въ Испаніи, прозвище рукъ государственныхъ (brachios). Совокупность этихъ камеръ получаетъ наименованіе въ Англіи парламента, во Франціи— генеральныхъ штатовъ, въ Испаніи — кортесовъ, въ Германской имперіи — рейхстага, а въ ея составныхъ частяхъ, т.-е. въ отдѣльныхъ земляхъ имперіи — ландтаговъ. Представительство городовъ становится совершившимся фактомъ всего ранѣе въ Испаніи, а именно въ Аррагоніи, съ полною достовѣрностью въ 1163 г.[1]), въ Кастиліи—въ 1169 г., въ Леонѣ— въ 1188 г., въ Каталоніи — въ 1218 г.[2]), въ Германіи — въ 1237 г., въ Англіи—въ 1265 г., во Франціи— въ 1302 г. Вотъ почему о сословномъ представительствѣ говорятъ какъ о возникшемъ всего ранѣе въ Испаніи, позднѣе въ Англіи и Германіи и, наконецъ, всего позднѣе во Франціи, хотя представительство двухъ высшихъ сословій (дворянства и духовенства) встрѣчается во всѣхъ названныхъ странахъ съ самаго возникновенія феодальной монархіи. Началомъ представительства въ сословной монархіи считается моментъ присоединенія представительства горожанъ къ представительству дворянства и духовенства. Въ одной только Англіи мы встрѣчаемъ рядомъ съ дворянствомъ и духовенствомъ и представительство всего свободнаго землевладѣльческаго населенія. Этотъ фактъ надо отмѣтить, такъ какъ въ немъ кроется причина отклоненія англійскаго политическаго развитія отъ континентальнаго. Великая Хартія Вольностей 1215 г. говоритъ только о правѣ представительства всѣхъ „qui de nobis tenent in capite“ (прямыхъ вассаловъ короля). Статутъ 1297 г. „De tallagio non concedendo“ упоминаетъ уже о голосованіи прямыхъ налоговъ въ парламентѣ, наравнѣ съ членами двухъ высшихъ сословій и делегатами отъ городовъ, также и пред-

---

[1]) *Santa Maria.* Curso de derecho politico, 532, 470.

[2]) *Coroleu y Pella.* Las Cortes Catalonas. 23.

ставителями рыцарей и всего свободнаго населенія „militum et aliorum liberorum hominum de regno nostro“. Въ виду ихъ многочисленности необходимо было допустить по отношенію къ нимъ начало представительства. Причина отклоненія въ этомъ отношеніи англійскаго политическаго развитія отъ континентальнаго лежитъ въ нашихъ глазахъ въ особенностяхъ англійскаго земельнаго строя, именно, въ болѣе тѣсномъ подчиненіи второстепенныхъ феодальныхъ ленниковъ королю и въ болѣе строгомъ, чѣмъ гдѣ-либо, проведеніи начала имущественной зависимости всѣхъ классовъ общества отъ высшаго дворянства. Первое обстоятельство, обусловленное фактомъ принесенія королю присяги не только вассалами, но и подвассалами, ставило послѣднихъ въ прямыя отношенія къ королю и побуждало монарха призывать ихъ въ свой совѣтъ для контроля за обоюднымъ выполненіемъ того договора, который возникалъ между ними и монархомъ съ момента совершенія ими символическаго „акта вѣрности и покорности“ и принесенія присяги служить королю мечомъ и совѣтомъ. Въ свою очередь тотъ фактъ, что въ Англіи все населеніе держитъ землю отъ помѣщиковъ-дворянъ, устанавливая имущественную солидарность между высшимъ сословіемъ и всѣмъ вообще свободнымъ людомъ, заставило дворянство блюсти интересы другихъ общественныхъ группъ, такъ какъ эти интересы были тѣсно связаны съ ихъ собственными; оно побудило высшіе его слои содѣйствовать пріобрѣтенію прочими гражданами извѣстныхъ представительныхъ гарантій противъ королевскаго и чиновничьяго произвола, невыгодныя послѣдствія котораго отражались въ концѣ-концовъ на нихъ самихъ. Численность свободнаго люда, не допуская поголовнаго его присутствія въ стѣнахъ совѣта, потребовала примѣненія къ селамъ той же системы представительства, что и къ городамъ, и создала въ рядахъ парламента самостоятельную группу представителей отъ графствъ, или, какъ ихъ называютъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, рыцарей отъ графствъ (knights of the Shire).

Параллельно съ упроченіемъ этой особенности идетъ въ Англіи развитіе другой, не менѣе знаменательной. Тогда какъ повсюду на континентѣ сословія въ рядахъ народнаго представительства удерживаютъ свое обособленное существованіе, каждое въ стѣнахъ отдѣльной палаты, образуя во Франціи, въ Кастиліи и Леонѣ, Каталоніи и Наваррѣ три камеры, а въ Аррагоніи четыре, въ Англіи высшее дворянство и духовенство сходятся съ самаго начала въ одной палатѣ—„палатѣ господъ", оставляя за представителями свободнаго населенія, какъ селъ, такъ и городовъ, возможность собираться отдѣльно отъ нихъ въ „палатѣ общинъ". Различіе это далеко не внѣшнее. При установленіи начала голосованія по сословіямъ, или, что то же, по палатамъ, и при рѣшеніи вопросовъ большинствомъ голосовъ, высшія сословія, напр., во Франціи, могли одержать легкую побѣду надъ среднимъ. Ничего подобнаго не могло воспослѣдовать въ Англіи: существованіе въ ней всего-на-все двухъ палатъ уравновѣшивало вліяніе высшихъ сословій и прочаго гражданства.

Рядомъ съ этими особенностями въ составѣ самихъ палатъ отмѣтимъ неодинаковое развитіи, какое получили въ разныхъ странахъ отдѣльныя функціи сословныхъ совѣтовъ: налоговыя, законодательныя, административныя.

По отношенію къ первымъ мы встрѣчаемъ болѣе однообразія, чѣмъ по отношенію къ остальнымъ. Повсюду, въ различное только время, возникаѐтъ правило, что никакіе налоги, за исключеніемъ пособій (aides) въ 4 освященныхъ обычаемъ случаяхъ: плѣна сюзерена, посвященія въ рыцари его старшаго сына, выдачи замужъ его старшей дочери и отправленія въ крестовый походъ, не подлежатъ взиманію иначе, какъ въ силу рѣшенія сословныхъ палатъ, опредѣляющихъ природу податей, размѣръ и порядокъ производства самаго ихъ сбора. Въ Каталоніи барселонскіе кортесы отъ 1283 г., въ Англіи парламентъ статутомъ 1297 г. „de tallagio non concedendo", во Франціи генеральные штаты при Іоаннѣ Добромъ въ 1355 г., въ Аррагоніи кортесы въ Калатаюдѣ отъ 1461 г.

провозглашаютъ открыто это начало, устраняя тѣмъ самымъ возможность дальнѣйшаго произвола въ распоряженіи народнымъ кошелькомъ. Необходимость для правительства получать согласіе штатовъ на обложеніе и невозможность покрытія государственныхъ издержекъ доходами съ однихъ доменовъ вызываютъ въ свою очередь то послѣдствіе, что созваніе сословныхъ палатъ изъ случайнаго становится періодическимъ. Результатъ этотъ достигнутъ въ Испаніи уже въ XIII в., а въ Англіи и во Франціи въ первой половинѣ XIV столѣтія.

Гораздо менѣе однообразія находимъ мы въ отношеніяхъ сословнаго представительства къ законодательству. Тогда какъ въ однѣхъ странахъ, въ томъ числѣ во Франціи, сословныя палаты принуждены ограничить свою дѣятельность въ этомъ отношеніи одною подачею челобитныхъ на существующій порядокъ вещей, или тетрадей жалобъ (cahiers de doliances), въ Англіи и въ Аррагоніи сословія имѣютъ прямое участіе въ законодательствѣ и самый починъ въ этомъ дѣлѣ. Любопытно прослѣдить тотъ путь, какимъ постепенно завоеваны были такія преимущества. Въ Англіи парламентъ пользуется правомъ давать или не давать согласія на сборъ налоговъ для того, чтобы принуждать правительство къ немедленному удовлетворенію ходатайствъ сословій въ законодательномъ порядкѣ. Послѣ неоднократныхъ отказовъ вотировать бюджетъ ранѣе какъ по проведеніи правительствомъ требуемыхъ отъ него мѣръ, англійскій парламентъ въ XV в. проводитъ на практикѣ то правило, что дарованіе палатою общинъ денежныхъ субсидій должно производиться въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента, незадолго до его распущенія, т.-е. не ранѣе какъ по удовлетвореніи правительствомъ челобитныхъ сословій. Одновременно съ этимъ въ англійскомъ парламентскомъ производствѣ происходитъ еще слѣдующая перемѣна. Мѣсто стариннаго порядка представленія „тетрадей жалобъ“ занимаетъ новый — непосредственнаго внесенія въ парламентъ законодательныхъ

„биллей“ (готовыхъ законопроектовъ). Этимъ путемъ сословному представительству въ Англіи, не въ примѣръ другимъ странамъ, удается замѣнить старинный контроль сословій за законодательною дѣятельностью правительства прямымъ законодательнымъ почином ъ.

Что касается до участія сословныхъ палатъ въ администраціи, то и по этому вопросу Франція и Англія даютъ намъ наиболѣе противоположныя и крайнія рѣшенія. Во Франціи, если не говорить о неудачной попыткѣ сословій присвоить себѣ самый выборъ королевскихъ совѣтниковъ въ 1355 г., контроль сословій за администраціей не находитъ себѣ иного выраженія, кромѣ права предъявленія жалобъ на эту администрацію и просьбъ объ устраненіи ея злоупотребленій. Въ Англіи парламентъ въ теченіе всего XIV и XV вв. съ успѣхомъ стремится къ тому, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ если не право прямого избранія королевскихъ совѣтниковъ, то право рекомендаціи ихъ правительству, право обвиненія ихъ и суда надъ ними, при чемъ функція обвиненія возлагается на нижнюю палату, а функція суда—на верхнюю.

Какъ сильно ни разошлось съ теченіемъ времени развитіе сословнаго представительства въ разныхъ странахъ Европы, все же есть возможность говорить объ однообразномъ его выраженіи и одинаковости условій его развитія. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ эпохи, когда оно впервые возникло, тѣмъ болѣе исчезаетъ дворянско-феодальный характеръ въ составѣ верхнихъ палатъ и народно-демократическій въ составѣ нижнихъ. На первыхъ порахъ парламентъ, кортесы, рейхстагъ и ландтаги въ одинаковой степени могутъ быть названы собраніемъ, съ одной стороны, всего правящаго класса, съ другой—всего свободнаго населенія, представленнаго въ лицѣ делегатовъ отъ селъ и городовъ. Съ теченіемъ времени мѣсто полусамостоятельныхъ феодальныхъ герцоговъ, графовъ, бароновъ и т. д. занимаютъ члены новаго, придворнаго, дворянства или, какъ это случилось въ Германіи, — послы и дипломати-

ческіе агенты удержавшихъ свою самостоятельность правителей отдѣльныхъ территорій. Одновременно въ палатахъ нижнихъ представительство демоса, по мѣрѣ развитія олигархическаго устройства городовъ и установленія имущественнаго ценза въ селахъ, замѣняется представительствомъ высшей гильдейской знати и зажиточнаго землевладѣльческаго класса. Крестьянство, рабочіе, простые ремесленники одинаково остаются непредставленными, и соотвѣтственно этому ихъ интересы приносятся сословными палатами въ жертву интересамъ высшихъ сословій, делегаты которыхъ засѣдаютъ въ ихъ стѣнахъ. Найти противъ высшихъ сословій защиту они могутъ только у короля да у его чиновниковъ. Всего рѣзче выступаетъ антагонизмъ демоса къ сословнымъ представительнымъ камерамъ въ Каталоніи, гдѣ въ XI в. правительство борется съ кортесами съ помощью удержаннаго высшими сословіями въ крѣпостной зависимости крестьянскаго люда; на развалинахъ сословныхъ вольностей оно путемъ отмѣны крѣпостного права установляетъ начало гражданскаго равноправія, или всесословности. Съ меньшею наглядностью тотъ же антагонизмъ выступаетъ и во Франціи и въ Англіи: во Франціи, гдѣ жакерія первой половины XIV в. открываетъ собою рядъ ни къ чему не ведущихъ крестьянскихъ возстаній,—въ Англіи, гдѣ движеніе Уота Тейлора, вызванное протестомъ противъ феодальныхъ порядковъ, немногими годами предшествуетъ повороту въ пользу абсолютизма. Въ соединенномъ Аррагоно-Кастильскомъ королевствѣ сословное представительство падаетъ вслѣдъ за пораженіемъ Карломъ V удержавшихся въ Аррагоніи и Кастиліи олигархическихъ и феодальныхъ элементовъ, а равно и уцѣлѣвшихъ въ королевствѣ Валенціи остатковъ городской демократіи. Говоря это, я разумѣю вооруженное столкновеніе королевскихъ дружинъ съ „comunidades de Castilla и germanias de Valencia“.

Абсолютизмъ всюду имѣетъ однихъ союзниковъ и всюду обращается къ однимъ и тѣмъ же средствамъ въ своей борьбѣ съ сословными палатами. Контроль, какъ уже было

сказано, всего ощутительнѣе давалъ себя чувствовать въ сферѣ налогового управленія. Постепенная раздача казенныхъ земель, или доменовъ, изъ которыхъ правительство на первыхъ порахъ извлекало главнѣйшія средства къ покрытію своихъ издержекъ, принудила его, какъ мы видѣли, обратиться къ періодическому созыву сословныхъ палатъ, безъ согласія которыхъ налоги не могли быть взимаемы. Стоило только поставить удовлетвореніе государственныхъ издержекъ внѣ всякой зависимости отъ воли палатъ, — и дальнѣйшее собраніе послѣднихъ переставало быть необходимымъ. А это, въ свою очередь, могло быть достигнуто только путемъ установленія постояннаго налога. Немудрено, если правительства всюду стремятся къ достиженію такого результата. Тогда какъ въ Англіи ихъ политика въ этомъ отношеніи оказывается неуспѣшной, во Франціи Карлу VII удается провести въ срединѣ XV в. чрезъ генеральные штаты предложеніе о томъ, чтобы для созданнаго имъ впервые постояннаго войска установленъ былъ и постоянный налогъ (taille royale), для взиманія котораго не требовалось бы ежегодное или періодическое созваніе генеральныхъ штатовъ. Разъ это было достигнуто,—и короли перестали созывать штаты за ихъ ненадобностью! Въ теченіе XVI в. сословныя собранія теряютъ поэтому свою періодичность и если созываются довольно часто въ концѣ этого столѣтія, то лишь потому, что короли сами ищутъ въ нихъ опоры противъ развившейся на новой почвѣ,—почвѣ протестантизма, или, правильнѣе, кальвинизма,—феодально-аристократической реакціи [1]).

§ 2. Совершившійся переворотъ въ сферѣ политическаго устройства государствъ Запада не сразу былъ отмѣченъ политическими писателями. Въ переведенной въ XIII в. на латинскій языкъ Аристотелевой „Политикѣ“ нельзя было найти ничего, прямо отвѣчающаго той системѣ представительства

[1]) *Лучицкій*, Феодальная реакція и кальвинизмъ во Франціи.

сословныхъ интересовъ, которая составляла природу новыхъ порядковъ. Аристотель, наравнѣ съ ранѣе сдѣлавшимися извѣстными средневѣковой мысли сочиненіями Цицерона, высказывался въ пользу смѣшаннаго устройства, при которомъ, наравнѣ съ королемъ, аристократія и простой народъ призваны къ участію въ дѣлахъ законодательства и управленія. Ѳома Аквинатъ, а за нимъ продолжатель его трактата „О правительствѣ князей“ (De regimine principum), Птоломей изъ Лукки [1]), счелъ возможнымъ подвести искусственно подъ понятіе смѣшаннаго государства тотъ новый продуктъ политическаго творчества, какимъ явилась сословная монархія. Вотъ почему, говоря о наилучшей въ его глазахъ формѣ королевскаго правительства, онъ считаетъ ею ту, при которой всѣ имѣютъ нѣкую часть во владычествѣ (ut omnes aliquam partem habent in principatu) [2]). Въ полномъ согласіи съ Аристотелемъ Ѳома Аквинатъ говоритъ затѣмъ, что лучшая политія, или государство, смѣшано изъ монархіи, такъ какъ въ ней одинъ начальствуетъ надъ всѣми, изъ аристократіи, такъ какъ въ ней „многіе княжатъ согласно ихъ добродѣтели“, и изъ демократіи, такъ какъ этихъ князей или сановниковъ можетъ выбирать народъ и притомъ изъ среды простонародья же [3]). У Ѳомы Аквината, или, точнѣе, у его продолжателя, мы находимъ поэтому противоположеніе двухъ порядковъ монархическаго устройства: „principatum regni et principatum politicum“. Подъ первымъ надо разумѣть абсолютную монархію, подъ вторымъ — новый порядокъ политическаго устройства, отвѣчающій сословной монархіи. Особенность послѣдняго, согласно его описанію, состоитъ въ томъ, что въ немъ прави-

[1]) См. *Baumann*, De Staatslehre des heiligen Thomas von Aquino, тр. 5 и 6.

[2]) „De regimine“, prima secundae, Quest. CV, ст. 1-я.

[3]) „Talis enim est optima politia bene commixta ex regno, in quantum unus praeest, et aristocratia, in quantum multi principantur secundum virtutem; et ex democratia, id est, potestate populi, in quantum ex popularibus possunt eligi principes, et ad populum pertinet electio principum“.

тели подчинены закону и не могутъ выходить за его предѣлы въ отправленіи правосудія, чего нельзя сказать объ абсолютныхъ владыкахъ, такъ какъ для нихъ закономъ считается ихъ воля. Правители же въ политіяхъ, управляемыхъ монархически, не смѣютъ дѣлать новшествъ, выходящихъ за предѣлы писаннаго закона [1]). Разбираемый писатель иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ, говоря: „Въ Германіи, въ Скиѳіи (подъ которой онъ разумѣетъ Венгрію) и въ Галліи государства живутъ на условіяхъ политіи“ (civitates politicae vivunt), въ томъ смыслѣ, что власть короля или императора ограничена въ нихъ извѣстными законами [2]). Другимъ отличіемъ является умѣренное пользованіе властью, чему отвѣчаетъ естественное, т.-е. прирожденное расположеніе подданныхъ. Оно, въ свою очередь, состоитъ въ связи, очевидно, съ тѣмъ, что начальствующій слѣдуетъ законамъ или общимъ, или городскимъ. Такая форма правленія не предполагаетъ полной свободы или простора для мудрости правящаго и представляетъ меньшее сходство съ единоличнымъ управленіемъ міра Богомъ [3]). За исключеніемъ приведенныхъ отрывковъ, все то, что Ѳома Аквинатъ, а за нимъ его продолжатель и, наконецъ, Эгидій Колонна, въ трактатѣ, также озаглавленномъ „О правительствѣ князей“, говорятъ о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія, въ частности о монархіяхъ и тираніяхъ, о границахъ повиновенія подданныхъ и о томъ, въ правѣ ли кто убить тирана, или нѣтъ, вызвано тѣмъ, что сказано было Аристотелемъ въ XIV главѣ его книги о „Политикѣ“, гдѣ кня-

---

[1]) Sed directoribus politicis non sic reperitur quia non audebant aliquam facere novitatem praeter legem conscriptam.

[2]) „Circumscripta potentia regis sive imperatoris qui sub certis legibus sunt astricti“.

[3]) Amplius autem est certus modus regendi, quia secundum formam legum sive communium, sive municipalium, cui rector astringitur, propter quam causam et prudentia principis quia non est libera, tolletur et minus imitatur divinam. (См. „Thomae Aquinatis“. „De regimine principum, libri quatuor. Lugduni Batavorum“, (630, кн. II, гл. 8).

земъ философовъ насчитывается цѣлыхъ пять формъ монархіи. Но тогда какъ Аристотель вооружается противъ той мысли, что законы безсильны сдѣлать людей счастливыми, такъ какъ не въ состояніи предвидѣть всѣхъ частныхъ случаевъ, король же одинъ можетъ принять вызываемыя необходимостью мѣры, тогда какъ въ главѣ XVIII 3-й книги „Политики" доказывается, что король можетъ быть пристрастенъ, чего нельзя сказать о законахъ, такъ какъ послѣдніе всегда преслѣдуютъ общее благо, а король не всегда; Өома Аквинатъ и слѣдующіе за нимъ политики второго періода схоластики продолжаютъ смотрѣть на монархію какъ на наилучшій образъ правленія[1]). Эта мысль доказывается аналогіей и съ человѣческимъ тѣломъ, въ которомъ сердце управляетъ прочими органами, и съ человѣческою душою, въ которой разумъ важнѣйшая сила. Не правитъ ли также міромъ одинъ Богъ, а пчелами — одинъ царь? (Өома говоритъ: „царь", а не „царица"). Несогласія ждутъ провинціи и города, въ которыхъ нѣтъ единаго правителя; наоборотъ, устроенные по монархическому образцу, пользуются миромъ; въ нихъ процвѣтаетъ справедливость и изобилуютъ имущества. „Лучше всего,—пишетъ онъ,—устроено государство тамъ, гдѣ одинъ правитъ согласно съ добродѣтелью. За монархіей слѣдуетъ аристократія, въ которой владычествуютъ немногіе, также движимые добродѣтелью. Монархія,—продолжаетъ Өома Аквинатъ,—остается наилучшимъ правленіемъ пока не вырождается въ тиранію". Тираномъ, заодно съ ранними схоластиками, онъ считаетъ правителя, преслѣдующаго не интересы подданныхъ, а свои собственные [2]). Противъ тирана народъ имѣетъ средство защиты, а именно его низложеніе. Если народъ въ правѣ сдѣлать человѣка царемъ, то

---

[1]) Гл. II „De regimine principum" посвящена доказательству той мысли, что полезнѣе для множества людей, живущихъ совмѣстно, управляться однимъ человѣкомъ, нежели нѣсколькими.

[2]) „Bonum siquidem gregis pastores quaerere debent et rectoresquilibet bonum multitudinis sibi subjectae" (Ibid., кн. I).

онъ можетъ и лишить его власти [1]). Въ крайнемъ случаѣ, значится въ предписываемой ангельскому учителю первой книгѣ трактата „О власти князей“, народу остается прибѣгнуть къ Богу и ждать отъ Него, чтобы Онъ измѣнилъ сердце тирана или поразилъ его (гл. VI, кн. 1). Имѣетъ ли, говоря это, Ѳома Аквинатъ въ виду избирательный характеръ императорской власти, или ветхозавѣтную практику,—сказать трудно. Послѣдняя не разъ приводится въ доказательство всего имъ утверждаемаго. Такъ, даже при разсмотрѣніи вопроса о превосходствѣ смѣшаннаго устройства, въ которомъ монархъ дѣлитъ власть съ аристократіей и народомъ, онъ дѣлаетъ ссылку не на современный ему строй сословной монархіи, а на практику евреевъ, у которыхъ имѣлся избираемый синедріонъ, составленный изъ 72-хъ членовъ, взятыхъ изъ народа, и правившій на ряду съ царемъ [2]). Вообще, мы тщетно ищемъ въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквината доказательствъ сознательнаго отношенія его къ завершившемуся уже въ срединѣ XIII вѣка [3]) процессу замѣны королевства варваровъ сословной монархіей. Сказанное о немъ примѣнимо и къ его продолжателямъ и преемникамъ. Такъ Птоломей изъ Лукки, которому приписываютъ всѣ книги „О правительствѣ князей“, за исключеніемъ первой, и къ которому надо поэтому возводить и вышеприведенное ученіе о преимуществахъ принципата политическаго надъ принципатомъ монархическимъ [4]), обмолвился еще двумя-тремя фразами, доказывающими, что современныя событія не проходили для него безслѣдно. „Для Корсики и Сардиніи, — говоритъ онъ,—единственный возможный образъ правленія—тираниче-

---

[1]) Non injuste ab eadem multitudine rex institutus potest destitui“.

[2]) „Eligebantur autem septuaginta duo seniores secundum virtutem... et hoc erat aristocraticum. Sed democraticum erat quod isti de omni populo eligebantur“ (Отд. II, Questio 105).

[3]) Ѳома Аквинатъ родился въ 1225 г. и умеръ въ 1274 году.

[4]) Кн. IV, гл. I.

скій“ [1]). Что же касается до Эгидія Колонны, то въ трактатѣ, написанномъ имъ въ назиданіе своего ученика, будущаго короля Франціи Филиппа IV, и переведенномъ на французскій языкъ подъ названіемъ „Le livre du gouvernement des roys et princes“, нѣкоторымъ отраженіемъ дѣйствительности является развѣ намекъ, что какъ ни дурна тиранія, но она все же болѣе терпима, чѣмъ тѣ безпорядки, та анархія, какія вызываются неповиновеніемъ князю [2]).

Отраженія сословнаго королевства я не нахожу ни въ приписываемомъ Данте трактатѣ „О монархіи“ ни въ той обширной политической литературѣ, какая вызвана была столкновеніемъ притязаній императоровъ и папъ на главенство католическимъ міромъ,—притязаній, которыя не могутъ интересовать насъ здѣсь. Такимъ образомъ нашъ общій выводъ тотъ, что политическая литература второго періода схоластики, открывающагося эпохою перевода Аристотелевыхъ книгъ на латинскій языкъ, въ своемъ увлеченіи мыслями философа изъ Стагиры, не отнеслась съ должнымъ вниманіемъ къ происходившему въ европейскомъ обществѣ движенію въ пользу ограниченія правъ монарха сословнымъ представительствомъ.

§ 3. Гдѣ же, если не въ ней, искать перваго отраженія новыхъ политическихъ началъ, сознательнаго отношенія къ нимъ и ихъ нравственной поддержки? Отвѣтъ нашъ способенъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Первое проявленіе интереса книжниковъ къ увеличенію народныхъ вольностей и народнаго контроля, сводившагося къ участію магнатовъ въ государственной жизни, я нахожу въ тѣхъ латинскихъ виршахъ, написанныхъ, по всей вѣроятности, членами духовнаго сословія, которыя трудно, по примѣру Райта, озаглавить народными стихами. Одно изъ такихъ сочиненій обнародовано было вслѣдъ за битвою подъ Льюисомъ, въ которой королевское

---

[1]) Кн. III, гл. XXII.

[2]) „De regimine principum“, гл. III, кн. II.

войско Генриха III Англійскаго было разбито ополченіемъ возставшихъ противъ него бароновъ подъ предводительствомъ извѣстнаго Симона де-Монфора. Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этого интереснаго документа. Мы укажемъ затѣмъ, какимъ образомъ, опять-таки въ стихотворной формѣ, но пользуясь на этотъ разъ уже простонародной рѣчью, англійскіе поэты, въ родѣ Гауэра и Оклива, передавая по-своему содержаніе „Тайны тайнъ", или „Аристотелевыхъ вратъ"—этого популярнѣйшаго, хотя и мнимаго трактата князя философовъ, — сумѣли внести въ свое изложеніе самостоятельную оцѣнку тѣхъ качествъ, какія, въ ихъ глазахъ, особенно желательны въ правителѣ для того, чтобы онъ не выродился въ тирана. Все это движеніе политической мысли только подготовляетъ тѣ рѣшенія, какія въ XV вѣкѣ даны будутъ вопросу о примиреніи республики и монархіи въ новомъ типѣ политическаго устройства, представляющемъ въ себѣ черты обоихъ порядковъ. Фортескью назоветъ его, пользуясь терминологіей Ѳомы Аквината и его продолжателя, терминомъ „dominium politicum et regale"— владычество республиканское и въ то же время монархическое. И подъ этимъ довольно неуклюжимъ прозвищемъ сословная монархія перейдетъ въ сферу обсужденія политическихъ мыслителей, а сочиненія Фортескью будутъ цитироваться въ доказательство народныхъ правъ англичанъ и въ эпоху начавшагося поворота въ пользу единовластія, въ правленіе Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ, и даже позднѣе, когда Локку, во второмъ его трактатѣ „О гражданскомъ правительствѣ", при изложеніи началъ конституціонной монархіи придется сдѣлать не одно заимствованіе изъ книгъ бывшаго канцлера Генриха VI.

Причина, по которой въ Англіи преимущественно передъ другими странами сословная монархія привлекла къ себѣ вниманіе книжниковъ и государственныхъ людей, лежитъ въ томъ, что нигдѣ, какъ здѣсь, она не приблизилась въ большей степени къ понятію современнаго правового или конституціоннаго государства. Не только личныя вольности граж-

данъ были признаны еще Великой Хартіей короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 году, но и народное представительство, въ лицѣ депутатовъ отъ городовъ и земельныхъ собственниковъ графствъ, получило довольно широкія полномочія въ дѣлѣ народнаго обложенія и въ контролѣ за администраціей и законодательной властью короля. Средина XV столѣтія, къ которой относится дѣятельность Фортескью, совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда англійская палата общинъ, пользуясь правомъ давать или не давать согласія на обложеніе, на практикѣ воспользовалась имъ для того чтобы принудить правительство къ раздѣлу съ нею и лордами законодательной власти. Взамѣнъ прежнихъ челобитій ея члены вводятъ практику представленія готовыхъ законопроектовъ, или биллей. Тѣ изъ нихъ, которые касаются распоряженія народнымъ кошелькомъ, съ этого времени признаются не подлежащими измѣненію со стороны палаты лордовъ, такъ какъ послѣдняя не можетъ считаться представительницею массы налоговыхъ плательщиковъ. Парламентъ этого времени, т.-е. при династіи Ланкастеровъ, не разъ стремится къ тому, чтобы ввѣрить дѣятельную администрацію лицамъ, вышедшимъ изъ его среды или имъ рекомендованнымъ, и отголосокъ этихъ желаній мы найдемъ въ предложенномъ Фортескью проектѣ составленія королемъ его „тѣснаго совѣта“ изъ лицъ, взятыхъ изъ среды какъ лордовъ, такъ и общинъ. Нѣкоторые принципы ограниченной монархіи, выработанные жизнью и отмѣченные въ сочиненіяхъ Фортескью, настолько входятъ затѣмъ въ общее сознаніе культурной Европы, что лѣтописецъ Филиппъ де-Коминъ считаетъ возможнымъ заявить: „нѣтъ въ мірѣ государствъ, въ которыхъ подданные облагались бы податью безъ ихъ согласія“. И эта мысль настолько сдѣлается популярной, что и при новомъ поворотѣ къ абсолютизму въ правленіе англійскихъ Тюдоровъ и французскихъ Валуа политики, извѣстные ихъ принципіальному противнику Баркле подъ наименованіемъ „монархо-дѣлателей“, т.-е. признающихъ источникомъ

власти короля народный выборъ, будутъ говорить о Турціи и Московіи какъ о единственныхъ странахъ, не знающихъ того, что одно народное согласіе дѣлаетъ поборы закономѣрными.

Съ этимъ по необходимости краткимъ вступленіемъ мы перейдемъ къ изученію тѣхъ литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ постепенно выяснены были основы новаго порядка сословнаго королевства.

§ 4. Начавшійся въ первой половинѣ XIII вѣка поворотъ въ пользу ограниченной сословіями монархіи не замедлилъ отразиться въ сферѣ народной поэзіи и письма. Тогда какъ борьба бароновъ изъ-за Великой Хартіи находитъ въ народѣ, еще коснѣвшемъ въ то время въ рабствѣ, лишь безмолвнаго и равнодушнаго зрителя, энергичная оппозиція англійской аристократіи подъ предводительствомъ Симона де-Монфора встрѣчаетъ повсюду полное сочувствіе и поддержку. Причину такой перемѣны въ отношеніи низшихъ классовъ къ внутренной политикѣ королевства понять нетрудно, если только принять во вниманіе съ одной стороны совершившійся въ ихъ средѣ въ теченіе XIII в. процессъ постепеннаго освобожденія отъ прежней, не столько крѣпостной, столько рабской зависимости, а съ другой—перемѣну въ самомъ характерѣ оппозиціонной политики бароновъ. Сознавая, что безъ поддержки со стороны джентри и горожанъ, исходъ борьбы съ королемъ надолго можетъ остаться сомнительнымъ, Симонъ де-Монфоръ впервые призвалъ рыцарей графствъ и городскихъ депутатовъ въ парламентъ. Этотъ съ его стороны крайне политичный актъ сразу заставилъ смотрѣть на дѣло бароновъ какъ на общее дѣло всего англійскаго народа. Теорія ограниченной сословіями монархіи, проводимая на практикѣ антикоролевской коалиціей, съ этого времени нашла выраженіе и въ народной поэзіи.

Большая эпическая поэма, заключающая въ себѣ 968 латинскихъ стиховъ и, по всей вѣроятности, написанная немед-

ленно вслѣдъ за битвой подъ Льюисомъ, излагаетъ въ живой и болѣе или менѣе поэтической формѣ сумму требованій и желаній враждебной королю партіи.

Какъ содержаніе, такъ и форма разбираемаго мною произведенія не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно написано членомъ духовенства, приверженцемъ и быть-можетъ даже дѣйствующимъ лицомъ во враждебной королю партіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ не однѣ лишь частыя ссылки на Священное Писаніе и многочисленные примѣры изъ Ветхаго и Новаго завѣта, но и полное соотвѣтствіе между воззрѣніями автора на задачи монархіи и обязанности короля и тѣми, какія мы находимъ на этотъ счетъ въ сочиненіяхъ Ѳомы Аквината, Эгидія Колонны и другихъ схоластиковъ. Авторъ не скрываетъ своей симпатіи къ мятежнымъ баронамъ и формулируетъ ихъ требованія съ такимъ знаніемъ дѣла, какое можно предположить лишь въ лицѣ, непосредственно прикосновенномъ къ движенію.

Горячая любовь къ свободѣ, унизительное сознаніе прежняго рабства, готовность не отступать впредь ни предъ какими жертвами для удержанія разъ завоеванной независимости и въ то же время рѣдкая умѣренность въ формулированіи своихъ требованій,—таковы характерныя черты этой единственной въ своемъ родѣ поэмы.

„Нынѣ Англія,—читаемъ мы въ ней,—можетъ легко вздохнуть въ надеждѣ на свободу. Да ниспошлетъ ей Господь полное благоденствіе. Прежде какъ собакъ презирали англичанъ, теперь же они подняли голову надъ своими побѣжденными врагами“ [1]).

За подробнымъ описаніемъ битвы подъ Льюисомъ слѣдуетъ изложеніе самыхъ мотивовъ къ возстанію бароновъ. Съ рѣдкой проницательностью анонимный авторъ разбираемаго нами стихотворенія видитъ настоящую причину къ нему въ борьбѣ двухъ различныхъ системъ политическаго

---

[1]) См. *Wright*, Political songs of England. Изданіе Camden society,1839 г.

устройства, изъ которыхъ одну мы можемъ назвать по описываемымъ имъ признакамъ абсолютной, а другую—ограниченной монархіей.

„Цѣли, преслѣдуемыя обѣими партіями,—говоритъ онъ,—были различны. Король и лица, поддерживавшія его, хотѣли, чтобы онъ былъ свободенъ отъ всякой удержи; такимъ, по ихъ мнѣнію, онъ и долженъ быть по праву. Не дать ему возможности дѣлать, что ему вздумается,—значитъ лишить его королевскихъ преимуществъ. Не дѣло магнатовъ рѣшать, кого король долженъ ставить во главѣ своихъ графствъ, кому поручитъ онъ охрану своихъ замковъ, кого сдѣлаетъ судьей народу, канцлеромъ или казначеемъ королевства. Всѣ чиновники должны быть опредѣляемы на службу и смѣняемы королемъ по его произволу. Онъ можетъ выбирать ихъ изъ кого хочетъ. При назначеніи министровъ онъ слѣдуетъ собственному сужденію, не допуская никакого вмѣшательства со стороны бароновъ въ дѣла королевства; король своимъ одиночнымъ рѣшеніемъ можетъ связывать каждаго, такъ какъ его приказъ долженъ имѣть силу закона“ [1]).

Не довольствуясь изложеніемъ одной теоріи абсолютной монархіи, анонимный авторъ поэмы о битвѣ подъ Льюисомъ знакомитъ насъ съ мотивировкой, даваемой этой доктринѣ ея приверженцами. „Вѣдь всякій графъ,—говоритъ онъ отъ имени поддерживающихъ королевскія притязанія,—самъ себѣ господинъ. Всякому онъ даетъ, что хочетъ и кому хочетъ, надѣляетъ онъ каждаго по собственному усмотрѣнію замками, землями и рентами. Хотя онъ и подданный, король тѣмъ не менѣе предоставляетъ ему въ этомъ полную свободу. Если онъ распоряжается своимъ имуществомъ разумно, тѣмъ лучше для

---

[1]) Переводъ, данный мною въ текстѣ, скорѣе передѣлка, нежели подстрочная передача латинскаго оригинала. Давая его, я слѣдовалъ совѣту издателя, который въ предисловіи къ своему сборнику высказываетъ сожалѣніе о томъ, что, въ ущербъ нерѣдко легкости пониманія, онъ старался перевесть латинскія стихи возможно близко къ подлиннику (см. *Wright*. Political Songs, предисловіе, стр. XIV).

него, если нѣтъ, то онъ же одинъ и несетъ отвѣтственность; король не мѣшаетъ ему вредить самому себѣ. Почему же ставить короля въ худшія условія по отношенію къ распоряженію своимъ достаткомъ, нежели барона, рыцаря или просто свободнаго человѣка? Тѣ, кто желаетъ уменьшить власть короля, стремятся поэтому не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ него раба, лишить его княжескаго достоинства. Они хотятъ съ помощью мятежа поставить королевскую власть въ зависимость отъ себя, подчинить ее своему надзору и лишить короля его законнаго наслѣдія, сдѣлавъ для него невозможнымъ дальнѣйшее осуществленіе тѣхъ широкихъ правъ, какими пользовались его предки. Послѣдніе ни въ чемъ не были подчинены своимъ подданнымъ, свободно вѣдали свои дѣла и надѣляли каждаго имуществомъ по своему усмотрѣнію".

Чтобы достигнуть своей цѣли и поднять короля выше законовъ, его льстивые совѣтники хотѣли бы устранить магнатовъ отъ завѣдыванія дѣлами и поставить во главѣ управленія лицъ презрѣнныхъ и иностранцевъ. Если бы имъ удалось достигнуть своихъ цѣлей и одержать верхъ надъ баронами, масса народа впала бы въ нищету, и больше никто не могъ бы добиться праваго суда иначе, какъ покупая его дорогою цѣною у королевскихъ любимцевъ [1]).

Изложивши политическую программу королевскихъ приверженцевъ, анонимный авторъ разбираемый нами поэмы переходитъ къ формулированію требованій возставшихъ бароновъ. Такимъ образомъ, полагаетъ онъ, можно будетъ путемъ сравненія рѣшить, какая партія права, какая — нѣтъ. Народъ всегда готовъ поддерживать ту, на сторонѣ которой онъ видитъ истину [2]). Говоря отъ имени бароновъ, народный поэтъ энергически протестуетъ противъ возводимаго на нихъ обвиненія въ дурныхъ замыслахъ противъ королевской

---

[1]) См. стихи 547 по 630.

[2]) Ibid., стр. 98.

власти [1]). Бароны преслѣдуютъ совершенно обратныя цѣли они хотятъ реформировать и усилить вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе короля. Если бы королевству грозили внѣшніе враги, бароны поспѣшили бы на его защиту; такъ точно поступаютъ они и теперь. Никто болѣе ихъ не призванъ къ дѣятельности. Но кто же, спрашивается, внутренніе враги королевства? Не кто иной, какъ льстивые совѣтники короля.

Если бы имъ удалось одержать верхъ, масса народа впала бы въ нищету и безсиліе; никто не могъ бы добиться праваго суда, за исключеніемъ лицъ, способныхъ купить его дорогою цѣною; иностранцы были бы призваны управлять страною, магнаты же и все дворянство—устранены отъ завѣдыванія дѣлами; во главѣ королевства поставлены были бы лица презрѣнныя, готовыя унизить и ниспровергнуть великихъ людей царства. Такимъ образомъ внутренній миръ государства былъ бы поколебленъ въ самыхъ своихъ основахъ. Если бы королевству грозили внѣшніе враги, бароны приняли бы несомнѣнно на себя его защиту, такъ точно и теперь, никто болѣе ихъ не призванъ къ борьбѣ съ внутренними врагами,—другими словами, съ обманывающими короля придворными и совѣтниками.

Указавши причину, по которой бароны не только въ правѣ противиться королю, но и обязаны къ тому въ интересахъ государства, авторъ „Битвы подъ Льюисомъ“ переходитъ къ разбору всѣхъ и каждаго изъ королевскихъ притязаній; разсматривая ихъ одно за другимъ, онъ старается доказать, что всѣ они неосновательны и что бароны должны отказывать имъ въ своемъ признаніи.

Король, говоритъ—онъ желаетъ,—быть впредь свободнымъ отъ контроля назначенныхъ ему совѣтниковъ [2]), онъ не хочетъ подчиняться имъ, но желаетъ, дескать, стоять надъ ними, повелѣвать, а не слушаться. Сановники, говоря языкомъ

---

[1]) Ibid., стр. 99.
[2]) Ibid., ст. 630 — 640.

королевскихъ приверженцевъ, не могутъ стоять выше короля, иначе королевствомъ правилъ бы не одинъ король, а нѣсколько королей [1]). Конечно, король нуждается въ совѣтѣ, но зачѣмъ навязывать ему его совѣтниковъ? Они могутъ не удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія король въ правѣ предъявлять къ нимъ, они могутъ быть лишены разума и силы, могутъ имѣть дурные замыслы, быть невѣрными присягѣ, измѣнниками королю. Послѣдній въ правѣ поэтому поставить себѣ вопросъ: почему онъ обязанъ держаться непремѣнно извѣстныхъ лицъ, тогда какъ могъ бы найти болѣе надежную помощь со стороны другихъ? [2]).

На эти требованія партія бароновъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

„Всякое принужденіе не лишаетъ свободы, равно какъ и всякое ограниченіе власти не отнимаетъ послѣдней. Короли хотятъ имѣть полную свободу въ пользованіи своими правами; они отказываются подчиняться чему бы то ни было. Но спрашивается, въ какомъ смыслѣ связываетъ короля хорошій, свободно вотированный законъ? Лишь въ томъ, что не даетъ ему возможности запятнать себя. Такое принужденіе не рабское. Оно скорѣе является расширеніемъ, нежели ограниченіемъ правъ короля [3]). Когда присматриваютъ за царскимъ ребенкомъ, чтобы онъ не причинилъ себѣ вреда, ребенокъ не становится въ силу этого рабомъ. Сами ангелы терпятъ извѣстное ограниченіе своей свободы, которое удерживаетъ ихъ отъ богоотступничества. Тотъ, кто можетъ пасть и кого не допускаютъ до этого, давая ему тѣмъ возможность жить свободнымъ отъ страха, только получаетъ отъ этого пользу для себя. Оказываемая ему поддержка не связана для него съ рабствомъ,—она даетъ защиту его добродѣтели. Королю до-

---

[1]) Ibid., ст. 630 — 640.

[2]) Ibid., стихи. 650 — 665.

[3]) Et haec coarctatio non est servitutis,
Sed est ampliatio regiae virtutis.
(Ibid., стр. 106).

зволено все доброе и запрещено все злое. Таковъ Божескій завѣтъ ему. Тѣ, кто смотритъ за королемъ, чтобы онъ не грѣшилъ, служатъ ему и въ правѣ разсчитывать на его благодарность, такъ какъ они мѣшаютъ ему дѣлаться рабомъ (своихъ страстей).

„Пусть король знаетъ, что ему позволено все, что можетъ служить къ пользѣ его королевства, и запрещено все, что ведетъ къ вреду послѣдняго. Иное дѣло править, какъ требуютъ того принятые на себя обязанности, иное — разорять царство, сопротивляясь закону. Мудрый король не отвергнется отъ своего народа, глупый — разоритъ царство. Если король менѣе мудръ, нежели ему слѣдовало бы быть, какая польза прибудетъ королевству отъ его правленія? Можно ли положиться исключительно на его мнѣніе въ выборѣ лицъ, которыя бы имѣли недостающія ему достоинства? Если онъ одинъ будетъ дѣлать этотъ выборъ, онъ легко можетъ быть обманутъ, такъ какъ не способенъ рѣшить, кто можетъ, а кто не можетъ быть полезенъ. Поэтому пусть земщина (communitas regni) дастъ ему свой совѣтъ, и да будетъ извѣстно сперва мнѣніе тѣхъ, кто наиболѣе свѣдущъ въ законахъ. Жители графствъ не на столько невѣжественны, чтобы не знать лучше иностранцевъ обычаевъ королевства. Тѣ, кто управляется извѣстными законами, болѣе свѣдущи въ нихъ; тѣ, кто испытываетъ ихъ на себѣ, всего ближе знакомы съ ними. Такъ какъ дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, то они, навѣрное, всего заботливѣе отнесутся къ нимъ и будутъ дѣйствовать въ видахъ обезпеченія собственнаго спокойствія...“ „Изъ всего этого,— продолжаетъ авторъ „Битвы подъ Льюисомъ“,—можно заключить, что земщинѣ надлежитъ рѣшить вопросъ о томъ, кто по праву и на пользу государству можетъ быть выбранъ въ совѣтники короля“ [1]).

Возвращаясь лишній разъ къ притязаніямъ короля на неограниченную свободу дѣйствій, авторъ „Битвы подъ Лью-

---

[1]) Ibid., стр. 110 и 111.

исомъ“ замѣчаетъ: „Нельзя назвать по праву свободой возможность, какую имѣютъ глупцы управлять страною противъ разума. Свобода связана закономъ. Разрывать эту связь — значитъ впадать въ глубокое заблужденіе“ [1]).

„Такимъ образомъ,— продолжаетъ авторъ, не скрывая болѣе своей солидарности съ баронами,—ссылка короля на свободу, какую каждый имѣетъ въ распоряженіи тѣмъ, что ему принадлежитъ, не оставлена безъ отвѣта и является въ концѣ-концовъ совершенно опровергнутой, такъ какъ нами показано, что всякій младшій управляется старшимъ. Никто не можетъ дѣлать всего, что ему вздумается, всякій имѣетъ господина, который можетъ исправлять его, когда онъ заблуждается, помогать ему, когда онъ поступаетъ хорошо, и поддерживать его, когда онъ падаетъ“. „Первое мѣсто принадлежитъ земщинѣ. Мы говоримъ также, что законъ управляетъ королемъ, такъ какъ мы думаемъ, что законъ есть свѣтъ, безъ котораго начальствующій сбился бы съ праваго пути“ [2]).

„Обыкновенно говорятъ: чего король хочетъ—то угодно и закону. Истина требуетъ, чтобы мы сказали обратное, такъ какъ законъ остается незыблемымъ, король же падаетъ“ [3]).

„Король не лишается никакихъ наслѣдственныхъ правъ въ томъ случаѣ, когда приняты мѣры къ тому, чтобы коро-

[1]) Nec libertas proprie nominari,
Quae permittit inscie stultos dominari;
Sed libertas finibus juris limitetur,
Spretisque limitibus error reputetur.
(Ibid., стр. 114).

[2]) Praemio praeferimus Universitatem,
Legem quoque dicimus regis dignitatem
Regere, nam credimus esse legem lucem,
Sine qua concludimus deviare ducem.
(Ibid., стр. 115).

[3]) Dicitur vulgariter: „ut rex vult, lex vadit,
Veritas vult aliter, nam lex stat, rex cadit“.
(Ibid., стр. 116).

левскія дѣйствія отвѣчали истинѣ, были исполнены милосердія и не лишены вмѣстѣ съ тѣмъ строгости. Если одного изъ этихъ качествъ не окажется въ королевскихъ поступкахъ, они будутъ противны закону и вредны для государства“ [1]).

Оставляя мало-по-малу полемическую форму, авторъ „Битвы подъ Льюисомъ“ новыми чертами дополняетъ уже на половину представленную имъ характеристику совершеннаго монарха.

„Пусть король,—говоритъ онъ,—никогда не предпочитаетъ личнаго интереса общему... Онъ не поставленъ надъ другими для того, чтобы жить только себѣ на пользу, но для того, чтобы подчиненный ему народъ могъ жить въ спокойствіи и мирѣ. Самое имя короля указываетъ на него, какъ на покровителя народа. Жить лишь себѣ въ удовольствіе не можетъ тотъ, кто долженъ доставлять защиту многимъ. Кто хочетъ жить себѣ на пользу, не долженъ быть поставленъ надъ другими, но жить отдѣльно отъ нихъ, чтобы имѣть возможность всегда быть однимъ“ [2]).

Если король озабоченъ благомъ государства, онъ поистинѣ король. Все, что онъ предпринимаетъ вопреки интересамъ послѣдняго, онъ дѣлаетъ, забывая о своихъ обязанностяхъ.

„Добрый король будетъ любить магнатовъ королевства. Даже въ томъ случаѣ, если онъ одинъ, подобно великому пророку, въ состояніи знать, что дѣлается въ королевствѣ, что необходимо для его управленія и что должно быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, онъ не станетъ скрывать того, что намѣренъ предписать, отъ тѣхъ, безъ чьего содѣйствія его повелѣнія не могутъ быть приведены въ исполненіе. Онъ будетъ поэтому совѣщаться съ подданными насчетъ принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, осуществить которыя онъ не разсчитываетъ соб-

[1]) Стихи 880—890.

[2]) Ст. 900 и слѣд. (Ibid., стр. 118). Сравни De Regimine principum Ѳомы Аквината, liber I, caput primus.

ственными силами. Почему ему не сообщить своихъ намѣренiй лицамъ, у которыхъ онъ затѣмъ будетъ просить содѣйствiя въ ихъ выполненiи. Король долженъ поэтому совѣщаться съ своими магнатами насчетъ принятiя мѣръ, полезныхъ для государства и способныхъ поддержать въ послѣднемъ миръ и спокойствiе. Король долженъ окружать себя туземцами, а не иностранцами. Онъ не долженъ также выбирать совѣтниковъ изъ числа своихъ любимцевъ; послѣднiе нерѣдко устраняютъ всѣхъ другихъ и отмѣняютъ хорошiе обычаи королевства. Станетъ же король дѣлать обратное тому, что ему здѣсь предписывается, захочетъ онъ унизить собственныхъ подданныхъ, нарушить нормальный строй королевства, — то напрасно будетъ онъ спрашивать, почему задѣтые въ ихъ интересахъ подданные не хотятъ болѣе повиноваться ему. Поистинѣ они были бы глупцами, если бы стали это дѣлать“ [1]). Такими словами заканчиваетъ авторъ свою поэму, внося такимъ образомъ въ начертанный имъ проектъ конституцiи одно изъ тѣхъ правъ, которое, хотя и было включено въ Великую Хартiю Вольностей, до сихъ поръ оспаривается многими публицистами,—право, самое крайнее изъ всѣхъ тѣхъ, которыя должны принадлежать свободному народу. Я разумѣю право возстанiя,—право, которымъ англiйскiй народъ пользовался неоднократно въ своей исторiи и практическому осуществленiю котораго онъ обязанъ сохраненiемъ своихъ въ теченiе вѣковъ завоеванныхъ вольностей.

§ 4. Сословная монархiя, въ которой король, будучи лишь первымъ между равными, не ставилъ бы себя выше закона, не распоряжался бы по личному усмотрѣнiю собственностью своихъ подданныхъ, а, напротивъ, строго соблюдалъ бы права и вольности всѣхъ и каждаго изъ сословiй королевства, таковъ идеалъ, къ осуществленiю котораго стремится политическая жизнь англiйскаго народа въ теченiе всей второй половины среднихъ вѣковъ.

---

[1]) „Immo si sic facerent essent insensati.“ (Ibid., стр. 970).

Народныя пѣсни, парламентскія пренія, сочиненія юристовъ и политиковъ заключаютъ въ себя наглядное выраженіе вышеуказанныхъ задачъ. Борьба съ цѣлымъ рядомъ явленій, представляющихъ почти непреодолимую преграду къ достиженію этого завѣтнаго идеала, составляетъ ихъ обыкновенное содержаніе. Король не можетъ взимать съ народа недозволенныхъ сборовъ и располагать по произволу вотированными сословіями суммами. Мало ему его доходовъ съ доманіальныхъ имуществъ! Вольно же раздаривать ихъ недостойнымъ любимцамъ! Постойная и квартирная повинность—только поводъ къ открытому грабежу со стороны королевскихъ служителей. Принудительные займы—безцеремонное посягательство на имущество частныхъ лицъ, а конфискація феодальныхъ помѣстій подъ самыми неблаговидными предлогами—открытый грабежъ. Вотъ жалобы, къ которымъ въ теченіе всего занимающаго насъ періода возвращается англійскій народъ въ своихъ петиціяхъ, вотъ злоупотребленія, отмѣны которыхъ онъ одинаково требуетъ въ своихъ пѣсняхъ, своихъ парламентскихъ преніяхъ, своихъ юридическихъ и политическихъ трактатахъ.

Съ рѣдкой прозорливостью ему удается открыть настоящую причину зла въ усиливающемся съ каждымъ поколѣніемъ милитаризмѣ и въ обусловливаемомъ имъ фискальномъ характерѣ королевской администраціи. Этотъ характеръ присущъ былъ ей, правда, съ самаго завоеванія. Администрація королей норманской династіи не иное что, какъ нормальный ходъ той сложной политической машины, которую мы привыкли обозначать именемъ фискальной монархіи. Первые Плантагенеты, въ числѣ ихъ Ричардъ Львиное Сердце и Іоаннъ Безземельный, вызываютъ обширностью своихъ владѣній, богатствомъ своего двора, громадностью доходовъ, точностью публичнаго счетоводства и своевременнымъ поступленіемъ государственныхъ сборовъ въ казначейство, съ одной стороны, зависть, съ другой—подражаніе въ сосѣднихъ правителяхъ Франціи и Германіи. Гдѣ, какъ не въ Англіи, искать полити-

ческій образецъ для законодательной дѣятельности Филиппа Августа? Чѣмъ инымъ, съ другой стороны, какъ не образцовымъ устройствомъ доманіальнаго и финансоваго управленія, объяснить силу и могущество англійскихъ правителей, начиная отъ Вильгельма Завоевателя и оканчивая Ричардомъ I?

Но если фискальный характеръ составляетъ исконную черту королевской администраціи въ Англіи, если онъ занесенъ былъ въ эту страну еще норманскимъ нашествіемъ, то, съ другой стороны, его отяготительность для народа, его способность постепенно извлечь изъ страны лучшіе ея соки и подкосить въ корнѣ зародыши всякаго мало-мальски свободнаго строя выступаютъ съ наглядностью не ранѣе періода Эдуардовъ. Пока королевскіе домены оставались всецѣло въ рукахъ казны, гарантируя ей неизмѣнный и независимый отъ согласія сословій бюджетъ, пока доставляемыя ими весьма значительныя суммы доходовъ затрачиваемы были исключительно на цѣли внутренней политики, ежегодный балансъ представлялъ постоянно избытокъ полученій надъ затратами. Короли не видѣли поэтому необходимости обращаться къ исключительнымъ и чрезвычайнымъ средствамъ съ цѣлью увеличенія своей казны. Но когда обстоятельства измѣнились, начиная съ славнаго, правда, но весьма тяжелаго для страны царствованія Ричарда I и столько же безславнаго, сколько и несчастнаго для Англіи, правленія Іоанна Безземельнаго, крестовый походъ, а затѣмъ непрекращающіяся войны съ Франціей потребовали почти ежегодной затраты большей части доходовъ внѣ предѣловъ королевства. Въ ближайшемъ столѣтіи расточительность, съ какой Эдуарды стали обогащать своихъ любимцевъ въ ущербъ доманіальному управленію, уменьшила болѣе чѣмъ на половину доставляемыя послѣднимъ суммы. Вызванное указанными причинами безденежье заставило короля обратить въ обыкновенныя статьи дохода тѣ чрезвычайныя и исключительныя средства, пользованіе которыми оставляли въ его рукахъ

неопредѣленность и растяжимость обычаевъ и постановленій, регулирующихъ королевскую прерогативу.

Замѣчательно, что тѣ же причины,—я разумѣю усиленіе милитаризма и уменьшеніе королевскихъ доменовъ,—вызвали одновременно и во Франціи оживленіе фискальной политики и побудили короля этой страны обратиться къ тѣмъ же чрезвычайнымъ способамъ обогащенія казны, съ характеромъ которыхъ въ Англіи мы намѣрены теперь ближе ознакомить читателя.

Въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ мною въ разное время и посвященныхъ двумъ совершенно различнымъ предметамъ, я старался указать, къ какимъ послѣдствіямъ въ сферѣ какъ общей, такъ и мѣстной администраціи повело развитіе фискальной политики въ обѣихъ такъ долго враждебныхъ другъ другу и тѣмъ не менѣе такъ сходныхъ по своему внутреннему устройству средневѣковыхъ монархіяхъ. Мнѣ удалось установить, что вызванная фискальной политикой система безконечнаго увеличенія числа отдаваемыхъ на откупъ должностей не только исказила средневѣковый характеръ администраціи и суда, но и увеличила, по крайней мѣрѣ во Франціи, созданіемъ цѣлаго класса чиновниковъ, свободныхъ отъ платежа налоговъ, бремя несомыхъ простымъ народомъ государственныхъ повинностей и сборовъ. Тогда какъ въ области администраціи и суда фискальный характеръ повелъ къ возникновенію начала продажи должностей, въ сферѣ экономической жизни народа онъ отразился созданіемъ цѣлаго ряда весьма тягостныхъ для частныхъ лицъ государственныхъ или, точнѣе сказать, королевскихъ повинностей и службъ. Эти послѣднія вызваны были къ жизни главнымъ образомъ слѣдующими тремя причинами: во-первыхъ, постояннымъ обращеніемъ правительства первыхъ трехъ Эдуардовъ къ принудительнымъ и рѣдко когда выплачиваемымъ королемъ займамъ; во-вторыхъ, неоднократной конфискаціей отдѣльныхъ помѣстій въ пользу казны, нерѣдко подъ самыми неблаговидными предлогами; въ-третьихъ, эксплоатаціей въ

широкихъ размѣрахъ принадлежащихъ королю феодальныхъ правъ, въ числѣ ихъ права на прокормленіе его самого, его семьи и свиты во все время пребыванія ихъ внѣ стѣнъ принадлежащихъ ему замковъ.

Хотя ни одна изъ вышеуказанныхъ мѣръ не заставляла короля выходить изъ предѣловъ предоставленной ему прерогативы, тѣмъ не менѣе, неограниченное обращеніе къ нимъ рано или поздно должно было повесть къ ниспроверженію всѣхъ завоеванныхъ сословіями правъ и прежде всего права на полную свободу въ распоряженіи своимъ имуществомъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, могли служить предписанія Великой Хартіи, если никто изъ подданныхъ королевства не могъ воспротивиться присвоенію королемъ его имущества, а обязанъ былъ уступить его въ собственность дворцовымъ слугамъ по первому ихъ требованію и всего чаще безъ всякаго вознагражденія. Неудивительно послѣ сказаннаго, если такія проявленія фискальнаго произвола встрѣтили дружный отпоръ не одних лишь представителей сословій, но и политическихъ писателей.

Энергическимъ противникомъ только что перечисленныхъ чрезвычайныхъ способовъ пополненія королевской казны является во второй половинѣ XIV вѣка архіепископъ кентерберійскій Симонъ Ислепъ. Біографія этого замѣчательнаго реформатора въ сферѣ церковной администраціи изложена въ извѣстномъ трудѣ Моока „Жизнеописаніе архіепископовъ Кентерберійскихъ“ [1]) настолько подробно, насколько дозволяла это скудность дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ. Полная интереса для церковнаго историка, она будетъ затронута нами лишь въ той мѣрѣ, въ какой знакомство съ нею необходимо для правильной оцѣнки единственнаго оставленнаго Ислепомъ политическаго трактата,—я разумѣю его „Зерцало короля Эдуарда III“ (Speculum Regis Edwardi Tercii [2]).

1) Lives of the Archbishops of Canterbury.

2) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ этотъ трактатъ озаглавленъ „Exortatio Regis Edwardi tercii“ (См. Ms. Mus. Brit. Bibl. Cotton Faustina B. 1).

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ ни о времени ни о мѣстѣ рожденія архіепископа Симона; это не мѣшаетъ, однако, большинству писателей выводить изъ самаго его наименованія—Ислепъ—то заключеніе, что родиной его было мѣстечко этого имени, расположенное въ Оксфордскомъ графствѣ.

Изъ дошедшаго до насъ свидѣтельства Іоанна Питзейскаго и изъ эпитафіи, вырѣзанной на надгробномъ памятникѣ самого епископа Симона въ кентерберійскомъ каѳедральномъ соборѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что въ своей юности занимающій насъ писатель получилъ широкое для его времени образованіе. Іоаннъ Питзейскій говоритъ о немъ какъ о человѣкѣ, весьма свѣдующемъ одинаково въ классической литературѣ, богословіи, римскомъ и каноническомъ правѣ [1]).

Эта похвала кажется до нѣкоторой степени преувеличенною, по крайней мѣрѣ по отношенію къ знакомству Ислепа съ римской древностью. Не слѣдуетъ забывать, что въ его время въ высшемъ духовенствѣ попадались еще, хотя правда и рѣже, чѣмъ въ XII или XIII столѣтіяхъ, лица, способныя говорить и писать по-латыни, употреблять выраженія и цѣлые обороты рѣчи, встрѣчающіеся у классическихъ писателей; примѣромъ можетъ служить хотя бы современникъ Симона, архіепископъ іоркскій, John Thoresby [2]).

Поэтому отсутствіе въ сочиненіяхъ Ислепа всякаго подобія римской конструкціи и неоднократное употребленіе имъ словъ, представляющихъ латинизированные термины разговорнаго норманскаго языка, невольно наводятъ на мысль, что его знакомство съ классиками было весьма незначительно. Наша догадка находитъ рѣшительное подтвержденіе въ оставленномъ Ислепомъ трактатѣ. Подкрѣпляя на каждомъ шагу

[1]) Вотъ подлинныя слова Іоанна Питзейскаго: „humaniarum litterarum, utriusque juris et theologiae peritissumus". Relationum historicarum de rebus Anglicis tomus primus, 1619 года, стр. 498.

[2]) См. Lives of the Archbishops of Canterbury, IV, стр. 135.

высказываемые имъ взгляды ссылками на другихъ писателей, епископъ Симонъ не приводитъ иныхъ авторитетовъ, кромѣ священныхъ книгъ и сочиненій отцовъ церкви. Въ двухъ только мѣстахъ его разсужденій мы встрѣчаемъ имя Сенеки. Но читалъ ли онъ въ подлинникѣ этого писателя, или заимствовалъ приводимыя имъ философскія сентенціи изъ сочиненій одного изъ отцовъ церкви, хотя бы, напримѣръ, изъ трактата блаженнаго Августина De civitate Dei[1]), остается открытымъ вопросомъ.

Высказываемому нами взгляду не противорѣчитъ также и то обстоятельство, что въ одной изъ главъ „Зерцала" приведены нѣкоторыя данныя изъ жизни „Александра Македонскаго". При ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ ихъ оказывается, что они цѣликомъ заимствованы изъ весьма распространеннаго въ то время средневѣкового сказанія и потому отнюдь не могутъ служить доказательствомъ знакомства автора съ греческой или римской исторіографіей.

Но если за Ислепомъ нельзя признать широкаго классическаго образованія, то, съ другой стороны, ему нельзя отказать въ значительной начитанности въ средневѣковой литературѣ хроникъ, легендъ, богословскихъ, нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ трактатовъ. Его „Зерцало" носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ чтенія имъ не только англійскихъ, но и французскихъ хроникъ, Гильома де-Нанжисъ (De rebus gestis Ludovici Noni) и „Исторіи Александра Великаго" де-Преля,—другими словами, написаннаго въ X вѣкѣ архипресвитеромъ Лео латинскаго сказанія о жизни македонскаго завоевателя. Указанные источники доставляютъ ему матеріалъ для ряда дидактическихъ сентенцій. Обстоятельное чтеніе Ислепомъ не только священныхъ книгъ, но и средневѣковыхъ богословскихъ, нравственныхъ и поли-

---

[1]) Capitulum X Unde Seneca Quanta dementia est haeredi tuo multa procurare, et tibi ipsi omnia negare . . . . Unde dicit Seneca: timere debes mortem propter morientium necessitatem, mors enim nulli parcit.

тическихъ трактатовъ доказывается постоянными ссылками на сочиненія Григорія, Іеронима и Августина [1]). Въ знакомствѣ же его съ законодательствомъ и юридической литературой своей родины едва ли можетъ быть сомнѣніе, съ одной стороны, въ виду продолжительнаго пребыванія его въ должности сперва члена королевскаго совѣта, а затѣмъ личнаго секретаря Эдуарда III и хранителя его печати [2]), съ другой—въ виду весьма значительнаго участія его въ церковномъ законодательствѣ Англіи съ момента назначенія на постъ архіепископа кентерберійскаго.

Изъ всего сказаннаго видно, что по своему образованію Ислепъ является въ полномъ смыслѣ слова продуктомъ своего времени.

Мы знаемъ теперь, какова была теоретическая подготовка, полученная занимающимъ насъ писателемъ. Остановимся на вопросѣ о томъ, благодаря какимъ обстоятельствамъ онъ пріобрѣлъ практическое знакомство съ механизмомъ англійской администраціи, съ внутренней жизнью двора и тайными пружинами, двигавшими политикой Эдуарда III, въ виду чего его трактатъ является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ для историка этого царствованія.

Подготовку для своей публицистической дѣятельности Ислепъ получилъ еще задолго до своего возвышенія въ санъ архіепископа, благодаря весьма короткимъ дружескимъ отношеніямъ съ двумя видными политическими дѣятелями, архіепископомъ кентерберійскимъ Страфордомъ и епископомъ линкольскимъ Бургершемъ. Первый игралъ далеко не послѣднюю роль въ смутахъ, предшествовавшихъ низложенію Эдуарда II, второй сдѣланъ былъ генеральнымъ казначеемъ Англіи съ самаго воцаренія Эдуарда III.

---

[1]) Главы 3, 5, 12.

[2]) Въ двухъ почти одновременно возникшихъ актахъ, изъ которыхъ одинъ отпечатанъ въ Anglia Sacra, т. 1, стр. 43, а другой можетъ быть найденъ въ Rymers Foedera (1347 г.), Simon Jslep названъ partitor или custos sigilli privati Regis et ejus secretarius.

Покровительствуемый епископомъ линкольскимъ, Ислепъ получилъ доступъ не только ко двору, но и къ самому королю. Въ должности сперва его совѣтника, затѣмъ личнаго секретаря Эдуарда, будущій авторъ „Зерцала“ имѣлъ возможность вдоволь наглядѣться на тѣ злоупотребленія, какія онъ съ такою смѣлостью обличилъ передъ королемъ. Чрезмѣрная расточительность двора, затрата большей части государственныхъ доходовъ на содержаніе коней и военныхъ доспѣховъ, раздача доманіальныхъ земель недостойнымъ любимцамъ, соединеніе нѣсколькихъ церковныхъ бенефицій въ однѣхъ рукахъ, обремененіе королевскаго имущества превышавшими его цѣнность долгами и производство, несмотря на то, новыхъ принудительныхъ займовъ, не прекращающееся высасываніе изъ народа лучшихъ соковъ путемъ поборовъ и вымогательствъ королевской свиты и чиновниковъ, — все это Симонъ Ислепъ имѣлъ возможность увидѣть не разъ собственными глазами, прежде чѣмъ передать о нихъ потомству поражающими живостью красками, сильной, энергичной и неустрашимой рѣчью. Она не преминула произвесть ожидаемое впечатлѣніе на короля и вызвала въ немъ благородную рѣшимость по собственной инициативѣ отмѣнить по крайней мѣрѣ часть такъ рѣзко поставленныхъ ему на видъ злоупотребленій.

Избранный въ 1349 году въ архіепископы кентерберійскіе и вслѣдъ за тѣмъ утвержденный или, лучше сказать, назначенный папою [1]) на этотъ важный постъ, Симонъ Ислепъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ самое тяжелое время. Моровая язва, обошедши сперва прочія страны Западной Европы, свирѣпствовала въ Англіи, какъ нигдѣ [2]). Я не имѣю возможности говорить здѣсь о дѣятельной роли,

[1]) Папою въ это время былъ Климентъ VI. Отступая отъ обычной формы, онъ прислалъ Симону pallium, въ которомъ послѣдній объявленъ былъ архіепископомъ „per provisionem apostolicam spreta electione facta de eo“. (См. Hook., т. IV, стр. 115).

[2]) См. мою „Полицію рабочихъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ“.

какую принялъ на себя Ислепъ въ устраненіи одного изъ гибельныхъ послѣдствій чумы,—уменьшенія ею числа членовъ низшаго духовенства; я не стану говорить, въ какой мѣрѣ принятыя имъ мѣры доставили сельскому населенію возможность легкаго удовлетворенія его религіозныхъ потребностей; всѣ эти вопросы имѣютъ большой интересъ для церковнаго историка и не представляютъ никакого для насъ, затрогивающихъ біографію Ислепа лишь настолько, насколько это необходимо для правильной оцѣнки его политико-литературной дѣятельности. По только что указанной причинѣ я не вдамся также въ разборъ законодательныхъ и административныхъ распоряженій архіепископа.

Не буду задаваться вопросомъ, въ какой мѣрѣ имъ подготовленъ знаменитый статутъ „De provisoribus“, явившійся такимъ существеннымъ ограниченіемъ папскаго произвола при назначеніи членовъ высшаго духовенства въ Англіи.

Для меня интересно знать лишь то, что страхъ смерти, распространившійся вмѣстѣ съ моровою язвою не въ одномъ простомъ народѣ, но и между членами привилегированныхъ сословій и среди приближенныхъ короля, и продолжавшій держаться много мѣсяцевъ спустя послѣ прекращенія эпидеміи, съ рѣдкой ловкостью эксплоатированъ былъ архіепископомъ въ интересахъ облегченія участи простого народа. Напоминая королю объ угрожающей ему съ часу на часъ кончинѣ и необходимости приготовить свою душу къ переходу въ вѣчность, Ислепъ съ большой смѣлостью поставилъ ему на видъ необходимость собственной властью отмѣнить цѣлый рядъ злоупотребленій и вымогательствъ, вкравшихся постепенно въ администрацію. Исторія показываетъ, что старанія Ислепа не пропали даромъ. Въ 1352 году изданъ былъ статутъ, которымъ строго запрещено было на будущее время королевскимъ слугамъ брать съ жителей зерно, сѣно, подстилки, скотъ и всякаго рода припасы иначе, какъ подъ условіемъ вознагражденія по рыночной цѣнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано, чтобы королевскіе слуги не рубили деревьевъ, посаженныхъ

въ границахъ усадебныхъ земель, и не уводили овецъ раньше, какъ послѣ того, когда кончится время ихъ стрижки, даже подъ условіемъ вознагражденія, разъ на то не послѣдуетъ согласія хозяевъ. Дополненный нѣкоторыми новыми постановленіями, принятыми въ 28 и 36 годахъ царствованія Эдуарда III, Вестминстерскій статутъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, съ корнемъ извлекъ изъ страны одно изъ главнѣйшихъ злоупотребленій, на которое въ правѣ былъ жаловаться простой народъ,— я разумѣю возможность для королевскихъ чиновниковъ отнимать у крестьянъ ихъ имущество подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что послѣднее необходимо для содержанія королевскаго двора.

Замѣчательно, что въ протоколахъ парламентскихъ преній мы не находимъ никакихъ данныхъ, которыя бы дали намъ право заключить, что, отмѣняя вышеуказанныя весьма укоренившіяся злоупотребленія, король уступалъ настояніямъ представителей отъ общинъ. Изъ полнаго молчанія послѣднихъ на этотъ счетъ мы, напротивъ, имѣемъ право заключить, что король принялъ самъ на себя иниціативу въ запрещеніи произвольныхъ поборовъ, по всей вѣроятности подъ живымъ впечатлѣніемъ строгихъ, правда, но вполнѣ заслуженныхъ упрековъ со стороны архіепископа кентерберійскаго. Послѣдніе, по всей вѣроятности, сдѣланы были ему не ранѣе конца 1350 года и начала 1351. Говоря это, я тѣмъ самымъ отношу моментъ представленія Ислепомъ своей „Rogatio ad Regem“, или „Прошенія королю“, къ періоду времени между совершеннымъ прекращеніемъ чумы [1]) и началомъ второй сессіи парламента со времени „черной смерти“.

---

[1]) Моровая язва свирѣпствовала въ Англіи не болѣе года (*Hook*, Lives of the Archbishops ot Canterbury, m IV, стр. 117), значитъ время прекращенія ея можно отнести къ концу 1350 года. Парламентъ былъ созванъ не ранѣе февраля 1351 года, слѣдовательно Speculum былъ написанъ и представленъ королю не ранѣе конца 1350 года и не позже начала 1352 года.

Указавъ на то, какую подготовку получилъ авторъ изучаемаго нами трактата и опредѣливши время составленія послѣдняго, мы приступимъ къ передачѣ самаго его содержанія. Отступая въ этомъ отношеніи отъ порядка изложенія трактата по главамъ, мы постараемся извлечь изъ „Зерцала“ его основную мысль и остановимся затѣмъ на развитіи авторомъ наиболѣе интересовавшихъ его частностей.

Архіепископъ Ислепъ не скрываетъ своего предпочтенія формѣ монархическаго устройства, радикально противоположной той, осуществленія которой Эдуардъ III добивался во все время своего царствованія. Его идеалъ — идеалъ монарха, связаннаго законами и обычаями страны, щедраго по отношенію къ церкви и духовенству, бережливаго въ своемъ домашнемъ обиходѣ, строгаго въ соблюденіи правъ частныхъ лицъ и прежде всего ихъ права собственности. „Ты долженъ знать,—говоритъ онъ,—обращаясь къ королю, что, по мнѣнію мудрыхъ философовъ [1]), передающихъ Божескія словеса, королевская власть должна быть ограничена закономъ установленными учрежденіями, и притомъ не только по виду, но и на дѣлѣ, дабы всѣ знали, что царь боится Бога Великаго и подчиняется Его всемогуществу. Люди лишь въ томъ случаѣ уважаютъ и страшатся короля, когда видятъ

Что Speculum былъ составленъ послѣ окончаніе моровой язвы, это видно изъ самаго его содержанія, въ которомъ неоднократно говорится о „черной смерти“ и о вызванной ею чрезвычайной смертности какъ о событіяхъ уже прошедшихъ.

Въ доказательство же того, что Speculum не могъ быть составленъ позже конца 1351 года намъ достаточно указать на изданіе въ началѣ 1352 г. статута, отмѣняющаго злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь въ трактатѣ Ислепа.

[1]) Это мѣсто могло бы дать поводъ думать, что Ислепъ, вопреки высказанному мнѣнію, знакомъ былъ съ философскими сочиненіями древнихъ. Мы спѣшимъ поэтому замѣтить, что, говоря о философахъ, передающихъ Божескія словеса, онъ разумѣетъ лишь авторовъ священныхъ книгъ: Исхода, Второзаконія, Экклезіаста, ссылками на которыя наполнено все его изложеніе.

его почитающимъ Бога, богобоязливымъ. Если же онъ только дѣлаетъ видъ, что подчиняется законамъ, а на дѣлѣ причиняетъ одно зло, то такъ какъ дурныхъ дѣяній нельзя скрыть отъ народа, король будетъ осужденъ Богомъ и презираемъ людьми, власть и могущество его падутъ и слава его смѣнится безславіемъ [1]).

Желая указать королю на различіе между послушнымъ законамъ, справедливымъ и благочестивымъ монархомъ и тираномъ, преслѣдующимъ однѣ личныя выгоды и не признающимъ для себя никакой удержи, архіепископъ Ислепъ обращается къ излюбленной формѣ церковнаго краснорѣчія,— къ до очевидности прозрачной притчѣ.

„Существовалъ,—говоритъ онъ,—въ нѣкоемъ царствѣ обычай, въ силу котораго король не могъ править страною и даже оставаться въ ней болѣе одного года. Въ теченіе же этого времени онъ могъ поступать какъ ему вздумается. Едва тѣ, кому принадлежало избраніе царя, сдѣлали свой выборъ, новый правитель немедленно окружилъ себя большимъ придворнымъ штатомъ и завелъ множество коней для войны; правдами и неправдами онъ пріобрѣлъ много сокровищъ для государственной казны и никакихъ для самого себя. По окончаніи года онъ былъ внезапно схваченъ и сосланъ на одинъ островъ, гдѣ безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи продолжалъ жить въ нищетѣ и бѣдствіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ избранъ былъ на престолъ новый царь. Размышляя о томъ, что произошло съ его предшественни-

---

[1]) Unde Domine Rex scire debes secundom Philosophos sapientes, quod decet Regiam Majestatem obtemperari legalibus institutis, non in facti apparentia sed in facti evidentia, ut omnes cognoscant Regem timeri Deum excelsum. Tunc enim solent homines reverire et timere regem quando vident eum et timere et reverere Deum. Si autem in apparentia ostendit se legibus obtemperare et in operibus sit malefactor, cum difficile sit nefaria opera celari et apud populum ignorari, a Deo reprobabitur et ab hominibus contemnetur, diminuetur ejus imperium, Diadema gloriae suae carebit honore (Speculum, cap XIII, fol 73 и 74).

комъ, онъ постарался собрать съ царства сколько возможно болѣе благъ и отослалъ ихъ на тотъ островъ, куда его должны были послать по истеченіи года. Заготовивши предварительно все для себя нужное, онъ прожилъ на немъ затѣмъ въ довольствѣ и избыткѣ.

То же,—прибавляетъ Ислепъ,—повторяется и съ королями этого и другихъ царствъ. Послѣ смерти ихъ ссылаютъ на малый островъ,—другими словами, тѣла ихъ складываютъ въ могилу. Тѣ, которые проходятъ впослѣдствіи мимо ихъ гробницы говорятъ: „Вотъ этотъ былъ хорошій царь: полный миръ господствовалъ въ его государствѣ, и всѣ радовались при видѣ его; много монастырей онъ настроилъ, отмѣнилъ дурные порядки своей земли, совершилъ много подвиговъ благотворительности. Не имѣлъ онъ обыкновенія отбирать чужую собственность, давая за нее хозяину меньшую цѣну противъ требуемой“. И о другихъ совершенныхъ имъ добрыхъ дѣлахъ будетъ упомянуто у его могилы, и вознесутъ прохожіе молитвы къ небу за спасеніе его души и всѣхъ почившихъ въ правовѣріи душъ, дабы онѣ преизобиловали въ блаженствахъ.

Царь, — прибавляетъ отъ себя Ислепъ, — строящій монастырь или пріютъ для бѣдныхъ, тѣмъ самымъ болѣе пріобрѣтаетъ для себя самого, нежели тотъ, который воздвигнетъ сто замковъ и крѣпостей въ своемъ государствѣ; не даромъ же говорятъ, что всюду, гдѣ стоитъ замокъ, сосѣднее населеніе теряетъ въ своемъ благосостояніи; напротивъ, гдѣ есть монастырь, тамъ вся окрестная мѣстность возрастаетъ въ благоденствіи.

Тѣ же,—продолжаетъ архіепископъ,—кто пройдетъ мимо могилы другого короля, скажутъ про него: „Вотъ этотъ былъ тираномъ. Не было мира въ его время, самъ онъ не платилъ долговъ, отнималъ имущество у бѣдныхъ, ихъ курицъ и пѣтуховъ, ихъ овесъ и сѣно, и много другихъ причинилъ онъ бѣдствій. Всюду, куда онъ ни являлся, страна терпѣла отъ его прихода, всюду слѣдовали за нимъ печаль и горесть“. И

скажутъ въ заключеніе, перечисливъ всѣ причиненные имъ бѣдствія: „Да пощадитъ Господь его душу“ [1]).

Чтобы вполнѣ отвѣчать тѣмъ требованіямъ, какія Ислепъ предъявляетъ къ доброму монарху, Эдуардъ обязанъ въ частности не только соблюдать существующіе въ странѣ законы, привилегіи и обычаи, но и исправлять ихъ, отмѣняя отяготительные для народа и духовенства порядки [2]).

Долги, заключенные какъ имъ самимъ, такъ и его предшественниками, Эдуардъ долженъ сполна выплатить кредиторамъ [3]).

Чтобы имѣть возможность сдѣлать это, ему необходимо воздержаться отъ той расточительности, съ какой онъ доселѣ раздавалъ земли и имущества своимъ любимцамъ [4]), и помнить, что, по общему мнѣнію, доходовъ короля не достаточно для покрытія всѣхъ его долговъ. Каждый разъ, когда впредь король захочетъ сдѣлать новое пожалованіе, пусть онъ приметъ во вниманіе, во-первыхъ, насколько онъ въ состояніи это сдѣлать, во-вторыхъ, въ какой мѣрѣ необходимо производство самаго дара, въ-третьихъ, каковы заслуги лица, въ пользу котораго пожалованіе должно воспослѣдовать. „Король, раздающій имущества государства лицамъ недостойнымъ и ненуждающимся,—говоритъ Ислепъ,—грабитель общей собственности гражданъ, разоритель царства, не способный поэтому править имъ“ [5]).

Если, съ одной стороны, король не долженъ безъ толку раздавать имуществъ казны просителямъ, то, съ другой, онъ

---

1) *Longman*. Life and times of Eduard III, vol. I, стр. 144. Speculum Regis Edwardi, Capitulum X.

2) Certe omnes consuetudines hujus regni et omnia privilegia et omnia statuta, ubicunque in foresta vel aliis partibus regni quae sunt S. Ecclesiae vel pauperibus vel communitati hujus regni damnosa omnibus viris tuis . . . habito consilio tuo, faceres amoveri. (Speculum, глава VI).

3) Ibid., Cap. Quintum.

4) Ibid., Cap. VII.

5) Ibid., Cap. VII.

еще менѣе имѣетъ права увеличивать собственное достояніе незаконнымъ удержаніемъ въ своихъ рукахъ владѣній умершихъ вассаловъ или другими недозволенными средствами. Всѣ имущества должны быть возвращены лицамъ, у которыхъ они отняты, а за неимѣніемъ ихъ—наслѣдникамъ. То же должно быть сдѣлано по отношенію къ доходу этихъ имѣній съ самаго года ихъ поступленія въ казну [1]).

Частная собственность должна быть неприкосновенна какъ для короля, такъ и для его придворныхъ; король поэтому не долженъ ни отбирать у подданныхъ ихъ имуществъ за меньшую плату, противъ требуемой хозяевами, ни вынуждать съ нихъ дарового труда въ свою пользу, ни обязывать ихъ къ содержанію себя самого со свитою во время переѣздовъ по графствамъ. Поставить на видъ королю злоупотребленія, производимыя въ этомъ отношеніи поставщиками его двора (procuratores curiae), составляло главную задачу автора „Зерцала“. Неудивительно, если Іслепъ постоянно возвращается къ новымъ жалобамъ на незаконные поборы королевскихъ чиновниковъ и всѣми силами старается убѣдить Эдуарда отказаться отъ нихъ на будущее время. Въ его глазахъ королевскія вымогательства не имѣютъ никакого мало-мальски разумнаго основанія. Они немыслимы даже въ военное время, не то, что въ мирное. Самъ папа, отъ котораго король держитъ всю Англію [2]), не позволяетъ себѣ ничего подобнаго. Чтобы поступать съ бѣднымъ народомъ, какъ дѣлаютъ это королевскіе слуги, надо быть ворами и разбойниками, или посланцами сатаны (глава IV), а не чиновниками королевства и слугами царскими.

Велико поэтому наказаніе, ожидающее короля и лицъ его свиты, если они не исправятъ своего поведенія; оно ждетъ ихъ не въ одной лишь будущей жизни, но и въ настоящей;

---

1) Ibid., Cap. VI.

2) Ipse papa, a quo tu tenes totam terram Anglicanam, hoc non facit (fol, 63 v⁰). Іслепъ, очевидно, имѣетъ въ виду обращеніе Англіи Іоанномъ Безземельнымъ въ папскій ленъ.

пусть король только вспомнитъ о судьбѣ своего отца [1]), (Эдуарда II), низложеннаго собственными подданными. Можетъ ли король предвидѣть, какъ и чѣмъ недовольный народъ сумѣетъ повредить ему. И нынѣ уже народъ печалится при видѣ короля и не преминетъ возрадоваться его кончинѣ. Напрасно король думаетъ, что можетъ очистить совѣсть свою отъ всѣхъ беззаконій одной покупкой индульгенцій. Церковь запрещаетъ выдачу послѣднихъ своимъ врагамъ, а такими должны быть почитаемы всѣ немилосердые къ бѣднымъ [2]).

Живыми красками описываетъ Ислепъ бѣдствія, причиняемыя народу королевскими поборами. Одна мрачная картина смѣняется у него другой, вызывая время отъ времени восклицанія и угрозы со стороны самого разсказчика. „Причина, почему народъ опечаленъ твоимъ восшествіемъ на престолъ,—говоритъ королю архіепископъ,—та, что слуги твои отбираютъ многія имущества противъ воли ихъ хозяевъ, платя имъ за нихъ меньше того, что они желаютъ. Прежде чѣмъ получить съ твоихъ слугъ слѣдуемую сумму, хозяева принуждены бываютъ перемѣститься на разстояніе пяти или шести, а иногда и болѣе лье (leuga) и сверхъ того ждать еще цѣлый день, а подчасъ отказаться отъ части слѣдуемаго, чтобы получить остальную. Такова одна изъ причинъ народной скорби. Другая причина, почему народъ горюетъ и страждетъ подъ твоимъ управленіемъ, та, что поставщики твоего двора (procuratores tuae curiae) берутъ людей и лошадей, работающихъ въ полѣ, и скотъ, пашущій землю и доставляющій зерно на посѣвъ, и заставляютъ ихъ работать на тебя въ теченіе двухъ или трехъ дней, что,—прибавляетъ Ислепъ,—*не должно имѣть мѣста даже въ военное время, такъ какъ и тогда священники, монахи, послушники, купцы и крестьяне, живущіе земледѣліемъ, равно и рабочій скотъ,*

---

[1]) Speculum, глава VI.

[2]) Ibid., глава XI, fol, 58 v⁰.

должны пользоваться полнымъ миромъ. Тѣмъ болѣе такое поведеніе несправедливо въ такое мирное время, какъ теперь. Сверхъ того,—продолжаетъ архіепископъ, переходя къ третьей причинѣ народнаго недовольства,—всюду, куда ты приходишь съ твоей свитой, нѣтъ мира. Каждый разъ, когда въ томъ или другомъ приходѣ требуютъ для тебя людей, лошадей и возовъ, жители продпочитаютъ заплатить полмарки, а иногда и болѣе, съ тѣмъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и не требовали отъ нихъ производства работъ въ твою пользу. На слѣдующій же день, а иногда и въ самый день заключенія сдѣлки, возы и лошади, вопреки обѣщанію, отбираются снова по распоряженію тѣхъ изъ членовъ твоей же свиты, которые пришли въ селеніе послѣ ухода прежнихъ. Неудивительно, если, услыхавъ о твоемъ приближеніи, бѣдные люди или продаютъ своихъ курицъ, утокъ и все, что у нихъ есть, или съѣдаютъ и пропиваютъ ихъ изъ страха потерять что имѣютъ. То же бы сдѣлали они,—прибавляетъ Ислепъ,—если бы знали о приближеніи воровъ и грабителей.

„Прошу тебя, государь, не разгнѣвайся на меня,—продолжаетъ онъ въ одной изъ ближайшихъ главъ, — если къ сказанному я прибавлю еще слѣдующее. Однажды приходитъ въ деревню нѣкто изъ твоей свиты за курами и утками для твоей провизіи. Въ числѣ другихъ лицъ, у которыхъ онъ отобралъ ихъ добро, была бѣдная женщина. Все ея имущество состояло изъ одной курицы, которая въ недѣлю можетъ дать четыре или пять яицъ,—число, едва ли достаточное для прокормленія. Твой служитель даетъ обыкновенно за забранное одинъ, самое большее полтора динарія (или пенса), подчасъ ничего. Бѣдная женщина не хотѣла бы отдать своей курицы и за три динарія. Взятая силою курица варится для твоего стола; ты, съѣдая ее, радуешься, бѣдная же женщина горюетъ; ты смѣешься, она плачетъ; ты полняешь чрево твое незаконно пріобрѣтенной курицей, а голодаетъ и проситъ подаянія; ты пиршествуешь роскпно на счетъ всего, несправедливо тобою присвоеннаго,

она почти не имѣетъ чего съѣсть; ты живешь въ чрезмѣрной роскоши, она въ крайней нищетѣ; ты ходишь въ золотыхъ одеждахъ, она — въ лохмотьяхъ; ты преизобилуешь во всемъ, она во всемъ нуждается; ты держишь открытый столъ со своими рыцарями и придворными, съ радостью вкушающими изысканныя яства, она же живетъ съ дѣтьми, плачущими отъ недостатка хлѣба. Спрашиваю тебя, какую смѣлость, какую дерзость долженъ ты имѣть, чтобы вкушать отъ такой курицы, чтобы весело пиршествовать на счетъ имуществъ, столь несправедливо тобою присвоенныхъ?

Предупреждаю тебя, радости твои превратятся въ горе и печаль, буде ты не измѣнишь твоего поведенія въ ближайшемъ будущемъ" [1]).

Не одни лишь міряне страдаютъ отъ королевскихъ поборовъ. Отъ нихъ не избавлены и члены духовенства. „Скажу о себѣ самомъ,—говоритъ Ислепъ,—что каждый разъ, когда я услышу о твоемъ приходѣ, я разстроенъ, все равно, гдѣ бы я ни былъ, дома, въ полѣ, въ церкви, при занятіи дѣлами или отправленіи богослуженія. Когда же кто-нибудь изъ твоей свиты стучится ко мнѣ въ дверь, я впадаю еще въ большую тревогу. Когда же ты намѣреваешься гостить у меня, тогда безпокойство мое возрастаетъ до невѣроятной степени. По мѣрѣ того, какъ ты приближаешься, увеличивается моя печаль и усиливается мой страхъ. И страхъ этотъ остается во мнѣ до тѣхъ поръ, покуда ты не покинешь тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я пребываю" [2]).

Говоря королю о вымогательствахъ, жертвою которыхъ является англійскій народъ въ его царствованіе, авторъ „Зерцала" указываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и на причины, породившія эти поборы. Злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь,— утверждаетъ Ислепъ,—существуютъ не со вчерашняго дня, а уже болѣе сорока лѣтъ. Эдуардъ I первый присвоилъ себѣ

---

[1]) Speculum, глава XII.
[2]) Speculum, глава IV, fol. 137.

незаконную прерогативу отбирать у жителей имущество за меньшую плату противъ той, какую требуетъ продавецъ [1]). Если король доселѣ принужденъ производить несправедливые поборы, то главнымъ образомъ потому, что его средствъ не хватаетъ на содержаніе того громаднаго числа коней, какимъ могутъ похвастаться королевскія конюшни. Придворные, правда, утверждаютъ, что обиліе коней необходимо королю для того, чтобы быть всегда готовымъ къ защитѣ королевства, „но,—прибавляетъ Ислепъ,—по моему мнѣнію, они могутъ лишь тѣшить его гордость, служа въ то же время къ разоренію его королевства“ [2]).

Говоря это, Ислепъ обнаруживаетъ и короткое знакомство съ характеромъ англійской администраціи въ эпоху Эдуардовъ и проницательность въ оцѣнкѣ тѣхъ слѣдствій, какія необходимо должно было повлечь за собою развитіе милитаризма. Увеличеніе военныхъ издержекъ, усиленіе фискальной политики и размноженіе случаевъ посягательства на исконныя права и вольности англійскаго народа, въ его глазахъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, являются кольцами одной и той же цѣпи. Чѣмъ больше королю приходится затрачивать средствъ на содержаніе войска, тѣмъ значительнѣе должны быть и производимые имъ съ народа поборы. При невозможности же обложить народъ бо́льшими противъ вотируемыхъ парламентомъ налоговъ, королю не остается другого средства, какъ прибѣгнуть къ индивидуальнымъ вымогательствамъ съ частныхъ лицъ, къ суровому вынужденію съ народа натуральныхъ службъ и сборовъ, квартирной и постойной повинностей.

Понимая дѣйствительную причину зла, видя въ милитаризмѣ самаго опаснаго противника англійскихъ вольностей и виновника народныхъ бѣдствій, Ислепъ упорно настаиваетъ на необходимости отказаться отъ непроизводительныхъ,—по-

---

[1]) Speculum, глава VIX, fol. 74.
[2]) Ibid., глава VII.

лагаетъ онъ,—затратъ на содержаніе конницы. „Подумай, о король, — говоритъ архіепископъ, — чего стоитъ тебѣ въ годъ содержаніе одного лишь коня. Каждый изъ нихъ нуждается въ присмотрѣ за собою по меньшей мѣрѣ одного человѣка. Послѣдній ежедневно получаетъ на свои издержки не менѣе полутора динаріевъ; сверхъ того для содержанія коня идетъ ежедневно два динарія на овесъ и одинъ динарій на сѣно, что въ общей сложности составитъ 4 динарія въ день. Такимъ образомъ въ недѣлю издержки возрастутъ до двухъ солидовъ, семи съ половиной динаріевъ,—сумма, на которую легко можно прокормить отъ четырехъ до пяти бѣдныхъ“. Продолжая далѣе начатое вычисленіе, Ислепъ показываетъ, что въ годъ содержаніе одного коня съ конюшимъ стоитъ королю 6 ливровъ 12 динаріевъ. Столько же будетъ затрачено на нихъ сверхъ нужной на пропитаніе суммы. Что же послѣ этого стоитъ въ годъ содержаніе всѣхъ лошадей и конюшихъ? „Не говорю уже о грабительствахъ, вымогательствахъ и другихъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ послѣдними,—прибавляетъ Ислепъ.—А между тѣмъ нѣтъ никого, кто былъ далъ тебѣ, о король, мудрый и здравый совѣтъ уменьшитъ число твоихъ коней, дабы имѣть возможность уплатить твои безчисленные долги, равно и долги твоего отца. Даже тогда, когда долги твои будутъ погашены, не лучше ли тебѣ выдавать то, что стоятъ тебѣ твои кони, бѣднымъ, духовенству и странникамъ, или употреблять на другое благочестивое дѣло“. Чтобы убѣдить короля, что съ помощью Божьей онъ и безъ большого войска въ состояніи одержать побѣду надъ врагами, Ислепъ щедро сыплетъ цитатами изъ священныхъ книгъ, припоминаетъ побѣду Моисея надъ амалекитянами и чудо, которымъ Господь спасъ народъ Израильскій отъ преслѣдовавшаго его египетскаго войска.

Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы эти наставленія и примѣры оказали на воинственнаго монарха ожидаемое архіепископомъ дѣйствіе. Превосходство англійской конниц

надъ французской было слишкомъ очевидно въ глазахъ Эдуарда III, чтобы побудить его отказаться отъ нея въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ за Ислепомъ остается та заслуга, что онъ первый указалъ на обратную сторону успѣховъ англійскаго оружія. Въ непобѣдимой конницѣ видѣли дотолѣ одно средство къ возвеличенію англійскаго народа. Ислепъ открылъ въ ней еще главнѣйшую причину его постепеннаго обѣднѣнія.

Желая отвернуть короля отъ военныхъ предпріятій и обратить его къ подвигамъ мира, Ислепъ постоянно совѣтуетъ Эдуарду не слѣдовать примѣру того или другого изъ его норманскихъ предшественниковъ, а подражать доброму королю Эдуарду Исповѣднику [1]), продолжавшему слыть еще въ это время образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Подобно ему Эдуардъ долженъ быть милостивымъ къ бѣднымъ и духовенству и какъ Людвикъ IX почтительнымъ и покорнымъ папѣ. Пусть также не забываетъ онъ того, съ какой радостью принялъ его англійскій народъ, когда онъ впервые прибылъ изъ-за моря (глава II) и какъ поставилъ его себѣ королемъ, дабы онъ правилъ какъ равный равными [2]). Слѣдуя указаннымъ ему примѣрамъ и поминая прошлое, король не преминетъ отмѣнить несправедливые обычаи и вопіющія злоупотребленія; онъ озаботится изданіемъ статута, которымъ запрещено будетъ, подъ строгимъ наказаніемъ, отбирать у кого бы то ни было его имущество противъ воли, повелѣно покупать нужное для короля за условленную съ продавцомъ плату и подъ условіемъ вносить ее на мѣстѣ и сполна, наконецъ, требовать съ жителей отправленія натуральныхъ службъ и поставки лошадей и возовъ въ наиболѣе удобное для нихъ время. Если все это будетъ постановлено, со всѣхъ сторонъ явятся люди, которые сами предложатъ нужное для короля

---

[1]) Speculum, гл. IV.

[2]) „Unde domine Rex, non tradas oblivioni, qualiter gens Anglicana constiterit te Regem (глава IX).

и принесутъ его къ самымъ дверямъ дворца, какъ это и дѣлалъ народъ въ счастливое царствованіе Генриха III. Народъ перестанетъ тогда скорбѣть, какъ онъ скорбѣлъ во все время правленія Эдуарда II и съ самаго воцаренія Эдуарда III, а, напротивъ того, возрадуется и возвеселится много.

§ 5. Одной изъ любимѣйшихъ формъ средневѣковой дидактической поэзіи въ Англіи являются политико-педагогическія разсужденія о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ монархѣ, о его обязанностяхъ къ подданнымъ и способахъ хорошаго управленія ими. Всѣ эти разсужденія представляютъ частью буквальный переводъ, частью переработку апокрифическаго посланія Аристотеля къ Александру Македонскому. Они возникаютъ одновременно съ первыми попытками стихосложенія на англійскомъ языкѣ, т.-е. во второй половинѣ XIV вѣка, и считаютъ своими авторами самихъ родоначальниковъ англійской поэзіи—Гауера и Окклива.

Вторая половина XIV вѣка съ ея выработанной борьбою теоріей ограниченной сословіями монархіи необходимо должна была наложить извѣстный отпечатокъ на характеръ поэтической обработки лже-Аристотелевыхъ ученій въ области права и политики. Неудивительно поэтому, если, удерживая старинную форму назиданій Аристотеля своему ученику, стихотворцы XIV и слѣдующихъ столѣтій включали въ нее новое содержаніе, насквозь проникнутое политическими идеями времени. Наглядный примѣръ такой радикальной перемѣны въ направленіи дидактической литературы представляетъ сочиненіе Gower'a „Confessio Amantis“. Какъ одна изъ первыхъ поэмъ, написанныхъ на англійскомъ языкѣ, она составляетъ неизбѣжный предметъ изученія всякаго историка литературы. Гораздо менѣе извѣстна она писателямъ, затрогивающимъ явленія общественной и политической жизни въ средневѣковой Англіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Гауеръ, по характеру своихъ воззрѣній, можетъ быть названъ прямымъ предшественникомъ Фортескью, быть-можетъ, однимъ изъ первыхъ писателей, взявшихъ на себя системати-

ческое изложеніе обязанностей короля къ подданнымъ въ ограниченной сословіями монархіи.

Мы намѣрены познакомить поэтому читателя съ тѣми главами его „Confessio Amantis“, въ которыхъ заключается частью простая передача, частью передѣлка отдѣльныхъ главъ „Тайны тайнъ“, говорящихъ о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ королѣ, или о порокахъ, которыхъ онъ долженъ избѣгать, и о способахъ наилучшаго управленія ввѣренной ему Богомъ страною. На рядѣ извлеченій, которыя мы приведемъ изъ седьмой книги занимающаго насъ сочиненія, читатель самъ въ состояніи будетъ усмотрѣть, какой радикальный переворотъ переживала вмѣстѣ съ англійскимъ народомъ его политическая литература во второй половинѣ XIV вѣка.

Горячій приверженецъ завоеванныхъ англичанами конституціонныхъ [1]) вольностей, Гауеръ постоянно высказываетъ мысли, совершенно противоположныя ходячимъ дотолѣ представленіямъ. Онъ говоритъ о необходимости ограниченія произвола правителя участіемъ въ дѣлахъ членовъ землевладѣльческаго сословія, къ которому самъ онъ принадлежалъ [2]). Поступая такимъ образомъ, онъ въ то же время вполнѣ сохраняетъ форму мнимо - Аристотелевыхъ назиданій, давая, однако, нерѣдко далеко не буквальный переводъ послѣднихъ. Онъ поступаетъ такимъ образомъ каждый разъ, когда мысли, высказываемыя „Тайной тайнъ“, идутъ въ разрѣзъ съ его теоріей ограниченной монархіи. Подобно мнимому Аристотелю, Гауеръ говоритъ о четырехъ добродѣтеляхъ, какъ о необходимыхъ украшеніяхъ добраго монарха, о мудрости, щедрости, справедливости и мягкосердіи; подобно ему онъ подчиняетъ короля одному только Богу и признаетъ за

[1]) См. предисловіе Reinhold Pauli къ изданію Confessio Amantis. Лондонъ, 1857 г. стр. XXX и слѣд.

[2]) Ibid., стр. XI.

нимъ право жизни и смерти [1]) по отношенію къ подданнымъ [2]).

Разсужденія мнимаго Аристотеля о томъ, какъ король долженъ избѣгать сластолюбія [3]) и расточительности, кому онъ можетъ и кому не долженъ дѣлать подарковъ, воспроизведены изучаемымъ нами стихотворцемъ [4]). То же можно сказать о совѣтѣ быть милостивымъ въ наказаніи и по возможности избѣгать казни преступниковъ [5]). Слѣдуя такимъ образомъ въ своемъ изложеніи избранному имъ восточному образцу, Гауеръ въ то же время успѣшно вставляетъ по поводу высказываемыхъ имъ положеній современныя ему ученія о конституціонной монархіи, объ обязанности короля слѣдовать во всемъ совѣту парламента, держаться строго предписаній закона, не облагать подданныхъ произвольными поборами и поручать отправленіе правосудія не зависимымъ отъ администраціи и неподкупнымъ судьямъ.

Такъ какъ въ этихъ правилахъ заключаются основныя начала парламентскаго строя, то мы не считаемъ излишнимъ познакомить читателей съ соображеніями, приводимыми Гауеромъ въ доказательство необходимости ихъ признанія. Подобно своему оригиналу, Гауеръ говоритъ о томъ, что король долженъ искать совѣта [6]), но тогда какъ въ „Тайнѣ тайнъ“ монархъ не считается связаннымъ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ, Гауеръ придерживается на этотъ счетъ обратнаго мнѣнія. Вставляя въ форму весьма прозрачной притчи современныя ему пререканія между приверженцами абсолютнаго и конституціоннаго режима, онъ разсказываетъ о томъ, какъ послѣ смерти Соломона его молодой преемникъ Ровоамъ, слѣдуя просьбѣ народа, собраннаго въ парламентѣ (?), обра-

---

1) Ibid., III тома, стр. 152, 177 и 190, стр. 143.
2) Ibid., стр. 233.
3) Ibid., стр. 153 и 157.
4) Ibid., стр. 177.
5) Ibid., ст. 221.
6) Ibid., стр. 222, 223, 232.

тился съ вопросомъ, какъ ему управлять, сперва къ старшимъ по возрасту совѣтникамъ, затѣмъ къ младшимъ. Тогда какъ первые ограничились совѣтомъ слѣдовать волѣ народа и приводить въ исполненіе его требованія, послѣдніе, напротивъ, стали настаивать на томъ, чтобы король ни въ чемъ не отступалъ отъ политики своихъ предшественниковъ и упорно стоялъ за свою королевскую прерогативу. Продолжая говорить словами молодыхъ королевскихъ совѣтниковъ, Гауеръ употребляетъ подлинныя слова, съ которыми, по свидѣтельству Библіи, Ровоамъ обратился къ помилованнымъ имъ, правда, но далеко не замиреннымъ поселянамъ: „Отецъ мой кормилъ васъ ранами, я же вскормлю васъ скорпіонами“. „Молодой король,—прибавляетъ Гауеръ,—послушался этихъ дурныхъ совѣтовъ и сталъ вскорѣ затѣмъ приводить ихъ въ исполненіе, чѣмъ вызвалъ недовольство въ своихъ подданныхъ и побудилъ ихъ къ открытому мятежу“. Объявивши себя рѣшительнымъ приверженцемъ ограниченнаго образа правленія, Гауеръ въ частности совѣтуетъ королю, подчиняться во всемъ закону [1]), не облагать народа произвольными и отяготительными поборами и поручать отправленіе правосудія праведнымъ, ученымъ и мудрымъ судьямъ, назначеніе которыхъ онъ оставляетъ въ его рукахъ [2]).

Представленный нами бѣглый очеркъ политическихъ воззрѣній, попадающихся въ Confessio Amantis, показываетъ, какимъ измѣненіямъ стали подвергаться не отвѣчавшія болѣе дѣйствительности ученія писателей схоластики объ отношеніи короля къ подданнымъ. Мы видимъ, что отъ самой теоріи неограниченнаго правленія, развиваемой въ Secreta Secretorum, не уцѣлѣло ничего, кромѣ нѣсколькихъ чисто нравственныхъ предписаній насчетъ поведенія, какого долженъ держаться король въ своей частной и публичной

---

[1]) Въ одномъ лишь отношеніи король не связанъ законами, а именно въ отношеніи къ праву помилованія.

[2]) Ibid., стр. 178.

жизни. Зато форма изложенія осталась прежней, и такой мы встрѣчаемъ ее и цѣлые полвѣка спустя въ стихотворномъ разсужденіи Thomas'a Occlev'a De Regimine principum, къ разбору котораго мы и перейдемъ въ настоящее время [1]).

Съ самаго начала мы принуждены сказать, что это пресловутое произведеніе представляетъ гораздо меньше интереса для исторіи политической мысли, нежели только что разобранное нами сочиненіе Гауера. Какъ написанное безъ всякихъ политическихъ цѣлей, человѣкомъ, не принимавшимъ никогда участія въ событіяхъ времени, оно не лишено интереса для исторіи языка, литературы и нравовъ Англіи въ первой половинѣ XV вѣка. Что же касается до воззрѣній автора по вопросамъ государственнаго устройства, то они, по недостатку оригинальности, любопытны лишь настолько, насколько отражаютъ собою ходячіе въ его время взгляды если не политическихъ дѣятелей, то того класса общества, который посвящалъ свое время болѣе созерцательной, нежели дѣятельной жизни и продолжалъ питать свой умъ политико-дидактическими произведеніями предшествующихъ столѣтій.

Самъ авторъ говоритъ намъ въ прологѣ къ своему сочиненію, что оно написано по совѣту одного монаха изъ нищенствующей братіи. Въ трудную минуту жизни автора, когда, благодаря прежней расточительности, ему не оставалось на что существовать, монахъ далъ ему счастливую мысль изложить стихами содержаніе, съ одной стороны, политическихъ назиданій Аристотеля Александру, съ другой—не менѣе извѣстнаго въ схоластической литературѣ разсужденія Эгидія Колонны „De Regimine principum". Составленная такимъ путемъ компиляція должна была поступить къ принцу Уэльскому съ ходатайствомъ о денежной помощи.

Изъ этихъ двухъ сочиненій первое легло въ основу стихотворенія Occlev'a и дало общую нить для его изложенія.

[1]) Написано въ 1412 или 1411 году. (См. предисловіе къ изданію Роксберскаго клуба, 1860 г., стр. XI.).

Эгидій Колонна и еще другой политико-дидактическій писатель, Іаковъ де-Сассоль, въ своемъ Jeu des échez, вмѣстѣ съ Gesta Romanorum и средневѣковыми легендами, сочиненіями Боеція и Августина и жизнью Александра Македонскаго, доставили матеріалъ для вставокъ и содержаніе нѣкоторыхъ частныхъ мыслей автора. Являясь такимъ образомъ, какъ онъ и самъ сознается въ томъ, болѣе выразителемъ чужихъ взглядовъ, нежели самостоятельнымъ мыслителемъ, Окқливъ тѣмъ не менѣе время отъ времени вставляетъ въ свое изложеніе такого рода поученія, которыя, будучи вызваны современными ему явленіями общественной и политической жизни, нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ мыслями излагаемыхъ имъ писателей.

Тогда какъ одинъ изъ его образцовъ—Эгидій Колонна—ставитъ короля выше закона, Occleve подчиняетъ его послѣднему. „Князь,—говоритъ онъ въ своемъ обращеніи къ Генриху,—во всемъ соблюдай законъ и отнюдь не нарушай его ни однимъ изъ твоихъ поступковъ. Повиноваться ему обязанъ король, и это повиновеніе лучшій залогъ благородства его дѣйствій. Законъ—вѣрнѣйшая охрана спокойствія и мира. Пока онъ соблюдается въ странѣ, королю не грозитъ никакая опасность“ [1]).

Въ этихъ словахъ, заключающихъ въ себѣ воззрѣнія конституціонной партіи и косвенный намекъ на причины, поведшія къ низложенію послѣдняго изъ Плантагенетовъ—Ричарда II, Окқливъ является вполнѣ сыномъ своего времени и истолкователемъ его политическихъ задачъ и стремленій.

Такимъ же выступаетъ онъ передъ нами и въ тѣхъ частяхъ своего произведенія, въ которыхъ даетъ королю совѣты насчетъ порядка наблюденія за дѣйствіями его чиновниковъ

---

[1]) Какъ и въ предшествующихъ моихъ переводахъ, я болѣе старался схватить смыслъ, нежели передать самую форму изложенія автора.

...Сравни съ приведеннымъ въ текстѣ отрывкомъ главу изъ De Regimine principum, въ которой авторъ занимается рѣшеніемъ вопроса—лучше ли для страны быть подъ управленіемъ хорошаго закона или добраго князя?

и слугъ, замѣщенія церковныхъ бенефицій и производства внутреннихъ займовъ. „Король можетъ быть справедливъ,— разсуждаетъ онъ, — и въ то же время причинять народу неправду, помимо своей воли, чрезъ посредство дурныхъ слугъ и чиновниковъ. Поэтому пусть онъ наблюдаетъ за ихъ образомъ дѣйствій и исправляетъ по возможности дѣлаемое ими зло. Онъ и называется королемъ потому, что обязанъ пещись о народѣ. Буде его слуги безнаказанно станутъ утѣснять народъ, король не въ правѣ болѣе называть себя правителемъ. Нѣтъ ему въ этомъ случаѣ другого названія, кромѣ грабителя народа и разрушителя царства [1]). При назначеніи на тѣ или другія церковныя должности король долженъ отдавать предпочтеніе не любимцамъ своимъ, а людямъ наиболѣе достойнымъ [2]). Займы онъ имѣетъ право дѣлать у своихъ подданныхъ, особенно же у купцовъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ отдачи назадъ всего занятаго у нихъ. Буде онъ не станетъ соблюдать по отношенію къ нимъ принятыхъ на себя обязательствъ, имя его будетъ покрыто позоромъ. Когда бѣдный человѣкъ не устоитъ въ договорѣ, его хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму; когда же лордъ не соблюдаетъ своего слова, то хотя люди и не порицаютъ его открыто, тѣмъ не менѣе онъ является посрамленнымъ навсегда. Всего же менѣе король долженъ нарушать данное обѣщаніе. Не даромъ онъ слыветъ за подобіе Божіе, а Богъ — сама истина, сама правда.

Далеко не заключая въ себѣ такой полной передачи основныхъ принциповъ ограниченной сословіями монархіи, какую мы находимъ у Гауера, сочиненіе Окклива знакомитъ насъ тѣмъ не менѣе съ рядомъ правилъ и предписаній, вызванныхъ къ жизни успѣшной борьбой лордовъ и общинъ изъ-за политической свободы и отражающихъ на себѣ воззрѣнія партіи, благопріятной удержанію и развитію въ Англіи

---

[1]) См. стр. 91 и 92.
[2]) См. стр. 104.

конституціонныхъ учрежденій. Въ этомъ заключается его право на вниманіе со стороны историка политической мысли.

ГЛАВА V.

Ученіе о правительствѣ одновременно монархическомъ и республиканскомъ канцлера Англіи Джона Фортескью.

§ 1. Джонъ Фортескью происходилъ изъ семейства, родоначальникомъ котораго былъ выходецъ изъ Котантина, въ южной Нормандіи, въ эпоху завоеванія Англіи Вильгельмомъ I. Родился онъ между 1394 и 1396 годами. Согласно утвержденію епископа Танера, Фортескью получилъ высшее образованіе въ Экзетерскомъ коллегіумѣ, въ Оксфордѣ, и прошелъ обычные въ это время тривіумъ и квадривіумъ. Изъ собственныхъ показаній его видно, что всѣ науки преподавались въ Оксфордѣ на латинскомъ языкѣ, что въ число ихъ входили не только логика, грамматика и риторика, но и римское и каноническое право. Изъ сочиненій Фортескью не видно, однако, знакомства его съ греческимъ языкомъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ встрѣчаются, правда, выдержки изъ „Политики“ Аристотеля и древней исторіи Діодора Сицилійскаго, но эти выдержки сдѣланы, первыя — по латинскому переводу Аристотелевой „Политики“ ученика Ѳомы Аквината, Гильома де-Моербека; вторыя — по латинской же передачѣ Діодора, бывшей во всеобщемъ распространеніи въ эпоху литературной дѣятельности Фортескью. Что касается до знакомства послѣдняго съ латинской рѣчью, то оно было болѣе практическимъ, нежели теоретическимъ.

Такія словопроизводства, какъ tyranus отъ tyro (названіе финикійскаго города), rex отъ regere и т. п., свидѣтельствуютъ о томъ, что его познанія въ области лингвистики были весьма

скромны; что касается до языка, которымъ написаны сочиненіе о „естественномъ правѣ“ и „Похвалы англійскимъ законамъ“, то это языкъ судебныхъ протоколовъ и юридическихъ трактатовъ, лишенный всякаго изящества и литературной отдѣлки. Тогда какъ незнакомство съ греческимъ языкомъ закрыло Фортескью навсегда доступъ къ чтенію какъ поэтовъ, такъ и историковъ и политиковъ Греціи, въ томъ числѣ Платона, Ѳукидида, стоиковъ и Полибія, знаніе латинскаго доставило ему возможность ознакомиться далеко не со всѣми тѣми латинскими писателями, изученіе которыхъ входитъ въ составъ современнаго классическаго образованія. Достаточно будетъ сказать, что изъ сочиненій Цицерона Фортескью, какъ и его современники, могъ прочесть одни лишь трактаты о службахъ, должностяхъ и о законахъ.

Сочиненія Фортескью заключаютъ въ себѣ неоспоримыя доказательства тому, что его начитанность, не уступая ни въ чемъ той, какая встрѣчалась въ средѣ его современниковъ, въ то же время должна была ограничиться вышесказанными довольно узкими рамками. Этотъ фактъ любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что бросаетъ свѣтъ на вопросъ объ оригинальности его политическихъ воззрѣній. Ученіе о сословной монархіи, впервые нашедшее себѣ, какъ мы увидимъ ниже, систематическое выраженіе въ сочиненіяхъ изучаемаго нами писателя, не могло быть заимствовано изъ незнакомыхъ ему теорій смѣшаннаго образа правленія, попадающихся одинаково въ сочиненіяхъ Платона, Полибія, Цицерона и Тацита. Отрывочныя замѣчанія, встрѣчающіяся на этотъ счетъ въ VII гл. 4 кн. Аристотеля, повидимому, не произвели на него никакого впечатлѣнія, такъ что онъ, всегда готовый подкрѣплять свои мнѣнія ссылками на общепризнанные авторитеты, нигдѣ не упоминаетъ о предпочтеніи, оказываемомъ Аристотелемъ смѣшаннымъ формамъ устройства. Чего не открыли ему извѣстные XV вѣку писатели древности, то было найдено имъ вполнѣ самостоятельно, путемъ изученія англійскаго законодательства, англійской судебной и парламентской прак-

тики. Доступъ къ этому новому источнику юридико-политическихъ свѣдѣній не былъ открытъ ему, однако, въ университетѣ, въ которомъ, по его собственному утвержденію, англійское законодательство не являлось предметомъ изученія. Фортескью познакомился съ послѣднимъ практически съ момента поступленія въ число адвокатовъ Линкольской корпораціи въ Лондонѣ.

Въ 1425 году Фортескью пріобрѣлъ возможность оказать рѣшительное вліяніе на характеръ внутренняго устройства и преподаванія въ этой корпораціи, сдѣлавшись, по выбору своихъ товарищей, ея президентомъ. Какъ воспользовался онъ широкими правами, предоставленными ему этимъ избраніемъ, мы не беремся судить за недостаткомъ біографическихъ данныхъ. Несомнѣнно лишь то, что въ этомъ почетномъ званіи онъ заслужилъ вполнѣ уваженіе своихъ товарищей, которые поспѣшили возобновить его выборъ въ 1426—29 годахъ. Какъ велика была репутація, пріобрѣтенная Фортескью не только въ средѣ его товарищей по профессіи, но и англійскихъ судей, можно судить по тому, что въ 1430 году ему оказана была высшая честь, какой могли удостоиться ученые адвокаты въ Англіи. При отсутствіи степени баккалавра и доктора права,—степеней, раздаваемыхъ, правда, континентальными университетами, но неизвѣстныхъ англійскимъ,—единственнымъ средствомъ отличить наиболѣе опытныхъ и знающихъ адвокатовъ являлось возведеніе ихъ въ званіе „сержанта закона". Послѣднее не могло имѣть мѣста иначе, какъ по предложенію верховнаго судьи палаты общихъ тяжбъ, притомъ съ согласія прочихъ судей королевства. По показаніямъ самого Фортескью, число лицъ, удостоиваемыхъ ежегодно этой чести, не превышало 7—8 человѣкъ. Однимъ изъ этихъ семи въ 1430 году былъ и занимающій насъ писатель. Двѣнадцать лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ его въ должности верховнаго судьи палаты общихъ тяжбъ. Не въ примѣръ прочимъ адвокатамъ, попадавшимъ въ высшіе судьи не иначе, какъ по прохожденіи низшихъ должностей, Фортескью сдѣланъ былъ непосредственно

верховнымъ судьею на мѣсто умершаго Джона Годи. Какъ судья изучаемый нами писатель пріобрѣлъ одну изъ самыхъ завидныхъ извѣстностей; какъ современники, такъ и позднѣйшіе біографы одинаково говорятъ о его неподкупности, глубокомъ знаніи законовъ и умѣніи поддерживать достоинство своей магистратуры въ столкновеніяхъ съ незаконными притязаніями правительства. Одинъ фактъ изъ числа многихъ можетъ быть приведенъ здѣсь съ цѣлью показать, что великій публицистъ XV вѣка умѣлъ отстоять когда слѣдовало на практикѣ то начало независимости судей, на необходимость признанія котораго онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Получивши отъ короля приказъ отпустить на волю одного изъ подсудимыхъ, Фортескью не раньше согласился привести въ исполненіе королевское требованіе, какъ по предъявленіи ему письменныхъ полномочій за подписью канцлера, указывая тѣмъ самымъ, что въ его глазахъ королевская воля имѣла значеніе лишь въ случаѣ облеченія ея въ предписанную закономъ форму. Публицистическая и политическая дѣятельность Фортескью начинается не раньше первыхъ неудачъ Ланкастерскаго дома. Съ захватомъ престола Эдуардомъ Іоркскимъ судебная карьера горячаго приверженца Ланкастеровъ необходимо должна была прекратиться. Возведенный незадолго передъ тѣмъ въ званіе канцлера королевства (въ 1460 году), Фортескью послѣ пораженія ланкастерскаго войска подъ С-тъ Албаномъ сопровождаетъ Генриха VI сперва въ сѣверныя графства, а затѣмъ въ Шотландію. Его вѣрность династіи такъ велика, что онъ не останавливается передъ мыслью вступить въ ряды сражающихся за правое дѣло. Мы находимъ его съ мечомъ въ рукахъ въ битвахъ при Таутонѣ, Брауписѣ и Дейтонѣ, кончившихся такъ неудачно для Ланкастеровъ. Послѣ неоднократныхъ пораженій Генрихъ VI переходитъ границу въ надеждѣ найти въ Шотландіи не только убѣжище, но и дѣятельную помощь. Фортескью сопровождаетъ его въ изгнаніи. Въ то время, какъ король озабоченъ мыслью собрать воедино разрозненные полки сво

ихъ приверженцевъ, онъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ публицистовъ посвящаетъ свое перо защитѣ правъ Ланкастерскаго дома на англійскій престолъ.

Разсчитывая найти дѣятельную помощь въ короляхъ Наварры и Франціи, изъ которыхъ первый былъ его тестемъ, а второй съ безпокойствомъ слѣдилъ за успѣхами Іоркскаго дома, Генрихъ VI убѣдилъ свою жену переселиться на континентъ съ сыномъ-наслѣдникомъ, молодымъ принцемъ Эдуардомъ, въ сопровожденіи незначительной свиты. Канцлеръ Фортескью слѣдуетъ за королевой на континентъ Европы. Онъ селится вмѣстѣ съ нею въ Наваррѣ и позднѣе въ графствѣ Берри, гдѣ постояннымъ мѣстопребываніемъ королевскаго семейства избрано было мѣстечко Сентъ-Ингель. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до насъ письма рисуютъ намъ яркими чертами нищенское состояніе королевскихъ изгнанниковъ. Они нуждались нерѣдко въ самомъ необходимомъ, не исключая одежды и пищи. Во все время своего пребыванія во Франціи Фортескью продолжаетъ исполнять обязанности канцлера; въ то же время онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ образованіи наслѣдника престола и входитъ неоднократно въ прямыя дипломатическія сношенія съ правителями Франціи, Шотландіи, Наварры и Португаліи. Признавъ не безъ основанія одною изъ причинъ паденія дорогой его сердцу династіи неоднократное присвоеніе королемъ Генрихомъ VI правъ абсолютнаго правителя, Фортескью видитъ причину такихъ посягательствъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ англійской конституціей и превратномъ толкованіи ея нормъ, подъ вліяніемъ превозносимаго юристами римскаго принципа „quod principi placuit legis habet vigorem“. Онъ обращаетъ все свое вниманіе на ознакомленіе молодого питомца съ основными началами англійскаго законодательства и съ философіей права. Не довольствуясь устнымъ изложеніемъ, онъ резюмируетъ свои уроки въ двухъ латинскихъ трактатахъ,—„О природѣ естественнаго права“ и „Похвалы англійскимъ законамъ“. Тогда какъ первый трактатъ имѣлъ въ виду систематическое

изложеніе ученія о различныхъ видахъ права вообще и о естественномъ въ частности, второй направленъ былъ къ защитѣ англійскаго законодательства противъ несправедливыхъ обвиненій, возводимыхъ на него лицами, знакомыми съ однимъ римскимъ и каноническимъ правомъ. Изъ сравненія римскаго законодательства съ англійскимъ не только не слѣдовало, по мнѣнію Фортескью, превосходство перваго надъ послѣднимъ, но, напротивъ, выступала необходимость оказать предпочтеніе туземному, въ виду большаго обезпеченія имъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ народа. Въ сферѣ публичнаго права ни одно законодательство не оказывалось болѣе благопріятнымъ одновременно интересамъ правящихъ и управляемыхъ, чѣмъ англійское, съ его ограниченной сословіями монархіей, которую Фортескью называетъ Dominium politicum et regale. Откладывая подробный разборъ этихъ обоихъ сочиненій, въ которыхъ по праву можно видѣть первое систематическое изложеніе доктрины сословной монархіи, мы перейдемъ къ краткой характеристикѣ дипломатической дѣятельности Фортескью въ эпоху пребыванія его во Франціи. Два раза онъ отправляется въ Парижъ для переговоровъ съ Людовикомъ XI съ цѣлью убѣдить короля стать открыто на сторону ланкастерскихъ притязаній. Онъ обѣщаетъ ему въ вознагражденіе за рѣшительное содѣйствіе не только прочный миръ съ Англіей, но и цѣлый рядъ привилегій въ пользу французской торговли, какъ то: основаніе рынковъ для продажи англійской шерсти въ Бордо и Байоннѣ и предоставленіе французскимъ купцамъ въ Лондонѣ права избирать своего старосту,—права, принадлежавшаго въ это время по исключенію однимъ лишь фламандскимъ купцамъ.

На время дѣла принимаютъ оборотъ, благопріятный для интересовъ низверженной династіи. Герцогъ Кларенскій, поссорившись со своимъ братомъ Эдуардомъ, бѣжитъ въ сопровожденіи Ворвика во Францію. Послѣ долгихъ переговоровъ канцлеру удается заключить бракъ между дочерью Ворвика и молодымъ принцемъ Эдуардомъ. Чтобы сдѣлать его возмож-

нымъ, Фортескью соглашается даже на то, что регентомъ королевства при жизни самого Генриха и на все время малолѣтства Эдуарда будетъ назначенъ не кто иной, какъ герцогъ Кларенскій. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ Людовикъ XI соглашается, наконецъ, дать денегъ и войско для приведенія въ исполненіе давно задуманнаго плана возстановленія Генриха VI на престолѣ Англіи.

Примиреніе герцога Кларенскаго съ Эдуардомъ IV, пораженіе ланкастерскаго войска, взятіе въ плѣнъ Генриха VI и его сына, сопровождавшееся тайнымъ убійствомъ обоихъ, положили конецъ ожиданіямъ и надеждамъ приверженцевъ Ланкастерскаго дома. Съ совершеннымъ прекращеніемъ послѣдняго Фортескью не оставалось ничего болѣе, какъ позаботиться о собственныхъ интересахъ, выговорить себѣ право возвращенія въ Англію и полученіе обратно конфискованныхъ у него помѣстій. И то и другое было обѣщано ему не иначе, какъ подъ условіемъ формальнаго отреченія отъ не разъ высказаннаго имъ убѣжденія въ неоспоримости правъ Ланкастерскаго дома. Фортескью подчинился этимъ требованіямъ: онъ сдѣлалъ письменно то заявленіе, какого отъ него ожидали, и облекъ его въ форму діалога между имъ самимъ и лицомъ, „свѣдущимъ въ законахъ". Нелегко было канцлеру отказаться отъ положенія о необходимости устранить отъ престола наслѣдниковъ женской линіи. Пришлось придумать путь, которымъ бы, не отступая отъ ученія о „естественномъ подчиненія женщины мужчинѣ, согласно требованіямъ самой природы",—ученія, высказаннаго имъ ранѣе, въ то же время не скомпрометировать правъ Іоркской династіи, опиравшихся на наслѣдованіи въ женской линіи. Канцлеръ довольно ловко выпутался изъ затрудненія, доказывая, что и на престолѣ женщина остается въ подчиненіи главѣ церкви, папѣ, и что такимъ образомъ занятіе ею престола не идетъ наперекоръ Божескому предписанію о томъ, что мужчина долженъ править, а женщина повиноваться. Нашедши такой счастливый выходъ, Фортескью легко откло-

нилъ дальнѣйшія возраженія, какія, опираясь на его собственныя слова, можно было представить противъ Іоркской династіи, и привелъ рядъ новыхъ историческихъ данныхъ, въ опроверженіе тѣхъ, которыя нѣкогда выставлены были имъ самимъ съ противоположной цѣлью.

Единственнымъ извиненіемъ для своихъ прежнихъ взглядовъ Фортескью считаетъ свое незнакомство съ непосредственными источниками, доступъ къ которымъ былъ закрытъ ему въ эпоху изгнанія. Если онъ съ жаромъ поддерживалъ права Генриха на основаніи даже сомнительныхъ данныхъ, то какъ адвокатъ, которому дороги интересы его кліента. „Адвокаты, люди вполнѣ заслуживающіе уваженія,—читаемъ мы въ упомянутой уже деклараціи.—Они приводятъ сегодня доводы въ пользу одной стороны, завтра—въ пользу противной ей, и никто не обвиняетъ ихъ за это, да и не за что“.

Мы приводимъ эти взгляды какъ характеристику того вѣка, въ какой они были высказаны: права обѣихъ претендующихъ на престолъ династій были такъ спорны и желаніе положить конецъ порожденнымъ ими междоусобіямъ такъ законно, что отреченіе Фортескью легко можетъ найти оправданіе себѣ въ намѣреніи положить разъ навсегда конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ препирательствамъ. Трудно заподозрѣть его искренность, когда онъ говоритъ намъ въ своемъ діалогѣ устами человѣка, свѣдущаго въ законахъ: „Фортескью, вы сдѣлали доброе дѣло, уничтоживши всякое основаніе къ дальнѣйшимъ спорамъ о престолонаслѣдіи“.

Помилованный королемъ, нашъ авторъ провелъ послѣдніе годы жизни вдали отъ двора, занятый между прочимъ трактатомъ объ управленіи Англіей, иначе извѣстнымъ подъ названіемъ: „О различіи между абсолютной и ограниченной монархіей“. Скончался онъ въ глубокой старости, на 80-мъ году жизни, по всей вѣроятности въ Эбрингтонѣ, одномъ изъ своихъ помѣстій, расположенномъ на границахъ Глочестерскаго и Уорчестерскаго графствъ.

Сопоставляя тѣ данныя, которыя содержатъ въ себѣ сочиненія канцлера Генриха VI, съ свѣдѣніями объ англійской конституціи, доставляемыми другими одновременными источниками, намъ нетрудно прійти къ заключенію, что для исторіи внутренняго быта Англіи въ XV вѣкѣ Фортескью, при всей отрывочности своихъ работъ, является тѣмъ не менѣе неоцѣненнымъ и незамѣнимымъ источникомъ. Его непосредственное знакомство съ бытомъ различныхъ классовъ общества въ столь отличной въ этомъ отношеніи отъ его родины французской монархіи доставило ему не только богатый матеріалъ для сравненій, но и правильный критерій для оцѣнки дѣйствительнаго благосостоянія обѣихъ странъ. Владѣтель обширныхъ феодальныхъ помѣстій, знатный совѣтникъ королей и глава судебнаго персонала, Фортескью, съ другой стороны, имѣлъ возможность собственными глазами изучить различныя стороны быта всѣхъ и каждаго изъ классовъ общества и описать этотъ бытъ съ той мелочной подробностью, въ которой и заключается главный интересъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

Мы представимъ въ возможно стройномъ видѣ отрывочныя замѣтки, попадающіяся въ различныхъ сочиненіяхъ Фортескью насчетъ политическаго, административнаго и судебнаго устройства Англіи въ его время. Сдѣлавши это, мы зададимся вопросомъ о тѣхъ реформахъ, какія канцлеръ желалъ ввести въ англійскую конституцію; мы постараемся рѣшить, въ какой мѣрѣ эти реформы носятъ на себѣ отпечатокъ личныхъ его пристрастій и въ какой онѣ могутъ быть названы снимкомъ съ политической программы королей Ланкастерскаго дома,—программы, задуманной, но далеко не проведенной ими на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ ея частностяхъ. Послѣдній вопросъ, который намъ придется затронуть, будетъ состоять въ томъ, въ какой мѣрѣ англійская конституція, какъ она понята была Фортескью, повліяла на характеръ его отвлеченныхъ политическихъ теорій, имѣемъ ли, или не имѣемъ мы права сказать, что ученіе нашего автора о

dominium politicum et regale есть не болѣе какъ суммированіе отдѣльныхъ чертъ въ организаціи сословной монархіи, какой въ его время продолжала оставаться монархія королей Ланкастерскаго дома.

Обращаясь прежде всего къ сведенію воедино всего сказаннаго изучаемымъ нами авторомъ насчетъ современнаго ему состоянія англійской конституціи, администраціи и суда, мы замѣтимъ, что отрывочныя замѣтки на этотъ счетъ могутъ быть найдены уже въ самомъ раннемъ изъ написанныхъ имъ трактатовъ,—я разумѣю трактатъ „О природѣ естественнаго закона". Несравненно болѣе стройное изложеніе отдѣльныхъ сторонъ политическаго устройства и управленія Англіи въ его время Фортескью даетъ въ своихъ „Похвалахъ англійскимъ законамъ", въ монографіи, посвященной разбору правъ Іоркскаго дома, въ особенности же въ разсужденіи, написанномъ имъ въ послѣдніе годы его жизни и озаглавленномъ „О правленіи одновременно царскомъ и республиканскомъ, или объ ограниченной и неограниченной монархіи, въ частности же о монархіи въ Англіи". Имѣя въ виду представить не столько историческій очеркъ развитія мыслей Фортескью насчетъ англійской конституціи, сколько картину послѣдней на основаніи его сочиненій, мы будемъ черпать наши данныя во всѣхъ и каждомъ изъ оставленныхъ имъ трактатовъ, излагая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мы опишемъ источники англійскаго права, укажемъ на раздѣленіе ихъ на двѣ главныя категоріи — обычаевъ и законовъ. Затѣмъ мы остановимся на вопросѣ, какое отношеніе король имѣетъ къ изданію послѣднихъ,—другими словами, коснемся организаціи и функціонированія законодательной власти. Отъ законодательной власти мы перейдемъ последовательно къ судебной и административной, показывая отношеніе короля къ той и другой и знакомя съ организаціею и функціонированіемъ различныхъ судовъ и совѣтовъ.

О разныхъ источникахъ англійскаго права Фортескью говоритъ въ первыхъ главахъ своихъ „Похвалъ англійскимъ

законамъ". Его ученіе на этотъ счетъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно въ главныхъ чертахъ было заимствовано у него послѣдующими юридическими писателями— Литтелтономъ, Сенъ-Джерменомъ, Кокомъ, откуда, въ свою очередь, перешло въ комментаріи Блакстона и современную юридико-политическую литературу. Это ученіе весьма несложно. Оно состоитъ въ признаніи двухъ главныхъ источниковъ англійскаго права, общихъ ему, какъ прямо утверждаетъ Фортескью, показывая тѣмъ самымъ правильное пониманіе процесса правового развитія народовъ, со всѣми другими законодательствами. Эти источники — естественный законъ, обычаи и писанные законы, которые онъ называетъ одинаково англійскимъ терминомъ— статуты и латинскимъ— constitutiones.

Въ этомъ перечисленіи источниковъ, сдѣланномъ писателемъ XV вѣка, мы отмѣчаемъ отсутствіе Божескаго закона. Если, однако, принять во вниманіе то, что въ своемъ трактатѣ о природѣ естественнаго права Фортескью говоритъ о Божескомъ законѣ, какъ имѣющемъ одну небесную сферу дѣйствія [1]), то ограниченіе числа источниковъ англійскаго права вышеуказанными тремя покажется прямо вытекающимъ изъ его общаго ученія о природѣ законовъ и потому вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ. Въ этомъ отношеніи юридическіе преемники Фортескью скорѣе дѣлаютъ шагъ назадъ, нежели впередъ, увеличивая по произволу число источниковъ англійскаго права, считая таковымъ въ частности Божескій законъ [2]). Что касается до Блакстона, то онъ несомнѣнно заимствуетъ свою болѣе простую классификацію непосредственно у Фортескью, когда въ III книгѣ своихъ комментаріевъ различаетъ четыре категоріи источниковъ:—естественный законъ, обычай, общій и частный, и статуты. За исключеніемъ совершенно цѣлесообразнаго дѣленія обычаевъ на общіе и

[1]) De nature legis naturae, ч. I, гл. XLIV.

[2]) *St. Germain*, A Discorse between a doctor and a student.

мѣстные, все остальное не болѣе какъ передача ученія знаменитаго канцлера Генриха VI.

Установивши три категоріи источниковъ, Фортескью выдѣляетъ изъ ихъ числа естественный законъ, какъ одинаковый у всѣхъ народовъ, и настаиваетъ затѣмъ на древности англійскихъ обычаевъ и на соотвѣтствіи законовъ съ народными нуждами, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ самый способъ ихъ составленія по волѣ не одного короля, но и всего королевства. Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ Фортескью развиваетъ свою мысль о преимущественной древности англійскихъ обычаевъ даже въ сравненіи съ законами римлянъ и венеціанцевъ, и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что во всей этой главѣ онъ обнаруживаетъ вполнѣ понятное въ его время невѣжество. Считая всѣ современные ему обычаи Англіи продуктомъ юридическаго творчества первыхъ поселенцевъ острова, бриттовъ, Фортескью полагаетъ, что эти обычаи перешли безъ измѣненія къ ихъ послѣдовательнымъ преемникамъ—римлянамъ, датчанамъ, саксонцамъ и норманамъ [1]). Во всей этой главѣ для насъ любопытно констатировать лишь одинъ фактъ—вполнѣ англійское воззрѣніе на древность обычая какъ на залогъ его доброкачественности,—воззрѣніе, которое доселѣ является главной причиной консерватизма англійскаго права.

Гораздо любопытнѣе для насъ та глава „Похвалъ", въ которой Фортескью доказываетъ преимущество англійскихъ статутовъ надъ законами другихъ народовъ, въ виду самаго способа ихъ составленія. Тутъ онъ касается одной изъ основныхъ чертъ англійской конституціи — взаимодѣйствія короля и народа въ дѣлѣ законодательства.

„Статуты,—говоритъ онъ,—возникаютъ далеко не по волѣ одного правителя, какъ это можно сказать о законахъ королевствъ, управляемыхъ только по-царски,—другими словами, абсолютно. Въ этихъ послѣднихъ государственное устрой-

[1]) De laudibus legum Angliae, гл. XVII.

ство принимаетъ во вниманіе интересы одного лишь правящаго, къ немалому ущербу управляемыхъ. Въ такихъ странахъ, частью по нерадѣнію правителя, частью по его бездѣйствію и любви къ покою, законы издаются неосмотрительно и потому скорѣе заслуживаютъ названіе искаженій законовъ, нежели законовъ. Другое дѣло въ Англіи. Статуты составляются здѣсь совершенно инымъ путемъ—не по волѣ одного князя, но съ согласія всего королевства, такъ что они не могутъ служить ко вреду народныхъ интересовъ, а только благопріятствовать послѣднимъ. Такіе статуты необходимо должны быть полны опытности и мудрости, какъ заключающіе въ себѣ выраженіе мнѣній не одного и даже не ста человѣкъ, а цѣлыхъ трехсотъ,—числа, равнаго тому, какое мы встрѣчаемъ въ римскомъ сенатѣ. Эти триста человѣкъ попадаютъ въ парламентъ не иначе, какъ по избранію, что хорошо извѣстно всякому знакомому съ устройствомъ и составомъ его.

Изданные съ такой мудростью и торжественностью, законы или статуты, подлежатъ измѣненію не иначе, однако, какъ съ согласія общинъ и лордовъ, по волѣ которыхъ они возникли [1].

Сопоставляя свидѣтельство Фортескью съ данными хроникъ и др. источниковъ этого времени, мы приходимъ къ заключенію, что его описаніе взято изъ жизни и даетъ вѣрную картину современной ему парламентской практики. Характеризуя политику обоихъ спорящихъ изъ-за престола династій, профессоръ Стеббсъ справедливо замѣчаетъ, что строгое соблюденіе началъ конституціи составляетъ отличительную черту королей Ланкастерскаго дома. Во все время ихъ правленія парламентъ созываемъ былъ почти ежегодно и выборы производились безъ всякаго прямого или косвеннаго вмѣшательства со стороны правительства.

---

[1] De laudibus, гл. XVIII.

Вторая отличительная черта англійской конституціи состоитъ въ томъ, что народъ платитъ лишь тѣ налоги, на взиманіе которыхъ онъ изъявилъ свое согласіе чрезъ посредство своихъ представителей. „Король,—говоритъ Фортескью,—не можетъ ни самолично ни чрезъ министровъ взимать посошную подать (tallagia), субсидіи или другіе какіе-либо сборы, помимо согласія всего королевства,—согласія, выраженнаго въ парламентѣ [1]). Отсюда, какъ общее правило, вытекаетъ слѣдующее послѣдствіе: частное имущество въ Англіи неприкосновенно. „Отбирать чужую собственность безъ согласія владѣльца и помимо его вознагражденія—противно законамъ,—говоритъ Фортескью.—Каждый изъ жителей королевства имѣетъ право неограниченнаго пользованія продуктами своихъ земель, стадъ и т. д. Всѣ дѣлаемые имъ самимъ или его слугами улучшенія идутъ на пользу ему одному" и т. д. Если неприкосновенность частной собственности, какъ видно изъ словъ Фортескью, — одно изъ основныхъ началъ англійской конституціи, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы на практикѣ нельзя было встрѣтить временнаго его отрицанія, въ формѣ насильственныхъ займовъ и такъ называемыхъ „purveyances",—другими словами, не всегда оплачиваемыхъ натуральныхъ поборовъ на содержаніе королевскаго двора. Хотя Фортескью умалчиваетъ о всѣхъ этихъ видахъ злоупотребленій, но существованіе ихъ засвидѣтельствовано не только новѣйшими изслѣдователями конституціонной исторіи Англіи, но и современными Фортескью писателями враждебнаго ему лагеря, каковъ, напримѣръ, анонимный авторъ трактата „О благородствѣ" (The boke of noblesse), посвященнаго Эдуарду IV [2]).

„Во времена вашихъ предшественниковъ,—говоритъ, обращаясь къ Эдуарду IV, анонимный авторъ этого трактата,—ваши

---

[1]) Ibid., гл. XXXVI.

[2]) Издатель его Джонъ Никольсъ относитъ время составленія этого трактата къ 1475 году.

бѣдныя общины немало страдали отъ того, что имъ не всегда были возвращаемы обратно сдѣланные у нихъ займы; равно не были онѣ вознаграждаемы деньгами за съѣстные припасы и другіе товары, требуемые съ нихъ во имя вашего предшественника Генриха VI, называвшаго себя королемъ Англіи. Неоднократно отдача слѣдуемыхъ имъ денегъ была отлагаема на неопредѣленный срокъ, и приходилось отказываться отъ части долга съ цѣлью полученія остальныхъ денегъ“ [1]). Не дозволяйте болѣе ради Бога и милосердія,—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего трактата, обращаясь попрежнему къ королю,—чтобы члены духовенства, въ числѣ ихъ архіепископы, епископы, аббаты, пріоры, деканы, архидіаконы и ихъ слуги, были отягощаемы, унижаемы и приравниваемы къ крѣпостнымъ, какъ это имѣло мѣсто во времена вашихъ предшественниковъ, когда, какъ хорошо извѣстно, ихъ принуждали платить правителямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ находились ихъ имущества, губернаторамъ и маркграфамъ, большое жалованье и подарки.

Что всѣ эти обвиненія не вымышлены и не придуманы писателями, враждебными Ланкастерскому дому, доказательствомъ тому могутъ служить неоднократно повторяющіяся во все время царствованія Генриха VI жалобы лордовъ, общинъ и простого народа на вымогательства деньгами и натуральными продуктами,—вымогательства, производимыя каждый разъ во имя короля, нерѣдко, однако, вопреки его волѣ. Для примѣра я приведу извлеченія, съ одной стороны, изъ 15 статей жалобъ, составленныхъ вожаками народнаго движенія въ 1450 году и извѣстныхъ подъ названіемъ „Деклараціи кентскихъ жителей“, а съ другой—изъ протеста, представленнаго десять лѣтъ спустя лордамъ и общинамъ отъ имени герцога Іоркскаго и другихъ лордовъ, собранныхъ въ Калэ. Предводитель кентскихъ дружинъ, читаемъ мы въ деклараціи ихъ начальника

---

[1]) Однохарактерныя данныя можно найти въ Paston letters, изданіе 1878 г., т. I, № 268. 1455 г., стр. 362.

Джека Кеда, высказываетъ заодно съ общинами желаніе, чтобы прекратились вымогательства, ежедневно производимыя съ народа. Въ числѣ ихъ Кедъ спеціально упоминаетъ объ одномъ, именно объ обычаѣ брать въ казну пшеницу и другое зерно, говядину, баранину и всякаго рода съѣстные припасы, помимо представленія писанныхъ полномочій отъ короля и совѣта; „эти вымогательства—прибавляетъ составитель деклараціи,—сдѣлались невыносимыми для народа" [1]).

„Да соблаговолитъ ваше величество,—пишутъ, въ свою очередь, мятежные лорды,—довольствоваться впредь доходами съ собственнаго имущества, не дозволять болѣе никому жить на счетъ вашихъ несчастныхъ подданныхъ и содержать королевскій дворъ на средства бѣдныхъ общинъ Англіи, не давая имъ никакого вознагражденія за забранные припасы. Вѣдь это противно и Божескому и человѣческому закону". „Церковь Божья и ея служители,—жалуются они въ другой своей петиціи,—стонутъ подъ гнетомъ угнетенія, вымогательствъ и грабежа" [2]). Какъ далеко отъ этихъ взятыхъ изъ жизни фактовъ до разглагольствованія Фортескью насчетъ денежнаго вознагражденія лицамъ, у которыхъ поставщики королевскаго двора забираютъ провизію и скотъ! [3])

Фортескью, повидимому, стоитъ ближе къ истинѣ, когда въ довольно темныхъ намекахъ говоритъ своему питомцу о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело его предшественниковъ совершенное истощеніе королевской казны. Не имѣя нужныхъ ему средствъ, король по необходимости, думаетъ онъ, станетъ пріискивать пути къ полученію чрезвычайныхъ доходовъ; такъ, напр., онъ приписываетъ тѣ или другія преступ-

---

[1]) Текстъ деклараціи Кеда сохранился въ числѣ рукописей Британскаго музея (Harleian, № 543—545). При сравненіи его съ текстомъ хроники *Stow* легко было прійти къ заключенію, что послѣдній буквально перенесъ его въ свое повѣствованіе. (См. изданіе хроники отъ 1631 года, стр. 389).

[2]) *Stow*, стр. 407.

[3]) De laudibus, гл. XXXVII.

ныя дѣйствія людямъ невиннымъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ состояніе, и обнаруживаетъ то строгость, когда слѣдовало бы быть милостивымъ, то—милость, когда слѣдовало бы быть строгимъ, имѣя въ виду одну цѣль—исторгнуть нужныя ему суммы [1]).

При всемъ ихъ несоотвѣтствіи съ современной ему практикой теоретическія замѣчанія Фортескью насчетъ неприкосновенности частной собственности въ Англіи не лишены интереса, такъ какъ они показываютъ, что въ его время денежные и натуральные поборы, равно и насильственные займы, почитаемы были уже явными нарушеніями закона, согласно съ тѣмъ, что было постановлено на этотъ счетъ еще въ царствованіе Эдуарда III подъ вліяніемъ энергическихъ настояній архіепископа Ислепа.

§ 3. Англійская конституція—таковъ источникъ, изъ котораго Фортескью заимствовалъ основныя положенія своей политической теоріи. Не имѣй онъ предъ глазами этотъ уцѣлѣвшій типъ средневѣковой сословной монархіи, ученіе о dominium politicum et regale едва ли бы зародилось въ его головѣ. Мы имѣли бы въ немъ лишняго систематизатора ученія о естественномъ правѣ, — отнюдь не родоначальника конституціонныхъ теорій нашего времени.

Если ученіе объ ограниченной монархіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ сочиненіяхъ Фортескью, скорѣе можетъ быть названо продуктомъ политической жизни народа, нежели созданіемъ отвлеченнаго философскаго мышленія, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что мы въ правѣ отрицать всякую связь между нимъ и предшествовавшими ему во времени теоріями средневѣковыхъ схоластиковъ. Самое наименованіе, какое Фортескью даетъ своему идеалу государственнаго устройства, „dominium politicum et regale“, невольно наводитъ на мысль о заимствованіи [2]); постоянныя же ссылки на сочиненія Θомы

---

[1]) „Объ англійскомъ правительствѣ“, гл. V.

[2]) Средневѣковые схоластики, въ числѣ ихъ Θома Аквинатъ и Эгидій Колонна, не переводили иначе термина, употребляемаго Аристоте-

Аквината, Эгидія Колонны и Винцента изъ Бовэ, особенно частыя въ первомъ его сочиненіи, „О природѣ естественнаго права“, укрѣпляютъ насъ въ убѣжденіи, что политическая доктрина Фортескью является дальнѣйшимъ развитіемъ ученій средневѣковыхъ схоластиковъ касательно природы монархическаго устройства. Чтобы рѣшить поэтому вопросъ, въ какой мѣрѣ оригинальны теоретическія построенія перваго основателя ученія объ ограниченной сословіями монархіи, намъ необходимо прежде всего вспомнить, въ какомъ направленіи средневѣковой политической литературой развито было ученіе Аристотеля о королевской власти и какія формы послѣдней извѣстны были писателямъ, на авторитеты которыхъ такъ часто ссылается Фортескью.

На первый взглядъ теорія монархическаго правленія, излагаемая въ сочиненіяхъ схоластиковъ, можетъ показаться антиподомъ той, какую мы встрѣчаемъ въ Аристотелевой „Политикѣ“. Народное правленіе не только не считается схоластиками лучшей изъ возможныхъ формъ государственнаго устройства, но еще признается ими рѣшительно уступающимъ монархическому; изъ различныхъ формъ послѣдняго выше другихъ цѣнится неограниченная монархія, какъ наиболѣе приближающаяся къ той формѣ устройства, какая выступаетъ въ отношеніяхъ Бога къ міру. Наконецъ, король не только не подчиняется закону, но провозглашенъ еще открыто стоящимъ выше закона.

При всемъ видимомъ противорѣчіи теорія схоластиковъ о монархическомъ устройствѣ, однако, не болѣе какъ своеобразное развитіе нѣкоторыхъ частныхъ положеній Аристотеля.

Подобно Аристотелю, схоластики считаютъ нужнымъ подражать природѣ при устройствѣ политической машины; подобно ему, они видятъ въ мірѣ постоянное подчиненіе нѣ-

---

лемъ для обозначенія народнаго правленія (политіи), какъ описательно, называя ее dominium politicum; послѣднее противополагаемо было ими монархическому правленію, или dominium regale.

скольких, часто враждебныхъ другъ другу, силъ одному руководящему началу. Подобно ему, они признаютъ монархію формой правленія, отвѣчающей требованіямъ естественнаго права, и видятъ въ неспособности законовъ регулировать всѣ могущіе встрѣтиться въ жизни случаи разумную причину королевскаго всемогущества. Но тогда какъ Аристотель умѣряетъ выводы, къ которымъ приводитъ рядъ этихъ логическихъ посылокъ, одновременнымъ развитіемъ нерѣдко противоположныхъ имъ положеній, схоластики не хотятъ знать ничего подобнаго. Неудивительно, если заключенія, къ какимъ они приходятъ, обратны тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ у Аристотеля, и если данныя, которыя служатъ послѣднему для возвеличенія народнаго правленія, въ ихъ рукахъ являются средствами къ превознесенію абсолютизма.

Ставя неограниченную монархію выше другихъ политическихъ формъ, схоластики, и въ числѣ ихъ продолжатель трактата Θомы Аквината „De Regimine Principum", не отрицаютъ того, что въ состояніи невинности люди были счастливы и при народномъ правленіи. Это правленіе, соотвѣтствующее Аристотелевой политіи, они называютъ regimen politicum. Важнѣйшее отличіе его отъ монархическаго состоитъ въ томъ, что избранные народомъ сановники связаны въ своихъ дѣйствіяхъ постановленіями закона, тогда какъ наслѣдственный монархъ свободенъ отъ всякой удержи. Говоря о народномъ правленіи, нѣкоторые схоластики, слѣдуя въ этомъ отношеніи вполнѣ ученію Аристотеля, ставятъ его даже выше царскаго, замѣчая въ то же время, что оно возможно лишь въ состояніи невинности.

„Такъ какъ,—говоритъ продолжатель Θомы Аквината, выражаясь языкомъ автора „Экклезіаста",—люди испорченные съ трудомъ могутъ быть исправлены и число глупцовъ безпредѣльно, то въ состояніи грѣховности болѣе плодотворно царское правленіе. Испорченную природу человѣка подобаетъ держать въ извѣстныхъ границахъ, чего и достигаетъ наказаніе, налагаемое королемъ. Розга, которой всякій боится, и строгость

правосудія,—говоритъ онъ нѣсколько ниже,—необходимы въ управленіи міромъ; съ помощью ихъ легче руководить народомъ и невѣжественной толпой“ [1]).

Народное правленіе болѣе мягко потому, что въ персоналѣ оплачиваемыхъ деньгами правителей происходитъ постоянная смѣна, почему каждый, предвидя близкій конецъ своему могуществу и дорожа службой болѣе всего изъ-за платы, менѣе несмѣняемаго короля озабоченъ поведеніемъ своихъ подданныхъ и строгимъ управленіемъ ими [2]).

Между монархическимъ и народнымъ правленіемъ схоластики не знаютъ ничего средняго. Одинъ лишь продолжатель Ѳомы Аквината, описывая современныя ему формы политическаго устройства въ Германіи, Скиѳіи и Галліи, замѣчаетъ, что послѣднія представляютъ соединеніе этихъ обоихъ видовъ правленія [3]). Теоріи этой смѣшанной формы государственнаго устройства, впервые вызванной къ жизни феодализмомъ, не даетъ, однако, и этотъ писатель, оставляя такимъ образомъ за Фортескью честь перваго основателя ученія о „regimen politicum et regale“,—другими словами, объ ограниченной сословіями монархіи.

Находя образецъ для нея въ современномъ ему устройствѣ англійскаго королевства, Фортескью тѣмъ не менѣе

---

[1]) Sed quia perversi difficile corriguntur et stultorum infinitus est numerus ut dicitur in Eccles, in natura corrupta regimen regale est fructuosius, quia oportet ipsam naturam humanam sic dispositam quod ad sui flutum limitibus refrenare; hoc autem facit regale fastigium . . . . . . Virga ergo disciplinae, quam quilibet timet et rigor justitiae sunt necessaria in gubernatione mundi, quia per ea populus et indocta multitudo melius regetur (**книга II, глава IX**).

[2]) **Книга II, глава VIII.**

[3]) Considerandum etiam quod in omnibus regionibus, sive in Germania, sive in Scythia, sive in Gallia civitates politice vivunt, sed circumscripta potentia regis, sive imperatoris cui sub certis legibus sunt astricti (De Regimine Principum, **кн. IV, глава** I). **На возможность соединенія въ одномъ государствѣ особенностей обѣихъ формъ правленія, монархическаго и народнаго, указываетъ также продолжатель Ѳомы Аквината въ тѣхъ главахъ своего трактата, въ которыхъ онъ говоритъ о римской имперіи.**

описываетъ ея отличительные признаки языкомъ средневѣковыхъ схоластиковъ, примѣняя къ своему regimen politicum et regale за разъ какъ тѣ черты, какія Ѳома Аквинатъ и его школа находятъ въ монархическомъ устройствѣ, такъ и тѣ, какія Аристотель приписываетъ народному правленію. Этотъ способъ изложенія основъ излюбленной имъ формы правленія налагаетъ совершенно не отвѣчающую дѣйствительности печать эклектизма на теорію Фортескью. Читая тѣ главы его трактата о природѣ естественнаго права, въ которыхъ идетъ рѣчь о характерѣ монархическаго образа правленія и находя въ нихъ нерѣдко буквальную передачу, повидимому, непримиримыхъ ученій древнихъ и средневѣковыхъ политиковъ, невольно начинаешь смотрѣть на его сочиненіе какъ на грубую, неудобочитаемую и лишенную всякой оригинальности компиляцію. Только познакомившись съ другими политическими сочиненіями автора и прослѣдивши въ нихъ тотъ путь, какимъ послѣдній пришелъ къ построенію своей теоріи ограниченной монархіи, начинаешь понимать, что за эклектической формой скрывается вполнѣ оригинальное содержаніе. Если Фортескью и говоритъ постоянно языкомъ Аристотеля, Цицерона, Варрона, Боэція, Августина, Ѳомы Аквината, Эгидія, Винцента изъ Бовэ и другихъ, то лишь слѣдуя пріемамъ своихъ современниковъ, всегда готовыхъ прикрыться авторитетомъ великихъ учителей, даже въ томъ случаѣ, когда имъ приходится излагать совершенно новыя и дотолѣ неизвѣстныя міру мысли [1]).

[1]) Говоря это, я вовсе не имѣю въ виду утверждать, что образъ правленія, соединяющій въ себѣ одновременно черты монархическаго, аристократическаго и народнаго, не былъ извѣстенъ древнимъ философамъ, имѣвшимъ передъ глазами живой примѣръ его въ организаціи римской республики. Полибій еще во II вѣкѣ до Р. Х. высказался въ пользу смѣшанной формы правленія. Если древнимъ нельзя отказать какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ знакомствѣ съ нею, то, съ другой стороны, трудно утверждать, чтобы превозносимая ими форма государственнаго устройства напоминала собою въ чемъ-либо ограниченную сословіями монархію. Вызванная къ жизни повсемѣстнымъ развитіемъ феодализма, послѣдняя по праву можетъ быть

Имѣя въ виду въ настоящемъ параграфѣ показать вліяніе, оказанное Аристотелемъ и схоластиками не столько на содержаніе политическаго ученія Фортескью, сколько на форму, въ которую онъ облекаетъ свою теорію, мы постараемся, слѣдя за ходомъ мысли автора въ первой части его трактата „О природѣ естественнаго права“, отмѣтить одно за другимъ дѣлаемыя имъ заимствованія.

Слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Аристотеля, Фортескью пытается доказать, что монархическая форма правленія вполнѣ отвѣчаетъ естественному праву. Заимствованіе его въ этомъ случаѣ касается одной лишь thema probandi. Мотивировка вполнѣ оригинальна. Аристотель, какъ извѣстно, не находитъ другого возраженія противъ лицъ, признающихъ неограниченный образъ правленія противоестественнымъ, кромѣ того, что его требуетъ характеръ нѣкоторыхъ народностей. Къ этой формѣ правленія, полагаетъ онъ, предрасположены народы, готовые подчиниться династіи, преимущественная добродѣтель которой указываетъ на ея призваніе править людьми [1]).

Совершеннно иначе доказываетъ Фортескью естественность монархическаго образа правленія. О призваніи однихъ народовъ къ одной, другихъ къ другой формѣ политическаго устройства у него нѣтъ и помину. Монархія отвѣчаетъ требованіямъ естественнаго права потому, что, какъ показываетъ Писаніе, первые короли, и во главѣ ихъ Мельхиседекъ, уже правили народомъ задолго до обнародованія Моисеева закона, въ эпоху исключительнаго господства естественнаго права [2]). Если даже допустить, какъ это дѣлаютъ многіе, что Мельхи-

---

названа продуктомъ средневѣкового политическаго творчества. Излагая ея руководящіе принципы въ своихъ сочиненіяхъ, Фортескью, Готоманъ, Боденъ и др. только описывали то, что было у нихъ передъ глазами, а не развивали далѣе ученія древнихъ о смѣшанной формѣ государственнаго устройства.

[1]) „Политика“, кн. III, гл. XIV.

[2]) „De natura legis naturae“, гл. IV и VI.

седекъ не былъ царемъ, а только первосвященникомъ, наше заключеніе, что цари впервые установлены естественнымъ закономъ, тѣмъ самымъ нимало не будетъ опровергнуто. Первымъ монархомъ, какъ говоритъ Августинъ, былъ Бэллъ, за нимъ царствовалъ Нинъ, правившій изъ Вавилона Ассиріей. Легко можетъ быть, что и раньше этого, въ періодъ времени, предшествовавшій потопу, были цари изъ племени Каинова, хотя этого и не утверждаетъ Августинъ. Конечно, всѣ они были людьми неправедными, но это не есть возраженіе противъ того, что царства впервые созданы были естественнымъ закономъ [1]).

Резюмируя въ X гл. все высказанное имъ въ предыдущихъ, Фортескью въ слѣдующихъ словахъ отвѣчаетъ на поставленный имъ самимъ вопросъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи монархіи съ требованіями этого закона: „Королевская власть, хотя основанія ей и положены людьми неправедными, по природѣ своей хороша (bona est). Возникла ли она до или послѣ потопа,—вѣрно одно, что корень ея лежитъ въ естественномъ правѣ. Такъ какъ до Моисея люди не имѣли законовъ, а одни лишь обычаи, установленные ими въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то эти обычаи не могли положить основанія королевской власти. Обычай возникаетъ изъ неоднократно и продолжительное время повторяемыхъ актовъ; онъ не можетъ быть поэтому причиной, породившей королевское достоинство. Точно такъ же княжескія постановленія, обязательныя только для подданныхъ, не могли создать царской власти, не знающей надъ собою старшаго, тѣмъ болѣе, что сами эти постановленія возникли не ранѣе Моисея. Притомъ не княжескими постановленіями, а актами естественнаго закона слѣдуетъ именовать тѣ нормы, въ силу которыхъ извѣстные люди возвышаются до королевскаго достоинства. Итакъ, естественный законъ одинъ положилъ основаніе королевской власти, а потому безумно сомнѣваться, что тотъ же

[1]) Ibid., гл. VII и IX.

законъ можетъ управлять ею, такъ какъ послѣднее легче перваго. Что то же будетъ и всегда,—сомнѣваться въ этомъ не дозволяютъ намъ церковные каноны, которые предсказываютъ естественному закону вѣчность и неизмѣнность“ [1]).

Подкрѣпляя на каждомъ шагу свои мнѣнія текстами изъ священныхъ книгъ, Фортескью весьма озабоченъ опроверженіемъ тѣхъ возраженій, какія могутъ быть сдѣланы противъ его теоріи на основаніи авторитета Писанія.

Въ первой книгѣ „Царей“, полагаетъ онъ, встрѣчается повѣствованіе, легко могущее дать поводъ къ совершенно неосновательному заключенію, будто монархія всегда была противна волѣ Божіей: когда народъ Израильскій, сказано въ ней, обратился къ Самуилу съ просьбой о дарованіи ему царя, пророкъ далъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Я взову ко Всевышнему, и Онъ ниспошлетъ на васъ громъ и дождь, и вы узнаете и увидите тогда, что вы много согрѣшили передъ нимъ, требуя себѣ царя“... Народъ, — читаемъ мы нѣсколько ниже въ той же главѣ, — впалъ въ трепетъ и сказалъ Самуилу: „Вознеси за насъ молитвы къ Богу, дабы мы не погибли смертью за то, что ко всѣмъ нашимъ прегрѣшеніямъ мы присоединили еще одно, прося о назначеніи намъ царя“.

Передавши почти дословно вышеприведенный разсказъ, Фортескью спѣшитъ заявить, что грѣхъ, совершенный народомъ Израильскимъ, состоялъ не въ томъ, что онъ пожелалъ установить у себя монархическій образъ правленія, а въ томъ, что онъ предпочелъ послѣдній Божескому, какимъ онъ пользовался во времена пророковъ [2]).

Что народомъ Израильскимъ управлялъ не кто иной, какъ Самъ Богъ, это видно изъ XIX гл. „Исхода“, въ которой Всевышній, устами Моисея, говоритъ слѣдующее народу Израильскому: „Если вы будете слѣдовать словесамъ Моимъ и хранить Мой завѣтъ, вы будете излюбленнымъ для Меня наро-

---

[1]) „De natura legis naturae“, т. I., гл. X

[2]) Ibid., гл. XI, XIII и XIV.

домъ. Вся земля принадлежитъ Мнѣ, и будете вы царствомъ священнослужителей, святымъ народомъ Моимъ“. Не слѣдуетъ ли изъ этихъ самыхъ словъ, — говоритъ Фортескью, комментируя только что приведенный мною текстъ,—что народъ Израильскій уже имѣлъ царя въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, и что этимъ царемъ былъ не кто иной, какъ Самъ Богъ. Нельзя поэтому, — думаетъ онъ, — приводить разобранный текстъ какъ доказательство тому, что Богъ враждебенъ монархическому образу правленія. Столь же неосновательно было бы заключать, что послѣднее въ глазахъ Божіихъ связано необходимо съ понятіемъ о неправдѣ и притѣсненіи народа, какъ даетъ поводъ думать пророчество, внушенное Богомъ Самуилу: „Вотъ законъ царя, который будетъ править вами. Онъ возьметъ вашихъ сыновей, впряжетъ ихъ въ свои колесницы, онъ отберетъ у васъ поля, оливковые сады и виноградники и отдастъ лучшее изъ нихъ своимъ слугамъ“. Говоря это, — думаетъ Фортескью, — Богъ разумѣлъ не всякаго вообще царя, а лишь того, какого въ гнѣвѣ своемъ Онъ намѣренъ былъ послать провинившемуся противъ Него народу.

Опровергнувъ такимъ образомъ возможныя возраженія противъ своей теоріи полнаго соотвѣтствія монархіи съ требованіями естественнаго закона, Фортескью неожиданно для читателя переходитъ къ ученію о правительствѣ монархическомъ и одновременно республиканскомъ (regimen politicum et regale), какъ объ одной изъ формъ политическаго устройства. „Ѳома Аквинатъ,—говоритъ онъ,—въ трактатѣ, написанномъ имъ для кипрскаго короля, говоря о формахъ правленія, извѣстныхъ Аристотелю, остановился въ частности на двухъ. Описывая каждую изъ нихъ въ отдѣльности, онъ видитъ ихъ различіе въ слѣдующемъ: кто правитъ страною на основаніи имъ же самимъ изданныхъ законовъ, тотъ,—говоритъ онъ,—стоитъ во главѣ царскаго образа правленія, напротивъ, управляющій страною на основаніи законовъ, сдѣланныхъ гражданами,—глава республиканскаго устройства“. Рядомъ съ этими

двумя формами встрѣчается еще третья, ни въ чемъ не уступающая имъ и извѣстная, какъ утверждаетъ Фортескью, изъ историческихъ повѣствованій о древнемъ мірѣ и изъ современнаго опыта. Это—правленіе царское и республиканское за разъ (dominium politicum et regale). Мы имѣли уже случай замѣтить выше, въ какой мѣрѣ Ѳома Аквинатъ, или, лучше сказать, его продолжатель, можетъ быть признанъ родоначальникомъ теоріи ограниченной сословіями монархіи; въ настоящее время мы постараемся дать отвѣтъ на вопросъ, заимствовалъ ли Фортескью свое ученіе, какъ онъ самъ даетъ поводъ думать, изъ философскихъ сочиненій древняго міра, или нѣтъ.

Нельзя, конечно, утверждать, чтобы понятіе о смѣшанной формѣ политическаго устройства, соединяющей въ себѣ достоинства монархіи, аристократіи и демократіи, не было извѣстно древнимъ. Ихъ политическая жизнь, равно и философская литература свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ съ нею какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Грандіозные примѣры спартанской монархіи, римской всемірной республики и имперіи не могли не вызвать въ писателяхъ, какъ Аристотель или стоики, Полибій и Цицеронъ, вполнѣ удачныхъ попытокъ опредѣлить природу и характерныя особенности смѣшанной формы правленія; мы знаемъ даже, что римскіе политики отдавали ей рѣшительное предпочтеніе. Изъ всего этого можно было бы заключить, что чтеніе классиковъ доставило Фортескью содержаніе и аргументацію для его политической схемы и что поэтому роль его въ дѣлѣ развитія теоріи сословной монархіи ограничилась одной лишь передачей ученій древнихъ насчетъ смѣшаннаго устройства. Частыя ссылки на примѣръ римской республики, повидимому, прямо говорятъ въ пользу такой догадки. Узнавши изъ чтенія греческихъ и римскихъ писателей и историковъ древняго міра о высокихъ преимуществахъ этой формы правленія и замѣтивъ извѣстное сходство между нею и современною ему англійской конституціей, Фортескью легко могъ задатьс

мыслью примѣнить къ послѣдней все сказанное древними писателями о смѣшанныхъ монархіяхъ. Если даже допустить, что таковъ былъ въ дѣйствительности умственный процессъ, которымъ Фортескью пришелъ къ заключенію о высокихъ достоинствахъ англійской конституціи, то изъ этого нельзя было бы еще заключить, что вся его задача ограничилась изложеніемъ и развитіемъ отрывочныхъ мыслей древнихъ писателей. Утверждать это—значило бы вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать весьма существенное различіе между умѣренными формами политическаго устройства, какія мы встрѣчаемъ въ древности, и ограниченной сословіями монархіи, извѣстной всѣмъ средневѣковымъ народамъ и въ частности англичанамъ. Существованіе въ государствѣ законовъ и учрежденій, отвѣчающихъ требованіямъ различныхъ по своей природѣ образовъ правленія,—вотъ представленіе, какое связывали съ существованіемъ смѣшанной формы философы Греціи и Рима, и въ частности Аристотель, теорія котораго на этотъ счетъ одна была извѣстна Фортескью. Широкое самоуправленіе сословій чрезъ посредство временныхъ, пожизненныхъ или наслѣдственныхъ ихъ представителей, — таково содержаніе и задача средневѣковой сословной монархіи. Вызванная къ жизни повсемѣстнымъ развитіемъ феодальной системы, эта форма монархическаго устройства можетъ быть названа продуктомъ средневѣковаго политическаго творчества съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ чистая демократія, осуществляемая народомъ въ полномъ его составѣ, безъ посредства представителей, можетъ и должна быть отнесена исключительно на счетъ греческой и римской культуры.

Трудно поэтому допустить, чтобы теорія ограниченной сословіями монархіи, являющаяся не болѣе какъ стереотипнымъ снимкомъ съ средневѣковаго порядка самоуправленія сословій, была однимъ развитіемъ ученій древнихъ о смѣшанномъ образѣ правленія. Допустить это въ частности по отношенію къ ученію Фортескью о dominium politicum et regale кажется невозможнымъ уже потому, что, насколько можно судить

изъ самаго содержанія его сочиненій, его знакомство съ теоріями древнихъ насчетъ смѣшаннаго образа правленія ограничивалось чтеніемъ одной 7 гл. IV кн. Аристотелевой „Политики“,—главы, которая произвела на него такое слабое впечатлѣніе, что онъ, всегда готовый подкрѣпить свои воззрѣнія ссылками на общепризнанные авторитеты, ни разу не упомянулъ о ней.

Но можетъ статься, что, незнакомый съ теоретическимъ развитіемъ древними ученія о смѣшанныхъ формахъ правленія, Фортескью прочелъ обстоятельно тѣхъ изъ римскихъ историковъ, которые съ особеннымъ интересомъ останавливаются на описаніи ея порядковъ въ древнемъ мірѣ. Изученіе одного Полибія легко могло бы не только навести его на мысль о преимуществахъ ограниченныхъ правительствъ надъ абсолютными, но и доставить ему содержаніе для всей его теоріи dominium politicum et regale. Самъ Фортескью вѣдь говоритъ о томъ, что исторія грековъ и римлянъ представляетъ примѣры существованія превозносимаго имъ образа правленія и наводитъ тѣмъ самымъ читателя на мысль о близкомъ знакомствѣ его съ древними анналистами.

Діодоръ — единственный историкъ древности, имя котораго попадается въ трактатѣ „о природѣ естественнаго закона“. Незнакомство автора его съ другими греческими или римскими хрониками, въ числѣ ихъ съ „Исторіей“ Полибія, доказывается не только полнымъ отсутствіемъ ссылокъ на ихъ сочиненія, но и самымъ характеромъ его воззрѣній на природу римской республики. Послѣдняя въ его глазахъ, вмѣсто того, чтобы быть, какъ для Полибія, типомъ смѣшанной формы правленія, является образцомъ народнаго устройства. Въ этомъ, равно и во всѣхъ другихъ затрогиваемыхъ имъ вопросахъ римской исторіи, Фортескью, какъ, впрочемъ, онъ и самъ сознается въ томъ, смотритъ глазами Ѳомы Аквината. Сперва, полагаетъ онъ, римляне установили у себя монархію. Низверженіе Тарквинія повело къ провозглашенію республики (dominium politicum). Попытки Цезаря положить

начало деспотіи и тираніи (dominium despoticum vet tyrannicum) кончились его убіеніемъ. Съ Октавіана же возникаетъ правленіе, за разъ народное и монархическое, которое продолжаетъ держаться и послѣ паденія Рима въ организаціи его законнаго преемника—Священной Германо-Римской имперіи [1]). Евреямъ извѣстна была подобная монархія и въ эпоху судей—время непосредственнаго ихъ управленія Самимъ Богомъ. Если такимъ образомъ одни народы (т.-е. евреи) получили ее непосредственно отъ Бога, а другіе, живя подъ ея господствомъ, пріобрѣли извѣстность своимъ законодательствомъ и сдѣлались мало-по-малу владыками всего міра, то изъ этого слѣдуетъ, что правленіе одновременно королевское и народное—наилучшее изъ всѣхъ и что англичане имѣютъ полное право гордиться имъ. Но противъ такого заключенія направлено,—думалъ Фортескью,—то, что Ѳома Аквинатъ говоритъ о неограниченномъ правленіи короля какъ о наиболѣе приближающемся къ формѣ правленія Бога міромъ и потому всесовершенномъ. Фортескью отвѣчаетъ на возможное возраженіе, напоминая прежде всего слова самого „ангельскаго учителя“ о народномъ правленіи какъ наилучшемъ въ естественномъ состояніи, „которое, — говоритъ Фортескью,—Аквинатъ называетъ состояніемъ невинности. Такъ какъ, — продолжаетъ онъ далѣе,—оба вида правленія созданы по образцу Божескаго, то оба одинаково хороши въ глазахъ Бога; мало того, они ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга: ни по достоинству ни во власти“.

Итакъ, путемъ внутренней критики самаго трактата Фортескью можно прійти къ заключенію, что его теорія развилась внѣ всякаго вліянія древнихъ, путемъ практическаго знакомства съ современнымъ ему строемъ англійскаго государства. Если онъ и утверждаетъ, что его dominium politicum

[1]) Сравнивая ходъ изложенія историческихъ судебъ римской имперіи у Фортескью съ тѣмъ, какой мы встрѣчаемъ у продолжателя Ѳомы Аквината въ De regimine principum, мы приходимъ къ заключенію, что канцлеръ заимствовалъ свою точку зрѣнія цѣликомъ у послѣдняго.

et regale извѣстенъ былъ другимъ народамъ, помимо англичанъ, то лишь потому, что существованіе превозносимой имъ формы государственнаго устройства у римлянъ и евреевъ является въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ ея рѣшительнаго превосходства.

Къ мысли о преимуществахъ правительства, одновременно республиканскаго и монархическаго, Фортескью возвращается во всѣхъ и каждомъ изъ написанныхъ имъ трактатовъ, въ томъ числѣ и въ „Похвалахъ англійскимъ законамъ". Здѣсь онъ пытается доказать, что единственное ограниченіе, которому подвергается монархъ, правящій страною республикански, состоитъ въ томъ, что у него отнята возможность грѣшить, поступая несправедливо и противозаконно.

„Власть,—говоритъ онъ словами Боэція,—дана для достиженія добрыхъ цѣлей и намѣреній; поэтому возможность дѣлать зло—единственная прерогатива абсолютнаго монарха надъ остальными—скорѣе ослабляетъ, нежели усиливаетъ его власть. Ангелы превосходятъ насъ во власти, хотя они и лишены возможности грѣшить, чѣмъ мы пользуемся вполнѣ" [1]).

Переходя къ изученію природы превозносимой имъ формы, Фортескью настаиваетъ прежде всего на мысли о необходимости для правителя слѣдовать во всемъ законамъ и обычаямъ страны и не дѣлать въ нихъ измѣненій иначе, какъ съ согласія подданныхъ. Монархъ, правящій не абсолютно, вноситъ измѣненія въ старые законы или издаетъ новые не иначе, какъ съ согласія магнатовъ королевства. Иноземныхъ порядковъ онъ отнюдь не долженъ вводить у себя, хотя бы они и казались ему лучше туземныхъ. Итакъ, первая обязанность короля, правящаго страною республикански,—держаться во всемъ законовъ и обычаевъ страны. Нельзя, однако, предвидѣть при изданіи законовъ всѣхъ возможныхъ въ жизни случайностей; король, правящій страною республикански, неоднократно бываетъ призванъ поэтому къ

---

[1]) „De laudibus legum Angliae", гл. XIV.

управленію ею въ то же время и по-царски, — другими словами, къ пополненію и измѣненію закона путемъ личныхъ распоряженій или указовъ. Говоря это, Фортескью пускается въ оригинальное развитіе идей Эгидія Колонны о неспособности законовъ давать правила для руководства во всѣхъ могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ. Тогда какъ Эгидій видитъ въ этомъ несовершенствѣ закона основаніе въ пользу признанія превосходства неограниченнаго образа правленія надъ ограниченнымъ, Фортескью останавливается на немъ лишь для того, чтобы дать разумное обоснованіе съ одной стороны для королевскаго права помилованія, съ другой — для существованія въ Англіи, рядомъ съ судами общаго закона, особыхъ совѣстныхъ судовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе были и у насъ до судебной реформы 1861 года. Мысли, высказанныя Фортескью на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе должны остановить на себѣ наше вниманіе, что онѣ усвоены и развиты были далѣе всѣмъ и каждымъ изъ юридическихъ писателей Англіи, начиная отъ Сентъ-Жермена и оканчивая Блакстономъ; мало того, онѣ до сихъ поръ слышатся изъ устъ англійскихъ юристовъ, справедливо настаивающихъ на необходимости дальнѣйшаго удержанія въ Англіи совѣстнаго суда.

Сказавши, что король, управляя страною республикански, въ то же время долженъ править ею и по-царски, Фортескью въ слѣдующихъ словахъ переходитъ къ объясненію и развитію своей мысли: „Не всѣ встрѣчающіеся въ жизни случаи могутъ быть приняты въ расчетъ обычаемъ или закономъ; поэтому тѣ, которые не предвидятся ими, предоставлены личному рѣшенію короля. Такъ, напр., каждый разъ, когда помилованіе преступника или смягченіе ему наказанія не связано ни съ нарушеніемъ существующихъ законовъ и обычаевъ ни съ убытками для подданныхъ, король имѣетъ полное право или совсѣмъ отмѣнить кару, или замѣнить ее другой, болѣе легкой. Все, что подлежитъ рѣшенію по совѣсти, также предоставлено вполнѣ его проницательности,

(sagacity) изъ страха, чтобы общее благо не пострадало отъ того, что буква закона не всегда удачно передаетъ дѣйствительное намѣреніе законодателя[1]). Желая подкрѣпить свою мысль примѣромъ, Фортескью указываетъ на возможность слѣдующаго случая. Законъ запрещаетъ жителямъ города взбираться на городскія стѣны. Непріятель нападаетъ на городъ. Нѣкоторые граждане, вопреки запрещенію, подымаются на высоту городской стѣны и прогоняютъ непріятеля. Очевидно, въ этомъ случаѣ король имѣетъ полное право не подвергать спасителей отечества наказанію, какое они заслужили на основаніи одной буквы закона. Нерѣдко также, — продолжаетъ Фортескью, — смыслъ закона лежитъ какъ бы погребеннымъ подъ покрывающей его внѣшней формой. Король въ такомъ случаѣ, слѣдуя своей совѣсти, какъ бы пробуждаетъ отъ сна его жизненное начало, подобно тому, какъ медикъ приводитъ въ чувство упавшаго въ обморокъ паціента. Случается также подчасъ, что законодатель не понялъ всего смысла употребленныхъ имъ словъ. Въ такихъ случаяхъ добрый правитель, котораго не даромъ называютъ живымъ закономъ, призванъ пополнить пробѣлъ, оставленный неизмѣнной и какъ бы мертвой буквой закона.

Мы сказали выше, что первой обязанностью короля, правящаго страною республикански, по мнѣнію Фортескью, является полное подчиненіе своихъ дѣйствій законамъ и обычаямъ страны и измѣненіе послѣднихъ не иначе, какъ по испрошеніи совѣта и согласія магнатовъ королевства.

Не менѣе обязательнымъ въ глазахъ Фортескью является сохраненіе королемъ въ полной неприкосновенности частнаго имущества подданныхъ и обложеніе ихъ лишь тѣми налогами и платежами, на установленіе которыхъ они сами изъявятъ свое согласіе. Эта мысль, не встрѣчающаяся въ трактатѣ „О природѣ естественнаго закона“, какъ посвященнаго спеціальному предмету, попадается неоднократно какъ въ „По-

---

[1]) См. *Fortescue*, „De natura legis naturae“. Ч. I, гл. XXIV.

хвалахъ англійскимъ законамъ", такъ и въ сочиненіи, озаглавленномъ „De Dominio regali et politico" и посвященномъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, параллели абсолютной съ ограниченной монархіей и описанію особенностей послѣдней въ Англіи.

Въ IX главѣ „Похвалъ англійскимъ законамъ", говоря королю о томъ, что онъ можетъ и чего не долженъ дѣлать, если хочетъ управлять страною не по-царски, а республикански, Фортескью, между прочимъ, высказываетъ слѣдующую мысль: „Король, правящій страною республикански, не можетъ облагать подданныхъ помимо ихъ воли, почему послѣдніе, будучи управляемы на основаніи ими же самими вотированныхъ законовъ, пользуются своими имуществами въ полной безопасности, не опасаясь посягательства на нихъ со стороны короля или кого другого.

Если Фортескью не даетъ королю права производить поборы по собственному усмотрѣнію, то, съ другой стороны, онъ настаиваетъ на необходимости установлять ежегодно такой бюджетъ, который бы покрывалъ всѣ предпринятыя королемъ издержки въ интересахъ государства. Въ памфлетѣ „De dominio regali et politico" Фортескью указываетъ на невыгодныя послѣдствія излишней бережливости въ подданныхъ при ассигнованіи извѣстныхъ доходовъ королю. Бѣдность казны, справедливо полагаетъ онъ, поведетъ къ паденію кредита правителя и къ увеличенію имъ процентовъ государственнаго долга; она не позволитъ королю платить служащимъ монетой, а одними лишь неопредѣленными въ срокѣ кредитными обязательствами, наконецъ, она заставитъ его придумывать незаконныя и несправедливыя мѣры къ исторженію отъ того или другого изъ подданныхъ, и всего чаще отъ лицъ состоятельныхъ, тѣхъ денежныхъ средствъ, въ которыхъ онъ чувствуетъ недостачу [1]).

---

[1]) On the monarchy of England, гл. V.

Указывая на бѣдность королевской казны въ его время, Фортескью настаиваетъ на томъ, что если не самъ король, то во всякомъ случаѣ его подданные обязаны озаботиться надѣленіемъ правительства необходимыми для него средствами. Королевство по праву призвано доставлять правителю все для него нужное. Не даромъ же Ѳома Аквинатъ говоритъ: „Царь дается для царства, а не царство для царя", изъ чего прямо слѣдуетъ, что все, что ни дѣлаетъ король, производится имъ на средства страны. Хотя бы его власть была высшей изъ всѣхъ свѣтскихъ властей, она тѣмъ не менѣе носитъ характеръ службы, состоящей въ отправленіи правосудія въ предѣлахъ королевства и принятіи мѣръ къ его безопасности. Король съ полнымъ правомъ можетъ поэтому сказать о себѣ то же, что говоритъ папа, именуя себя служителемъ служителей Бога (Servus servorum Dei). Такъ какъ всякій имѣетъ право требовать, чтобы его содержалъ тотъ, кому онъ служитъ, то и папа долженъ быть содержимъ церковью, а король—народомъ. Никто не долженъ воевать на собственныя средства (Nemo debet propriis expensis militare) и Самъ Богъ говоритъ: „Всякій трудящійся въ правѣ вкушать пищу". (Dignus est operarius cibo suo) [1]).

Связанный необходимостью испросить предварительно согласіе лицъ заинтересованныхъ каждый разъ, когда онъ имѣетъ въ виду изданіе новаго закона или обложеніе подданныхъ налогомъ, конституціонный монархъ, какъ мы бы сказали, передавая на языкѣ нашего времени непонятную намъ болѣе терминологію Фортескью, обязанъ испрашивать мнѣнія своего совѣта или парламента по всѣмъ дѣламъ администраціи. Настаивая на необходимости совѣта, руководящаго королемъ во всѣхъ дѣлахъ управленія, Фортескью неоднократно указываетъ на примѣръ Рима, время могущества котораго совпадаетъ со временемъ процвѣтанія сената. Какъ только

---

[1]) Ibid., гл. VIII. Фортескью, очевидно, имѣетъ въ виду текстъ апостола Павла: „Нетрудящійся да не ѣстъ".

императоры перестали искать его содѣйствія, могущество ихъ стало падать, и они мало-по-малу потеряли большую часть своихъ владѣній, такъ что въ настоящее время глава Священной Римской имперіи, которая въ глазахъ Фортескью и въ глазахъ всѣхъ его современниковъ была не болѣе какъ продолженіемъ имперіи римлянъ, владѣетъ меньшимъ числомъ земель, чѣмъ нѣкоторые короли, подчиненные ему во все время, пока сенатъ продолжалъ существовать въ имперіи.

§ 2. Фортескью старается доказать превосходство защищаемыхъ имъ порядковъ надъ тѣми, которые держатся въ абсолютныхъ монархіяхъ его времени и прежде всего во Франціи. „Французскій король,— говоритъ онъ,— правитъ народомъ по-царски, но Св. Людовикъ (разумѣется Людовикъ IX Святой) и его предшественники не облагали народа прямыми податями и поборами безъ согласія генеральныхъ штатовъ“. Фортескью, очевидно, заблуждается, такъ какъ самые штаты возникли во Франціи много времени спустя, въ началѣ XIV вѣка, но интересно то, что имъ отмѣчена уже общность природы между англійскимъ парламентомъ и генеральными штатами Франціи. Исчезновеніе штатовъ англійскій писатель ставитъ въ зависимость отъ занесенной англичанами во Францію войны (разумѣется Столѣтняя). „Штаты съ этого времени,— говоритъ онъ,— перестали собираться. По этой причинѣ и въ виду нужды французскаго короля въ деньгахъ ради защиты страны возникла практика облагать общины поборами, не спрашивая ничьего согласія. На дворянъ не рѣшились наложить такихъ же тягостей, боясь ихъ возстанія. Такъ какъ простой народъ не поднялся и нѣтъ повода думать, что онъ подымется и въ будущемъ, то короли ежегодно стали выжимать изъ него деньги, а отъ этого произошло обѣднѣніе и разореніе французскихъ „общинъ“. Они пьютъ теперь воду (вмѣсто вина и пива), ѣдятъ яблоки и черный ячменный хлѣбъ. Они не знаютъ употребленія мяса, кромѣ солонины, и довольствуются потрохами каждый разъ, когда

бьютъ скотину для дворянъ и купцовъ. Они не знаютъ суконной одежды, если не говорить о жилетѣ изъ грубой шерсти, носимомъ подъ кафтаномъ. Ихъ штаны сшиты изъ той же грубой ткани и едва доходятъ имъ до колѣнъ. Жены и дѣти ихъ ходятъ босякомъ. Тѣ, кто прежде платилъ собственнику за снятую землю одинъ экю, теперь несетъ въ пользу казны въ пять разъ болѣе тягостей. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ французовъ трудиться надъ землею для поддержанія своего жалкаго существованія такъ сильно, что здоровье многихъ пошатнулось и ихъ ждетъ гибель. Ходятъ они сгорбленными, слабы, не способны драться и защищать страну, да нѣтъ у нихъ ни оружія ни денегъ для его покупки. И хотя они въ бѣдности и нищетѣ, а живутъ на самой плодородной почвѣ изъ всѣхъ извѣстныхъ міру. Не имѣетъ французскій король людей, способныхъ защищать королевство, за исключеніемъ дворянъ, свободныхъ отъ налоговъ и потому крѣпкихъ тѣломъ. Приходится поэтому королю брать въ свое войско иностранцевъ — шотландцевъ, кастильцевъ, аррагонцевъ, нѣмцевъ и людей другихъ націй. Безъ этого враги захватили бы его земли, такъ какъ у него нѣтъ другого средства противиться имъ, кромѣ замковъ и крѣпостей. Таковъ плодъ абсолютнаго образа правленія [1]), говоритъ Фортескью, доказывая тѣмъ, что, въ его глазахъ, лучшее средство убѣдиться въ преимуществахъ или недостаткахъ тѣхъ или другихъ порядковъ—показать практическія послѣдствія, къ какимъ они ведутъ по отношенію къ матеріальному благосостоянію лицъ, живущихъ подъ кровомъ этихъ порядковъ.

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства показываютъ, что Фортескью не преувеличилъ бѣдствій французскаго народа въ эпоху Столѣтней войны. Самому канцлеру пришлось нѣкоторое время провесть въ графствѣ Ко въ Нормандіи. По его описанію, страна совершенно опустѣла за недостаткомъ воздѣ-

---

[1]) „Lo this is the frute of his Jus regali“ „The governance of England, Оксфордъ, 1885 годъ, гл III.

лывателей. Одною трусостью объясняетъ онъ, почему жители ея до сихъ поръ не поднялись противъ своего правительства [1]). Отъ того времени, когда Фортескью проживалъ въ Нормандіи, дошли до насъ показанія извѣстнаго историка Филиппа де-Комина. Изъ нихъ видно, что правительство съ одной Нормандіи получало еще въ началѣ царствованія Людовика IX шестую часть всей налоговой выручки: въ послѣдніе годы эти поборы еще возросли: съ 950.000 ливровъ до 1.132.000, такъ что на провинцію падала уже четвертая часть всѣхъ платежей [2]). Фортескью предвидитъ, что при дальнѣйшемъ налоговомъ гнетѣ крестьянству Франціи не останется другого средства, какъ послѣдовать примѣру чешскихъ гусситовъ, которые отъ бѣдности поднялись противъ дворянъ и объявили, что всѣ имущества должны впредь быть общими [3]). Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду возстаніе таборитовъ и въ частности тѣхъ изъ нихъ, которые придерживались коммунистическихъ принциповъ. Общая характеристика, какую Фортескью даетъ экономическому положенію Франціи, находитъ частное подтвержденіе въ отдѣльныхъ фактахъ, сообщаемыхъ французскими аналистами XV вѣка, какъ то: Жаномъ Мопуанъ, Томасомъ Базеномъ и Жаномъ де-Труа. Они говорятъ о годахъ, непосредственно предшествовавшихъ или же совпадавшихъ со временемъ пребыванія Фортескью во Франціи. Если въ десятилѣтіе отъ 1460—1470 года неголодные годы почти не встрѣчаются, если чума, повторявшаяся чуть не ежегодно въ первой половинѣ XV вѣка, въ одинъ лишь 1466 годъ уноситъ за собою сорокъ тысячъ человѣкъ изъ числа жителей Парижа и сосѣднихъ къ нему де-

---

[1]) Французскій писатель Basin пишетъ о pays de Caux въ эпоху Столѣтней войны: „Мы видѣли поля этой страны почти запустѣвшими, необработанными и лишенными воздѣлывателей. Во многихъ мѣстахъ почва покрылась густымъ лѣсомъ“ (гл. I, стр. 45).

[2]) Мемуары Филиппа де-Комина, кн. I, гл. XIII и гл. IX.

[3]) The governance of England, гл. XII.

ревень[1]), то, съ другой стороны, начавшаяся вскорѣ по воцареніи Людовика война короля съ „Лигой общественнаго блага“ тяжкимъ бременемъ пала на крестьянское населеніе всей центральной Франціи, ведя за собою истребленіе виноградниковъ и нивъ, пожары цѣлыхъ деревень, изнуреніе жителей натуральными поборами, квартирной и постойной повинностью. Начиная съ февраля 1464 года[2]) бургиньонцы, пикардійцы и другіе провинціалы, предводительствуемые графомъ Шароле, распространились по всему Иль де Франсу, Бри и Шампаньи до самыхъ воротъ Труа, Шалона и Реймса, „насилуя женщинъ и дѣвушекъ, производя поджоги, обрѣзывая и вырывая съ корнемъ виноградныя лозы, срубая фруктовыя деревья, захватывая въ плѣнъ одновременно и людей и скотъ“ [3]). Призванныя для противодѣйствія ихъ нашествію войска короля стали причинять жителямъ не меньшія бѣдствія. Поселившись въ Парижѣ и его окрестностяхъ, они захватывали у горожанъ и сельчанъ съѣстные припасы и другіе предметы, ни разу не помышляя о вознагражденіи. Въ свою очередь король, не получая налоговыхъ платежей съ непокорныхъ или захваченныхъ непріятелемъ городовъ и округовъ, поставленъ былъ въ необходимость обращаться къ насильственнымъ займамъ у богатыхъ гражданъ и чиновниковъ, грозя послѣднимъ въ случаѣ отказа лишеніемъ проданныхъ имъ предварительно должностей [4]).

Грабительства, производимыя королевскими войсками по отношенію къ мирнымъ жителямъ Парижа, одновременно достигли такихъ размѣровъ, что между гражданами ходилъ слухъ о томъ, будто солдаты въ ночь съ 26 на 27 сентября намѣрены были силою овладѣть ихъ домами и имуществами.

---

[1]) „Журналъ Парижанина“, стр. 91.

[2]) Livre des faits advenus au temps du roy Lois XI par Jean de Troyes, (Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France avec notes et notices par I. A. C. Buchon, въ Pantheon littéraire. Paris 1855, стр. 272).

[3]) Ibid., стр. 246. „Журналъ Парижанина“, стр. 72 и 73.

[4]) *Jean de Troyes*, стр. 251.

Это обстоятельство побудило жителей Парижа не смыкать глазъ цѣлую ночь, постоянно состоять при оружіи и выставить сторожевые отряды въ разныхъ концахъ города. Королю и придворнымъ стоило немало усилій успокоить гражданъ обѣщаніями и заставить ихъ разойтись по домамъ [1]).

Сосѣдніе съ Парижемъ города и мѣстечки, Жентильи, Витри, Иври, Кретель, Буасси и др., попеременно взяты и разграблены были сперва бретонцами и бургиньонцами, а затѣмъ войсками короля. Въ селеніяхъ сожжены склады хлѣба, захвачены лошади со сбруей, ограблены мужчины и женщины, разрушены частныя жилища и деревенскія церкви, и все найденное въ нихъ имущество частью истреблено, частью унесено съ собою [2]).

Тетради жалобъ, представленныя генеральными штатами 1484 года, въ свою очередь, наглядно выставляютъ фактъ одинаковаго ограбленія жителей какъ непріятельской арміей, такъ и войсками, непосредственно призванными къ ихъ защитѣ. „Солдаты, которымъ платятъ жалованье за охрану жителей отъ притѣсненій,—жалуются депутаты,—всего болѣе и притѣсняютъ народъ“ [3]).

Прибавимъ къ этому тяжкій налоговой гнетъ, неравномѣрность податной раскладки, производимой чиновниками и откупщиками и вызывавшей неоднократно народныя волненія въ Реймсѣ, Анжэ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ,—и невольно придется отказаться отъ мысли видѣть преувеличеніе въ жалобахъ генеральныхъ штатовъ 1484 года на совершенное обезлюденье страны и обнищаніе ея жителей. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой бы статьѣ доходовъ короля мы ни обратились, повсюду мы видимъ нообыкновенно быстрое увеличеніе

---

[1]) *Jean de Troyes*, стр. 261.

[2]) *Jean Maupoint,* стр. 78, 79 и 81.

[3]) Ordre des estats tenus à Tours soubs le roy Charles VIII durant saminorité. Paris 1614, стр. 49. (Coll. de doc. inédits sur l'histoire de France, 1835 г.).

суммы народныхъ платежей, ни мало не отвѣчавшее параллельному возрастанію массы богатствъ и всего народнаго благосостоянія. Начнемъ съ прямыхъ налоговъ, — другими словами, съ tailles. Въ періодъ времени отъ 1461 по 1484 годъ сумма ихъ возросла съ 1.200.000 ливровъ до 4.400.000 [1]). Мы не имѣемъ цифровыхъ данныхъ для опредѣленія роста другихъ сборовъ, но уже и самый фактъ расширенія системы обложенія акцизными (съ вина, aide), соляными и таможенными сборами на провинціи, дотолѣ изъятыя отъ нихъ, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что параллельно съ возрастаніемъ прямыхъ податей царствованіе Людовика XI представляетъ и постепенное накопленіе суммы косвенныхъ [2]).

Тягость налогового обложенія возрастала еще отъ самаго способа раскладки и взиманія сборовъ, сосредоточивавшихся всецѣло въ рукахъ чиновниковъ и откупщиковъ. Смотря на свою должность какъ на статью дохода, финансовые чиновники (élus, asséeurs, collecteurs, gabelliers, и др.) мало заботились о равномѣрности раскладки не только между частными лицами, но и между отдѣльными приходами. Не даромъ же генеральные штаты 1484 г. жалуются королю на обложеніе однихъ приходовъ большей, чѣмъ слѣдовало, суммой и на совершенное изъятіе другихъ, а также на взяточничество и личныя притѣсненія сборщиковъ, приставовъ, тюремщиковъ и т. п. лицъ“ [3]). Такимъ образомъ къ неравномѣрности налогового гнета, вызываемаго существованіемъ податныхъ изъятій въ пользу привилегированныхъ сословій, присоединилась еще неравномѣрность разверстки между податными лицами,—неравномѣрность, отъ которой страдала всего болѣе та часть средняго сословія, которая по своему имуществен-

---

[1]) См. Исторія налоговъ во Франціи Кламажерана, т. II, стр. 26.

[2]) Ibid., стр. 27—31.

[3]) См. Ordre des estats tenus à Tours soubs le roy Charles VIII durant sa minoritè. Paris 1604, въ Coll. de doc. inèdits 1835 г., стр. 52.

ному положенію задолго до французской революціи строго отдѣлялась отъ зажиточной буржуазіи,—я разумѣю крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Правда, плательщики налоговъ могли найти нѣкоторую гарантію равномѣрности обложенія въ правѣ судебнаго обжалованія дѣйствій налоговыхъ чиновниковъ въ спеціальныхъ административныхъ судахъ, какими являлись въ низшей инстанціи „суды" избранныхъ (élus), соляныхъ складовъ (greniers a sel), таможенныхъ сборовъ (traites foraines), а въ высшей—палаты сборовъ (cours des aides). Но эта гарантія на дѣлѣ оказывалась эфемерной. Продажа должностей, перенесенная съ органовъ административнаго вѣдомства на членовъ судебнаго персонала, вкореняя въ магистратурѣ воззрѣніе на должность какъ на статью дохода, влекла за собою постепенное возрастаніе судебныхъ издержекъ (épices) и дѣлала самое обращеніе къ суду слишкомъ дорогимъ и потому почти недоступнымъ средствомъ для возстановленія нарушеннаго права [1]).

Продажа судебныхъ должностей влекла за собой еще то невыгодное послѣдствіе, что открывала доступъ къ магистратурѣ людямъ неподготовленнымъ, людямъ, не всегда высокаго нравственнаго уровня, людямъ, способнымъ въ интересахъ возмѣщенія произведенныхъ ими затратъ продавать правосудіе, какъ выражается одинъ изъ депутатовъ на генеральныхъ штатахъ 1484 года, ректоръ парижскаго университета Жанъ де-Рели, ораторъ средняго сословія [2]). Генеральные штаты 1484 года правы поэтому, когда не только отрицаютъ возможность найти въ судахъ королевства опору противъ административнаго насилія и произвола, но и указываютъ на то, что одною изъ причинъ народныхъ бѣдствій является одновременное

---

[1]) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ моихъ „Опытахъ по исторіи юрисдикціи налоговъ во Франціи", 1876 г.

[2]) Journal des états géneraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII par Jean Masselin въ Collection de documents inédits 1835 г. стр. 209.

увеличеніе числа должностей и чиновничьихъ окладовъ, такъ какъ послѣднее обстоятельство необходимо ведетъ за собою возрастаніе суммы налогового обложенія [1]).

Изъ всего сказаннаго видно, что рядомъ со все еще продолжающимся произволомъ солдатчины—виновницей постепеннаго обѣднѣнія Франціи во второй половинѣ XV вѣка—была финансовая политика ея правительства. Эта истина, повидимому, ясно сознается въ это время самимъ народомъ и его представителями. На генеральныхъ штатахъ, собранныхъ въ Турѣ въ 1468 г., архіепископъ Жанъ дю-Веналь, описывая бѣдность простого народа, доведеннаго до того, что „у него нѣтъ даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ, чтобы утолить голодъ“, прямо относитъ причину народныхъ бѣдствій къ чрезмѣрному увеличенію прямыхъ налоговъ (tailles), связанному съ вымогательствами и грабительствами чиновниковъ (mangeries et pilleries) [2]). Въ свою очередь генеральные штаты 1484 г., указывая на частые случаи голодной смерти, не прекращающіяся выселенія въ Англію, Бретанію и другія земли, оставленіе значительной части земель безъ обработки, ищутъ объясненія этимъ явленіямъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чрезмѣрномъ возрастаніи налогового обложенія [3]). Какъ сильно чувствовалось крестьянами это зло, видно изъ того, что стоитъ только противникамъ короля объявить въ той или другой мѣстности отмѣну акциза или налога на соль и предписать сожженіе налоговыхъ свертковъ или продажу соли изъ складовъ по одной лишь рыночной цѣнѣ, чтобы завербовать въ свои ряды все взрослое населеніе [4]). Къ тому же заключенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что всюду, гдѣ ни происходили народные мятежи въ періодъ времени отъ 1461 по

---

[1]) Ordre des estats tenus à Tours, стр. 54 и 61 (Ibid).

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature françaises au moyen âge, 1878 г., т. III, стр. 416.

[3]) Ordre des estats tenus à Tours, стр. 49 и слѣд.

[4]) Фактъ подобнаго рода представился въ 1465 году въ Леньи на Марнѣ, Jean de Troyes, стр. 246.

1470 годъ, въ Реймсѣ или Анжэ и Нормандіи [1]), они вызываемы были одной и той же причиной—введеніемъ новыхъ или увеличеніемъ размѣра прежнихъ налоговъ. Жанъ Мопуенъ правъ поэтому, когда говоритъ, что чрезмѣрное обложеніе развиваетъ въ народѣ страшную лихорадку, бредъ и бѣшенство, которые въ свою очередь поддерживаютъ въ немъ духъ неповиновенія и мятежа, изъ чего извлекаютъ пользу себѣ враждебные коронѣ феодальные владѣльцы [2]).

Мы представили нѣкоторыя данныя для сужденія объ экономическомъ положеніи Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Мы сдѣлали также попытку раскрыть причины, вызвавшія ухудшеніе народнаго благосостоянія, и признали ими въ числѣ другихъ фискальную политику французскихъ королей. Намъ остается въ настоящее время указать на тѣ условія, какія сдѣлали возможной подобную политику. Въ виду единогласныхъ указаній современниковъ на существующую систему налогового обложенія какъ на главную причину народныхъ бѣдствій, невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ, что же препятствовало уничтоженію этого всѣми сознаваемаго зла? Едва ли возможно разногласіе въ рѣшеніи этого вопроса. Всякому невольно приходитъ на мысль, что существованіе въ странѣ постояннаго органа для выраженія народныхъ нуждъ и потребностей,—органа въ родѣ того, какимъ одновременно являлся англійскій парламентъ, сдѣлало бы невозможнымъ вѣковое господство всѣми сознаваемыхъ злоупотребленій. Такой органъ нѣкогда и существовалъ во Франціи въ лицѣ генеральныхъ штатовъ. Если послѣдніе и не имѣли почина законовъ, если все ихъ участіе въ законодательной дѣятельности ограничивалось однимъ лишь правомъ въ скромныхъ петиціяхъ заявлять правительству о своихъ нуждахъ, то, съ другой стороны, требованіе, чтобы ни одинъ налогъ не былъ взимаемъ съ жителей королевства иначе, какъ съ согласія плательщиковъ,—согласія,

---

[1]) См. *Томасъ Базенъ и Жанъ Мопуенъ.*

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature française, t. II., p. 416.

открыто выраженнаго чрезъ посредство народныхъ представителей, являлось вполнѣ признанной аксіомой. Не далѣе какъ въ срединѣ XIV вѣка генеральные штаты не только энергически настаивали на этомъ правѣ, но и пользовались имъ для установленія дѣятельнаго контроля за общимъ ходомъ администраціи, ставя нерѣдко дарованіе королю требуемыхъ имъ денежныхъ средствъ въ зависимость отъ устраненія тѣхъ или другихъ злоупотребленій, нерѣдко также— отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ королевскихъ совѣтниковъ [1]). Обстоятельства измѣнились съ воцаренія Карла VI. Какъ и повсюду, дорога абсолютизму была открыта неспособностью сословной монархіи, построенной на началѣ привилегіи и утѣсненія низшихъ сословій высшими, перейти мирнымъ путемъ въ монархію всесословную и представительную. Подавленіе огнемъ и мечомъ справедливыхъ притязаній крестьянскаго люда и низшихъ классовъ городского населенія на личную свободу и равенство предъ закономъ положило начало развитію абсолютизма почти одновременно во Франціи и Фландріи. Видя въ привилегированныхъ сословіяхъ злѣйшихъ противниковъ гражданскаго равенства, воспитанные на дигестахъ юристы обращаются къ королю, какъ къ единственно возможному союзнику средняго сословія въ его вѣковой борьбѣ изъ-за гражданскаго равноправія. Первые представители демократическихъ требованій нашего времени являются открытыми сторонниками самодержавія и находятъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ въ лицѣ членовъ привилегированныхъ сословій, и прежде всего въ духовенствѣ. Народные проповѣдники уже въ XIII вѣкѣ энергически протестуютъ противъ византійской, какъ они говорятъ, формулы: все, что угодно правителю, имѣетъ силу закона [2]).

Чтобы привлечь на свою сторону народъ, они неоднократно настаиваютъ въ своихъ проповѣдяхъ на томъ, что

---

[1]) См. „Исторію генеральныхъ штатовъ“ Пико, т. I.

[2]) *Aubertin*, Histoire de la langue et de la littérature française, стр. 336

король только и пользуется единовластіемъ для того, чтобы изнурять народъ податями. „О, король! — восклицаетъ въ XIV вѣкѣ Гильомъ Пипинъ, въ своемъ обращеніи къ Карлу VI. — Ты потомъ и кровью своихъ подданныхъ достигаешь величія и могущества“ [1]).

Въ свою очередь Эусташъ де-Павильи настаиваетъ неоднократно на разграбленіи королевства недостойными любимцами, которые „на счетъ народа строятъ замки и дворцы“ [2]). Въ своихъ нападкахъ на несправедливыхъ правителей, угнетающихъ народъ чрезмѣрными поборами, Жанъ Пети идетъ такъ далеко, что открыто провозглашаетъ необходимость тираноубійства. „Право, разумъ и справедливость предписываютъ убивать народнаго угнетателя, — говоритъ онъ, — притомъ не открыто, а исподтишка [3]). Въ XV вѣкѣ, въ царствованіе Карла VII Жанъ - Жювеналь дезъ-Юрсенъ прямо отрицаетъ проводимую легистами теорію свободы короля въ обложеніи народа податями. „Былъ нѣкто, объявившій однажды въ совѣтѣ: „требуйте и облагайте смѣло налогами подданныхъ“, но такого рода ученіе, — говоритъ Жанъ Жювеналь,—недостойно быть услышаннымъ; оно заключаетъ въ себѣ принципы тираніи“ [4]). Главными проводниками своими эти принципы, по мнѣнію Томаса Базена, имѣютъ легистовъ. Стоитъ прочесть нѣкоторыя главы его „Исторіи Людовика XI“, чтобы узнать, какъ велика была ненависть привилегированныхъ сословій, въ особенности же духовенства, къ адвокатамъ и судьямъ, этимъ невѣжественнымъ, по словамъ Базена, людямъ, не вѣдующимъ ни Божескаго ни человѣческаго закона, придерживающимся однихъ стародавнихъ обычаевъ, которые они истолковываютъ притомъ обыкновенно такъ, чтобы оправдать ими худшія и наиболѣе опасныя зло-

---

[1]) O Roi qui taillez votre splendeur dans la chair de votre peuple (La vie aux temps des libres prêcheurs par Méray, Paris 1878, стр. 61).

[2]) Ibid., стр. 68.

[3]) Ibid., стр. 67.

[4]) *Aubertin*, стр. 417.

употребленія. По его словамъ, этотъ классъ людей является какой-то общественной чумою и высасываетъ изъ народа послѣдніе соки, довершая тѣмъ то, чего не удалось достигнуть системѣ налогового обложенія [1]). То же нерасположеніе къ юристамъ, сдѣлавшимся фактическими управителями феодальныхъ помѣстій и ближайшими совѣтниками вельможъ [2]), высказываетъ и Филиппъ де-Коминъ, какъ намъ кажется, по той же причинѣ, что и Базенъ. Дѣло въ томъ, что изъ кого же, какъ не изъ юристовъ вербовались тѣ „люди низкаго происхожденія и нравственности“, о которыхъ Коминъ въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ говоритъ, что они всегда на сторонѣ двойного обложенія подданныхъ [3]). Они считаютъ государственнымъ преступленіемъ самое предложеніе созвать генеральные штаты подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе могутъ ограничить авторитетъ короля. Они совершенно устраняютъ отъ послѣдняго его естественныхъ руководителей, депутатовъ отъ сословій, съ которыми король долженъ былъ бы совѣщаться обо всемъ, что предпринимаетъ. „Эти-то люди и учатъ правителя,—пишетъ Коминъ,—что онъ можетъ безпрепятственно взимать съ подданныхъ какіе вздумаетъ налоги, тогда какъ въ дѣйствительности ни одинъ князь, не вырождаясь въ тирана, не можетъ брать съ народа денегъ безъ его согласія“ [4]).

Высказываясь въ пользу созыва генеральныхъ штатовъ, громко объявляя, что они одни могутъ положить предѣлъ дальнѣйшему обѣднѣнію и угнетенію подданныхъ, вызванному налоговымъ гнетомъ и произволомъ солдатчины, Филиппъ де-Коминъ даетъ не болѣе какъ личное выраженіе общему чувству, всѣми раздѣляемому желанію. Рѣшительнымъ под-

---

[1]) Томасъ Базенъ, изданіе Квишера, т. II стр. 32 и 33.

[2]) См. *Ф. де-Коминъ.* Мемуары. кн. I, гл. 10, кн. II, гл. 6.

[3]) Мемуары Ф. де-Коминъ, кн. V, глава 18. „S'il (le roi) veut imposer un denier, ils disent deux“.

[4]) „Car nul prince ne le peut autrement lever, que par octroy, si ce n'es par tyrannie“ (кн. V, гл. 18).

твержденіемъ нашей мысли служитъ то обстоятельство, что требованіе о немедленномъ собраніи генеральныхъ штатовъ проскальзываетъ въ народной поэзіи. И въ ней, какъ и въ памятникахъ письменности, открыто высказывается тотъ взглядъ, что одни генеральные штаты въ состояніи положить предѣлъ дальнѣйшему обнищанію страны. „Откуда идете вы,—читаемъ мы въ одномъ анонимномъ стихотвореніи, обыкновенно приписываемомъ Вилону, — откуда?“ — „Съ королевскаго двора“ слѣдуетъ отвѣтъ. „Что дѣлаютъ тамъ?“ — „Ничего хорошаго“.—„Какіе слухи идутъ оттуда?“—„Только дурные“.—„Неужели намъ грозитъ еще худшее, чѣмъ теперь?“—„О, несомнѣнно!“ — „Какъ такъ?“ — „Есть тому признаки“.—„Кто же пострадаетъ отъ этого?“—„Кто? Извѣстно кто: всѣ и каждое изъ трехъ сословій королевства“. Изъ дальнѣйшаго діалога оказывается, что ни Парижъ, ни парламентъ, ни дворянство, ни духовенство не имѣютъ въ отдѣльности достаточно силы, чтобы воспрепятствовать злу. Всѣ и каждое изъ нихъ находятся въ бѣдственномъ положеніи. Все гибнетъ безнадежно. „Кто же, — спрашиваетъ одинъ изъ разговаривающихъ, — въ состояніи принять нужныя мѣры, чтобы помочь бѣдѣ?“ — „Кто?.. Извѣстно кто,—отвѣчаютъ ему,—не кто иной, какъ сословія королевства“. — „Кто можетъ дать королю скорый и добрый совѣтъ?“—На этотъ вопросъ слѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: „Вы спрашиваете, кто? — три сословія Франціи“ [1]).

Итакъ, и государственные люди, въ родѣ Филиппа де-Комина или Томаса Базена, и народные проповѣдники, и стихотворцы одинаково сознаютъ, что причиной бѣдственнаго экономическаго положенія страны является отсутствіе въ ней какой бы то ни было конституціи. Всѣ высказываются въ томъ смыслѣ, что одна лишь замѣна личнаго произвола волею сословныхъ представителей въ состояніи положить конецъ и чрезмѣрному обложенію, и ничѣмъ не сдерживаемому грабительству народной казны, и угнетатель-

[1]) См. *Leroux de Lincy*. Chants historiques français, стр. 354 и 355.

ству чиновниковъ и продажности судей. Еще одинъ или два десятка лѣтъ — и теорія народнаго самодержавія открыто будетъ провозглашена, одинаково со скамей депутатовъ средняго сословія и дворянства. „Развѣ вы не читали,—скажетъ сеньоръ де-Ларошъ,—что не что иное, какъ народная воля положила начало царствамъ и создала королей".—„Королевская власть не наслѣдство, а публичная должность" объявитъ въ свою очередь Филиппъ Потъ. „Государство существуетъ для народа, которому поэтому и должна быть предоставлена забота о дѣлахъ управленія" провозгласитъ рядъ другихъ ораторовъ [1]).

Бѣдственное экономическое состояніе, какъ послѣдствіе ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, и стремленіе ограничить абсолютизмъ короля совѣтомъ народныхъ представителей, делегатовъ отъ сословій, таково въ немногихъ словахъ положеніе Франціи въ эпоху посѣщенія ея Фортескью. Если мы остановились съ нѣкоторой подробностью на описаніи внутренняго быта этого королевства, то лишь потому, что своей отрицательной стороной онъ не могъ не произвесть глубокаго неизгладимаго впечатлѣнія на такого зоркаго и проницательнаго наблюдателя, какъ Фортескью. Надо прочесть тѣ страницы его „Похвалъ англійскимъ законамъ" или трактата „О монархіи", на которыхъ онъ даетъ описаніе современнаго ему положенія Франціи, чтобы понять, какое фактическое основаніе Фортескью имѣлъ для своей теоріи превосходства ограниченнаго образа правленія надъ неограниченнымъ. Пробѣгая эти страницы и сравнивая сообщаемыя ими данныя съ тѣми фактами народнаго быта Франціи въ XV вѣкѣ, какіе только что переданы нами, читатель самъ въ состояніи будетъ увидѣть, какъ много въ нихъ жизненной правды, какъ несправедливо было бы прилагать къ свидѣтельствамъ Фортескью ту мѣрку, какую обыкновенно прилагаютъ къ показа-

---

[1]) См. „Журналъ генеральныхъ штатовъ" 1484 г., веденный Масселиномъ и изданный въ Coll. de doc. inédits за 1835 г. стр., 152—157.

ніямъ иностранцевъ, подозрѣвать его въ намѣреніи чернить чужое съ цѣлью охорашиванія своего. Читатель въ то же время въ состояніи будетъ прослѣдить на основаніи этихъ страницъ процессъ зарожденія въ умѣ Фортескью общей идеи его трактатовъ; онъ въ состояніи будетъ понять, какимъ образомъ, отвлекаясь отъ современнаго ему быта Франціи и переносясь мыслью на родину, Фортескью въ состояніи былъ путемъ сравненія открыть превосходство существовавшаго въ Англіи порядка государственнаго устройства; ему станетъ понятнымъ также, какимъ образомъ, находя на родинѣ зародышъ тѣхъ самыхъ началъ абсолютизма и чиновничьяго произвола, торжеству которыхъ Франція обязана была своими бѣдствіями, встрѣчая въ ней тѣхъ же сторонниковъ неограниченнаго образа правленія, что и на континентѣ, — я разумѣю юристовъ, воспитанныхъ на текстѣ Дигестъ и въ духѣ теоріи, „все что угодно правителю, имѣетъ силу закона",—великій канцлеръ счелъ нужнымъ написать поученіе своему царственному питомцу въ защиту и похвалу стариннымъ англійскимъ обычаямъ и законамъ, вѣками созданной конституціи, поколебать которую тщетно пытались опиравшіеся на юристовъ короли, начиная съ Ричарда II. Вотъ какой интересъ представляютъ собою посвященныя Франціи страницы Фортескью для историка ученія о конституціонной монархіи. Не менѣе любопытны онѣ и для историка внутренняго быта Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Яркими, нерѣдко вдающимися въ мелочныя подробности, чертами рисуетъ намъ Фортескью матеріальную жизнь французскихъ крестьянъ. Далеко не поверхностный наблюдатель, онъ даетъ точное описаніе ихъ жилища, одежды и пищи. Его пытливый умъ не довольствуется однимъ приведеніемъ любопытныхъ данныхъ касательно безысходнаго положенія сельскаго населенія; онъ ищетъ еще объясненія этимъ даннымъ въ общемъ характерѣ политическаго и административнаго устройства страны. Раскрывши связь между тѣми и другими, онъ пользуется своимъ открытіемъ для установленія общаго положенія о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ

устраненіе конституціонныхъ гарантій и сосредоточеніе безпредѣльнаго могущества въ рукахъ одного. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ изученіе экономическаго быта Франціи является у него фундаментомъ для обоснованія ученія о превосходствѣ ограниченнаго образа правленія надъ неограниченнымъ. „Вамъ легко вспомнить,—пишетъ онъ въ своемъ обращеніи къ принцу Эдуарду[1]), — въ какомъ состояніи вы нашли села и города Франціи въ эпоху вашего пребыванія въ ней. Хотя они и богаты произведеніями природы, тѣмъ не менѣе вы съ трудомъ могли найти даже въ большихъ городахъ все необходимое вамъ во время путешествія; такъ велики были поборы королевскихъ войскъ на содержаніе самихъ себя и лошадей. Вы помните, что говорили вамъ жители о солдатахъ, проводящихъ въ селахъ по одному или по два мѣсяца въ домахъ крестьянъ, не платя имъ никакого вознагражденія за постой. Мало того, жители тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ квартировали войска, обязаны были даромъ доставлять имъ вино, мясо и все, въ чемъ бы они ни нуждались. Каждый разъ, когда солдаты были недовольны качествомъ поставленныхъ имъ продуктовъ, жители обязаны были раздобыть лучшее изъ сосѣднихъ селъ. При малѣйшемъ недовольствѣ войска такъ варварски обращались съ мѣстнымъ населеніемъ, что ему поневолѣ приходилось исполнять все требуемое. Какъ только топлива или лошадинаго корма становилось недостаточно, войска переходили въ другое селеніе и опустошали его не хуже перваго. Тотъ же отказъ платить что бы то ни было слѣдовалъ со стороны солдатъ каждый разъ, когда дѣло шло о поставкѣ жителями одежды и всякаго рода необходимыхъ принадлежностей одѣянія, будутъ ли ими башмаки, чулки и т. д. вплоть до ничтожнѣйшей тряпки“.

На протяженіи всей Франціи нѣтъ неукрѣпленнаго города или селенія, который бы одинъ или два раза не подвергался

---

[1]) *Fortescue*, De laudibus legum Angliae, изданіе Амоса, 1825 г., гл. 35, стр. 242.

такому грабительству. Какъ мало преувеличеній въ только что приведенныхъ показаніяхъ Фортескью —видно изъ одно-характернаго свидѣтельства другихъ современныхъ источниковъ. Вотъ, напр., что говоритъ Филиппъ де-Коминъ о дѣйствіяхъ солдатъ королевской арміи: „Они постоянно живутъ на счетъ жителей и не только не платятъ ничего за свое содержаніе, но еще причиняютъ имъ всякаго рода вредъ и насилія, съ характеромъ которыхъ каждый изъ насъ хорошо знакомъ; дѣло въ томъ, что они не довольствуются условіями обыденнаго существованія; они не хотятъ пользоваться тѣми продуктами, какіе находятъ у крестьянина-земледѣльца, взявшаго ихъ на постой, но заставляютъ его бранью и побоями пріобрѣтать на сторонѣ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы [1]).

Въ свою очередь народная поэзія—это самопроизвольное выраженіе народныхъ страданій и нуждъ—яркими красками рисуетъ намъ то бѣдственное положеніе, въ какое солдаты ставили крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверной Франціи, въ частности Нормандіи. „Они приходятъ,—поется въ одной нормандійской пѣснѣ,—грубо требовать отъ насъ чего мы сами не имѣемъ, пуская въ ходъ брань и потасовку; а намъ вдобавокъ приходится еще умолять ихъ: добрые господа, сдѣлайте одолженіе, возьмите все, что есть у насъ“ [2]).

Фактъ существованія въ царствованіе Людовика XI самыхъ возмутительныхъ вымогательствъ солдатчины засвидѣтельствованъ не однѣми лѣтописями и не одной народной поэзіей, но и прямыми заявленіями королевскихъ ордонансовъ. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 12 января 1475 г.) [3]) мы читаемъ о великихъ и несчетныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ солдатами, о наносимыхъ ими убыткахъ, о грабительствахъ, взяткахъ и вымогательствахъ, причиненныхъ еще недавно и въ настоя-

---

[1]) *Ф. де-Коминъ*, кн. V, гл. 18.

[2]) *Leroux di Lincy*, Chants historiques français, стр. 378.

[3]) См. Ordonnances des rois de France, т. XVIII, стр. 72.

щее время причиняемыхъ квартирующими войсками (въ частности свободными стрѣлками) къ немалому угнетенію подданныхъ, „жителей нашего королевства“.

Переходя отъ произвола солдатчины къ другимъ причинамъ народныхъ бѣдствій, Фортескью останавливается съ подробностью на налоговомъ гнетѣ, какъ на главномъ виновникѣ повсемѣстнаго обнищанія. Болѣе всего поражаетъ его существованіе во Франціи соляной монополіи. „Французскій король не позволяетъ имѣть въ употребленіи другой соли,—пишетъ онъ,—кромѣ той, какая пріобрѣтена будетъ въ правительственныхъ складахъ по произвольно назначенной имъ цѣнѣ. Мало того, если бы гдѣ-либо нашелся бѣднякъ, который бы предпочелъ вовсе не употреблять соли въ пищу, нежели покупать ее на такихъ невыгодныхъ условіяхъ, онъ былъ бы тѣмъ не менѣе принужденъ пріобрѣсть соль въ правительственномъ складѣ и въ количествѣ, какое признано будетъ правительствомъ достаточнымъ для потребностей его самого и семьи“. Рядомъ съ соляной монополіей во Франціи существуютъ особые платежи съ вина. Фортескью говоритъ о передачѣ гражданами четвертой части продуктовъ винныхъ лозъ правительству. Очевидно, онъ разумѣетъ подъ этимъ не уступку натурой одной четверти продуктовъ винодѣлія, а уплату казнѣ четвертой части доходовъ отъ продажи вина въ розницу.

Получаемая въ общемъ картина французскаго обѣднѣнія кажется Фортескью настолько разительной и такъ тѣсно связанной съ порядками политическаго устройства Франціи, что, сопоставляя ее съ матеріальнымъ бытомъ англичанъ и ихъ правительственными порядками, онъ считаетъ возможнымъ убѣдить короля въ необходимости поддерживать исконныя начала англійской свободы.

Итакъ, примѣромъ Франціи Фортескью пользуется для того, чтобы доказать всѣ преимущества правительства одновременно царскаго и республиканскаго. „Честь короля,—говоритъ онъ,—сдѣлать свое царство богатымъ, а безчестіе — въ томъ, чтобы обратить подданныхъ въ нищихъ, что и можетъ

быть уже сказано о французахъ. Обѣднѣли же они такъ потому, что не имѣютъ свободы въ распоряженіи своимъ имуществомъ. Въ матеріальномъ благосостояніи подданныхъ не только честь, но и выгода правителя: только въ виду своей зажиточности англійскія общины могли не разъ сами предлагать значительную денежную помощь правительству, платить ему $^1/_{10}$ и $^1/_{15}$ часть своего имущества (décime и quinzime), о чемъ не могъ и подумать французскій король. Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшиться ему предъявить такое требованіе даже къ дворянамъ, разъ ему страшно, что они въ этомъ случаѣ вступятъ въ союзъ съ общинами и, пожалуй, низвергнуть его. Ничто въ большей степени не грозитъ возстаніемъ, — прибавляетъ онъ, — какъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ и отсутствіе справедливости“ [1]).

Канцлеръ не отказывается и отъ подачи королю добрыхъ совѣтовъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что съ помощью парламента можно въ мѣсяцъ сдѣлать болѣе для исправленія законовъ, чѣмъ въ теченіе года при отсутствіи свободнаго обсужденія [2]). Въ доказательство своей мысли о пользѣ совѣтовъ нашъ авторъ ссылается и на примѣръ римлянъ и на примѣръ лакедемонянъ и аѳинянъ „Всѣ они процвѣтали,—говоритъ онъ,— пока у нихъ былъ большой совѣтъ“. Этими примѣрами онъ желаетъ доказать, что если король будетъ имѣть такое же собраніе, какъ, положимъ, римскій сенатъ, страна его будетъ богата и самъ онъ — настолько могуществен, что въ состояніи будетъ побѣдить своихъ враговъ. Помимо парламента Фортескью желалъ бы видѣть передачу дѣятельной администраціи страны въ руки коллегіи, въ которую вошли бы одинаково и члены верхней палаты и члены нижней. Можно сказать, что въ его умѣ уже зародилась мысль о томъ порядкѣ парламентскаго управленія, душу котораго составляетъ

---

1) Ibid., гл. XII.

2) „Если исправленіе законовъ,—говоритъ онъ буквально,—не сдѣлается предметомъ дебатовъ“ (гл. XVI).

кабинетная система, т.-е. управленіе страны комитетомъ отъ обѣихъ палатъ. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи XV глава его трактата, гдѣ онъ требуетъ назначенія 12 духовныхъ и 12 свѣтскихъ лицъ изъ числа мудрѣйшихъ и имѣющихъ наилучшія намѣренія. Ихъ слѣдуетъ привесть къ присягѣ и потребовать отъ нихъ, чтобы они ни отъ кого не получали подарковъ. Пополняться же они должны присоединеніемъ къ нимъ новыхъ членовъ путемъ кооптаціи, или внутренняго выбора. Во главѣ всѣхъ долженъ стоять одинъ главный совѣтникъ (capitalis cousiliarius). Совѣтникамъ предстоитъ обсудить важнѣйшія мѣры управленія. Въ перечисленіи ихъ выступаютъ меркантильныя пристрастія того вѣка, въ которомъ пришлось жить Фортескью. Отъ членовъ совѣта король въ правѣ ждать, что они укажутъ ему средства помѣшать уходу золотой монеты изъ страны и привлечь въ нее драгоцѣнные металлы извнѣ [1]). Попытки организовать тайный совѣтъ короля въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ сдѣлать это Фортескью, послѣдовали въ правленіи Ланкастеровъ въ 1404, 1406 и 1410 годахъ, когда Генрихъ IV, снисходя къ ходатайству парламента о назначеніи совѣта въ его стѣнахъ, согласился призвать къ завѣдыванію дѣлами людей, пріятныхъ парламенту. Въ 1437 году совѣтъ даже былъ прямо назначенъ послѣднимъ [2]). Особенность предложеній, сдѣланныхъ Фортескью, состоитъ развѣ въ томъ, что онъ не настаиваетъ на серьезномъ контролѣ парламента за составомъ совѣта и болѣе озабоченъ постоянствомъ его состава, почему и отказываетъ королю въ возможности удалять отдѣльныхъ членовъ безъ согласія ихъ товарищей [3]).

Такъ какъ канцлеръ сознаетъ вредъ, какой можетъ произойти отъ расточительности въ распоряженіи доменами, хотя бы въ виду того, что послѣдствіемъ ея будетъ увели-

---

[1]) Гл. XV.
[2]) См. примѣчаніе Plummer'а къ трактату Фортескью, стр. 297.
[3]) Ibid., стр. 298.

ченіе бремени налоговъ, то онъ передаетъ совѣтникамъ право высказываться на этотъ счетъ. Онъ не желалъ бы принятія королемъ какихъ-либо мѣръ по отношенію къ распоряженію своими доменами безъ согласія совѣта. Предложенія Фортескью преслѣдовали, повидимому, практическія цѣли; это вытекаетъ изъ одного документа, текстъ котораго составленъ былъ самимъ канцлеромъ. Онъ заключаетъ въ себѣ схему реформъ, какія, по его мнѣнію, были бы желательны и могли быть проведены въ томъ случаѣ, если осуществится возстановленіе на престолѣ Ланкастерской династіи. Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ выработанъ приблизительно въ 1471 году и заключаетъ въ себѣ предложеніе—поручить администрацію 12 свѣтскимъ и 12 духовнымъ лицамъ, выбираемымъ изъ всѣхъ классовъ общества и къ которымъ бы ежегодно присоединяемо было 4 свѣтскихъ и 4 духовныхъ лорда [1]).

Мы полагаемъ, что всего сказаннаго достаточно, чтобы оправдать включеніе въ число политическихъ мыслителей писателя, обыкновенно обходимаго молчаніемъ въ общихъ трактатахъ по исторіи государственныхъ доктринъ. Фортескью—едва ли не первый теоретикъ основъ представительной монархіи. Онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на современниковъ и отдаленное потомство и лучше любого писателя, до временъ Локка, сумѣлъ опредѣлить дѣйствительныя основы ограниченнаго образа правленія, который, по его мнѣнію, какъ мы видѣли, сводится къ участію палатъ въ одинаковой мѣрѣ и въ налоговомъ обложеніи и въ законодательствѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 70, 349 и 350.

ГЛАВА VI.

Ученіе о единствѣ верховной власти, или суверенитета, французскаго депутата на генеральныхъ штатахъ XVI вѣка Жана Бодена.

§ 1. Фортескью смотритъ шире на природу сословной монархіи, чѣмъ другой болѣе его извѣстный писатель, отдѣленный отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Я разумѣю француза Жана Бодена, автора обширнаго комментарія на Аристотелеву „Политику". Этотъ писатель, какъ мы сейчасъ увидимъ, отказываетъ сословному представительству въ законодательной дѣятельности и признаетъ одно лишь участіе его въ налоговомъ обложеніи. Причины этого лежатъ въ его желаніи воспрепятствовать дальнѣйшему дробленію государственной власти. Являясь своего рода собирателемъ французской земли, Жанъ Боденъ вслѣдъ за рядомъ легистовъ, или правовѣдовъ, сражавшихся съ феодальной безурядицей, съ помощью римскаго имперскаго принципа о законѣ, какъ о выраженіи воли правителя, выставляетъ догматъ единства и недѣлимости государственнаго суверенитета, носителемъ котораго онъ признаетъ короля. Въ этомъ лежитъ оригинальная и серьезная сторона его доктрины. Но чтобы понять условія, среди которыхъ она сложилась, намъ необходимо, во-первыхъ, сообщить нѣкоторыя подробности о его жизни и показать связь его ученія съ современной ему эпохой, а во-вторыхъ—бросить хотя бы бѣглый взглядъ на развитіе ученія о государственномъ верховенствѣ, или суверенитетѣ, въ предшествующее ему время.

Боденъ родился въ 1530 году въ Анжэ, въ хорошемъ семействѣ этого города, и получилъ юридическое образованіе въ Тулузѣ, гдѣ и намѣренъ былъ сдѣлаться профессоромъ. Около 1561 года онъ переселяется въ Парижъ, съ цѣлью поступить въ сословіе адвокатовъ, но какъ адвокатъ Боденъ

имѣлъ мало успѣха, что и побудило его сдѣлаться публицистомъ. Онъ предался собиранію громаднаго матеріала по исторіи права; первымъ плодомъ его энергичной работы было изданное въ 1566 году сочиненіе „Методъ къ легкому изученію исторіи“, „Methodus ad facilem historiarum cognitionem“.

Въ этомъ сочиненіи Боденъ указываетъ на необходимость сравнительнаго метода и сильно нападаетъ на одностороннее изученіе римскаго права. Онъ иронически относится къ ученому, который блѣднѣетъ надъ безжизненными текстами, и тѣмъ вызываетъ контръ-нападки Куяція, извѣстнаго въ то время юриста. Въ 1568 году Боденъ принимаетъ участіе въ засѣданіи штатовъ въ Нарбоннѣ, а въ 1571 году мы находимъ его состоящимъ при особѣ герцога Алансонскаго, главы партіи политиковъ, въ качествѣ одного изъ его совѣтниковъ. Въ томъ же году Боденъ выступаетъ защитникомъ неотчуждаемости доменовъ, или государственныхъ земель. Назначенный прокуроромъ короля въ комиссіи, призванной рѣшить затрудненія, порожденныя отчужденіемъ казенныхъ лѣсовъ въ Нормандіи, онъ требуетъ отъ новыхъ владѣльцевъ уплаты предписаннаго старыми законами сбора (tiers et danger). Вскорѣ послѣ этого, какъ приверженецъ терпимости, Боденъ заподозрѣнъ въ кальвинизмѣ и едва не убитъ фанатиками въ Варѳоломеевскую ночь. О томъ, какъ ему удалось избѣжать смерти, разсказываютъ различно: одни говорятъ, что спасеніемъ своимъ онъ обязанъ президенту парламента и историку де-Ту; другіе же—что онъ укрылся отъ убійцъ, уже ворвавшихся въ его комнату, выпрыгнувъ для этого изъ окна, и что послѣ онъ нѣкоторое время скрывался въ Парижѣ. Мы встрѣчаемъ его затѣмъ при дворѣ Генриха III; послѣднiй не только допускаетъ его къ себѣ, но и приглашаетъ нерѣдко къ своему столу. Въ 1576 году Боденъ участвуетъ въ собраніи генеральныхъ штатовъ въ Блуа, въ качествѣ депутата отъ Верманду; здѣсь онъ, по словамъ современниковъ, увлекаетъ другихъ своимъ словомъ и заставляетъ депутатовъ Иль де Франса всегда принимать его сторону. Уполномоченные отъ

Парижа, съ которыми онъ никогда не соглашался, наушничаютъ на него королю и королевѣ. Такъ какъ Боденъ продолжалъ попрежнему обѣдать за королевскимъ столомъ, то онъ воспользовался этимъ, чтобы поднять при дворѣ вопросъ о присоединеніи къ собранію штатовъ каждые два года особаго совѣта націи (concil general ou national) для опредѣленія взаимныхъ отношеній обоихъ вѣроисповѣданій. Онъ возставалъ также противъ предоставленія комитету отъ штатовъ права пересмотра тетрадей жалобъ отдѣльныхъ сословій. „Штаты,—говорилъ онъ,—не имѣютъ права передавать своихъ полномочій, какъ не имѣетъ такого права и адвокатъ. Они не должны даже возбуждать вопроса о возможности такой передачи, въ виду вреда, какой она причинитъ французскому народу“. Уже и безъ того при существованіи штатовъ права народа узурпируются какими-нибудь 400 депутатами. Передать же комиссіи въ 18 или 26 членовъ право редакціи общихъ законовъ равнозначительно упраздненію части штатовъ (réduire les états de France au petit pied). Боденъ приводитъ примѣръ Людовика XI, который съ 18 лицами, избранными отъ сословій, дѣлалъ все, что ему было угодно. Одного присутствія короля въ ихъ средѣ достаточно было для того, думаетъ Боденъ, чтобы внушить имъ робость и заставить ихъ впасть въ полное ничтожество. Несмотря на поддержку дворянства и духовенства, раскритикованное Боденомъ предложеніе не прошло; ему удалось также настоять на удержаніи штатами стараго правила, въ силу котораго два высшихъ сословія не могли постановлять рѣшеній, враждебныхъ интересамъ средняго. Король Генрихъ остался недоволенъ этими мѣрами и тою ролью, какую въ принятіи ихъ игралъ Боденъ. Его изображали ему человѣкомъ, ведущимъ сословія за собою, заставляющимъ ихъ дѣлать, что ему угодно.

Не обращая вниманія на немилость, въ какую онъ впалъ у короля, Боденъ снова оказываетъ ему отпоръ въ вопросѣ объ отчужденіи доменовъ. Нуждаясь въ средствахъ, Генрихъ приказалъ внести предложеніе о продажѣ части казенныхъ

земель и чтобы заручиться согласіемъ штатовъ прибѣгъ къ подкупу ихъ членовъ. На засѣданіи отъ имени третьяго сословія Боденъ объявилъ, что „король—не собственникъ, а только пользователь доменовъ казны, собственность же ихъ принадлежитъ народу". Депутаты средняго сословія поэтому не имѣютъ права дать согласіе на ихъ отчужденіе безъ спеціальныхъ на то полномочій отъ своихъ довѣрителей. Имѣй они даже такія полномочія, отчужденіе доменовъ тѣмъ не менѣе не могло бы быть одобрено. „Разъ казенныя земли перестанутъ существовать, народъ поставленъ будетъ въ необходимость содержать на собственныя средства короля и королевство и платитъ непосильные налоги". Отчужденіе доменовъ было отвергнуто штатами. Боденъ еще болѣе впалъ въ немилость, а это попрежнему сблизило его съ герцогомъ Алансонскимъ, сдѣлавшимся въ это время Анжуйскимъ. Въ 1580 году Боденъ предпринимаетъ путешествіе въ Англію, гдѣ, какъ утверждаютъ его біографы, находитъ свою книгу „О республикѣ" излагаемой съ каѳедръ въ Лондонѣ и Кембриджѣ.

Въ бытность свою въ Англіи Боденъ, какъ передаетъ одинъ его современникъ, сдѣлался ненавистнымъ англичанамъ своимъ любопытствомъ. Принятый ко двору Елизаветы, онъ названъ былъ королевой шутникомъ за то, какъ утверждаетъ одинъ современникъ, что во многихъ мѣстахъ своего сочиненія въ насмѣшливыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ отзывался о женщинахъ.

Въ 1583 году Боденъ сопровождаетъ въ Нидерланды герцога Алансонскаго, а со смертью послѣдняго поселяется со своимъ семействомъ въ Ліонѣ, гдѣ съ 1587 года исполняетъ обязанности генеральнаго прокурора.

Въ 1590 году Боденъ обвиненъ приверженцами Лиги въ ереси и подвергнутъ обыску. Шесть лѣтъ спустя, въ 1596 году, на 66 году жизни онъ умираетъ отъ чумы.

„Республика" Бодена сначала была переведена самимъ авторомъ на латинскій языкъ, а затѣмъ ее перевели и на всѣ иностранные языки. Несмотря на нападки Куяція и Скали-

гера, она у современниковъ считалась капитальнѣйшимъ сочиненіемъ по политикѣ. Въ ней Боденъ прежде всего задается вопросомъ о верховной власти. Онъ различаетъ при этомъ: 1) кому принадлежитъ верховная власть и 2) кѣмъ она осуществляется. „Отвѣтъ на первый вопросъ,—говоритъ Боденъ,—есть отвѣтъ на то, каковъ долженъ быть порядокъ политическаго устройства; отвѣтъ на второй равнозначителенъ отвѣту на вопросъ — каковъ долженъ быть порядокъ управленія". Верховная власть, по мнѣнію Бодена, должна быть властью постоянною; власть, переданная кому-либо на время, не можетъ быть верховной; власть, данная уполномоченному, не устраняетъ правъ довѣрителя. Верховною можетъ считаться только власть, которая перенесена на кого-либо всецѣло и на неопредѣленный срокъ; тогда только она начинаетъ принадлежать не тому, кто ее передалъ, а тому, кто ее получилъ. Верховная власть принадлежитъ всегда одному субъекту, хотя и можетъ осуществляться различными; такъ если она у народа, то можетъ, какъ въ Римѣ, быть передана въ пользованіе консула или диктатора. Боденъ допускаетъ передачу верховной власти народомъ одному лицу, съ правомъ наслѣдственнаго распоряженія ею. Такая передача не можетъ быть сдѣлана съ удержаніемъ за народомъ извѣстныхъ правъ за собою, такъ какъ верховная власть должна быть неограничена. Первый признакъ принадлежности ея извѣстному лицу состоитъ въ правѣ послѣдняго по своей волѣ издавать и отмѣнять законы. Суверенитетъ принадлежитъ въ государствѣ обыкновенно монарху. При всей неограниченности своей власти послѣдній связанъ велѣніями естественнаго и Божескаго закона, принимающаго подъ свою защиту жизнь и собственность гражданъ. Другихъ ограниченій король не знаетъ. Онъ не связанъ ни постановленіями своихъ предшественниковъ ни своими собственными, и если бы онъ даже обѣщалъ вѣчно соблюдать изданные имъ указы, тако обѣщаніе не имѣло бы силы, ибо верховная власть неограничена: она всегда сохраняетъ право измѣнять законы сс

образно общественнымъ потребностямъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, „что король не связанъ рѣшеніями генеральныхъ штатовъ, онъ можетъ сдѣлать обратное тому, чего они пожелаютъ, если того требуютъ естественный разумъ и справедливость". Доказывая это, Боденъ нападаетъ на мнѣніе тѣхъ писателей, которые старались доказать, что штаты выше короля. „Король,—говоритъ онъ,—подчиненный штатамъ, перестаетъ быть верховнымъ правителемъ, и королевство становится аристократіей. Въ самой Англіи, — продолжаетъ онъ,— парламентъ не имѣетъ законодательной власти и принужденъ ограничиться представленіемъ петицій. Палаты не могутъ ни сойтись ни разойтись иначе, какъ по волѣ правительства". Англійскій король можетъ издавать законы вопреки воли собранія, по собственному усмотрѣнію, какъ это постоянно и имѣло мѣсто при Генрихѣ VIII.

Что касается до взиманія податей, то Боденъ утверждаетъ, что „нѣтъ короля въ мірѣ, который бы могъ облагать налогами произвольно, точь-въ-точь какъ не можетъ онъ отбирать у подданныхъ ихъ имущества".

Относительно другихъ правъ короля Боденъ думаетъ, что они сами собою вытекаютъ изъ права его издавать законы безъ чужого согласія. Эти права слѣдующія: a) право создавать привилегіи, b) право объявлять войну и заключать миръ, c) право помилованія, d) право чеканить монету и e) быть послѣдней инстанціей во всѣхъ возникающихъ вопросахъ управленія. Всѣ эти права неотчуждаемы, неизмѣнны и не подлежатъ давности.

Опредѣливъ сущность верховной власти, Боденъ переходитъ затѣмъ къ порядку управленія и говоритъ, что такъ какъ верховная власть нераздѣльна, то и невозможны смѣшанные образы устройства, а существуютъ однѣ лишь простыя формы послѣдняго. Между ними по принадлежности верховной власти одному лицу, многимъ или всѣмъ, мы различаемъ — a) монархію, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному, b) аристократію, гдѣ она въ рукахъ мень-

шинства народа и с) демократію—правленіе всего народа. При смѣшанномъ правленіи тотъ, кому принадлежитъ законодательная власть, и долженъ считаться носителемъ власти верховной. Отвергая смѣшанныя формы правленія, Боденъ въ то же время допускаетъ, что въ монархіи, хотя верховная власть и принадлежитъ одному, къ управленію можетъ быть призванъ и народъ. Это бываетъ тогда, когда король даетъ извѣстную долю участія въ управленіи сословнымъ палатамъ (штатамъ) и судебному персоналу, допуская въ составъ послѣдняго не однихъ знатныхъ или богатыхъ. Наоборотъ, если имущества раздаются только дворянамъ, монархія можетъ сдѣлаться управленіемъ аристократическимъ. Боденъ различаетъ монархію законную, или царскую, господскую и тираническую. „Законная монархія,—говоритъ онъ,—та, въ которой подданные подчинены законамъ монарха, а послѣдній повинуется законамъ природы, сохраняя неприкосновенными естественную свободу и имущество подданныхъ"; поступая обратно этому, онъ становится тираномъ.

Другой видъ монархіи тотъ, при которомъ король въ силу завоеванія является собственникомъ лицъ и имуществъ гражданъ. Слѣдуя авторитету Фортескью, Боденъ называетъ этотъ видъ монархіи древнѣйшимъ и приводитъ въ примѣръ Нимврода. Такой монархъ управляетъ подданными, какъ глава семейства рабами. По вопросу о томъ, кого нужно считать тираномъ, Боденъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что имъ является въ однихъ случаяхъ всякій несправедливый правитель, въ другихъ—только узурпаторъ. „Ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяется подданнымъ объявить лицо, законно владѣющее властью, тираномъ и вслѣдъ за тѣмъ убить его". Изъ всѣхъ видовъ монархіи наиболѣе прочнымъ и устойчивымъ Боденъ признаетъ тотъ, при которомъ народъ имѣетъ участіе въ управленіи („la confusion de la monarchie avec le gouvernement populaire est la plus assurée monarchie qui soit"). Боденъ считаетъ опасной демократію потому, что природа народа заставляетъ его стремиться къ неограниченной свободѣ, равенству иму-

ществъ, заработковъ, знанія и всякой добродѣтели. Что касается до устройства народной монархіи, то въ ней во главѣ правленія долженъ стоять сенатъ, который въ другомъ мѣстѣ Боденъ называетъ закономъ установленнымъ собраніемъ совѣтниковъ, съ правомъ имѣть совѣщательный голосъ при носителѣ верховной власти (королѣ). Сенатъ состоитъ изъ высшихъ сановниковъ государства и верховныхъ судей. Онъ не долженъ быть слишкомъ многочисленнымъ, такъ какъ въ эпохи народныхъ смутъ раздѣленіе совѣтниковъ на два лагеря можетъ сдѣлаться опаснымъ для спокойствія страны. Сенату не принадлежитъ разбирательство дѣлъ судебныхъ; онъ имѣетъ право представлять протесты правительству, но послѣдніе не должны принимать характера систематическаго сопротивленія властямъ. Вотированіе налоговъ предоставлено генеральнымъ штатамъ. „Тираны, — говоритъ Боденъ, — ненавидятъ послѣдніе; напротивъ того, законный монархъ находитъ въ нихъ наипрочнѣйшее основаніе для своей власти“. Боденъ затрогиваетъ также вопросъ о томъ, что лучше, имѣть ли провинціи съ мѣстными штатами, или устроенныя бюрократически (pays d'élections)? „Послѣднія стоятъ въ два раза дороже,—пишетъ онъ,—нежели первыя. Притомъ, чѣмъ больше чиновниковъ занято взиманіемъ налоговъ, тѣмъ больше грабежа. Въ pays d'élections народъ не имѣетъ возможности доводить своихъ жалобъ до свѣдѣнія правительства. При существованіи же штатовъ легко узнать, что желательно и полезно какъ для всего государства, такъ и для отдѣльныхъ его частей; легко раскрыть злоупотребленія, о которыхъ король ничего не знаетъ, и громко заявить о недовольствѣ и его причинахъ, которыя иначе не дошли бы до свѣдѣнія престола. Чиновники могутъ отказывать въ повиновеніи лишь тогда, когда приказанія правительства не отвѣчаютъ справедливости, а не тогда, когда они противны законамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они должны ограничиться представленіемъ многократныхъ протестовъ и въ крайнемъ случаѣ — выходомъ въ отставку“.

§ 2. Въ ученіи Бодена необходимо отмѣтить не только отличное отъ Фортескью пониманіе соотвѣтственныхъ правъ короля и сословныхъ представительныхъ палатъ, но и желаніе обезпечить единство государства установленіемъ начала единства суверенитета.

Боденъ не только отказываетъ штатамъ въ законодательной власти, а сановникамъ въ правѣ другого сопротивленія властямъ, кромѣ того, который сказывается коллективнымъ ихъ выходомъ въ отставку, но и старается доказать, что всякое другое рѣшеніе вопроса о правѣ сопротивленія цѣлыхъ сословій или отдѣльныхъ подданныхъ королю подвергаетъ опасности самое существованіе государства, необходимымъ условіемъ котораго является единство, нераздѣльность и неотчуждаемость суверенитета. Тѣмъ самымъ онъ вноситъ въ общее ученіе о государствѣ нѣчто новое; его мысли на этотъ счетъ будутъ приняты позднѣйшими писателями какъ въ самой Франціи, такъ и за ея предѣлами.

Гоббсъ построитъ на идеѣ единства и неотчуждаемости суверенитета свое ученіе о неограниченной монархіи, или, точнѣе, о народномъ цезаризмѣ. Спиноза и Руссо изъ того же принципа выведутъ обратное заключеніе о недѣлимомъ народномъ самодержавіи. Доктрина Бодена такимъ образомъ опредѣлитъ собою отчасти и содержаніе той теоріи, на которой построена въ наши дни сильно централизованная въ политическомъ и административномъ отношеніи французская республика.

Чтобы болѣе опредѣленно высказаться по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ Боденъ можетъ быть признанъ творцомъ одного изъ основныхъ положеній современнаго государствовѣдѣнія, намъ необходимо, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, познакомиться съ зарожденіемъ и развитіемъ той мысли, что въ понятіе государства необходимо входитъ представленіе о неограниченности его правъ,—представленіе, обнимаемое понятіемъ суверенитета. Было время, когда эти вопросы

вовсе не ставились политическими мыслителями; это можно сказать о древности. Ни у Аристотеля ни у Платона мы не встрѣчаемъ ученія о верховной власти, принадлежащей государству, а не его правителямъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ для нихъ само государство сводится къ союзу властвующихъ и подвластныхъ. Да не было и практической необходимости доказывать независимость верховныхъ правъ государства по отношенію къ чьей бы то ни было посторонней власти, церковной или свѣтской. Не было ея потому, что церковь входила въ составъ государства, и высшія церковныя функціи осуществлялись государственными сановниками, какъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ архонтомъ — базилевсомъ, а въ Римѣ — pontifex maximus. Что касается до зависимости отъ какой-либо посторонней свѣтской власти, то о ней не могло итти рѣчи въ древности, такъ какъ ни Греціи ни Риму неизвѣстно было понятіе союзнаго государства, въ которомъ функціи верховной власти распредѣлены между правительствами отдѣльныхъ членовъ союза и общимъ всѣмъ имъ правительствомъ.

Но когда въ средніе вѣка, въ моментъ развитія феодализма, любое изъ европейскихъ государствъ представило собою подобіе лѣстницы, на ступеняхъ которой расположены низшіе, средніе и высшіе члены, подъ главенствомъ верховнаго сюзерена всей страны — короля, возникли условія, требовавшія опредѣленія степени независимости каждаго изъ такихъ членовъ какъ по отношенію къ тѣмъ, которые стояли на высшихъ ступеняхъ той же лѣстницы, такъ и по отношенію къ верховному сюзерену. Неудивительно, если въ это время юристы, призванные придать форму этимъ выработаннымъ жизнью отношеніямъ, стали выдвигать принципы, которые показались бы совершенно непонятными древности, не знавшей такого дробленія государства на полусамостоятельныя единицы. „Каждый баронъ—суверенъ въ своей баронiи, — пишетъ, напримѣръ, въ XII в. Бомануаръ въ своемъ комментаріи на обычное право Бовэ, — а король — суверенъ

надъ всѣми“ [1]). Такія опредѣленія преслѣдовали не однѣ теоретическія, но и практическія задачи: надо было найти почву, на которой, при предоставленіи феодальнымъ сеньорамъ даже высшей юстиціи, съ правомъ казнить смертью и членовредительствомъ, за королемъ удерживаемо бы было право судить дѣла, подлежавшія вѣдѣнію подчиненныхъ ему вассаловъ въ случаѣ отказа въ правосудіи или обжалованія одной изъ сторонъ разъ принятаго рѣшенія, а также въ тѣхъ процессахъ, которые удержаны были королемъ въ его непосредственномъ завѣдываніи и связаны съ охраной какъ его, королевскаго, такъ и церковнаго мира.

Рядомъ съ только что указанной причиной, корень которой лежитъ въ политической раздробленности феодальныхъ монархій, имѣлась въ средніе вѣка другая, требовавшая такого же опредѣленія верховныхъ правъ государства и его представителя, короля, по отношенію къ церкви и ея единоличному главѣ,—папѣ. Съ того момента, когда изъ-за спора объ инвеститурахъ завязалась борьба Григорія VII Гильдебранда съ германскимъ императоромъ въ частности съ Генрихомъ IV, юристамъ представилась необходимость опредѣлить взаимныя ихъ отношенія. Извѣстно, что папы, выставляя ученіе о солнцѣ и лунѣ и о двухъ мечахъ, свѣтскомъ и духовномъ, въ этихъ уподобленіяхъ искали основаній для своего верховенства надъ императоромъ. „Какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ императоръ, — учили они,—получаетъ свою власть отъ главы христіанской церкви. Богъ передалъ въ руки папы оба меча, но, воздерживаясь отъ пролитія крови, папа надѣлилъ мечомъ свѣтскимъ императора“. Въ теченіе столѣтій продолжалось съ измѣнчивыми судьбами это столкновеніе двухъ главъ христіанскаго міра. Не одинъ Генрихъ IV принужденъ былъ въ уничиженіи итти босымъ въ Каноссу за полученіемъ папскаго прощенія. Короли мно-

---

[1]) „Cascun baron est soverain en sa baronnie... et le roy est soverain par dessors touz“.

гихъ другихъ государствъ не разъ имѣли основаніе высказывать свое недовольство по случаю отлученія ихъ отъ церкви и освобожденія ихъ подданныхъ отъ послѣдствій принесенной ими присяги. Когда вѣковыя препирательства приняли благопріятный оборотъ для императоровъ и королей, тѣмъ же юристамъ выпало въ удѣлъ формулировать принципъ независимости свѣтской власти отъ духовной. Оживляя традицію римской имперіи, они выставили ученіе о неограниченности верховныхъ правъ, предоставленныхъ ея главѣ народомъ въ силу добровольной уступки, въ силу той lex regia, на которую ссылались и римскіе законовѣды для объясненія источника императорской власти. Марсилій Падуанскій едва ли не первый обратился къ такому способу защиты ея независимости отъ папы, открывая тѣмъ самымъ возможность послѣдующимъ сторонникамъ народовластія подняться до первоосновъ всякаго суверенитета и признать ими верховенство самого народа.

Независимо отъ препирательствъ феодальныхъ сеньоровъ съ ихъ сюзереномъ и папъ съ императорами, въ самомъ строѣ средневѣкового политическаго общества, не столько въ фактическомъ, сколько въ теоретическомъ главенствѣ надъ всѣми странами Запада владыки Священной Римской имперіи, имѣлись условія, вызывавшія необходимость юридическаго опредѣленія правъ отдѣльныхъ королей и правителей къ императору. Когда вполнѣ сложились такія національныя группы, какъ французская, англійская, аррагонская и кастильская, самой жизнью выдвинутъ былъ вопросъ о томъ, быть ли ихъ главѣ простымъ ленникомъ императора, или самостоятельнымъ государемъ, державшимъ свою власть ни отъ кого, кромѣ Бога. Если англичане въ первой половинѣ XIII вѣка, въ отвѣтъ на передачу ихъ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ своего государства въ ленную зависимость отъ папы, сдѣлали гордое заявленіе: „Не желаемъ мѣнять законовъ страны“ (Nollimus leges Angliae mutari), то французамъ, въ свою очередь, особенно со временъ Филиппа IV Краси-

ваго, сумѣвшаго отстоять независимость французской короны отъ папства, казалось не менѣе унизительнымъ быть ленниками имперіи. И ранѣе этого, въ Etablissements de St. Louis уже провозглашенъ былъ тотъ принципъ, что французскій король независимъ отъ императорской власти и, будучи монархомъ par la grace de Dieu, не признаетъ надъ собою никакой высшей власти въ свѣтскихъ дѣлахъ [1]). Въ XV вѣкѣ французскіе юристы уже проводятъ то правило, что король не держитъ своей власти ни отъ кого, какъ отъ Бога и отъ самого себя, что онъ—императоръ въ своемъ королевствѣ [2]). Даже ранѣе, въ XIV вѣкѣ, вслѣдъ за столкновеніемъ Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII, призванные королемъ къ жизни генеральные штаты въ слѣдующихъ словахъ высказались за принципъ королевскаго верховенства и независимости монарха отъ главъ церкви: „Проситъ народъ вашъ, чтобы въ свѣтскихъ дѣлахъ вы не признавали надъ собою иного государя на землѣ, кромѣ Бога". То же требованіе независимости и суверенитета было выставлено и по отношенію къ имперіи. Въ этомъ столѣтіи Honoré Bouet, въ своемъ „Ordre des batailles", объявляя, что всѣ короли повинуются власти императора, дѣлаетъ исключеніе только для правителей Франціи, Англіи и Испаніи, которые, говоритъ онъ, сами имѣютъ въ своихъ государствахъ императорскую юрисдикцію. На практикѣ Филиппъ Красивый и Карлъ V проводятъ энергично то же требованіе, запрещая, напримѣръ, парламентамъ примѣненіе законовъ императора [3]).

Къ Англіи, Франціи и Аррагоніи присоединяются изъ городовъ - государствъ тѣ, которые вышли побѣдителями изъ столкновеній съ императорской властью, сумѣли отстоять свою автономію. Дважды, при Фридрихѣ I Барбароссѣ и при

---

[1]) См. *Паліенко*: Суверенитетъ, историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе" (Ярославль, 1903 г.).

[2]) См. *Ernest Nys*. „L'Etat et la notion de l'Etat" въ „Revue de droi international" (1901 г., т. III, 604).

[3]) Ibid., т. III, стр. 600.

Фридрихѣ II, города Ломбардской лиги побѣдоносно противоставляли свои ополченія имперскому войску и послѣ битвы при Леньяно положили основаніе самостоятельности городовъ-республикъ сѣверной и средней Италіи. Это обстоятельство побуждаетъ юристовъ, въ лицѣ Бартоло, завести рѣчь о городахъ, не признающихъ надъ собою старшаго (civitates superiorem non recognoscentes), а это ученіе, какъ показываетъ Гирке, переносится затѣмъ французскими писателями и на королевства. Бартоло строитъ свою исторію независимыхъ городскихъ республикъ на аналогіи съ древне-римской. Позднѣйшіе юристы распространяютъ на нихъ представленіе о неограниченности правъ, которыми располагала сама Римская имперія, въ широкомъ смыслѣ именуемая республикой, и тотъ же терминъ республики, понимая подъ нею римское государство, французскіе публицисты, съ Марсиліемъ Падуанскимъ во главѣ, распространяютъ и на королевства, не допускающія подчиненія имперіи.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ роста самостоятельныхъ городскихъ республикъ и королевствъ, по мѣрѣ ихъ торжества надъ имперскими ополченіями и феодальными сеньеріями, по мѣрѣ того, какъ имъ удавалось сложить съ себя подчиненіе папѣ и императору,—складывается идея не столько государственнаго, сколько королевскаго верховенства. Король настолько сливается съ понятіемъ государства, расширеніе его власти въ ущербъ феодальной независимости настолько признается пріобрѣтеніемъ для всего государства, что юристамъ еще не приходитъ въ голову необходимость обособить верховенство всего королевства отъ верховенства правящаго имъ монарха. Сказанное требуетъ, однако, двоякаго ограниченія. Въ вопросѣ о государственныхъ земляхъ желаніе устранить произволъ короля и его расточительность въ распоряженіи ими заставляетъ юристовъ провести различіе между правами короля и правами государства. Въ городскихъ республикахъ XIII вѣка не является возможности пріурочить идею верховенства къ единоличному носителю власти, которымъ обык-

новенно является призванный со стороны и служащій на жалованіи чиновникъ—„подеста“. Наконецъ, въ оживленной юристами XIV вѣка теоріи созданія императорской власти народомъ,—теоріи, которая въ сущности являлась широкой передачей римскаго ученія о lex regia, мы имѣемъ зародышъ признанія дѣйствительнаго верховенства не за кѣмъ другимъ, какъ за народомъ. Д'Эйхталь въ своемъ „Трактатѣ о суверенитетѣ народа и правительства“ справедливо подчеркиваетъ ту мысль, что идея народнаго верховенства нашла въ средніе вѣка не одинъ, а нѣсколько источниковъ. Къ древне-римской идеѣ о перенесеніи народомъ власти на царей и императоровъ присоединился самый фактъ избранія главы Священной Римской имперіи, договорный характеръ отношеній между этимъ сюзереномъ и его вассалами, представленіе о первоначальномъ естественномъ состояніи, въ которомъ не было ни собственности ни власти, изъ чего рядъ писателей, въ числѣ ихъ и Марсилій, выводили ученіе, что всякая власть создается народомъ и опирается на договорѣ съ правителемъ. Знакомство съ Писаніемъ въ то же время дѣлало доступной мысль объ установленіи царской власти самимъ народомъ, а переводъ книгъ Аристотеля на латинскій языкъ вводилъ въ представленіе политическихъ писателей среднихъ вѣковъ понятіе о демократическомъ строѣ древней Греціи и о тираніи—какъ о позднѣйшей узурпаціи народныхъ правъ частными честолюбцами. Все это, вмѣстѣ взятое, порождало въ средніе вѣка ученіе о договорномъ установленіи власти и народномъ суверенитетѣ, о томъ, что власть императора, а затѣмъ и короля, имѣетъ должностной характеръ, поручена ему народомъ и зиждется на первоначальномъ соглашеніи, что народъ поэтому выше монарха, имѣетъ право суда надъ нимъ и его низложенія [1]). Въ извѣстной монографіи Гирке прослѣжено постепенное развитіе этого ученія, выдвинутаго

---

[1]) См. *Паліенко*, стр. 67.

еще въ XI вѣкѣ нѣмецкимъ монахомъ Мангольдомъ Лаутенбахскимъ въ защиту папскихъ притязаній на главенство надъ императоромъ—обстоятельство, не помѣшавшее Марсилію Падуанскому обратить, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, то же ученіе въ пользу притязаній императора на верховенство. Мангольдъ, желая ограничить свѣтскую власть, утверждалъ, что въ рукахъ императора она является должностью, которую народъ поручилъ ему въ силу договора; при нарушеніи же послѣдняго народъ имѣетъ право смѣстить монарха, прогнать его со службы „какъ прокравшагося пастыря". Въ XII вѣкѣ школа болонскихъ юристовъ вноситъ въ это ученіе ту оригинальную черту, что отрицаетъ даже перенесеніе народомъ цѣликомъ всей его власти на императора; она утверждаетъ, что передачѣ подверглось лишь осуществленіе власти, а не сама власть, которую народъ удержалъ за собою. Такимъ образомъ въ зародышѣ появляется уже ученіе о неотчуждаемомъ народномъ суверенитетѣ; монархъ и всякій вообще правитель считается отнынѣ простымъ уполномоченнымъ націи. Это ученіе, замѣтимъ отъ себя, только отражаетъ дѣйствительность; оно находитъ себѣ полное оправданіе въ условіяхъ итальянскихъ городскихъ республикъ, въ которыхъ народное вѣче подъ разными наименованіями, arringha, parlamentum и т. д., еще сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ высшія государственныя функціи, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, выбираетъ совѣты и призываетъ, обыкновенно издалека, главнаго правителя республики,—подесту. И въ Германіи въ XIV вѣкѣ упрочивается ученіе о томъ, что народъ выше императора и въ лицѣ коллегіи курфирстовъ, князей и вольныхъ городовъ имѣетъ право избирать и смѣщать его, а также участвовать въ изданіи законовъ и въ управленіи имперіей. И здѣсь такая теорія является отраженіемъ дѣйствительности. Немудрено поэтому, если ее высказываетъ первый по времени систематизаторъ германскаго положительнаго права —Леопольдъ фонъ-Бебенбургъ. Въ его сочиненіи: „О правахъ королевства и имперіи римлянъ", отъ

1340 года, уже встрѣчается положеніе: „Народъ выше самого князя“ [1]).

Подводя итогъ всему сказанному, мы имѣемъ право утверждать, что идея верховенства, принадлежащаго высшему правительству въ государствѣ, появилась еще въ средніе вѣка подъ вліяніемъ борьбы съ феодальной безурядицей и съ притязаніями папъ и императоровъ на владычество всѣмъ христіанскимъ міромъ. Эта идея отнюдь не можетъ еще считаться тождественной съ современнымъ ученіемъ о государственномъ суверенитетѣ, т.-е. о верховной власти, принадлежащей не главѣ государства, какъ таковому, а самому государству. Въ тѣ же средніе вѣка слагается представленіе о томъ, что по существу власть государя производная и что верховенство въ своемъ источникѣ принадлежитъ не кому, какъ народу. Изъ столкновенія этихъ двухъ идей сложится весь послѣдующій процессъ развитія ученія о народномъ верховенствѣ. Прежде чѣмъ прослѣдить его въ сочиненіяхъ публицистовъ новой Европы, скажемъ еще два слова о происхожденіи самого термина „суверенитетъ“, служащаго для обозначенія совокупности верховныхъ правъ, принадлежащихъ главѣ государства. Этотъ терминъ происходитъ отъ средневѣкового латинскаго слова „superareitas“, отъ „supra“, „superior“, „superarius“, что значитъ буквально „болѣе высокій“ и передается на старомъ французскомъ языкѣ словомъ „sovrain“, которому на итальянскомъ отвѣчаетъ „soverano“, а на испанскомъ — „soberano“ [2]). Этому термину на русскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ въ концѣ среднихъ вѣковъ слово „самодержецъ“. Проф. Ключевскій весьма убѣдительно доказываетъ, что этимъ терминомъ во времена Ивана III вовсе не желали передать представленіе о неограниченномъ правителѣ, а только о такомъ, который не держитъ

[1]) См. *Gierke*, „Johannes Althusius“, стр. 123, 125, 127.

[2]) См. *Viollet*, „Histoire des institutions politiques de la France“, т. II стр. 103 и слѣд.

своей власти по порученію отъ другого. „Чтобы выразить особое почтеніе, нашихъ князей,—пишетъ Ключевскій,—величали самодержцами еще до Ивана III; но съ Ивана это слово было формально введено въ титулъ московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти... Не слѣдуетъ думать, однако, что въ этомъ терминѣ уже тогда сказалась ясно сознанная мысль, отрицавшая всякій раздѣлъ правительственной власти московскаго государя съ какой-либо другой внутренней политической силой. Политическіе термины имѣютъ свою исторію, и мы неизбѣжно впадемъ въ анахронизмъ, если, встрѣчая ихъ въ памятникахъ отдаленнаго времени, будемъ понимать ихъ въ современномъ намъ смыслѣ. Болѣе ста лѣтъ спустя, послѣ вѣнчанія на царство Иванова внука, Димитрія (въ 1498 году), вступилъ на московскій престолъ царь Василій, изъ фамиліи князей Шуйскихъ, съ формально ограниченной властью; но въ грамотѣ о его вступленіи на престолъ, разосланной по областямъ государства, боярская дума и всѣ чины называютъ новаго царя самодержцемъ. Не одно свидѣтельство XVII вѣка говоритъ также о томъ, что первый царь новой династіи (Михаилъ Ѳеодоровичъ) не пользовался неограниченной властью; однако онъ не только писался въ актахъ самодержцемъ, подобно предшественникамъ, но и на своей печати прибавилъ это слово къ царскому титулу... Слово „самодержецъ"—переводъ извѣстнаго греческаго термина, сдѣланный, очевидно, старинными книжниками, судя по его искусственности,—стало входить въ московскій офиціальный языкъ, когда, съ прибытіемъ цареградской царевны Софіи къ московскому двору, здѣсь робко начала пробиваться мысль, что московскій государь, и по женѣ и по православному христіанству, есть единственный наслѣдникъ павшаго цареградскаго императора, который считался на Руси высшимъ образцомъ государственной власти, вполнѣ самостоятельной, не зависимой ни отъ какой сторонней силы... „Самодержецъ" входитъ въ московкій титулъ одновременно съ „царемъ", а этотъ послѣдній

терминъ былъ знакомъ того, что московскій государь уже не признавалъ себя данникомъ татарскаго хана, которому доселѣ Русь преимущественно усвоила названіе царя. Значитъ словомъ „самодержецъ“ характеризовали не внутреннія политическія отношенія, а внѣшнее положеніе московскаго государя: подъ нимъ разумѣли правителя, не зависящаго отъ посторонней, чуждой власти, самостоятельнаго; „самодержцу“ противополагали то, что мы назвали бы вассаломъ, а не то, что на современномъ политическомъ языкѣ носитъ названіе конституціоннаго государя“. Ключевскій показываетъ затѣмъ, что не ранѣе временъ Ивана Грознаго стараются связать съ этимъ терминомъ и понятіе о неограниченности власти по отношенію ко всѣмъ внутреннимъ силамъ государства. „Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ писалъ Курбскому Иванъ IV, отстаивая власть царя отъ притязаній боярства [1]).

Трудно сказать, когда впервые сложилось въ Европѣ представленіе о томъ, что суверенитетъ принадлежитъ не правительству и не народу, а государству, въ его цѣломъ. Обыкновенно возводятъ эту точку зрѣнія, раздѣляемую въ настоящее время большинствомъ публицистовъ, особенно въ Германіи, къ Жану Бодену, автору „Шести книгъ о республикѣ“; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, ученіе Бодена не заключаетъ въ себѣ еще такого рѣшенія и въ существеннѣйшихъ чертахъ встрѣчается уже у писателей среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Съ именемъ Бодена надо связать не ученіе о суверенитетѣ государства, а воззрѣніе на суверенитетъ какъ на совокупность извѣстныхъ правъ, неотчуждаемыхъ и недѣлимыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся основныя положенія Бодена по вопросу о суверенитетѣ? И въ какой степени можно сказать, что его доктрина является новшествомъ по отношенію къ тѣмъ, какія высказываемы были ранѣе, и отправнымъ пунктомъ для всего послѣдующаго развитія идеи

---

[1]) „Боярская дума“, стр. 247—248.

суверенитета? Опредѣленіе, даваемое имъ этому термину, едва ли можетъ считаться новинкой. Для Бодена суверенитетъ—абсолютная и постоянная власть республики (puissance absolue et perpetuelle d'une république). Если придерживаться буквально текста этого опредѣленія, то можно думать, что Боденъ уже связываетъ верховенство съ самымъ понятіемъ государства, но изъ дальнѣйшаго оказывается, что для него, какъ и для средневѣковыхъ писателей Франціи, дѣйствительнымъ носителемъ суверенитета является не кто иной, какъ король. „Монархъ,—учитъ онъ,—пріобрѣтаетъ суверенную власть на первыхъ порахъ съ помощью захвата, т.-е. силы. Но и тамъ, гдѣ, по исключенію, эта власть достается ему отъ народа, переносъ послѣдней въ его руки безвозвратенъ, и власть монарха не можетъ быть ограничена. Власть короля не знаетъ надъ собою старшаго, кромѣ Бога и природы (la souveraineté n'a autre condition, que la loy de Dieu et de nature ne commande [1]). Въ положеніи, что суверенная власть не связана законами, очевидно, нельзя видѣть ничего другого, какъ передачу стариннаго римскаго имперскаго принципа: rex legibus solutus est. Законъ—не болѣе какъ приказъ самого суверена, который поэтому для него не обязателенъ. Это положеніе и до нашихъ дней принимается тѣми нѣмецкими юристами, въ родѣ Зейдлица, которые считаютъ монарха не связаннымъ конституціей, и въ томъ числѣ—правами публичными и политическими, выговоренными ею въ пользу гражданъ. Но и тѣ, кто, подобно Іеллинеку, полемизируютъ съ указаннымъ взглядомъ, не находятъ другого основанія для прочности конституціонныхъ законовъ, кромѣ сознаваемаго самимъ государемъ удобства въ самоограниченіи,—удобства, сводимаго къ признанію, что благодаря такому самоограниченію его власть станетъ болѣе устойчивой. Можно сказать даже, что въ глазахъ современныхъ представителей ученія о

[1]) Ср. *Hancke*, Bodin. Eine Studie über den Begrift der Souveränität (1894, стр. 8 и слѣд.).

неограниченности суверенитета послѣдній болѣе абсолютенъ, чѣмъ онъ былъ для Бодена. Они не допускаютъ существованія естественнаго закона, а тѣмъ болѣе закона Божескаго, обязательнаго для государства. Боденъ же думаетъ, заодно со всею позднѣйшею школою естественнаго права, какъ и съ поборниками идеи существованія самостоятельнаго права международнаго, что надъ государствомъ стоятъ ранѣе его возникшіе или рядомъ съ нимъ существующіе законы Божескіе, естественные и общіе всѣмъ народамъ (lois humaines communes à tous les peuples). Послѣдніе сливаются, впрочемъ, въ его глазахъ съ понятіемъ закона естественнаго [1]). На практикѣ это сводится къ признанію, что суверенъ обязанъ соблюдать договоры съ подданными, а также и тѣ, которые заключены имъ съ другими, какъ онъ, суверенами, но опять-таки лишь въ той мѣрѣ, въ какой эти договоры не противорѣчатъ Божескому и естественному праву. Договоры связываютъ при этомъ только заключившаго ихъ государя, а не его преемниковъ. Такъ какъ естественный законъ возникъ раньше государства и обязателенъ для его суверена, то отсюда слѣдуетъ, что послѣдній долженъ соблюдать личную свободу, семейныя отношенія, вѣроисповѣданіе и имущество подданныхъ. По отношенію къ имуществу такое обязательство сводится къ вознагражденію въ случаѣ экспропріаціи и къ взиманію налоговъ не иначе, какъ съ согласія плательщиковъ, выраженнаго сословными камерами (подобными тѣмъ генеральнымъ штатамъ, которые такъ оживили свою дѣятельность во Франціи ко времени выхода въ свѣтъ трактата Бодена, въ 1576 г.). Я говорю, что Боденъ допускаетъ бóльшія ограниченія начала суверенитета, чѣмъ дѣлаютъ это современные нѣмецкіе государствовѣды, потому, между прочимъ, что онъ считаетъ правителя связаннымъ основными законами, напр., тѣми, которые опредѣляютъ порядокъ престолонаслѣдія и установляютъ принципъ неотчуждаемости гос-

---

[1]) См. *Bodin*, кн. I, гл. 8 и 9.

дарственныхъ имуществъ. Въ случаѣ нарушенія основныхъ законовъ королемъ на должностныхъ лицахъ, а не на первомъ встрѣчномъ лежитъ обязанность возстановленія правового состоянія. То же имѣетъ мѣсто и въ случаѣ нарушенія сувереномъ законовъ Божескаго и человѣческаго. Должностныя лица обязаны скорѣе отказаться отъ занимаемыхъ ими постовъ, чѣмъ исполнить его волю. Но сопротивленіе прочихъ подданныхъ не можетъ выходить за предѣлы простого отказа въ повиновеніи; это — сопротивленіе пассивное, а не активное. Исключеніе Боденъ допускаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда мѣсто законнаго монарха занимаетъ узурпаторъ или тиранъ [1]). Суверенитетъ,—учитъ онъ далѣе,—не можетъ быть дѣлимъ. Отсюда то послѣдствіе, что для Бодена не существуетъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ формъ политическаго устройства, о которыхъ заходитъ рѣчь еще у писателей древности, въ частности — у Цицерона и Полибія. Онъ допускаетъ существованіе только простыхъ: абсолютной монархіи или абсолютной аристократіи, или, наконецъ, абсолютной демократіи, смотря по тому, принадлежитъ ли верховенство одному лицу, части гражданъ или совокупности ихъ въ государствѣ (Боденъ, кн. II, гл. 1). Изъ этихъ формъ онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе, какъ я уже сказалъ, монархіи; короли, по его мнѣнію, поставлены Самимъ Богомъ для начальствованія надъ людьми. То, что привыкли называть умѣренными формами правленія, имѣетъ свой источникъ не въ раздѣлѣ суверенитета, а въ передачѣ управленія въ руки то аристократическихъ, то демократическихъ элементовъ. Въ этомъ отношеніи Боденъ является предшественникомъ Руссо, для котораго нераздѣльность суверенитета не мѣшаетъ установленію лучшаго въ его глазахъ правительства—аристократическаго. Сословія, призываемыя на генеральные штаты, не отнимая у короля части его суверенитета, могутъ, по мнѣнію Бодена, раздѣлить съ нимъ обязанности по управленію.

---

[1]) Ibid., кн. III, гл. 4.

Сословная монархія — не смѣшанная форма политическаго устройства, а форма совмѣстнаго управленія государствомъ королемъ и сословіями.

Обходя другіе вопросы, непосредственно не связанные съ ученіемъ Бодена о суверенитетѣ, мы остановимся только на томъ, что сказано было имъ о разныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ можетъ быть обсуждаемо понятіе верховенства. Это понятіе можно разсматривать какъ по отношенію къ лицамъ, стоящимъ внѣ предѣловъ государства, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто входитъ въ его составъ. Это даетъ Бодену основаніе различать суверенитетъ внѣшній и внутренній. Первый сводится къ тому, чтобы суверенъ не имѣлъ надъ собою старшаго, не подчиненъ былъ чужимъ приказамъ [1]). Поэтому для Бодена вассалъ не можетъ считаться надѣленнымъ правами верховенства. Иное дѣло — государь, состоящій подъ иноземнымъ протекторатомъ: разъ онъ становится подъ чужую защиту безвозмездно, такой актъ не лишаетъ его полноты верховныхъ правъ. Г. Паліенко въ своемъ трактатѣ объ „Историческомъ развитіи идеи суверенитета“ справедливо указываетъ на противорѣчіе, въ какое Боденъ впадаетъ съ собственнымъ ученіемъ о недѣлимости верховенства, когда говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что монархіи, попавшія подъ чужой протекторатъ, теряютъ блескъ и достоинство и могутъ считаться абсолютно суверенными. Этой оговоркой, по мнѣнію г. Паліенко, Боденъ открылъ путь развившемуся впослѣдствіи ученію объ относительномъ суверенитетѣ (стр. 86).

Боденъ дѣлаетъ попытку опредѣлить и самое содержаніе суверенитета, говоря о тѣхъ признакахъ, по которымъ онъ можетъ быть узнанъ. Въ составъ этого понятія онъ вводитъ право законодательствовать, право объявлять войну и заключать миръ, право назначать на должности, право суда въ высшей инстанціи, право требовать вѣрности и повино

---

[1]) *Bodin*, кн. I, гл. 8, стр. 131. „Or, il faut que ceux là qui sont souverains ne soyent aucunement sujets aux commendemens d'antruy“.

венія, право чеканить монету, а равно и облагать налогами (кн. I, гл. 10). Совокупностью этихъ правъ опредѣляется внутренняя сторона суверенитета. При бѣгломъ взглядѣ на указанныя права немудрено открыть и источникъ, изъ котораго Боденъ почерпнулъ свое представленіе о составныхъ элементахъ суверенитета. Имъ, очевидно, является практика французскихъ королей, настаивавшихъ на своемъ правѣ проводить въ жизнь новыя нормы не только въ формѣ ордонансовъ, выполняющихъ рѣшенія генеральныхъ штатовъ, но и въ формѣ единоличныхъ указовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ эдиктовъ. Тѣ же короли настаивали и на свободѣ обложенія подданныхъ налогами,—правѣ, которое Боденъ желалъ бы обставить требованіемъ согласія сословныхъ представителей. Назначеніе на всѣ должности и право переноса дѣлъ, судимыхъ феодальными трибуналами, на разбирательство коронныхъ судей, наконецъ, право чекана монеты и право помилованія,—также признавались постоянно юристами существенными атрибутами королевской власти во Франціи.

Изъ всего сказаннаго легко прійти къ тому заключенію, что Боденомъ скорѣе заканчивается циклъ писателей, еще съ XIII вѣка стремившихся обосновать положеніе о неограниченности верховныхъ правъ короля, нежели открывается новое направленіе въ исторіи развитія понятія о суверенитетѣ. Идея юридической личности государства, по вѣрному замѣчанію г-на Паліенко, недостаточно понята Боденомъ, который различаетъ, однако, государственное имущество отъ частной собственности короля. Но въ этомъ только и сказывается обособленіе имъ правъ государства отъ правъ его наслѣдственнаго главы; во всемъ остальномъ суверенитетъ государства сливается въ ученіи Бодена съ суверенитетомъ государя.

Ученіе Бодена о суверенитетѣ легло въ основаніе того, что большинство публицистовъ слѣдующихъ столѣтій считали нужнымъ сказать о немъ. Но его мнѣніе о томъ, что носителемъ верховной власти является не кто иной, какъ король,

встрѣтило отрицаніе себѣ въ той многочисленной группѣ писателей, которая окрещена была ихъ противникомъ Баркле названіемъ „монархо-дѣлателей". Эти писатели воскресили въ XVI столѣтіи, какъ мы покажемъ подробнѣе, ученіе о суверенитетѣ народномъ,—ученіе, завѣщанное еще древностью и нашедшее ревнителей и въ средніе вѣка. Наиболѣе выдающимися изъ этого ряда писателей, къ которому надо причислить и шотландца Буханана и Дю-Плесси-Морнэ, автора трактата „Vindiciae contra tyranos", долгое время ошибочно приписываемаго Губерту Ланге, является несомнѣнно Алтузій. Подобно Бодену и онъ считаетъ суверенитетъ единымъ и недѣлимымъ; но, въ отличіе отъ Бодена, онъ допускаетъ ограниченіе суверенитета не только Божескимъ и естественнымъ правомъ, но и положительными законами,—законами основными, или конституціонными. Опредѣленіе имъ суверенитета слѣдующее: верховная и высшая власть распоряжаться всѣмъ, что клонится къ здоровью и лѣченію души и тѣла членовъ королевства и республики. Суверенитетъ можетъ быть осуществляемъ помимо народа только въ силу его полномочій; отсюда воззрѣнія Алтузія на короля какъ на высшаго сановника государства, пользующагося выговоренными ему функціями верховенства по спеціальному полномочію народа. Таковы существенныя особенности доктрины Алтузія,—доктрины народнаго суверенитета,—суверенитета, къ тому же ограниченнаго не только естественнымъ и Божескимъ закономъ, но и законами основными.

Къ этимъ двумъ теоріямъ, расходящимся не по вопросу о содержаніи и природѣ суверенитета, а по вопросу о его дѣйствительномъ субъектѣ и границахъ, присоединяется возникшее въ Германіи и Голландіи ученіе о двойномъ суверенитетѣ: императора и такъ называемыхъ Landesherrn, т.-е. государей отдѣльныхъ территорій имперіи. Нужно ли доказывать, что это ученіе явилось такимъ же отраженіемъ современнаг ему строя Священной Римской имперіи, какимъ теорія Бс дена по отношенію къ королевскому единовластію во Фра

ціи, а доктрина Алтузія—по отношенію къ народоправству той фрисландской республики, въ которой автору „Политики" пришлось быть долгое время однимъ изъ руководящихъ политическихъ дѣятелей [1]). Въ имперіи необходимо ставился вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ отдѣльные князья, имѣвшіе право самостоятельнаго веденія войны и заключенія договоровъ, въ правѣ считаться суверенными бокъ-о-бокъ съ императоромъ. На этотъ вопросъ данъ былъ отвѣтъ рядомъ публицистовъ XVII вѣка, высказавшихся въ пользу признанія того положенія, что при всякой формѣ государственнаго устройства существуетъ двоякаго рода суверенитетъ: одинъ принадлежитъ неотчуждаемо народу, или государству, и извѣстенъ подъ наименованіемъ majestas realis, другой же — монарху, получающему свою власть въ силу договора съ народомъ; такой суверенитетъ считается личнымъ—majestas personalis—и подчиненъ первому. Въ этомъ ученіи заключался зародышъ мысли, раздѣляемой большинствомъ публицистовъ нашего времени,—мысли, что дѣйствительнымъ субъектомъ суверенитета является не тотъ или другой конкретный правитель, а государство какъ юридическая личность [2]). Но сами авторы разбираемой теоріи еще не признаютъ субъектомъ верховенства государство и заодно съ Альтузіемъ считаютъ имъ народъ,—коллективное единство всѣхъ гражданъ [3]).

Шагъ далѣе въ развитии ученія о суверенитетѣ въ духѣ не Алтузія, а Бодена дѣлаетъ авторъ извѣстнаго трактата о „Правѣ войны и мира"—Гуго де-Гротъ. Подобно Бодену и Алтузію, и даже въ большей степени, чѣмъ послѣдній, онъ допускаетъ ограниченіе суверенитета Божескимъ и естественнымъ закономъ, а также международнымъ правомъ и договоромъ монарха съ подданными,—обѣщаніями, данными имъ

---

[1]) Алтузій былъ избираемымъ городскимъ головою главнаго города Фрисландіи—Эмдена.

[2]) Ср. *Палѣенко*, стр. 100.

[3]) См. *Gierke*, Johannes Althusius, стр. 167.

послѣднимъ[1]). Вслѣдъ за Боденомъ и Алтузіемъ, и Гроцій учитъ, что суверенная власть едина и нераздѣльна, какъ душа въ тѣлѣ; осуществленіе ея можетъ, однако, принадлежать нѣсколькимъ различнымъ органамъ. Въ противность Алтузію, онъ полагаетъ, что суверенитетъ, въ силу добровольной уступки, переходитъ отъ народа къ монарху. „Подобно тому, какъ частное лицо отдаетъ себя въ рабство,—пишетъ онъ,—такъ цѣлый народъ можетъ подчинить себя безусловно власти монарха или, взамѣнъ его, аристократіи“—положеніе, которое встрѣтитъ сильный отпоръ въ XVIII вѣкѣ со стороны автора „Общественнаго Договора“,—Руссо. Заодно съ германскими писателями Гротъ полагаетъ, что слѣдуетъ отличать двухъ субъектовъ суверенитета: съ одной стороны государство, а съ другой—лицо или совокупность лицъ, которымъ принадлежитъ главенство въ немъ. Государство является общимъ субъектомъ верховной власти (subiectum commune), правитель же,—спеціальнымъ ея субъектомъ (subiectum proprium). Такую точку зрѣнія Гротъ оправдываетъ уподобленіемъ отношенія государства къ правителю отношенію человѣческаго тѣла къ его отдѣльному органу — глазамъ. „И тѣло и глаза можно мыслить субъектами зрѣнія, — пишетъ онъ, — первое — его общимъ субъектомъ, а глаза—особымъ субъектомъ“. Очевидно, что такое сравненіе ничего не доказываетъ; но признаніе Гроціемъ за государствомъ общаго суверенитета имѣетъ то практическое значеніе, что позволяетъ ему, въ противоположность Бодену, утверждать неизмѣнность государственной воли, несмотря на смѣну правителей. Боденъ училъ, что договоры связываютъ лишь заключившаго ихъ суверена, но не его преемниковъ, и такая точка зрѣнія вполнѣ отвѣчала представленію о принадлежности суверенитета не государству, а монарху[2]). Гротъ же изъ понятія о государственномъ суверенитетѣ выводитъ то послѣдствіе, что договоры правителя

---

[1]) „De jure belli ac pacis“, кн. I, гл. 3-я, 516.

[2]) Кн. I, гл. 8-я.

обязательны и для его преемниковъ, такъ какъ они—главы одного и того же государства; послѣднее остается тѣмъ же, несмотря на смѣну въ лицѣ правящаго. Гротъ поясняетъ свою мысль примѣромъ Рима, который продолжалъ существовать одинаково и при царяхъ, и при консулахъ, и при императорахъ. Проф. Нейсъ, въ статьѣ о понятіи государства въ исторіи, справедливо указываетъ на то, что за 17 лѣтъ до выхода въ свѣтъ сочиненія Грота французскій юристъ Луазо высказалъ о суверенитетѣ мнѣніе, позволяющее видѣть и въ немъ защитника идеи принадлежности верховенства государству. Для Луазо, суверенитетъ—форма, дающая бытіе государству (est la forme qui donne l'être a l'Estat). Государство безъ него немыслимо, такъ какъ суверенитетъ неразрывно связанъ съ его территоріей. Луазо оживляетъ такимъ образомъ феодальную точку зрѣнія на земельное держаніе, перенося ее съ феода на государство [1]). Та же аналогія государства съ феодомъ позволяетъ ему говорить: „Какъ сеньерія сообщается владѣльцу феода, такъ суверенитетъ—владѣльцу, или владѣльцамъ государства, въ демократіи—всему народу, въ аристократіи—совокупности правящихъ, въ монархіи—князю, который поэтому и называется верховнымъ сеньеромъ, или сувереномъ“ [2]).

Изъ всего сказаннаго возможно, кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что идея государственнаго суверенитета не можетъ быть приписана Бодену, а слѣдующимъ за нимъ писателямъ.

Тѣмъ не менѣе „Книгамъ о республикѣ, т.-е. государствѣ“ пришлось сыграть свою роль въ установленіи ученія если не о субъектѣ суверенитета, то о природѣ послѣдняго. Со временъ Бодена привыкли видѣть въ немъ не только высшую власть въ государствѣ, но еще и власть неотчуждаемую, если не недѣлимую.

---

[1]) Et comme c'est le propre de toute Seigneurie d'estre inhérente à quelque fief ou domaine, aussi la Souveraineté in abstracto est atacheé à l'Estat, Royaume ou République.

[1]) „Traité des seigneuries“, Paris, 1608, стр. 25. Цитата принадлежитъ ellinek'у. См. „Das Recht des modernen Staats“, кн. I, стр. 419.

Мы изучили пока развитіе и отраженіе въ области политической доктрины только одной изъ тѣхъ формъ государственнаго устройства, какія извѣстны новымъ народамъ,— монархіи. Мы показали, что по мѣрѣ перехода ея отъ варварскаго королевства къ сословному и политически централизованному слагалось ученіе о „владычествѣ одновременно королевскомъ и республиканскомъ“, отличномъ отъ абсолютной монархіи, и о единствѣ суверенитета, какъ противномъ независимости каждаго феодальнаго барона въ предѣлахъ его сеньеріи. Смѣна неограниченнаго владычества „Божьей милостью“ несовершенными формами представительной монархіи нашего времени и феодальной безурядицы — государственнымъ единствомъ налагала свою печать и на характеръ политическихъ ученій.

Но на ряду съ монархіей среднимъ вѣкамъ извѣстна еще и городская республика,—форма устройства, довольно близкая къ той, которая можетъ считаться господствующей въ классической древности. Важнѣйшіе центры культуры на Западѣ— муниципіи Италіи сохранили это устройство или, вѣрнѣе, завоевали право его автономнаго развитія у феодальныхъ сеньеровъ и поддерживавшихъ ихъ притязанія владыкъ Германо-Римской Имперіи, къ которымъ со времени распаденія Карловингской монархіи перешли притязанія кесарей на руководительство міромъ.

Спрашивается, какова была природа этой только отчасти унаслѣдованной отъ древности и во многомъ измѣненной германскими нашествіями городской республики и какое отраженіе нашла она въ политической доктринѣ среднихъ вѣковъ и итальянскаго Возрожденія? Посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы намѣрены дать въ ближайшемъ отдѣлѣ нашего сочиненія.

ГЛАВА VII.

Итальянскія демократіи и аристократіи въ эпоху расцвѣта городскихъ республикъ.

§ 1. Народоправства древности, въ какой бы формѣ они не выступали, въ дѣйствительности были не болѣе, какъ правительствами меньшинства. Правительство составляли полноправные граждане главнаго города. Тотъ же характеръ присущъ въ равной мѣрѣ и итальянскимъ муниципальнымъ республикамъ среднихъ вѣковъ. Не только рабы и крѣпостные, такъ называемые fumanti и fideles, но и свободные поселенцы, жители подчиненныхъ мѣстечекъ и городовъ, лишены были въ нихъ всякаго голоса въ дѣлахъ; мало этого,—на протяженіи всей принадлежащей городской республикѣ территоріи, такъ называемаго contado, полноправными гражданами, т.-е. участниками самодержавія, являлись не крестьяне и не простые рабочіе, а только торговцы и промышленники, состоявшіе членами гильдій и цеховъ, да еще переселившіеся въ предѣлы главнаго города владѣльцы разсѣянныхъ по графству феодальныхъ замковъ. Таковъ самый широкій кругъ лицъ, допускаемыхъ къ посѣщенію народныхъ вѣчъ, arringha или parlamentum, къ выбору и избранію, къ засѣданію въ совѣтахъ и къ занятію должностей цеховыхъ и гильдейскихъ старшинъ, участниковъ въ тѣхъ коллегіяхъ выборныхъ отъ цеховъ, которыя подъ именемъ пріоровъ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ значительную часть функцій высшаго управленія. Что касается до не состоящей въ рядахъ цеховъ черни, то она тщетно добивается доступа къ государственнымъ дѣламъ, обращаясь съ этою цѣлью къ такимъ неуспѣшнымъ или скоро подавляемымъ возстаніямъ, каково было движеніе Чіомпи во Флоренціи въ 1381 году. Отражая на себѣ вліяніе господствующихъ идей ихъ времени, итальянскіе публицисты XIV и XV вѣковъ, начиная отъ Марсилія Падуанскаго и оканчивая Саванароллой, Гви-

чардини, Маккіавелли или Джанотти, не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы въ народоправствахъ голосомъ могли располагать лица, не принадлежащія къ той здравой и лучшей части народа — melior et sanior pars populi, — подъ которой, очевидно, они разумѣютъ занесенныхъ въ цехи и гильдіи промышленниковъ и торговцевъ. Саванаролла, въ частности, подавая голосъ за устройство Флоренціи на началахъ народоправства, рѣшительно высказывается противъ участія черни въ собраніяхъ и ставитъ въ вину тиранамъ готовность ихъ допустить каждаго къ голосованію, даже въ предѣлахъ указаннаго нами круга. Не всѣ даже граждане сразу надѣлены были политическими правами. На первыхъ порахъ самодержавіе сосредоточивается или въ рукахъ осѣвшейся въ городѣ феодальной знати, grandi, или въ тѣхъ же рукахъ съ присоединеніемъ къ нимъ еще членовъ либеральныхъ профессій, включенныхъ въ гильдіи судей и нотаріусовъ, мѣнялъ и вышедшихъ изъ ихъ среды банкировъ, медиковъ и фармацевтовъ, да еще крупныхъ торговцевъ, членовъ ars mercaturae, которая въ нѣкоторыхъ городахъ, благодаря особенностямъ ихъ торговаго обмѣна, принимаетъ характеръ закупки или отпуска одного какого-нибудь продукта, напримѣръ, поступающей изъ Испаніи и обрабатываемой во Флоренціи шерсти. Совокупность лицъ, занимающихся этими профессіями, обнимается понятіемъ старшихъ гильдій, arti maggiori, или еще жирныхъ гражданъ — popolani grassi. Члены прочихъ профессій только постепенно получаютъ равныя съ ними права, слывя долгое время подъ наименованіемъ младшихъ цеховъ — arti minori, или еще мелкаго люда — popolo minuto. Иногда обособленіе правящихъ и управляемыхъ совершается еще въ формѣ закрытія доступа къ совѣтамъ, а слѣдовательно къ выбору властей и избранію, всѣмъ новымъ поселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто въ данный моментъ не состоялъ членами этихъ совѣтовъ и не принадлежалъ къ числу потомковъ засѣдавшихъ въ нихъ семей. Путемъ такого „закрытія“ такъ называемаго Большого Совѣта Венеціи дожемъ Петромъ Гра

дениго въ 1293 году участіе въ политической власти въ предѣлахъ республики св. Марка навсегда было закрыто всѣмъ, помимо потомковъ какой-нибудь тысячи семей, члены которыхъ въ этомъ году засѣдали въ совѣтѣ. Территорія республики могла расширяться путемъ колоніальныхъ пріобрѣтеній и благодаря подчиненію ей городовъ и областей на Апеннинскомъ полуостровѣ, а права верховенства все же продолжали оставаться въ рукахъ этого меньшинства старыхъ семей съ присоединеніемъ къ нимъ, какъ особой милости и за особыя услуги государству, немногихъ аристократическихъ династій изъ среды дворянства подчиненныхъ провинцій.

Съ этой оговоркой, изъ которой ясно слѣдуетъ, что и въ итальянскихъ коммунахъ среднихъ вѣковъ мы отнюдь не встрѣчаемся ни съ торжествомъ принципа равенства всѣхъ передъ закономъ ни съ практикой всеобщаго голосованія, намъ необходимо признать, что со времени паденія Римской республики Западная Европа не знала болѣе свободныхъ формъ политическаго устройства, чѣмъ тѣ, какія развились въ Италіи со второй половины XI столѣтія и продолжали держаться въ ней, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, хотя и съ значительными перерывами, вплоть до средины XVI, а въ Венеціи даже до конца XVIII. Вся прочая Европа, переживъ долгій періодъ сперва императорскаго самовластія, а затѣмъ нашествія варваровъ и обращенія отдѣльныхъ провинцій Рима въ абсолютныя монархіи, во многомъ устроенныя по римскому образцу, тщетно старалась воскресить завѣщанную ей древностью идею всемірнаго государства. Неуспѣхъ объясняется невозможностью примирить ее и съ притязаніями римской куріи на такое же всемірное господство, далеко не всегда въ одной духовной области, и съ запросомъ отдѣльныхъ народностей на самостоятельное существованіе. Среди этихъ неудачныхъ попы-къ объединить Европу подъ властью императора и папы альянскія республики однѣ сумѣли воспользоваться для оченія своей независимости и враждою Византіи съ пап-

ствомъ, поддерживаемымъ норманскими дружинами южной Итали, положившими начало Неаполитанскому королевству, и столкновеніями римскаго двора съ императорской властью при династіи Гогенштауфеновъ, озабоченной упроченіемъ своей независимости отъ церкви. Онѣ завоевали себѣ мало-помалу сперва самоуправленіе, а затѣмъ и автономію. Освобождаясь отъ подчиненія византійскимъ экзархамъ и поставленнымъ священной Римской Имперіей викаріямъ, графамъ и епископамъ съ графскими правами, города переходятъ непосредственно подъ высокую руку неаполитанскихъ правителей норманской, а позднѣе анжуйской династіи и рѣдко посѣщающихъ Италію германскихъ императоровъ. Новѣйшія изслѣдованія, между прочимъ Гейнемана, какъ нельзя лучше установили тотъ фактъ, что эмансипація коммунъ, начавшаяся въ южной Италіи даже нѣсколько раньше, чѣмъ въ сѣверной, приняла здѣсь, какъ и тамъ, форму установленія сперва добровольной юрисдикціи и посредническаго суда такъ называемыхъ „добрыхъ мужей“, „boni homines“, а затѣмъ и прямого надѣленія ихъ административными и политическими функціями. Еще въ X и XI столѣтіяхъ гражданство южно-италійскихъ городовъ представлено въ грамотахъ совокупностью большаго или меньшаго числа „добрыхъ мужей“, которые, какъ показываетъ грамота, относящаяся къ городу Сипонто, уже съ половины XI столѣтія получаютъ римское названіе консуловъ. По отношенію къ Гаэтѣ можно было установить фактъ прямого преемства boni homines и консуловъ. Такъ какъ уже въ Lex Romana Curiensis заходитъ рѣчь о „добрыхъ мужахъ“, притомъ въ той самой роли судебныхъ помощниковъ и посредниковъ, съ какой мы встрѣчаемъ ихъ съ X и XI вѣка въ городахъ южной Италіи, то довольно вѣроятнымъ кажется предположеніе Гейнемана, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ однимъ оживленіемъ римской традиціи, но и съ безостановочнымъ развитіемъ одного и того же института. Это разв тіе завершается созданіемъ консуловъ, т.-е. выбираемыхъ гра данами административно-судебныхъ органовъ, функціи ко

рыхъ обыкновенно осуществляются болѣе зажиточнымъ классомъ свободныхъ собственниковъ, не только мірянъ, но и духовныхъ. Нѣсколько позже, но опять-таки не ранѣе конца XI и начала XII столѣтія, мы въ состояніи прослѣдить тотъ же процессъ перехода „добрыхъ мужей“ въ консуловъ на нротяженіи всей сѣверной и средней Италіи, начиная отъ Бергамо или Падуи и оканчивая мелкими городами Тосканы. Фактъ этотъ болѣе или менѣе установленъ трудами Бонарди, Мадзи и Давидсона.

Это движеніе въ пользу муниципальной автономіи, разумѣется, не кладетъ сразу конца всѣмъ притязаніямъ епископовъ и графовъ на состоявшіе въ ленной зависимости отъ нихъ города и мѣстечки. Многіе изъ этихъ феодальныхъ собственниковъ удерживаютъ за собою отдѣльныя функціи самодержавія, между прочимъ право утверждать избранныхъ народнымъ собраніемъ консуловъ, право суда въ уголовныхъ дѣлахъ, случаяхъ убійства, раненія и т. д., въ особенности же право собирать въ городѣ съ торговъ и рынковъ при ввозѣ, вывозѣ и провозѣ припасовъ и мануфактуратовъ всякаго рода платежи. Всѣ эти права гражданамъ приходится или выкупать у ихъ владѣльцевъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, упразднять насильственно, путемъ удачнаго возстанія. Временно этотъ процессъ эмансипаціи общинъ отъ феодальныхъ сеньеровъ, въ частности отъ свѣтскихъ и духовныхъ графовъ (епископовъ), задержанъ походомъ императора Фридриха I Барбароссы на Италію съ цѣлью возстановить отмѣненныя давностью права имперіи на города Ломбардіи, Тосканы и Эмиліи. Фридрихъ I требуетъ между прочимъ непосредственнаго назначенія городскихъ властей императоромъ или заступающими его мѣсто викарными (missi). Собравъ въ Ронкаліи совѣтъ изъ четырехъ болонскихъ докторовъ права и двадцати восьми депутатовъ отъ городовъ, императоръ формулировалъ на немъ свои требованія. Не желавшимъ признать его власти онъ пригрозилъ тѣмъ примѣрнымъ наказаніемъ, какому съ его стороны подверглись Крема и Миланъ,

первая въ 1160 году, второй въ 1162 году. Но ломбардскія муниципіи не пожелали подчиниться сдѣланному имъ приказу. Поддерживаемыя въ своей оппозиціи папской властью, онѣ вошли въ составъ сперва устроенной венеціанцами лиги, а затѣмъ двухъ самостоятельныхъ, хотя и временныхъ союзовъ ломбардскихъ и романскихъ городовъ. Союзныя войска нанесли пораженіе имперскимъ въ знаменитой битвѣ при Леньяно въ 1177 году и принудили императора признать въ Констанцскомъ мирѣ отъ 1183 года право итальянскихъ муниципій свободно выбирать своихъ консуловъ, представляя ихъ на одно только утвержденіе императора или его намѣстника.

Въ періодъ времени, протекшій отъ первоначальнаго столкновенія городовъ съ пріобрѣвшими надъ ними феодальныя права графами имперіи и епископами, городская автономія представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Управленіе городомъ сосредоточивается въ рукахъ консуловъ, выбираемыхъ общимъ собраніемъ гражданъ или только „лучшею" ихъ частью; число консуловъ отъ 2-хъ до 21-го. Общее собраніе носитъ различныя названія: concio, arringha, parlamentum, commune consilium. Весьма часто въ актахъ, говорящихъ о назначеніи консуловъ, упоминается, что въ ихъ избраніи приняли участіе „какъ большіе, такъ и меньшіе" (quam majores, tam minores), при чемъ указывается, что въ составъ первыхъ входили capitanei, vavassores, не говоря уже о значительныхъ гражданахъ, cives majores [1]). Подъ первыми двумя категоріями, очевидно, нельзя разумѣть никого, помимо второстепенныхъ и третьестепенныхъ вассаловъ имперіи, поселенныхъ въ предѣлахъ города и образующихъ въ немъ тотъ классъ, который со временемъ извѣстенъ будетъ подъ наименованіемъ воиновъ или дворянъ (milites или nobiles). Подъ именемъ старшихъ и младшихъ гражданъ мы встрѣчаемъ съ одной стороны представителей торговаго сословія и либеральныхъ профессій, а съ другой—организованныхъ на корпоративномъ началѣ или

[1]) Цитирую документъ, помѣченный Павіей, въ 1084 г.

только организующихся въ цехи ремесленниковъ. Въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Пизѣ, упоминается о назначеніи консуловъ большинствомъ „добрыхъ и мудрыхъ“ людей (bonorum et sapientum), что опять-таки не позволяетъ говорить о широкихъ основахъ городского самоуправленія, о существованіи полной изополитіи. Консулы выбираются обыкновенно на годъ, всего чаще путемъ двойныхъ выборовъ; при этомъ выборщики не разъ назначаются выходящими въ отставку консулами. Не подлежатъ избранію лица духовнаго званія и вассалы враждебныхъ городу сеньеровъ. Весьма часто число консуловъ ставится въ зависимость отъ числа городскихъ кварталовъ.

При вступленіи въ должность консулы приносятъ присягу въ томъ, что будутъ управлять городомъ въ его интересахъ, справедливо и согласно съ законами, включенными въ статутъ или уставъ, breve, ихъ должности, что они не будутъ оказывать предпочтенія ни интересамъ общины въ ущербъ частныхъ лицъ ни, наоборотъ, интересамъ частныхъ лицъ въ ущербъ общинѣ. Въ свою очередь народъ клянется соблюдать все, что будетъ приказано ему консулами въ интересахъ города. Консулы не должны принимать ни отъ кого подарковъ, ни для себя ни для своихъ женъ. По оставленіи ими должности они даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и въ теченіе извѣстнаго срока подлежатъ преслѣдованію частныхъ лицъ за нарушеніе ихъ правъ принятыми по службѣ мѣрами. Часть консуловъ, подъ именемъ консуловъ юстиціи, въ отличіе отъ консуловъ общины, посвящала свое время отправленію судебныхъ функцій; остальные же завѣдывали какъ военными, такъ административными и финансовыми интересами города. Всѣ рѣшенія консуловъ принимались большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равенства ихъ слѣдовало обращеніе къ посреднику. Консуламъ положено было опредѣленное ›лованіе, такъ называемое feudem. Они отправляли свою лжность въ теченіе года; на разстояніи двухъ или даже ти лѣтъ по оставленіи ими службы они не могли под-

вергнуться переизбранію. По сложеніи своихъ полномочій консулы должны были представить свои счеты на провѣрку особымъ синдикамъ и подлежали въ теченіе мѣсяца судебному преслѣдованію со стороны всѣхъ тѣхъ, правомѣрные интересы которыхъ такъ или иначе задѣты были ими. Другими словами, итальянскія муниципіи уже въ XII вѣкѣ признавали тотъ принципъ судебной отвѣтственности чиновниковъ какъ передъ казною, такъ и передъ частными лицами, который въ наши дни считается необходимымъ условіемъ всякаго правового государства. Консулы могли разсчитывать на помощь и содѣйствіе состоявшей при нихъ особой коллегіи изъ судей и адвокатовъ, извѣстныхъ всего чаще подъ наименованіемъ „мудрыхъ" (sapientes); въ этой коллегіи надо видѣть зародышъ будущаго Тѣснаго Совѣта. Обязанность членовъ ея была высказывать свое мнѣніе по текущимъ дѣламъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ консулы не могли даже принять рѣшенія на свой страхъ, не заручившись согласіемъ коллегіи; именно имъ нельзя было ни измѣнять существующихъ законовъ, хотя бы путемъ ихъ широкой интерпретаціи, ни отчуждать собственности города—республики безъ предварительнаго рѣшенія совѣтниковъ, принимаемаго большинствомъ голосовъ. Важнѣйшія дѣла поступали, однако, на разбирательство народнаго собранія, извѣстнаго подъ названіемъ то colloquium, то concio, то arringha или parlamentum, то еще massa; въ немъ принимали участіе главы семействъ, или, по крайней мѣрѣ, по одному человѣку отъ семьи, или двора. Вѣче собиралось не иначе, какъ по приказу консуловъ, и созываемо было звономъ колокола или трубнымъ звукомъ. Мѣстомъ собранія служила гдѣ площадь, гдѣ епископскій дворецъ, а гдѣ и каѳедральный или иной храмъ; народное собраніе одно могло издавать законы, отчуждать имущество муниципій, объявлять войну и заключать миръ. Правильной подачи голосовъ не было, и принимавшіе участіе въ засѣданіи ограничивались выраженіемъ своихъ желаній крича: „Да будетъ, да будетъ!" (fiat, fiat!) или воздерживаясь отъ подобныхъ возгласовъ.

Въ этотъ первый періодъ городского самоуправленія общины успѣли добиться отъ императора признанія за ними многихъ привилегій и преимуществъ, между прочимъ права чекана монеты, сооруженія крѣпостей, запрещенія открывать въ стѣнахъ города сессіи имперскихъ судовъ, права самообложенія и т. п. Что касается до окружавшихъ городъ феодальныхъ сеньеровъ, нерѣдко отрѣзывавшихъ обывателямъ возможность торговаго сообщенія съ сосѣдями или препятствовавшихъ правильному ихъ провіантированію, то экономическая нужда, нерѣдко независимо отъ всякой завоевательной политики, вызывала въ городахъ стремленіе принуждать сеньеровъ къ признанію ими политическаго главенства муниципіи и обязательства проводить въ ея стѣнахъ по крайней мѣрѣ часть года. Однимъ изъ послѣдствій подчиненія городу феодальныхъ сеньеровъ была невозможность для нихъ направлять отнынѣ противъ его жителей свои вотчинные поборы съ дорогъ и мостовъ и то запрещеніе свободнаго отпуска припасовъ, которыя такъ гибельно отражались на экономическомъ благосостояніи муниципіи.

Миръ въ Констанцѣ можетъ считаться исходнымъ моментомъ новыхъ преобразованій во внутреннемъ строѣ итальянскихъ городскихъ коммунъ.

Начавшаяся уже въ стѣнахъ города борьба партій, обыкновенно остатковъ феодальнаго дворянства и вновь поселившихся въ немъ деревенскихъ nobiles, съ одной стороны, и простого гражданства, съ другой, тормозя выборы, заставляя нерѣдко имѣть консуловъ отъ каждой изъ борющихся партій, обусловила собою движеніе въ пользу передачи высшихъ административныхъ функцій въ руки иноземныхъ чиновниковъ. Это стремленіе совпало съ вполнѣ понятнымъ желаніемъ ввѣрить руководительство военными силами и охрану мира человѣку вліятельному и безпристрастному, уже въ силу самой принадлежности его къ руководящему классу какой-нибудь дружественной муниципіи. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину, по которой, какъ исключеніе, уже

до Констанцскаго мира, а съ этого времени — какъ общее правило, города начали ставить во главѣ управленія сановника, призваннаго изъ чужой, но дружественной имъ муниципіи; сановникъ этотъ получаетъ извѣстное еще Кодексу Юстиніана наименованіе potestas, или по-итальянски podesta. Тотъ фактъ, что древнѣйшіе примѣры такого призванія встрѣчаются въ Болоньѣ, очагѣ возрождающагося римскаго права, заставляютъ Пертиле предположить, что въ созданіи podesta итальянцами XII вѣка надо видѣть вліяніе римской традиціи диктаторовъ и проконсуловъ, или praesides, надъ провинціями. Какъ бы то ни было, но podesta, попадающіеся намъ въ Болоньѣ, Феррарѣ и Сіэнѣ уже въ 1151 году, становятся болѣе или менѣе постоянными сановниками, начиная съ Констанцскаго мира, что не мѣшаетъ имъ, однако, уступать время отъ времени мѣсто туземнымъ консуламъ.

Условія, на которыхъ тѣ или другія лица призываемы были къ отправленію обязанностей подесты, излагаются обыкновенно въ текстѣ городскихъ статутовъ, именно въ той части ихъ, которая содержитъ въ себѣ формулу приносимой этими сановниками служебной присяги. Въ ней значится, что подеста обязанъ привести съ собою такую-то свиту и такое-то число судей-помощниковъ. Подеста не можетъ включить въ эту свиту родственниковъ; если въ городѣ, куда онъ приглашенъ, имѣются таковые, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или отклонить предложеніе, или условиться съ ними о временномъ удаленіи ихъ изъ города. Подеста могъ принадлежать только къ той партіи, какая главенствовала въ призвавшей его муниципіи; онъ приносилъ присягу въ соблюденіи статутовъ города и по окончаніи службы обязанъ былъ дать строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ особыми синдиками. Срокъ, на который онъ принималъ полномочія, обыкновенно былъ годовой. Выборъ подесты предоставленъ былъ Большому Совѣту, опять-таки учрежденію, развившемуся въ этотъ позднѣйшій періодъ исторіи итальянскихъ муниципій, т.-е. съ конца XII столѣтія. Избраніе обыкновенно происхо-

дило такимъ образомъ, что на кандидатовъ указывали особые выборщики по назначенію собранія, а совѣтъ довольствовался обозначеніемъ той провинціи или города, изъ котораго ему желательно было призвать подесту. По принесеніи служебной присяги и полученіи въ отвѣтъ такого же клятвеннаго обязательства закономѣрнаго подчиненія его власти со стороны гражданъ подеста торжественно вводимъ былъ въ отправленіе своихъ функцій и поселяемъ во дворцѣ общины, Palazzo del commune. Ему выговаривалось опредѣленное жалованіе, которое онъ получалъ, впрочемъ, сполна не раньше, какъ по истеченіи срока, положеннаго для представленія имъ отчета въ своей дѣятельности. Подестѣ принадлежала одна высшая военная, исполнительная и финансовая власть. Онъ обязывался охранять внутренній миръ и задерживать съ этою цѣлью тѣхъ, кто былъ изгнанъ изъ города одержавшей верхъ партіей и вернулся въ него безъ спроса. Подеста обѣщалъ также равное правосудіе бѣднымъ и богатымъ; въ исполненіе этого обязательства онъ ежедневно въ опредѣленные часы засѣдалъ во дворцѣ при открытыхъ дверяхъ для разбирательства всѣхъ вносимыхъ ему исковъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. При постановкѣ рѣшеній подеста не въ правѣ былъ уклониться отъ городскихъ статутовъ, хотя бы на этотъ счетъ ему и дано было разрѣшеніе самимъ папой. Во все время, пока длились его полномочія, онъ не могъ покинуть города иначе, какъ для исполненія обязанностей службы, напримѣръ, по случаю военнаго предпріятія. Для представленія строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. подестѣ положенъ былъ по сложеніи имъ полномочій пятидесятидневный срокъ (тотъ же, что въ Юстиніановомъ законодательствѣ); впослѣдствіи этотъ срокъ подвергся сокращенію до 30, 20 и даже 10 дней.

Законодательнымъ органомъ въ этотъ второй періодъ жизни італьянскихъ муниципій является не столько общее собраніе гражданъ, или parlamentum, сколько совѣты, Большой и Малый, обыкновенно выбираемые изъ тѣхъ самыхъ главъ семей,

которые собирались ранѣе на народныя вѣча. Въ нѣкоторыхъ городахъ послѣднее съ этого времени стало созываться только для выслушиванія постановленій, принятыхъ въ совѣтѣ, или для присутствія въ моментъ принесенія новымъ подестою должностной присяги, а также для ратификаціи мирныхъ договоровъ, договоровъ о союзахъ и т. п. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Пармѣ и Пизѣ, подеста освобожденъ былъ даже отъ обязательства представлять вѣчу на утвержденіе рѣшенія, принятыя Большимъ Совѣтомъ. Что касается до послѣдняго, то онъ составлялся путемъ двойныхъ выборовъ. Назначеніе выборщиковъ производимо было самимъ народомъ; придерживались при этомъ извѣстной очереди между общинами (vicinia) и приходами (capelle) или же, независимо отъ всякой очереди, рѣшали вопросъ жребіемъ. Собираніе голосовъ въ совѣтѣ поручалось монаху, спеціально для того приглашенному. Подлежали избранію только граждане, признаваемые таковыми въ силу рожденія или мѣстожительства, или уплаты налоговъ, кое-гдѣ одни земельные собственники, удовлетворявшіе извѣстному цензу, напримѣръ, въ Падуѣ плательщики 50 ливровъ прямого обложенія, въ Луккѣ—25 ливровъ и т. д. Кромѣ того отъ кандидатовъ требовался извѣстный возрастъ, рѣдко двадцать лѣтъ и даже 18, обыкновенно 25. Въ совѣтѣ не могло засѣдать больше одного члена отъ семьи. Выбранными не могли быть ни духовные, какъ лица, свободныя отъ податей, ни служители, какъ лишенныя независимости, и по той же причинѣ—ни вассалы ни простые рабочіе. Весьма характерно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Сигонія [1]) объ исключеніи черни, занятой въ ремеслахъ и ручномъ трудѣ. Служба совѣтниковъ была годовая и въ рѣдкихъ только городахъ, напримѣръ, въ Равеннѣ и Падуѣ, уже въ XIII вѣкѣ сказывается стремленіе обратить ее въ пожизненную и даже наслѣдственную. Она была также даровой; только въ немно-

[1]) De regno italico, X. Genere quodam hominum excluso in viliori artificibus atque operibus occupato.

гихъ менѣе значительныхъ муниципіяхъ мы встрѣчаемся съ практикой вознаграждать участниковъ собранія жалованіемъ. Что касается до численности совѣтовъ, то онъ колеблется между 60 и 1200 и даже 2400 и 4000. Такъ, въ Падуѣ въ 1257 г. мы встрѣчаемъ совѣтъ 600, въ Мантуѣ въ 1305 г. совѣтъ 1200, въ Болоньѣ въ 1245 г. совѣтъ 2400, а въ 1294 г. совѣтъ 4000. Въ очень многихъ городахъ мы находимъ постановленіе, согласно которому половина совѣтниковъ берется изъ гражданъ, а другая половина изъ дворянъ; кое-гдѣ, напримѣръ, въ Туринѣ, въ позднѣйшее время (статутъ, о которомъ идетъ рѣчь, восходитъ къ первой половинѣ XV вѣка) предписано было выбирать одну часть совѣтниковъ изъ нотаблей, другую, обыкновенно равную, изъ людей средняго состоянія, а треть—изъ людей низшаго (ex notabilioribus, mediocribus et minoribus). Относительно большинства городовъ, однако, мы не располагаемъ никакими данными насчетъ того, какъ распредѣлялись голоса между различными классами населенія; повидимому, могли быть избраны всѣ, кромѣ лицъ изъ черни. Совѣтъ обыкновенно включалъ въ себя, помимо избранныхъ членовъ, еще рядъ другихъ, имѣвшихъ право засѣдать въ немъ въ силу занимаемой ими должности, какъ то: выбранныхъ начальниковъ надъ военными братствами и цехами, купцовъ, членовъ коллегіи судей и адвокатовъ, а въ Болоньѣ — профессоровъ университета. Сверхъ того совѣтъ самъ въ правѣ былъ привлечь на свои засѣданія гражданъ, пользующихся его довѣріемъ и вѣсомъ въ городѣ; они извѣстны были то подъ наименованіемъ лицъ, пріобщенныхъ къ совѣту, то подъ прозвищемъ призванныхъ „chiamati" (послѣдніе встрѣчаются въ Генуѣ).

Въ немногихъ только городахъ функціи бывшей народной сходки, или вѣча, сосредоточивались всецѣло въ рукахъ Большого Совѣта. Всего чаще рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ Тѣсный Совѣтъ, члены котораго выбирались обыкновенно изъ большого, въ числѣ отъ 12 до 100, рѣдко когда до 400 и 600. Этотъ совѣтъ извѣстенъ былъ обыкновенно подъ наиме-

нованіемъ меньшаго и тайнаго, или di credenza, т.-е. состоящаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ и связанныхъ обязательствомъ хранить тайну. Въ нѣкоторыхъ городахъ членовъ Тѣснаго Совѣта приказано было выбирать по кварталамъ, напримѣръ, въ Пармѣ, и притомъ въ равномъ числѣ отъ каждаго. Весьма обычной практикой было восполненіе Тѣснаго Совѣта, какъ и Большого, консулами военныхъ братствъ и цеховъ, профессорами и судьями. Созывалъ совѣты подеста, обыкновенно сговорившись предварительно съ прочими чиновниками; подчасъ Малый Совѣтъ могъ потребовать отъ него созыва Совѣта Большого. Какъ общее правило, предложенія дѣлались прежде Малому, а затѣмъ Большому Совѣту; они поступали послѣ этого столько же для утвержденія, сколько для обнародованія въ вѣчевое собраніе, или parlamentum, продолжавшее собираться на площади или въ церкви. Созываемы были члены совѣтовъ ударами въ городской колоколъ. Посѣщеніе было обязательно и вынуждалось пенями. Отъ подесты зависѣло вносить тѣ или другіе вопросы на обсужденіе совѣтовъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, однако, напримѣръ въ Моденѣ, въ XIV вѣкѣ, предложенія могли дѣлать и члены собранія, но баллотировка вопроса производилась только по требованію подесты или замѣщающаго его чиновника. Предложенія должны были подвергнуться записи до момента ихъ баллотировки, съ цѣлью избѣжать всякихъ недоразумѣній насчетъ предмета голосованія. Чтобы обезпечить серьезность преній, запрещено было ставить на очередь болѣе трехъ—пяти вопросовъ, а чтобы воспрепятствовать нескончаемости дебатовъ, не дозволялось касаться въ рѣчахъ предметовъ постороннихъ или повторять уже сказанное другими. Никто не могъ говорить по одному и тому же предмету болѣе одного или двухъ разъ.

Нѣкоторые статуты опредѣляли сколько ораторов могло говорить по каждому изъ поставленныхъ въ собр: ніи вопросовъ. Если не было равнаго числа лицъ, тр

бующихъ слова, отъ подесты зависѣло пригласить того или другого изъ совѣтниковъ къ подачѣ своего мнѣнія. Пенямъ подвергали тѣхъ, кто препятствовалъ кому-либо отправиться на засѣданіе совѣта или силою пытался склонить его на свою сторону. Въ интересахъ свободы преній запрещалось подестѣ при докладѣ дѣла высказывать, хотя бы косвенно, свое мнѣніе [1]). Запрещено было прерывать говорившаго или бесѣдовать съ сосѣдомъ во время произнесенія кѣмъ-либо рѣчи, а чтобы послѣднія были услышаны всѣми, предписывалось произносить ихъ не съ мѣста, а съ каѳедры. Когда дѣло считалось болѣе или менѣе выясненнымъ, подеста могъ поставить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли положить конецъ преніямъ; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта голосованіе производилось или вставаніемъ и сидѣніемъ, или расхожденіемъ на двѣ стороны, или закрытой баллотировкой бобами, шарами, дощечками или монетами, при чемъ обыкновенно монаху, одному или нѣсколькимъ, предоставлялось обходить совѣтниковъ и, приложивъ ухо, выслушивать ихъ мнѣнія или взамѣнъ предлагать имъ одинъ или два ящика для баллотировки. Соотвѣтственно этому каждому давалось по одному или по два шара или боба разнаго цвѣта, бѣлый и черный. Въ большинствѣ совѣтовъ допускаемо было только два мнѣнія, утвердительное и отрицательное, но въ Венеціи, и по ея образцу въ Падуѣ, еще въ XIII ст. предписано было разносить и третій ящикъ, куда шары могли быть опускаемы тѣми, кто не успѣлъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія или не желалъ высказаться ни въ утвердительномъ ни въ отрицательномъ смыслѣ (non sinceri—неискренніе, по употребительному въ Венеціи выраженію). Разъ отвергнутыя предложенія не могли быть вносимы вновь до выхода въ отставку подесты, при которомъ они были сдѣланы. Для принятія предложеній обыкновенно довольствовались простымъ боль-

[1]) „Abellire vel disabellire propositiones in consiliis“, по выраженію падуанскаго статута отъ 1275 года.

шинствомъ, но въ вопросахъ болѣе важныхъ требовалось двѣ трети, три четверти, четыре пятыхъ, а кое-гдѣ даже пять шестыхъ всѣхъ голосовъ. Въ Болоньѣ же, согласно статуту 1250 года, вотированіе издержекъ считалось состоявшимся только при единогласіи. Собраніе не могло быть открыто, если въ немъ не оказывалось $^2/_3$ совѣтниковъ, а въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ и большее число. Весьма часто, прежде чѣмъ высказаться по тому или другому вопросу, совѣтъ испрашивалъ мнѣніе спеціальныхъ комиссій. Иногда онъ поручалъ этимъ комиссіямъ принятіе и самыхъ рѣшеній. Важнѣйшіе вопросы доводимы были до большого совѣта, менѣе важные—только до тѣснаго. Вопросы законодательства, войны и мира, международныхъ сношеній, финансоваго и налогового управленія относимы были къ числу первыхъ. Большому совѣту подеста и завѣдующій городскою казною камерарій, или массарій, представляли отчетъ въ расходованіи ввѣренныхъ имъ суммъ, и тотъ же большой совѣтъ предписывалъ новую оцѣнку имуществъ жителей въ интересахъ болѣе равномѣрнаго обложенія и новый наборъ солдатъ и матросовъ. Въ общемъ можно сказать, что на большой совѣтъ перешли функціи парламента или вѣча и что имъ осуществляемы были права народнаго верховенства.

Независимо отъ только что упомянутыхъ собраній, существовали еще особыя коллегіи, составленныя гдѣ изъ 8, гдѣ изъ 40 человѣкъ и которыя играли роль совѣтниковъ при подестѣ. Прежде чѣмъ обратиться въ собранія городскихъ представителей, подеста испрашивалъ мнѣніе этихъ коллегій, носившихъ разное названіе: то коллегіи прошенныхъ, то коллегіи мудрыхъ, то сената, то просто коллегіи 40 или 8 человѣкъ, смотря по числу. Эти лица, какъ прочія власти, выбирались большимъ совѣтомъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: въ ящикъ опускалось столько дощечекъ, сколько было наличныхъ членовъ; изъ нихъ нѣкоторыя носили имя тѣхъ чиновниковъ, какихъ предстояло избрать. Мальчику поручалось вынимать дощечки за наличныхъ совѣтниковъ; тѣ,

на чью долю приходились дощечки съ надписью, попадали въ число выборщиковъ; система избранія была такимъ образомъ двухстепенная, и въ ней жребій комбинированъ былъ съ выборомъ. Такой способъ назначенія на должность назывался per scrutinium, или ad brevia, иначе per apodixas. Впослѣдствіи, въ виду раздирающихъ города междоусобій, кое-гдѣ рѣшено было замѣнить вполнѣ выборъ простымъ жребіемъ, т.-е. назначать путемъ послѣдняго непосредственно лицъ, призываемыхъ на должность. Занять должность въ городѣ по выбору или жребію не могли ни люди крѣпостного состоянія ни люди партіи, противной той, которая являлась владычествующей, кое-гдѣ также лица, не отвѣчающія извѣстнымъ нравственнымъ требованіямъ; а именно выпущенные изъ тюремъ банкроты, ростовщики, разстриги, лица, уклоняющіяся отъ несенія городскихъ издержекъ, незаконнорожденные, а въ Луккѣ даже тѣ, кто, имѣя 27 лѣтъ отроду, еще не были женаты. Отъ избираемыхъ требовался извѣстный возрастъ, а для нѣкоторыхъ должностей — и имущественный цензъ. Большинство получало жалованіе и не имѣло права замѣщать себя въ отправленіи службы иначе, какъ въ случаѣ болѣзни и притомъ одними ближайшими родственниками. Тѣ изъ чиновниковъ, которые располагали казенными деньгами, призваны были къ ежемѣсячной отчетности передъ особыми комиссарами, доводившими каждый разъ до свѣдѣнія большого совѣта о результатахъ ихъ провѣрки. Въ городахъ подчиненныхъ мы встрѣчаемъ обыкновенно такихъ же чиновниковъ и такіе же совѣты, съ тою только особенностью, что подеста посылается въ нихъ отъ главнаго города или избирается изъ его гражданъ, или, по меньшей мѣрѣ, съ ихъ согласія. Въ сельскихъ общинахъ консулы, всего чаще назначаемые, рѣдко когда избираемые населеніемъ, отправляли правосудіе въ подчиненіи и зависимости у того, кто владѣлъ ньеріей, или верховенствомъ, будетъ ли имъ городъ, или одальный помѣщикъ. Рядомъ съ этимъ консулами мы трѣчаемъ, на правахъ административныхъ властей, особыхъ

старшинъ (majores), обыкновенно также по назначенію, или управителей (гастальдовъ, иначе villici). Сколько-нибудь значительныя общины имѣли, по образцу главнаго города, свои совѣты и народныя собранія, извѣстныя обыкновенно подъ названіемъ vicinia, или сосѣдскихъ сходовъ.

Таковъ былъ обычный типъ той конституціи, какой пользовались итальянскія городскія республики въ теченіе всей первой половины XIII столѣтія до того момента, когда устроившіяся на корпоративномъ началѣ торговыя гильдіи и ремесленные цехи не предъявили своихъ притязаній на участіе въ политическомъ руководительствѣ городомъ и республикой. Всего раньше добились этого торговыя гильдіи. За ними—представители либеральныхъ профессій, а также мѣнялы, суконщики и вообще всѣ такъ называемые старшіе цехи. Что же касается до младшихъ, къ числу которыхъ надо отнести всѣ тѣ, дѣятельность которыхъ удовлетворяетъ домашнему спросу—на обувь, на припасы и т. д., то они устранены были пока отъ всякаго участія въ дѣлахъ города. Тѣ изъ нихъ, которые устроены были въ военныя братства, добились прежде другихъ признанія; такъ, въ Болоньѣ въ 1228 году. Съ этого времени они принимаютъ участіе въ управленіи городомъ, попадая въ число такъ называемыхъ анціановъ, или старѣйшинъ, и членовъ большого совѣта. На этихъ должностяхъ и въ этомъ собраніи мы встрѣчаемъ отнюдь не однихъ консуловъ отъ торговцевъ и мѣнялъ, но и избранныхъ уполномоченныхъ (ministrales) отъ цеховъ (artes), отъ военныхъ братствъ societates armaturarum и городскихъ улицъ или кварталовъ (contratarum). Примѣру Болоньи послѣдовали вскорѣ Сіена, Пиза и Верчелли, наконецъ Модена, Падуя и Верона, Перуджія, Флоренція и Генуя; случилось это еще въ первой половинѣ XIII вѣка. Но гораздо ранѣе въ Миланѣ, въ 1198 году, цехи образовали уже изъ себя такъ называемый commune del popolo, подъ именемъ Credenza свя̀того Амвросія, и построили для своихъ собраній, а въ случаѣ нужды и для защиты, особый домъ съ башнею. Когд

такимъ образомъ въ срединѣ XIII столѣтія наиболѣе значительные ремесленные цехи добились доступа къ управленію, они образовали изъ себя отдѣльную отъ городской общины общину народную и пожелали имѣть свои самостоятельныя власти и совѣты, но по образцу тѣхъ, какіе имѣла городская община. Тѣмъ самымъ положено было начало третьей по времени конституціи итальянскихъ городскихъ республикъ, основанной на двоевластіи, на существованіи бокъ-о-бокъ двухъ коммунъ, городской и народной. Весьма вѣроятно, что въ этомъ требованіи самостоятельной и независимой отъ существующихъ властей политической организаціи не малую роль играла и римская традиція, воспоминаніе о плебеяхъ, получившихъ въ лицѣ трибуновъ и трибунскихъ собраній самостоятельные органы администраціи и суда, отличные отъ существовавшихъ дотолѣ общихъ государственныхъ властей и центуріатскихъ собраній. То обстоятельство, что движеніе началось въ Болоньѣ, центрѣ глоссаторовъ, т.-е. ближайшихъ виновниковъ возрожденія римской юриспруденціи, невольно наводитъ на эту мысль. Чѣмъ подеста является для всего гражданства, тѣмъ такъ называемый народный капитанъ, capitano del popolo, становится по отношенію къ общинѣ народной, т.-е. составленной изъ цехового гражданства. Эта должность кое-гдѣ обозначается терминомъ „defensor populi et frataliarum“ [1]), такъ, напримѣръ, въ Падуѣ въ 1315 г., или еще народнымъ адвокатомъ. Подобно подестѣ, капитанъ народный выбирается изъ иностранцевъ, уроженцевъ чужого города; подобно тому же подестѣ, онъ является въ сопровожденіи своихъ воиновъ и подчиняется болѣе или менѣе во всей своей дѣятельности порядкамъ, однохарактернымъ съ тѣми, какіе регулируютъ права и обязанности подесты. На ряду съ капитаномъ мы находимъ еще анціановъ, или делегатовъ отъ отдѣльныхъ цеховъ и городскихъ кварталовъ,

---

[1]) „Frataliа“ значитъ братство, — братство членовъ одного ремесла и одного промысла.

смѣняемыхъ каждые два или три мѣсяца и исполняющихъ при капитанѣ обязанности совѣтниковъ. Какъ и городская община, община народная имѣетъ два совѣта, общій и тайный, и свою особую сходку, или parlamentum, составленную изъ мастеровыхъ тѣхъ цеховъ, которые призваны къ участію во власти. Каждая община имѣетъ свой статутъ, и въ томъ, который регулируетъ собою права и обязанности народной, подробно изложены не только функціи капитана, анціановъ и обоихъ совѣтовъ, но и многія стороны промышленнаго законодательства. Въ дѣлахъ, интересующихъ одинаково обѣ общины, очевидно, необходимо было соглашеніе; вотъ почему вопросы, подвергшіеся обсужденію въ совѣтахъ народа, поступали затѣмъ на разсмотрѣніе тѣхъ, предсѣдательство надъ которыми принадлежало подестѣ, и наоборотъ. Разъ принятые тѣми и другими, они становились обязательными для всего гражданства. Въ сферѣ внѣшнихъ сношеній города—республики равная власть признавалась за подестою и капитаномъ, такъ что посланія, приходившія отъ иноземныхъ правителей и республикъ, и лица, уполномоченныя послѣдними, направляемы были къ тому и другому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Генуѣ и Флоренціи, народный капитанъ пріобрѣлъ вскорѣ перевѣсъ надъ подестою: въ первомъ городѣ уже въ 1270 году, во второмъ въ 1282 году, когда верховное управленіе города перешло въ руки народной общины въ лицѣ капитана и особой сеньеріи, составленной изъ главъ, или пріоровъ, шести цеховъ, торговцевъ испанской шерсти (calimala), суконщиковъ и банкировъ, медиковъ, въ томъ числѣ и аптекарей, изготовителей шелковыхъ тканей и мѣховщиковъ, къ которымъ вскорѣ присоединились еще семь другихъ цеховъ, образовавшихъ въ совокупности такъ называемый popolo grasso (буквально жирный народъ, въ переносномъ смыслѣ—богатую буржуазію). Оставляя до одной изъ ближайшихъ главъ изложеніе дальнѣйшей судьбы этого popolo grasso, мы закончимъ настоящі очеркъ заявленіемъ, что XIII столѣтіе не было свидѣтелем

допущенія къ дѣламъ другихъ классовъ, кромѣ зажиточной буржуазіи; чтобы удержать господство въ своихъ рукахъ, ей пришлось выдержать рядъ столкновеній съ прежними nobili, или остатками феодальнаго дворянства, пріютившимися въ городскихъ стѣнахъ. Если буржуазія и вышла побѣдительницей изъ этихъ столкновеній, то только потому и тамъ, гдѣ простонародье стало на ея сторону. Своей побѣдой среднее сословіе воспользовалось для широкой проскрипціи дворянской партіи и изданія противъ ея членовъ законовъ, которыми принадлежность къ высшему сословію признавалась „своего рода privillegium odiosum". Примѣръ подали изданные въ Болоньѣ въ 1280 году „Ordinamenti sacrati et sacratissimi", но самое широкое ихъ проведеніе въ жизнь надо видѣть въ знаменитыхъ „Ordinamenti della justicia", изданныхъ во Флоренціи въ 1293 году.

Все это движеніе совпало съ новыми попытками германскихъ императоровъ возстановить свою власть въ Италіи; этому должны были служить предпринимаемые ими время отъ времени походы для полученія въ Римѣ императорской короны; папы противились этимъ притязаніямъ императоровъ, вступая въ союзъ съ ведущими одну съ ними политику городами Романіи, Тосканы и нѣкоторыхъ ломбардскихъ, не перешедшихъ на сторону императора. При такихъ условіяхъ не удивительно, если борьба различныхъ классовъ городского населенія изъ-за политическаго верховенства окрашивалась не разъ въ борьбу имперіи и ея сторонниковъ съ папствомъ, или такъ называемыхъ гибеллиновъ съ гвельфами. Понятно также, что первый теоретикъ основъ народнаго самодержавія, какъ онѣ примѣнены были на практикѣ итальянскими муниципіями XIII вѣка, вышелъ изъ рядовъ публицистовъ, озабоченныхъ теоретическимъ обоснованіемъ правъ германскихъ правителей на императорскую корону. Папамъ, стремившимся къ проведенію въ жизнь ученія о главенствѣ духовнаго меча надъ свѣтскимъ и зависимости императора отъ папы, Марсилій Падуанскій отвѣтилъ напоминаніемъ о римской Lex Regia, въ силу ко-

торой отъ одного самодержавнаго народа зависитъ надѣленіе императорской короной. Проводя это ученіе, авторъ „Защитника мира“ (Defensor pacis) занялся и вопросомъ о дѣйствительныхъ условіяхъ и характерѣ народнаго самодержавія, воскрешая такимъ образомъ давно забытыя ученія греческихъ мыслителей. Разборомъ этого замѣчательнаго для своего времени сочиненія мы и займемся въ настоящее время.

Марсилій Падуанскій ошибочно признаваемъ былъ нѣкоторыми его біографами за францисканца; его первоначальная карьера была ученаго характера, и въ 1312 году мы встрѣчаемъ его ректоромъ парижскаго университета. Изъ самаго содержанія его сочиненія видно, что онъ занимался юриспруденціей и пріобрѣлъ значительную начитанность въ римскомъ правѣ. Затѣмъ мы находимъ его въ обществѣ императора Людовика Баварскаго, объявленнаго папою Іоанномъ XXII врагомъ міра. Еще раньше этого закончено было сочиненіе Марсилія, навлекшее на него громы римскаго двора, для котораго онъ съ этого времени слыветъ подъ прозвищемъ „мужа лицемѣрнаго изъ семьи Майнардино изъ Падуи“ (perfidus homo Massilius de Maynardino de Padua), — единственное точное указаніе на его родину и фамильное прозвище. Изъ Парижа, который ему пришлось оставить, чтобъ избѣжать личныхъ преслѣдованій, Марсилій отправляется въ Мюнхенъ, ко двору Людовика, и съ этого времени раздѣляетъ его судьбы. Въ его свитѣ онъ предпринимаетъ походъ въ Италію и заодно съ нимъ подвергается отлученію отъ церкви папою въ 1327 году. Въ Римѣ онъ назначенъ церковнымъ викаріемъ Вѣчнаго города и присутствуетъ при провозглашеніи Людовика императоромъ въ храмѣ Святого Петра. Тѣснимый королемъ неаполитанскимъ Робертомъ, овладѣвшимъ Остіей и Ананьей, Людовикъ Баварскій 13-го августа 1328 года пр... нужденъ покинуть Римъ; съ нимъ удаляется, повидимому, Марсилій Падуанскій, о которомъ мы болѣе ничего не сл... шимъ. Вотъ все, что удалось собрать о жизни автора „Defens

pacis“ его новѣйшему біографу, профессору Лабанка [1]). Изъ этихъ данныхъ во всякомъ случаѣ видно, что сочиненіе Марсилія не было случайнымъ памфлетомъ, написаннымъ въ защиту императорскихъ притязаній, и что одна общность взглядовъ и папскія преслѣдованія заставили автора „Defensor pacis“ уже по написаніи его трактата искать пріюта у императора. Походъ Людовика Баварскаго вызвалъ преувеличенныя надежды во всѣхъ противникахъ гвельфской партіи и отразился въ области политической мысли изданіемъ сочиненія Оккама, являющагося такимъ образомъ братомъ по оружію нашего писателя и какъ нельзя лучше оттѣняющаго то, что у послѣдняго есть дѣйствительно оригинальнаго. Тогда какъ Оккамъ еще вполнѣ вращается въ сферѣ облюбованныхъ схоластиками пріемовъ аргументаціи и довольствуется пораженіемъ своихъ противниковъ текстами Священнаго Писанія, чѣмъ онъ мало отличается отъ другихъ, болѣе раннихъ, поборниковъ теоріи двухъ мечей и независимости свѣтской власти отъ духовной, Марсилій Падуанскій подымаетъ впервые со временъ древности вопросъ о дѣйствительномъ источникѣ самодержавія, который, по его мнѣнію, лежитъ всецѣло въ народѣ [2]). Для Марсилія никто другой, какъ народъ, является верховнымъ законодателемъ, humanus legislator. Этотъ народъ— источникъ всякаго верховенства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго. Независимой отъ него церковной власти по праву не можетъ существовать; но въ какой, спрашивается, формѣ призванъ народъ осуществлять полноту принадлежащей ему власти? Въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой итальянскихъ городскихъ республикъ Марсилій Падуанскій отвѣчаетъ, что совокупность гражданъ, или ихъ лучшая часть, представляетъ

---

[1]) Marsilio da Padova, riformatore politico e religioso del secolo XII, udiato da Baldassare Labanca. Падуя, 1882 г.

[2]) Pertinet, говоритъ онъ, igitur ad universitatem civium, aut eius valenorem partem tantummodo legum lationis seu institutionis auctoritas. Dictio cap. XV.

собою весь народъ [1]). Лабанка не прочь приписать Марсилію болѣе широкое пониманіе характера государства, чѣмъ то, какое, по образцу древнихъ, раздѣляли его современники. Онъ будто бы считалъ государство отличнымъ отъ города и включающимъ въ себя нѣсколько сельскихъ округовъ и муниципій. Въ доказательство Лабанка приводитъ слѣдующее опредѣленіе Марсиліемъ королевства: терминъ этотъ, по его словамъ, можетъ быть употребляемъ въ двоякомъ смыслѣ: для обозначенія особой формы умѣреннаго правительства, упоминаемой еще Аристотелемъ (monarchia temperata), и для выраженія понятія многихъ городовъ и провинцій, подчиненныхъ одному и тому же правительству [2]). Тотъ же Марсилій, впервые послѣ писателей древности, указываетъ на происхожденіе государства изъ соединенія ряда семействъ для общаго блага и съ общаго согласія. Онъ не прочь также употреблять для обозначенія государства терминъ „гражданской общины“ (communitas civilis). Еще въ одномъ отношеніи Марсилій Падуанскій сходится съ теоретиками государственнаго права въ новое время: онъ различаетъ двѣ власти, законодательную и исполнительную, и признаетъ зависимость послѣдней отъ первой въ томъ смыслѣ, что законодательная власть опредѣляетъ границы исполнительной; но на этотъ разъ онъ не удаляется отъ практики итальянскихъ муниципій, а только даетъ ей теоретическое выраженіе. Вѣдь мы видѣли, что совѣтъ, составленный изъ „наиболѣе доблестной части гражданъ (valentior pars civium), сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ законодательную власть, выборъ подесты и народнаго капитана. Совѣту принадлежало опредѣленіе границъ ихъ правомочій. Совершенно согласно съ этимъ Марсилій Падуанскій признаетъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только въ силу того

---

[1]) Est civium universitas, aut eius pars valentior, quae totam universitatem repraesentat, Dictio I, cap. XIII.

[2]) Regnum, in una sua significatione, importet pluralitatem civitatum seu provinciarum sub uno regimine contentarum, Dictio I, cap. II.

авторитета, которымъ она надѣлена законодателемъ; при этомъ она должна придерживаться тѣхъ порядковъ, какіе предписаны ей послѣднимъ,—другими словами, она дѣйствуетъ согласно закону и въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ [1]).

Какъ впослѣдствіи для всѣхъ сторонниковъ народовластія, въ томъ числѣ и для Руссо, и въ полномъ соотвѣтствіи съ практикой итальянскихъ республикъ, Марсилій Падуанскій признаетъ законодательную власть за народомъ [2]). Мы встрѣчаемъ у него въ пользу такого рѣшенія тѣ самыя соображенія, какія повторены будутъ затѣмъ всѣми сторонниками демократіи и которыя не чужды были уже писателямъ древности. Охотнѣе исполняется любымъ гражданиномъ тотъ законъ, который установленъ имъ же самимъ [3]). Но на практикѣ эта законодательная власть принадлежитъ, какъ и въ итальянскихъ республикахъ, не всему народу, а совѣту, избранному на вѣчѣ, на такъ называемой concione, arringha или parlamentum. Это самое и говоритъ Марсилій, объявляя, что законодателемъ должна быть доблестнѣйшая часть народа, указанная его выборомъ на вѣчѣ [4]). Это присвоеніе законодательныхъ функцій не всему гражданству, а лучшей его части не мѣшаетъ Марсилію признавать народъ „человѣческимъ законодателемъ“ (humanus legislator), „такъ какъ,—говоритъ онъ,—имъ выбираются лучшіе граждане, получающіе полномочіе издавать законы; имъ предписывается и рѣшается то, что должно быть сдѣлано въ области гражданской жизни [5]). Если

[1]) Hanc (partem) autem primam dicimus legislatorem, secundariam vero quasi instrumentalem seu executivam dicimus, principantem per auctoritatem a legislatore sibi concessam, secundum formam sibi traditam ab eodem, legem videlicet, secundum quam semper agere ac disponere debet. Dictio I, cap. XV.

[2]) Ipsius igitur est auctoritas lationis legum. Dictio I, cap. XII.

[3]) Lex illa melius observatur a quocunque civium, quam sibi quilibet imposuisse videtur. Dictio I, cap. XII.

[4]) Populi valentior pars per suam electionem, seu voluntatem in generali civium congregatione per sermonem expressa. Dictio I, cap. XII.

[5]) Populum . . . . praecipientem seu determinantem aliquid fieri vel omitti circa civiles actus humanos. Dictio I, cap. X, XI, XII.

народъ не можетъ самъ издавать наисовершеннѣйшіе законы, то онъ какъ нельзя лучше можетъ судить о томъ, какіе законы ему вредны и какіе полезны, что — право, а что — не право“ [1]). Что касается до исполнительной власти, то Марсилій, опять-таки въ полномъ соотвѣтствіи съ итальянской практикой, желаетъ предоставить ее избираемымъ, а не наслѣдственнымъ органамъ. Тогда какъ Аристотель отличаетъ тиранію отъ монархіи тѣмъ, что въ первой правитель служитъ собственному интересу, а во второй—благу подданныхъ, Марсилій Падуанскій, имѣя въ виду современные ему порядки итальянскихъ городовъ, въ которыхъ одни захватывали власть силой, а другіе получали ее отъ народа, различаетъ два вида княженія, или принципата: тотъ, который осуществляется съ согласія подданныхъ, и тотъ, который возникъ помимо ихъ желанія [2]). Избраніе признается лучшимъ способомъ установленія принципата. Но и помимо верховнаго правителя, всѣ прочіе чиновники должны быть также избираемы (опять-таки согласно съ державшейся въ Италіи практикой), за исключеніемъ того случая, когда самъ народъ предоставилъ князю назначеніе властей, и послѣдній, осуществляя эту функцію, не злоупотребляетъ даннымъ ему авторитетомъ. Государство, въ которомъ преобладаетъ избраніе надъ наслѣдственностью, Марсилій Падуанскій признаетъ демократіею; то же, въ которомъ толпа поставила себѣ князя (multitudo statuit principatum), что, какъ мы увидимъ, становилось въ XIV вѣкѣ общераспространенной практикой въ Италіи, не можетъ считаться демократіей и носитъ у него особое названіе — politia. Это названіе, очевидно, заимствовано у Аристотеля и прилагается послѣднимъ къ смѣшаннымъ формамъ правленія. Марсилій настолько является сторонникомъ избранія, что желалъ бы примѣнить его и въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ остановилъ свой выборъ на комъ-нибудь пожизненно; по его смерти

---

[1]) Dictio, I, cap. XII.

[2]) Omnis principatus vel est voluntariis subditis, vel involuntariis.

власть не должна переходить къ наслѣдникамъ, а къ тому, на кого укажутъ новые выборы. Народъ не выпускаетъ вполнѣ власти изъ своихъ рукъ и при пожизненномъ правленіи избраннаго имъ князя; онъ въ правѣ его исправлять и даже низлагать при случаѣ[1]). Во всемъ этомъ Марсилій Падуанскій не разрываетъ связи съ порядками, державшимися въ его время въ большинствѣ итальянскихъ республикъ, уже перешедшихъ къ пожизненному принципату, и прежде всего въ Венеціи, гдѣ право исправленія даже признано было за совѣтомъ десяти. Примѣръ дожа Морино Фаліеро, казненнаго, какъ значится, за преступленія, т.-е. въ дѣйствительности за подготовляемую имъ перемѣну государственнаго строя, четверть вѣка спустя послѣ изданія „Dfensor pacis", служитъ лучшимъ подтвержденіемъ осуществимости превозносимыхъ Марсиліемъ порядковъ.

§ 3. Если въ ряду политическихъ писателей Италіи XIV вѣка Марсилій Падуанскій стоитъ совершенно особнякомъ, то нельзя, однако, сказать, что стремленіе возстановить народное самодержавіе въ формѣ передачи власти въ руки избранника и лучшей части гражданъ (valentior pars civium) было чуждо руководителямъ общественно-политическихъ движеній. Въ Вѣчномъ городѣ, въ которомъ императорскій викарій и проживающій въ Авиньонѣ папа, обыкновенно возводимый въ званіе римскаго сенатора, сосредоточивали въ своихъ рукахъ какъ свѣтское, такъ и духовное верховенство, мысль о возстановленіи республиканскихъ порядковъ волновала умы всѣхъ тѣхъ, кто на сочиненіяхъ древнихъ писателей и на созерцаніи уцѣлѣвшихъ развалинъ славнаго прошлаго сумѣлъ воспитать въ себѣ, вмѣстѣ съ ненавистью къ принесенному чужеземцами феодальному безправію, привязанность къ началамъ народоправства. Говоря это, я имѣю въ частности въ виду ту попытку возстановить народное са-

[1]) ... principis quoque correctionem, quamlibet etiam depositionem, si expediens fuerit. Dictio I, cap. XV.

модержавіе и опирающійся на избраніе принципатъ, какая въ 1342 году связана съ именемъ Коло ди-Ріенцо; она встрѣтила восторженное признаніе со стороны наибольшаго ревнителя классической древности и потому самому ближайшаго предшественника Возрожденія — поэта лавреата Петрарки.

Чтобы понять значеніе, какое имѣло это въ концѣ-концовъ не увѣнчавшееся успѣхомъ движеніе, надо принять во вниманіе, что изъ всѣхъ городовъ Италіи ни одинъ въ большей степени не являлся жертвою дворянскаго насилія и произвола какъ Вѣчный городъ. Тогда какъ Болонья, и по ея образцу Флоренція и Пистоя, изданіемъ законовъ, спеціально направленныхъ противъ такъ называемыхъ grandi, сумѣли сохранить власть за среднимъ сословіемъ, Римъ, одинаково покинутый и папою и императоромъ, попалъ въ руки владѣльцевъ сосѣднихъ замковъ, занявшихъ въ немъ цѣлые кварталы. Колонна, владѣльцы Палестрины, укрѣпились на мѣстѣ стариннаго Форума Траяна, Орсини, феодальные сеньоры цѣлаго ряда селеній въ окрестностяхъ Тиволи и Марино, обратили въ цитадель бывшую могилу императора Адріана, нынѣ замокъ Святого Ангела, и бывшій театръ Марцелла. Въ Колизеѣ, также въ интересахъ обороны, гнѣздились Франжипани и Анибальдески, Савелли же, владѣльцы Кастель-Гандольфо и Альбано, занимали Авентинскую гору, а Гаэтане, сеньоры Гаэты, отрѣзывали Риму дорогу въ Неаполь. Сосѣдніе города, въ числѣ ихъ Витербо, находились въ рукахъ семейства Вико, захватившаго въ свои руки власть императорскаго викарія. Всѣ эти магнаты, поддерживаемые многочисленною челядью и состоя нерѣдко въ союзѣ съ разбойниками, позволяли себѣ всякія насилія, дѣлали невозможной хозяйственную эксплоатацію сосѣдней къ Риму Кампаніи и безопасное передвиженіе въ предѣлахъ города не только ночью, но и днемъ [1]. По словамъ посѣтившаго Римъ Петрарки, Вѣчный

[1] Разительную картину безправія и владычества грубой силы въ Римѣ въ срединѣ XIV вѣка представилъ Грегоровіусъ въ своей „Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter".

городъ являлся логовищемъ дьяволовъ, ареной всѣхъ преступленій, адомъ для живущихъ. Въ его окрестностяхъ пастухъ сторожитъ стада съ пикою въ рукахъ, опасаясь воровъ больше, чѣмъ волка. Земледѣлецъ носитъ кольчугу, никто не обходится безъ оружія, не существуетъ ни безопасности, ни мира, ни человѣколюбія; всюду царятъ война и ненависть. И вотъ противъ этого порядка вещей, въ надеждѣ водворить царство свободы и справедливости, подымается выходецъ изъ народа, сынъ трактирщика Лаврентія, быть-можетъ кое-чему научившійся у пустынниковъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Аппенинъ. Онъ проникнутъ былъ восторгомъ къ древнимъ писателямъ и къ древнему Риму. Въ 1342 году вслѣдъ за послами, отправленными къ папѣ въ Авиньонъ, Коло ди Ріенцо (сокращеніе имени Николай, сынъ Лаврентія) отправляется ко двору папы Климента V съ доносомъ на безправіе и насилія знати и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Риму праздновать юбилей въ 1350 году. По возвращеніи изъ Авиньона, гдѣ онъ временно изгнанъ былъ изъ дворца, за взведенную имъ будто бы клевету на римскихъ дворянъ, Коло добивается у папы назначенія его нотаріусомъ городской камеры. Онъ пользуется этимъ виднымъ въ то время положеніемъ, чтобы снискать себѣ симпатіи согражданъ. Притворяясь выжившимъ изъ ума энтузіастомъ, онъ прибѣгаетъ къ содѣйствію аллегорическихъ изображеній, снабжаемыхъ имъ надписями, для того чтобы внушить населенію, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ славному прошлому, ненависть къ современнымъ тиранамъ и надежду на скорое наступленіе царства мира и справедливости. Нерѣдко въ символическомъ одѣяніи онъ самъ обращается къ народу съ призывомъ возстановить славные порядки предковъ. Случай къ тому подало однажды открытіе имъ же въ церкви святого Іоанна въ Латеранѣ бронзовой ·ки, на которой можно было прочесть ту lex regia, кото- ѣ сенатъ и народъ возложили на Веспасіана широкія ıномочія императорской власти, впервые предоставленныя

Тиверію. Передъ этой доскою Ріенцо, обращаясь къ присутствующимъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Римъ въ полномъ упадкѣ, но онъ не въ состояніи даже видѣть своего паденія, такъ какъ потерялъ оба глаза—папу и императора. Они бѣжали отъ несправедливыхъ дѣяній его жителей. Смотрите же, какова была нѣкогда власть сената и какъ онъ распоряжался міромъ по своему усмотрѣнію". Сказавъ это, Коло прочелъ текстъ Lex regia. Поговоривъ затѣмъ подробно о могуществѣ и благосостояніи древняго Рима, онъ перешелъ внезапно къ описанію его современныхъ бѣдствій. „Римляне,— воскликнулъ онъ, — вы ни минуты не пользуетесь миромъ; поля ваши остаются безъ обработки, и, хотя юбилейный годъ долженъ наступить вскорѣ, у васъ нѣтъ въ запасѣ ни хлѣба, ни другой провизіи, такъ что паломникамъ, мучимымъ голодомъ, предстоитъ унести съ собою только камни. Умоляю васъ, подумайте о мирѣ; пусть онъ воцарится въ вашей средѣ... Я знаю, что меня ненавидятъ многіе за то, что я говорю и дѣлаю, но, благодаря Богу, развратъ, зависть и азартная игра вскорѣ изведутъ тѣхъ, кто меня преслѣдуетъ". Въ другой разъ въ аллегорической картинѣ, изображавшей женщину, объятую пламенемъ, но спасенную ангеломъ, посылающимъ птичку украсить ее вѣнкомъ, подъ которой Коло разумѣлъ себя самого, вѣнчающаго Римъ, можно было прочесть слѣдующее пророчество: „Вижу наступленіе великой справедливости, а ты, прохожій, надѣйся". Почти наканунѣ затѣяннаго имъ переворота Коло ди-Ріенцо приказалъ выставить на воротахъ церкви святого Георгія въ Велабро слѣдующее заявленіе: „Вскорѣ римляне вернутся къ добрымъ порядкамъ стараго времени". Ближайшимъ поводомъ къ самому движенію было наступленіе голода. Наиболѣе могущественный изъ римскихъ магнатовъ, престарѣлый Стефанъ Колонна отправился въ портъ-Корнето, чтобы овладѣть прибывшимъ туда судномъ съ хлѣбомъ. Его отсутствіемъ воспользовались заговорщики, ранѣе того сходившіеся на Авентинскомъ холмѣ. Заручившись согласіемъ если не папы, то его викарі

епископа Орвіетскаго, безъ малѣйшаго пролитія крови и при явномъ сочувствіи толпы, они овладѣли Капитоліемъ. Здѣсь, не внося на первыхъ порахъ никакихъ перемѣнъ въ конституцію, изданы были Коло слѣдующія предписанія. Всякій убійца, каково бы ни было его званіе, будетъ казненъ смертью. Всѣ тяжбы должны быть рѣшены въ теченіе ближайшихъ 15 дней. Каждый доносчикъ, не доказавшій виновности оговореннаго имъ лица, подвергается той же участи, какая грозила бы послѣднему въ случаѣ признанія за нимъ вины. Каждый изъ кварталовъ Рима долженъ на свой счетъ содержать 25 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ. Въ каждомъ кварталѣ сооружены будутъ запасные магазины и изъ нихъ народъ будетъ получать хлѣбъ въ случаѣ голода. Порты, мосты и цитадели, а также укрѣпленные замки должны быть переданы владѣльцами ихъ — магнатами — въ руки главы народа. Дворянамъ предстоитъ озаботиться безопасностью дорогъ и не оказывать пріюта ни ворамъ ни разбойникамъ. Имъ надлежитъ также принять мѣры къ провіантированію города; виновные же въ неповиновеніи подвергнутся штрафу въ 100 марокъ серебромъ. Когда нѣкоторые изъ магнатовъ попробовали оказать Коло противодѣйствіе, онъ не отступилъ передъ исполненіемъ своихъ угрозъ. Одинъ изъ членовъ семьи Гаэтани, виновный въ рядѣ насилій, схваченъ былъ въ самомъ его дворцѣ и казненъ на площади Капитолія. Та же судьба постигла одного изъ членовъ семьи Аннибальдески. Всѣмъ оказываемо было скорое правосудіе, при чемъ, слѣдуя державшейся еще практики равнаго возмездія, не разъ примѣняемъ былъ ветхозавѣтный приказъ: око за око, зубъ за зубъ. Отъ большинства магнатовъ принята была присяга въ томъ, что они впредь будутъ содѣйствовать водворенію добраго порядка какъ собственными силами, такъ и съ помощью своихъ вассаловъ. Одинъ только владѣлецъ Витербо, Джовани ди-Вико, рѣшился оказать сопротивленіе. Коло послалъ противъ него войско, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ сосѣднихъ городовъ до Перуджіи и Флоренціи включительно.

Владѣлецъ Витербо принужденъ былъ пойти на мировую и пасть на колѣни передъ засѣдавшимъ въ Капитоліи народнымъ избранникомъ, послѣ чего ему возвращены были его права и замки. Самъ Коло довольствовался титуломъ народнаго трибуна, очевидно, въ подражаніе древнимъ римскимъ порядкамъ, и признавалъ равныя съ своими права за папскимъ викаріемъ, епископомъ Орвіетскимъ. Это обстоятельство снискало ему довѣріе Рима, и папа далъ свою санкцію совершившемуся безъ его вѣдома перевороту. Правительство сосредоточилось фактически въ рукахъ Коло, но это не помѣшало ему сохранить существовавшую ранѣе на Капитоліи коллегію „добрыхъ мужей“ (buonomini) и созывать народную сходку, или parlamentum. Не довольствуясь возстановленіемъ народнаго правленія въ Римѣ, Коло мечталъ объ обращеніи его въ центръ федераціи итальянскихъ городовъ и прежде всего ближайшихъ къ нему—Перуджіи, Орвіето, Сіены и Флоренціи, не говоря уже о бургахъ Кампаніи. Съ этою цѣлью онъ пишетъ къ ихъ властямъ длинныя посланія, въ которыхъ оправдываетъ свой образъ дѣйствій, именуя себя трибуномъ свободы, мира и справедливости, а также освободителемъ священной римской республики.

Никто съ большимъ энтузіазмомъ не отнесся къ происшедшему въ Римѣ перевороту, какъ Петрарка, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ украшенный лавровымъ вѣнкомъ въ Капитоліи и надѣленный правами римскаго гражданства. Находясь временно при папскомъ дворѣ въ Авиньонѣ, онъ явился ходатаемъ трибуна передъ Климентомъ V, писалъ ему восторженныя посланія и посвящалъ ему сонеты. „Если бы отъ васъ зависѣлъ выборъ, о римляне,—читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій,—кто изъ васъ не предпочелъ бы умереть скорѣе, чѣмъ жить рабами? Вѣдь вы прежде владычествовали надъ народами; вѣдь вы видѣли стольких царей у своихъ ногъ; и, несмотря на все это, недавно еще вамъ приходилос томиться подъ позорнымъ игомъ тирановъ, тѣмъ болѣе п стыднымъ, что вашими господами были чужеземцы и прох

димцы. Справьтесь объ ихъ происхожденіи, и вы узнаете, что долины Сполето, Рейна и Роны долгое время сохраняли память объ ихъ предкахъ (намекъ на происхожденіи Орсини изъ Сполето и Колонна изъ долины Роны). Бывшіе плѣнники внезапно сдѣлались римскими гражданами и, что еще хуже, тиранами. Римляне, вспомните, что вы народъ свободный и что между вами не должно быть повелителей. Новый трибунъ соединяетъ въ своемъ лицѣ славу обоихъ Брутовъ. Подобно имъ, онъ обратилъ въ бѣгство вашихъ тирановъ". Посланія Петрарки ходили по рукамъ, укрѣпляя въ приверженцахъ Коло вѣру въ упроченье новыхъ порядковъ. „Римъ, колыбель свободы,— отвѣчалъ Петрарки Коло,— предается радости по причинѣ возстановленной независимости. Ее не отнимутъ больше у римлянъ иначе, какъ съ ихъ жизнью. Мы предпочитаемъ подвергнуться всякимъ опасностямъ, чѣмъ подпасть подъ иго магнатовъ". Одновременно въ пѣсни, извѣстной подъ именемъ „Spirito gentil", Петрарка славословилъ Коло, какъ того, кто, съ цѣлью вывести Римъ изъ облѣпившей его грязи, схватилъ его за гриву, какъ того, кому суждено было возстановить могущество Марсова народа и освободить его отъ медвѣдей, волковъ, львовъ, орловъ и змѣй (эмблемы господствовавшихъ въ Римѣ семей феодальнаго дворянства).

Не прошло, однако, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, покинутый папою, тайно натравлявшимъ на него императора Карла IV, тѣснимый римскими магнатами, снова овладѣвшими властью не только въ Кампаніи, но и въ Вѣчномъ городѣ, несмотря на подавленіе въ крови возстанія Коллона, Коло поставленъ былъ въ необходимость искать убѣжища у Орсини въ замкѣ Святого Ангела. Трибунату положенъ былъ конецъ, и если впослѣдствіи мы снова встрѣчаемъ Коло во главѣ Рима, то уже на правахъ поставленнаго папою сенатора и со всѣми ріемами неразборчиваго на средства тирана. Движеніемъ, аправленнымъ къ подавленію феодальной безурядицы и возановленію муниципальной свободы, въ концѣ-концовъ вос-

пользовалась римская курія для возсозданія свѣтскаго владычества папы. Посланный въ Италію легатъ, кардиналъ Эгидій Альборносъ, продолжилъ дѣло Коло, кладя конецъ самовластію дворянъ на протяженіи всей Романіи, возстановляя республиканское устройство ея городовъ, но подъ условіемъ принятія ими назначенныхъ римскою куріей подеста [1]).

ГЛАВА VIII.

Происхожденіе тираніи и ея теорія въ „Князѣ" Маккіавелли.

Съ середины XIII вѣка начинается въ городахъ Италіи вѣковой процессъ замѣны республики единодержавіемъ. Причины его были многообразны, и трудно было бы сказать, какая изъ нихъ должна считаться важнѣйшей. Не имѣя въ виду исчерпать этого вопроса, отмѣтимъ нѣкоторые изъ факторовъ, на нашъ взглядъ имѣвшихъ наибольшее вліяніе на упраздненіе городской автономіи. Укажемъ прежде всего на то, что, заставляя сосѣднихъ къ городу феодальныхъ сеньеровъ переселяться въ его предѣлы и воздвигать въ нихъ дворцы съ башнями, многіе города сами участвовали въ созданіи того класса, изъ котораго должны были выйти упразднители ихъ политической вольности. Не имѣя возможности итти рука объ руку съ своимъ естественнымъ врагомъ—цеховой буржуазіей, тираны стали искать союза съ простонародьемъ, или совершенно не представленнымъ, или слабо представленнымъ въ городскомъ самоуправленіи. Далеко не случайностью объясняется тотъ фактъ, что Пеполи, Гонзага,

---

[1]) О Коло ди-Ріенцо существуетъ цѣлая литература, въ которой не послѣднее мѣсто занимаетъ книга Pappencort'a. Въ представленномъ выше очеркѣ я пользовался ею, какъ и „Исторіей Рима въ средн вѣка" Грегоровіуса.

Малатеста, Каррара, и какимъ бы другимъ именемъ не назывались семьи, поставившія тирановъ Болоньи, Мантуи, Римини и Падуи. были лица дворянскаго происхожденія.

Съ другой стороны тиранія, разумѣется, была подготовлена прежде всего недовольствомъ простого народа правительствомъ, которое въ рукахъ членовъ торговыхъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ нерѣдко отождествляло интересы государства съ интересами крупныхъ фирмъ. Въ виду этого оно вело войны и заключало договоры съ цѣлью обезпечить главнымъ образомъ сбытъ ихъ товарамъ и расширеніе ихъ кредитныхъ операцій. Мало того, къ той же цѣли направлено было и все внутреннее законодательство. Съ помощью тарифа на трудъ стремились удержать заработную плату на прежней высотѣ, заботились также о томъ, чтобы остановить экономическую и политическую эмансипацію чернорабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, запрещая имъ создавать самостоятельныя братства-цехи. Очень наглядно эта тѣсная зависимость народнаго недовольста отъ классоваго характера правительства,—недовольства, поведшаго къ установленію тираніи, выступаетъ во Флорентинской исторіи XIV вѣка. Въ ней такъ называемый popolo minuto, или мелкій людъ, составленный изъ цеховъ, не допущенныхъ къ избранію пріоровъ, или членовъ правящихъ городомъ коллегій, въ томъ числѣ подчиненные суконщикамъ красильщики и валяльщики, встрѣчаютъ заботливость къ своимъ нуждамъ, поддержку своихъ интересовъ и, по крайней мѣрѣ, частичное удовлетвореніе своихъ запросовъ не отъ выборныхъ властей республики, а отъ временно упрочившихся въ ней тирановъ, напримѣръ, отъ того герцога Аѳинскаго, который, уже въ 1343 году, своими пріемами управленія, проникнутыми враждебностью къ олигархіи и доброжелательствомъ къ низшимъ классамъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ предварилъ дѣятельность Медичей,—дѣятельность, направленную къ упроченію тираніи.

Со времени изгнанія его устроеннымъ цеховою знатью народнымъ мятежомъ, въ которомъ простонародье разыграло

обычную роль орудія въ рукахъ классовъ, стремящихся обезпечить себѣ господство, не только не было предпринято ничего для удовлетворенія справедливыхъ требованій массы рабочаго люда на раздѣлъ власти съ буржуазіей, но самый подъемъ этого люда въ 1378 году въ знаменитомъ возстаніи такъ называемыхъ „Чіомпи“ (простонародный терминъ для обозначенія валяльщиковъ и другихъ ремесленниковъ, занятыхъ производствомъ черной работы въ суконномъ промыслѣ) подавлено было въ крови [1]). Правда, когда Михаилу де-Ландо, случайно выбранному предводителю, удалось объединить дѣйствія мятежниковъ и придать опредѣленность ихъ требованіямъ, застигнутая врасплохъ цеховая олигархія поспѣшила подчиниться и восполнить составъ пріоровъ делегатами отъ представленныхъ дотолѣ трехъ цеховъ. Но на слѣдующій уже день между возставшими сказалась рознь; одни довольствовались пріобрѣтеннымъ, другіе требовали дальнѣйшихъ уступокъ, образуя временное правительство въ церкви Santa Maria Novella и отказываясь подчиняться ранѣе выбранному предводителю. Возстаніе кончилось рѣзнею между самими поднявшимися. Михаилъ де-Ландо, на правахъ „знаменосца правосудія“, т.-е. человѣка, поставленнаго во главѣ цеховыхъ милицій, разбилъ на голову сторонниковъ революціоннаго правительства; послѣ этого обѣ стороны оказались слишкомъ слабыми для дальнѣйшаго оспариванія власти у цеховой знати. Въ теченіе всей послѣдней четверти столѣтія, какъ и въ первые годы XV вѣка, главенство во Флоренціи взаимно оспариваютъ другъ у друга двѣ партіи, Albici—вышедшіе изъ рядовъ флорентинскихъ суконщиковъ, и Medici — банкиры.

---

[1]) О роли простонародья, или „popolo minuto“, въ періодъ времени отъ 1343 по 1378 годъ, см. вышедшее въ 1899 г. сочиненіе Niccolo Rodolico: „Il popolo minuto, note di storia fiorentina“. О возстаніи Чіомпи см. Corazini; „I Ciompi, chronache e documenti con la vita di Michele di Lando“ (Флоренція, 1888 г.) и Falletti Fossatti: „Jl tumulto dei Ciompi Флоренція, 1882; наконецъ, новѣйшее сочиненіе Niccolo Rodolico: „I democratia fiorentina nel suo tramonto“ (Болонья, 1905 г.).

Послѣдніе еще во время возстанія Чіомпи и даже нѣсколько ранѣе стремились въ союзѣ съ простонародіемъ добиться не только устраненія отъ дѣлъ и даже изгнанія изъ Флоренціи своихъ противниковъ, но и фактическаго руководительства совѣтами и выборами. Ихъ попытки, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ; при Козьмѣ Старшемъ и его преемникѣ—Лаврентіи Великолѣпномъ, Флоренція, не переставая номинально считаться республикой и сохранивъ свои совѣты и выборы жребіемъ, въ дѣйствительности управляется членами партіи Медичей и становится сеньеріей. При этомъ ея тираны держатся обычной практики безжалостнаго подавленія противниковъ изгнаніемъ и казнями. Они создаютъ себѣ кліентовъ въ народѣ, между прочимъ путемъ дарованія нуждающимся дешеваго кредита и обезпечивая въ государствѣ такое распредѣленіе налоговъ, при которомъ послѣдніе всѣмъ бременемъ своимъ падаютъ на ихъ политическихъ противниковъ.

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ возникновенію тираніи, не слѣдуетъ терять изъ виду вполнѣ понятнаго стремленія отдѣльныхъ городскихъ республикъ къ расширенію своихъ предѣловъ и числа подданныхъ. Оно сказалось съ особенной силой съ того момента, когда, въ борьбѣ съ императорами, папы призвали въ Неаполь правителей изъ Анжуйской династіи и тѣмъ содѣйствовали образованію на югѣ полуострова сильной своимъ единствомъ монархіи. Поставленные въ необходимость отстаивать свою независимость въ борьбѣ съ гвельфами, такіе гибеллинскіе города, какъ Миланъ и Верона, очевидно, должны были задаться мыслью объ округленіи своихъ владѣній путемъ присоединенія къ нимъ силою оружія и трактатами сосѣднихъ городскихъ и сельскихъ округовъ. Но для управленія этими новыми территоріями прежнее цеховое правительство съ его выборными совѣтами и взятыми изъ чужеземцевъ подестою и народнымъ капитаномъ оказывалось несостоятельнымъ. За невозможностью или неумѣніемъ установить федерацію, образецъ которой данъ былъ, однако,

еще въ 1170 году въ эпоху борьбы съ Фридрихомъ Барбароссою, итальянскія республики прибѣгли къ политической и административной централизаціи; онѣ упразднили сперва участіе всякихъ совѣтовъ и городскихъ вѣчъ, а затѣмъ создали на первыхъ порахъ срочный, затѣмъ пожизненный и наконецъ наслѣдственный принципатъ.

Въ сѣверо-западной Италіи, гдѣ феодализмъ не встрѣчалъ того сильнаго противодѣйствія, какое оказывали ему города Ломбардіи и Тосканы, и потому продолжалъ держаться, маркграфамъ Монферата удалось поставить въ ленную зависимость отъ себя цѣлый рядъ городовъ, начиная отъ Александріи и Тортоны, переходя къ Иврeи и оканчивая Верчелли и Комо; къ этимъ городамъ въ 1278 году присоединились и важнѣйшіе города Ломбардіи, избравшіе Гвидо ди-Монтефелтро, маркграфа Монфератскаго, на 5 лѣтъ своимъ военнымъ капитаномъ, т.-е. предводителемъ городскихъ ополченій. Это главенство на войнѣ позволило тому же Гвидо добиться въ Александріи и Альби наслѣдственной, въ Верчелли же пожизненной сеньеріи. Въ 1289 году Павія также признаетъ его своимъ неизмѣннымъ подестою. Но вся эта зачинавшаяся монархія падаетъ со смертью Гвидо и сколько-нибудь прочными сеньеріями оказываются съ конца XIII столѣтія только тѣ, центрами которыхъ являлись, какъ мы сейчасъ увидимъ, Миланъ, Верона, Мантуя, Падуя и Феррара. Во временномъ торжествѣ Гвидо ди-Монтефелтро выступаетъ уже одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ тираніи: недостаточность народныхъ милицій и необходимость обращенія къ наемнымъ войскамъ; она сдѣлается причиной, по которой флорентинцы въ теченіе XIV столѣтія не разъ предоставятъ осуществленіе правъ подесты на многіе годы королю неаполитанскому Роберту и по которой такіе удачные авантюристы, какъ незаконный сынъ папы Александра VI, Цезарь Борджіа, сумѣютъ положить основаніе пожизненной тираніи въ городахъ Романіи; послѣ его смерти эти города составятъ значительнѣйшую часть свѣтскихъ владѣній римскаго двора.

Но и независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ причинъ, въ самыхъ условіяхъ замѣщенія двухъ важнѣйшихъ должностей въ городѣ, подесты и капитана народнаго, вліятельными иноземцами, заключались условія, благопріятныя, какъ мы сейчасъ увидимъ, захвату власти на многіе годы и даже пожизненно и наслѣдственно. Эту сторону вопроса въ послѣднее время освѣтилъ одинъ германскій историкъ, Эрнстъ Зальцеръ, которому я поставлю въ вину только то, что имъ не вполнѣ сознается зависимость, въ какой наступающая долгосрочность и пожизненность упомянутыхъ должностей стоитъ съ перечисленными выше причинами установленія единоначалія,—причинами соціальнаго и политическаго характера. Безъ ихъ воздѣйствія фактъ занятія иностранцемъ важнѣйшихъ должностей въ городѣ едва ли сдѣлался бы источникомъ упроченія единовластія. Съ этой оговоркой нельзя не признать, что г-мъ Зальцеромъ весьма ясно указанъ процессъ, какимъ изъ среды подестъ и народныхъ капитановъ, благодаря продленію срока полномочій, выходятъ первые по времени тираны Ломбардіи, Лигуріи и Тосканы. Опасаясь возможности захвата власти, отдѣльные города Италіи рано включили въ свои статуты мѣры противъ удлиненія срока полномочій подесты. Такъ въ 1224 и 1225 годахъ лица, занимавшія эту должность въ Верчелли и Падуѣ, обязаны были клятвенно обѣщать, что въ ближайшіе годы они не согласятся принять на себя тѣхъ же полномочій и не предоставятъ ихъ ни членамъ своей свиты ни своимъ родственникамъ. Нечего и говорить, что такіе запреты сплошь и рядомъ нарушаемы были на практикѣ. Благодаря этому въ Феррарѣ Салингверра и враждебная ему семья маркграфовъ д' Эсте занимаютъ по годамъ должность главнаго сановника республики, при чемъ д' Эсте удается добиться одновременно назначенія ихъ въ подесты другихъ городовъ, Мантуи и Вероны. Съ 1213 по 1240 годъ Салингверра остается неизмѣннымъ подестою Феррары, но подъ условіемъ удаленія изъ нея соперниковъ, маркграфовъ д' Эсте и ихъ приверженцевъ. Его правительство въ позднѣйшіе годы

признаваемо было образцовымъ, такъ какъ онъ не только освободилъ народъ отъ податей, но еще распредѣлялъ излишки поступленій надъ издержками между простонародьемъ и продавалъ ему въ голодные годы по дешевой цѣнѣ хлѣбъ изъ своихъ запасовъ, побуждая къ тому же и богатѣйшихъ граждан. Одновременно въ Веронѣ, между 1236 и 1259 г., упрочилось единовластіе Эццелино изъ Романа, опять-таки благодаря послѣдовательному занятію въ теченіе ряда лѣтъ должности подесты. Эццелино спѣшитъ поставить въ такую же зависимость отъ себя Виченцу и Падую, управляя ими чрезъ своихъ посланцевъ, или легатовъ; онъ овладѣваетъ въ концѣ-концовъ всей Тревизской маркою и получаетъ отъ императора нѣкоторое освященіе своей узурпаціи въ признаніи его верховнымъ представителемъ имперіи въ Италіи, легатомъ, или викаріемъ. Послѣ смерти Салингверра вернувшіеся въ Феррару д' Эсте занимаютъ въ теченіе ряда лѣтъ должность подесты, послѣ чего, въ 1264 году, наслѣдникъ Азо д' Эсте, Обиццо, провозглашается совѣтомъ и народнымъ вѣчемъ Феррары постояннымъ правителемъ города и округа [1]).

Такимъ же образомъ дворянская семья маркграфовъ Палавичини добилась въ срединѣ XIII столѣтія пожизненнаго отправленія должности подесты въ Кремонѣ, Пьяченцѣ и Павіи, а Гиберти изъ Гентэ — того же въ Пармѣ. Въ Пизѣ въ концѣ XIII вѣка, послѣ пораженія ея ополченій генуэзскими войсками подъ Мелоріей, графъ Уголино де ла-Герардески, извѣстный своимъ трагическимъ концомъ, такъ картинно изображеннымъ Данте, становится въ 1285 году подестою на десять лѣтъ, а четыре года спустя эта должность вмѣстѣ съ должностью народнаго капитана и предводительствомъ надъ войскомъ переходитъ на три года въ руки Гвидо ди-Монтефелтро. Въ Равеннѣ, раздираемой междоусобіями двухъ аристократическихъ семей, Полента и Траверсари, главѣ перваго

[1]) Gubernator et rector et generalis et perpetuus dominus civitatis l rariae et districtus.

дома, Гвидо, открывается возможность изгнать противниковъ, послѣ чего членамъ его семьи съ немногими перерывами удается сосредоточить въ своихъ рукахъ одновременно должности подесты и народнаго капитана, сперва пожизненно, а затѣмъ и наслѣдственно. Рядомъ съ этимъ процессомъ удлиненія срока высшихъ должностей въ республикѣ мы встрѣчаемъ постепенное расширеніе самыхъ правъ подесты. Законодательная власть, какъ мы видѣли, на первыхъ порахъ ни мало не принадлежала ему. При вступленіи на должность онъ даже формально обязывался слѣдовать статутамъ города. Теперь его надѣляютъ кое-гдѣ правомъ наказывать по своему усмотрѣнію всѣхъ уголовныхъ преступниковъ. Это формально высказано въ Падуѣ въ 1266 году, когда въ интересахъ упроченія внутренняго мира подестѣ предоставляютъ власть свободнаго рѣшенія судебныхъ случаевъ („liberi arbitrii potestatem“). Точно такъ же въ Феррарѣ въ 1264 году маркграфъ Обиццо д'Эстэ, какъ постоянный государь, perpetuus dominus, надѣляется правомъ по своему выбору и по всѣмъ дѣламъ постановлять, измѣнять и реформировать (ad suae arbitrium voluntatis in omnibus negociis providere, emendare et reformare). Такимъ образомъ на сеньера переходятъ вмѣстѣ съ военными, судебными и исполнительными функціями подесты также законодательныя права совѣта.

Не меньшую роль въ созданіи сеньеріи играетъ удлиненіе срока полномочій двухъ другихъ сановниковъ республики: народнаго капитана и подесты торговой гильдіи, т.-е. высшаго представителя того совѣта цеховыхъ старшинъ, которому поручено было завѣдываніе коммерческими интересами города-республики. Такъ въ Піаченцѣ въ 1250 году Ubertus de Iniquitate на пять лѣтъ выбирается народнымъ капитаномъ, а три года спустя Гибертъ изъ Гентэ, одновременно капитанъ и подеста торговой гильдіи въ Пармѣ, кладетъ начало сперва [...]ти, затѣмъ десятилѣтнему и наконецъ пожизненному за[...]тію этихъ должностей, къ которому присоединяетъ затѣмъ [...]е званіе подесты. Въ 1257 году генуэзскій дворянинъ Бока

Негри избирается на десять лѣтъ народнымъ капитаномъ; онъ выговариваетъ при этомъ, что въ случаѣ его смерти брату его будетъ принадлежать та же должность. Въ Миланѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ членовъ народной партіи, Наполеонъ Торрэ, въ 1265 году, избирается въ пожизненные капитаны, но когда, въ 1277 г., дворянской партіи удается низвергнуть владычество народной, вернувшіеся въ городъ Висконти, въ лицѣ архіепископа Отто, получаютъ сеньерію надъ городомъ и право назначенія на должности. Съ этого времени Висконти остаются правителями Милана и, чтобы обезпечить наслѣдственное отправленіе сеньеріи членами своего дома, они прибѣгаютъ къ практикѣ назначать еще при жизни на постъ народнаго капитана своихъ наслѣдниковъ. Процессъ возникновенія тираніи въ Миланѣ можетъ считаться завершившимся въ 1317 году, когда Матео Висконти взамѣнъ прежняго титула народнаго капитана, пріобрѣтаетъ характерное прозвище dominus generalis.

Чѣмъ Висконти были для Милана, тѣмъ Скалигеры для Вероны. Въ 1277 году Мастино де ла-Скалла избирается пожизненнымъ капитаномъ; подобно Висконти Скалигеры пріобщаютъ своихъ родственниковъ къ отправленію высшихъ должностей въ городѣ и прежде всего должности главнаго представителя торговой гильдіи. Одновременно съ этимъ расширеніемъ срока полномочій народнаго капитана мы встрѣчаемъ увеличеніе самаго числа его функцій. Капитанъ на первыхъ порахъ дѣйствуетъ не иначе, какъ съ согласія анціановъ, или поставленныхъ цехами старшинъ. Онъ связанъ обязательствомъ точнаго исполненія статутовъ города. Теперь его надѣляютъ тѣмъ самымъ arbitrium generale, т.-е. свободою отъ ихъ примѣненія, которую, какъ мы видѣли, одновременно стали пользоваться и подесты. Уже въ 1277 году Альберто де ла-Скала располагаетъ такой свободою. На него переносится также законодательная власть и распоряженіе финансовыми средствами республики. Народъ признаетъ за нимъ высшую судебную власть въ смыслѣ права упразднять со-

стоявшіеся уже приговоры и замѣнять ихъ своими собственными. Ко всему этому присоединяется начальствованіе надъ войсками, послѣ чего всѣмъ чиновникамъ, не исключая и подесты, приходится приносить присягу управлять городомъ, соблюдая закономѣрное повиновенія его господину (dominus). Весь этотъ процессъ созданія сеньеріи завершается не ранѣе первой половины XIV вѣка установленіемъ наслѣдственности принципата; такъ въ Мантуѣ въ пользу Гонзага уже въ 1308 году. За временнымъ правителемъ признается право самому назначать своего наслѣдника и преемника. Сама наслѣдственность развивается благодаря этой возможности выбирать того, къ кому власть должна перейти въ случаѣ смерти. Въ Миланѣ, Феррарѣ и Мантуи наслѣдственность установляется уже въ началѣ XIV вѣка, но находитъ законодательное признаніе только въ теченіе этого столѣтія. Принципъ же первородства упрочивается не ранѣе конца вѣка, съ момента обращенія императорами феодальныхъ княжествъ, развившихся изъ республикъ, въ принципаты. Въ 1395 году императоръ Венцеславъ признаетъ за Галеаццо Висконти права наслѣдственнаго феодальнаго герцога. Въ 1432 году императоръ Сигизмундъ надѣляетъ Гонзаговъ титуломъ маркграфовъ Мантуи и включаетъ ихъ въ число князей имперіи. Въ 1452 году тѣ же преимущества признаются императоромъ Фридрихомъ III за семьею д'Эстэ, притомъ одинаково въ Феррарѣ, Моденѣ и Реджіо. Перемѣна во власти предполагала необходимо и измѣненіе въ конституціи, не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы сразу упрочены были существующія въ республикахъ должности и совѣты, а въ томъ, что замѣщеніе ихъ перешло прямо или косвенно въ руки сеньеровъ; они освобождены были отъ обязанности сообразовать свое поведеніе какъ со статутами, такъ и съ измѣняющими ихъ постановленіями народныхъ совѣтовъ. Послѣдніе продолжаютъ, однако, созываться, все равно какъ и народное вѣче, но, какъ показываетъ примѣръ Скалигеровъ въ Веронѣ, постановленія тѣсныхъ совѣтовъ прі-

обрѣтаютъ силу уже при Кан-грандѣ, современникѣ и покровители Данте, только съ утвержденія сеньора. Они поступаютъ на разсмотрѣніе большого совѣта, ранѣе заручившись этимъ утвержденіемъ. Что же касается до народнаго вѣча, то оно служитъ, какъ, напримѣръ, въ Феррарѣ, только средствомъ къ обнародованію законовъ. Самый составъ совѣтовъ значительно измѣняется и становится все болѣе и болѣе аристократическимъ. Выборъ нерѣдко замѣняется простымъ назначеніемъ со стороны сеньера; число членовъ падаетъ не разъ съ 200 на 40, напримѣръ, въ Феррарѣ. Въ окончательной выработкѣ юридической доктрины, опредѣляющей права сеньеровъ и обязанности ихъ подданныхъ, не малую роль играютъ знатоки римскаго права, романисты, которыхъ несправедливо было бы обвинять, однако, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, въ явномъ содѣйствіи самому процессу замѣны республикъ сеньеріями. Какъ въ такомъ случаѣ объяснить тотъ фактъ, что въ двухъ главныхъ центрахъ римской юриспруденціи, въ Падуѣ и Болоньѣ, тиранія установилась всего позднѣе? Въ первой—въ 1318 году, въ пользу Каррара, во второй—въ 40 годахъ того же столѣтія, въ пользу Таддео Пеполи.

Но если юристы ни мало не повинны въ самой замѣнѣ республиканской конституціи монархической, они несомнѣнно приняли участіе въ выработкѣ доктрины новаго порядка, распространяя на него ученіе дигестовъ о неограниченности императорской власти. Вотъ почему въ редактированныхъ подъ ихъ вліяніемъ статутахъ можно прочесть буквальное примѣненіе къ дѣйствіямъ сеньеровъ правила: „что нравится князю, то имѣетъ силу закона“ (quod principi placuit legis habet vigorem). Сами они, какъ видно изъ словъ Поссевина о правахъ тирана Мантуи, Гвидо Гонзаго, не прочь были думать, что всякое велѣніе сеньеровъ обязательно для подданныхъ въ виду того, что римскимъ народомъ, въ силу lex regia, всякая власть перенесена была на императора[1]).

---

[1]) Possevino, IV, 333.

Таковъ, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ, ходъ развитія въ Италіи того, что можно назвать народнымъ цезаризмомъ и что современникамъ движенія извѣстно было подъ заимствованными у древнихъ терминами тираніи и принципата. Посмотримъ теперь, какое теоретическое обоснованіе находитъ эта выросшая изъ народа диктатура въ сочиненіи самаго крупнаго изъ политическихъ писателей эпохи Возрожденія—Николо Маккіавелли.

§ 2. Прежде всего нѣсколько словъ о той обстановкѣ, въ которой написанъ былъ „Князь“ Маккіавелли. Республика, временно возстановленная благодаря изгнанію Медичей, снова пала подъ ударами посланнаго испанцами войска при явномъ или скрытомъ содѣйствіи папы Льва X изъ семейства Медичи и его племянниковъ, изъ которыхъ одинъ Лоренцо сдѣлался сеньеромъ Флоренціи. Маккіавелли, бывшій секретарь республики, т.-е. второе лицо, если не по значенію, то по власти, послѣ пожизненнаго гонфалоньера, Пьетро Содерини, былъ схваченъ, посаженъ въ темницу и подвергнутъ пыткѣ. Освобожденный затѣмъ, благодаря посредничеству папы, но не допускаемый новыми правителями Флоренціи къ занятію должностей онъ на своей виллѣ въ Санъ - Касьяно влачитъ близкое къ нуждѣ существованіе, поддерживая въ то же время переписку съ состоящимъ при папскомъ дворѣ другомъ Вентури и постоянно настаивая на томъ, чтобы Медичи во Флоренціи ли, въ Романьѣ, или въ Римѣ доставили ему возможность посвятить свои дарованія дѣятельной политикѣ. Свой досугъ онъ затрачиваетъ на редакцію между прочимъ того сочиненія, которымъ мы намѣрены заняться; въ рукописи онъ посылаетъ его Вентури. Послѣдній въ отвѣтъ шлетъ ему восторженныя похвалы, ставитъ ему вопросы по текущей политикѣ и показываетъ его письма папѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Маккіавелли получаетъ нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, полномочія отъ римскаго двора и заказъ отъ флорентинскихъ правителей, поставленныхъ уже Медичами, написать „исторію Флоренціи“.

„Князь“ выходитъ затѣмъ съ посвященіемъ Лоренцо Медичи, не ранѣе 1532 года, т.-е. на разстояніи 19 лѣтъ со времени его редакціи (такъ какъ пребываніе Маккіавелли въ Санъ-Касьяно восходитъ къ 1513 г., древнѣйшее же изданіе „Il principe“ сдѣлано было въ Римѣ Бладо). Вотъ тѣ факты, на которыхъ, какъ и на тенденціозномъ пониманіи самаго содержанія „Князя“, построена была легенда о республиканцѣ, продавшемся тиранамъ своей родины и научившемъ ихъ способамъ и пріемамъ, способнымъ служить къ укрѣпленію ихъ владычества, подъ условіемъ попранія религіи и нравственности. Еще въ XVI в. кардиналъ Реджинальдъ Поло объявлялъ, что произведеніе Маккіавелли носитъ на себѣ печать дьявола, а Бузини писалъ современнику флорентинскаго секретаря, историку Бенедето Варки: „Всѣ во Флоренціи ненавидятъ Маккіавелли за его „Князя“, такъ какъ богатымъ кажется, что въ немъ онъ учитъ герцога, какъ лишить ихъ состоянія, а бѣднымъ—какъ отнять у нихъ свободу“ — обвиненіе, которое вслѣдъ за тѣмъ повторитъ въ своей „Исторіи Флоренціи“ и самъ Варки. Въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ Спинозы, всѣ писатели о политикѣ и многіе изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, слѣдуя примѣру испанскаго іезуита Рибоденейро, не прочь думать, что Маккіавелли дѣйствительно имѣлъ тѣ намѣренія, какія ему приписывали вышеупомянутые соотечественники [1]). Въ XVIII столѣтіи Руссо предлагаетъ новое толкованіе „Князя“, на нашъ взглядъ не менѣе фантастическое. Если вѣрить ему, Маккіавелли своимъ сочиненіемъ хотѣлъ поучить не правителей, а народы тому, чего они могутъ ждать отъ князя, отрѣшеннаго отъ повиновенія всякимъ законамъ, какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ. „Поступая такимъ образомъ,—пишетъ Руссо,—Маккіавелли оставался тѣмъ республиканцемъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своихъ „Раз-

---

[1]) Такую точку зрѣнія раздѣлялъ между прочимъ и Фридрихъ В ликій. См. его „L'antimacchiavel“.

сужденіяхъ на Тита Ливія“ и въ своей „Флорентинской исторіи“.

Мы думаемъ, заодно съ новѣйшими истолкователями, что Маккіавелли не ставилъ себѣ ни той ни другой задачи. Написавъ предварительно[1]) трактатъ объ условіяхъ, при которыхъ возможно удержаніе политической свободы и республиканскаго устройства, и положивъ въ основаніе его исторію Рима и опытъ итальянскихъ республикъ, онъ пожелалъ вслѣдъ за тѣмъ, опять-таки на основаніи фактовъ исторіи и современной ему дѣйствительности, показать, какъ возникаетъ и упрочивается единовластіе. Какъ римская исторія, такъ и практика итальянскихъ тираній, не могла не представить ему ряда примѣровъ удачныхъ жестокостей, увѣнчавшагося успѣхомъ вѣроломства, принесшаго свою пользу лицемѣрія. Маккіавелли имѣлъ въ виду не воображаемаго князя, а дѣйствительнаго. Онъ не хотѣлъ слѣдовать примѣру тѣхъ, кто рисуетъ себѣ республики и монархіи, никогда не существовавшія и невѣдомыя, а имѣлъ въ виду князя въ данныхъ условіяхъ Италіи и Европы, въ которыхъ „человѣкъ, желающій во всемъ оставаться добрымъ среди злыхъ, необходимо готовитъ себѣ гибель“. Немудрено поэтому, если въ своемъ сочиненіи, отвлекаясь отъ всякихъ соображеній, религіозныхъ и нравственныхъ, Маккіавелли поставилъ себѣ задачу— указать тѣ пути, какими въ современныхъ условіяхъ Италіи и Европы новому правителю возможно упрочить свое владычество. Онъ хотѣлъ также опредѣлить тѣ психологическія черты, какія должны быть присущи такому правителю для удачнаго исполненія этой задачи, а это заставило его поучать захва-

---

[1]) Въ „Князѣ“ мы находимъ слѣдующую фразу: „Я не буду говорить о республикахъ, такъ какъ ранѣе говорилъ о нихъ подробно“ (гл. II). На основаніи этого мѣста современные итальянскіе интерпретаторы Маккіавелли, въ томъ числѣ Морденти, справедливо указываютъ на то, что „Князь“ былъ написанъ послѣ „Разсужденій на декады Тита Ливія“. (См. Mordenti: Diario di Nicolo Macchiavelli“, стран. 9 и 380).

тившихъ власть честолюбцевъ „не быть добрыми, а являться тѣмъ или другимъ, т.-е. добрымъ или злымъ, согласно необходимости“ (глава XV). Очевидно, что избіеніе зазванныхъ въ ловушку противниковъ не можетъ считаться дѣломъ нравственнымъ. Но когда этими противниками являются ведущіе открытый разбой римскіе магнаты въ родѣ Орсини и Колонна, благодаря которымъ, какъ мы видѣли, крестьянинъ не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, а прохожій не рѣшался выйти невооруженнымъ на большую дорогу, когда тайными или явными врагами бывали не разъ нарушавшіе свое слово авантюристы, предводители наемныхъ войскъ, переходившіе сплошь и рядомъ съ одной стороны на другую или дравшіеся только для вида, то едва ли покажется страннымъ совѣтъ—не моралиста конечно, а политика,— ставить спокойствіе родины, внутренній миръ, согласіе и возможность защитить Италію отъ внѣшнихъ враговъ выше соображеній гуманности и добросердечія. Если вникнуть внимательно въ тѣ совѣты, которые Маккіавелли даетъ новому правителю, если взять ихъ въ цѣломъ и отрѣшиться отъ того тягостнаго впечатлѣнія, какое производитъ на насъ цинизмъ его языка, не отступающій отъ такихъ, напримѣръ, выраженій, какъ „упразднить“ (не учрежденія только, а и людей), „нарушить данное слово“, „предпочитать въ извѣстныхъ случаяхъ славѣ добраго репутацію злого“ и т. д., то нельзя будетъ не признать, что въ данныхъ условіяхъ республиканецъ, любящій свою родину, демократъ, желающій сохранить за народомъ возможно большее участіе въ дѣлахъ, наконецъ, патріотъ, дорожащій больше всего независимостью Италіи отъ иноземцевъ, не могъ преподать болѣе мудрыхъ совѣтовъ людямъ, опрокинувшимъ безповоротно, какъ онъ думалъ, систему народоправства и уже успѣвшимъ выместить свою злобу на противникахъ ссылками и заточеніями, одной изъ жертвъ которыхъ, какъ мы видѣли, былъ самъ Маккіавелли. Въ самомъ дѣлѣ, че[illegible] учитъ онъ новыхъ сеньеровъ Флоренціи?—Необходимо[illegible] оставить возможно больше вліянія въ дѣлахъ за народомъ, [illegible]

держиваться отъ измѣненій въ законахъ и учрежденіяхъ, не править исключительно со своими приверженцами, избѣгать сосредоточенія всей власти въ рукахъ оптиматовъ, сторониться льстецовъ, не сорить народными деньгами, не дѣлать посягательствъ на частную собственность, не оскорблять чести женъ и дочерей, не бояться врученія оружія подданнымъ и оказывать предпочтеніе гражданской милиціи и народному войску надъ войсками наемными или полученными отъ союзниковъ, умѣло выбирать своихъ совѣтниковъ и давать имъ полную свободу судить и рядить о дѣлахъ государства. Однимъ словомъ, Маккіавелли даетъ князьямъ совѣтъ править народомъ при его участіи согласно съ закономъ и справедливостью и съ постоянной заботой о сохраненіи внутренняго мира и внѣшней безопасности.

Такимъ образомъ нѣтъ въ дѣйствительности основанія приписывать Маккіавелли какіе-либо тайные замыслы противъ или въ пользу свободы, что не исключаетъ, разумѣется, предположенія, что заявленіемъ о невозможности удовлетворить всѣмъ требованіямъ собственныхъ приверженцевъ и о необходимости ввѣриться опытнымъ въ дѣлахъ совѣтникамъ,—онъ не прочь былъ намекнуть на свою готовность попасть въ тѣ министры, удачный выборъ которыхъ, какъ онъ говоритъ, самъ уже служитъ лучшей рекомендаціей для правителя.

Мы старались показать, что сочиненіе Маккіавелли не можетъ считаться книгою деспотовъ и что оно въ то же время нимало не имѣетъ въ виду побудить народъ къ возстанію самымъ изображеніемъ тѣхъ бѣдствій, какими грозитъ ему потеря свободы. Маккіавелли возвращается въ этой книгѣ, какъ и въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ, къ тому самому пріему историческаго анализа, какого придерживался Аристотель. Не подражая ему прямо, онъ во многомъ приближается въ своемъ „Князѣ“ къ тѣмъ главамъ „Политики“, которыя посвящены изображенію пріемовъ, всего лучше ведущихъ къ упроченію тираніи. Съ этой стороны его сочиненіе столь же интересно для характеристики тѣхъ путей, какими республики

Италіи замѣнены были единоначаліями, какъ безцѣнны главы „Политики“ для изученія порядковъ вырожденія греческихъ республикъ. Въ этомъ смыслѣ „Князь“, дополняя „Разсужденія“ того же Маккіавелли на Тита Ливія, даетъ нашему автору право считаться не только величайшимъ политическимъ мыслителемъ своего времени, сумѣвшимъ выяснить условія устойчивости и паденія тѣхъ двухъ порядковъ государственнаго устройства, какіе представляла Италія XVI вѣка, но и дѣйствительнымъ возстановителемъ политики, какъ науки. За исключеніемъ, быть-можетъ, Марсилія Падуанскаго, да еще Бартоло изъ Сассаферато, впервые отмѣтившаго фактъ упроченія олигархій въ итальянскихъ республикахъ первой половины XIV вѣка и притомъ столько же во Флоренціи, сколько и въ Венеціи [1]), никто изъ предшествовавшихъ ему политическихъ писателей не счелъ нужнымъ обосновать свои теоріи на историческомъ опытѣ и наблюденіи надъ дѣйствительностью. Начиная отъ блаженнаго Августина и переходя къ Ѳомѣ Аквинату, Эгидію Колонна, къ автору „Монархіи“, которымъ легко могъ быть и не Данте, наконецъ къ современнику и соратнику Марсилія, Оккаму, никто изъ писателей о политикѣ не выходилъ изъ обычной колеи,—толкованія текстовъ Священнаго Писанія со всѣмъ аппаратомъ схоластическихъ тонкостей и пріемовъ діалектики. Разсужденія писались то для утвержденія, то для отрицанія факта главенства папы надъ императоромъ, да еще съ цѣлью восполнить, или, точнѣе, исказить, политическую доктрину Аристотеля ссылками на отцовъ церкви, очевидно, всего менѣе призванныхъ имѣть сужденіе въ вопросахъ иного царства, кромѣ небеснаго. Маккіавелли впервые открывается цѣлая плеяда

---

[1]) Gaetano Salvemini: „Studii strorict“, Флоренція, 1901, стр. 137—168. Трактатъ Бартоло изъ Сассаферато озаглавленъ: „De regimine civitatis“. Самъ Бартоло, жившій между 1314 и 1357 г., составилъ, повидимом свой трактатъ въ концѣ своей жизни. Характерно въ его сочинег упоминаніе о томъ, что Венеція и Флоренція управляются, какъ о говоритъ, немногими богатыми (regentur per paucos divites).

публицистовъ, ставящихъ себѣ задачей теоретизированіе фактовъ дѣйствительности или недавняго прошлаго. Гвичардини, Джанотти, Парутта, позднѣе Ботеро, образуютъ, вмѣстѣ съ флорентинскимъ секретаремъ, циклъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ политика является той основанной на историческомъ опытѣ положительной наукой, какой въ XVIII вѣкѣ она предстанетъ предъ нами въ „Духѣ законовъ“ Монтескьё, а въ XIX—въ сочиненіяхъ Токвиля, Мэна, Брайса, Дайси и другихъ. Указавши такимъ образомъ на значеніе „Князя“ въ исторіи политики, какъ науки, познакомимся на основаніи его съ нѣкоторыми изъ тѣхъ пріемовъ, какими въ Италіи конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени упрочивалось единовластіе. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи та глава, въ которой Маккіавелли говоритъ о Цезарѣ Борджіа, дѣятельность котораго ему близко была знакома, какъ бывшему легату въ Романіи. Никому лучше его не могло быть извѣстно, и какъ Борджіа умѣлъ скрывать до поры до времени свою обиду и жажду мести, и какъ, руководствуясь одними соображеніями личной выгоды, онъ переходилъ отъ союза съ флорентинцами къ союзу съ ихъ противниками, не боясь при этомъ упрека въ вѣроломствѣ. Донесенія Маккіавелли флорентинскому правительству во время его миссіи въ Романію являются лучшимъ комментаріемъ къ той единственной въ своемъ родѣ главѣ, въ которой онъ ставитъ поведеніе знаменитаго тирана Романіи въ образецъ всѣмъ честолюбцамъ, добивающимся установленія единовластія [1]). Не находя возможнымъ пускаться въ подробности насчетъ тѣхъ источниковъ, на которыхъ опираются сообщенія Маккіавелли о дѣйствіяхъ Цезаря Борджіа, довольствуясь поэтому однимъ общимъ его заявленіемъ, что многихъ изъ нихъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, мы сдѣлаемъ въ настоящее время довольно длинную выдержку изъ VIII главы „Князя“, съ цѣлью

[1]) Такъ, впрочемъ, и поняли дѣло нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, въ томъ числѣ Гейденгеймеръ.

показать не только пріемы, какимъ слѣдовали первые основатели единовластія въ Италіи, но и ту оцѣнку, какую эти пріемы находили въ средѣ современныхъ имъ политиковъ. „Я не могъ бы,—пишетъ Маккіавелли,—дать новому правителю лучшихъ примѣровъ для подражанія, какъ тѣ, какіе представляютъ дѣянія Борджіа Его отцу, папѣ Александру VI, не мало стоило труда сдѣлать его могущественнымъ правителемъ. Во-первыхъ, нельзя было доставить ему сеньеріи иначе, какъ въ предѣлахъ папскихъ владѣній, но на это не дали бы своего согласія ни герцогъ миланскій ни венеціанскій дожъ. Тѣ войска, которыми можно было воспользоваться для этого, находились въ распоряженіи людей, не желавшихъ увеличенія папскаго могущества, а именно въ рукахъ Орсини и Колонна. Необходимо было поэтому измѣнить существующіе порядки и внести смуту во владѣнія тѣхъ, у кого желали отнять часть достоянія. Эта задача оказалась не трудной, потому что венеціанцы, побуждаемые другими причинами, рѣшились призвать снова французовъ въ Италію. Едва послѣдніе оказались въ Миланѣ, какъ папа испросилъ у Людовика XII войско для задуманныхъ имъ предпріятій. Съ помощью этого войска Цезарю Борджіа удалось овладѣть Романіей и разбить приверженцевъ Колонна; но удержанію завоеванныхъ земель и дальнѣйшему расширенію владычества препятствовали два обстоятельства: невозможность положиться на ту военную силу, какую представляли исконные противники Колонна—Орсини, и противодѣйствіе Франціи. Борджіа имѣлъ основаніе бояться, что и Орсини и король французскій не только не помогутъ ему въ дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, но еще отымутъ у него то, что уже было въ его рукахъ. Вотъ почему герцогъ рѣшилъ не зависѣть болѣе отъ чужого оружія и счастья. Для этого онъ прежде всего постарался ослабить вліяніе Орсини и Колонна въ Римѣ. Важнѣйшихъ изъ ихъ приверженцевъ онъ привлекъ поэтому на свою сторону, сдѣлавши ихъ членами своей свиты и надѣливъ ихъ хорошимъ жалованіемъ; онъ удостоилъ каждаго, согласно е

личнымъ качествамъ, то мѣста губернатора, то должности военачальника. Благодаря этому въ нѣсколько мѣсяцевъ исчезла въ нихъ привязанность къ прежнимъ господамъ; она перенесена было на герцога. Послѣ этого онъ сталъ выжидать случая упразднить Орсини. Домъ Колонна онъ уже раньше ниспровергъ. Случай представился хорошій, а онъ воспользовался имъ какъ нельзя лучше. Орсини замѣтили, но поздно, что величіе герцога и римской куріи грозитъ имъ гибелью. Они укрѣпились въ Мадронѣ, въ предѣлахъ округа, принадлежащаго Перуджіи. Это дало поводъ къ возстанію въ Урбино, къ мятежамъ въ Романіи и создало для герцога нескончаемыя опасности; всѣ эти опасности онъ превозмогъ съ помощью французовъ. Возстановивши такимъ образомъ свое вліяніе и не полагаясь болѣе ни на Францію ни на другія иноземныя силы, онъ прибѣгъ къ обманамъ и такъ сумѣлъ скрыть свои намѣренія, что Орсини примирились съ нимъ; ихъ недомысліе, питаемое полученными отъ герцога подарками, привело ихъ въ Синигалію, прямо въ его руки. Упраздняя этихъ предводителей и обративъ ихъ приверженцевъ въ своихъ собственныхъ, герцогъ положилъ прочныя основы для своей власти. Ему казалось, что онъ внушилъ Романіи дружественныя къ себѣ чувства и завоевалъ себѣ симпатіи всѣхъ ея народовъ, которые впервые начали пользоваться имуществомъ, какъ собственнымъ достояніемъ.

Нашедши эту страну въ рукахъ безпомощныхъ повелителей, которые, вмѣсто того, чтобы исправлять своихъ подданныхъ, только грабили ихъ и сѣяли между ними раздоры, отчего вся провинція полна была убійствъ, заговоровъ и всякихъ другихъ насилій, Цезарь Борджіа призналъ необходимымъ, въ интересахъ умиротворенія края и подчиненія его своей десницѣ, дать ему хорошее правительство. Съ этой цѣлью онъ поставилъ надъ нимъ Remiro de Orso, человѣка естокаго и распорядительнаго. Онъ ввѣрилъ ему неограниннную власть. Послѣдній же въ немного времени умиротвоилъ и объединилъ этотъ край, пріобрѣвши тѣмъ самымъ

большой авторитетъ. Позднѣе герцогъ нашелъ такую чрезмѣрную власть ненужной, такъ какъ боялся, чтобы она не сдѣлала его ненавистнымъ; вотъ почему онъ создалъ въ центрѣ провинціи судилище, поставилъ во главѣ его мудраго начальника и предоставилъ каждому городу имѣть своего адвоката при этомъ трибуналѣ. И такъ какъ онъ зналъ, что строгости, обнаруженныя раньше, породили ненависть въ подданныхъ, то, съ цѣлью освободить отъ нея ихъ души и обратить на себя симпатію жителей Романіи, онъ пожелалъ показать, что если была обнаружена жестокость, то не по его винѣ, а въ виду суроваго характера самого правителя, имъ назначеннаго. Пользуясь случаемъ, онъ однажды въ Чезенѣ „разсѣкъ его пополамъ“ съ помощью куска дерева, къ которому придѣланъ былъ кровавый ножъ. Жестокость этого зрѣлища одновременно вызвала въ жителяхъ и большую удовлетворенность и изумленіе. Свой очеркъ дѣяній Борджіа Маккіавелли заканчиваетъ словами: „Обозрѣвъ всѣ его поступки, не вижу, въ чемъ возможно упрекнуть его. Наоборотъ, мнѣ кажется, что я въ правѣ, какъ и сдѣлалъ это, поставить его въ образецъ всѣмъ, кто, благодаря удачѣ и съ помощью чужого оружія, добился верховной власти. Имѣя великую душу и высокія намѣренія, герцогъ не могъ поступать иначе, какъ поступалъ. Кто думаетъ, что при установленіи новой державы необходимо овладѣть врагами и завоевать себѣ друзей, одолѣть противниковъ силою или обманомъ, внушить къ себѣ любовь и страхъ въ народѣ, вызвать въ солдатахъ готовность слѣдовать за собою, упразднить тѣхъ, кто можетъ и долженъ быть вреднымъ, обновить старые порядки, быть строгимъ и признательнымъ, великодушнымъ и щедрымъ, разсѣять невѣрныя дружины, создать новыя, удержать дружбу королей и правителей, ставя ихъ въ необходимость искать союза,—тотъ не можетъ найти для себя въ близкое къ намъ время лучшаго примѣра, чѣмъ тотъ, какой представляютъ поступки герцога“. Сопоставив эти показанія съ тѣми, какія Маккіавелли далъ о Борджіа в своихъ депешахъ къ флорентинскому сенату, мы не встрѣтил

ничего такого, чтобы свидѣтельствовало или о перемѣнѣ имъ его прежняго мнѣнія о герцогѣ, или о готовности разсматривать его дѣйствія съ другой точки зрѣнія, помимо той, на которую становится политикъ, оцѣнивающій шаги противника, открывающій въ нихъ ошибки или признающій ихъ, наоборотъ, безупречными. Ни въ чемъ Маккіавелли не обнаруживаетъ своихъ личныхъ симпатій къ герцогу. Онъ даже привѣтствуетъ извѣстіе о его близкомъ концѣ послѣ того, какъ онъ задержанъ былъ по распоряженію Юлія II и стали носиться слухи, что папа собирается бросить его въ Тибръ. Въ депешѣ отъ 28 ноября 1502 года онъ говоритъ, напримѣръ, что проступки Борджіа постепенно привели его къ карѣ. Онъ употребляетъ терминъ onorevolmente, т.-е. въ смыслѣ „честнымъ образомъ", когда заводитъ рѣчь о томъ, какъ, по его выраженію, папа Юлій II, въ лицѣ Борджіа, собрался расплатиться со всѣми своими кредиторами [1]). Юлій II въ значительной степени обязанъ былъ своимъ избраніемъ въ папы Борджіа, такъ что честная расплата, с которой Маккіавелли заводитъ здѣсь рѣчь, очевидно, въ его устахъ имѣетъ тотъ же смыслъ, что и похвала герцогу за быструю расправу съ Орсини въ Синигаліи, т.-е., что оба эти факта какъ нельзя болѣе цѣлесообразны, и только цѣлесообразны. Цезарь Борджіа съ этой точки зрѣнія выигрываетъ отъ сравненія съ одновременными тиранами, о дѣйствіяхъ которыхъ повѣствуетъ тотъ же Маккіавелли. Какой-нибудь Оливеретто изъ Фермо озабоченъ не однимъ соотвѣтствіемъ своихъ дѣйствій съ цѣлью возможно скораго упроченія своей державы; онъ даетъ еще полный просторъ своимъ кровожаднымъ инстинктамъ и получаетъ отъ Маккіавелли слѣдующую характеристику: считая рабствомъ стоять подъ чужимъ главенствомъ, Оливеретто, поощряемый своимъ братомъ и полагаясь на нѣкоторыхъ гражданъ Фермо, которымъ рабство ихъ родины дороже свободы,

---

[1]) *Heidenheimer*, Makkiavelli's erste römische Legation, стр. 25 и 26 и стр. 30.

рѣшился упрочить свою власть въ этомъ городѣ. Послѣднимъ правилъ въ это время его дядя по матери, Джованни Фоліани. Оливеретто написалъ ему, что желаетъ, въ виду долгаго отсутствія, свидѣться съ нимъ и повидать родной городъ. Доселѣ, молъ, онъ добивался славы (служа въ наемномъ войскѣ и подъ чужимъ начальствомъ), и ему пріятно было бы поэтому явиться въ городъ съ почетной свитой, въ сопровожденіи ста всадниковъ изъ друзей и служителей, дабы его сограждане убѣдились, что онъ не потерялъ времени даромъ. Почетный пріемъ въ Фермо послужитъ къ прославленію не его одного, но и самого Джованни, котораго онъ признаетъ своимъ учителемъ. Получивъ это извѣстіе, Джованни ни въ чемъ не отказалъ племяннику. Онъ распорядился почетнымъ пріемомъ его со стороны жителей Фермо и поселилъ его въ своемъ домѣ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней и подготовивъ все, что было нужно для успѣха своего предательскаго поступка (scelleratezza), Оливеретто устроилъ торжественный банкетъ, на который пригласилъ Джованни и всѣхъ первостепенныхъ гражданъ Фермо. Когда съѣдены были заготовленныя яства и положенъ былъ конецъ другимъ забавамъ, которыя обычны при такихъ пиршествахъ, Оливеретто поднялъ рѣчь о нѣкоторыхъ высокихъ матеріяхъ, говоря о величіи папы Александра и Цезаря Борджіа, его сына, и о затѣянныхъ ими предпріятіяхъ. На эти рѣчи стали отвѣчать Джованни и другіе присутствующіе. Тогда, внезапно поднявшись съ мѣста, Оливеретто объявилъ имъ, что о такихъ предметахъ надо говорить въ болѣе потаенномъ мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ удалился во внутренніе покои, куда послѣдовали за нимъ Джованни и другіе присутствовавшіе. Едва всѣ разсѣлись, какъ изъ скрытаго помѣщенія проникли солдаты и убили самого Джованни и всѣхъ прочихъ. Послѣ этого убійства Оливеретто сѣлъ на лошадь и со своею свитою осадилъ дворецъ, въ которомъ находились высшіе сановники. Страхъ заставилъ осажденныхъ подчиниться ему и установить правительство главою котораго (княземъ) объявленъ былъ самъ Оливеретто

Распорядившись убійствомъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ имъ и могъ ему вредить, Оливеретто установилъ новые порядки, гражданскіе и военные. Такъ что въ теченіе года, который онъ провелъ въ княженіи, онъ не только могъ никого не бояться въ Фермо, но сдѣлался еще страшенъ сосѣдямъ. Имъ трудно было бы овладѣть, если бъ онъ не поддался обману Цезаря Борджіа, завлекшаго, какъ уже сказано было, въ Синигалію Орсини и Вителли; взятый здѣсь вмѣстѣ съ ними, онъ, годъ спустя послѣ совершеннаго имъ убійства дяди, былъ задушенъ заодно съ братомъ своимъ Вителоццо—своимъ наставникомъ въ доблести и преступленіяхъ (глава VII). Этотъ отрывокъ показываетъ, что Маккіавелли не прочь былъ называть вещи своими именами. Это, впрочемъ, нимало не заставляло его пускаться въ дидактическія разсужденія, совершенно неумѣстныя въ примѣненіи къ такимъ явнымъ злодѣямъ и въ сочиненіи, направленномъ къ одной политической оцѣнкѣ дѣйствій, ведущихъ къ упроченію единоначалія. Цезарь Борджіа, умиротворяющій Романію упраздненіемъ такихъ предателей, какъ Оливеретто, очевидно, только выигрываетъ отъ сравненія съ ними, особенно если прибавить къ этому, что первый изъ итальянскихъ князей онъ осуществилъ завѣтную мечту Маккіавелли —созданіе постоянной арміи, по примѣру той, какая возникла во Франціи во времена Карла VII. Ожидая отъ нея спасенія отъ иноземцевъ, Маккіавелли не могъ иначе, какъ съ похвалою, вспоминать о тиранѣ Романіи, который, правда, овладѣлъ ею, сперва съ помощью союзныхъ французскихъ войскъ, а затѣмъ наемныхъ дружинъ, предводительствуемыхъ Орсини и Вителли, но въ концѣ - концовъ пришелъ къ убѣжденію, что ихъ помощь сомнительна и что на вѣрность ихъ нельзя положиться. „Убѣдившись въ этомъ,— говоритъ онъ,—Борджіа обратился къ созданію собственныхъ дружинъ. Можно видѣть,—прибавляетъ Маккіавелли,—по той ›путаціи, какую онъ пріобрѣлъ съ этого времени, превос›дство собственнаго войска надъ наемнымъ или союзнымъ. ı помощью такого же войска Франческо Сфорца,—вспоминаетъ

Маккіавелли,—сдѣлался герцогомъ Милана, на мѣсто прежнихъ тирановъ его, Висконти. Сыновья же Сфорцы, не радѣя о войскѣ, потому самому изъ герцоговъ обратились снова въ частныхъ людей“ (глава XIII и XIV). Эти отрывки показываютъ намъ, какимъ путемъ возникали въ XV вѣкѣ новыя тираніи. Во главѣ княжествъ, образуемыхъ изъ прежнихъ городскихъ республикъ, становились предводители наемныхъ дружинъ, такъ называемые кондотьеры, большіе и малые, начиная отъ Франческо Сфорца, сдѣлавшагося повелителемъ чуть не всей Ломбардіи, и оканчивая какимъ-нибудь Вителоццо, тираномъ города Ареццо. Не имѣя возможности измѣнить хода событій, Маккіавелли желалъ по крайней мѣрѣ направить ихъ на пользу Италіи и ея независимости отъ иностранцевъ. Неувядаемую славу его составляетъ та заключительная глава „Князя“, въ которой онъ призываетъ Медичей съ помощью народнаго войска освободить Италію отъ жестокостей и дерзостей варваровъ. По его словамъ, Италія готова слѣдовать за общимъ знаменемъ, лишь бы кто-нибудь поднялъ его. Въ упроченіи и возвеличеніи дома Медичи, упразднившаго республику во Флоренціи, Маккіавелли видитъ возможность найти для Италіи, разграбляемой варварами, давно желанныхъ освободителей. „Не нахожу словъ,—пишетъ онъ къ Лоренцо,—чтобы выразить вамъ, съ какой любовью вы приняты были бы во всѣхъ провинціяхъ, потерпѣвшихъ отъ разлива иноземцевъ, съ какою жаждою мести, съ какой упорною вѣрою въ будущее, съ какимъ уваженіемъ, съ какими слезами“. Объединенная Италія не забыла этихъ словъ Маккіавелли и, возстановляя его несправедливо замаранную репутацію, вписала имя родоначальника новой политической науки въ списокъ своихъ великихъ патріотовъ.

ГЛАВА IX.

Послѣдніе опыты возстановленія республики во Флоренціи и вызванное ими движеніе въ области политической мысли.

§ 1. Изъ представленнаго очерка зарожденія единоначалія, или тираніи, необходимо выносишь то впечатлѣніе, что итальянскія демократіи, это возрожденіе античныхъ народоправствъ, имѣли весьма непродолжительное существованіе. Сдѣлавшись съ самаго начала ареною ожесточенной борьбы землевладѣльческаго феодальнаго дворянства и посвящающей себя торговлѣ и промысламъ городской буржуазіи, муниципіи Италіи задѣты были въ своемъ существованіи вѣковымъ соперничествомъ папъ и императоровъ. Это соперничество раздѣлило Италію на два враждебныхъ лагеря и сдѣлалось причиной того, что ея правительства всегда были правительствами партій. Благодаря этому правящія семьи неизмѣнно включали въ себя побѣдителей и побѣжденныхъ,— побѣдителей, остававшихся въ стѣнахъ города и раздѣлявшихъ въ немъ суверенитетъ, и побѣжденныхъ, изгнанныхъ изъ его стѣнъ, поставленныхъ въ необходимость искать пріюта у его враговъ и отсюда предпринимать заговоры противъ собственной родины. Не успѣла еще затихнуть война, разгорѣвшаяся изъ-за инвеституръ, и императоры, какъ Людовикъ Баварскій и Карлъ IV, отправляясь за императорскою короною въ Римъ, довольствовались одной военной прогулкой по Италіи, какъ на Апеннинскомъ полуостровѣ образовалось нѣсколько могущественныхъ княжествъ, среди которыхъ республикамъ трудно было удержаться иначе, какъ въ постоянныхъ заботахъ о томъ, чтобы клонить на свою сторону болѣе сильнаго. Въ такихъ именно словіяхъ оказались муниципіи Тосканы, въ частности Фло-

ренція, тѣснимая въ XIV и XV вѣкахъ Неаполемъ и Римомъ съ одной стороны, Миланскимъ княжествомъ—съ другой. Когда послѣднее, въ лицѣ Людовика Мора, чтобы защититься отъ венеціанцевъ, стремившихся къ пріобрѣтенію владѣній на материкѣ, призвало въ Италію Карла VIII и положило тѣмъ самымъ начало соперничеству въ ней французскаго дома съ испанскимъ, Флорентинская республика сдѣлала попытку сбросить съ себя иго Медичи, интересы которыхъ поддерживаемы были папами изъ той же династіи. Но за этими папами стояли аррагонскіе, позднѣе испанскіе правители Неаполя; въ лицѣ же созданнаго въ Романіи княжества римскій дворъ имѣлъ готовое средство тревожить внутренній миръ и спокойствіе республики. Флорентинскому народу удалось бы, пожалуй, выйти побѣдителемъ и изъ этихъ трудностей, какъ нѣкогда изъ тѣхъ, какія создала ему лига собственныхъ выходцевъ, гибеллиновъ, съ Сіенской республикой, если бы онъ не былъ расколотъ на двѣ враждебныя половины: организованное въ цехи и всѣмъ правящее среднее сословіе и недопущенное къ власти простонародье селъ и городовъ. Со времени пораженія Чіомпи городская чернь сдѣлалась готовымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ и позволила Медичи, какъ мы видѣли, основать свое, скорѣе тайное, нежели явное, владычество въ городѣ послѣ побѣды надъ враждебнымъ имъ домомъ Альбицци, главенствовавшимъ надъ олигархической партіей.

Политическая безтактность ближайшаго преемника Лоренцо Великолѣпнаго, Петра II, отказавшагося отъ союза съ Ломбардскимъ княжествомъ и тѣмъ возстановившаго противъ себя призванныхъ Людовикомъ Моромъ французовъ, въ связи съ одновременно сдѣланной тѣмъ же Петромъ попыткой порвать съ традиціями демократическаго цезаризма и опереть свою власть на оптиматахъ, одни помѣшали Медичамъ уже въ концѣ XV вѣка, завершить почти вѣковую борьбу со сторо[нн]иками умирающаго народоправства и создать наслѣдственн[ое] герцогство. Оттолкнувъ отъ себя старинныхъ приверженце[въ]

своего дома нескрываемымъ болѣе желаніемъ упразднить остатки свободы и доставивъ тѣмъ самымъ народной партіи возможность стать подъ главенство такихъ испытанныхъ друзей демоса, какъ Ручелаи и Содерини, прежде шедшихъ заодно съ Медичи, Петръ II въ то же время передался въ руки неаполитанскихъ правителей Аррагонскаго дома и принялъ участіе въ ихъ борьбѣ съ владыкою Милана. Когда обстоятельства приняли невыгодный для него оборотъ и флорентинцы отказались даровать ему субсидіи, необходимыя для войны съ Людовикомъ Моромъ и призванными имъ французами, Петръ II вздумалъ предупредить наступленіе революціи личнымъ соглашеніемъ съ иноземнымъ врагомъ. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, онъ на собственный страхъ поспѣшилъ на свиданіе съ французскимъ королемъ, уже осаждавшимъ нѣкоторыя крѣпости флорентинцевъ, и согласился передать ихъ въ руки непріятеля. Одного извѣстія объ этомъ было достаточно, чтобы вызвать въ городѣ революціонное броженіе, и когда Петръ, на обратномъ пути, подошелъ ко Флоренціи, онъ нашелъ дворцовыя ворота запертыми и новое правительство установленнымъ, такъ что ему не осталось другого средства спасти свою жизнь, кромѣ поспѣшнаго бѣгства. Движеніе въ значительной степени было подготовлено проповѣдями монаха-доминиканца Джироламо Саванаролла, который въ церкви Санта Марія Новелла съ амвона предсказывалъ ближайшее наступленіе великихъ бѣдствій и открыто приглашалъ новаго Кира, разумѣя подъ нимъ Карла VIII, перейти Альпы и возстановить въ Италіи поруганное право. Когда событія начали подтверждать его пророчества, Саванаролла пріобрѣлъ у гражданъ такое довѣріе, что его рѣшили направить къ Карлу, съ цѣлью склонить его въ пользу Флоренціи и произошедшей въ ней перемѣны правительства. Одновременно въ самомъ городѣ, по предложенію етра Каппони, рѣшено было положить конецъ, какъ онъ ыразился, правительству младенцевъ (governo di fanciulli), организовать республику. Саванаролла, принятый съ боль-

шимъ почетомъ Карломъ VIII, добился соглашенія съ Франціей и признанія ею новаго правительства. Правда, явившись въ стѣны города, онъ попробовалъ одно время держать себя какъ повелитель и со дня на день откладывалъ свой отъѣздъ, желая добиться возможно лучшихъ условій отъ республики. Но когда на его угрозы созвать войска трубнымъ звукомъ послѣдовалъ отвѣтъ Каппони: „А мы ударимъ въ наши колокола", т.-е. призовемъ народъ къ оружію, король и его совѣтники рѣшились исполнить данное слово и удалиться съ войскомъ изъ города, не раньше, однако, какъ послѣ формальнаго приглашенія ихъ къ тому Саванароллою. Значеніе послѣдняго такимъ образомъ все болѣе и болѣе росло; неудивительно, если послѣ отхода французовъ ему пришлось сыграть главную роль въ конституціонномъ устройствѣ Флоренціи. Двѣ партіи въ это время оспаривали другъ у друга честь производства реформы, каждая согласно собственному идеалу. Оптиматы, предводимые Веспучи, возстали противъ предоставленія народу рѣшающаго голоса въ дѣлахъ. Они желали устроить новое правительство по венеціанскому образцу и надѣлить однихъ дворянъ правомъ засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ. Съ другой стороны народная партія имѣла предводителемъ бывшаго посла въ Венеціи, Павла Содерини, желавшаго, правда, замѣны прежнихъ двухъ совѣтовъ, совѣта общины и совѣта народа, однимъ Большимъ, по подобію венеціанскаго, но подъ условіемъ, что въ составъ этого совѣта войдутъ не одни дворяне. Саванаролла сталъ на его сторону и въ проповѣдяхъ къ народу, предлагая реформу нравовъ и общее умиротвореніе, высказался также въ пользу установленія „всеобщаго,— какъ онъ выразился,— правительства" (governo universale); при немъ въ Большой Совѣтъ, по типу венеціанскаго, вошли бы и представители простонародья. Этому Большому Совѣту онъ предлагалъ предоставить выборъ сановниковъ и руководительство важнѣйшими интересам республики. Но одной этой реформы еще было недостаточн чтобы придать правительству цѣльность и единство. Рѣшев

было поэтому создать, рядомъ съ Большимъ, совѣтъ 80, по образцу венеціанскаго сената, поставить во главѣ коллегій единоличнаго сановника и сдѣлать его пожизненнымъ. Этимъ сановникомъ, подъ именемъ гонфалоньера, знаменосца республики, выбранъ былъ Петръ Содерини[1]). Историкъ Гвичардини, которому мы обязаны подробнымъ и интереснымъ описаніемъ событій этого времени во Флоренціи, заявляетъ, что за Саванароллой надо признать честь установленія Большого Совѣта, этой узды всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ сдѣлаться магнатомъ. Тому же Саванароллѣ надо приписать проведеніе правила, по кото рому всѣ недовольные рѣшеніями судовъ могли апеллировать къ сеньеріи; наконецъ, имъ же достигнуто было то всеобщее умиротвореніе, которое одно сдѣлало возможнымъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, спокойное функціонированіе учрежденій (Storia Florentina, написанная въ 1509 году)[2]). Саванаролла выдавалъ свои совѣты народу за внушенные ему самимъ небомъ. Гвичардини, раздѣляя общее уваженіе къ этому миротворцу и обличителю неправдъ Рима, говоритъ въ своей исторіи: „Я не имѣю опредѣленнаго мнѣнія о томъ, былъ ли онъ дѣйствительно посланъ намъ Богомъ, но если бы онъ и былъ самозванцемъ, то все же нельзя не признать его великимъ человѣкомъ, такъ какъ за столько лѣтъ жизни его нельзя было уличить ни въ какой лжи, и онъ постоянно обнаруживалъ здравое сужденіе, разумъ и глубочайщую изобрѣтательность“.

Новое правительство попросило у доминиканскаго монаха, чтобы онъ представилъ ему теоретическое разсужденіе о природѣ предложеннаго имъ устройства. Саванаролла удовлетворилъ этому желанію составленіемъ маленькаго трактата, разборомъ котораго мы и начнемъ нашъ очеркъ того движенія

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ сочиненіяхъ объ исторіи Флоренціи эрропі и Perrens, а также въ монографіи Villari о Саванароллѣ.

[2]) „Guicciardini e le sue opere inedite“ di Carlo Gioda, стр. 460.

политической мысли, какое вызвано было во Флоренціи возстановленіемъ свободы и республики.

Трактатъ написанъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Аристотеля, у котораго заимствуется ученіе о правильныхъ и неправильныхъ формахъ правленія. У Ѳомы Аквината беретъ затѣмъ Саванаролла все то, что сказано имъ о преимуществѣ монархіи, какъ всего болѣе приближающейся къ типу управленія міра единымъ Богомъ. Оригинальность нашего автора выступаетъ тогда, когда онъ переходитъ къ заявленію, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ единоличное правительство можетъ оказаться худшимъ изъ всѣхъ у народа, привыкшаго къ внутреннимъ раздорамъ. Вспомнимъ, что это было написано въ 1494—1495 году, т.-е. ранѣе обнародованія Маккіавелли, Гвичардини и Джанотти ихъ мыслей о политикѣ. Саванаролла, очевидно, имѣетъ въ виду флорентинскія условія, когда говоритъ, что единовластіе грозитъ потрясеніями, вызываемыми часто удачными попытками избавиться отъ князя и даже прямымъ убійствомъ его, за которымъ слѣдуютъ внутренніе раздоры, попытки возстановленія власти въ пользу потомства убитаго, которое, водворившись снова, не можетъ удержать главенства иначе, какъ прибѣгнувъ къ актамъ тираніи, къ изгнанію могущественныхъ, къ отнятію ихъ достатка у зажиточныхъ и къ обложенію народа многими поборами. Кто не признаетъ въ этомъ описаніи изображенія природы событій, послѣдовавшихъ во Флоренціи вслѣдъ за удачнымъ заговоромъ Пацци и убійствомъ Юліана, брата и соправителя Лоренца Великолѣпнаго? Въ ближайшей главѣ Саванаролла открыто заявляетъ, что природа флорентинцевъ не позволяетъ имъ мириться съ правительствомъ князя, даже добраго и совершеннаго, какъ не удовлетворяетъ ихъ и правительство оптиматовъ. Издавна установивъ въ своей средѣ народоправство (Саванаролла называетъ его гражданскимъ правительствомъ reggimento vile), флорентинцы настолько свыклись съ нимъ, что моя считать его нынѣ наиболѣе согласнымъ съ ихъ природоı

умственными привычками. Это сознавали и недавніе ихъ тираны; они съ большою хитростью сохраняли прежнія учрежденія и прежній порядокъ управленія и заботились только объ одномъ: чтобы должности занимаемы были ихъ друзьями. Но это обстоятельство само содѣйствовало упроченію привычки къ народному правительству, такъ что дать флорентинцамъ другую форму правленія—значило бы итти противъ старинныхъ порядковъ, рискуя породить рознь, вызвать междоусобіе и потерю свободы. Въ пользу этого говоритъ и опытъ прошлаго, показывающій, что каждый разъ, когда во Флоренціи создаваемо было правительство магнатовъ, возникала большая рознь между гражданами; она прекращалась только съ изгнаніемъ одной изъ сторонъ и захватомъ власти тѣмъ или другимъ тираномъ. Но то, что было прежде, повторилось бы и теперь, и притомъ съ большей силой, такъ какъ Богу угодно было вернуть въ предѣлы государства гражданъ, изгнанныхъ прежними правителями, начиная съ 1434 года, эпохи упроченія Медичи во Флоренціи. Въ средѣ вернувшихся не мàло ненависти за прежнія обиды. Саванаролла останавливается затѣмъ подробно на развитіи той мысли, что если монархія можетъ считаться лучшимъ правительствомъ, то тиранія несомнѣнно худшее изъ всѣхъ; въ доказательство этого онъ между прочимъ приводитъ то соображеніе, что завладѣвшій властью можетъ удержать ее только подъ условіемъ, если онъ устранитъ убійствомъ и изгнаніемъ не только своихъ противниковъ, но и всѣхъ, кто равенъ ему по благородству крови, богатству или славѣ. Такая практика, какъ мы видѣли, была весьма распространена въ Италіи XV вѣка и потому нашла откликъ себѣ и въ „Князѣ“ Маккіавелли. Саванаролла даетъ затѣмъ описаніе обыкновеннаго поведенія тирана. Въ этомъ описаніи мало новаго, если сопоставить его съ тѣмъ, что уже раньше было сказано объ этомъ предметѣ Аристотелемъ, а позднѣе съ такимъ талантомъ разовьет будетъ Маккіавелли. Отмѣтимъ, однако, нѣкоторыя черты этой характеристикѣ, именно тѣ, въ которыхъ всего ярче

выступаетъ особенность религіознаго проповѣдника и моралиста, какимъ былъ авторъ разбираемаго нами сочиненія, а также тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ намеки на современныя ему событія. Тиранъ, по утвержденію Саванароллы, тѣшится чужимъ безславіемъ, преданъ разврату, любитъ присваивать себѣ чужое достояніе, злопамятенъ и мстителенъ. Онъ держитъ народъ въ сторонѣ отъ управленія, дабы скрыть отъ него свои происки; онъ сѣетъ раздоры въ средѣ гражданъ, унижаетъ знатныхъ, конфискуетъ ихъ имущества, оклеветываетъ ихъ или приказываетъ убить ихъ тайно. Онъ хочетъ имѣть въ гражданахъ не товарищей, а рабовъ; онъ запрещаетъ имъ устраивать союзы и собранія, боясь, чтобы они, сблизившись между собою, не устроили заговора. По тѣмъ же соображеніямъ ему пріятно возстановлять другъ противъ друга родныхъ и чрезъ шпіоновъ слѣдить за всѣмъ, что говорится и дѣлается. Чтобы устранить народъ отъ дѣлъ государства, тиранъ желалъ бы занять его исключительно мыслью о пріобрѣтеніи, и для этого онъ старается держать народъ впроголодь, облагая его тяжкими податями и косвенными поборами. Любя льстецовъ и презирая тѣхъ, кто сохраняетъ свободу слова, тиранъ въ то же время, и въ этомъ нельзя не видѣть прямого изображенія практики Медичи, не желаетъ явно выступать въ роли правителя; за предѣлами страны онъ старается поэтому распространить слухъ, что онъ на самомъ дѣлѣ вовсе и не ведетъ дѣлъ государства и что его намѣреніе не упразднить, а сохранить существующее въ немъ устройство, почему,—прибавляетъ Саванаролла, — онъ и хочетъ, чтобы его звали хранителемъ общаго блага. Въ то же время онъ обнаруживаетъ свою заботливость къ бѣднымъ и сиротамъ и старается дѣлать видъ, что всѣ благодѣянія и почести, какими кто-либо надѣленъ, истекаютъ ни отъ кого другого, какъ отъ него. Церковными имуществами онъ распоряжается въ пользу своихъ приверженцевъ. Онъ хочетъ допустить, чтобы кто-либо отличился постройк дворца или храма, устройствомъ пиршествъ, а тѣмъ бол

совершеніемъ какого-либо славнаго дѣла въ мирѣ или на войнѣ; онъ желаетъ всегда быть не только первымъ, но и единственнымъ. Сдѣлавъ все, отъ него зависящее, чтобы тайнымъ образомъ добиться приниженія людей выдающихся, тиранъ затѣмъ явно возвеличиваетъ ихъ, дабы они считали себя обязанными ему, а народъ почиталъ его милосерднымъ и великодушнымъ. Тиранъ не терпитъ правильнаго хода правосудія, онъ желаетъ мирволить или преслѣдовать по собственному выбору. Казенныя имущества онъ присваиваетъ себѣ, онъ придумываетъ все новые и новые поборы; онъ стремится набрать какъ можно больше денегъ подъ предлогомъ, что онѣ ему нужны для войска. Въ дѣйствительности же этими деньгами онъ содержитъ своихъ приверженцевъ, иноземныхъ князей и кондотьеровъ, или начальниковъ надъ наемными дружинами. Чтобы доставить имъ занятіе, онъ нерѣдко предпринимаетъ безполезныя войны, которыхъ единственная задача—держать народъ въ нуждѣ и упрочиться самому во власти. Народнымъ кошелькомъ тиранъ распоряжается подчасъ и для постройки храмовъ и дворцовъ, на которыхъ со всѣхъ сторонъ выставляется его гербъ; онъ содержитъ нерѣдко пѣвцовъ и пѣвицъ, такъ какъ всячески ищетъ прославиться. Своимъ приверженцамъ низкаго происхожденія онъ отдаетъ въ замужество дочерей дворянъ, унижая тѣмъ семьи послѣднихъ и возвеличивая первыхъ. И все это онъ дѣлаетъ для того, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность, вызываемую не великодушіемъ, а расчетомъ. Своихъ приверженцевъ онъ одаряетъ чужимъ имуществомъ, сажая ихъ на такія должности, свѣтскія и церковныя, которыхъ они не заслуживаютъ, и сгоняетъ съ мѣстъ тѣхъ, кто ихъ занималъ прежде. Если какой-нибудь купецъ располагаетъ большимъ кредитомъ, онъ старается вызвать его банкротство, изъ страха, чтобы кто-нибудь не сталъ располагать равнымъ съ нимъ вліяніемъ.

Если кто рѣшается говорить о странѣ что-либо дурное, тиранъ преслѣдуетъ его, уйди онъ отъ него хотя бы на конецъ міра. Въ

мщеніи тиранъ не отступаетъ ни передъ измѣной ни передъ ядомъ, высказывая въ то же время готовность покарать убійцу, имъ же подосланнаго, но обыкновенно доставляя ему возможность бѣжать и укрыться. Нигдѣ тиранія не была бы столь пагубна, какъ во Флоренціи, такъ какъ руководимый однѣми страстями, погрязшій въ развратѣ и содоміи, тиранъ сдѣлалъ бы невозможнымъ тотъ согласный съ Христовымъ ученіемъ образъ жизни, къ которому Флоренція въ своемъ благочестіи всегда была склонна. Съ удаленіемъ изъ нея тирана можно разсчитывать и на возрастаніе въ ней населенія и на накопленіе ею сокровищъ, въ виду исчезновенія безполезныхъ затратъ. Возстановленіе тираніи было бы для Флоренціи тѣмъ пагубнѣе, что ея жители, какъ извѣстно всему міру, измѣнчивы и легко подчиняются чужимъ вліяніямъ, а поэтому они подверглись бы несомнѣнно той нравственной заразѣ, очагомъ которой является тиранія. Но чтобы избѣжать ея, надо устроить правительство такимъ образомъ, чтобы при немъ не было мѣста для успѣшнаго захвата власти. Такъ какъ многимъ можетъ показаться необходимымъ воспрепятствовать для этого чрезмѣрному накопленію богатствъ какимъ-либо гражданиномъ, то я, прибавляетъ Саванаролла, считаю нужнымъ заявить: богатство—не главная причина, по которой кто-либо становится тираномъ, особенно въ такомъ многолюдномъ и зажиточномъ городѣ, какъ Флоренція, гдѣ люди ищутъ болѣе почестей, чѣмъ денегъ; въ виду этого необходимо прежде всего отнять возможность у одного человѣка располагать почестями и должностями и перенести въ руки самого народа право надѣлять ими. Но такъ какъ, продолжаетъ Саванаролла, трудно собирать ежедневно весь народъ, то надо избрать извѣстное число гражданъ и надѣлить ихъ его авторитетомъ. Въ виду того, что немногихъ легче склонить на свою сторону посредствомъ связей и денегъ, чѣмъ многихъ, необходимо, чтобы число такихъ избранныхъ было значител[illegible] Принимая же во вниманіе, что каждый хотѣлъ бы прин[illegible] лежать къ нему, а это породило бы замѣшательство, „т[illegible]

какъ въ подобномъ случаѣ даже чернь вздумала бы участвовать въ управленіи", надо такъ ограничить составъ собранія, чтобы въ него не могъ проникнуть никто изъ лицъ, опасныхъ для мира и порядка. Въ то же время нужно, чтобы это число было настолько значительно, чтобы не имѣлось повода жаловаться на исключительность. Всѣми этими соображеніями и руководствовались при созданіи Большого Совѣта, въ рукахъ котораго сосредоточивается распоряженіе всѣми мѣстами и почестями и который поэтому есть дѣйствительный государь, или сеньеръ города. Но для упроченія его власти необходимо три вещи. Во-первыхъ, въ виду того, что граждане болѣе заботятся о своихъ интересахъ, чѣмъ объ общемъ дѣлѣ и потому часто не посѣщаютъ Совѣта, необходимо постановить, что кто будетъ отсутствовать безъ достаточныхъ къ тому причинъ, долженъ уплатить пеню; она значительно возрастаетъ при рецидивѣ, а при повтореніи неявки въ третій разъ ведетъ къ отнятію права принадлежать къ составу Совѣта. Во-вторыхъ, надо принять мѣры къ тому, чтобы Совѣтъ, въ свою очередь, не сдѣлался тираническимъ; надо исключить изъ него людей порочныхъ и глупыхъ, а также устранить возможность какихъ-либо соглашеній между его членами и сосредоточенія въ немногихъ рукахъ шаровъ для баллотировки. Въ-третьихъ, необходимо не обременять Совѣта дѣлами, не допускать того, чтобы по каждому малѣйшему поводу созываемо было множество засѣдающихъ въ немъ гражданъ. Члены Совѣта должны поэтому вѣдать только важнѣйшія дѣла; въ числѣ ихъ необходимо оставить за Совѣтомъ раздачу должностей и бенефицій. Надо также опредѣлить время его созыва; необходимо озаботиться тѣмъ, чтобы выборы не затягивались, а производились какъ можно скорѣе. На новое правительство Саванаролла смотритъ какъ на посланное небомъ, не только въ томъ смыслѣ, что всякое правительство отъ Бога, но еще ъ томъ, что нынѣ существующее установлено по спеціаль-)му велѣнію Божьему. Рекомендуя какъ средство сохранить 'ществующій порядокъ страхъ Божій, любовь къ обществен-

ному благу, подобную той, какой отличались древніе римляне, внутренній миръ, согласіе и заботу о справедливости, Саванаролла заканчиваетъ свой трактатъ, славословя свободу, болѣе драгоцѣнную, чѣмъ золото, серебро и всѣ сокровища въ мірѣ [1]).

§ 2. Извѣстенъ печальный конецъ Саванароллы, его всенародное сожженіе на площади Санта Марія Новелла, по ближайшему требованію Рима и послѣ принятія имъ страннаго вызова — доказать Божественное происхожденіе своей проповѣди прохожденіемъ черезъ огонь. Послѣ него республика просуществовала еще около двадцати лѣтъ, но постоянно терзаемая внѣшними и внутренними врагами, въ томъ числѣ тѣми тиранами, которые во главѣ наемныхъ войскъ, послѣ удачной осады города или проникнувъ въ него хитростью, становились единоличными правителями и постепенно распространяли свою власть на всю окрестную область. Имѣя ближайшимъ сосѣдомъ одного изъ такихъ тирановъ, Вителоццо Арецскаго, республика помышляла одно время заключить союзъ съ Цезаремъ Борджіа, но этому можетъ-быть спасительному для нея рѣшенію воспрепятствовало вліяніе, какое пріобрѣли въ вопросахъ войны и мира и международныхъ сношеній члены Комиссіи Десяти, такъ называемые „i dieci della guerra“. Безъ ихъ согласія гонфалоньеръ республики, или ея глава, Петръ Содерини не могъ заключить никакого союза. Во внутренней жизни сказалось съ особенной силой недовольство оптиматовъ тѣмъ, что Содерини старался опереть свою власть преимущественно на простонародьѣ и почти не испрашивалъ совѣта сената, въ которомъ оптиматы засѣдали въ значительномъ числѣ; онъ дѣйствительно правилъ по преимуществу съ помощью Комиссіи Десяти и Большого Совѣта республики. Оптиматы приписывали ему поэтому честолюбивые замыслы, въ которыхъ онъ однако былъ непо-

[1]) См. въ „Итальянской энциклопедической библіотекѣ“ томъ, посвященный политическимъ писателямъ, стр. 1—14.

виненъ. Оцѣнку политическаго строя Флоренціи въ годы, отдѣляющіе кончину Саванароллы отъ возвращенія Медичи, можно найти въ юношескомъ произведеніи Гвичардини, извѣстномъ подъ наименованіемъ „Политическія разсужденія" и составленномъ въ бытность его посломъ республики при дворѣ Фердинанда Католическаго. Мысли, высказанныя въ этихъ „Discorsi", впослѣдствіи въ болѣе полномъ видѣ изложены были въ сочиненіи того же автора „О политическихъ порядкахъ Флоренціи". Этотъ трактатъ, не предназначенный для печати, вмѣстѣ съ разсужденіями Маккіавелли о декадахъ Тита Ливія и двумя сочиненіями Джанотти о флорентинской и венеціанской республикахъ, должны быть признаны важнѣйшими продуктами политической мысли въ Италіи въ эпоху Возрожденія.

Приступимъ теперь къ передачѣ въ самыхъ общихъ чертахъ важнѣйшихъ положеній разбираемаго нами автора. Первый трактатъ написанъ былъ Гвичардини въ 1512 году въ Испаніи, когда уже рѣшенъ былъ папою, императоромъ и вице-королемъ неаполитанскимъ вопросъ о возвращеніи Медичи. Гвичардини задается мыслью найти условія, при которыхъ Большой Совѣтъ могъ бы быть сохраненъ во Флоренціи. Свободѣ ея грозитъ съ одной стороны вѣроятное желаніе иноземныхъ князей обратить Флоренцію въ монархію, а съ другой—самые ея порядки, весьма отличные отъ тѣхъ, какіе необходимы въ хорошо устроенной республикѣ. При существующихъ учрежденіяхъ можно отмѣтить стремленіе одновременно и къ тираніи и къ народному разгулу; доступъ къ дѣламъ закрытъ для людей выдающихся добродѣтелью или талантомъ.

Во всѣхъ гражданахъ замѣтно стремленіе къ почестямъ, мало привязанности къ славѣ и истинной чести и большая жажда денегъ. Эти причины колеблютъ довѣріе къ сохраненію республики, но не позволяютъ терять его окончательно. рачеваніе будетъ труднымъ, но больной не безнадеженъ. вобода—исконный порядокъ Флоренціи, но ей необходимо ıть основаніе, и такимъ основаніемъ можетъ быть Большой

Совѣтъ съ одной стороны, пожизненный гонфалоньеръ—съ другой. Это двѣ крайности, или противоположности, между которыми слѣдуетъ поставить посредствующее звено—сенатъ, который бы сдѣлался рулемъ республики. Этотъ сенатъ, по мнѣнію Гвичардини, не игралъ достаточной роли при Петрѣ Содерини. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (Ricordi), написанныхъ въ девятый годъ правленія послѣдняго, Гвичардини замѣчаетъ: „Люди, которые въ силу своихъ высокихъ достоинствъ призваны имѣть авторитетъ въ республикѣ, въ загонѣ, должности, почести оказываются лицамъ, недостойнымъ ихъ или по причинѣ низкаго рожденія, или благодаря отсутствію талантовъ и добраго характера. Дѣла республики ведутся такимъ образомъ, точно мы живемъ въ состояніи природы“. Содерини обвиняется въ томъ, что, пользуясь чрезмѣрной властью, онъ совѣтуется то съ „десятью“, то съ сенатомъ восьмидесяти, смотря по тому, гдѣ разсчитываетъ найти большую поддержку. Когда, въ 1516 году, Медичи уже водворились во Флоренціи, Гвичардини, бывшій, какъ мы видѣли изъ только что приведенныхъ выдержекъ, въ числѣ оптиматовъ, недовольныхъ правительствомъ Содерини, пошелъ навстрѣчу новымъ порядкамъ, сохраняя въ то же время желаніе удержать возможно больше стараго, т.-е. свободныхъ учрежденій.

Въ мемуарѣ, посвященномъ вопросу, какъ нужно реформировать правительство, чтобы упрочить владычество Медичей, онъ не скрываетъ того, что возвращеніе ихъ произошло вопреки народному желанію и вызвано было главнымъ образомъ неожиданнымъ возведеніемъ на папскій престолъ Льва X изъ династіи Медичи. Три года прошло со времени отмѣны республики, а народъ, привязанный къ ней, болѣе чѣмъ недоволенъ; сторонники же Медичи нерѣшительны и не обнаруживаютъ нужной энергіи въ поддержкѣ династіи. Лоренцо, ставши сеньеромъ Флоренціи, хотя и дѣлаетъ въ ней что хочетъ, но подъ чужимъ именемъ и чрезъ посредство сан-никовъ. Недостаетъ Медичи значительнаго числа добры друзей, съ которыми они могли бы совѣтоваться о важны

дѣлахъ. Это было бы для нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ воспитанные за границей, они не имѣютъ правильнаго представленія о флорентинскихъ порядкахъ. Во Флоренціи много людей, любящихъ городъ и общее благо и не способныхъ жертвовать ими для чего бы то ни было. Надо привлечь на свою сторону этихъ людей, во-первыхъ, поощряя ихъ частные интересы, такъ какъ послѣдніе составляютъ то, что руководитъ всего болѣе людьми, во-вторыхъ, обезпечивая всѣмъ равное правосудіе и не облагая никого податями. Гвичардини дѣлаетъ при этомъ слѣдующее характерное признаніе: „Во Флоренціи нѣтъ болѣе никого, кто бы настолько любилъ свободу и народное устройство, чтобы не согласиться жить подъ сѣнью новаго порядка и не отдать ему даже свою душу, разъ у него явится увѣренность въ возможности имѣть при немъ свою долю участія во власти, равную и даже большую противъ прежней“ [1]). Въ позднѣйшемъ трактатѣ, „О правительствѣ Флоренціи“, Гвичардини, повидимому, разувѣрившись въ возможности окончательнаго упроченія новаго порядка и объявляя себя прежде всего флорентинцемъ и патріотомъ, а затѣмъ уже человѣкомъ, обязаннымъ благодарностью Медичи, ставитъ себѣ вопросъ о томъ, какъ установить въ родномъ городѣ правительство честное, хорошо устроенное и поистинѣ свободное. Трактатъ распадается на двѣ части: въ первой толкуется о томъ, какое правительство можетъ считаться наилучшимъ: подобное ли тому, какое существовало при Медичи, или правительство всего народа, какъ то, какое упрочилось во Флоренціи послѣ изгнанія Петра и установленія республики. Первая часть заключаетъ въ себѣ мысли, близкія къ тѣмъ, которыя тотъ же писатель выскажетъ въ своихъ „Комментаріяхъ на Маккіавелли“. Онѣ сводятся къ признанію наилучшей смѣшанной формы правленія. Вторая же часть трактата заключаетъ въ себѣ критику всей политики Медичи. Эта

---

[1]) „Guicciardini e le sue opere inedite“ di Garlo Gioda, стр. 92—111.

половина весьма интересна для характеристики дѣйствій какъ Козьмы, такъ и Лоренцо Великолѣпнаго. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ порядковъ, державшихся при республикѣ Содерини. Выборъ на всѣ должности Большимъ Совѣтомъ кажется Гвичардини ошибкой. На мѣста высшихъ сановниковъ государства (гонфолоньера и членовъ Комиссіи Десяти) попадали, благодаря этому выбору, люди, которымъ нельзя было бы ввѣрить даже управленіе сельскими дѣлами. Народъ судитъ наобумъ, не разбираетъ, не взвѣшиваетъ.

Гвичардини высказываетъ свое отношеніе къ событіямъ, вызвавшимъ водвореніе республики, говоря устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего діалога: „Если бы отъ меня зависѣло, я бы не изгналъ Медичи, такъ какъ не вижу, какія отъ того проистекли выгоды. Но разъ совершился этотъ фактъ, возвращеніе ихъ равно нежелательно. Какъ же упрочить безъ нихъ добрый порядокъ?—Предоставивъ Большому Совѣту только утвержденіе, но не обсужденіе дѣлаемыхъ ему предложеній. Новые законы должны быть проводимы чрезъ тѣсный совѣтъ. Большой Совѣтъ вотируетъ ихъ, принимаетъ или отвергаетъ ихъ; безъ его вмѣшательства законопроектъ не становится закономъ. Что же касается до исполнительной власти, то ее надо поручить пожизненному гонфалоньеру, во многомъ подобному венеціанскому дожу. Венеція рѣшила вопросъ объ устройствѣ исполнительной власти лучше любой республики, лучше Спарты и Рима, гдѣ правительственныя функціи раздѣлены были между двумя сановниками. Пожизненность предпочитается срочности потому, что при ней не является у лица, занимающаго должности, того желанія упрочить свою власть чрезвычайными средствами, которое можетъ подвергнуть опасности существованіе самой республики“. Но чтобы ограничить авторитетъ единоличнаго правителя, Гвичардини желаетъ окружить его совѣтомъ, подобнымъ венеціанскому сенату и составленнымъ изъ 150 пожизненныхъ членовъ. Его дѣло обсуждать вопросы мира, войны, международныхъ сношеній, новые законы и указы до поступленія ихъ въ

Большой Совѣтъ. Ему же принадлежитъ выборъ пословъ и вообще принятіе всякихъ мѣръ, имѣющихъ государственное значеніе. Такъ какъ сенатъ нельзя собирать постоянно, то необходима болѣе тѣсная коллегія, которая бы играла при немъ ту роль, какая принадлежала флорентинской Комиссіи Десяти. Безъ вѣдома сената эта комиссія не можетъ производить затратъ. Благодаря ея существованію, административныя мѣропріятія будутъ предписываться тѣми, кто дѣйствительно что-нибудь смыслитъ въ дѣлахъ управленія. Наиболѣе выдающіеся граждане будутъ удовлетворены, получивъ доступъ къ дѣламъ, и власть пожизненнаго гонфалоньера сдѣлается ограниченной. Выборъ его долженъ принадлежать сенату, назначающему трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ затѣмъ Большому Совѣту. Кто получитъ въ немъ большинство голосовъ, долженъ считаться избраннымъ.

Таковы важнѣйшія черты того проекта реформы республиканскаго правительства, на которомъ остановился Гвичардини. Онъ любопытенъ для насъ не только своимъ сходствомъ съ венеціанскими порядками, но и тѣмъ, что въ немъ выступаютъ налицо всѣ тѣ элементы, какіе присущи современнымъ представительнымъ республикамъ, въ частности Франціи, т.-е. единоличный глава, выбираемый двумя представительными собраніями и управляющій съ помощью комиссіи, отвѣчающей современному понятію министерства. Оба совѣта имѣютъ своимъ источникомъ народъ; ни о какомъ сословномъ представительствѣ нѣтъ и помину. Руководящая роль принадлежитъ однако не демократическому по составу собранію, какъ это имѣетъ мѣсто въ наши дни, а, какъ это было въ древнемъ Римѣ и въ Венеціи, — тѣсному совѣту или сенату [1]).

Вопросъ объ устройствѣ республики на болѣе прочномъ основаніи и объ устраненіи тѣмъ возможности возобновленія

---

1) См. Gioda, стр. 475—492.

тираніи,—вопросъ, занимавшій, какъ мы видѣли, Гвичардини въ его только недавно изданныхъ „Разсужденіяхъ“, волнуетъ также величайшаго изъ политическихъ писателей Италіи, Маккіавелли, при составленіи имъ знаменитыхъ „Разсужденій на первую часть декадъ Тита Ливія“. На это сочиненіе Маккіавелли Гвичардини пишетъ свой комментарій, такъ что мы имѣемъ возможность сказать, въ чемъ сходились и въ чемъ расходились между собою два наиболѣе выдающихся государственныхъ дѣятеля Флоренціи,—два человѣка, одинаково посвященные во всѣ тонкости дипломатіи, побывавшіе при дворѣ такихъ политиковъ, какъ Фердинандъ Католическій или Цезарь Борджіа, тиранъ Романіи, исполнившіе важныя порученія въ различныхъ административныхъ миссіяхъ, ввѣренныхъ имъ домомъ Медичи въ Романіи и Тосканѣ, наконецъ одинаково оставившіе свой слѣдъ въ исторіографіи: Маккіавелли своими неподражаемыми „Флорентинскими исторіями“, Гвичардини — изображеніемъ современныхъ ему событій, какъ въ давно извѣстной читателямъ „Исторіи Италіи“, появившейся еще при жизни автора, такъ и въ недавно лишь отпечатанномъ трудѣ по исторіи Флоренціи со времени водворенія въ ней Медичи.

Оба писателя одинаково увлечены тѣмъ возродившимся интересомъ къ древности и въ частности къ Риму, который составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся сторонъ итальянскаго Возрожденія. Маккіавелли даже опредѣляетъ свою задачу, говоря, что онъ ищетъ въ исторіи римской республики, наиболѣе совершенной изъ тѣхъ, какія доселѣ извѣстны были міру,—указаній на то, какъ должны быть рѣшены вопросы, связанные съ упроченіемъ народоправства. Гвичардини не менѣе его посвященъ въ подробности римской конституціи, разумѣется, въ границахъ Тита Ливія, но онъ не прочь прибѣгать къ сравненію ея и съ лакедемонской и съ аѳинской; изъ новѣйшихъ государствъ от всего охотнѣе останавливается на Венеціи, преимущества к торой не разъ признаются имъ открыто. Обоихъ авторовъ ед

ли сильно раздѣляетъ крайне пессимистическое отношеніе Маккіавелли къ людямъ вообще, которые кажутся ему по природѣ склонными ко злу, и относительный оптимизмъ Гвичардини, считающаго ихъ по природѣ добрыми: вѣдь это заявленіе заканчивается совѣтомъ законодателю предписывать тѣ или другія мѣры, имѣя въ виду преимущественно злыхъ. Большую бездну между обоими писателями роетъ съ одной стороны пристрастіе Маккіавелли къ крутымъ поворотамъ въ политикѣ и возможность причислить Гвичардини къ числу постепеновцевъ, а съ другой — несомнѣнныя аристократическія симпатіи послѣдняго, которыхъ Маккіавелли, повидимому, не раздѣлялъ. Это обстоятельство не мѣшаетъ обоимъ теоретикамъ государственной жизни сходиться въ признаніи, что смѣшанный образъ правленія, прославленный еще древними и нашедшій образцы себѣ въ Спартѣ и Римѣ, долженъ быть признанъ наилучшимъ. Чтобы обезпечить его наступленіе, Маккіавелли не прочь высказаться въ пользу соціальной и политической борьбы классовъ по подобію той, какая существовала между патриціями и плебеями. Гвичардини же, въ противность ему, проповѣдуетъ соглашеніе между классами и является сторонникомъ общественной солидарности. Политическія стремленія обоихъ писателей также неодинаковы: Маккіавелли желалъ бы сдѣлаться свидѣтелемъ объединенія Италіи, Гвичардини же стоитъ за сохраненіе системы независимыхъ городскихъ республикъ и княженій, которая, говоритъ онъ, присуща Италіи, отвѣчаетъ характеру населяющихъ ее народностей и обезпечиваетъ свободу лучше, чѣмъ могло бы сдѣлать это политическое единство. Итальянцы, думаетъ онъ, никогда не понимали возможности предоставить участіе въ политической власти кому-либо, помимо гражданъ главнаго города. Этимъ различіемъ въ преслѣдуемомъ обоими политиками идеалѣ ...ъясняется неравная оцѣнка ими той роли, какая выпала ...ъ устройствѣ судебъ Италіи папству. Оба сходятся въ томъ, ...о нельзя привесть противъ него достаточныхъ обвиненій,

но тогда какъ Маккіавелли не можетъ простить ему того, что оно помѣшало Италіи образовать единое политическое цѣлое, Гвичардини склоненъ видѣть въ этомъ счастливый результатъ своекорыстной политики папъ.

ГЛАВА X.

Маккіавелли и Гвичардини, ихъ ученіе о средствахъ упроченія республики и о наилучшей формѣ правленія.

§ 1. Я имѣлъ уже случай сдѣлать то общее замѣчаніе что итальянскія республики являются прямымъ продолженіемъ древнихъ, что политическая свобода въ Италіи XIII и слѣдующихъ столѣтій была понимаема въ томъ же смыслѣ участія въ политической власти, что и двѣ тысячи лѣтъ ранѣе, во времена Солона или Ликурга. Эту параллель можно было бы провесть и далѣе, настаивая на чисто городскомъ характерѣ республикъ, на неспособности ихъ вступать съ подчиненными имъ селами и городами въ отношенія политическаго равенства. При такихъ условіяхъ сопоставленіе ихъ внутренней жизни и внѣшнихъ предпріятій съ политикой древняго Рима было въ порядкѣ вещей; этимъ сопоставленіемъ и задался Маккіавелли въ своихъ „Разсужденіяхъ на первую декаду Тита Ливія“ [1]). Ставя на видъ читателю, что

[1]) Villari справедливо настаиваетъ на томъ, что въ своихъ „Разсужденіяхъ“ Маккіавелли имѣетъ въ виду только Римъ, а не Грецію. Сочиненія греческихъ политиковъ, за исключеніемъ Полибія, повидимому, были ему мало извѣстны. У него можно найти отдѣльныя фразы, указывающія на то, что и съ Аристотелевой „Политикою“ онъ познакомился сравнительно поздно, уже послѣ написанія своего трактата. На этомъ основаніи Villari отрицаетъ возможность говорить о подражан имъ Аристотелю или Сократу, какъ это недавно еще дѣлали нѣкот рые ученые, въ томъ числѣ проф. Тріантафилисъ. Послѣдній старал обосновать тотъ взглядъ, что Маккіавелли читалъ по-гречески

увлеченіе древностью, какимъ отличаются современники Возрожденія, не сказалось пока въ желаніи найти въ ней указаній для практическаго руководства политикой, Маккіавелли тѣмъ самымъ оттѣняетъ новизну поставленной имъ задачи и отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла тѣхъ, которые искали совѣта не въ указаніяхъ исторіи, а въ текстахъ Священнаго Писанія и изреченіяхъ отцовъ церкви. Но, допуская даже сходство въ той политической обстановкѣ, въ какой жили граждане римской республики, съ тою, въ которой протекало существованіе современниковъ Маккіавелли, можно поставить себѣ вопросъ—не противорѣчитъ ли прямому примѣненію принциповъ, выведенныхъ изъ изученія римской исторіи, самый фактъ поступательнаго движенія общества, благодаря которому жизнь итальянскихъ республикъ эпохи Возрожденія должна быть признана высшей ступенью въ общемъ развитіи гражданственности? Маккіавелли совершенно чуждо понятіе о прогрессѣ. Онъ вѣритъ, наоборотъ, въ неизмѣнность человѣческой природы, въ наличность въ любой моментъ равнаго количества добра и зла въ мірѣ, фактъ, скрываемый отъ насъ, думаетъ онъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что это добро и зло неравномѣрно распредѣлены въ разное время у разныхъ

имѣлъ возможность познакомиться съ Аристотелемъ, Сократомъ и Полибіемъ въ подлинникахъ, что онъ, въ частности, заимствовалъ свои свѣдѣнія о теоріи Полибія насчетъ преемственной смѣны формъ правленія изъ греческаго текста, не вошедшаго въ его исторію, но попавшаго въ сборникъ Порфирогенета; Villari побѣдоносно разбиваетъ всю эту аргументацію, указывая между прочимъ на то, что въ эпоху Возрожденія, когда каждый спѣшилъ похвастаться своимъ знаніемъ греческаго языка, Маккіавелли хранитъ на этотъ счетъ упорное молчаніе. Съ Аристотелемъ Маккіавелли могъ быть знакомъ, пишетъ Виллари, и до выхода въ свѣтъ латинскаго перевода его „Политики", благодаря ряду рукописныхъ передачъ, доселѣ сохранившихся … библіотекахъ Флоренціи. (См. 2-й т. сочиненія Villari „Nicolo Mac…avelli e i suoi tempi", гл. II 2-й книги, стр. 276 и слѣд., а также въ …ложеніи, документъ 18-й, стр. 546—559).

народовъ [1]). Мы имѣемъ въ лицѣ Маккіавелли не эволюціониста, а скорѣе сторонника того круговращательнаго движенія, которое гораздо раньше Вико, въ примѣненіи къ политикѣ, признаваемо было древними писателями, въ частности Полибіемъ. Утверждая, что человѣческіе порядки никогда не остаются неизмѣнными и то совершенствуются, то ухудшаются [2]), Маккіавелли вслѣдъ за тѣмъ излагаетъ въ своихъ „Разсужденіяхъ“ теорію естественнаго перехода монархій въ аристократіи, аристократій въ демократіи и послѣднихъ обратно въ монархіи; теорію же эту можно найти въ VI книгѣ греческой исторіи Полибія [3]). Италія XV вѣка не только не кажется Маккіавелли опередившей Римъ VI или V вѣка до Р. Х., но еще представляющей всѣ признаки упадка; неизбѣжность послѣдняго составляетъ какъ бы часть его общей системы; она доказываетъ одновременно измѣнчивость и постоянство всего сущаго. Упадокъ Италіи сказывается прежде всего въ сферѣ религіи и нравственности, а затѣмъ въ сферѣ учрежденій.

---

[1]) „Кто сравнитъ прошлое съ настоящимъ,—пишетъ Маккіавелли въ XXXIX главѣ I книги,—легко убѣдится въ томъ, что во всѣхъ городахъ и у всѣхъ народовъ существуютъ тѣ же желанія и тѣ же настроенія; эти желанія и эти настроенія всегда существовали въ мірѣ. Вотъ почему, изучая прошлое, можно предвидѣть будущее и приложить къ республикамъ тѣ средства врачеванія, которыя были испробованы древними. Все въ мірѣ и во всякое время можетъ найти свой прообразъ въ древности. Происходитъ же это отъ того, что люди всегда имѣли однѣ страсти, а страсти должны были производить всегда одинаковыя послѣдствія“ (книга III, глава XLIII).

[2]) „Дѣла рукъ человѣческихъ постоянно въ движеніи—подымаются вверхъ или опускаются внизъ“ (книга II).

[3]) Этотъ отрывокъ не вошелъ въ современное Маккіавелли изданіе „Исторіи Полибія“, такъ что доселѣ еще не выяснено, какимъ путемъ Маккіавелли узналъ о немъ. Заимствованіе же Маккіавелли основной теоремы Полибія стоитъ, повидимому, внѣ спора. Такое впечатлѣ получается, между прочимъ, отъ чтенія комментарія Villari. (См. т. уже названнаго сочиненія, стр. 284 и слѣд.).

И вѣроученія и государственные порядки нуждаются, по мнѣнію Маккіавелли, не въ постепенномъ совершенствованіи, а въ возвращеніи къ принципамъ, первоначально положеннымъ въ ихъ основу[1]). Подобный въ этомъ отношеніи тѣмъ греческимъ или римскимъ реформаторамъ, которые озабочены были мыслью о возвращеніи Аѳинъ или Спарты ко временамъ Солона и Ликурга, а Рима къ эпохѣ Сципіона Африканскаго, Маккіавелли ищетъ спасенія для религіи и политическихъ порядковъ въ оживленіи прошлаго. „Христіанская церковь погибла бы,—говоритъ онъ,—если бы доминиканцы и францисканцы не вернули ея къ принципу, положенному въ ея основу. Итальянскимъ республикамъ, въ частности Флоренціи, грозитъ та же судьба, если къ ихъ реформѣ не приложены будутъ тѣ начала здраваго народоправства, которыя я, пишетъ Маккіавелли, намѣреваюсь установить съ помощью историческаго изученія судебъ наиболѣе совершенной изъ всѣхъ республикъ—римской“. Любопытно, что въ этомъ отношеніи Монтескьё нимало не расходится съ Маккіавелли. И онъ говоритъ намъ о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія и о необходимости временами реформировать учрежденія, чтобы дать имъ возможность приблизиться къ исконнымъ началамъ, положеннымъ въ ихъ основу. Тому и другому писателю одинаково рисуется образъ древняго законодателя, сразу создающаго у народа тѣ или другіе порядки по напередъ опредѣленному плану, съ цѣлью логическаго проведенія разъ установленнаго принципа. Время исказило эти порядки, внесло нелогичность и противорѣчія въ систему; чтобы устранить эту нелогичность надо вернуться къ стариннымъ принципамъ. Въ этомъ одномъ лежитъ спасеніе,—спасеніе не того или другого лица, семьи или партіи, а всего народа, тотъ salus populi, который, по словамъ римскихъ юристовъ, долженъ быть высшимъ руководя-

[1]) Книга III, глава I. „Средство обновить религіозныя секты и республики, это—вернуть ихъ къ ихъ принципамъ“.

щимъ мотивомъ, suprema lex, для котораго, слѣдовательно, надо всѣмъ жертвовать, никого и ничего не щадя. Такъ именно понимаетъ задачу политическаго реформатора и Маккіавелли. Въ связи съ пессимистическимъ воззрѣніемъ на людей, которыхъ онъ считаетъ злыми и которыхъ легче забрать въ руки страхомъ, чѣмъ милосердіемъ, стоитъ у Маккіавелли ученіе о необходимости поставить благо народа выше требованій морали. Такое воззрѣніе вполнѣ развязываетъ руки политическому реформатору. Въ этомъ положеніи лежитъ источникъ всего того, что привыкли ставить въ вину изучаемому нами автору. При этомъ совершенно произвольно утверждаютъ, что неразборчивость на средства рекомендуется Маккіавелли только въ „Князѣ“—этой якобы настольной книгѣ тирановъ, тогда какъ въ дѣйствительности мы находимъ ее въ равной мѣрѣ и въ „Разсужденіяхъ на декады Тита Ливія“. Такія главы, напримѣръ, какъ та, въ которой рекомендуется тиранамъ убійство сыновъ Брута, а врагамъ тираніи — истребленіе сыновъ Тарквинія, т.-е. въ первомъ случаѣ изведеніе защитниковъ свободы, а во второмъ — ея противниковъ (книга I, глава XVI и книга III, глава III), постоянный совѣтъ spegnere, levar via, т.-е. погасить, уничтожить и упразднить всѣ препятствія къ торжеству единоначалія, или соотвѣтственно народоправства, очевидно, на даютъ основанія думать, чтобы у Маккіавелли было два мѣрила: одно для устроителей республикъ, а другое для основателей тираніи. Въ одномъ мѣстѣ своей книгѣ Виллари справедливо замѣчаетъ, что ошибочно было бы обвинять Маккіавелли въ маккіавеллизмѣ, такъ какъ свою мысль онъ высказываетъ всегда съ большой откровенностью. Но если мораль нашего автора остается въ „Разсужденіяхъ“ та же, что и въ трактатѣ о „Князѣ“, повидимому, ранѣе написанномъ, такъ какъ на него можно встрѣтить не разъ ссылки въ „Разсужденіяхъ“ [1]), то въ этомъ послѣднемъ

---

[1]) Villari проводитъ тотъ взглядъ, что „Князь“ былъ уже законче въ декабрѣ 1513 года, когда Маккіавелли занялся его окончателы

сочиненіи въ виду, разумѣется, самаго его сюжета, гораздо рѣзче выступаютъ политическія симпатіи государственнаго секретаря Флоренціи, въ частности его привязанность къ республиканскимъ порядкамъ. „Легко понять причину,—читаемъ мы во второй главѣ второй книги,—откуда возникаетъ въ народахъ эта привязанность къ свободной жизни. Опытъ доказалъ, что города расширяютъ свою территорію и свои богатства только при свободныхъ учрежденіяхъ. Удивительное дѣло, до какого величія поднялись Аѳины въ теченіе всего-навсего ста лѣтъ, протекшихъ съ паденія тираніи Пизистратидовъ. Но всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи быстрый ростъ Рима съ момента упраздненія въ немъ царской власти. Причина всему этому лежитъ налицо; не частное, а общественное благо создаетъ величіе государствъ—городовъ (città), а нѣтъ сомнѣнія, что это благо соблюдается только въ республикахъ“. Маккіавелли доказываетъ далѣе, что въ нихъ частная выгода сплошь и рядомъ приносится въ жертву общей, тогда какъ въ принципатахъ—наоборотъ. Въ тираніяхъ при лучшихъ условіяхъ только задерживается ростъ общественнаго благополучія. Вѣдь даже добродѣтельный тиранъ не въ состояніи надѣлить почестями и благами добрыхъ и доблестныхъ, въ виду подозрѣнія, какое они необходимо вызываютъ въ немъ. Не можетъ онъ также быть озабоченъ расширеніемъ могущества того города, въ которомъ онъ владычествуетъ, путемъ подчиненія ему завоеванныхъ земель, такъ какъ его цѣль—держать государство слабымъ и разъединеннымъ. Вотъ почему древніе народы съ такою ненавистью и преслѣдовали тирановъ, любя и уважая свободу,

обработкой. Что же касается до „Разсужденій на декады Тита Ливія“ то Маккіавелли продолжалъ заниматься ими еще долгое время, и все же не довелъ ихъ до конца. (Villari, „Nicolo Macchiaveili e i suoi tempi“, . II, стр. 268. См. также дополненіе XVII, въ которомъ приводится ереписка Ветори съ Маккіавелли,—переписка, позволившая Villari редѣлить болѣе точно время редактированія Маккіавелли обоихъ его ктатовъ.

вотъ почему они такъ рѣшительно мстили тѣмъ, кто отымалъ ее у нихъ. Отъ Маккіавелли не ускользаетъ, однако, неспособность какъ древнихъ, такъ и новыхъ республикъ перейти отъ порядковъ владычества города надъ подчиненными ему селами и муниципіями къ порядкамъ политически-объединеннаго государства, предоставляющаго своимъ гражданамъ равную для всѣхъ свободу. Очень характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія его заявлянія: „Изъ всѣхъ видовъ несвободы самая тяжкая та, какую испытываютъ города и земли, подчинившіеся республикѣ, во-первыхъ, потому, что такая неволя наиболѣе продолжительна и мало есть надежды выйти изъ нея (власть же тирана, наоборотъ, рѣдко когда прочна), а во-вторыхъ потому, что республика ставитъ себѣ сознательную цѣль ослабить (enervare et indebolire) тѣхъ, кого она подчинила себѣ“. Маккіавелли сознается даже, что положеніе городовъ и земель, поставленныхъ подъ власть тирана, несравненно лучше, чѣмъ тѣхъ, какіе попали въ подданство республики (книга I, глава II). Онъ тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ пониманію одной изъ причинъ, благодаря которымъ городъ въ роли „политіи“ не могъ перейти въ тотъ конгломератъ сельскихъ и городскихъ поселеній, съ какимъ мы связываемъ нынѣ понятіе государства, не прошедши предварительно посредствующей ступени цезаризма. Правда, никто лучше Маккіавелли не указываетъ того пути, какимъ, не стремясь къ территоріальному расширенію, а только къ сохраненію пріобрѣтеннаго, города-государства могутъ обезпечить себѣ свободу и независимость. Двумя столѣтіями ранѣе Руссо онъ говоритъ о союзѣ городовъ, или федераціи, какъ о надежнѣйшемъ къ тому средствѣ. Въ древности эта истина, пишетъ онъ, была сознана этрусками, въ новое время — швейцарцами[1]). Держать же силою чужіе города, привыкшіе быть свободными, — дѣло трудное, въ которомъ чувствуется необходимость только тогда, если народъ, подобно римлянамъ,

---

[1]) Книга I, глава III.

стремится не къ одному сохраненію, но и къ расширенію своего владычества [1]).

Каковы, спрашивается, другія условія сохраненія независимости республикъ? Маккіавелли настаиваетъ на необходи-

[1]) Маккіавелли различаетъ три порядка, которыми республики могутъ расширить свои владѣнія: конфедерацію между городами, являющимися центрами республикъ, обращеніе побѣдителемъ побѣжденныхъ въ союзниковъ (такъ поступали римляне) и наконецъ приниженіе ихъ до роли и полу-полноправныхъ обывателей (такъ поступали спартанцы и аѳиняне). Послѣдній порядокъ Маккіавелли считаетъ наименѣе цѣлесообразнымъ; онъ видитъ въ немъ причину отпаденія отъ Спарты и Аѳинъ силою подчиненныхъ имъ городовъ. Римляне же въ значительной степени обезпечили себѣ продолжительное господство тѣмъ, что относились къ подвластнымъ какъ къ союзникамъ. Маккіавелли жалуется, что примѣру римлянъ въ его время никто не слѣдуетъ. Большинство республикъ подражаетъ скорѣе спартанцамъ и аѳинянамъ. Порядка же конфедераціи, извѣстнаго еще этрускамъ, придерживаются 14 мелкихъ государствъ Швейцаріи, да еще Союзъ швабскихъ городовъ. (См. „Discorsi", кн. II, гл. IV). Маккіавелли не разъ относится съ большою похвалою къ порядкамъ германскихъ городскихъ республикъ, въ которыхъ, по его словамъ, не послѣдовало того извращенія нравовъ, примѣръ котораго представляютъ латинскія государства—Италія, Франція и Испанія. При меньшемъ развитіи роскоши свобода находитъ въ нихъ свое естественное основаніе въ равенствѣ (См. „Discorsi", кн. I, гл. XVIII, въ которой Маккіавелли говоритъ: „La liberta suppone sempre ugualianza"). О швейцарцахъ онъ пишетъ, что они одни еще живутъ, какъ жили древніе (кн. I, гл. XII). Въ книгѣ I, гл. IV, мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Въ Италіи все испорчено (corrotto); частью испорчены также Испанія и Франція. Въ Германіи же мы находимъ республики, хорошо управляемыя, обычаи не испорченные, благодаря чему дѣла идутъ хорошо". Маккіавелли видитъ источникъ этихъ различій въ томъ, что швейцарцы имѣли мало торговыхъ сношеній съ сосѣдями и потому сохранили простоту въ своемъ образѣ жизни, а нѣмецкія республики или изгнали, или извели своихъ дворянъ, благодаря чему и держится въ нихъ равенство—эта необходимая основа свободы. Тѣмъ же равенствомъ объясняетъ Маккіавелли причину, по которой, въ противность Неаполю, Риму, Романіи и Ломбардіи, республиканское устройство еще продолжало жить въ его время въ городахъ Тосканы, въ частности во Флоренціи, Сіеннѣ и Луккѣ.

мости для нихъ держать собственное войско или народную милицію [1]) и избѣгать постоянныхъ колебаній во внѣшней политикѣ, такъ какъ нерѣшительность въ союзахъ и войнахъ, свидѣтелемъ которой, прибавляетъ онъ, я не разъ былъ во Флоренціи, присуща вообще государствамъ слабымъ [2]). Съ тою же цѣлью сохраненія независимости Маккіавелли указываетъ республикамъ на гибельныя послѣдствія завоевательныхъ затѣй. Онъ признаетъ въ то же время, что республикамъ трудно не быть вовлеченными въ нихъ поведеніемъ сосѣдей. Если германскіе города избѣжали этой опасности, то потому, что они стоятъ подъ властью императора и смотрятъ на него какъ на посредника въ своихъ распряхъ [3]). Маккіавелли старается также опровергнуть ходячія въ его время представленія, что здравый политическій расчетъ заставляетъ поддерживать въ сосѣднихъ городахъ внутреннюю рознь, дабы имѣть возможность овладѣть ими съ помощью одной изъ борющихся партій. Чтобы остеречь отъ такой политики своихъ согражданъ, онъ приводитъ между прочимъ примѣръ герцога миланскаго, Филиппа Висконти, который разсчитывалъ съ помощью подобнаго пріема подчинить себѣ Флоренцію и только напрасно истратилъ на это 2,000,000 флориновъ [4]).

Что касается до средствъ сохранить свободу внутри республикъ, то Маккіавелли даетъ прежде всего общій совѣтъ — измѣнять поведеніе вмѣстѣ съ перемѣной обстоятельствъ (conviene variare coi tempi) [5]).

Сдѣлать это труднѣе единоличному правителю, нежели республикѣ, такъ какъ первый не въ силахъ измѣнить своего темперамента; въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ, по кото-

---

1) Кн. I, гл. X.
2) Кн. II, гл. XV.
3) Кн. II, гл. XIX.
4) Кн. II, гл. XXV.
5) Кн. III, гл. IX.

рымъ республики болѣе продолжительны и прочны, чѣмъ принципаты, но только подъ однимъ условіемъ: если онѣ будутъ измѣнять свои внутренніе распорядки, согласно требованіямъ времени. Другой совѣтъ—не пренебрегать выдающимися дарованіями, къ чему весьма склонны народоправства. Когда лучшимъ людямъ закрытъ доступъ къ дѣламъ, между ними распространяется недовольство, побуждающее ихъ приложить все стараніе къ тому, чтобы вовлечь республику въ какія-нибудь рискованныя предпріятія, напримѣръ, войны, при которыхъ ихъ содѣйствіе было бы необходимо [1]). Въ случаѣ безпорядковъ, вызванныхъ внутренними усобицами, Маккіавелли стоитъ за крутыя мѣры; онъ совѣтуетъ перебить (ammazzare) предводителей движенія и жалѣетъ, что слабость его современниковъ, вызванная несовершенствомъ воспитанія, заставляетъ ихъ считать безчеловѣчными тѣ мѣры, къ которымъ древніе прибѣгали сплошь и рядомъ и которыя самъ онъ рекомендовалъ по отношенію къ возставшимъ противъ Флоренціи жителямъ Валь-Ди-Кіана [2]).

Что касается до самыхъ учрежденій, съ помощью которыхъ можно было бы предупредить заговоры и насильственныя потрясенія, то Маккіавелли, какъ общее правило, рекомендуетъ возложить охрану свободы на одинъ изъ двухъ классовъ, изъ которыхъ слагается населеніе республики, т.-е. на дворянъ или на простонародіе. Спартанцы и венеціанцы вручили эту заботу дворянамъ, но Маккіавелли даетъ предпочтеніе противоположному рѣшенію, говоря, что меньше риску ввѣрить эту заботу народу, такъ какъ его желаніе обыкновенно сводится только къ тому, чтобы не быть подъ чужой властью, тогда какъ дворяне не прочь владычествовать; отъ нихъ можно опасаться поэтому и захвата власти [3]).

---

[1]) Книга III, глава XVI.
[2]) Кн. III, гл. XXVII.
[3]) Кн. I, гл. V.

Другое средство предупредить насильственный переворотъ, это—допустить свободу обвиненій. Тамъ, гдѣ нѣтъ возможности привлечь къ суду заподозрѣннаго въ козняхъ противъ свободы, тамъ толпа обращается къ крайнимъ средствамъ, имѣющимъ послѣдствіемъ внутреннее потрясеніе государства. Эти обвиненія должны быть дѣлаемы передъ судилищемъ, достаточно многочисленнымъ, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ пристрастіи [1]). Свобода обвиненій имѣетъ еще то выгодное послѣдствіе, что кладетъ конецъ распространенію клеветъ, такъ часто губившихъ репутацію выдающихся гражданъ; онѣ немыслимы тамъ, гдѣ клеветникъ во всякое время можетъ быть вынужденъ перейти въ роль формальнаго обвинителя [2]). Съ тою же цѣлью избѣжать потрясеній необходимо, при введеніи реформъ въ республикѣ, сохранять по крайней мѣрѣ тѣнь старыхъ порядковъ. Вѣдь большинство людей болѣе дорожитъ видимымъ, нежели существующимъ на дѣлѣ [3]). Когда въ республикѣ возникаютъ какія - либо неожиданныя опасности, слѣдуетъ, напримѣръ, возвышеніе той или другой семьи, пріобрѣвшей многихъ кліентовъ, лучше выждать время, нежели ускорить ходъ событій, посылая ее, напримѣръ, въ изгнаніе, изъ котораго она, какъ показалъ примѣръ Медичи, нерѣдко возвращается болѣе сильной и вредной [4]). Созданіе въ случаѣ опасности для свободы временной и чрезвычайной власти, подобной той, какая принадлежала римскимъ диктаторамъ, Маккіавелли считаетъ желательнымъ. Венеціанская республика, „которая изъ новѣйшихъ должна считаться превосходнѣйшею“, создала подобную же власть въ лицѣ совѣта десяти [5]). Однимъ изъ условій прочности республики Маккіавелли признаетъ строгое исполненіе законовъ и передачу въ руки народа того, что онъ всего

[1]) Кн. I, гл. VII.
[2]) Кн. I, гл. VIII.
[3]) Кн. I, гл. XXV.
[4]) Кн. I, гл. XXXIII.
[5]) Кн. I, гл. XXXIV.

лучше можетъ дѣлать, а именно: выбора властей. Народъ легче ошибается при обсужденіи общихъ, нежели частныхъ вопросовъ [1]). Важно также предупредить наступленіе со стороны частнаго лица дѣйствій, опасныхъ для свободы; такъ, напримѣръ, во Флоренціи лучше было принять въ законахъ мѣры противъ пріобрѣтенія Медичи многихъ кліентовъ въ народѣ, чѣмъ послать эту семью въ изгнаніе [2]). Маккіавелли, вообще не склонный къ оптимизму, въ то же время рѣшительно утверждаетъ, что масса гражданъ отличается большей мудростью и большимъ постоянствомъ, чѣмъ единоличный правитель. Онъ не боится поэтому ввѣрить народу власть въ республикѣ. „Примѣръ Рима,—говоритъ онъ,—доказываетъ, что народъ не терпитъ даже имени царя; народъ любитъ славу и ищетъ блага родины". Народъ, по его мнѣнію, недовѣрчивъ и менѣе измѣнчивъ и опрометчивъ, чѣмъ единоличный правитель. Не даромъ же гласъ народа отождествляется съ гласомъ Божьимъ. Въ судебныхъ дѣлахъ народъ рѣдко когда не откроетъ, на чьей сторонѣ право; разумѣется, не въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ замѣшаны его собственные интересы; но и въ такихъ страсти князя не являются лучшимъ совѣтникомъ. Опытъ убѣждаетъ также, что народъ выбираетъ гораздо удачнѣе сановниковъ, чѣмъ князь, нерѣдко надѣляющій властью людей порочныхъ и дурной славы. Такъ, римскій народъ за столько вѣковъ своего существованія едва ли назначилъ болѣе четырехъ консуловъ и трибуновъ, выборъ которыхъ могъ бы считаться необдуманнымъ. Можно, правда, сказать, что единоличные правители превосходятъ республики въ дѣлѣ созданія новыхъ законовъ и регламентовъ; но зато народы лучше князей умѣютъ сохранять существующіе порядки [3]). Все сказанное вѣрно до тѣхъ поръ, пока народъ не испорченъ, но если порча разъ вкралась въ него, крайне

---

[1]) Кн. I, гл. XLVII.
[2]) Кн. I, гл. LII.
[3]) Кн. I, гл. LVIII.

трудно возстановить въ немъ свободу. Вотъ почему во Флоренціи, которая съ самаго начала была испорчена подчиненіемъ своимъ имперіи, несмотря на двухсотлѣтнее существованіе республики, въ виду смѣшенія новыхъ порядковъ со старыми (свободы съ подчиненіемъ), никогда не имѣлось того, что можно бы назвать народоправствомъ; хотя нерѣдко отдѣльнымъ гражданамъ и представляемо было путемъ выборовъ право реформировать учрежденія, но никто никогда не устраивалъ ихъ иначе, какъ въ интересахъ собственной партіи, отчего, разумѣется, возникали въ городѣ только новые безпорядки [1]). Для республики неиспорченной, каковъ былъ древній Римъ, не опасно соперничество дворянства съ народомъ; оно даже можетъ сдѣлаться однимъ изъ условій сохраненія свободы [2]); но того же нельзя сказать о тѣхъ, въ которыя вкралась порча (dove la civilta è corrotta [3]). Вотъ почему Маккіавелли, предваряя въ этомъ отношеніи Руссо, объявляетъ, что въ современныхъ условіяхъ легче создать республику среди горцевъ, у которыхъ нѣтъ еще никакой культуры, чѣмъ въ средѣ людей, привыкшихъ жить въ городахъ, гдѣ порча уже проникла въ нравы [4]). Въ такихъ городахъ трудно удержать свободу или установить ее снова, такъ какъ основу свободы составляетъ равенство [5]). Кто тѣмъ не менѣе желалъ бы сдѣлать подобный опытъ, долженъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, къ насилію, съ помощью котораго легко было бы пріобрѣсть единовластіе и воспользоваться имъ для реформы внутреннихъ порядковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порочныя республики имѣютъ тяготѣніе не къ демократіи, а къ монархіи [6]). На вопросъ, какой образъ правленія долженъ быть признанъ наилучшимъ,

---

1) Кн. I, гл. XLIX.
2) Кн. I, гл. IV.
3) Кн. I, гл. XI.
4) Кн. I, гл. IX.
5) La liberta suppone semre l'ugualianza (кн. I, гл. XVIII).
6) Кн. I, гл. XVIII.

Маккіавелли въ одной изъ первыхъ главъ своего сочиненія отвѣчаетъ ссылкою на примѣръ Рима и Спарты; онъ вполнѣ согласенъ съ ученіями древнихъ политиковъ, что наиболѣе совершеннымъ надо признать смѣшанное устройство, въ которомъ власть народа ограничена властью князя и оптиматовъ [1].

Въ этомъ отношеніи съ нимъ сходится и его критикъ— Гвичардини. „Не можетъ быть сомнѣнія, — пишетъ онъ, — что образъ правленія смѣшанный, изъ князя, оптиматовъ и народа, лучше и прочнѣе простого правительства, особенно же тогда, когда онъ смѣшанъ такимъ образомъ, чтобы у каждаго изъ простыхъ правительствъ взято было, что есть въ нихъ хорошаго, и оставлено, что есть въ нихъ дурного. Въ этомъ выборѣ и лежитъ все дѣло; отъ него и можетъ произойти ошибка лица, установившаго правительство. За монархіей надо признать то преимущество, что она лучше, съ большимъ порядкомъ и быстротою, съ большею тайною и рѣшительностью, руководитъ государственными дѣлами. Вредъ же ея лежитъ въ томъ, что власть при ней можетъ попасть въ руки человѣка дурного. Какъ располагающій неограниченнымъ авторитетомъ, такой человѣкъ употребитъ его на дѣланіе зла. Такимъ же образомъ невѣжество даже добраго монарха можетъ сдѣлаться источникомъ нескончаемыхъ безпорядковъ. Этой опасности нельзя избѣжать и въ выборной монархіи, такъ какъ народъ можетъ по ошибкѣ дать свой голосъ недостойному, а громадность власти сплошь и рядомъ портитъ природу избранника. Когда же у него окажутся дѣти, то трудно, чтобы онъ не пожелалъ передать имъ власти, вопреки конституціи, а для этого ему придется прибѣгнуть къ средствамъ, которыхъ нельзя назвать похвальными. Тотъ, кто при смѣшанномъ устройствѣ желаетъ сохранить возможно больше чертъ монархіи, едва ли въ состояніи избѣжать всѣхъ ея невыгодныхъ сторонъ, а ому лучше всего, сдѣлавши короля постояннымъ, ограни-

---

Кн. I, гл. II.

чить его власть такъ, чтобы онъ самъ по себѣ не могъ предпринять ничего, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ большой важности. Такимъ образомъ можно было бы обезпечить правительству ту выгоду, какую доставляетъ око, постоянно озабоченное ходомъ государственныхъ дѣлъ, глава, которому можно ежечасно подвергнуть спорный вопросъ на разсмотрѣніе, ходатай, вѣчно занятый предложеніемъ и проведеніемъ нужныхъ государству мѣръ. При ограниченной власти единоличнаго правителя мы лишаемся, разумѣется, того преимущества, какое представляетъ соединеніе въ одномъ лицѣ правъ обсужденія и исполненія; но мы избѣгаемъ въ то же время опасности перехода монархіи въ тиранію". Гвичардини стоитъ за избирательную, а не наслѣдственную королевскую власть, за пожизненную, а не срочную. При срочности же онъ высказывается въ пользу возможнаго ея продленія. Венеціанцы, по его мнѣнію, поступили въ этомъ отношеніи благоразумнѣе римлянъ и спартанцевъ, такъ какъ въ Венеціи дожъ пожизненъ, въ Спартѣ же наслѣдственъ, а въ Римѣ замѣнившіе царя консулы избирались ежегодно. Переходя отъ монархіи къ аристократіи, Гвичардини говоритъ: „Въ правительствѣ оптиматовъ имѣется то преимущество, что, будучи въ извѣстномъ числѣ, они не могутъ такъ скоро установить тираніи, какъ единоличный правитель. Другая положительная сторона лежитъ въ томъ, что государствомъ управляютъ наиболѣе достойные граждане, а потому дѣла ведутся съ бо̀льшимъ знаніемъ и съ бо̀льшимъ благоразуміемъ (чѣмъ при владычествѣ толпы). Пользуясь почетомъ, оптиматы имѣютъ менѣе причинъ вступать противъ государства въ заговоры и желать его гибели; но къ этимъ качествамъ присоединяется тотъ недостатокъ, что, будучи надѣлены бо̀льшей властью, они проводятъ только то, что выгодно для нихъ самихъ и можетъ служить къ угнетенію народа. Такъ какъ честолюбіе людей не имѣетъ границъ, то можетъ статься, что они желаютъ усилить свою власть; а отъ этого могутъ произо[illegible] между ними раздоры, что и поведетъ къ возстанію; отъ н[illegible]

же можно ждать только упроченія тираніи и гибели государства. Тамъ же, гдѣ власть оптиматовъ наслѣдственна, на смѣну мудрымъ и добрымъ могутъ явиться люди неосторожные и дурные. У правительства оптиматовъ надо взять поэтому только то, что есть у него полезнаго, и оставить въ сторонѣ то, что оно заключаетъ въ себѣ вреднаго; для этого же нужно, чтобы оптиматами не были члены однѣхъ и тѣхъ же семей, а чтобы изъ всѣхъ, кто, согласно законамъ, въ правѣ быть сановниками, выбирался сенатъ, призванный рѣшать дѣла сложныя. При такихъ условіяхъ онъ составленъ будетъ изъ самыхъ мудрыхъ, благородныхъ и богатыхъ жителей государства. Надо же сдѣлать составъ его постояннымъ или, по крайней мѣрѣ, возстановляемымъ на разстояніи лишь длинныхъ промежутковъ времени. Желательно, чтобы сенатъ былъ многочисленъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ оптиматы встрѣтятъ большую терпимость къ себѣ въ прочихъ гражданахъ, у которыхъ не отнята будетъ надежда самимъ попасть въ его составъ или по крайней мѣрѣ открыть къ нему доступъ своимъ дѣтямъ. При значительности числа сенаторовъ есть возможность достигнуть того, чтобы въ собраніи засѣдали всѣ достойные. Не надо предоставлять сенату абсолютной власти. Особенно необходимо, чтобы избраніе сановниковъ, надѣленныхъ правомъ верховнаго начальства и суда (merum et mixtum imperium), и тѣхъ, которые завѣдуютъ распредѣленіемъ налоговъ, займами и государственною казною, принадлежало не сенату. Важно также, чтобы онъ не могъ издавать законовъ безъ согласія народа, дабы лишить его возможности измѣнять порядокъ государственнаго устройства, сосредоточивъ всю власть въ рукахъ магнатовъ, ко вреду простонародья. Надо предоставить сенату право подачи совѣта и право сужденія въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ особенно нужна мудрость людская, а именно въ вопросахъ войны и мира, договоровъ съ иностранными державами и въ другихъ, столь же существенныхъ, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе и расширеніе территоріи госу-

дарства. Гвичардини ссылается въ подтвержденіе рекомендуемой имъ практики на примѣръ Спарты и Рима. Наравнѣ съ монархіей и аристократіей, и демократія имѣетъ свои выгоды, именно ту, что пока она держится, тиранія невозможна, законы имѣютъ большую силу, чѣмъ люди, и цѣль всѣхъ преній — общее благо. Дурную же сторону демократіи составляетъ то, что народъ по своему невѣжеству не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ, и потому республика, которая все передастъ въ его руки, скоро погибнетъ. Есть въ демократіи еще тотъ недостатокъ, что народъ непостояненъ и любитъ перемѣну, что его поэтому легко привесть въ броженіе и обмануть, особенно если за это возьмутся люди честолюбивые и склонные къ мятежамъ. Народъ охотно нападаетъ на лицъ высшаго общественнаго положенія, а это заставляетъ ихъ искать измѣненій въ государствѣ. Кто желаетъ избѣжать всѣхъ этихъ недостатковъ демократіи, тотъ не долженъ предоставлять народу рѣшенія какихъ-либо важныхъ вопросовъ, за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которые необходимо должны зависѣть отъ его воли, подъ страхомъ потери свободы. Таковы — избраніе сановниковъ и созданіе законовъ; но эти вопросы должны поступать къ народу не раньше того, какъ они будутъ обсуждены высшими сановниками и сенатомъ. Рѣшенія тѣхъ и другихъ не должны имѣть силы, пока не получатъ народнаго согласія. Не слѣдуетъ давать, однако, полной свободы вѣчамъ (parlamentum, arringha), являющимся частымъ орудіемъ мятежей, а необходимо, чтобы въ совѣтѣ народа не могъ говорить никто, кромѣ лицъ, указанныхъ сановниками, и ни о чемъ иномъ, какъ о предметѣ, который будетъ поставленъ на очередь тѣми же сановниками. Разъ правительство устроено на этихъ началахъ, достигнуто будетъ то смѣшеніе властей, о которомъ шла рѣчь [1]).

---

[1]) Considerazioni intorno ai discorsi del Macchiavelli sopra la prima deca di Tito Livio, глава II.

Гвичардини не раздѣляетъ мнѣнія Маккіавелли, чтобы охрану свободы можно было ввѣрить народу, такъ какъ послѣдній полонъ невѣжества, отличается безтолковостью и многими другими дурными качествами [1]). Не думаетъ онъ также, чтобы римская республика много выиграла отъ противоположенія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ и надѣленія первыхъ возможностью имѣть своихъ сановниковъ въ лицѣ трибуновъ. Послѣдніе не были поставлены между сенатомъ и народомъ, какъ полагаетъ Маккіавелли; они ограничивали власть дворянъ, а не произволъ толпы [2]). Въ противность Маккіавелли, Гвичардини болѣе всего боится возникновенія въ государствѣ партій (divisioni) и пророчествуетъ, что въ этомъ случаѣ слабѣйшая непремѣнно бросится въ руки тирана. Въ доказательство онъ ссылается на примѣръ Флоренціи, въ которой Медичи въ 1512 году вернулись по зову не прежнихъ своихъ друзей, а лицъ, которыя были нѣкогда ихъ врагами, но теперь, оказавшись въ меньшинствѣ, примкнули къ желающимъ перемѣны правительства [3]). Вообще Гвичардини во всемъ старается показать преимущество такого порядка, гдѣ при смѣшеніи властей наибольшее значеніе все-таки признается за дворянами. На этомъ онъ опираетъ свое мнѣніе о превосходствѣ венеціанской республики, сравнительно съ римской [4]), а тѣмъ болѣе аѳинской. На Гвичардини, слѣдовательно, въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Маккіавелли, отразилось вліяніе того факта, что изъ всѣхъ республикъ Италіи одна Венеція избѣжала общей участи и не пала жертвою тираніи, а, наоборотъ, сохранила свою политическую независимость и относительную свободу.

§ 3. Когда Гвичардини писалъ только что приведенныя строки, Флоренція, подпавшая, какъ мы видѣли, съ 1512 года

---

[1]) Гл. V.
[2]) Гл. III и VI.
[3]) Гл. XVI.
[4]) Гл. XXVIII.

снова подъ владычество Медичи, успѣла возстановить въ своихъ стѣнахъ республиканскіе порядки, пользуясь общей перемѣной въ условіяхъ европейской политики и враждебностью Карла V къ папѣ Клименту VII, изъ династіи Медичи. Послѣ разгрома Рима испанскими войсками Медичи, имѣвшіе противъ себя партію молодыхъ республиканцевъ, съ Николо Каппони во главѣ, уполномочили кардиналовъ папы Климента VII вступить въ переговоры съ важнѣйшими изъ гражданъ Флоренціи. Они настаивали на сохраненіи за ними ихъ имуществъ и обѣщали отречься отъ власти. Соглашеніе было подписано, и республика замѣнила тиранію.

Послѣдніе годы ея существованія во Флоренціи порождаютъ въ политической литературѣ новое теченіе, главнымъ выразителемъ котораго надо считать флорентинскаго секретаря, и на этомъ посту одного изъ преемниковъ Маккіавелли, Донато Джанотти.

Мы начнемъ нашъ обзоръ его сочиненій съ небольшого трактата, написаннаго въ 1527 году, съ цѣлью рекомендовать новому гонфалоньеру юстиціи, Николо Каппони, реформу флорентинтскихъ учрежденій въ духѣ венеціанской конституціи. Трактатъ начинается разсужденіемъ о томъ, что въ каждомъ государствѣ имѣются граждане различнаго рода: одни желаютъ только свободы, другіе сверхъ того чести, третьи же не мирятся ни съ чѣмъ, помимо доступа къ верховенству или принципату. Тамъ, гдѣ не дано удовлетворенія, хотя бы частичнаго, этимъ многообразнымъ запросамъ, республика не можетъ удержаться долго. Въ этомъ и заключается причина, по которой нельзя одобрить ни одной изъ простыхъ формъ государственнаго устройства, такъ какъ демократія (Джанотти называетъ ее la popularita) даетъ удовлетвореніе только тѣмъ, кто ищетъ свободы; аристократія (государство оптиматовъ) вызываетъ довольство въ тѣхъ, кто желаетъ чести, а принципатъ удовлетворяетъ только того, кто хочетъ верховенства. Изъ этого слѣдуетъ, что для прочности республики необходимо, чтобы в ней существовали органы, удовлетворяющіе каждому и этихъ трехъ требованій. Тотъ, кому суждено быть предс

вителемъ простонародія, необходимо долженъ быть выразителемъ мыслей и чувствъ всѣхъ, пользующихся правомъ гражданства; ему должна принадлежать сеньерія, или верховная власть. Онъ не могъ бы быть воплощеніемъ государства безъ права давать законы и распредѣлять должности между сановниками. Такимъ органомъ и будетъ Большой Совѣтъ; его надо сдѣлать фундаментомъ, основою всего государства. Другимъ органомъ, отвѣчающимъ запросу оптиматовъ, будетъ Сенатъ, составленный изъ ста членовъ, пожизненныхъ, какъ въ Римѣ, но зависимыхъ отъ Большого Совѣта, почему избраніе ихъ должно принадлежать послѣднему. Важнѣйшія дѣла, которыя должны быть поручены Сенату, состоятъ въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ, о договорахъ, союзахъ, о наймѣ начальниковъ войска (condottieri). Всѣ такого рода дѣла поступаютъ, однако, въ Большой Совѣтъ, только прошедши предварительно черезъ Сенатъ. Наконецъ, третьимъ органомъ, удовлетворяющимъ монархическимъ тенденціямъ, долженъ быть пожизненный гонфалоньеръ, представитель флорентинскаго государства передъ иноземцами и глава публичной администраціи. Гонфалоньеръ не можетъ осуществлять своей власти иначе, какъ въ сообществѣ другихъ сановниковъ и совѣта; ему принадлежитъ верховный надзоръ за ходомъ государственныхъ дѣлъ и право вносить предложенія о реформахъ. „Но такъ какъ,—прибавляетъ Джанотти,—должность гонфалоньера можетъ удовлетворить честолюбію только одного человѣка, а во Флоренціи имѣется не мало лицъ, также желающихъ властвовать, то не мѣшаетъ установить въ ней еще коллегію двѣнадцати пожизненныхъ членовъ, которымъ я бы предложилъ поручить составленіе проектовъ новыхъ законовъ, исправленіе прежнихъ и пріисканіе способовъ полученія средствъ для покрытія государственныхъ издержекъ. Такимъ образомъ можно было бы достигнуть пирамидальнаго устройства республики: основу пирамиды составилъ бы Большой Совѣтъ, за нимъ слѣдовалъ бы Сенатъ, затѣмъ тѣ десять пожизненныхъ членовъ, которыхъ я предложилъ бы назвать

прокураторами республики. Во главѣ же всего стоялъ бы князь, въ лицѣ пожизненнаго гонфалоньера". Джанотти обращается еще къ другому уподобленію предложеннаго имъ правительства; онъ сопоставляетъ его съ деревомъ, корни котораго представлены были бы народнымъ совѣтомъ, а стволъ— прочими властями, вѣтвямъ же отвѣчали бы различные второстепенные сановники. Въ защиту своей схемы онъ приводитъ еще соображенія теоретическаго характера. Каждое публичное дѣяніе складывается изъ трехъ частей: изъ предложенія, обсужденія и исполненія; предложеніе должно необходимо быть предоставлено людямъ, наиболѣе выдающимся, способнымъ къ вымыслу и изобрѣтенію; тѣхъ же качествъ не требуетъ ни обсужденіе ни рѣшеніе; въ виду этого право предложенія должно быть предоставлено немногимъ, истинно мудрымъ, число которыхъ всегда ограничено; обсужденіе же должно быть въ рукахъ многихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно было бы опасаться, что, движимые честолюбіемъ, немногіе приняли бы рѣшенія, противныя выгодамъ республики. Наконецъ, исполненіе падаетъ на обязанность единоличныхъ сановниковъ.

Такимъ образомъ у Джанотти мы уже встрѣчаемъ тѣ положенія, которыя со временемъ будутъ признаны аксіомами французскаго и вообще всякаго административнаго права, гласящаго: l'éxecution est le fait d'un seul, la déliberation est le fait de plusieurs. Въ своихъ реформахъ Джанотти постоянно руководствуется примѣромъ венеціанцевъ. Этимъ объясняется, почему онъ настаиваетъ на созданіи „кваранцій", или коллегій сорока лицъ, исполняющихъ обязанности верховной апелляціонной камеры по отношеніи ко всѣмъ сановникамъ; при нихъ онъ хотѣлъ бы имѣть трехъ охранителей закона, отъ которыхъ и зависѣло бы доводить или не доводить жалобы до разсмотрѣнія кваранцій. Джанотти прибавляетъ, что онъ не даетъ подробностей объ устройствѣ этихъ коллегій, та[к] какъ всѣмъ извѣстенъ тотъ порядокъ, какого въ этомъ о[т]ношеніи придерживаются венеціанцы; но онъ настаивае[тъ]

еще на выборѣ не только Сената, но и пожизненныхъ прокураторовъ Большимъ Совѣтомъ, приближаясь и въ этомъ отношеніи къ практикѣ венеціанцевъ. Заканчиваетъ же онъ свой трактатъ протестомъ противъ дальнѣйшаго удержанія жребія при назначеніи сановниковъ, и объявляетъ, что такой порядокъ рѣшительно непримиримъ съ существованіемъ правильно организованнаго правительства. Впослѣдствіи, въ защиту предложеннаго имъ проекта, который не былъ принятъ Каппони и остался, такимъ образомъ, безъ исполненія, Джанотти обнародовалъ особый трактатъ „О формѣ государственнаго устройства Флоренціи". Онъ написанъ въ изгнаніи, послѣ окончательнаго водворенія Медичи и установленія въ ихъ пользу наслѣдственнаго герцогства тѣмъ же Карломъ V, вражда котораго съ папою Климентомъ VII и была причиной ихъ временнаго паденія. Этотъ трактатъ не только является первымъ по времени систематическимъ и критическимъ описаніемъ политическаго строя Флоренціи, но и заключаетъ въ себѣ рядъ теоретическихъ положеній и историческихъ справокъ объ отдѣльныхъ коллегіяхъ и магистратахъ,— справокъ весьма цѣнныхъ для историка флорентинской конституціи.

Насъ можетъ, разумѣется, интересовать въ этомъ трактатѣ только то, что имѣетъ отношеніе къ общимъ началамъ государствовѣдѣнія. Поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на тѣ его главы, которыя посвящены вопросу о различныхъ формахъ правленія, о наилучшей изъ нихъ и объ условіяхъ, необходимыхъ для ея упроченія. Скажемъ съ самаго начала, что эти мысли являются только дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ, которыя высказаны были Джанотти въ уже разобранномъ нами сочиненіи; что здѣсь, какъ и тамъ, онъ является сторонникомъ смѣшанной формы устройства, прославленной еще Аристотелемъ и Полибіемъ, и венеціанской контитуціи, которая въ его глазахъ всего ближе подходитъ къ тому идеалу древнихъ. Слѣдуетъ отмѣтить одну оригинальную передачу Джанотти этихъ старинныхъ положеній; вѣдь по

существу всѣ они являются только варіаціями на Аристотеля. Заодно съ Маккіавелли Джанотти думаетъ, что люди скорѣе злы, нежели добры (piu malvagi che buoni), что они болѣе озабочены частными выгодами, нежели общимъ благомъ. Отправляясь отсюда, онъ полагаетъ, что ни одна изъ простыхъ формъ политическаго устройства, какъ заключающая въ себѣ зародышъ вырожденія, не можетъ считаться подходящей къ современнымъ условіямъ. Вотъ почему онъ рекомендуетъ смѣшанную форму устройства, въ виду удовлетворенія ею интересовъ какъ массы простолюдиновъ, ищущихъ только свободы, т.-е., прибавляетъ онъ, повиновенія однимъ законамъ, такъ и людей средняго состоянія, для которыхъ, кромѣ свободы, желательна еще честь (onore). Не видѣть ли въ этомъ послѣднемъ заявленіи прообразъ знаменитаго положенія Монтескьё о чести, какъ о жизненномъ принципѣ аристократіи? Другое положеніе Джанотти ближе стоитъ къ Аристотелевымъ ученіямъ: и онъ, подобно философу изъ Стагиры, полагаетъ, что изъ трехъ классовъ, бѣдныхъ, богатыхъ и людей средняго состоянія, послѣдніе всего болѣе необходимы для успѣшнаго примѣненія смѣшанной формы правленія, такъ какъ первые исключительно заняты заботою о существованіи, а вторые — враги равенства и проникнуты честолюбіемъ, готовы повелѣвать, но не умѣютъ повиноваться. Изъ всего этого слѣдуетъ, что только государства, въ которыхъ преобладаютъ люди средняго состоянія, созданы для смѣшаннаго порядка правленія. Джанотти думаетъ, что Флоренція по этой самой причинѣ могла бы сдѣлать успѣшный опытъ такой республики, такъ какъ въ большинствѣ ея населенія всегда было сильно желаніе спокойствія и общаго блага. Но судьба, рѣшительница дѣлъ людскихъ, не допустила въ ней такого благополучія. Въ историческомъ очеркѣ судебъ флорентинской конституціи Джанотти свидѣтельствуетъ о своей рѣшительной враждебности къ владычеству толпы; онъ радъ неуспѣху движенія, связаннаго съ именемъ Чіомпи, низкой черни, какъ онъ ихъ называетъ. „До Козьмы Медичи

перевѣса, взятаго въ республикѣ его наслѣдниками, политическая жизнь сводилась,—говоритъ онъ,—къ постоянному соперничеству знати съ народомъ (grandi ed popolo), но подъ народомъ,—заявляетъ онъ,—я не разумѣю „чернь", этотъ послѣднiй сортъ толпы, толпы низкой, ненавистной, которая такъ же мало можетъ быть членомъ государства, какъ рабы, оказывающiе намъ въ домашнемъ обиходѣ необходимыя для тѣла услуги" [1]). Успѣхъ той реставрацiи республики, какая послѣдовала въ 1494 году послѣ перваго изгнанiя Медичи, Джанотти объясняетъ тѣмъ, что въ городѣ не оказалось болѣе того значительнаго числа дворянъ (grandi), какое имѣлось въ немъ до временъ Козьмы; въ эпоху же, слѣдующую за упроченiемъ власти Медичи, очень развился третiй классъ гражданъ, составленный изъ лицъ средняго состоянiя. Водворившiйся въ городѣ внутреннiй миръ позволилъ озаботиться личнымъ обогащенiемъ. Коекого изъ разжившихся гражданъ Медичи включили въ число облагороженныхъ и призвали къ занятiю мѣстъ сановниковъ. Но они все же не поднялись достаточно высоко, чтобы считаться дворянами или grandi. Этотъ-то классъ людей средняго состоянiя заступилъ мѣсто приниженной Медичи знати. Такъ какъ ихъ желанiе сводится, не какъ у дворянъ, къ тому, чтобы повелѣвать, а только къ тому, чтобы не подчиняться чужому господству, т.-е. быть свободными, то они болѣе другихъ находятся въ условiяхъ, благопрiятныхъ упроченiю въ государствѣ хорошо уравновѣшанной республики.

Въ историческомъ очеркѣ судебъ послѣднихъ двухъ попытокъ возстановить политическую свободу во Флоренцiи Джанотти старается показать, что при начальствованiи республикой Содерини и позднѣе Каппони не было въ государствѣ настоящей свободы, такъ какъ фактическое руководительство дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ коллегiи восьми чиновниковъ, такъ называемыхъ otto di ballia; послѣднiе безъ всякой удержи распоряжались жизнью и имуществомъ граж-

---

[1]) Т. I, стр. 89.

данъ. Вопросы же войны и мира рѣшались столь же односторонне коллегіей десяти. Не было возможности апеллировать на рѣшеніе той или другой коллегіи въ совѣты, какъ это имѣетъ мѣсто въ Венеціи; одинъ только выборъ властей, предоставленный Большому Совѣту, обезпечивалъ гражданамъ нѣкоторое участіе въ верховенствѣ. Тираническимъ Джанотти считаетъ подобное правительство потому, что тиранами являются всѣ тѣ, для кого не существуетъ тормоза; но коллегія восьми, какъ и коллегія десяти, рѣшая всѣ вопросы большинствомъ шести или семи голосовъ и захвативъ фактически въ свои руки право законодательнаго почина, очевидно, вполнѣ отвѣчала этому опредѣленію тираніи. Самыя основы республики были недостаточно широки, такъ какъ вся власть фактически была при первой республикѣ въ рукахъ Петра Содерини, а при второй—сперва въ рукахъ Николо Каппони и трехъ его ближайшихъ помощниковъ, а затѣмъ — одного Франческо Кардучи. Любопытны слѣдующія за тѣмъ главы, въ которыхъ Джанотти старается показать основательность отзыва, даннаго о флорентинской знати Данте, уподобившаго ее волкамъ [1]). Джанотти критикуетъ также послѣднія два республиканскія правительства на томъ основаніи, что въ нихъ допущено было соединеніе въ однѣхъ рукахъ (именно членовъ коллегіи десяти) предложенія, совѣта и исполненія, тогда какъ въ хорошо организованной республикѣ предложеніе должно принадлежать немногимъ, обсужденіе—многимъ, а исполненіе — одному. Если республика пала оба раза, то потому, что народъ и знать одинаково были недовольны правительствомъ, въ которомъ первый не игралъ почти никакой роли, а вторые не находили возможности удовлетворить своей страсти къ почестямъ. Въ своемъ проектѣ новаго устройства, которому посвящена третья и четвертая часть трактата, Джанотти возвращается къ тѣмъ самымъ положеніямъ, какія были развиты имъ въ мемуарѣ, представленномъ въ 1527 году

[1]) Стр. 129.

Николо Каппони. Большой Совѣтъ, весьма многочисленный, Сенатъ и пожизненный гонфалоньеръ, съ приставленными къ нему коллегіями, по образцу венеціанскихъ, кажутся ему лучшими средствами приблизиться къ типу смѣшаннаго устройства, прославленнаго еще древними и такъ высоко имъ самимъ превозносимаго.

Мы, разумѣется, не станемъ приводить и вкратцѣ содержанія этихъ главъ, такъ какъ проекту не пришлось найти осуществленія на практикѣ и суждено было остаться навсегда мертвой буквой. Отмѣтимъ только въ заключеніе, что въ четвертой части Джанотти возвращается къ вопросу, поднятому еще Маккіавелли, а именно къ вопросу о необходимости народнаго войска, или милиціи, и высказывается въ томъ же смыслѣ, что и авторъ „Князя“. Особая глава (VII) посвящена Джанотти общей защитѣ своего проекта; въ ней, между прочимъ, проводится та мысль, что свобода обезпечена всюду, гдѣ Большому Совѣту, составленному изъ сотенъ гражданъ, принадлежитъ право изданія новыхъ законовъ и распоряженій, право избранія сановниковъ и право обсужденія вопросовъ войны и мира. Порядокъ же требуетъ, чтобы Большой Совѣтъ разсматривалъ только законопроекты, прошедшіе уже черезъ Сенатъ, т.-е. собраніе мудрѣйшихъ. Тѣмъ самымъ отнятъ будетъ всякій смыслъ у поговорки, гласящей: „Флорентинскій законъ къ вечеру сдѣланъ, къ утру отмѣненъ“ [1]). Неравенство, которое выступаетъ въ фактѣ надѣленія однихъ пожизненной магистратурой, а другихъ — участіемъ въ выборахъ или срочнымъ занятіемъ должности, не есть въ сущности неравенство, а только признаніе республикой различныхъ степеней чести, способныхъ удовлетворить естественному честолюбію лицъ, наиболѣе достойныхъ. Нечего прибавлять, что въ пользу своихъ мѣропріятій Джанотти на каждомъ шагу приводитъ и авторитетъ Аристотеля и примѣръ Спарты, въ особенности же венеціанскую конституцію,

[1]) Стр. 267 и 268.

которая въ XVI ст. уже пріобрѣла, какъ мы сейчасъ увидимъ, репутацію образцовой,—репутацію, удержавшуюся за нею вплоть до ея паденія.

ГЛАВА XI.

Венеціанская конституція въ оцѣнкѣ итальянскихъ публицистовъ.

§ 1. Мы настолько свыклись съ мыслью о конституціонной монархіи и парламентаризмѣ, публицисты XVIII и XIX столѣтій такъ пріучили насъ смотрѣть на Англію, какъ на образецъ государственнаго устройства, что намъ трудно представить себѣ то время, когда Европа, не исключая и самой Англіи, считала нужнымъ учиться политической мудрости въ Италіи и въ частности въ Венеціи. А между тѣмъ это время едва отстоитъ отъ нашего на два или на три столѣтія.

Современникъ Елизаветы, Гарисонъ, въ своемъ описаніи собственной родины еще считалъ нужнымъ нападать на своихъ, какъ онъ выражается, „итальянизированныхъ" соотечественниковъ [1]). Альберикъ Джентилисъ, родомъ итальянецъ, своимъ преподаваніемъ въ Оксфордѣ и своими наполовину англійскими, наполовину латинскими трактатами, одновременно становился пропагандистомъ не только идей международнаго права, но и ученія о неограниченномъ правителѣ, которому Маккіавелли проложилъ путь, систематизируя правила поведенія народныхъ диктаторовъ, такъ называемыхъ тирановъ. Прежде, чѣмъ рекомендовать подобную же практику собственной родинѣ, другой современникъ Елизаветы, Мельвиль, считалъ нужнымъ побывать въ Италіи и воспользоваться всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ имъ тамъ. Полстолѣтія спустя, въ эпоху обостренной борьбы парламен

---

[1]) „Italionates". (См. Description of England).

съ королемъ, не кто иной, какъ будущій авторъ „Защиты англійскаго народа", Мильтонъ, предпринимаетъ поѣздку въ Италію для завершенія своего гуманитарнаго образованія и находитъ въ ней, на ряду съ торжествомъ тѣхъ самыхъ началъ абсолютизма, съ которыми Стюарты связали свою судьбу, и мудрое сочетаніе аристократіи, демократіи и монархіи въ славной еще не однимъ прошлымъ республикѣ Святого Марка.

Одна изъ младшихъ ея сестеръ, воспитанная въ ея принципахъ, надѣленная ея учрежденіями, но сумѣвшая соединить съ ними уваженіе къ исконнымъ обычаямъ своихъ прадѣдовъ, славянская Рагуза, извѣстная намъ подъ именемъ Дубровника, въ серединѣ XVII столѣтія ставится въ образецъ англійскимъ республиканцамъ, которыхъ привлекаетъ болѣе демократическій характеръ ея учрежденій.

И въ Голландіи. издавна сдѣлавшейся очагомъ свободы печати, итальянскіе, въ частности венеціанскіе, порядки становятся еще съ XVII столѣтія предметомъ особаго вниманія. Въ 1631 году эльзевирская типографія выпускаетъ въ латинскомъ переводѣ сочиненіе извѣстнаго уже намъ флорентинца Донато Джанотти и трактатъ кардинала Гаспара Контарини, въ которыхъ венеціанскія учрежденія объявляются самымъ удачнымъ сочетаніемъ единовластія съ аристократіей и народнымъ участіемъ въ дѣлахъ правленія. Въ Амстердамѣ и Утрехтѣ не перестаютъ выходить сочиненія, посвященныя описанію венеціанскихъ порядковъ.

„Италія,—значится въ посвященіи „Новой реляціи о городѣ и республикѣ Святого Марка" француза Фрошо,—всегда привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ націй міра; онѣ учились въ ней хорошему вкусу, манерамъ, искусству и наукѣ. Венеція въ частности сдѣлалась издавна школой, въ которой всѣ правители ищутъ примѣра и назиданія" [1]).

---

[1]) Nouvelle relation de la ville et république de Venise. (Utrecht chez ·illaume van Poolsum. 1709 годъ).

Возвращающіеся изъ дипломатической миссіи послы германскаго императора также не въ состояніи скрыть своего удивленія передъ величіемъ венеціанскаго правительства. Признавая его не отвѣчающимъ ни монархіи, ни аристократіи, ни демократіи, они принуждены отнесть Венецію къ числу тѣхъ смѣшанныхъ республикъ, которыми гордилась древность [1]).

Хотя Франція Людовика XIV всего менѣе была призвана оцѣнить преимущества умѣреннаго образа правленія, но такіе даже суровые критики венеціанскихъ порядковъ, какъ Амело-де-ла-Гуссэ, котораго венеціанскій сенатъ обвинилъ въ клеветѣ, а король счелъ нужнымъ заключить въ Бастилію, тѣмъ не менѣе объявляютъ государственный строй республики Св. Марка вѣрнымъ снимкомъ съ республикъ древней Греціи и потому самымъ образцовымъ [2]). Условное признаніе, какое Амело-де-ла-Гуссэ даетъ венеціанскому правительству, смѣняется въ XVIII вѣкѣ болѣе симпатичнымъ къ нему отношеніемъ. Въ своемъ путешествіи по Италіи Монтескьё довольно долго останавливается въ Венеціи. Едва онъ вступилъ въ предѣлы республики Святого Марка, какъ его поражаетъ высокое благосостояніе ея жителей. „Съ перваго взгляда, — пишетъ онъ о Фріулѣ, — убѣждаешься въ томъ, что страна отличается изобиліемъ, а народъ мало обложенъ. Нѣтъ подданныхъ въ мірѣ, съ которыми обращались бы лучше; они платятъ мало въ казну. Дворяне Terra Ferma часто уклоняются отъ всякихъ взносовъ и въ этомъ отношеніи находятъ поддержку въ дворянахъ Венеціи, которые также рады не нести налоговъ".—„Это лучшій народъ въ мірѣ,—пишетъ Монтескьё о жителяхъ самой Венеціи.—Нѣтъ необходимости даже держать полицейскихъ въ театрахъ, такъ какъ все обходится

---

[1]) Смотри Relazione ed esame della Serenissima Republica di Venezia fatta da S. E. il Sig-Conte della Torre, ambasciatore appresso la medesi— per Sua maesta Cesarea dell'anno 1695 (рукопись библ. Querini—Stampag[l] Class. IV. cod. 596).

[2]) Histoire du gouvernement deVenise, вступленіе.

спокойно и не бываетъ ни споровъ ни дракъ. Люди простого званія даже терпѣливо выносятъ неплатежъ имъ долга дворяниномъ; зато и дворянинъ, разъ обѣщавшій простолюдину свое покровительство, сдержитъ слово во что бы то ни стало. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить больше уваженія къ начальству и больше повиновенія. Бѣдный сенаторъ можетъ, не опасаясь противодѣйствія, стащить рыбу на рынкѣ и положить ее себѣ въ карманъ". Эти летучія замѣтки даютъ уже возможность предугадать то, что Монтескьё скажетъ о Венеціи и ея порядкахъ въ „Духѣ законовъ". Онъ похвалитъ умѣренность, съ какой венеціанская аристократія пользуется своей властью,—умѣренность, которой она обязана симпатіями простонародья. Съ другой стороны онъ подвергнетъ критикѣ ея систему выборовъ и частаго возобновленія должностей путемъ жребія.

Признавъ жизненнымъ принципомъ аристократіи умѣренность въ пользованіи властью, Монтескьё въ VIII главѣ V книги похвалитъ венеціанцевъ за то, что они старались по возможности ослабить тѣ преимущества, какими пользуется дворянство. „Отсюда,—пишетъ онъ,—запрещеніе заниматься торговлей, — запрещеніе, препятствующее венеціанскимъ патриціямъ накоплять чрезмѣрныя сокровища, отсюда же отсутствіе майоратовъ и равный раздѣлъ наслѣдствъ, также мѣшающій установленію чрезмѣрнаго неравенства".

Законы должны подавлять стремленіе къ владычеству и дворянскую гордость; необходимъ поэтому такой трибуналъ, который заставилъ бы дрожать предъ собою всѣхъ безъ различія. Таковъ былъ институтъ эѳоровъ въ Лакедемоніи и такимъ является трибуналъ инквизиторовъ въ Венеціи. Они не связаны формальностями и могутъ прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Bocca di leone, вдѣланный въ каменную стѣну ящикъ, принимаетъ доносы любого" [1]). „Венеція,—замѣчаетъ тотъ же писатель въ главѣ, посвященной изученію

[1]) „Духъ законовъ", кн. V гл., VIII.

причинъ извращенія аристократіи,—лучше всѣхъ другихъ республикъ сумѣла законами ослабить недостатки наслѣдственнаго дворянства“ [1]).

Но если Монтескьё высоко цѣнитъ въ венеціанскихъ порядкахъ искусство, съ какимъ предупреждено было вырожденіе аристократіи въ олигархію и обезпечено сочувственное отношеніе массы народа къ дворянству, то, съ другой стороны, онъ довольно строго критикуетъ самый порядокъ ея учрежденій. Онъ противникъ той системы жребія, который въ ходу въ Венеціи при замѣщеніи всѣхъ должностей. Жребій необходимъ въ демократіи, гдѣ онъ поддерживаетъ равенство гражданъ. Но въ аристократическомъ государствѣ, гдѣ существуютъ самыя прискорбныя различія, выбранный жребіемъ не сдѣлался бы отъ этого менѣе ненавистнымъ. За исключеніемъ этой критики, зародышъ которой можно найти въ „Путевыхъ Замѣткахъ“, мы не находимъ въ разсужденіяхъ Монтескьё объ аристократическомъ образѣ правленія ни одного замѣчанія, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы Венеція не казалась ему наиболѣе совершеннымъ типомъ аристократическихъ порядковъ. Всего болѣе отвѣчающимъ природѣ аристократіи онъ считаетъ именно то, образецъ чему представляетъ ему республика Святого Марка, какъ то: включеніе всего дворянства въ правящій классъ, сосредоточеніе въ рукахъ болѣе тѣснаго собранія тѣхъ же дворянъ главнаго руководительства политикой, предоставленіе народу, или по крайней мѣрѣ выбраннымъ изъ народа, нѣкоторыхъ публичныхъ должностей и, слѣдовательно, доли участія въ государственномъ суверенитетѣ, наконецъ, контроль за поведеніемъ дворянства, въ интересахъ сохраненія существующаго порядка, и установленіе съ этою цѣлью особаго органа, надѣленнаго той неограниченностью правъ, какая принадлежала римскому диктатору. Большой Совѣтъ, включающій въ свои ряды болѣе

---

[1]) Ibid., кн. VIII, гл. V.

двухъ тысячъ дворянъ [1]), Сенатъ, составленный изъ трехсотъ членовъ того же сословія и сосредоточивающій въ своихъ рукахъ важнѣйшія функціи управленія, канцлерскій постъ, замѣщаемый, на ряду съ посольскими и нѣкоторыми другими второстепенными должностями, лицами не дворянскаго происхожденія, наконецъ, всемогущій трибуналъ инквизиторовъ, способный привлечь всякаго къ отвѣту за посягательство противъ общественнаго спокойствія, — вотъ что имѣлъ въ виду Монтескьё въ только что приведенныхъ нами общихъ разсужденіяхъ о соотвѣтствіи законовъ съ природою аристократіи [2]).

Не менѣе сочувственно отношеніе къ венеціанскимъ порядкамъ другого знаменитаго писателя о законахъ и политикѣ, Рейналя. Въ своей „Исторіи обѣихъ Индій“ этотъ представитель идей современной демократіи называетъ венеціанское правительство самой совершенной изъ всѣхъ аристократій, съ тою, однако, оговоркою, что аристократія вообще,—худшее изъ всѣхъ правительствъ [3]). „Всѣ должности,—пишетъ онъ,—распредѣлены въ Венеціи между дворянами. Власти уравновѣшиваютъ другъ друга съ изумительной гармоніей. Знать правитъ безъ шума, соблюдая извѣстное равенство; ея члены точно звѣзды среди ночной тиши. Народъ любуется этимъ зрѣлищемъ, довольствуясь самъ хлѣбомъ и играми. Различіе плебеевъ и патриціевъ вызываетъ въ Венеціи меньшій антагонизмъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ законы сдѣлали все необходимое, чтобы устрашить дворянъ и привлечь ихъ къ отвѣтственности“.

Самъ авторъ „Общественнаго договора“ и родоначальникъ ученія о неотчуждаемости и недѣлимости народнаго сувере-

---

1) Эта цифра указана въ „Путевыхъ Замѣткахъ“.

2) „Духъ законовъ“, книга II, глава III.

3) Le gouvernement de Venise seroit le meilleur de tous, si l'aristocratie n'étoit peut être le pire. „Histoire politique des Deux Indes“, томъ VII, стр. 176.

нитета, Жанъ-Жакъ Руссо, далеко не относится къ венеціанскимъ порядкамъ съ тою враждебностью, какую внушаютъ ему англійскіе. „Ошибкой было бы,—пишетъ онъ,—считать Венецію настоящей аристократіей. Если народъ не участвуетъ въ правленіи, то само дворянство является здѣсь народомъ. Множество захудалыхъ семей, извѣстныхъ подъ наименованіемъ барнаботовъ (отъ прихода святого Варнавы, въ которомъ жило большинство этихъ дворянъ), не имѣютъ доступа къ должностямъ и другой привилегіи, кромѣ права титуловаться превосходительными и засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ. Самъ этотъ совѣтъ столь же многолюденъ, какъ и женевскій; его члены такъ же мало пользуются какими-либо гражданскими преимуществами, какъ и члены женевскаго совѣта; однимъ словомъ, если отвлечься отъ тѣхъ различій, какія представляютъ между собою эти республики,—можно сказать, что буржуазія Женевы отвѣчаетъ венеціанскому патриціату, наши „поселенцы и обыватели" — венеціанскому гражданству, а крестьяне — подданнымъ Terra Ferma; въ концѣ-концовъ венеціанское правительство ничуть не аристократичнѣе женевскаго". Если имѣть въ виду высокую оцѣнку, какую Руссо даетъ женевской конституціи, принципы которой кажутся ему настолько образцовыми, что онъ объявляетъ ихъ наиболѣе согласными съ естественнымъ закономъ и наиболѣе обезпечивающими порядокъ и благополучіе частныхъ лицъ, то придется сказать, что, заодно съ Рейналемъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ числу рѣшительныхъ почитателей государственнаго строя Венеціи.

§ 2. Чѣмъ же, спрашивается, снискала себѣ Венеція такую завидную извѣстность? Что заставило даже демократическихъ писателей дѣлать оговорки въ ея пользу, и гдѣ впервые сложилось то ученіе, которое ставило учрежденія этой республики въ образецъ всѣмъ прочимъ? Если мы примемъ во вниманіе, что послѣднія три столѣтія, предшествующія французской революціи, были свидѣтелями повсемѣстной борьбы королевской власти съ феодальными сословіями

торжества абсолютизма, то намъ легко будетъ понять причину успѣха, какимъ должна была пользоваться въ глазахъ европейскаго общества аристократія, сумѣвшая не только парализовать съ самаго начала всякія попытки къ установленію цезаризма, но и сохранить свое мирное преобладаніе въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Я говорю пятисотъ, не болѣе, такъ какъ началомъ торжества венеціанской аристократіи слѣдуетъ признать закрытіе Большого Совѣта дожемъ Пьетро Градениго, въ 1297 году, для всѣхъ, кто не принималъ въ немъ участія за послѣднія пять лѣтъ. До этого времени венеціанская буржуазія, сдѣлавшаяся родоначальницей позднѣйшаго патриціата, успѣла уже отвоевать у дожей, своего рода избираемыхъ королей, значительнѣйшую долю участія въ государственной власти; но она принуждена была еще считаться съ простонародьемъ, собираемымъ въ церкви и на площади Святого Марка для провозглашенія дожа. Этотъ часто волнующійся демосъ легко могъ вступить, по примѣру того, что имѣло мѣсто въ большинствѣ городскихъ республикъ Италіи, въ опасный для свободы и аристократическаго верховенства союзъ съ тѣмъ пожизненнымъ правителемъ, какимъ являлся дожъ.

Возстаніе Баямонтэ Тьеполо въ защиту отмѣненныхъ Градениго порядковъ показываетъ, что простонародье, имъ предводительствуемое, не отнеслось безразлично къ потерѣ своихъ правъ и готово было поставить во главѣ себя популярнаго представителя родовитаго дворянства, который въ случаѣ успѣха легко сдѣлался бы такимъ же народнымъ тираномъ, какимъ былъ, напримѣръ, Тадео Пеполи въ Болоньѣ, Скалигеры въ Веронѣ, Каррары въ Падуѣ и Гонзаги въ Мантуѣ. Даже послѣ торжества аристократическихъ притязаній и закрытія Большого Совѣта одинъ изъ преемниковъ Градениго, дожъ Марино Фальеро, сумѣвшій долгими услугами республикѣ завоевать себѣ любовь простонародья, едва не вышелъ побѣдителемъ изъ затѣяннаго имъ государственнаго переворота, [illegible]лью котораго было ослабленіе роли дворянства и упроче[illegible] народнаго цезаризма. Казнь Фальеро не избавила аристо-

кратовъ отъ того страха, какой внушало имъ недовольство простого народа ихъ господствомъ въ такую эпоху, когда даже свободолюбивая Флоренція изъ ненависти къ гибелинской знати готова была ввѣрить свои судьбы чужеземцу и единоличному правителю де-Бріенну, графу Аѳинскому, за которымъ стояла торжествующая въ Неаполѣ, при содѣйствіи папы, Анжуйская династія. Этотъ страхъ побудилъ ихъ восполнить существующія учрежденія знаменитымъ „совѣтомъ десяти“, которому ввѣрено было то, что можно назвать государственной полиціей, — другими словами, охрана существующаго политическаго порядка отъ всякаго рода заговоровъ и попытокъ къ его низверженію. Съ этого времени суверенитетъ сосредоточился въ рукахъ, во-первыхъ, дожа и окружающей его коллегіи ближайшихъ совѣтниковъ, во-вторыхъ, Большого Совѣта, иниціатора законовъ и избирателя на всѣ должности, въ-третьихъ, обособившагося отъ него Сената, члены котораго брались ежегодно изъ числа совѣтниковъ и сосредоточивали въ своихъ рукахъ верховное руководительство внѣшней и внутренней политикой и, наконецъ, въ-четвертыхъ, совѣта десяти, также избираемаго на годъ, опять-таки дворянами и изъ среды дворянъ. Этотъ совѣтъ надѣленъ былъ тѣми чрезвычайными полномочіями, необходимость которыхъ вызывается интересами общественной безопасности и которыя нигдѣ, ни прежде, ни послѣ, ни въ Римѣ, ни у современныхъ народовъ, не ввѣрялись никому иначе, какъ временно, а именно тогда, когда государству грозило нарушеніе внутренняго порядка и спокойствія.

Изъ среды совѣта десяти выдѣлились постепенно три лица, признанныя его главами и сдѣлавшіяся, подъ именемъ государственныхъ инквизиторовъ, своего рода исполнительной комиссіей, принимавшей мѣры къ немедленному задержанію и опросу заподозрѣнныхъ. Эта комиссія присвоила себѣ мало-по-малу и право самостоятельнаго судебнаго разбирательств такъ что на языкѣ офиціальныхъ актовъ XVIII вѣка она зн чилась уже верховнымъ трибуналомъ.

Съ XIV столѣтія, когда впервые возникла эта сложная правительственная машина, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ ея объемѣ, венеціанская конституція подверглась сравнительно малымъ перемѣнамъ. Ея консерватизмъ нимало не уступаетъ консерватизму того гражданскаго и уголовнаго права, какое примѣнялось въ ея судахъ и имѣло источникомъ статутъ, редактированный еще въ XIII вѣкѣ. Постановленія Большого Совѣта, или такъ называемыя parti, да еще клятвенныя обѣщанія дожа при его воцареніи, извѣстныя подъ наименованіемъ promissioni ducali, сдѣлались главнымъ источникомъ тѣхъ перемѣнъ, безъ какихъ не можетъ обойтись ни одна конституція, желающая примѣняться къ обстоятельствамъ времени и требованіямъ общественнаго мнѣнія, — перемѣнъ, которыя въ то же время нимало не измѣняли разъ принятыхъ основъ устройства.

Указанными путями положены были новыя границы власти дожа и восполненъ составъ Большого Совѣта включеніемъ въ него зажиточныхъ родовъ венеціанской буржуазіи и дворянъ Terra Ferma, согласившихся купить такія преимущества дорогою цѣною и въ такіе моменты государственной жизни, когда опустѣвшая казна не имѣла иного источника для покрытія неотложныхъ военныхъ издержекъ. Не столько законами, сколько практикой, расширена была также власть государственныхъ инквизиторовъ въ ущербъ совѣту десяти, котораго они являлись составной частью. Эта узурпація, противъ которой тщетно борются, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нѣкоторые реформаторы второй половины XVIII столѣтія, постепенно придаетъ венеціанскимъ порядкамъ тотъ характеръ олигархіи, какой былъ чуждъ имъ въ эпоху полнаго ихъ расцвѣта.

Эта эпоха совпадаетъ съ періодомъ возрожденія наукъ и искусствъ и торжествомъ монархическаго принципа на протяженіи всей Италіи, не исключая такъ долго державшейся демократическаго строя Флоренціи. Немудрено посему, если тѣ изъ ея публицистовъ, которые остались

вѣрны республиканскимъ принципамъ, съ особенною любовью останавливались на изученiи государственныхъ учрежденiй Венецiи, если изъ ихъ рядовъ вышелъ первый не столько теоретикъ, сколько систематизаторъ ея политическихъ основъ. Я разумѣю уже упомянутаго мною Донато Джанотти, сочиненiе котораго „О республикѣ венецiанцевъ“ появилось въ 1540 году въ формѣ разговора между двумя лицами, изъ которыхъ одинъ — флорентинецъ, а другой — уроженецъ республики Святого Марка. Встрѣтившись въ домѣ извѣстнаго историка Пьетро Бембо, собесѣдники проводятъ время въ обмѣнѣ мыслей о характерѣ венецiанскихъ учрежденiй и самомъ механизмѣ ихъ устройства. Венецiанецъ Трифонэ Габрiэллэ объявляетъ учрежденiя своей родины не только свободными отъ порчи времени, но и имѣющими право считаться самыми совершенными изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ. Трудно найти законы, способные избѣжать въ большей степени, чѣмъ венецiанскiе, крайностей республики и обезпечить странѣ возможность мирнаго и безмятежнаго управленiя. Венецiанцамъ чужды внутреннiя междоусобiя и все, что вызываетъ гибель государствъ. Благосостоянiе послѣднихъ не зависитъ отъ обширности ихъ владѣнiй, но отъ возможности жить подъ ихъ сѣнью въ спокойствiи и порядкѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношенiи венецiанская республика превосходитъ даже римскую. Государство подобно человѣческому тѣлу; оно создано природой и только усовершенствовано искусствомъ. Какъ и человѣческое тѣло, оно имѣетъ свои органы; въ тѣлѣ всѣ части согласованы, то же и въ государствѣ, гдѣ отдѣльные органы должны соблюдать извѣстную пропорцiю, безъ чего немыслима внутренняя гармонiя. Съ этой точки зрѣнiя Венецiя имѣетъ право считаться образцовой. Ея учрежденiя сравниваются Джанотти съ пирамидой, верхушку которой представляетъ дожъ со своей коллегiей, основанiе же — Большой Совѣтъ всего д[illegible] рянства. Совѣтъ десяти не признается имъ участникомъ [illegible] осуществленiи правъ верховенства, это — не органичес[illegible]

учрежденіе, а приростъ, который можетъ быть уподобленъ римской диктатурѣ. Авторъ соглашается съ тѣмъ, что неограниченностью своей власти этотъ совѣтъ нерѣдко вызывалъ къ себѣ такую ненависть, что трудно было найти лицъ, готовыхъ принять на себя наслѣдіе выходящихъ въ отставку членовъ. Джанотти удѣляетъ значительную часть своего трактата описанію судебныхъ порядковъ республики. Онъ настаиваетъ на тѣхъ гарантіяхъ, какія бѣднѣйшія изъ тяжущихся находятъ въ существованіи даровой адвокатуры и посредническаго суда для исковъ, цѣнность которыхъ не превышаетъ 50 дукатовъ [1]).

Но не у однихъ иностранцевъ вызываютъ венеціанскіе порядки восторгъ и удивленіе: то же можетъ быть сказано и о туземныхъ публицистахъ, прежде всего о кардиналѣ Гаспаро Контарини, сочиненіе котораго „О венеціанской республикѣ и ея сановникахъ“, вышедшее въ Парижѣ въ 1543 г., вскорѣ сдѣлалось классическимъ и дошло до насъ въ многочисленныхъ изданіяхъ, комментируемое позднѣйшими публицистами. Въ немъ Венеція объявляется образцомъ смѣшанныхъ государствъ. Авторъ повторяетъ тѣ взгляды, какіе высказаны были раньше его Джанотти, но даетъ имъ болѣе или менѣе самостоятельное развитіе. „Такъ какъ,—говоритъ онъ,—со времени ея основанія и до нашихъ дней, т.-е. въ теченіе 1100 лѣтъ, Венеція сохранила свою независимость и въ то же время сдѣлалась однимъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ городовъ, то я считаю вѣрной ту высокую оцѣнку, какую даютъ ей всѣ писатели, имѣвшіе случай коснуться ея исторіи. Но не въ этомъ только лежитъ ея величіе. Выше всего надо поставить совершенство ея политическаго устройства. Республика держится не войскомъ, а добродѣтелью; но только тотъ законодатель заслуживаетъ похвалы, который умѣетъ направить всѣ учрежденія къ этой цѣли“.

---

[1]) Libro della republica de'Veniziani (Opere politiche e letterarie di Donato Giannotti. Firenze. Felice le Monnier 1850, томъ II, стр. 13 и слѣдующія: 123, 135 и 141).

Такимъ образомъ Гаспаръ Контарини задолго до Монтескьё уже говоритъ о добродѣтели, какъ о жизненномъ принципѣ не однѣхъ демократій, но всякихъ вообще республикъ. Монархія не встрѣчаетъ его сочувствія. Если стадомъ управляетъ не членъ стада, а существо высшаго порядка, то и людьми долженъ править не единоличный властитель, а безличный законъ, который во власти человѣка оставилъ бы рѣшеніе только немногихъ вопросовъ, не поддающихся регулированію. Для нихъ-то и создаются правители, вся обязанность которыхъ состоитъ въ расширительномъ толкованіи законовъ и подведеніи подъ нихъ и этихъ предоставленныхъ ихъ рѣшенію случаевъ. „Хотя, по мнѣнію многихъ, охрану законовъ лучше всего поручить одному человѣку, но такъ какъ жизнь коротка и человѣку свойствено заблуждаться, то правленіе многихъ мнѣ кажется, пишетъ Джанотти, болѣе желательнымъ". Въ этомъ убѣждаетъ насъ и опытъ. Не даромъ же у древнихъ никакая монархія не держалась долго, а вырождалась въ тиранію; то же можетъ быть сказано и о новыхъ народахъ. Наоборотъ, многія республики просуществовали цѣлые вѣка и среди мира и среди войны. Несомнѣнно, однако, что толпа, взятая въ цѣломъ, не способна образовать изъ себя правительства. Оно возможно только въ томъ случаѣ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ наличный составъ народныхъ правителей не растетъ численно (очевидный намекъ на тѣ порядки, при которыхъ древнѣйшіе роды одни сохраняютъ въ своихъ рукахъ политическую власть, тогда какъ новые поселенцы остаются подданными). Гражданское общежитіе погибло бы, если бы и множеству нельзя было придать нѣкотораго единства. Вотъ почему самые знаменитые философы считали нужнымъ умѣрять владычество толпы владычествомъ дворянъ такъ, чтобы ни одна часть не имѣла рѣшительнаго перевѣса надъ другой и избѣгнуты были неудобства какъ чистой демократіи, такъ и чистой аристократіи. То же знали и наши предки при устройствѣ венеціанской республики.

Въ ней мы находимъ поэтому монархическаго главу, правительство дворянъ и народное устройство,—другими словами, смѣшеніе всѣхъ правильныхъ образовъ правленія [1]). Тѣ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, въ томъ числѣ законодательство и назначеніе на всѣ должности, начиная отъ членовъ Сената и оканчивая послѣднимъ чиновникомъ и судьею,—не кто иной, какъ *всѣ граждане дворяне* (tutti i cittadini nobili), достигшіе 25-лѣтняго возраста, и пятая часть тѣхъ, кто, имѣя отъ 20 до 25-ти лѣтъ, попалъ по жребію въ Большой Совѣтъ. Контарини слѣдующимъ образомъ защищаетъ исключеніе простонародья изъ его состава. „Не всѣ,—пишетъ онъ,—въ комъ нуждается городъ и кто живетъ въ его стѣнахъ, могутъ считаться гражданами. Нѣтъ города, которому бы не были нужны ремесленники, наймиты и частные служители, но никто изъ этихъ лицъ не можетъ поистинѣ считаться гражданиномъ. Гражданинъ — человѣкъ свободный, это же — люди зависимые. Животное природою создано такъ, какъ государство — искусствомъ людей, но въ животномъ многія части не имѣютъ души и все же онѣ необходимы для его жизни. Точно такъ же и въ государственномъ сообществѣ потребны многіе люди, которые не могутъ считаться его частью или быть отнесены къ его гражданамъ. Наши предки поступили поэтому благоразумно, рѣшивъ, что народъ въ полномъ своемъ составѣ не будетъ имѣть верховной власти. Однимъ этимъ они обезпечили республикѣ продолжительное существованіе. Безпорядки и волненія — обычное дѣло тамъ, гдѣ высшая власть въ рукахъ народа. Этому учитъ примѣръ многихъ республикъ и сочиненія философовъ. Даже тѣ государства, которыя допустили къ верховной власти богатыхъ, создали для себя великія трудности, такъ какъ въ такомъ

---

[1]) Nostri maggiori... fecero quella mescolanza di tutti li stati che giusti sono acciòche questa sola republica havesse il principato Regio, il governo de' nobili, il reggimento de cittadini, di modo che paiono con una certa bilanzia equale haver mescolato le forme di tutti. (Della Republica e Magistrati di Venezia libri cinque di Gasparo Contarino. Venetia 1678, стр. 28).

случаѣ можетъ произойти слѣдующее: лица низкаго происхожденія, какъ занимающіяся доходными промыслами, постепенно возьмутъ верхъ надъ дворянами, посвящающими себя благороднымъ профессіямъ и пренебрегающими поэтому накопленіемъ достатка. Такимъ образомъ въ то время, какъ лица незнатнаго происхожденія, благодаря богатству, сдѣлаются гражданами, люди родовитые поставлены будутъ въ необходимость лишиться гражданства, а это поведетъ къ волненіямъ и вызоветъ замѣшательство въ государствѣ. Чтобы избѣжать такого исхода, мудрость нашихъ предковъ и рѣшила предоставить благородству крови, а не преимуществамъ богатства, перевѣсъ въ дѣлахъ республики,—перевѣсъ, но не исключительное господство".

„Вотъ почему не однѣ родовитыя семьи, но и тѣ, кто съ самаго начала извѣстенъ былъ доблестью и услугами государству, допущены были къ заботамъ управленія. Другіе присоединены были къ нимъ со временемъ, такъ какъ послужили родинѣ своими имуществами. Нѣкоторые иностранцы включены были въ то же число или въ виду своего высокаго рожденія, или въ виду дружелюбнаго отношенія къ республикѣ. Изъ всѣхъ и образовался тотъ Большой Совѣтъ, въ рукахъ котораго верховная власть. Онъ представляетъ собою народное правленіе [1]). Дожъ же, не знающій срока въ отправленіи власти и правящій пожизненно, можетъ быть уподобленъ королю; его окружаетъ тотъ же почетъ; всѣ законы и офиціальные акты исходятъ отъ его имени, какъ въ другихъ мѣстахъ отъ имени короля. Сенатъ, начальники совѣта десяти, члены состоящей при дожѣ коллегіи, наконецъ тѣ, кто извѣстенъ у насъ подъ наименованіемъ мудрыхъ, представляютъ собою тотъ элементъ дворянства или аристократіи, который входитъ третьей составною частью въ нашу конституцію". Контарини настаиваетъ на необходимости равенства правъ между дворя-

---

[1]) Questo Gran Consiglio, appresso il quale è la somma autorità di tutta Republica, ha nella Republica similitudine dell' stato popolare (ibid., стр. 31

нами, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ. Поддерживающимъ такое равенство онъ считаетъ правило, въ силу котораго члены одной и той же семьи не могутъ занимать болѣе одной должности; „иначе,—говоритъ онъ,—власть сосредоточилась бы въ рукахъ немногихъ, и республика выродилась бы въ олигархію“ [1]).

Вслѣдъ за Контарини Парута, извѣстный историкъ и не менѣе выдающійся публицистъ середины XVI ст., въ своихъ „Политическихъ Разсужденіяхъ“ является восхвалителемъ венеціанскихъ порядковъ.—„Совершенства ихъ Венеція достигла не сразу. Она не всегда управлялась тѣми законами, которые нынѣ дѣйствуютъ въ ней. Разныя обстоятельства изощрили мудрость ея гражданъ; новые порядки присоединились къ старымъ, что и сдѣлало возможнымъ то совершенство, какимъ отличаются ея учрежденія въ наши дни. Всего этого легко было достигнуть потому, что городъ этотъ родился со свободой и съ самаго начала былъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы служить не цѣлямъ завоеванія, а гражданскаго сожитія, согласію, миру и тѣсному общенію“ [2]).

„Венеція, не въ примѣръ Флоренціи, благодаря счастливымъ особенностямъ своей конституціи, которую можно признать смѣшанной изъ демократіи и аристократіи, съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣдней, избѣжала той порчи, которой подвержены другія государства. Ничто не нарушало мирнаго теченія ея гражданской жизни. Сами учрежденія стали поперекъ тѣмъ, кто замышлялъ что-либо противъ политической свободы. Такимъ образомъ эта республика могла сохраниться неизмѣнной въ то самое время, какъ другія, не нашедшія въ своихъ порядкахъ равныхъ устоевъ, подвергались опасностямъ и переворотамъ“ [3]).

---

1) Ibid., стр. 48.
2) Discorsi Politici, libro I. discorso I. Opere politiche di Paolo Paruta, enze, le Monnier 1852-ой, томъ II, стр. 27.
3) Ibid., стр. 103-я, libro I, discorso VIII.

Парута возвращается къ вопросу объ особенностяхъ венеціанскаго строя и въ другомъ своемъ сочиненіи, еще болѣе извѣстномъ, въ трактатѣ „О превосходствѣ политической жизни" (1579 г.). Здѣсь онъ проводитъ параллель между учрежденіями Спарты и Венеціи. Въ Спартѣ короли были могущественны во всемъ, что касается военнаго управленія, и ограничены въ гражданскомъ сенатомъ и эѳорами. Сенатъ былъ въ рукахъ дворянъ, эѳоры въ рукахъ простонародья. Такимъ образомъ всѣ составные элементы города-республики участвовали въ правительствѣ, каждый въ той сферѣ, которая болѣе отвѣчала его характеру. Вотъ почему всѣ граждане были довольны и всему предпочитали свободу и независимость родины. Подобно Спартѣ, и Венеціанская республика заключаетъ въ себѣ всѣ стороны лучшихъ правительствъ. Дожъ представляетъ въ ней монархическую власть, такъ какъ его должность пожизненна и окружена общимъ почетомъ; его именемъ обнародуются законы, посылаются и принимаются депеши. Какъ глава, онъ представляетъ собою всю республику.

Въ свою очередь что такое сенатъ, коллегія (изъ дожа, его совѣтниковъ и начальниковъ кваранцій), совѣтъ десяти,—какъ не аристократическія власти, органы владычества оптиматовъ?

Съ другой стороны право, предоставленное Большому Совѣту, избирать на всѣ должности и издавать основные законы, въ виду участія въ немъ всего полноправнаго гражданства, можетъ считаться чертою народнаго правительства. То же смѣшеніе разныхъ формъ государственнаго устройства встрѣчается и въ организаціи отдѣльныхъ властей, въ томъ, напримѣръ, что занятіе должности зависитъ частью отъ выбора, обезпечивающаго интересы наиболѣе достойныхъ (аристократовъ), частью отъ жребія, отвѣчающаго требованіямъ народовластія, или же въ томъ, что однѣ должности сообщаютъ только почетъ, а другія — и матеріальную выгоду [1]).

---

[1]) Della perfezione della vita politica, libro terzo. Opere, т. I, p. 397.

Подобно Контарини, Парута считаетъ смѣшанное устройство наиболѣе совершеннымъ. Аргументы, приводимые имъ въ его пользу, настолько близки къ тѣмъ, какими пользуется Контарини, въ свою очередь заимствовавшій ихъ у Аристотеля и Полибія, что авторъ не прочь стать подъ тѣнь этого великаго для него имени и выразить собственное сужденіе въ формѣ сентенцій, принадлежащихъ знаменитому кардиналу. Разсужденіе о совершенствѣ политической жизни изложено въ формѣ бесѣдъ, якобы имѣвшихъ мѣсто въ Тридентѣ, куда Парута сопровождалъ венеціанскую миссію, посланную для привѣтствія только что воцарившагося императора Максимиліана. Дѣйствующими лицами являются люди, съ которыми самъ онъ имѣлъ случай не разъ обмѣниваться мыслями въ бытность свою при послѣ Дандало въ Тридентѣ. Этотъ Дандало и рѣшаетъ обыкновенно въ трактатѣ недоразумѣнія, возникающія между прочими собесѣдниками, выражая такимъ образомъ личныя воззрѣнія самого Парута. Повторивъ доводы Контарини въ пользу смѣшанной формы правленія, вспомнивъ примѣръ Спарты и сопоставивъ съ нею венеціанскіе порядки съ цѣлью доказать, что Венеція въ такой же мѣрѣ можетъ считаться совершеннѣйшей республикой новаго времени, въ какой Спарта имѣла право на это признаніе въ древности, Дандало объявляетъ затѣмъ, что всѣ современныя государства приближаются болѣе или менѣе къ одному и тому же типу смѣшаннаго устройства, что это можно сказать и о Франціи, и объ Испаніи, всего же болѣе о Германіи, Польшѣ и Англіи. Всѣ эти государства имѣютъ генеральные штаты и совѣты, нѣкоторыя изъ нихъ, въ частности Германія, даже страдаютъ отъ того, что за князьями имперіи и за свободными городами признано слишкомъ много власти и авторитетъ императора недостаточно силенъ. Какъ общее правило, однако, въ христіанскихъ королевствахъ смѣшеніе властей не вполнѣ совершенно, такъ какъ перевѣсъ оставленъ за монархическимъ началомъ, что не мѣшаетъ однако королямъ приносить присягу при вступленіи на престолъ и обязываться управлять народомъ согласно

законамъ. Во Франціи и Испаніи, а также въ Польшѣ и въ Англіи, встрѣчаются совѣты въ отдѣльныхъ частяхъ государства (очевидно, намекъ на провинціальные штаты): ихъ мнѣніемъ руководствуются правители въ важнѣйшихъ дѣлахъ; кромѣ того дворянство и среднее сословіе пользуются многими привилегіями и по многимъ вопросамъ, касающимся нуждъ государства, имѣютъ не малую власть. Францискъ I даже ссылался на то, что договоръ, заключенный имъ съ Карломъ V и по которому онъ обязался уступить ему Бургундію, не дѣйствителенъ, такъ какъ, будучи въ плѣну у Карла, онъ не могъ испросить согласія генеральныхъ штатовъ. Въ характеристикѣ, какую Парута даетъ современнымъ ему конституціямъ, насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ не проводитъ серьезнаго различія между Англіей и государствами континента. То же раньше дѣлалъ и Маккіавелли, который въ примѣръ добраго устройства приводилъ не Англію, а Францію, ссылаясь на власть, какой пользуется въ ней парламентъ. Весьма вѣроятно, что мнѣніе обоихъ писателей составилось подъ вліяніемъ чтенія Филиппа де-Коммина, который при Людовикѣ XI, т.-е. въ эпоху уже начавшагося абсолютизма, вспоминалъ въ своей „Исторіи" о тѣхъ основахъ сословной монархіи, которыя, въ лицѣ штатовъ и парламентовъ, уравновѣшивали самодержавіе короля. Маккіавелли, самъ посѣтившій Францію, вынесъ изъ нея то убѣжденіе, что въ ней королевская власть болѣе ограничена законами, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ въ его время [1]). Онъ имѣлъ въ виду Францію Людовика XII, любимаго народомъ монарха; его власть въ дѣйствительности была несравненно менѣе ограниченной, чѣмъ власть правителей первой половины XV столѣтія, до эпохи созданія при Карлѣ VII постояннаго налога для цѣлей народной обороны и устройства постояннаго войска. То обстоятельство, что итальянскіе писатели конца XV и первой половины XVI столѣтія не выдѣляютъ Англіи изъ сре...

[1]) „Разсужденія", кн. I, гл. LVIII.

прочихъ государствъ Европы, объясняется тѣмъ, что въ ней ростъ сословной монархіи, достигши своего апогея во времена Генриха VI и составленія его канцлеромъ Джономъ Фортескью двухъ знаменитыхъ трактатовъ—„Похвалы англійскимъ законамъ“ и „О различіи монархіи абсолютной и ограниченной“ (Dominium regale et dominium politicum et regale), былъ внезапно остановленъ въ эпоху войнъ Алой и Бѣлой Розы истребленіемъ большинства дворянскихъ родовъ и попытками къ упроченію самодержавія, связанными съ дѣятельностью Іоркской династіи и смѣнившихъ ее Тюдоровъ. Въ эпоху, когда Парута редактировалъ свое сочиненіе, Англія, переживши грандіозную революцію религіозно-соціальнаго характера, рѣшительно вступила на путь абсолютизма съ момента признанія вновь созданнымъ Тюдорами дворянствомъ силы закона за королевскими указами, такъ называемыми прокламаціями. Какъ бы то ни было, но фактъ упоминанія Парутою о смѣшанномъ устройствѣ большинства европейскихъ государствъ самъ по себѣ весьма характеренъ; онъ указываетъ на рѣшительную перемѣну въ прежнихъ воззрѣніяхъ итальянскихъ публицистовъ на самую природу государства; оно перестаетъ быть въ ихъ глазахъ городомъ, гражданство котораго одно осуществляетъ политическое верховенство въ предѣлахъ болѣе или менѣе ограниченной территоріи. Оно приближается къ тому представленію, какое мы имѣемъ о немъ нынѣ. Въ составъ государства входять, какъ въ Германіи напримѣръ, княжества и свободные города, которые подъ властью императоровъ сходятся, какъ пишетъ Парута, на сеймъ для рѣшенія съ общаго согласія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся благополучія ихъ земель и владѣній.— Благодаря этому, въ конституціяхъ государствъ новаго времени выступаютъ рядомъ черты трехъ формъ правленія: правленія одного, немногихъ и многихъ. Этой перемѣнѣ въ точкѣ зрѣнія а природу государства отвѣчаетъ измѣненіе прежняго отношеія публицистовъ къ римской конституціи и къ демократіи ообще.

На мнѣніяхъ Паруты отразилось вліяніе совершившагося упадка республикъ флорентинскаго типа и удержаніе народоправства только въ предѣлахъ аристократической Венеціи. Онъ критикуетъ поэтому и римскую республику, говоря, что въ ней трибуны пользовались той чрезмѣрной властью, которая немыслима въ государствахъ, организованныхъ съ цѣлью обезпечить благополучіе не одного только простонародья, но также благороднѣйшихъ и знатнѣйщихъ гражданъ. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ разсужденій Парута подробно останавливается на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе Полибія о римской республикѣ, какъ о смѣшанномъ устройствѣ. Въ противность предшествующимъ писателямъ, въ томъ числѣ Маккіавелли и Гвичардини, онъ считаетъ это мнѣніе ошибочнымъ. Власть консуловъ, приближающаяся къ монархической, а съ другой чрезмѣрныя полномочія трибуновъ и ихъ возрастающая тиранія, чудовищныя богатства немногихъ и нищета толпы, — все это вмѣстѣ взятое,—думаетъ Парута, — позволяетъ говорить о существованіи въ римской республикѣ какого-то нежелательнаго двоевластія, какого-то политическаго тѣла съ двумя головами [1]).

Если римская республика не находитъ пощады въ его глазахъ, то тѣмъ болѣе аѳинская. Демократія вообще кажется ему не заслуживающей быть зачисленной въ лучшія формы правленія. Добродѣтели не можетъ быть въ массахъ; она возможна въ единомъ правителѣ, королѣ, или у немногихъ. Если нельзя считать хорошо устроенной республику, въ которой одинъ или нѣсколько богатыхъ и могущественныхъ людей овладѣли верховной властью, то столь же дурнымъ надо признать правительство, сосредоточенное въ рукахъ черни, надменной, желающей владычествовать и надъ частными лицами и надъ законами. При демократическомъ устройствѣ мѣста сановниковъ заняты людьми самаго низкаго происхожденія, самыми бѣдными. Парута, очевидно, имѣетъ въ

[1]) „Разсужденіе“ I.

виду флорентинцевъ, когда говоритъ, что существуютъ народы, у которыхъ люди, стремясь къ свободѣ и не желая подчиняться постоянному владычеству кого бы то ни было, всѣ попеременно занимаютъ мѣста сановниковъ. „Нельзя,—думаетъ онъ, — признать такой строй совершеннымъ; это — республика низшаго порядка. Всего болѣе она свойственна народамъ воинственнымъ; въ наше время швейцарцамъ и нѣкоторымъ республикамъ Германіи. Одно изъ неудобствъ демократіи составляетъ крайнее разнообразіе мнѣній, необходимо встрѣчающееся всюду, гдѣ многіе призваны къ дачѣ совѣтовъ. Отъ него происходятъ заговоры и мятежи. Власть, раздѣленная между многими, становится слабой. Чрезмѣрная свобода часто вырождается въ произволъ; наконецъ, предоставленіе равныхъ правъ людямъ не равнымъ по достоинству граничитъ съ оскорбленіемъ. Благороднѣйшіе, богатѣйшіе и наиболѣе добродѣтельные считаютъ себя обиженными уподобленіемъ ихъ съ людьми самаго низкаго плебейскаго происхожденія. Какъ въ Римѣ, благодаря честолюбію Гракховъ и другихъ мятежныхъ гражданъ, непомѣрно увеличена была власть простонародья и тѣмъ самымъ нарушено первоначальное равновѣсіе, такъ точно въ Аѳинахъ Аристидъ и Периклъ, слишкомъ любя свободу или, быть-можетъ, ища популярности, расширили авторитетъ демоса. Этотъ же послѣдній оказался неспособнымъ воспользоваться какъ слѣдуетъ своею властью, и республика подпала вліянію немногихъ могущественныхъ гражданъ. И въ болѣе позднее время остались въ ней эти сѣмена вырожденія. Вотъ почему она не въ состояніи была избѣжать чужого ига, сохранить свою свободу и независимость иначе, какъ на короткое время“ [1]).

Маккіавелли указывалъ демократіямъ способъ обезпечить себѣ свободу и независимость отъ иностранцевъ путемъ заключенія союзовъ, или лигъ. Парута не раздѣляетъ этого

[1]) Ibid., т. I, стр. 389—399.

взгляда и въ особомъ мемуарѣ („Второе разсужденіе") доказываетъ вредъ такихъ конфедерацій. Ихъ невыгодную сторону составляетъ разнообразіе и противорѣчивость мнѣній, господствующихъ въ совѣтахъ союзниковъ и вызываемое тѣмъ соперничество. Союзы не могутъ продержаться долго и только въ томъ случаѣ приносятъ нѣкоторую пользу, когда государство, не имѣя собственныхъ средствъ защиты, ищетъ поддержки противъ болѣе сильнаго сосѣда въ общеніи съ другими народами.

Это враждебное отношеніе къ конфедераціямъ опять-таки рисуетъ намъ Паруту сторонникомъ не древнихъ политическихъ формъ, а новаго централизованнаго государства. Та же черта выступаетъ и въ тѣхъ его „Разсужденіяхъ", въ которыхъ онъ касается причинъ паденія Греціи и Рима. „Первая, — говоритъ онъ,—пала, благодаря соперничеству Аѳинъ и Спарты, второй—благодаря чрезмѣрному расширенію своихъ владѣній и порчѣ нравовъ". Заодно съ Маккіавелли, Парута думаетъ, что государства могутъ быть упрочены только неоднократнымъ оживленіемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ они были построены [1]). Такимъ образомъ ему такъ же чуждо представленіе о прогрессѣ, какъ и флорентинскому секретарю. Это не мѣшаетъ, однако, существованію между обоими большого различія во взглядахъ, обусловленнаго, впрочемъ, не столько политическими, сколько нравственными соображеніями. Трактатъ Паруты „О совершенствѣ политической жизни" прежде всего есть дидактическое разсужденіе, въ которомъ говорится о добродѣтеляхъ, необходимыхъ для счастья и благополучія, и только между прочимъ о свободѣ „безъ которой, — объявляетъ одинъ изъ участниковъ представляемой Парутою бесѣды, — нельзя быть не только счастливымъ человѣкомъ, но даже просто человѣкомъ" [2]). Парута имѣетъ въ виду показать, что политика стоитъ въ тѣсной связи съ нравственностью

---

[1]) „Разсужденіе 12 и 13-е".
[2]) Томъ I, стр. 371.

и тѣмъ косвенно протестуетъ противъ той неразборчивости на средства, какую мы встрѣчаемъ въ совѣтахъ, данныхъ республикамъ и единоличнымъ правителямъ Маккіавелли.

По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ критиковъ Паруты, Сальвіоли, все значеніе этого писателя сводится къ построенію науки о нравственности, а не о правѣ и политикѣ. Какъ дипломатъ и историкъ, онъ вызвалъ за послѣднее время интересъ къ себѣ со стороны ряда писателей современной Италіи, обогатившихъ литературу о Возрожденіи изданіемъ его корреспонденціи съ дожемъ и сенатомъ Венеціи. Новые матеріалы позволили Запони посвятить цѣлую монографію изображенію различныхъ событій его жизни и подробному анализу его книгъ. Но вся эта недавняя работа не прибавила новаго къ оцѣнкѣ его роли какъ политика. Разбирая ее, Сальвіоли считаетъ возможнымъ сказать: „Сочиненія Паруты рисуютъ намъ его не столько оригинальнымъ мыслителемъ, сколько человѣкомъ, весьма хорошо знакомымъ съ классическою древностью. Онъ всецѣло озабоченъ сохраненіемъ прошлаго. Цѣпи схоластики тяготѣютъ на немъ; рѣдко ему удается отрѣшиться отъ традиціонной философіи. Религіозное рвеніе, привязанность къ аристократическому принципу, преданность теологіи и схоластикѣ не дали свободнаго полета его мысли и ограничили его роль повтореніемъ ходячихъ ученій въ области политической этики. Какъ политикъ, Парута едва ли въ правѣ занять особое мѣсто въ исторіи итальянскаго мышленія. Его нельзя сравнивать ни съ Маккіавелли ни съ Гвичардини; но его проницательность при изображеніи политическихъ отношеній XVI вѣка, при оцѣнкѣ венеціанской конституціи и римской исторіи, при изображеніи характера отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй позволяетъ намъ поставить его если не рядомъ, то вслѣдъ за этими писателями“ [1]).

---

[1]) См. Rivista storica italiana, 1905 г., I-й вып., стр. 57.

Съ Парутою заканчивается исторія итальянскаго Возрожденія въ области политики. Послѣ него мы не встрѣчаемъ писателей, которые при оцѣнкѣ современныхъ имъ явленій въ области государственной жизни умѣли бы отрѣшиться отъ страсти къ восхваленію существующаго, отъ составленія нравственно-дидактическихъ разсужденій о добродѣтеляхъ, необходимыхъ въ князѣ и его совѣтникахъ, отъ безплодной нерѣдко эрудиціи или отъ повторенія уже сказаннаго ихъ предшественниками. Имена многихъ изъ этихъ писателей даже не заслуживаютъ ближайшаго упоминанія въ сочиненіи столь общаго характера, каково настоящее [1]).

Исключеніе можно сдѣлать развѣ для кремонскаго епископа Винья, у котораго, какъ показано Феррари, уже можно найти зародыши ученія объ общественномъ договорѣ, да еще для Джіованни Ботеро, который въ моихъ глазахъ можетъ быть отнесенъ къ числу первыхъ по времени описательныхъ соціологовъ и своимъ трактатомъ о „Венеціанской республикѣ“ продолжаетъ серію блестящихъ анализовъ, какимъ аристократическій строй этого города-государства подвергся со стороны итальянскихъ публицистовъ. Значеніе Ботеро какъ статистика и прежде всего какъ отдаленнаго предшественника Мальтусовой доктрины о несоотвѣтствіи между ростомъ населенія и накопленіемъ средствъ, необходимыхъ для его пропитанія, оцѣнено за послѣднее время итальянской, нѣмецкой и французской исторической критикой. Какъ географъ Ботеро не можетъ интересовать насъ въ настоящемъ изслѣдованіи; столь же малое значеніе имѣетъ для насъ и его политическая дѣятельность при пьемонтскомъ дворѣ и за-

---

[1]) Къ сочиненію Ferrari, болѣе или менѣе устарѣвшему, такъ какъ оно вышло еще въ 1862 году, подъ заглавіемъ „Corso sugli scrittori politici italiani“, присоединились за послѣднее время монографія Сальвіоли о „Политическихъ писателяхъ контръ-реформаціи“ (отпечатана въ „Архивѣ Публичнаго Права въ Палермо, 1892 г.) и сочиненіе Ма Ковалле о „Политическихъ писателяхъ Италіи во второй части X вѣка“ (Болонья, 1903 г.).

щита имъ интересовъ католической церкви. Въ ближайшей главѣ мы укажемъ поэтому только на возможность открыть въ Ботеро ранняго представителя той науки объ обществѣ, въ развитіи которой его соотечественнику Вико пришлось играть видную роль мѣсто въ XVIII вѣкѣ, т.-е. нѣсколькими годами ранѣе выхода въ свѣтъ „Духа законовъ“ Монтескьё и десятки лѣтъ до появленія разсужденія Кондорсэ о „Прогрессѣ человѣческаго разума“, — разсужденія, въ которомъ самъ Контъ видѣлъ прямое приближеніе къ задачамъ созданной имъ соціологіи. Но не одна лишь эта наиболѣе положительная сторона научной дѣятельности Ботеро должна интересовать насъ въ сочиненіи, ставящемъ себѣ задачею прослѣдить ходъ развитія политической мысли въ связи съ измѣненіями въ политической практикѣ. Мы остановимся еще на характеристикѣ его отношенія къ ходячему въ XVI вѣкѣ ученію о государственной необходимости ученію, возродившемуся со временъ древности и нашедшему себѣ, какъ мы видѣли, оригинальнаго выразителя въ лицѣ автора „Князя“,—Маккіавелли.

ГЛАВА XII.

Ученіе о государственной необходимости и доктрина общественной правды—Ботеро, Морусъ и Кампанелла.

§ 1. Изъ политическихъ писателей Италіи XVI столѣтія едва ли кто можетъ поспорить въ извѣстности съ Джіованни Ботеро. Статистики обыкновенно возводятъ къ нему начало своей науки, но это справедливо лишь подъ условіемъ сохраненія за нею чисто-описательнаго характера, отъ котораго она сумѣла уже отдѣлаться въ большей или меньшей степени; къ тому же затрогиваемые „Универсальными Реляціями“ вопросы покрываютъ несравненно болѣе широкую площадь,

чѣмъ та, какую статистики считаютъ своимъ достояніемъ,— въ нихъ есть и географія, и исторія, какъ свѣтская, такъ и духовная, и все это въ той мѣрѣ, какая необходима для пониманія дѣйствительныхъ экономическихъ и политическихъ задачъ отдѣльныхъ государствъ и правителей.

По современной классификаціи общественныхъ знаній главный трудъ Ботеро, его „Универсальныя Реляціи", всего скорѣе можетъ быть отнесенъ, какъ мы уже сказали, къ описательной соціологіи. Для своего времени это сочиненіе является чѣмъ-то совершенно исключительнымъ, такъ какъ исчерпываетъ почти всю массу обращавшихся въ обществѣ соціологическихъ знаній. Возьмемъ для примѣра хотя бы Африку; одно присутствіе при „Реляціи" географической карты съ правильнымъ очертаніемъ общаго контура этой части свѣта, съ обозначеніемъ главныхъ рѣкъ и озеръ, заливовъ и проливовъ, съ указаніемъ двухъ большихъ рукавовъ Нила и истока одного изъ нихъ изъ внутренняго моря-озера, свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше о вниманіи, съ какимъ авторъ отнесся къ географическимъ открытіямъ Васко-де-Гамы и слѣдовавшихъ за нимъ путешественниковъ, а также къ свидѣтельствамъ древнихъ. Но заглянемъ глубже въ то, что сообщается имъ о разныхъ странахъ Чернаго материка, и мы увидимъ, что климаты, распредѣленіе минеральныхъ и растительныхъ богатствъ, удобство географическаго положенія, населенность, характеръ производства и разспредѣленія, семейный, общественный бытъ и образъ правленія, религіозныя вѣрованія и уровень положительныхъ знаній разныхъ народностей интересуютъ нашего писателя въ равной мѣрѣ съ любымъ изъ современныхъ соціологовъ. Свѣдѣнія его, разумѣется, крайне ограниченны, но они только отражаютъ на себѣ уровень современнаго ему знанія и вполнѣ исчерпываютъ все, что можно найти въ сочиненіяхъ и сборникахъ папы Пія II Пикколомини, Рамузія и въ доступныхъ Ботеро рукописныхъ реляціяхъ венеціанскихъ и другихъ италійскихъ пословъ. Мало того,— когда рѣчь заходитъ не объ Эѳіо

Нубіи и Абиссиніи, а о не разъ посѣщенныхъ Ботеро Испаніи, Франціи и Италіи, авторъ къ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у другихъ писателей, присоединяетъ результаты собственныхъ наблюденій и поисковъ въ первоисточникахъ; а насколько обширны могли быть почерпнутыя этимъ путемъ данныя, говорятъ намъ годы, проведенные имъ сперва въ близкомъ общеніи съ миланскимъ архіепископомъ Карломъ Борромео, мощи котораго покоятся въ каѳедральномъ соборѣ, а затѣмъ при французскомъ, туринскомъ и испанскомъ дворахъ въ роли воспитателя молодыхъ принцевъ крови, сыновей Эммануила Филиберта, и еще позднѣе—при римской куріи и въ долгихъ миссіяхъ при всѣхъ рѣшительно дворахъ Италіи, не исключая и Венеціанской республики [1]).

Отчетъ о послѣдней, послужившій дополненіемъ къ „Универсальнымъ Реляціямъ“, вводитъ насъ какъ нельзя лучше въ кругъ тѣхъ вопросовъ, какими задавался нашъ писатель при изученіи быта отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Даже въ томъ искалѣченномъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ этотъ трактатъ, благодаря цензурѣ совѣта десяти, онъ рисуетъ намъ Ботеро не простымъ бытописателемъ, а мыслителемъ, дорожащимъ установленіемъ нѣкоторыхъ общихъ выводовъ. Отъ анализа авторъ постоянно переходитъ къ синтезу; хотя его любознательность особенно привлекаютъ условія матеріальнаго быта Венеціи, онъ подымается нерѣдко до такихъ широкихъ обобщеній, какъ, напримѣръ, слѣдующіе: Венеція — не типъ смѣшаннаго государства съ простымъ преобладаніемъ аристократіи, а совершеннѣйшій образецъ послѣдней [2]), что не мѣшаетъ ей быть преемницей нѣкогда существовавшей здѣсь демократіи; она не допускаетъ сравненія ни съ какой другой республикой, кромѣ римской, и превосходитъ послѣднюю благодаря тому, что болѣе

[1]) La vita e le opere di Giovanni Botero di Carlo Gioda. 1895 г., томъ I, ъ 1.

[2]) Relatione della republica Venetiana. 1605 годъ, стр. 28.

приспособлена не къ завоеванію, а къ сохраненію разъ пріобрѣтеннаго; она выше ея умѣренностью въ осуществленіи власти,— идея, которая будетъ со временемъ усвоена и обобщена Монтескьё въ извѣстномъ его ученіи объ умѣренности, какъ жизненномъ принципѣ аристократіи. Насколько Ботеро удается сохранить свою индивидуальность при высказываніи этихъ положеній, можно судить по тому, что всѣ предшествовавшіе писатели о Венеціи, въ числѣ ихъ Джанотти, Контарини и Парута, объявляли республику Святого Марка смѣшаннымъ правительствомъ и добровольно закрывали глаза на рѣшающее вліяніе, какимъ пользовалось въ ней дворянство. Ту же, не скажу только самостоятельность, но и независимость взглядовъ обнаруживаетъ Ботеро и при оцѣнкѣ положенія, какое занято республикой по отношенію къ прочимъ государствамъ Италіи. Въ своей внѣшней политикѣ, думаетъ онъ, Венеція всегда придерживалась системы политическихъ противовѣсовъ: она не давала ни одному государству расшириться настолько, чтобы сдѣлаться опаснымъ для другихъ; она создавала съ этою цѣлью враговъ самому Риму и противоставляла городъ городу и государство государству. Если автору не дано было развить подробнѣе эту мысль, то вина въ этомъ, какъ думаетъ его біографъ Джіода, падаетъ на цензуру. Нельзя также не признать широкимъ обобщеніемъ Ботеро то замѣчаніе, что общественная свобода, какой венеціанцы пользуются въ своихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, безъ различія сословій, препятствуетъ проявленію недовольства, какое иначе вызвало бы въ нихъ сосредоточеніе всей политической власти въ рукахъ дворянства.

Я не считаю нужнымъ продолжить анализа „Венеціанской реляціи", этого популярнѣйшаго изъ трактатовъ пьемонтскаго публициста, такъ какъ сказаннаго вполнѣ достаточно для характеристики его общихъ пріемовъ. Моя задача не состоитъ въ томъ, чтобы дать полную картину его писате[льской] дѣятельности; меня интересуетъ въ настоящую мину[ту] одинъ порядокъ зарожденія въ Италіи тѣхъ идей, котор[ыя]

повели къ обоснованію на новомъ матеріалѣ, поставленномъ исторіей итальянской и общеевропейской гражданственности, стариннаго ученія о государственной необходимости. Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что Ботеро воздерживается отъ всякихъ апріорныхъ положеній, что ему чуждо также то добровольное ограниченіе поля зрѣнія, въ которомъ нельзя не упрекнуть автора „Князя", что онъ руководствуется въ своихъ выводахъ одновременно опытомъ и республикъ и монархій, придерживаясь того метода, который въ наши дни извѣстенъ подъ именемъ сравнительно-историческаго. Хотя трактатъ Ботеро „О государственной необходимости", Ragion di Stato, и появился нѣкоторыми годами раньше „Универсальныхъ Реляцій", но нѣтъ основанія думать, чтобы большая часть сообщаемыхъ послѣдними данныхъ не была уже въ распоряженіи автора въ эпоху редактированія имъ его общаго политическаго разсужденія. Какъ бы значительны ни были позднѣйшія дополненія, къ нему сдѣланныя, несомнѣнно, что Ботеро уже имѣлъ передъ глазами опытъ Ломбардіи, Франціи и папскихъ владѣній, что онъ въ состояніи былъ осмыслить наблюденія, накопленныя имъ въ этихъ трехъ странахъ прежде, чѣмъ были написаны первыя строки сочиненія, призваннаго увѣковѣчить его память въ рядахъ европейскихъ публицистовъ. Его біографъ вполнѣ устанавливаетъ тотъ фактъ, что теорія, проводимая „Ragion di Stato", сложилась въ умѣ ея автора далеко не сразу, а постепенно, что основы ея положены были еще въ 1583 году въ Миланѣ, когда въ свободное отъ занятій время Ботеро въ бесѣдахъ съ мѣстными патриціями подвергалъ критикѣ различныя воззрѣнія Маккіавелли, этого перваго провозвѣстника теоріи государственной необходимости въ средѣ народовъ Новой Европы. Семь лѣтъ спустя, находясь въ Римѣ и вспоминая о слышанномъ имъ при разныхъ дворахъ, авторъ Ragion di Stato открываетъ намъ ближайшій источникъ своихъ воззрѣній, заявляя, что ежедневно ему приходилось встрѣчать то ссылки на Маккіавелли, то выдержки изъ Тацита, характеризующія пріемы, какими Тиберію удалось добиться

власти и упрочить ее за собою. „Съ изумленіемъ,—пишетъ онъ,—видѣлъ я, какимъ авторитетомъ пользуется безбожнѣйшій и безнравственнѣйшій изъ всѣхъ писателей и какое значеніе придается гнусному поведенію тирана“. Негодованіе вызывали въ Ботеро разсужденія, что „многое, не позволенное совѣстью, допустимо ради государственной необходимости“. Подъ вліяніемъ этого чувства онъ и рѣшился на протестъ противъ „заразы, какая внесена въ правительство проповѣдью Маккіавелли и примѣромъ Тиберія“. Но „такъ какъ никакая критика немыслима безъ изложенія положительныхъ основъ правительства“, то Ботеро счелъ нужнымъ, въ бытность свою въ Римѣ при кардиналѣ Фридрихѣ Борромео, т.-е. уже послѣ миссіи во Францію, редактировать первую часть своего трактата, всецѣло посвященную общимъ разсужденіямъ о правительствѣ и потому встрѣтившую еще въ 1591 году въ устахъ критиковъ то замѣчаніе, что „о государственной необходимости авторъ заводитъ рѣчь только въ заголовкѣ“. Существенныя добавки къ своему трактату Ботеро сдѣлалъ въ 1598 году, во время пребыванія его въ Римѣ, уже послѣ сближенія съ туринскимъ дворомъ.

Въ томъ окончательномъ видѣ, какой получило его сочиненіе, для насъ интересны не столько наполовину заимствованныя у Бодена общія разсужденія о томъ, „что важнѣе, сохранить ли, или расширить государство, и какое государство болѣе устойчиво: большое, среднее или малое, централизованное или децентрализованное“, сколько отступленія отъ того самаго правила о необходимости подчинить политику велѣніямъ совѣсти, которое авторъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ возводимаго имъ зданія. Разсуждая объ опасностяхъ, какія могутъ грозить прочности государства и правительства, а также о средствахъ избѣжать ихъ, Ботеро замѣчаетъ, что на первомъ планѣ надо поставить вредъ, причиняемый лицами, ничего не имѣющими и потому не рискующими чт либо потерять при перемѣнахъ и потрясеніяхъ. Онъ сов туетъ или удалить ихъ изъ государства, основывая съ этс

цѣлью военныя колоніи, или отправить ихъ въ отдаленныя предпріятія, или, наконецъ, выгнать ихъ, по примѣру того, что сдѣлано было Фердинандомъ Католическимъ по отношенію къ цыганамъ. Всего этого можно избѣжать только въ томъ случаѣ, если бѣднымъ обезпеченъ будетъ заработокъ надѣленіемъ ихъ небольшими участками земли или пріуроченіемъ къ извѣстному мастерству; но „такъ какъ,—разсуждаетъ нашъ писатель,— не всѣ могутъ владѣть собственностью или обладать техническими знаніями, то на государя падаетъ обязанность доставлять заработокъ нуждающимся въ формѣ заказовъ, дѣлаемыхъ имъ лично или, по его настоянію, знатнѣйшими". Таковъ зародышъ ученія о правѣ на трудъ, восторжествовавшаго въ Англіи съ реформаціей и законодательствомъ Елизаветы объ общественномъ призрѣніи,— ученія, которое въ XVIII вѣкѣ найдетъ сторонниковъ въ Монтескьё и Тюрго, а ими завѣщано будетъ современнымъ соціальнымъ реформаторамъ. Отмѣтимъ, однако, что въ теоретическихъ построеніяхъ Ботеро оно призвано играть роль только одного изъ средствъ оградить государство отъ общественныхъ потрясеній и что такимъ же средствомъ авторъ считаетъ и самое безчеловѣчное изгнаніе нуждающихся.

Еще въ большемъ противорѣчіи съ принципомъ „совѣстливаго" правительства стоитъ совѣтъ приложить къ кальвинистамъ, которые для іезуита Ботеро „хуже самихъ магометанъ", слѣдующую практику: унизить ихъ души, ослабить ихъ силы, отнять у нихъ возможность всякаго совокупнаго дѣйствія. „Для достиженія первой цѣли,— учитъ Ботеро,— необходимо лишить ихъ всего, что содѣйствуетъ развитію смѣлости и бодрости. Надо запретить имъ отправленіе всякой публичной должности и даже ношеніе другой одежды, кромѣ нищенской и презрѣнной. Не мѣшаетъ также обложить ихъ непосильнымъ трудомъ, подобнымъ „игу фараонову", нѣкогда тяготѣвшему надъ іудеями. Правитель долженъ лишить ихъ всякой власти, отнять у нихъ оружіе, запретить имъ пребываніе въ укрѣпленныхъ мѣстностяхъ и воспрепятствовать

накопленію ими средствъ путемъ высокаго обложенія ихъ налогами“. Чтобы сдѣлать невозможнымъ съ ихъ стороны всякую коллективную оппозицію, Ботеро совѣтуетъ сѣять между ними несогласія и поддерживать взаимное подозрѣніе; а для этого лучшимъ средствомъ является содержаніе шпіоновъ. Той же цѣли содѣйствуетъ запрещеніе брачныхъ союзовъ между выдающимися семьями кальвинистовъ и распространеніе слуховъ, пагубныхъ для доброй славы тѣхъ, кто считается стоящимъ во главѣ ихъ. Ботеро не останавливается даже передъ насильственнымъ выселеніемъ кальвинистовъ: „Если мавры,— говоритъ онъ,— не считали возможнымъ допустить пребыванія испанскихъ католиковъ въ своей средѣ, то что же мѣшаетъ намъ поступить такимъ же образомъ съ тѣми, кого мы отчаялись обратить въ правовѣріе?“ Такимъ образомъ обличитель Маккіавелли и его „безнравственной политики“ самъ вступаетъ на путь поощренія коварства и человѣконенавистничества, едва онъ останавливается на мысли подчинить интересъ государства, „который для него то же, что государственная необходимость“ [1]), интересамъ зажиточныхъ классовъ и господствующей церкви.

Въ ту же бѣду впадаетъ и другой не менѣе ревностный противникъ Маккіавелли, человѣкъ, имя котораго неразрывно связано, какъ мы увидимъ ниже, съ одной изъ первыхъ попытокъ положить въ основу государства торжество справедливости и матеріальнаго равенства. Я разумѣю доминиканца Кампанеллу. Въ тюрьмѣ послѣ жестокой пытки, вырвавшей у него признаніе въ заговорѣ противъ испанскаго владычества и въ намѣреніи создать республику въ Абруццахъ, Кампанелла задумываетъ и приводитъ въ исполненіе трактатъ „Объ испанской монархіи“, долженствующій, какъ онъ надѣется, послужить къ его оправданію и открыть ему выходъ изъ неволи. Онъ выдаетъ свое сочиненіе за результатъ болѣе ранней ра-

---

[1]) In conclusione ragion di stato è poco altro che ragion d'interes (Aggiunte alla Ragion di stato, стр. 28. Venezia, 1659).

боты и настолько дорожитъ имъ, что даже впослѣдствіи при дворѣ Людовика XIII и Ришельё, этихъ заклятыхъ враговъ Испаніи, онъ печатаетъ одно изданіе его за другимъ. Въ тѣ же годы насильственнаго отлученія отъ всего живущаго, заподозрѣнный въ еретичествѣ монахъ пишетъ свои обличенія противъ атеистовъ и проповѣдуетъ всемірное владычество папы подъ покровомъ и при содѣйствіи всемірной же монархіи испанцевъ. Заглянемъ въ эти трактаты, и мы найдемъ въ нихъ то же подчиненіе совѣсти государственной необходимости, какое поражаетъ насъ въ сочиненіяхъ Ботеро. Какъ не удивляться противорѣчію, въ какомъ стоитъ обличеніе Маккіавелли, „основавшаго государственную необходимость на отсутствіи совѣстливости“ [1]), съ такими, напримѣръ, совѣтами: „Для осуществленія всемірной монархіи и сохраненія завоеванныхъ провинцій, особенно когда послѣднія заняты еретиками, необходимо насильственное выселеніе, сопровождаемое обращеніемъ въ неволю, принудительнымъ крещеніемъ и отправкой въ Новый Свѣтъ для основанія колоній“ [2]). Близость Кампанеллы къ Ботеро въ данномъ вопросѣ настолько бросается въ глаза, что невольно приходитъ на мысль, не воспользовался ли онъ послѣднимъ и не развилъ ли только его взглядовъ. Но вотъ другой совѣтъ, который далеко оставляетъ за собою даже все сказанное пьемонтскимъ іезуитомъ. „Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ ни одно не оказалось болѣе враждебнымъ всемірному владычеству испанцевъ, чѣмъ еретическая Англія. Чтобы сломить ея дальнѣйшую оппозицію, надо обѣщать сыну казненной Маріи Стюартъ, Іакову, — пишетъ Кампанелла, — помощь католическаго короля въ дѣлѣ обращенія Англіи въ правовѣріе; въ то же время необходимо также тайно поднять вожаковъ парламентской оппозиціи противъ Іакова, пугая ихъ перспективой возстановленія католицизма и

---

[1]) Campanella. Opere. Изданіе D'Ancona, томъ II, стр. 226.
[2]) Ibid., стр. 110.

мести короля за убійство матери. Нужно еще породить въ англійскихъ епископахъ подозрѣніе, что Іаковъ насильственно хочетъ ввести кальвинизмъ. Все это вмѣстѣ взятое породитъ смуту на островѣ и поведетъ въ концѣ-концовъ къ тому, что монархическій порядокъ будетъ возстановленъ съ помощью и при главенствѣ Испаніи, или же въ странѣ водворится республика, раздираемая несогласіями католиковъ и протестантовъ и легко способная поэтому подпасть иноземному владычеству“ [1]).

Въ этой комбинаціи обхватывающихъ цѣлый міръ интригъ призвана играть выдающуюся роль и Россія; ее надо натолкнуть на турокъ приманкою Константинополя [2]). Такимъ образомъ не въ умѣ великаго реформатора нашей отчизны, а въ головѣ доминиканскаго монаха зародилась впервые мысль о соединеніи Византіи съ Московіей. Мысль эта, по всей вѣроятности, навѣяна была на Кампанеллу извѣстнымъ ему фактомъ бракосочетанія Ивана III съ Софіею Палеологъ, о которомъ онъ могъ узнать изъ распространеннаго въ то время сочиненія Антонія Поссевина о Московіи.

Мнѣ нѣтъ цѣли настаивать на безнравственномъ характерѣ другихъ совѣтовъ, какіе даетъ испанскому монарху его мятежный подданный, какъ, напримѣръ, совѣта разрѣшить солдатамъ похищать женщинъ изъ еретической Англіи и иновѣрной Африки съ цѣлью улучшенія породы, или выкрадывать дѣтей не католическихъ родителей и подвергать ихъ крещенію. Достаточно сказаннаго для подкрѣпленія того взгляда, что стоитъ писателямъ XVI вѣка отрѣшиться отъ мысли, что государство не должно служить инымъ цѣлямъ, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ немъ самомъ, и такъ называемая, впрочемъ, совершенно ошибочно, „государственная необходимость“ становится символомъ ничѣмъ не сдерживаемаго произвола и коварства.

---

1) Ibid., стр. 185 и 186.
2) Ibid., стр. 188.

Иностранцы, знавшіе объ Италіи только то, чему учили ихъ трактаты Маккіавелли, Ботеро и ихъ подражателей, устами англійскихъ и французскихъ публицистовъ протестовали противъ безнравственности итальянской политики. Они считали проникавшія къ нимъ съ полуострова идеи причиной порчи своихъ соотечественниковъ. Нападки лиги на Екатерину Медичи и окружающихъ ее итальянцевъ-придворныхъ оживаютъ полстолѣтіе спустя въ препирательствахъ парижской фронды съ итальянцемъ Мазарини. Параллельно съ этимъ въ концѣ XVI столѣтія возникаетъ въ Англіи, какъ мы видѣли, систематическое гоненіе на такъ называемыхъ „italionates“, т.-е. лицъ, подражавшихъ итальянцамъ не только въ манерахъ, но и въ общественной и политической нравственности, готовыхъ вслѣдъ за Мельвилемъ и англизированнымъ итальянцемъ Альберико Джентилисъ, признать ничѣмъ не сдерживаемую власть деспота совершеннѣйшею формой правленія.

§ 2. Страннымъ образомъ это гоненіе совпало съ зарожденіемъ въ самой Италіи ученія, призваннаго революціонировать въ будущемъ весь строй соціальной и политической нравственности и выдвинуть впередъ новый идеалъ — совершеннаго равенства матеріальныхъ благъ и господства общественной правды. Родоначальникомъ этого ученія явился тотъ же еретическій монахъ-заговорщикъ, который не для одного своего спасенія, но и для торжества католицизма, готовъ былъ оживить человѣконенавистническіе совѣты Ботеро. Томмазо Кампанелла сдѣлался извѣстнымъ задолго до того момента, когда во-время раскрытый заговоръ сдѣлалъ его жертвой наполовину испанской, наполовину римской инквизиціи и на десятки лѣтъ похоронилъ его въ гнилой ямѣ замка Сантъ-Эльмо, вблизи Неаполя.

Но ничто не предвѣщало въ немъ соціальнаго и политическаго реформатора, если не говорить о пристрастіи къ [Пл]атону и его грандіозной общественной утопіи. Мы встрѣ[ча]емъ Кампанеллу въ числѣ горячихъ приверженцевъ новой [фи]лософіи, проповѣдуемой Телезіемъ, и потому противникомъ

Аристотеля и питавшейся его идеями схоластики. Томисты, т.-е. послѣдователи ортодоксальныхъ ученій Ѳомы Аквината, не замедлили открыть противъ него гоненіе, конфисковали его рукописи, препятствовали занятію имъ каѳедры въ Падуѣ и Флоренціи и упрочили за этимъ доминиканскимъ монахомъ репутацію богохульнаго еретика. Она не мало содѣйствовала тому тяжкому исходу, къ какому повелъ позднѣе доносъ о руководительствѣ имъ заговора. Отъ этой первой эпохи въ жизни Кампанеллы сохранились нѣкоторыя письма, тщательно собранныя его біографами—Бальдакини, Берти и Амабиле; они рисуютъ его намъ увлекающимся юношей, восторженно относящимся къ представителямъ новаго философскаго теченія, начиная съ Телезія и оканчивая Галилеемъ, но въ то же время уже способнымъ на компромиссы, высказывающимъ, напримѣръ, готовность излагать Аристотелеву философію съ каѳедры—можно догадаться, въ какомъ духѣ. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, самое заглавіе котораго говоритъ о цѣломъ переворотѣ въ философіи (Philosophia sensibus demonstrata), Кампанелла разсказываетъ о томъ, какъ впервые онъ познакомился съ ученіями Телезія и какое впечатлѣніе произвели они на его умъ, еще искавшій въ то время своей дороги: „По волѣ монастырскаго начальства мнѣ пришлось,— пишетъ онъ, — поселиться въ обители, расположенной на Альто-Монте; здѣсь впервые я занялся какъ слѣдуетъ изученіемъ философіи Телезія; но еще раньше, 18-ти лѣтъ отроду, мнѣ удалось добыть уже одну изъ его книгъ. Пробѣжавши первую главу, я сразу понялъ все, что должны были заключать въ себѣ остальныя,—такъ послѣдовательно вытекаютъ у Телезія изъ главныхъ посылокъ всѣ дальнѣйшія, — не то, что у Аристотеля, у котораго на каждомъ шагу встрѣчаешь противорѣчія. Въ то время, когда я проѣздомъ былъ въ Козенцѣ, пишетъ Кампанелла, пришла вѣсть о кончинѣ Телезія; такъ и не суждено мнѣ было услышать великихъ истинъ изъ его устъ; не пришло[сь] даже увидѣть его живымъ; я только проводилъ тѣло его [в]ъ храмъ и здѣсь, поднявши покровъ, имѣлъ возможность н

сладиться созерцаніемъ его замѣчательнаго черепа. Много стиховъ написалъ я въ это время въ его честь; позднѣе, въ Альто-Монте, изучивши его сочиненія, я убѣдился, что не онъ заслуживалъ названія вѣроотступника, а тѣ, кто нападалъ на него. Я увидѣлъ, что этого человѣка надо поставить выше всѣхъ, такъ какъ онъ выводитъ истину изъ того, что воспринято нашими чувствами, а не кладетъ въ основаніе ея химеры; онъ изучаетъ предметы сами по себѣ, а не то, что сказано о нихъ людьми" [1]).

На ряду съ Телезіемъ надо поставить въ числѣ наиболѣе вліявшихъ на Кампанеллу писателей Платона; не даромъ въ письмѣ къ герцогу тосканскому Фердинанду III, изъ фамиліи Медичи, онъ ставитъ въ особую заслугу его семьѣ, что она болѣе всѣхъ содѣйствовала распространенію „въ Италіи Платоновыхъ ученій, неизвѣстныхъ нашимъ предкамъ и позволившихъ намъ сбросить съ себя иго Аристотелевой философіи" [2]).

Я привожу этотъ текстъ, такъ какъ онъ раскрываетъ передъ нами ближайшій источникъ тѣхъ коммунистическихъ воззрѣній, какія развиты были Кампанеллой въ его Civitas solis; на этой мысли едва ли нужно было бы настаивать, если бы не попытка бельгійскаго соціолога де-Грефа связать ученіе Кампанеллы съ порядками древнихъ Инковъ, ставшихъ извѣстными Европѣ послѣ завоеванія Перу и будто бы привлекшихъ къ себѣ вниманіе нашего автора, благодаря распространеннымъ въ Италіи описаніямъ Новаго Свѣта. Ничто не говоритъ намъ въ пользу такой догадки, кромѣ самаго названія, даннаго Кампанеллою его трактату; но упоминанія въ немъ о солнцѣ, поклонниками котораго были Инки, едва ли достаточно для того, чтобы признать

[1]) См. Amabile. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia. Napoli, 1882, vol I, стр. 11 и 13.

[2]) Письмо изъ Парижа отъ 6-го іюля 1638 года. См. приложенія къ сочиненію Baldacchini: Vita di Tommaso Campanella. Napoli, 1847 г., стр. 195 и 196.

ихъ примѣръ руководящимъ для человѣка, всецѣло посвященнаго въ вопросы философіи и, повидимому, совершенно чуждаго интересамъ этнографіи [1]). Ни единымъ словомъ Кампанелла не наводитъ на мысль о заимствованіи имъ порядковъ древняго Перу. Правда, передаваемая въ „Солнечномъ градѣ“ бесѣда великаго магистра госпиталійскаго ордена съ генуэзскимъ адмираломъ вертится вокругъ того, что происходитъ на островѣ Тапробана; но этотъ вымышленный край не совпадаетъ ни съ одной изъ странъ Новаго Свѣта. Говоря о немъ, Кампанелла слѣдуетъ за Ботеро, который этимъ именемъ обозначаетъ Цейлонъ [2]), полемизируя съ тѣми, кто признаетъ имъ Суматру [3]). Изъ этого видно, что авторъ Civitas solis помѣщалъ свой воображаемый островъ далеко отъ тѣхъ странъ, порядки которыхъ представляютъ отдаленное подобіе съ имъ превозносимыми. Откажемся поэтому отъ мысли искать реальную подкладку для сочиненія, отразившаго на себѣ личное міросозерцаніе автора, въ свою очередь сложившееся подъ вліяніемъ Платоновой философіи и той реабилитаціи страстей, къ какой стремилось ученіе Телезія.

Насколько высказанныя въ Civitas solis коммунистическія теоріи отвѣчали личнымъ пристрастіямъ автора, въ этомъ можно убѣдиться изъ самаго содержанія тѣхъ доносовъ, какіе были сдѣланы на него, какъ на виновника политическаго заговора, направленнаго противъ владычества Испаніи и въ пользу созданія въ Абруццахъ независимой республики.

---

[1]) Мы видѣли, что приблизительно то же названіе Солнечнаго государства дано было въ древности одной изъ наиболѣе распространенныхъ утопій. Гораздо вѣроятнѣе думать поэтому, что изъ нея и заимствовалъ Кампанелла названіе своего трактата.

[2]) Discorso sopra il nome dell'isola Taprobana, въ Relationi universali di Giovanni Botero. Венеція, 1612 г., стр. 65.

[3]) То обстоятельство, что Civitas solis говоритъ о предкахъ гражданъ, какъ о бывшихъ послѣдователяхъ браманизма, только ук... пляетъ во мнѣ увѣренность въ томъ, что Кампанелла имѣетъ въ в... буддійскій Цейлонъ.

Доносчики не всегда были людьми образованными и понимали сказанное по-своему; но и въ ихъ неумѣлой передачѣ раціонализмъ Кампанеллы, широкая проповѣдь имъ религіозной свободы и терпимости, признаніе невозможности коверкать человѣческую природу и подавлять естественныя наклонности и страсти,—черта, общая ему съ Карломъ Фурье,—выступаютъ съ очевидностью, точно такъ же, какъ и его основное ученіе о необходимомъ устраненіи источника общественныхъ несогласій—частной собственности и индивидуальной семьи, путемъ общенія имуществъ и женъ. Амабиле напечаталъ въ подлинникѣ протоколы процесса о еретичествѣ и измѣнѣ, направленнаго противъ Кампанеллы; тѣмъ самымъ онъ далъ возможность прослѣдить за развитіемъ той религіозно-нравственной и общественно-политической проповѣди, послѣднимъ выраженіемъ которой явился трактатъ „О солнечномъ градѣ".

Пользуясь собраннымъ Амабиле матеріаломъ, мы сопоставимъ взгляды, приписываемые организатору возстанія въ Абруццахъ, съ тѣми, какіе нашли выраженіе въ его позднѣйшихъ по времени сочиненіяхъ, письмахъ, сонетахъ и прежде всего въ двухъ трактатахъ: „О солнечномъ градѣ" и „О лучшемъ образѣ правленія". Приведемъ сначала свидѣтельства его товарищей по ордену. Джованни Батиста ди-Плаканика показывалъ, что Кампанелла выражался о свободныхъ отношеніяхъ между полами, какъ о чемъ-то безгрѣшномъ, замѣчая, что всякій органъ предназначенъ для извѣстныхъ функцій, отправленіе которыхъ и не можетъ заключать въ себѣ поэтому ничего преступнаго [1]). Какъ не признать въ этихъ словахъ неполную, конечно, передачу той самой мысли, которая побудила автора „Солнечнаго града" допускать сожитіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ съ возрастными дѣвушками и женщинами по обоюдному ихъ согласію, разъ лица, а которыхъ палъ выборъ, не заняты отправленіемъ той обще-

[1]) См. Amabile, т. III, документъ за № 348, стр. 325 и т. I, стр. 165.

ственной въ его глазахъ функціи, какой является произведеніе потомства [1]). Біографовъ монаха-философа непріятно поражаетъ тотъ фактъ, что въ его сонетахъ нерѣдко заходитъ рѣчь о любви, не представляющей собою ничего платоническаго, какъ будто человѣку, провозгласившему свободу страстей даромъ природы, можетъ быть доступно понятіе о монастырскомъ воздержаніи.

Перейдемъ къ другому обвиненію. Тотъ же свидѣтель показываетъ, что въ своихъ бесѣдахъ Кампанелла высказывалъ сомнѣніе въ существованіи ада и въ той пользѣ, какую доставляютъ душамъ усопшихъ загробныя молитвы, разъ приносящій ихъ находится въ смертномъ грѣхѣ; свидѣтель прибавлялъ, что обвиняемый въ ереси монахъ не разъ высказывался отрицательно о духовныхъ орденахъ, называя ихъ тенетами, назначеніе которыхъ—держать народъ въ повиновеніи. Сопоставляя законы турокъ съ христіанскими, Кампанелла будто бы не прочь былъ хвалить порядки магометанъ. Мауриціо де-Ринальдисъ, свѣтскій вождь заговорщиковъ, передъ казнью озабоченный, какъ онъ признается, спасеніемъ своей души, счелъ нужнымъ обвинить своего товарища въ цѣломъ рядѣ еретическихъ мыслей. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ, какъ упомянутую уже, свободу сожитія, при чемъ точнѣе формулируется взглядъ, что произведеніе потомства должно быть возложено на лучшихъ представителей человѣческаго рода, „людей добрыхъ, мужественныхъ и крѣпкихъ“ [2]), такъ и восхваленіе турокъ за многія особенности ихъ религіознаго и общественнаго быта. Но ко всему этому прибавляется еще болѣе тяжкое обвиненіе въ отступленіи отъ догматовъ не одной католической, но и всякой вообще христіанской вѣры,—признаніе Христа человѣкомъ и отрицаніе таинства евхаристіи,—другими словами, присутствія тѣла и крови Христовой при причастіи. Все это вмѣстѣ взятое

---

1) См. Opere di Tommaso Campanella, изданіе d'Ancona, т. II, стр. 2

2) См. Амабиле, т. I, стр. 172 и т. III, документъ 244 и 307.

рисуетъ намъ Кампанеллу раціоналистомъ, готовымъ видѣть въ Іисусѣ изъ Назарета такого же основателя новой вѣры, какимъ былъ Магометъ, и сравнивать обѣ религіи независимо отъ ихъ Божественнаго источника. Если прибавить къ этому, что, по утвержденію другого свидѣтеля, Джеронимо ди-Франческо, Кампанелла не только смѣялся надъ тѣми, кто вѣрилъ въ существованіе дьяволовъ и ада, на что, какъ мы видѣли, указываютъ и другія показанія, отобранныя во время процесса, но и обѣщалъ самъ издать законы „лучше христіанскихъ", то мы найдемъ новыя основанія отнести его къ числу раціоналистовъ - скептиковъ [1]).

Сходство той проповѣди, въ какой обвиняли Кампанеллу соучастники въ одномъ съ нимъ заговорѣ, съ воззрѣніями, изложенными въ „Солнечномъ градѣ", сказывается и въ такихъ основныхъ вопросахъ, какъ общеніе имуществъ, и въ такихъ деталяхъ, какъ, напримѣръ, покрой платья, обязательный для гражданъ новой республики. Въ показаніяхъ свидѣтелей и сообщниковъ значится, что все впредь должно было быть общимъ, что Кампанелла считался тѣмъ „новымъ Мессіей, который вернетъ міръ къ свободѣ и равенству, что отнынѣ каждому предстоитъ быть господиномъ, такъ какъ имущества поступятъ въ нераздѣльное обладаніе всѣхъ. Собственники — не болѣе, какъ узурпаторы и тираны, ибо Богъ создалъ земныя блага на общую пользу" [2]).

Ко всему этому одинъ изъ ближайшихъ товарищей Кампанеллы, Чезаре Пизано, прибавлялъ, что глава заговорщиковъ предписалъ имъ ношеніе особаго костюма, составными частями котораго была бѣлая чалма и бѣлый камзолъ до колѣнъ съ широкими рукавами [3]). Обращаясь къ тексту „Солнечнаго града", мы находимъ въ немъ многочисленныя подробности о томъ, какое платье должны носить граждане

---

[1]) Ibid., стр. 169.
[2]) Ibid., т. I, стр. 324.
[3]) Ibid., т. III, стр. 139.

этой образцовой республики. Дорогой доминиканцамъ бѣлый цвѣтъ и общность костюма для мужчинъ и женщинъ характеризуютъ затѣваемую въ этомъ отношеніи реформу.

Изъ показаній свидѣтелей выступаетъ также та любопытная черта, что Кампанелла считалъ революцію предсказанной звѣздами и ждалъ общаго переворота, своего рода вторичнаго пришествія Христа. Голодъ, наводненія, землетрясенія казались ему предвѣстниками этого наступающаго конца міра, которому въ его представленіяхъ долженъ былъ предшествовать довольно продолжительный періодъ человѣческаго благополучія въ полномъ равенствѣ и согласіи. Самъ онъ въ своемъ признаніи настаиваетъ на этой именно сторонѣ затѣянной имъ революціи; онъ какъ бы хотѣлъ оправдаться тѣмъ, что дѣйствовалъ какъ слѣпое орудіе рока; въ виду множества фактовъ, указывающихъ на неминуемость революціи, онъ только готовился дать ей благопріятное направленіе [1]). Намъ приходится повѣрить этому уже потому, что иначе трудно бы объяснить ту опрометчивость, съ какой, располагая небольшою кучкою союзниковъ и не вполнѣ увѣренный въ помощи турецкаго паши, родомъ итальянца, доминиканскій монахъ собрался поднять руку противъ могущественнѣйшаго изъ правителей Европы, зная при этомъ, что противъ него возстанутъ и папа и свѣтскіе князья Италіи. Біографы великаго доминиканца раскрываютъ намъ источникъ его увлеченія астрологіей, говоря о сближеніи Кампанеллы еще въ ранней молодости съ нѣкіемъ евреемъ Авраамомъ, посвятившимъ его во всѣ тайны арабской науки и, какъ думали современники, черной магіи [2]). Эта вѣра въ незыблемость открываемыхъ звѣздами истинъ не покидаетъ Кампанеллу въ теченіе его двадцатишестилѣтняго заточенія. Онъ убѣжденъ въ счастливомъ исходѣ затѣяннаго имъ, въ томъ, что его часъ еще прійдетъ; эта вѣра заставляетъ его бороться

---

[1]) Amabile, т. II, ст. 78.

[2]) Andrea Calenda. Fra Tommaso Campanella. Nocera, 1895 г. стр.

всѣми средствами изъ-за продленія своей мученической жизни, напустить на себя видъ сумасшедшаго, не измѣнить себѣ даже въ пыткахъ и направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы не только выйти изъ тюрьмы, но и приблизиться къ папѣ и испанскимъ правителямъ; она — причина того, что на склонѣ лѣтъ онъ мечтаетъ еще о кардинальской шапкѣ и борется съ первыми проявленіями смертельнаго недуга энергическими средствами, также открытыми ему его мнимымъ знаніемъ и, по мнѣнію современниковъ, не мало ускорившими его кончину. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Кампанелла выступаетъ астрологомъ; если онъ высказываетъ несогласіе съ ученіями Галилея и Гассенди, то не потому только, что считаетъ ихъ матеріалистами, но и потому, что ихъ философія допускаетъ игру случая тамъ, гдѣ астрологъ-доминиканецъ видѣлъ осуществленіе раскрытыхъ ему звѣздами пророчествъ [1]).

Но какъ бы значительно ни было вліяніе этихъ научно-философскихъ предубѣжденій на рѣшимость Кампанеллы вступить въ заговоръ противъ испанскаго владычества, ему нельзя отказать также и въ чисто-патріотическихъ мотивахъ. Самъ онъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что одной изъ причинъ, заставившихъ его вѣрить въ близкое наступленіе переворота, было недовольство народа правителями. Всюду, значится въ его признаніи, народъ дурно отзывался о тѣхъ, кто поставленъ былъ во главѣ его. Въ числѣ причинъ недовольства не послѣднюю роль играло установленіе новаго поголовнаго сбора, о которомъ Кампанелла, по словамъ Маурицця де-Ринальдисъ, выражался такъ: „Души людей подсчитываются — точно рогатый скотъ, точь-въ-точь, какъ во времена царя Давида, вздумавшаго произвести перепись и тѣмъ оскорбившаго Бога; послѣдній покаралъ однако за это не правителя, а народъ, подчинившійся такому обложенію“ [2]). Этотъ примѣръ показался

---

[1]) См. письма Гассенди отъ 7-го мая и 4-го іюля 1632-го года; Baldacchini, стр. 199 и слѣдующая.

[2]) Amabile, томъ II, стр. 36.

самому Маурицію настолько убѣдительнымъ, что онъ сразу согласился пойти за Кампанеллой [1]). Въ первомъ доносѣ, поведшемъ къ раскрытію всего заговора, говорилось также, что мятежники старались убѣдить народъ, что поставленные во главѣ его сановники „продаютъ кровь человѣческую и правосудіе съ публичнаго торга“, что они не щадятъ въ потѣ лица трудящихся бѣдняковъ и производятъ съ нихъ страшныя вымогательства податей и всякаго рода сборовъ, что они не умѣютъ предотвратить убійствъ и кровомщеній, наконецъ, что, заодно съ испанскимъ королемъ, они присвоили себѣ то, что по праву принадлежитъ церкви, такъ что возставшіе, провозглашая прежнюю свободу и устанавливая республику, нисколько не отвергаютъ законнаго владычества папы надъ его прежнимъ леномъ (разумѣется Неаполитанское королевство и въ частности Апулія) и готовы платить ему небольшую подать [2]).

Біографы Кампанеллы даютъ намъ возможность открыть источникъ ближайшаго его знакомства съ административными и судебными порядками собственной родины, упоминая о той роли посредника, какую ему пришлось играть въ примиреніи двухъ враждующихъ родовъ. Примиреніе это такъ и не состоялось, отчасти по винѣ мѣстнаго начальства. Что же касается до приписаннаго Кампанеллѣ желанія вернуть папскому престолу незаконно отнятый у него ленъ и поставить вновь создаваемую республику въ непосредственную зависимость отъ римскаго двора, то оно вполнѣ согласно со старинными притязаніями папъ и съ практикой римской куріи, допускавшей почти полную автономію городскихъ республикъ въ предѣлахъ Папской Области.

Ни въ чемъ патріотическіе мотивы возстанія не выступаютъ болѣе ярко, какъ въ сонетахъ Кампанеллы, разсчитанныхъ на распространеніе въ средѣ ближайшихъ товарищей и потому про-

---

1) Ibid., стр. 37.
2) Amabile, томъ I, стр. 227.

никнутыхъ чрезвычайной искренностью и задушевностью. Эта черта заставила впервые обнародовавшаго ихъ Орелли считать эти стихотворенія, значительно уступающія по формѣ Петрарковымъ сонетамъ, единственными въ своемъ родѣ. Написанныя въ тюрьмѣ, въ ожиданіи пытки и жестокой казни, съ цѣлью поднять упавшій духъ товарищей, покарать измѣнниковъ и найти оправдательные мотивы собственному поведенію, эти сонеты раскрываютъ передъ нами дѣйствительный обликъ человѣка, поставленнаго обстоятельствами въ необходимость хитрить и притворяться.

Нигдѣ, какъ здѣсь, надо искать завѣтную мысль организатора абруццкаго возстанія и автора „Солнечнаго града". Попробуемъ поэтому дать о нихъ нѣкоторое представленіе переводомъ тѣхъ строфъ, которыя характеризуютъ отношеніе Кампанеллы къ политическимъ вопросамъ его времени. Вотъ, напримѣръ, сонетъ, посвященный Италіи: „Жена великая, представшая Цезарю на Рубиконѣ, изъ страха, чтобы приведенныя имъ полчища чужеземцевъ не вызвали ея гибели, стоитъ нынѣ растерзанной и окровавленной... съ косами, вплетенными въ повязку рабства. Ни Симеонъ ни Левитъ (другими словами: ни глава свѣтской ни глава духовной власти) не возмущаются болѣе ея безчестіемъ..." [1]). Въ другомъ сонетѣ говорится, что судьба Италіи зависитъ отъ того, какой исходъ будетъ имѣть возстаніе, къ которому Карлъ (король Испаніи) вынудилъ калабрезцевъ [2]), т.-е. Кампанеллу и его единомышленниковъ. Въ стихотвореніи, посвященномъ себѣ самому, авторъ выступаетъ союзникомъ угнетенныхъ и говоритъ, что на челѣ его можно прочесть любовь къ ближнимъ и надежду перейти въ близкомъ будущемъ въ міръ, способный понять его и безъ словъ [3]). Говоря о мученичествѣ своихъ товарищей, онъ изображаетъ ихъ на-

---

[1]) Amabile т. III, стр. 549, № 436.
[2]) Ibid., № 437.
[3]) Ibid., № 439.

столько преданными свободѣ и разуму, что физическая боль кажется имъ сладкой, а богатства—бѣдствіемъ [1]). Изображая горестное положеніе заключенныхъ, у которыхъ отнято слово, общеніе съ ближними и самое право защиты, онъ напоминаетъ имъ, что одна доблестная смерть дѣлаетъ людей равными богамъ. Въ смерти избранныя души находятъ сладостную свободу, безъ которой можно пренебречь даже раемъ [2]). Кампанелла считаетъ своими врагами враговъ Италіи и говоритъ, обращаясь къ папѣ Клименту VII, что его задачей было вернуть ее къ прежней доблестной жизни; онъ отрицаетъ всякій заговоръ противъ Бога и короля, утверждая, согласно даннымъ имъ прежде показаніямъ, что нельзя считать измѣнникомъ того, кто обличаетъ негодяевъ-правителей и предсказываетъ имъ горькую участь [3]). Рисуя картину современныхъ нестроеній въ государствѣ и церкви, онъ жалуется на продажность судей и на то, что Божественное слово, прикрываемое баснями и ересями, расточается за деньги, такъ что богатый присваиваетъ себѣ награду, заслуженную добродѣтельнымъ. „О Искупитель міра,—восклицаетъ онъ,—приди и сосчитай твое стадо!“ Въ этомъ же сонетѣ слѣдуетъ отмѣтить увѣренность автора, что вѣчный разумъ поведетъ къ сліянію всѣхъ царствъ воедино, — мысль, воспроизведенная имъ и въ стихотвореніи въ честь испанцевъ, и въ трактатѣ объ испанской монархіи, и въ обращеніи къ князьямъ Италіи. Уже постоянное повтореніе одной и той же мысли не позволяетъ намъ видѣть въ выраженіи ея одинъ маневръ, разсчитанный на то, чтобы расположить къ себѣ преслѣдователей и породить въ ихъ умахъ сомнѣніе въ дѣйствительности измѣны. Не проще ли допустить, что единство человѣческаго рода, представлявшееся Данту осуществленнымъ въ формѣ возстановленія имперіи, внушило Кампанеллѣ желаніе поло-

---

1) Ibid, томъ III, стр. 551, № 441.
2) Ibid., № 447.
3) Ibid., № 455.

жить конецъ международнымъ усобицамъ подчиненіемъ самостоятельныхъ республикъ и княжествъ главенству самаго католическаго изъ всѣхъ королей міра, готоваго подчиниться руководительству папы, — обстоятельство, которое въ концѣ-концовъ должно было обезпечить Италіи рѣшительное преобладаніе.

Всемірная монархія, какъ понималъ ее Кампанелла, и прибавимъ мы, какъ понимала ее римская курія въ эпоху Григорія VII и Иннокентія III, не препятствовала ни самостоятельности и верховному руководительству духовной власти ни автономіи городскихъ республикъ и принципатовъ. Но то, что было возможно въ XII и XIII вѣкахъ, когда еще живо было средневѣковое міросозерцаніе и мыслимо главенство „двухъ мечей“ и „двухъ небесныхъ свѣтилъ“, становилось утопіей въ началѣ XVII, въ примѣненіи къ государствамъ, уже успѣвшимъ положить въ основу своей гражданственности національное единство и историческое право.

„Мечтателемъ“ надо признать поэтому Кампанеллу не за одно допущеніе имъ общности женъ и имуществъ, но и за надежду возстановить средневѣковое единство католическаго міра въ формѣ подчиненной папѣ имперіи.

§ 3. Кампанелла далеко не является единственнымъ утопистомъ эпохи Возрожденія. Какъ поворотъ къ классической древности Возрожденіе открыло европейскому обществу въ сочиненіяхъ Платона тѣ элементы критики денежнаго хозяйства, которые по настоящее время составляютъ главную тему нападокъ на него со стороны всѣхъ ревнителей общественнаго обновленія. Въ латинскихъ, а позднѣе и итальянскихъ передачахъ и еще чаще компиляціяхъ, мысли Платона объ образцовой республикѣ разошлись по всему міру, вызывая со стороны не однихъ гуманистовъ, въ родѣ Томаса Моруса, попытки подражанія. Республика Платона становится настольною книгою и для представителей радикальныхъ сектъ протестантизма, въ томъ числѣ для Томаса Мюнцера и анабаптистовъ Мюнстера; она лежитъ въ основѣ и плана обще-

ственнаго переворота, проведеннаго католическимъ монахомъ и главою абруццскихъ заговорщиковъ противъ испанскаго владычества въ южной Италіи. Не одинъ, впрочемъ, Платонъ наложилъ свою печать на появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ „утопіяхъ“ съ болѣе или менѣе реальными картинами современныхъ имъ нестроеній и практическими схемами къ ихъ устраненію. На ряду съ Платономъ и при его ближайшемъ посредствѣ, античная жизнь съ ея уцѣлѣвшими остатками первобытнаго коммунизма, насколько они выступаютъ еще въ бытѣ древней Спарты или въ не разъ возобновлявшихся въ Римѣ попыткахъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса въ смыслѣ возстановленія стариннаго равенства, если не общенія имуществъ, также обусловила собою размноженіе сочиненій, ставившихъ себѣ сознательной задачей переустройство общества. Такъ какъ сказанія о Золотомъ вѣкѣ, Сатурна и библейская традиція о безгрѣшности и райскомъ существованіи нашихъ праотцовъ, и въ древности и въ средніе вѣка не разъ служили отправнымъ пунктомъ для всякаго рода фантастическихъ плановъ устройства совершеннаго общества, начиная съ греческихъ соціальныхъ романовъ и оканчивая Августиновымъ „Божьимъ царствомъ“, то и эта литература, дошедшая до писателей XVI и XVII столѣтій, лишь въ фрагментахъ, сохраненныхъ Страбономъ, также должна быть принята въ расчетъ при изученіи преемственнаго развитія коммунистическихъ идей въ новое время. Уже то обстоятельство, что такіе писатели, какъ Бэконъ Веруламскій или Томасъ Кампанелла, считаютъ возможнымъ озаглавить свои попытки созданія соціальнаго романа тѣми же названіями, что Платонъ или Ямбулъ („Атлантида“ или „Солнечный градъ“), не даютъ права обойти молчаніемъ эти раннія попытки изображенія совершеннаго общества въ беллетристической формѣ. Филіація между античной мыслью и мыслью европейскихъ народовъ въ эпоху Возрожденія въ области соціа[illegible] ныхъ вопросовъ выступаетъ изъ одного факта признан[illegible] Морусомъ и Кампанеллою, первымъ — одного общенія и[illegible]

ществъ, вторымъ — вмѣстѣ съ тѣмъ и общенія женъ, сторонниками чего были Платонъ и порожденная его „Республикой“ подражательная литература. Та же преемственность выступаетъ и въ сохраненіи писателями-утопистами XVI и XVII столѣтій не отвѣчающихъ сложившемуся въ ихъ время національному государству античнаго пристрастія къ городу-республикѣ, или къ федераціи городовъ-республикъ. Какъ въ „Утопіи“ Моруса, такъ и въ „Солнечномъ градѣ“ Кампанеллы рѣчь идетъ не о національной системѣ общественнаго хозяйства, а о коммунистическомъ устройствѣ города-республики. Вторая часть Морусовой „Утопіи“ открывается описаніемъ внутренняго уклада острова, въ которомъ оказывается 54 болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга города— civitates; изъ нихъ одинъ, Амаранта, пользуется преобладаніемъ или своего рода гегемоніею надъ всѣми прочими; городъ управляетъ сосѣднимъ съ нимъ округомъ, точь-въ-точь, какъ это было въ классической древности и какъ объ этомъ говорится у Платона и у авторовъ соціальныхъ романовъ вплоть до Ямбула. Мало этого, рабство, котораго уже не было и слѣда въ Англіи, въ эпоху появленія Морусовой „Утопіи“, въ угоду той же античной традиціи, сохраняется соціальнымъ реформаторомъ и въ его образцовомъ государствѣ. Къ отдѣльнымъ дворамъ приписано въ немъ извѣстное число подневольныхъ служителей для исполненія самыхъ тяжкихъ или грязныхъ работъ; въ неволю попадаютъ и взятые въ плѣнъ враги и повинные въ тяжкихъ преступленіяхъ единоплеменники; и все это рекомендуетъ проникнутый христіанскими мыслями писатель, человѣкъ, пожертвовавшій жизнью изъ-за своей преданности католичеству. Онъ дѣлаетъ это очевидно не изъ желанія возродить вымершее на его родинѣ рабство, а изъ прямого подражанія античнымъ образцамъ. У Кампанеллы, правда, мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о рабахъ, но у этого утописта-революціонера, имѣвшаго въ виду создать независимую республику на югѣ Италіи, городъ попрежнему является единицей обществен-

наго и политическаго уклада. А между тѣмъ анжуйскимъ и аррагонскимъ правителямъ столѣтіями ранѣе уже удалось положить основы національнаго государства въ границахъ будущаго королевства обѣихъ Сицилій. Мнѣ едва ли нужно настаивать на томъ, что отстоящая болѣе чѣмъ на тысячелѣтіе попытка блаженнаго Августина дать образецъ совершеннаго государства также воспроизводитъ черты античной культуры съ характеризующимъ ее рабствомъ и политическимъ преобладаніемъ города надъ деревней. Civitas Dei—такая же civitas, какъ и республика Платона, а аргументація Августина въ пользу рабства только восполняетъ новыми чертами псевдохристіанскаго характера тѣ соображенія, какими древніе философы, въ частности Аристотель, доказывали его необходимость. „Civitas Dei“ Августина послужила однако прототипомъ для Морусовой „Утопіи“, быть-можетъ, въ такой же степени, какъ и „Республика“ Платона. Изъ немногихъ біографическихъ данныхъ, дошедшихъ до насъ о жизни Моруса, мы узнаемъ, что задолго до напечатанія имъ его соціальнаго романа онъ читалъ въ адвокатской школѣ Lincolns'inn лекціи и комментировалъ въ нихъ Августинову „Civitas Dei“.

Если такимъ образомъ сочиненія Моруса [1]) и однохарактерныя утопіи, въ томъ числѣ Кампанеллы, только примыкаютъ къ ряду попытокъ представить критику современнаго общества, путемъ сопоставленія его съ государствомъ, основаннымъ на началѣ справедливости, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы названныя сочиненія не носили, во-первыхъ, весьма нагляднаго отпечатка той эпохи, когда они были написаны, а, во-вторыхъ, не отражали на себѣ каждый разъ личныхъ особенностей ихъ автора. Говоря о связи Морусовой „Утопіи“ въ частности съ обстоятельствами времени, я

[1]) При изложеніи Маруса я пользуюсь изданіемъ его „Утопіи“, вышедшимъ въ Оксфордѣ въ 1895 году. Издатель, I. H. Lipton, приложилъ къ латинскому тексту и старинный переводъ, сдѣланный въ 1551 году Robinson'омъ.

имѣю въ виду не только начертанную ею яркую картину тѣхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, но и высказываемые ея авторомъ взгляды на политическую нравственность.

Насколько близко къ дѣйствительности Морусъ описываетъ экономическій переворотъ, переживаемый его родиной, наглядно выступаетъ при сопоставленіи сказаннаго имъ съ одновременными свидѣтельствами Стаффорда, Стебса, Бэкона и болѣе мелкихъ англійскихъ писателей XVI вѣка. „Утопія" содержитъ въ себѣ ту же картину совершавшагося въ ея время процесса капитализаціи, какая встрѣчается и у названныхъ нами писателей. Упраздненіе системы открытыхъ полей, огораживаніе общихъ пастбищъ, снесеніе крестьянскихъ усадьбъ, развитіе бродяжничества, округленіе имѣній, возникновеніе оптовой торговли припасами и связываемое съ нею возрастаніе цѣнъ на послѣдніе, развитіе монополій, — таковы отдѣльныя черты происходившей въ XVI вѣкѣ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ; эти черты у Моруса, какъ и у его современниковъ, не собраны въ одно цѣлое, а представлены въ отрывочномъ видѣ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Морусъ говоритъ попутно какъ о необходимости распредѣлить по монастырямъ бродягъ и нищихъ, такъ и о принужденіи ихъ къ работѣ и невозможности считать согласнымъ со справедливостью порядокъ вещей, при которомъ все находится въ рукахъ немногихъ. Онъ настаиваетъ на пользѣ такого закона, который позволилъ бы владѣть только извѣстнымъ размѣромъ движимаго имущества. Онъ открыто протестуетъ противъ такого строя общества, при которомъ большинство призвано работать непомѣрное число часовъ, чтобы сдѣлать возможнымъ для меньшинства утопать въ роскоши и развивать въ себѣ искусственныя потребности. „Кая справедливость въ томъ, если золотыхъ дѣлъ мастеръ, — пишетъ онъ, — одновременно являющійся ростовщикомъ, да вообще всякій, кто или вовсе не работаетъ, или зани-

мается безполезнымъ для общества трудомъ, располагаетъ значительнымъ достаткомъ, ведетъ пріятное и богатое существованіе, тогда какъ землевладѣльцы, лица, занимающіяся извозомъ, кузнецы, плотники, пахари, едва находятъ средства поддерживать нищенское существованіе? Столь же рѣзкія нападки вызываетъ со стороны Моруса сосредоточеніе въ закромахъ земельныхъ собственниковъ богатыхъ запасовъ хлѣба въ то время, какъ большинство умираетъ отъ голода. Особенно богата картинами современныхъ ему англійскихъ порядковъ первая вступительная часть сочиненія, въ которой говорится и объ увеличеніи помѣщиками ихъ денежныхъ и натуральныхъ требованій съ крестьянъ, и о содержаніи ими въ праздности обширной свиты, которая, не находя другого занятія, со смертью хозяина или обращается въ воровъ и разбойниковъ, или умираетъ отъ надостатка пищи. Тутъ можно найти извѣстный, такъ часто воспроизводимый отрывокъ объ овцахъ, пожирающихъ поля, усадьбы и цѣлыя поселенія, т.-е. о послѣдствіяхъ той замѣны мелкаго земледѣлія крупнымъ скотоводствомъ, которая въ XVI вѣкѣ сдѣлалась источникомъ начавшагося еще ранѣе процесса упраздненія открытыхъ полей и огораживанія общихъ пастбищъ[1]). „Дворяне и джентльмены, а также нѣкоторые аббаты, — продолжаетъ Морусъ,—не довольствуясь доходами своихъ отцовъ, не оставляютъ болѣе земли подъ хлѣбомъ. Они замѣняютъ нивы пастбищами, огораживаютъ поля, низвергаютъ жилища, сносятъ цѣлыя селенія, не оставляя отъ нихъ ничего, кромѣ приходской церкви, обращаемой ими въ загонъ для овецъ“.

Рядомъ съ этимъ процессомъ Морусъ отмѣчаетъ другой — занятіе обширныхъ участковъ земли подъ лѣса и парки. Послѣдствіемъ всего этого является обездоленіе хлѣбопашцевъ.

---

[1]) Обо всемъ этомъ подробнѣе мнѣ пришлось говорить во II томѣ м[...] „Экономическаго роста Европы“, въ главѣ: „Поворотный моментъ исторіи англійскаго землевладѣнія“.

Хитростью и обманомъ, а также грубымъ насиліемъ, ихъ удаляютъ изъ прежнихъ жилищъ. Притѣсненіями и обидами сельскіе обыватели часто бываютъ доведены до того, что волей-неволей соглашаются продать свое достояніе. Такимъ образомъ прямо или косвенно, правдою и неправдою, бѣдные и безпомощные люди, женщины, вдовы, сироты, оставляютъ прежнее мѣсто жительства и притомъ такъ внезапно, что имъ приходится разстаться со своею домашнею утварью за бездѣлицу. Побродивъ и поистративъ то немногое, что имъ удалось унесть съ собою, эти несчастные не находятъ для себя другого выхода, кромѣ воровства или нищенства. Какъ бродягъ, ихъ заключаютъ въ тюрьмы подъ предлогомъ, что они не хотятъ работать, тогда какъ въ дѣйствительности никто не соглашается доставить имъ заработокъ. Участокъ, на которомъ прежде работало такъ много тружениковъ, такъ много земледѣльцевъ, при переходѣ къ скотоводству нуждается въ услугахъ всего-навсего одного пастуха или стража. Отъ сокращенія района хлѣбопашества предметы потребленія, думаетъ Морусъ, во многихъ мѣстахъ вздорожали; говоря это, онъ, очевидно, такъ же мало принимаетъ въ расчетъ болѣе общій источникъ возрастанія цѣнъ — лучшую разработку европейскихъ рудниковъ и начавшійся подвозъ серебра и отчасти золота изъ Америки, какъ и всѣ его современники, за исключеніемъ одного Бодена. Что указанная имъ причина не одна вызываетъ собою дороговизну, въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что цѣна на овецъ, несмотря на увеличеніе ихъ числа, по его же свидѣтельству, одновременно нисколько не падала— обстоятельство, объясняемое имъ тѣмъ, что владѣльцы не желаютъ продавать своихъ стадъ. Возрастаніемъ цѣнъ на припасы объясняется сокращеніе въ Англіи домоводства и гостепріимства, распущеніе помѣщиками ихъ свиты, которой ничего не остается дѣлать, какъ воровать. Морусъ желалъ бы видѣть правительво принимающимъ мѣры къ возстановленію старыхъ порядвъ и издающимъ законъ, который принудилъ бы помѣщивъ построить вновь снесенныя ими усадьбы. Слѣдуетъ также

принять мѣры противъ округленій, противъ порядковъ, при которыхъ меньшинство богатыхъ все скупаетъ оптомъ и благодаря своей монополіи предписываетъ законы рынку. Морусъ—противникъ системы концентраціи производства, одинаково въ области земледѣлія и промышленности. Онъ желалъ бы поднять мелкое ремесло, въ частности сукнодѣліе; это позволило бы большинству празднаго люда найти для себя заработокъ.

„Утопія" отражаетъ на себѣ черты пережитой ея авторомъ эпохи еще въ томъ смыслѣ, что раздѣляетъ ходячую въ XVI вѣкѣ точку зрѣнія на политическую нравственность, какъ на нѣчто радикально противоположное нравственности частной. „Государственная необходимость" для Моруса, какъ и для его современниковъ, выше требованій добра и правды. Только ознакомившись предварительно съ „Княземъ" Маккіавелли, понимаешь причину, по которой ревнитель справедливости въ отношеніяхъ частныхъ лицъ между собою, какимъ Морусъ выступаетъ передъ нами въ своей Утопіи" въ то же время признаетъ открыто право и даже обязанность правителей говорить неправду въ вопросахъ, интересующихъ государственную политику. Граждане его образцоваго государства могутъ не только обманывать враговъ, но и нанимать частныхъ убійцъ для изведенія главъ противной имъ партіи, разъ такое убійство можетъ имѣть послѣдствіемъ мирный исходъ иностранной политики. Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто: „Жители Утопіи вообще миролюбивы и ведутъ только оборонительныя войны или же войны, вызываемыя участіемъ къ угнетеннымъ сосѣдямъ. Основаніемъ къ наступательной войнѣ для нихъ можетъ быть только отказъ въ свободной землѣ, способной служить для поселенія на ней излишка жителей на правахъ колоніи [1]. Въ большинствѣ же случаевъ они довольствуются по отношенію къ врагамъ только той репрессіей, какую предо

[1]) См. „Утопія", гл. X.

ставляетъ прекращеніе съ ними всякихъ сношеній. Разъ война начата, они ведутъ ее съ помощью наемныхъ дружинъ. „Они нанимаютъ солдатъ изъ другихъ странъ,—пишетъ Морусъ,—и шлютъ ихъ на поле сраженія. При объявленіи войны они въ особыхъ прокламаціяхъ обѣщаютъ высокое вознагражденіе тѣмъ, кто убьетъ властителя, или князя, враждебной имъ державы, и меньшія награды, но все же весьма значительныя, за голову всякаго убитаго, разъ онъ сторонникъ войны и принадлежитъ къ руководящимъ кругамъ“.

Вознагражденіе удваивается, если такой противникъ взятъ живымъ. Его ждутъ не наказанія, а награды, буде онъ измѣнитъ своему прошлому, т.-е. перейдетъ въ число сторонниковъ мира. Вообще подкупъ враговъ не только не считается чѣмъ-то несогласнымъ съ честью, но, наоборотъ, дѣломъ весьма похвальнымъ; точно такъ же Морусъ высказывается въ пользу и всякихъ попытокъ породить измѣну въ средѣ враждующихъ; онъ поощряетъ, напримѣръ, притязанія на престолъ со стороны брата правителя, или какого-либо мятежнаго дворянина, и порождаетъ соперничество въ сосѣднихъ къ непріятелю націяхъ, поддерживая въ нихъ старинныя притязанія на его земли. Во всемъ этомъ, очевидно, много сходныхъ чертъ и съ политической нравственностью Маккіавелли и съ политической практикой не только итальянскихъ, но и англійскихъ правителей въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда католики и протестанты одинаково проповѣдывали теорію тираноубійства, и находились люди, готовые привести ихъ совѣты въ исполненіе, въ лицѣ не одного Равальяка.

И въ главѣ о религіи нетрудно найти у Моруса отраженіе нетерпимости, свойственной вѣку кровавыхъ столкновеній вселенской церкви съ торжествующими ересями, и геройскаго исповѣдничества вѣры такими мучениками, какимъ сдѣлался самъ авторъ „Утопіи“, сожженный на кострѣ по распоряженію Генриха VIII за нежеланіе признать его церковное верховенство. Въ томъ, что Морусъ говоритъ о преслѣдованіи лицъ,

не признающихъ извѣстныхъ общеобязательныхъ истинъ *всякой* религіи,—истинъ, служащихъ, по его мнѣнію, основою правильнаго государственнаго порядка, можно найти сходныя черты съ положеніемъ, занятымъ въ вопросѣ о религіозной терпимости сперва Спинозою, а затѣмъ Жанъ-Жакомъ Руссо. Основатель „образцоваго государства“, король Утопусъ, давая каждому свободу вѣрить во что ему будетъ угодно, въ то же время постановилъ, что никто не долженъ имѣть столь низкаго представленія о человѣческой природѣ, чтобы допускать, что со смертью тѣла умираетъ и душа, или чтобы высказывать сомнѣніе въ томъ, что міромъ управляетъ Божественный Промыслъ и что послѣ смерти человѣка ждетъ награда и, соотвѣтственно, наказаніе за его дѣла. „Всякаго, кто не раздѣляетъ этихъ убѣжденій, жители Утопіи не считаютъ за человѣка, такъ какъ онъ принизилъ природу человѣческой души и уподобилъ ее животному инстинкту“.

Еще менѣе признаютъ они его гражданиномъ, полагая что при такихъ убѣжденіяхъ человѣкъ не будетъ исполнять законовъ и приказовъ правительства иначе, какъ изъ страха; „и поистинѣ,—прибавляетъ Морусъ,—такой человѣкъ можетъ быть озабоченъ только однимъ: чтобы хитростью или силою обойти или нарушить законный порядокъ страны“. Какъ не ждать этого отъ человѣка, который не боится другого наказанія, кромѣ налагаемаго законами, и сосредоточиваетъ всѣ свои заботы на тѣлѣ, а не на душѣ? Въ виду всего сказаннаго Морусъ желалъ бы, чтобы такой человѣкъ устраненъ былъ отъ всякихъ почестей, отъ занятія должностей и участія въ завѣдываніи управленіемъ. Но въ то же время жители Утопіи не подвергаютъ его никакому наказанію, полагая, что не во власти человѣка вѣрить или не вѣрить. Они не стараются запугиваніемъ заставить его исповѣдывать мысли, несогласныя съ его совѣстью; но они также не позволяютъ ему излагать свои мнѣнія всенародно, а только въ тѣсномъ круг священниковъ и мужей серьезныхъ. Къ числу ересей, вы раженія которыхъ Морусъ не желаетъ допустить, относитс

и вѣрованіе тѣхъ, которые полагаютъ, что животныя также надѣлены безсмертной душой, но уступающей въ достоинствѣ душѣ человѣческой и не предназначенной къ тому блаженству, которое ожидаетъ насъ за гробомъ. Подъ ними Морусъ, очевидно, разумѣетъ матеріалистовъ. Весь приведенный отрывокъ можетъ считаться однимъ изъ раннихъ обоснованій того ученія, выразителемъ котораго въ слѣдующемъ столѣтіи сдѣлается Джонъ Локкъ въ своемъ „Трактатѣ о вѣротерпимости",— трактатѣ, отказывающемъ въ признаніи свободы совѣсти за атеистами. Тотъ же своего рода государственный деизмъ найдетъ выраженіе себѣ и въ „Богословско-политическомъ трактатѣ" Спинозы и въ „Исповѣди савойскаго викарія" Руссо. Попытку практическаго осуществленія такой лишенной догматовъ религіи представитъ въ эпоху французской революціи установленный Робеспьеромъ культъ Верховнаго Существа, связанный съ преслѣдованіемъ Комитетомъ Общественнаго Спасенія гебертистовъ за ихъ атеизмъ.

Глава „Утопіи" о религіи интересна еще въ томъ отношеніи, что отражаетъ на себѣ движеніе умовъ въ средѣ той части послѣдователей католической вѣры, которые видѣли необходимость внесенія существенныхъ поправокъ если не въ догматы, то въ церковное устройство. Образцовое государство Моруса имѣетъ священниками только людей большой святости, почему и самое ихъ число необходимо ограничено. Священники эти подчиняются епископу и выбираются изъ народа путемъ тайной баллотировки; имъ не принадлежитъ контроля за народной нравственностью,— свѣтскій бичъ въ рукахъ сановниковъ; онъ виситъ надъ всѣми подданными, за исключеніемъ духовенства. Людей явно безнравственныхъ священники въ правѣ подвергнуть отлученію; нѣтъ для жителей Утопіи большаго наказанія. Священникамъ предоставлено обученіе дѣтей и отроковъ, а также воспитаніе ихъ въ добродѣтели и добрыхъ нравахъ, что, очевидно, совершенно согласно съ католическими пристрастіями автора „Утопіи". Въ отличіе отъ католическаго духовенства, священники на островѣ

Утопіи не воздерживаются отъ браковъ и имѣютъ свои семьи. Въ одномъ отношеніи они пользуются и въ образцовомъ государствѣ Моруса тѣми же преимуществами, что и въ любой изъ католическихъ странъ: они не подлежатъ свѣтскому суду. Точка зрѣнія Моруса по отношенію къ целибату значительно измѣнилась впослѣдствіи: въ его трактатѣ, озаглавленномъ „Мольба душъ", женщины, вступающія въ бракъ со священниками, объявляются блудницами. Изъ приведеннаго отрывка видно, что Морусъ признавалъ необходимость нѣкоторыхъ реформъ въ сферѣ церковнаго устройства. Трудно однако выводить изъ такихъ заявленій, какъ то, напримѣръ, что въ храмахъ Утопіи нѣтъ образовъ, почему каждый можетъ въ своемъ воображеніи рисовать себѣ божество въ любомъ видѣ, или что читаемыя въ нихъ молитвы своимъ содержаніемъ не оскорбляютъ вѣрованій ни одной секты, прямыхъ указаній на готовность Моруса пойти навстрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ протестантизма. Еще менѣе можно видѣть въ нихъ доказательство скрытой приверженности его къ направленію, представленному въ самой англиканской церкви такъ называемыми латитудинаріями.

Въ любой главѣ „Утопіи" можно найти косвенныя, разумѣется, выраженія взглядовъ Моруса на вопросы времени и на необходимыя или желательныя реформы. Возьмемъ, напр., главу о „духѣ законовъ". Какъ не признать въ томъ заявленіи, что на островѣ Утопіи имѣется лишь небольшое число общеобязательныхъ нормъ, такъ какъ только при этомъ условіи можно требовать отъ всѣхъ знанія законовъ, критику того обилія законодательныхъ предписаній, отъ котораго страдала и страдаетъ англійская юридическая практика. „Жители Утопіи считаютъ несправедливымъ дѣлать человѣка отвѣтственнымъ за незнаніе законовъ, которыхъ онъ вѣдать не въ силахъ въ виду самаго ихъ множества" пишетъ Морусъ. Въ устраненіи ими изъ своей среды также всякихъ стря-
чихъ, адвокатовъ и связанной съ ихъ существованіемъ і
зуистики, очевидно, выступаетъ недовольство Моруса суп

ствовавшими въ Англіи порядками. Онъ болѣе опредѣленно высказываетъ свое отношеніе къ нимъ, говоря: „Не лучше ли вовсе не имѣть закона, чѣмъ давать ему такую слѣпую интерпретацію, что человѣкъ, не обладающій большой тонкостью ума и способностью къ продолжительнымъ дебатамъ, вовсе не въ состояніи понять его". Въ XVII в., въ эпоху республики и протектората Кромвеля, повторятся въ Англіи тѣ же нападки на множество и противорѣчіе законовъ, а равно и на казуистическую интерпретацію ихъ юристами. Люди такъ называемой „Пятой Монархіи", своего рода религіозные анархисты, сильно представленные въ „маломъ парламентѣ" Кромвеля, выскажутся за отмѣну всего существующаго законодательства и судовъ, прежде всего канцлерскаго, а нѣкоторые изъ нихъ будутъ провозглашать необходимость возвращенія къ Моисееву закону, т.-е. къ одному „Декалогу".

Въ главахъ „Утопіи" о служителяхъ, инвалидахъ, бракѣ и т. д. немудрено также найти отраженіе личныхъ взглядовъ Моруса на внутреннія нестроенія англійскаго государства, рядомъ съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ мыслей, восходящихъ чуть не ко временамъ Платона. Обращеніе въ рабство за преступленія и добровольная кабала, связанная съ совѣтомъ мягкаго обращенія со всѣми невольниками, очевидно, должны быть отнесены къ такимъ переживаніямъ вымершихъ порядковъ, о нихъ заходитъ рѣчь въ „Утопіи" лишь въ виду созданія для жителей „образцоваго" государства античной обстановки. Въ совѣтѣ добровольнаго самоубійства неизлѣчимо-больныхъ также трудно видѣть иное что, какъ не воспроизведеніе мыслей Платона и заявленій Ямбула.

Но въ тяжелыхъ наказаніяхъ, связанныхъ съ нарушеніемъ дѣвственности до брака, въ доставляемой жениху возможности познакомиться не только съ душевными, но и физическими качествами невѣсты, въ обращеніи въ неволю нарушителей супружеской вѣрности, а при рецидивѣ,— ихъ казни, въ правѣ мужей наказывать своихъ женъ, а

родителей — дѣтей, наконецъ въ признаніи нерасторжимости брака и запрещеніи разводовъ—ясно выступаютъ уже личныя пристрастія автора „Утопіи", раздѣляемыя, впрочемъ, большинствомъ его современниковъ, и не только католиковъ, но и сторонниковъ передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма. Достаточно вспомнить семейный ригоризмъ пуританъ и то драконово законодательство противъ прелюбодѣевъ и блудницъ, которымъ отличается періодъ господства пресвитеріанства и индепенденства, какъ въ самой Англіи, такъ и въ сѣверныхъ колоніяхъ Америки.

Я полагаю, что въ заявленіяхъ Моруса есть основаніе видѣть также нѣкоторыя черты того движенія въ пользу поднятія уровня семейной нравственности, значительно павшаго въ эпоху Возрожденія, въ которомъ одинаково участвовали и католическіе и протестантскіе реформаторы.

Стараясь выдѣлить изъ той картины совершеннаго устройства, какую Морусъ рисуетъ намъ въ своей „Утопіи", черты современнаго ему общества и найти въ ней указаній насчетъ его личнаго отношенія къ тому, что составляло злобу дня въ Англіи XVI в., мы въ правѣ будемъ отнести къ числу завѣтныхъ желаній англійскаго соціальнаго реформатора и то преобладаніе земледѣлія надъ всѣми прочими промыслами, которое, согласно IV главѣ его сочиненія, составляетъ характерную черту островитянъ Утопіи. Сельскохозяйственную подготовку получаютъ въ ней одинаково мужчины и женщины, начиная съ отрочества. Въ дѣтствѣ каждый обучается также особому ремеслу, — практика, распространенная въ средніе вѣка въ нѣмецкой средѣ не исключая дворянскихъ семей.

Морусъ не разрываетъ связи съ традиціей и тогда, когда рекомендуетъ ввести наслѣдственность занятій, свойственную, какъ извѣстно, средневѣковой цеховой организаціи. Отступленія отъ этой наслѣдственности допустимы только въ с[illegible] чаѣ исключительнаго призванія того или другого человѣ[illegible] къ тому или другому занятію. Оригинальность Моруса выс[illegible] паетъ на этотъ разъ въ томъ, что первый въ ряду обществ[illegible]

ныхъ реформаторовъ онъ указалъ на возможность достигнуть при одинаковомъ участіи всѣхъ въ физическомъ и умственномъ трудѣ сокращенія числа рабочихъ часовъ. Современнымъ сторонникамъ восьмичасового рабочаго дня небезынтересно будетъ узнать, что Морусъ считалъ возможнымъ ограничить обязательный трудъ 6 часами. Онъ доказывалъ осуществимость такого сокращенія рабочаго дня, ссылаясь на то, что въ производствѣ не участвуютъ цѣлые классы, предпочитающіе вести праздное существованіе. Въ число этихъ непроизводительныхъ группъ поставлены имъ прежде всего женщины, т.-е. половина человѣческаго рода, затѣмъ лица духовныя и монахи, люди зажиточные, и въ особенности земельные собственники; за всѣми этими группами слѣдуетъ еще многочисленная домашняя челядь; списокъ лицъ, добровольно уклоняющихся отъ всякаго труда, завершается наконецъ способными къ работѣ бродягами и всѣми лѣнтяями, прикрывающими свое ничегонедѣланіе мнимой болѣзнью. Такимъ образомъ Морусомъ перечислены всѣ тѣ классы, которые въ современной ему Англій дѣйствительно могли быть отнесены къ категоріи однихъ потребителей, а не производителей цѣнностей.

Возможность сокращенія рабочаго дня до 6 часовъ доказывается Морусомъ еще тѣмъ соображеніемъ, что въ его идеальномъ государствѣ не будетъ спроса на извѣстные товары,— спроса, порождаемаго страстью къ роскоши, неизбѣжно развивающейся всюду, гдѣ деньгамъ принадлежитъ господство. Изъ правила объ общеобязательности труда Морусъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ, кто обнаруживаетъ особую склонность къ накопленію знаній, подъ тѣмъ условіемъ, однако, если такое изъятіе будетъ признано за ними духовенствомъ и властями. Разъ такой избранникъ окажется не оправдавшимъ довѣрія, его снова заставляютъ приняться за физическій трудъ. Съ другой стороны, тѣ изъ ремесленниковъ, которые охотно затрачиваютъ свободное отъ работы время на занятіе умственнымъ трудомъ и обнаруживаютъ при этомъ большое усвеніе, включаются въ число лицъ, изъятыхъ отъ обязатель-

ныхъ 6-часовыхъ занятій. Краткость рабочаго дня позволяетъ всѣмъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и украшать свой умъ знаніемъ литературы и искусствъ. Такимъ образомъ Морусомъ намѣчены уже тѣ существенныя выгоды, какія вытекаютъ, одинаково для частныхъ лицъ и для всего общества, изъ сокращенія обязательнаго рабочаго времени. Сопоставляя въ этомъ отношеніи его „Утопію" съ идеальнымъ государствомъ Платона, мы, очевидно, должны прійти къ тому же заключенію, что и Кауцкій, говорящій, что республика Платона — республика людей свободныхъ отъ физическаго труда, тогда какъ „Утопія" Моруса — утопія тружениковъ. Но тотъ же авторъ заблуждается, когда полагаетъ, что ранѣе Моруса никто изъ писателей древности не задавался мыслью о поднятіи достоинства физическаго труда и объ устройствѣ образцоваго государства въ интересахъ самихъ тружениковъ. По вѣрному замѣчанію Пельмана, тѣ, кто утверждаетъ это, теряютъ изъ виду то движеніе въ пользу упраздненія рабства, которое началось еще въ средѣ софистовъ. Оно нашло въ Алкидамѣ изъ Элэи, по словамъ Аристотеля, поборника идеи естественной, прирожденной всѣмъ людямъ свободы. Алкидамъ же былъ ученикомъ софиста Горгія, современника Платона. Сторонники того взгляда что Томасъ Морусъ первый поднялъ въ своемъ сочиненіи вопросъ объ устройствѣ государства въ интересахъ трудящихся классовъ, очевидно, не принимаютъ въ расчетъ и того факта, что Ямбулъ въ своемъ „Солнечномъ градѣ" уже признаетъ трудъ обязательнымъ для всѣхъ и не преслѣдуетъ другой задачи, кромѣ такой его организаціи, при которой каждому обезпечена возможность всесторонняго развитія своихъ способностей.

Мы могли бы продолжить нашъ обзоръ той косвенной критики, какой Морусъ подчиняетъ современные ему англійскіе порядки, и поговорить о рекомендуемой „Утопіе реформѣ образованія, объ измѣненіи ею самыхъ принципо современнаго Морусу уголовнаго права и т. д., но это увлен

бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей ближайшей задачи. Тѣмъ не менѣе отмѣтимъ мимоходомъ новизну той точки зрѣнія, по которой добродѣтель равнозначительна для Моруса съ жизнью согласно съ природою. Это—центральная мысль всей главы, посвященной имъ вопросу о воспитаніи, образованіи и философскихъ воззрѣніяхъ утопійцевъ. Воспитаніе и образованіе не имѣетъ для нихъ иной задачи, какъ сдѣлать гражданъ способными вести жизнь, согласную съ требованіями природы. Такая жизнь, всегда обезпечиваетъ людямъ удовольствіе и позволяетъ имъ избѣгать страданія. „Утопійцы полагаютъ, — пишетъ Морусъ, — что всѣ наши дѣйствія сводятся въ концѣ-концовъ къ исканію удовольствія; удовольствіемъ же они называютъ всякое движеніе и состояніе нашего тѣла и духа, при которомъ человѣкъ находитъ удовлетвореніе запросамъ своей природы“. Морусъ посвящаетъ затѣмъ нѣсколько страницъ разбору всѣхъ несогласныхъ съ природою увеселеній, къ которымъ изъ фальшивой гордости и чванства обращаются его современники. Онъ думаетъ, что корень зла лежитъ опять-таки въ богатствѣ, и мимоходомъ даетъ слѣдующее указаніе на измѣнившуюся природу англійскаго дворянства. „Оно состоитъ нынѣ,—пишетъ онъ,—изъ лицъ, предки которыхъ были зажиточны и спеціально богаты землею“. Этотъ переходъ дворянства отъ государственной службы къ землевладѣнію, отъ родовитости къ богатству—явленіе крайне характерное для Англіи начала XVI столѣтія, когда, послѣ войнъ Алой и Бѣлой Розы, уцѣлѣло въ ней лишь нѣсколько десятковъ старинныхъ родовъ и оно стало пополняться членами зажиточной буржуазіи“. Отмѣтимъ, что Морусъ пишетъ свое сочиненіе ранѣе упраздненія монастырей и раздачи ихъ имуществъ новымъ дворянамъ. Указанный имъ фактъ перехода родовитой аристократіи въ земельную получилъ такимъ образомъ лишь дальнѣйшее развитіе съ момента секуляризаціи церковной собственности. Въ число праздныхъ занятій и увеселеній, несогласныхъ съ природою и которымъ любятъ предаваться его современники, Морусъ ставитъ охоту.

Въ его идеальномъ государствѣ охота должна сдѣлаться занятіемъ однихъ мясниковъ. Прочіе граждане замѣнятъ ее физическими и особенно умственными упражненіями, способными развить гибкость членовъ, глубину и тонкость мышленія. Въ реформѣ уголовнаго права Морусъ является сторонникомъ, во-первыхъ, замѣны смертной казни неволею, т.-е. обращеніемъ въ рабство и соотвѣтственно обязательнымъ производствомъ работъ болѣе или менѣе низкаго характера; изъ рабовъ, напримѣръ, вербуется цехъ мясниковъ—охотниковъ; во-вторыхъ, съ именемъ Моруса связано представленіе о поборникѣ той мысли, что умыселъ, или такъ называемая злая воля преступника, составляетъ главное основаніе къ признанію извѣстныхъ дѣйствій наказуемыми; гдѣ нѣтъ такой злой воли, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ уголовной отвѣтственности. „Самыя ненавистныя преступленія,—пишетъ Морусъ въ VIII главѣ своей книги,—жители Утопіи наказываютъ рабствомъ. Поступая такимъ образомъ, они полагаютъ, что преступнику нельзя причинить большаго горя, а обществу доставить большей выгоды. Трудъ рабовъ болѣе полезенъ обществу, чѣмъ смерть виновныхъ; примѣромъ своего подневольнаго труда наказуемые преступники произведутъ устрашающее впечатлѣніе и отвратятъ другихъ отъ желанія подражать имъ". Только въ случаѣ нарушенія общественнаго порядка и совершенія убійства такими обращенными въ неволю преступниками Морусъ считаетъ возможнымъ прибѣгнуть къ ихъ казни. Другая замѣчательная мысль Моруса, находящая все болѣе приверженцевъ въ наше время, это—та, что срокъ наказанія можетъ быть сокращенъ въ томъ случаѣ, если обращенный въ неволю преступникъ обнаружитъ признаки раскаянія; въ этихъ же случаяхъ князю или правителю, единолично или при согласіи управляемыхъ, должно быть даровано право и совершеннаго помилованія. Мысль о томъ, что въ каждомъ преступленіи главнѣйшимъ моментомъ является злая воля, выражена Морусомъ весьма категорично въ VIII главѣ. „Во всѣхъ преступленіяхъ, — пишетъ онъ -

утопійцы считаютъ намѣреніе столь же большимъ зломъ, какъ и самое дѣяніе“.

Если теперь отъ обзора той косвенной критики, которой Морусъ подвергаетъ современные ему порядки, мы перейдемъ къ изображенію самыхъ основъ его коммунистическаго государства, то, въ отличіе отъ Платона, мы найдемъ у него признаніе началъ индивидуализма въ области семейной жизни и ограниченіе сферы общенія однимъ имуществомъ; другого трудно было и ожидать отъ убѣжденнаго католика, казненнаго, какъ мы знаемъ, за преданность своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Мы видѣли, что Морусъ стоитъ за нерасторжимость брака и преслѣдуетъ уголовными карами всякое нарушеніе супружеской вѣрности. Консерваторомъ онъ выступаетъ одинаково и въ вопросѣ о подчиненіи дѣтей дисциплинарной власти родителей. Есть, можетъ-быть, основаніе утверждать, что онъ, наоборотъ, становится новаторомъ, когда требуетъ, чтобы каждая здоровая мать питала своей грудью новорожденнаго ребенка. То же требованіе повторено будетъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ его „Эмилѣ“ и принято будетъ французскимъ обществомъ XVIII вѣка, какъ совершенное новшество.

Что касается до устройства имущественныхъ отношеній, то коммунизмъ Моруса опирается на началѣ упраздненія денежнаго обмѣна, при чемъ, очевидно, исчезаетъ ближайшее основаніе къ индивидуальному накопленію, и всѣ могутъ довольствоваться положеніемъ равныхъ участниковъ въ общемъ достояніи (гл. VI). Является, разумѣется, вопросъ о томъ, какъ избѣжать естественнаго стремленія уклониться отъ общей работы? Морусъ отвѣчаетъ на него, говоря, что каждый, проведшій болѣе одного дня безъ работы во время своихъ передвиженій, относится къ числу бѣглецовъ и, какъ таковой, подлежитъ наказанію; при рецидивѣ же его обращаютъ въ рабство. Для того, чтобы покинуть обычное мѣстопребываніе, требуется каждый разъ согласіе отца и жены; „куда бы человѣкъ ни переселился, онъ не иначе получаетъ необходимую ему пищу,— пишетъ Морусъ,— какъ подъ условіемъ

участія въ общей всѣмъ работѣ. Изъ этого одного,—прибавляетъ авторъ „Утопіи",—легко заключить, какъ мало жители острова имѣютъ возможность ничегонедѣланія". Общеніе имуществъ не распространяется на усадьбу; въ противномъ случаѣ трудно было бы сохранить ту индивидуализацію семейной жизни, которая отличаетъ собою жителей Утопіи отъ гражданъ, положимъ, „Солнечнаго государства" Ямбула или „Солнечнаго града" Кампанеллы. Жители Утопіи поселены большими семьями, по меньшей мѣрѣ въ 50 человѣкъ каждая, считая мужчинъ и женщинъ. Всѣ живущіе въ одной усадьбѣ поставлены подъ власть одного набольшого и одной большухи, выбираемыхъ изъ числа самыхъ возрастныхъ, мудрыхъ и скромныхъ членовъ семейства. Эти порядки, очевидно, весьма близки къ тѣмъ семейнымъ общинамъ, которыя нѣкогда извѣстны были не однимъ только южнымъ славянамъ подъ именемъ задругъ, или общихъ купъ, но и западно-европейскимъ народамъ подъ разными названіями, напримѣръ, parçoneries въ Nivernais. Тѣ же семейныя общины (у насъ онѣ встрѣчаются и понынѣ подъ наименованіемъ большихъ семей) оживаютъ снова въ проектахъ современныхъ общественныхъ реформаторовъ, начиная съ Фурье съ его фаланстеромъ и оканчивая попыткой частичнаго осуществленія принципа участія рабочихъ въ выгодахъ предпріятія въ Гизѣ, гдѣ рабочіе живутъ въ особыхъ фамилистерахъ. Семейная община составляетъ первичную ячейку соціальнаго строя утопійцевъ; извѣстное число такихъ ячеекъ—не менѣе 30—образуетъ изъ себя низшее подраздѣленіе государства, поставленное подъ власть единаго начальника, такъ называемаго филарха, — терминъ, очевидно, заимствованный изъ учрежденій древнихъ Аѳинъ,— съ характеризующимъ ихъ подраздѣленіемъ жителей на филы. Любопытную черту представляетъ въ проектѣ Моруса ежегодная частичная смѣна занятій между городомъ и селомъ; 20 человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые прожили 2 года на одно мѣстѣ, уходятъ изъ города въ селеніе для практическа обученія земледѣлію; ихъ мѣсто занимаетъ такое же чис

выходцевъ изъ среды села. Особой милостью считается разрѣшеніе продолжать занятія земледѣліемъ и долѣе двухгодичнаго срока. Перечисливъ обычныя сельскохозяйственныя производства, Морусъ мимоходомъ рекомендуетъ ту самую практику искусственнаго вывода цыплятъ, которая сплошь и рядомъ встрѣчается въ наше время. При общеніи имуществъ затворы и замки оказываются, очевидно, излишними; усадьбы утопійцевъ, окруженныя садами, открыты поэтому каждому желающему проникнуть въ нихъ; всякій новый пришелецъ, какъ мы видѣли, можетъ разсчитывать на гостепріимный пріемъ подъ условіемъ участія въ общей работѣ.

Разсказъ о порядкахъ внутренняго устройства островитянъ Утопіи Морусъ влагаетъ въ уста вернувшагося изъ плаванія сподвижника Америго Веспучи, вымышленнаго, разумѣется, лица, именуемаго имъ Рафаиломъ Ислодэ, что въ переводѣ съ греческаго значитъ: „ведущій праздный разговоръ“. Возможенъ поэтому вопросъ о томъ, раздѣлялъ ли самъ Морусъ то пристрастіе къ коммунистическимъ порядкамъ, апологіей которыхъ является его разсужденіе. Мы можемъ указать на цѣлую страницу въ I книгѣ „Утопіи“, на которой Морусъ влагаетъ въ собственныя уста возраженія, сдѣланныя противъ осуществимости системы общенія имуществъ еще Аристотелемъ. Не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы книга, вызвавшая открытое одобреніе Эразма Роттердамскаго, очевидно, ничего не имѣвшаго общаго съ коммунистическими идеалами, заключала въ себѣ не болѣе, какъ отвлеченныя размышленія, ставящія себѣ цѣлью показать логическія послѣдствія, какія вытекаютъ изъ упраздненія принципа частной собственности. Отъ XVI вѣка дошло до насъ во Франціи сочиненіе, которое по своему радикализму превосходитъ „Утопію“ Моруса; я разумѣю „Добровольное рабство“ Ла-Боэси. А между тѣмъ о его авторѣ, точка зрѣнія котораго въ настоящее время, вѣроятно, признана была бы анархической, извѣстно, что онъ ни въ чемъ не проявилъ пристрастія къ проповѣдуемой имъ теоріи. Онъ мирно несъ обязанности прези-

дента одного изъ мѣстныхъ парламентовъ Франціи и, повидимому, не связывалъ съ своимъ разсужденіемъ другой задачи, кромѣ той, чтобы уподобиться облюбованнымъ имъ классическимъ образцамъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы и „Утопія“ Моруса, въ которой такъ часто упоминается имя Платона, была только попыткой модернизаціи его взглядовъ,—попыткой, позволившей автору высказать попутно свои сужденія по поводу современныхъ ему нестроеній Англіи. Во всякомъ случаѣ отрывокъ, въ которомъ будущій канцлеръ королевства произноситъ осужденіе коммунизму, настолько рѣзко и рѣшительно проводитъ эту точку зрѣнія, что невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ, раздѣлялъ ли самъ авторъ „Утопіи“ взгляды, высказываемые жителями его образцоваго государства. Вотъ это мѣсто: „Въ отвѣтъ на заявленіе Рафаила о томъ, что въ мірѣ не можетъ существовать никакого равномѣрнаго распредѣленія имуществъ и никакого истиннаго благосостоянія, пока не будетъ изгнано самое представленіе о моемъ и твоемъ, Морусъ, по собственному признанію, отвѣтилъ: „Я держусь противоположнаго мнѣнія: мнѣ кажется, что люди никогда не будутъ жить богато тамъ, гдѣ все будетъ общимъ, ибо мыслимо ли обиліе имуществъ, когда каждый старается устранить себя отъ работы, когда забота о пріобрѣтеніи не побуждаетъ никого къ труду и надежда воспользоваться усиліями другихъ обращаетъ всякаго въ лѣнивца? Но разъ люди сдѣлаются жертвою бѣдности и нужды и въ то же время никому не будетъ дозволено удержать за собою того, что пріобрѣтено его собственнымъ трудомъ, необходимо возникнутъ условія, благопріятныя постоянному броженію, которое, въ свою очередь, поведетъ къ кровопролитію“ (кн. I). И не по одному только вопросу объ общеніи имуществъ личная точка зрѣнія Моруса расходится съ тою, какой придерживаются жители Утопіи. То же можно сказать о проводимомъ ими, въ ограниченной, впрочемъ, степени, принципѣ вѣротерпимости, который очевидно не вяжется съ католич скими пристрастіями нашего автора. Если считать все пр

писанное утопійцамъ за выраженіе личныхъ взглядовъ Моруса, пришлось бы признать, напримѣръ, что культъ солнца, котораго придерживаются островитяне, казался ему истинной вѣрою и что онъ также допускалъ существованіе бокъ-о-бокъ съ нимъ культа мѣсяца и звѣздъ. Въ XI главѣ „Утопіи“ прямо говорится, что островитяне раздѣлены между этими тремя культами. Есть между ними, впрочемъ, и такіе, которые придерживаются культа героевъ. Одно меньшинство мудрѣйшихъ исповѣдуетъ вѣру въ единаго Бога, Отца всѣхъ. Вѣра эта не представляетъ однако ничего общаго съ вѣрою въ Тріединую Троицу; божество они обозначаютъ тѣмъ же именемъ „Митры“, подъ какимъ у персовъ извѣстно было божество солнца. О самомъ имени Христа они услышали впервые отъ посѣтившаго ихъ островъ спутника Америго Веспучи.

Я считалъ бы ошибочной въ виду всего сказаннаго ту точку зрѣнія, при которой совершенно теряется изъ виду то фантастическое, что необходимо заключаетъ въ себѣ всякій соціальный романъ, начиная съ „Солнечнаго государства“ Ямбула и оканчивая новѣйшими произведеніями Беллами или Герцка. Мое заключеніе поэтому сводится къ признанію, что въ формѣ діалога, напоминающей собою „Республику“ Платона, и съ задачами, довольно близкими къ тѣмъ, какія преслѣдуемы были его образцомъ, т.-е. съ цѣлью раскрыть условія осуществленія справедливости, Морусъ написалъ свое дидактическое разсужденіе; оно позволило ему съ точки зрѣнія совершеннаго равенства и общенія имуществъ, т.-е. высшаго проявленія справедливости, представить нравственную оцѣнку соціальныхъ и политическихъ порядковъ современныхъ ему государствъ Европы, въ частности собственной родины.

Совершенно иной характеръ носитъ „Солнечный градъ“ Кампанеллы. Изъ сопоставленія высказанныхъ въ немъ взглядовъ съ тѣми практическими задачами, какія ставилъ себѣ авторъ, предпринимая заговоръ въ пользу установленія республики въ Абруццахъ, немудрено прійти къ тому заключенію,

что „Солнечный градъ“ — не фантазія, ставящая себѣ цѣлью аллегорическое изображеніе царства разума и справедливости, и не образецъ идеальнаго, не осуществимаго въ дѣйствительности государства, а мотивированная конституція, написанная будущимъ правителемъ небольшой республики горцевъ, въ которой слабое развитіе мануфактуръ и торговли и преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ воспрепятствовали росту капитализма, гдѣ нѣтъ поэтому серьезныхъ соціальныхъ контрастовъ, бѣдности и богатства, и внутренній миръ нарушается чаще родовыми усобицами и фискальнымъ гнетомъ, чѣмъ столкновеніями труда и капитала. Государство это не имѣетъ корней въ прошломъ; какъ бы далеко мы ни заглядывали назадъ, намъ невозможно открыть ни республики ни монархіи, центромъ которой была бы родина Кампанеллы — городокъ Стило; все здѣсь приходится начинать сызнова. Кампанеллѣ нетрудно поэтому представить себя мысленно попавшимъ въ то самое положеніе, какое занимали законодатели древности, создававшіе одновременно нравы, обычаи и учрежденія. Автора „Солнечнаго града“ можно понять только подъ условіемъ сопоставленія его съ какимъ-нибудь Миносомъ, Ликургомъ или Солономъ. Особенно близко его сердцу господство разума и общественнаго согласія. Истина одна; она не можетъ быть установлена путемъ взаимныхъ уступокъ, дѣлаемыхъ другъ другу народными представителями. Вотъ почему республика въ Стило, какъ и вселенская церковь, не допускаетъ другого образа правленія, кромѣ единоличнаго. Роджеръ Бэконъ, развивая мысль арабскаго философа Авичены, хотѣлъ поставить во главѣ міра мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго. То же дѣлаетъ и Кампанелла по отношенію къ задуманной имъ республикѣ. Ея главою является абсолютный правитель, „гогъ“ или „метафизикъ“, которому принадлежитъ одинаково и свѣтская и духовная власть и который является рѣшителемъ всѣхъ несоглас[illegible] Ему подчинены три второстепенныхъ администратора, от[illegible] чающіе тремъ высшимъ способностямъ души: мощи, мудрос[illegible]

и любви. Во главѣ отдѣльныхъ видовъ производства стоятъ,— наподобіе того, что имѣло мѣсто въ ремесленныхъ цехахъ,— наиболѣе опытные и искусные мастера, которые и завѣдуютъ ихъ администраціей.

Совершеннолѣтніе созываются въ собраніе, напоминающее собою „арингу", или „парламентумъ",— другими словами, вѣче итальянскихъ городовъ; они высказываютъ на нихъ свои желанія относительно законовъ и правителей, но рѣшающій голосъ принадлежитъ верховному сановнику, мѣсто котораго Кампанелла, повидимому, собирался занять. Всѣ власти республики срочны, за исключеніемъ четырехъ высшихъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе на всѣ должности, въ томъ числѣ и судебныя. Приговоры хотя и считаются окончательными, но могутъ подвергнуться смягченію и отмѣнѣ по волѣ „гога" или метафизика, въ силу принадлежащаго ему права помилованія. Правосудіе обставлено серьезными гарантіями, но далеко не тѣми, къ какимъ пріучило насъ существованіе суда присяжныхъ. Кампанелла настаиваетъ на необходимости значительнаго числа свидѣтелей, не меньше пяти, для постановки обвинительнаго приговора. Что касается до системы каръ, то онъ далекъ отъ современныхъ воззрѣній и является открытымъ сторонникомъ возмездія, осуществляемаго государствомъ. Онъ допускаетъ смертную казнь и призываетъ къ ея осуществленію весь народъ, въ формѣ предписываемаго Библіей побіенія камнями виновнаго.

Въ конституціи „Солнечнаго града" нѣтъ мѣста для того что мы разумѣемъ подъ представительствомъ отдѣльныхъ классовъ общества. Да въ этомъ не чувствуется и нужды, такъ какъ всѣ мѣры приняты къ тому, чтобы избѣжать всякаго столкновенія интересовъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, порождаются такія столкновенія? Неправильно направленнымъ половымъ инстинктомъ, побуждающимъ къ индивидуальному присвоенію той или другой женщины, и столь же ложно понимаемымъ инстинктомъ самосохраненія, выражающимся въ индивидуализаціи орудій производства. Необходимо, думаетъ Кампанелла, дать

другое направленіе человѣческимъ страстямъ; не объ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ должна итти рѣчь, а о расширеніи свободы. Но это можетъ быть достигнуто только подъ двумя условіями: общенія женъ и имуществъ. Оба вида общенія должны быть проведены до конца, вплоть до сожитія съ беременной женщиной и съ женщиной безплодной по обоюдному согласію, вплоть до общности не одного производства, но и потребленія. Съ исчезновеніемъ частныхъ интересовъ у людей останутся одни только общіе; а именно поддержаніе и усовершенствованіе ихъ породы. Произведеніе потомства становится общественной функцiей, и такой же функціей надо считать воспитаніе. Все, что противно общественному интересу поддержанія и усовершенствованія породы, подлежитъ строгой репрессіи; возмездіе за противоестественные пороки доходитъ поэтому до смертной казни; цѣломудріе юношей и дѣвушекъ до момента половой зрѣлости вознаграждается публичнымъ почетомъ, какъ и плодородіе женщинъ. Сожитіе съ цѣлью дѣторожденія регулируется властями, старающимися соединить въ заключаемыхъ ими союзахъ индивидовъ различныхъ физическихъ типовъ и характеровъ. Кампанелла не можетъ понять безумія своихъ современниковъ, озабоченныхъ улучшеніемъ породы лошадей и собакъ и ничего не дѣлающихъ для улучшенія человѣческой породы; его серьезно занимаетъ мысль о томъ „сверхчеловѣкѣ", къ созданію котораго стремится Ницше. Воспитаніе направлено къ той же цѣли и имѣетъ въ виду не одностороннее подведеніе всѣхъ подъ одинъ шаблонъ, а развитіе индивидуальныхъ особенностей каждаго.

Кампанеллу нельзя занесть въ число поборниковъ женской эмансипаціи, но только въ томъ смыслѣ, что онъ признаетъ различіе въ физической и умственной силѣ обоихъ половъ. Женщинамъ предоставляются поэтому въ „Утопіи" болѣе легкія занятія, мужчинамъ болѣе тяжелыя [1]); но слабый полъ не устранен-

[1]) Sostengo la comunanza nelle funzioni, non però nel governo politic poichè la donna non puo essere magistrato ne insegnare agli uomini, ma sc

даже отъ воинской повинности, впрочемъ только въ случаѣ обороны, а не нападенія. Въ то же время Кампанелла не желаетъ ввѣрить ему заботъ о воспитаніи. Онъ не отрицаетъ, однако, возможности въ будущемъ такого же умственнаго развитія женщинъ, какъ и мужчинъ; этимъ объясняется, почему подростки обоихъ половъ не обособляются имъ другъ отъ друга, почему ихъ уроки, игры и физическія упражненія происходятъ совмѣстно въ однихъ и тѣхъ же зданіяхъ; это, думаетъ авторъ, имѣетъ между прочимъ и то удобство, что позволяетъ приставленнымъ къ дѣтямъ надзирателямъ знакомиться съ ихъ не только умственными, но и физическими качествами и устраивать затѣмъ сожитія между взаимно восполняющими другъ друга индивидами. Въ трактатѣ, посвященномъ вопросу о лучшей формѣ правленія и представляющемъ апологію той, какая предложена въ „Солнечномъ градѣ“, Кампанелла какъ нельзя лучше проводитъ тотъ взглядъ, что предложенное имъ общеніе женъ и имуществъ необходимо вызоветъ цѣлый переворотъ и въ нравахъ и въ самомъ физическомъ сложеніи гражданъ. При новомъ образѣ жизни исчезнутъ пороки: люди не будутъ имѣть основанія добиваться занятія мѣстъ сановниковъ; честолюбіе сдѣлается немыслимымъ, какъ немыслимы также всѣ тѣ злоупотребленія, какія порождаются наслѣдованіемъ, выборомъ или занятіемъ должностей по жребію. Исчезнутъ также поводы для возстанія, вызываемаго надменностью чиновниковъ или ихъ произволомъ, бѣдностью, чрезмѣрнымъ уничиженіемъ и угнетеніемъ. „Платонъ и Соломонъ, — говоритъ Кампанелла, — справедливо считаютъ источникомъ всѣхъ бѣдствій государства противоположность бѣдности и богатства; ею обусловливаются скупость, низкопоклонство, обманъ, воровство, грабежъ, надменность, наглость, рисовка, праздность и т. д.; все это немыслимо при общеніи имуществъ, точно такъ

---

ra le donne e nel ministero della generazione (Questioni sull'ottima republica. pere, томъ II, стр. 302).

же, какъ при общеніи женъ нѣтъ мѣста для пороковъ, порождаемыхъ злоупотребленіемъ половымъ инстинктомъ, какъ то: прелюбодѣянію, блуду, содоміи, производству искусственныхъ выкидышей, ревности, семейнымъ несогласіямъ и т. п. Неизвѣстны также въ республикѣ, построенной на началахъ коммунизма, тѣ бѣдствія, какія происходятъ отъ чрезмѣрной привязанности родителей къ дѣтямъ или супруговъ другъ къ другу. Отсутствіе собственности открываетъ просторъ милосердію и устраняетъ возможность взаимной зависти и ненависти; возрастаетъ привязанность къ ближнимъ и обществу и исчезаютъ поводы къ процессамъ, мошенничеству, лжесвидѣтельству и т. д. Всѣ болѣзни души и тѣла, порождаемыя излишкомъ труда или праздности, невозможны тамъ, гдѣ трудъ распредѣленъ равномѣрно. Праздность женщинъ и порождаемыя ею бѣдствія, вліяющія на физическое и нравственное здоровье потомства, немыслимы, разъ женщинамъ дана возможность предаваться тѣмъ занятіямъ и обнаруживать тѣ добродѣтели, которыя имъ всего болѣе свойственны. И то зло, которое порождается невѣжествомъ, останется неизвѣстнымъ, такъ какъ всѣ получать возможность легкаго пріобрѣтенія необходимыхъ знаній, а все это вмѣстѣ взятое обезпечитъ незыблемость законовъ и избавитъ государство отъ тѣхъ недостатковъ, которыхъ не избѣжали въ своихъ конституціяхъ ни Миносъ, ни Ликургъ, ни Солонъ, ни Харондасъ, ни Аристотель, ни Платонъ“ [1]).

Кампанелла тѣмъ легче предвидитъ тѣ возраженія, какія могутъ быть сдѣланы противъ его республики, что большая часть ихъ уже была формулирована Аристотелемъ въ его спорѣ съ Платономъ. Къ тѣмъ аргументамъ, какіе приведены были еще въ древности сторонниками коммунизма, доминиканскій монахъ прибавляетъ новые, заимствованные частью изъ Евангелія и апостольской практики, частью изъ монастырскаго быта, частью, наконецъ, изъ примѣра животныхъ.

[1]) Opere, изданіе д'Анкона, томъ II, стр. 289 и 290.

которыя, подобно пчеламъ, не знаютъ ни собственности ни индивидуальной семьи и живутъ по правиламъ естественнаго закона, — того закона, которому, по выраженію римскаго юриста, сама природа обучила все живущее. Кампанеллѣ нетрудно также привесть въ пользу общности имуществъ, если не женъ, авторитетъ отцовъ церкви — Климента Александрійскаго и Іоанна Златоуста. Такъ какъ онъ желаетъ привесть все, что ратуетъ за это положеніе, то неудивительно, что къ этимъ признаннымъ вселенскою церковью учителямъ онъ присоединяетъ и схизматиковъ: Іоанна Гуса и лейденскихъ анабаптистовъ. Защищая общеніе женъ, онъ пользуется и данными этнографіи, и авторитетомъ Платона, и практикой гностиковъ-николаитовъ. Неудобства, которыхъ не умѣли избѣжать ни авторъ „Федона“, поручавшій жребію образованіе отдѣльныхъ паръ, ни гностики, не принявшіе никакихъ мѣръ къ обезпеченію здороваго умственно и физически потомства, устранены, какъ думаетъ Кампанелла, его системой, въ которой на сановниковъ возложена забота объ устройствѣ временныхъ браковъ, въ интересахъ поддержанія породы, и дѣторожденіе возведено на степень общественной функціи.

Мы не имѣемъ возможности исчерпать всѣхъ вопросовъ, подымаемыхъ авторомъ „Солнечнаго града“, который попеременно выступаетъ предъ нами богословомъ и философомъ, моралистомъ и астрологомъ, педагогомъ и экономистомъ, политикомъ, стратегомъ, медикомъ. Мы отмѣтимъ только мимоходомъ то значеніе, какое онъ придаетъ наглядному обученію, рекомендуя съ этою цѣлью начертаніе на стѣнахъ храма основныхъ научныхъ истинъ, правилъ поведенія и именъ высшихъ типовъ человѣчества, въ томъ числѣ и Магомета; мы не станемъ также говорить о значеніи, какое онъ придаетъ астрологіи, какъ наукѣ, призванной не только открывать будущее, но и давать указанія для обыденной жизни, напримѣръ, опредѣлять время, наиболѣе удобное для производства хозяйственныхъ работъ и т. п. Нѣтъ также на-

добности подвергать подробному анализу экономическія воззрѣнія нашего автора, который въ числѣ своихъ единомышленниковъ по заговору и товарищей по заточенію могъ назвать Антоніо Сера, родоначальника экономической науки въ Италіи. Отмѣтимъ, однако, то обстоятельство, что предубѣжденіе Кампанеллы противъ собственности и экономической свободы было вызвано близкимъ знакомствомъ съ фактами дѣйствительности и что этотъ утопистъ находилъ возможнымъ привесть въ оправданіе своихъ взглядовъ такія, напримѣръ, данныя: „Неаполь имѣетъ 70.000 жителей, изъ которыхъ всего 10.000 или 15.000 трудятся въ потѣ лица и обыкновенно въ теченіе немногихъ лѣтъ гибнутъ отъ непомѣрной работы, тогда какъ остальное населеніе проводитъ жизнь въ праздности, обжорствѣ, развратѣ, скряжничествѣ, ростовщичествѣ и болѣзняхъ, порождаемыхъ всякими излишествами. Поля плохо воздѣланы, промышленность въ застоѣ, массы заражены низкопоклонствомъ, холопствомъ и завистью [1]). Всему этому, — думаетъ Кампанелла,—можетъ быть положенъ конецъ общеніемъ имуществъ, при которомъ всѣ призваны будутъ трудиться, и никому не придется работать болѣе *четырехъ часовъ*, посвящая остальное время пріобрѣтенію знаній въ литературѣ и наукѣ, бесѣдѣ, прогулкѣ, — однимъ словомъ, всѣмъ упражненіямъ, полезнымъ тѣлу и уму“ [2]).

Прежде чѣмъ завершить этотъ очеркъ основныхъ взглядовъ перваго провозвѣстника коммунистическихъ теорій въ Италіи остановимся еще на вопросѣ о его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Кампанелла — авторъ трактата. озаглавленнаго „Atheismus triumphatus“ (другими словами — „Побѣжденный атеизмъ“), и въ то же время на него возведено соучастниками въ заговорѣ слѣдующее обвиненіе: „Онъ говорилъ, что природа есть то, что мы называемъ Богомъ, и что Богъ не что иное, какъ природа; онъ отрицалъ Троицу и таинство

---

[1]) Opere, т. II, стр. 256.
[2]) Ibid., стр. 257.

евхаристіи, чудеса Христовы, рай, адъ и чистилище; онъ обѣщалъ дать людямъ законы выше христіанскихъ" [1]). Чему вѣрить: тому ли, что доминиканскій монахъ, озабоченный торжествомъ католической церкви, готовъ былъ подчинить весь міръ самому ревностному изъ служителей западнаго христіанства и папы, призывая его съ этою цѣлью къ истребленію схизматиковъ—лютеранъ, или тому, что этотъ видимый ревнитель католическаго единовѣрія былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ раціоналистомъ.

Нигдѣ Кампанелла не высказывается съ такой искренностью, какъ въ частной корреспонденціи; здѣсь, какъ мнѣ кажется, и слѣдуетъ искать прежде всего отвѣта на поставленный вопросъ. Въ числѣ писемъ, отпечатанныхъ Бальдакини, особеннаго вниманія заслуживаютъ, на мой взглядъ, тѣ два, которыя обращены Кампанеллой въ позднѣйшіе годы его жизни къ личному другу, Cassiano del Pozzo, и къ извѣстному ученому Pietro Gassendi. Въ первомъ изъ нихъ подвергается критикѣ ученіе Лютера, во второмъ—теорія эпикурейцевъ.

Изъ перваго (отъ 27 іюля 1638 года) мы узнаемъ, что главная причина враждебности Кампанеллы къ реформаціи лежала въ провозглашенномъ Лютеромъ спасеніи одною только вѣрою; онъ возмущается мыслью, что добрыя дѣла безплодны, и думаетъ, что протестанты впадаютъ въ фатализмъ, обрекая большинство на вѣчную гибель и проповѣдуя, что мы nascimur judicati ex decreto (divino) et non judicandi ex operibus. „Такой догматъ,—пишетъ онъ,—дѣлаетъ правителей тиранами, а народы—всегда готовыми къ возстанію".

Такимъ образомъ реформація осуждается Кампанеллою главнымъ образомъ съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ послѣдствій, какія вытекаютъ изъ ея ученія [2]).

Съ другой стороны Кампанелла—рѣшительный противникъ эпикурейскаго воззрѣнія, что „міръ управляется случаемъ,

---

[1]) Amabile, томъ I, стр. 345 и 347.

[2]) Baldachini. Vita di Tomaso Campanella, Неаполь, 1847 года, стр. 172.

что имъ не руководитъ начальный разумъ, или, что то же, Богъ“ [1]). Онъ возвращается къ тому же вопросу и въ другомъ своемъ посланіи, говоря, что не можетъ допустить случайнаго появленія чего-либо въ мірѣ, помимо велѣнія его Творца (nullo jubente auctore universitatis); онъ не допускаетъ, чтобы кометы могли возникнуть сами по себѣ (ex se, Deo nullo auctore) и вспоминаетъ слова апостола Павла: „Одно невѣжество создаетъ случай“ (ignorantia facit casum) [2]).

Въ „Солнечномъ градѣ“ авторъ, желая сохранить за собою полную свободу выраженія религіозныхъ мнѣній, нарочно допускаетъ принадлежность жителей воображаемой имъ республики къ числу язычниковъ, не просвѣщенныхъ христіанскимъ Откровеніемъ. Это обстоятельство позволяетъ ему говорить о натуральной религіи, которая вся сводится къ признанію единаго Бога, Творца солнца, и, чрезъ его посредство, всего живущаго. „Одному Богу обязаны мы благодарностью, какъ отцу, и Онъ долженъ быть признаваемъ Творцомъ и Источникомъ всего существующаго. Люди созданы по Его сознательной волѣ и предназначены къ великой цѣли; души безсмертны, но только въ томъ смыслѣ, что послѣ нашей кончины, сообразно нашему поведенію въ этой жизни, онѣ соединяются съ добрыми или злыми духами. Не существуетъ міра внѣ нашего, въ которомъ бы насъ ожидали награды и наказанія“ [3]).

Эти выдержки рисуютъ намъ Кампанеллу чистѣйшимъ деистомъ и опровергаютъ мнѣніе тѣхъ, кто, подобно Конрингу, говоритъ о его трактатѣ противъ атеистовъ, что онъ скорѣе долженъ быть названъ атеизмомъ торжествующимъ

---

[1]) Ergo non casu regitur mundus; ergo non sine prima sapientia; ergo non sine Deo (письмо отъ 7 мая 1632 года, Ibid., стр. 201).

[2]) Ibid., стр. 201 и 203.

[3]) Differente della nostra è la loro opinione intorno ai luoghi delle pene e dei premi. Dubitano se esistano altri mondi fuori del nostro. Opere, томъ II, стр. 276.

(triumphans), нежели опровергнутымъ (triumphatus) [1]). Напротивъ, они вполнѣ согласны съ показаніями одного изъ участниковъ затѣянной Кампанеллой революціи, утверждавшаго, что, отрицая Христа и Тройцу, Кампанелла допускалъ „существованіе единаго Бога, или Духа, всѣмъ управляющаго и приводящаго небеса въ движеніе [2])“.

Мы покончили нашъ очеркъ общественно-политической теоріи Кампанеллы, насколько она выразилась въ самомъ знаменитомъ изъ его трактатовъ. О немъ за годъ до своей кончины онъ говорилъ въ письмѣ къ тосканскому герцогу, какъ о „дающемъ понятіе объ образцовомъ государствѣ и непобѣдимомъ градѣ, одно созерцаніе котораго даетъ возможность внѣшняго воспріятія всѣхъ знаній“ [3]).

Мы хотѣли бы въ заключеніе показать, въ какой мѣрѣ авторъ „Солнечнаго града“ остался вѣренъ высказаннымъ въ немъ воззрѣніямъ, несмотря на то, что личныя обстоятельства всячески заставляли его впослѣдствіи скрывать свои мысли и проповѣдывать пріятныя гонителямъ ученія. Излагая основы своего идеальнаго государства, авторъ прибавлялъ, что онѣ не могутъ быть сразу восприняты цѣлымъ міромъ. Даже ближайшія къ „Солнечному граду“ деревни только постепенно перейдутъ къ тѣмъ коммунистическимъ порядкамъ, на которыхъ опирается жизнь горожанъ, и по всей вѣроятности долгое время будутъ обходиться безъ общенія женщинъ.

Примѣняя ту же практику „постепеновца“ къ такому обширному политическому тѣлу, какъ Неаполитанское королевство, авторъ въ особомъ „Разсужденіи объ увеличеніи доходовъ государственной казны“ рекомендуетъ начать реформу существующаго строя съ того, что мы въ настоящее

---

1) Смотри Andrea Calenda. Fra Tomaso Campanella. Nocera. 1895 г., стр. 268.

2) Amabile, томъ I, стр. 345.

3) Ci aggiunsi la Città del Sole, idea d'ottima republica e di ottima città spugnabile e tanto riguardevole che mirandola solamente s'imparano tutte scienze istoricamente (cioè esteriormente). Письмо отъ 6 іюля 1638 года.

время назвали бы установленіемъ системы государственнаго соціализма. Ни въ чемъ народъ не заинтересованъ въ такой степени, какъ въ обезпеченіи ему дешеваго продовольствія. Сознаніе этой истины побудило еще средневѣковыя муниципіи Италіи рекомендовать устройство общественныхъ магазиновъ и преслѣдовать скупщиковъ, поведеніе которыхъ уподоблялось образу дѣйствій осужденныхъ каноническимъ правомъ ростовщиковъ. Отправляясь отъ этого средневѣковаго законодательства о такъ называемой „annona“, Кампанелла доказываетъ необходимость закупки правительствомъ всего нужнаго для пропитанія хлѣба; оно затѣмъ, съ небольшой выгодой для себя, перепродаетъ его общинамъ, для храненія въ общественныхъ магазинахъ. Хлѣбъ, какъ необходимѣйшій предметъ пищи, исключается изъ числа вещей, подлежащихъ свободному обмѣну, но лишь настолько, насколько этого требуетъ продовольствіе населенія. Разъ оно обезпечено, ничто не мѣшаетъ купцамъ заняться какъ торговлей хлѣбомъ внутри государства, такъ и отпускомъ его за границу. Кампанелла намекаетъ на возможность распространить ту же систему правительственныхъ закупокъ и на другіе продукты, именно на тѣ, которые представляютъ собою господствующую статью производства въ той или другой мѣстности. Такъ, въ Калабріи, напримѣръ, правительство могло бы заняться монопольной торговлей шелкомъ [1]).

То же неуваженіе къ существующимъ общественнымъ устоямъ сказывается и въ трактатѣ Кампанеллы „Объ Испанской Монархіи“. Не совѣтуетъ ли онъ, напримѣръ, королю предписать своимъ подданнымъ помѣщеніе всѣхъ своихъ сбереженій въ правительственные банки, что открыло бы возможность пользованія въ случаѣ нужды частными средствами для государственныхъ цѣлей, и не считаетъ ли онъ вполнѣ дозволеннымъ похищеніе женщинъ солдатами для

[1]) Arbitrio o discorso primo sopra l'aumento delle entrate del regno Napoli. Opere, томъ II, стр. 325—338.

улучшенія породы? Такимъ образомъ Кампанелла первый даетъ примѣръ практическаго приближенія къ тѣмъ коммунистическимъ порядкамъ, какіе изложены имъ въ „Солнечномъ градѣ“. Въ отличіе отъ Фурье, возстававшаго противъ частичнаго примѣненія своихъ идей, онъ въ трактатѣ „О наилучшей формѣ правленія“ самъ рекомендуетъ постепенность въ приложеніи его принциповъ и возлагаетъ большія надежды на вліяніе добраго, хотя и неполнаго примѣра, чѣмъ на рѣшимость перевернуть все сразу вверхъ дномъ. Въ этомъ отношеніи утопистъ обнаруживаетъ достойный подражанія политическій смыслъ и, конечно, выдерживаетъ сравненіе съ Томасомъ Морусомъ, который первый обратился къ подражанію Платону и его идеальной республикѣ и послужилъ Кампанеллѣ однимъ изъ образцовъ при составленіи его „Солнечнаго града“ [1]).

Хотя Феррари, несмотря на восторженное отношеніе къ автору „Солнечнаго града“, и ставитъ его произведеніе ниже Морусовой „Утопіи“, но этотъ приговоръ, мнѣ кажется, несправедливъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль, преслѣдуемая доминиканскихъ монахомъ,— цѣль, общая ему съ канцлеромъ Генриха VIII и состоящая въ томъ, чтобы устранить источникъ всякихъ несогласій между людьми, не можетъ быть достигнута однимъ общеніемъ имуществъ. Коллективизмъ не устраняетъ ни супружеской ревности ни родительскихъ пристрастій, а того и другого вполнѣ достаточно, чтобы породить рознь и помѣшать водворенію „вѣчнаго мира“. Позволено даже сомнѣваться, чтобы при существованіи индивидуальной семьи долгое время могло держаться само имущественное общеніе, — такъ естественно стремленіе обезпечить потомству внѣшнія преимущества надъ посторонними. При такихъ условіяхъ мудрено

[1]) О Томасѣ Морусѣ и его „Утопіи“ можно найти упоминанія въ трактатѣ Кампанеллы „О лучшей формѣ правленія“. Кампанелла со-
ется, что идеальная республика Моруса послужила для него образцомъ
l cui esempio noi abbiamo trovate le istituzione della nostra republica).
эге, томъ II, стр. 288.

сохранить то равенство въ пользованіи и служеніи, которое лежитъ въ основѣ всякаго коммунизма.

Но независимо даже отъ болѣе широкаго рѣшенія Кампанеллой его основной задачи, какъ не отдать справедливости разнообразію и оригинальности высказываемыхъ имъ частныхъ положеній, какъ не признать универсальности затѣянной имъ реформы, обнимающей собою и богословіе, и метафизику, и этику, и экономику, и политику, и педагогію?!

Съ другой стороны не поражаетъ ли каждаго удачное сочетаніе въ его схемѣ, повидимому, исключающихъ другъ друга началъ — авторитета знанія и народнаго контроля, государственнаго вмѣшательства и личной свободы, общности обязанностей и неравенства способностей, равноправія половъ и различія въ ихъ служеніи государству. Пусть говорятъ послѣ этого, что нивеллированіе общества неизбѣжно ведетъ къ деспотизму, а государственное вмѣшательство — къ потерѣ свободы, что неравенство способностей дѣлаетъ немыслимымъ равенство правъ и обязанностей. Опираясь на авторитетъ Кампанеллы, мы можемъ подвергнуть сомнѣнію всѣ эти мнимые труизмы. Онъ также первый научилъ насъ не бояться нашихъ страстей, а только того ложнаго направленія, какое даетъ имъ несовершенство нашей общественной организаціи. Протестъ, высказанный имъ противъ лицемѣрія нашей семейной морали, былъ здоровымъ протестомъ и не потерялъ значенія и въ наши дни.

Никто также лучше его не сумѣлъ показать, въ какой тѣсной зависимости отъ современнаго хозяйственнаго строя стоятъ наши душевные пороки и физическіе недуги.

Всего этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы ввести его въ сонмъ тѣхъ великихъ служителей человѣчества, имена которыхъ должны, какъ онъ думалъ, жить вѣчно въ благодарной памяти потомства.

Кампанеллою я заканчиваю очеркъ развитія демократич скихъ идей въ Италіи, такъ какъ имъ пришлось возродиться ь ранѣе средины XVIII вѣка. Если я такъ подробно остано

вился на изложеніи доктринъ итальянскихъ публицистовъ, то въ виду того, что со временъ древности идея народоправства нигдѣ не нашла столь полной и всесторонней передачи, какъ въ Италіи XV и XVI столѣтій. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Историку, озабоченному раскрытіемъ генезиса современныхъ идей и порядковъ, не покажется преувеличеннымъ утвержденіе, что въ Италіи эпохи Возрожденія скрывается зародышъ всего того, что составляетъ природу европейской гражданственности. Принципы свободы, равенства и народнаго суверенитета, возводимые обыкновенно къ эпохѣ французской революціи, имѣютъ, какъ мы видѣли, свои глубокіе корни въ той муниципальной автономіи, какой добились городскія общины Италіи со временъ обоихъ Фридриховъ. Критика теократическаго міросозерцанія, начатая Арнольдомъ изъ Бресчіи и продолженная Джіордано Бруно, расчищаетъ почву для первыхъ провозвѣстниковъ новой научной философіи, которая торжествуетъ въ Италіи побѣду надъ схоластикой въ лицѣ Телезія, Леонардо да-Винчи и Галилея, десятки лѣтъ ранѣе появленія Бэкона Веруламскаго. Идеалъ свѣтскаго государства, ставящаго себѣ цѣлью не подготовленіе христіанскихъ душъ къ вѣчной обители, а земное благосостояніе народныхъ массъ, впервые возникаетъ и складывается также въ Италіи, и въ ней же на всѣ лады обсуждаются тѣ частные вопросы, рѣшеніе которыхъ открываетъ путь торжеству народныхъ интересовъ. Въ то время какъ въ остальной Европѣ государство отождествляется еще съ монархомъ и правящимъ классомъ феодальныхъ сеньеровъ, а чернь является синонимомъ массы тяглыхъ людей, въ Италіи ставится на очередь волновавшій древнихъ философовъ вопросъ о преимуществахъ монархіи, аристократіи и демократіи, а постепенно охватывающая умы идея равенства подсказываетъ такія рѣшенія, какъ эмансипацію крестьянскаго люда, свободу ассоціацій и стачекъ, подоходный и прогрессивый налогъ и т. п.

Неудивительно поэтому, если нигдѣ, какъ въ Италіи, должно было послѣдовать и первое столкновеніе тѣхъ двухъ доселѣ

борющихся принциповъ, какими надо признать идею государственной необходимости и идею общественной правды.

Италія тѣмъ болѣе должна была сдѣлаться колыбелью этихъ двухъ ученій, что ея гражданственность явилась прямымъ продолженіемъ античной, что нигдѣ римская традиція и политическіе идеалы древности не пріобрѣли такъ рано владычества надъ умами и не обусловили собою въ большей степени міросозерцаніе и поведеніе государственныхъ людей и мыслителей. Данте съ его идеаломъ обновленной романо-германской имперіи, Петрарка, и Кола ди-Ріенци съ ихъ мечтаніями о возстановленіи римской республики и трибуната — явились прямыми провозвѣстниками того возрожденія античныхъ идей государственной необходимости и общественной правды, которыя нашли себѣ классическее выраженіе—первая въ сочиненіяхъ римскихъ анналистовъ, законовѣдовъ и ораторовъ, вторая — въ философскихъ трактатахъ Платона. Популяризація ихъ въ XV вѣкѣ въ формѣ переводовъ, изложеній и комментаріевъ подготовила почву самостоятельнымъ попыткамъ положить въ основу вполнѣ секуляризированнаго государства, одними—ученіе, что salus populi—suprema lex, другими—теорію, по которой само государство признается только средствомъ къ обезпеченію равномѣрнаго развитія и благосостоянія всѣхъ гражданъ.

Во всей послѣдующей исторіи политическихъ доктринъ вообще и въ частности доктрины народоправства мы встрѣтимся не разъ съ воспроизведеніемъ ученій итальянскихъ публицистовъ. Литература памфлетовъ, изданныхъ во Франціи въ эпоху Лиги, въ такой же степени какъ и „Трактатъ о республикѣ“, вышедшій изъ-подъ пера Спинозы, отразятъ на себѣ вліяніе идей Маккіавелли. Соціальныя теоріи англійскихъ левеллеровъ, вслѣдъ за тою проповѣдью коммунизма, очагомъ которой сдѣлается Германія въ эпоху Реформаціи и крестьянскихъ войнъ, позаимствуютъ немало изъ сочиненій Кампанеллы, въ свою очередь оставшагося, какъ мы видѣли, чуждымъ вліянію, оказанно на современниковъ и потомство „Утопіей“ Томаса Мору

Въ эпоху расцвѣта политической литературы въ Англіи т.-е. въ срединѣ XVII вѣка, сочиненія Маккіавелли, какъ и трактаты его современниковъ о преимуществахъ венеціанскаго аристократическаго строя, сдѣлаются однимъ изъ источниковъ, которымъ будетъ питаться мысль „итальянизированныхъ“ англичанъ, начиная отъ Мельвиля и оканчивая Мильтономъ. Республиканскій характеръ воззрѣній автора „Князя“ будетъ понятъ должнымъ образомъ и Жанъ-Жакомъ Руссо и Монтескьё. Послѣдній въ толкованіи судебъ римской республики не разъ приблизится къ автору знаменитаго „Комментарія на декады Тита Ливія“. Фридрихъ Великій еще сочтетъ нужнымъ считаться съ его взглядами. Понимая ихъ превратно, въ смыслѣ отрицанія Маккіавелли всякой политической нравственности, узурпаторъ Силезіи сдѣлается авторомъ „Anti-Macchiavell'я“. То литературно-политическое движеніе, которое въ концѣ XVIII вѣка завершится созданіемъ во Франціи королевской демократіи (démocratie royale), еще не разъ будетъ считаться съ идеями государственной необходимости и общественной правды. Оживляя идеалъ древнихъ, якобинцы будутъ въ то же время понимать его въ модернизированномъ смыслѣ, томъ самомъ, который былъ присущъ одинаково и Маккіавелли и Ботеро, несмотря на ихъ видимыя несогласія. Въ свою очередь коммунисты, въ лицѣ Бабефа, едва ли предложатъ что-либо новое и неизвѣстное „Солнечному граду“ Кампанеллы. Такимъ образомъ на разстояніи столѣтій и вплоть до нашихъ дней итальянскіе мыслители будутъ владычествовать надъ умами не только своихъ соотечественниковъ, но и отдаленныхъ чужеземцевъ. Преемственное развитіе демократической доктрины не можетъ быть понято поэтому безъ тѣснаго знакомства съ ихъ взглядами и той обстановкой, среди которой они сложились. Посильную попытку въ этомъ направленіи и представляетъ только что аконченный нами очеркъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ I.

Вступленіе. Общій планъ. Сочиненія.

Цѣна 2 руб.

